

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО

1987

ПРОСВѢЩЕНІЯ

РЯЗАНСКИЙ
ГОСПЕДУНИВЕРСИТЕТ
ИМ. С. А. ЕСЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Инв. № *11867*

ЧАСТЬ СХЛ

РЯЗАНСКИЙ
ГОСПЕДУНИВЕРСИТЕТ
ИМ. С. А. ЕСЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Инв. № *091499*

**Фонд
редких книг**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Печатня В. Головина, Владимирская, № 15

1868

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (^{27-го августа}_{10-го сентября} 1868 года). *Объ учрежденіи общества изслѣдователей Западной Сибири.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, сообщенному управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія въ выпискѣ изъ журналовъ комитета, Высочайше соизволилъ на учрежденіе общества изслѣдователей Западной Сибири и на предоставленіе министру народнаго просвѣщенія права утвердить уставъ сего общества.

2. (20-го сентября 1868 года). *О принесеннѣ княземъ Н. П. Голицынымъ въ даръ правительству значительнаго собранія географическихъ картъ, плановъ и рисунковъ.*

Князь Н. П. Голицынъ принесъ въ даръ правительству значительное собраніе географическихъ картъ, плановъ и рисунковъ. Большая часть этихъ изданій, переданная въ Императорскую Публичную Библіотеку, не находилась еще въ оной и составляетъ для нея драгоценное приобрѣтеніе.

По всеподданнѣйшему объ этомъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: благодарить князя Голицына за такое похвальное пожертвованіе на пользу общую.

3. (20-го сентября 1868 года). *Правила о правахъ и обязанностяхъ ректора университета, какъ председателя совѣта.*

На подлинномъ рукою министра народнаго просвѣщенія написано: „Означенныя правила рассмотрѣны Государемъ Императоромъ и Высочайше одобрены“. — Въ Варшавѣ, 20-го сентября 1868 года.

Графъ Д. Толстой.

1) Права и обязанности ректора университета, какъ председателя совѣта, по отношенію къ дѣлаемымъ въ совѣтѣ заявленіямъ, различаются смотря по тому: дѣлаются ли эти заявленія по дѣламъ разсматриваемымъ или уже рассмотрѣннымъ въ совѣтѣ, или имъ возбуждаются новыя дѣла, при чемъ въ первомъ случаѣ они именуется мнѣніями, а во второмъ — предложеніями; за тѣмъ, дѣлаются ли они письменно или устно, и наконецъ, исходятъ ли они отъ кого-либо изъ членовъ или отъ самого ректора.

2) По дѣламъ, разсматриваемымъ или рассмотрѣннымъ въ совѣтѣ и рѣшаемымъ большинствомъ голосовъ (согласно §§ 42 и 43 Общаго Устава Рос. Унив.), меньшинство членовъ или отдѣльные члены, заявившіе, *во время* сужденій о нихъ, свои особыя *устныя* мнѣнія, имѣютъ право (на основаніи примѣч. къ § 45 того же устава) представить въ совѣтъ и письменное ихъ изложеніе, за исключеніемъ, впрочемъ, дѣлъ, рѣшаемыхъ (согласно § 46 Уст.) баллотированіемъ или закрытою подачею голосовъ, по которымъ *послѣ* состоявшаго баллотированія или закрытой подачи голосовъ представленіе особыхъ мнѣній уже не допускается. Представленные въ совѣтъ особыя мнѣнія заслушиваются въ слѣдующемъ засѣданіи при чтеніи протокола предшествующаго засѣданія, вслѣдъ за соответствующими статьями и до подписанія протокола. Если послѣ заслушанія представленныхъ мнѣній, совѣтъ остается при прежнемъ рѣшеніи, мнѣнія сіи прилагаются къ протоколу. По дѣламъ, восходящимъ на утвержденіе высшаго начальства, особыя мнѣнія, не исключая и тѣхъ, кои предъявлены до рѣшенія дѣла баллотировкою или закрытою подачею голосовъ, сообщаются начальству.

3) При устномъ изложеніи въ совѣтъ кѣмъ-либо изъ членовъ своего мнѣнія по разсматриваемому предмету, ректоръ университета обязанъ остановить члена, уклоняющагося отъ предмета сужденій или дозволяющаго себѣ выраженія неприличныя или оскорбительныя. Если же, послѣ двухкратнаго напоминанія со стороны ректора, членъ будетъ продолжать свою рѣчь въ томъ же духѣ и тонѣ, ректоръ имѣетъ право окончательно лишить его слова по обсуждаемому вопросу. Въ случаѣ важныхъ безпорядковъ онъ закрываетъ самое засѣданіе и доноситъ о томъ попечителю учебнаго округа.

4) Членъ совѣта, намѣревающийся войти въ совѣтъ съ предложеніемъ по предмету новому, не назначенному къ слушанію въ предварительной повѣсткѣ ректора (согласно § 38 Общ. Устава Унив.), обязанъ представить таковое ректору письменно и по крайней мѣрѣ за три дня предъ засѣданіемъ совѣта. Устное же возбужденіе въ совѣтѣ новыхъ дѣлъ не допускается.

5) Если письменное предложеніе члена совѣта, представленное ректору, будетъ симъ послѣднимъ по чему-либо сочтено неудобнымъ для обсужденія въ совѣтѣ, то ректоръ, хотя и предъявляетъ о немъ совѣту, но, не приступая къ прочтенію онаго, прежде устно объясняетъ совѣту встрѣченныя имъ неудобства, а потомъ предлагаетъ совѣту рѣшить, заняться ли его обсужденіемъ, или отклонить таковое, и смотря по рѣшенію совѣта, дѣлаетъ дальнѣйшія зависящія отъ него распоряженія.

6) Если же письменное предложеніе члена совѣта, представленное ректору, будетъ признано симъ послѣднимъ, по самому существу своему, вовсе не подлежащимъ разсмотрѣнію совѣта или прямо противорѣчающимъ законамъ, и если, послѣ личныхъ объясненій ректора съ членомъ, представившимъ это предложеніе, членъ не согласится взять оное обратно, то ректоръ имѣетъ право своею властью оставить предложеніе безъ дальнѣйшаго движенія, сообщивъ однакожь о томъ члену, съ указаніемъ статей закона и другихъ основаній, коими онъ при семъ руководствовался. Затѣмъ, члену совѣта предоставляется, если пожелаетъ, предста-

вить свое предложеніе попечителю учебнаго округа, отъ котораго уже будетъ зависѣть, подтвердить ли рѣшеніе ректора, или предложить совѣту разсмотрѣть означенное предложеніе члена.

7) Ректоръ университета, по дѣламъ, долженствующимъ восходить на утвержденіе высшаго начальства, но подлежащимъ предварительному обсужденію совѣта, не имѣетъ права, до таковаго обсуждения и помимо совѣта, входить къ попечителю округа ни съ письменными мнѣніями, ни съ письменными представленіями. Послѣ же обсуждения дѣлъ въ совѣтѣ и устныхъ заявленій ректора, сему послѣднему предоставляется, какъ и всякому члену совѣта, на общемъ основаніи, изложить совѣту свои заявленія и письменно, для приложенія ихъ къ протоколу и для представленія попечителю учебнаго округа.

8) Только въ вакаціонное время, когда не представляется возможнымъ созвать въ засѣданіе совѣта необходимое число членовъ, а между тѣмъ дѣло не терпитъ отлагательства, ректоръ можетъ, минуя совѣтъ университета, представлять попечителю округа свои письменныя заявленія; но и въ такомъ случаѣ онъ о каждомъ сдѣланномъ имъ представленіи доводитъ до свѣдѣнія совѣта въ ближайшемъ его засѣданіи.

Примѣчаніе. Сверхъ сего ректоръ университета имѣетъ не только право, но и обязанность представлять попечителю округа, помимо совѣта, свои особыя письменныя заявленія еще по такимъ, касающимся университета дѣламъ, которыя вызываютъ соображенія конфиденціального свойства и потому неудобны для обсуждения въ совѣтѣ.

Подписаль: Министръ народнаго просвѣщенія
графъ Дмитрій Толстой.

4. (21-го сентября 1868 года). *О подчиненіи управленія дѣлами греко-уніатскаго исповѣданія въ губерніяхъ Царства Польскаго вѣдѣнію министра народнаго просвѣщенія.*

Въ Именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ, данномъ правительствующему сенату въ

^{21-й сентября}
^{3-й октября} день сего года, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, изображено: «Въ послѣдствіе общихъ мѣръ по преобразованію гражданскаго въ губерніяхъ Царства Польскаго управленія съ полнымъ подчиненіемъ всѣхъ частей онаго подлежащимъ министерствамъ, Мы признали за благо управленіе дѣлами греко-уніатскаго исповѣданія въ сихъ губерніяхъ подчинить нынѣ же вѣдѣнію министра народнаго просвѣщенія, который имѣетъ войти, въ установленномъ порядкѣ, съ представленіемъ о соответствующемъ сему главному положенію устройствѣ означеннаго управленія. Правительствующій сенатъ не оставитъ учинить надлежащее къ исполненію настоящаго указа Нашеяго распоряженіе».

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

(20-го сентября 1868 года № 15). *Производится за отличіе:* начальникъ Калишской учебной дирекціи, коллежскій совѣтникъ *Теодоровичъ* — въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

11-го октября 1868 года (№ 16). *Производится:* предѣдатель Виленской комиссіи для разбора древнихъ актовъ, бывший профессоръ Львовскаго университета, *Яковъ Головацкій* — въ статскіе совѣтники. *Утверждаются:* заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кесслеръ* — вновь ректоромъ сего университета на четыре года, съ 19-го сентября 1868 года; профессоръ Беряскаго университета *Вильдъ* — экстраординарнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ по части физики и директоромъ главной физической обсерваторіи въ С.-Петербургѣ, съ 28-го іюня 1868 года. *Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію:* причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскому ассессору *Толмачеву* — по 1-е января 1869 года; доценту Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Ламанскому* — по 1-е марта 1869

года; доктору медицины *Кожеевникову* — на годъ. *Командируются за границу съ ученою цѣлю:* исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владимира, надворный совѣтникъ *Цъхановецкій* — по 13-е ноября 1868 года, съ зачетомъ ему въ сію командировку времени, считавшагося отпускомъ, съ 15-го августа текущаго года; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Швабе* — на девять мѣсяцевъ; доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Коршъ*, магистръ Императорскаго Дерптскаго университета *Шнейдеръ* и надворный совѣтникъ *Кучинъ* — на два года.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (Сентябрь и октябрь 1868 года). *О взиманіи платы за учение:* а) въ Красноярской гимназій по пятнадцати рублей въ годъ съ ученика; б) въ Оренбургской — по двадцати рублей, и в) въ низшихъ 4-хъ классахъ Ришельевской гимназій по тридцати рублей.

а) Вслѣдствіе отношенія генераль-губернатора восточной Сибири и на основаніи примѣч. къ § 59 устава гимназій и прогимназій 19-го ноября 1864 года, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія утвердилъ сдѣланное генераль-губернаторомъ распоряженіе о взиманіи за учение въ Красноярской гимназій, со дня открытія оной, по пятнадцати рублей въ годъ съ ученика.

б) Вслѣдствіе представленія попечителя Казанскаго учебнаго округа и на основаніи примѣчанія къ § 59 устава гимназій и прогимназій 19-го ноября 1864 года, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать за учение въ Оренбургской гимназій по двадцати рублей въ годъ съ ученика.

в) Вслѣдствіе представленія попечителя Одесскаго учебнаго

округа и на основаніи примѣчанія къ § 59 устава гимназій и прогимназій 19-го ноября 1864 года, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать за ученіе въ 4-хъ низшихъ классахъ Рипельевской гимназій съ начала будущаго 1869 года по *тридцати* рублей въ годъ съ ученика.

2. (7-го октября 1868 года). *Положеніе объ Александровскихъ земскихъ стипендіяхъ, учрежденныхъ Ржевскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) Согласно постановленію Ржевскаго уѣзднаго земскаго собранія, состоявшемуся 24-го сентября 1867 года, изъ ежегодно ассигнуемыхъ 7.000 рублей на народное образованіе отчисляется 1.000 рублей на пять стипендій, по 200 руб. каждая.

2) Ржевская уѣздная земская управа входитъ въ сношеніе съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, городскимъ головою и всѣми волостными старшинами о представленіи кандидатовъ на право полученія Александровскихъ земскихъ стипендій съ подробнымъ объясненіемъ о ихъ состояніи, средствахъ къ жизни и семействѣ.

3) Выборъ стипендіатовъ производится въ земскомъ собраніи, по постановленію онаго, по жребію.

4) Выдача стипендій назначается по достиженіи 10 лѣтъ избраннымъ кандидатомъ; возрастъ старше 10 лѣтъ не можетъ служить препятствіемъ къ полученію стипендіи.

5) Выдача стипендій производится только тѣмъ избраннымъ кандидатамъ, которые по испытанію поступаютъ въ какое-либо среднее учебное заведеніе: при домашнемъ воспитаніи они стипендіи не получаютъ.

6) Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время нахожденія своего въ учебномъ заведеніи, какъ въ среднемъ, такъ и высшемъ.

7) Выдача стипендій прекращается въ слѣдующихъ случаяхъ: а) по окончаніи курса наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ и б) при выбытіи изъ оныхъ по какомулибо случаю.

8) Въ случаѣ смерти или по выbytii стипендіата изъ учебнаго заведенія до окончанія курса, на открывшюся вакансію поступаетъ кандидатъ, если оный имѣется, или избирается земскимъ собраніемъ другой стипендіатъ.

9) Стипендія выдается за полгода впередъ; по усмотрѣнію управы отсылается въ то учебное заведеніе, въ которомъ стипендіатъ воспитывается или отдается на руки родителямъ, ближайшимъ родственникамъ и опекунамъ. Самая же стипендія, если не поступаетъ въ суммы заведенія на содержаніе стипендіата, выдается ему помѣсячно впередъ на общемъ съ другими стипендіями основаніи.

Способъ же наблюденія за правильнымъ употребленіемъ стипендій предоставляется управѣ.

10) Кромѣ того уѣздная управа обязана наблюдать за правильнымъ употребленіемъ стипендій, для чего она должна требовать свѣдѣнія отъ учебныхъ заведеній объ успѣхахъ и способностяхъ воспитывающихся стипендіатовъ и представлять таковыя свѣдѣнія земскому собранію, отъ усмотрѣнія котораго будетъ зависѣть лишить права на продолженіе стипендіи неспособныхъ и нерадивыхъ, не стѣсняясь числомъ лѣтъ пребыванія въ одномъ классѣ, замѣщая ихъ мѣсто кандидатами съ цѣлію употреблять земскія суммы съ наибольшею пользою для общества.

3. (27-го сентября 1868 года). *Уставъ Общества Изслѣдователей Западной Сибири.*

(Утвержденъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

ГЛАВА I.

Цѣль и составъ общества.

§ 1. Общество изслѣдователей Западной Сибири имѣетъ цѣлію собирать, обрабатывать и распространять географическія, статистическія, этнографическія, историческія и естественно-историческія свѣдѣнія о западной Сибири.

Примѣчаніе. Общество состоитъ подъ ближайшимъ руководствомъ генераль-губернатора Западной Сибири.

§ 2. Общество снаряжаетъ нарочныя экспедиціи, получивъ на то разрѣшеніе отъ генераль-губернатора; даетъ порученія своимъ членамъ и постороннимъ лицамъ, желающимъ участвовать въ трудахъ его; содѣйствуетъ имъ своими указапіями, поощреніями, пособіями и въ случаѣ нужды своимъ ходатайствомъ.

§ 3. Общество заботится о приведеніи въ извѣстность и обращеніи на пользу науки такихъ свѣдѣній, которыя остаются безъ употребленія въ частныхъ рукахъ и въ архивахъ разныхъ мѣстъ.

§ 4. Общество входитъ въ сношенія съ возможно большимъ числомъ лицъ внутри Имперіи, отъ которыхъ можетъ ожидать нужныхъ ему свѣдѣній и содѣйствій, а также съ учеными обществами и лицами, внѣ Имперіи занимающимися тѣми же науками, которыя составляютъ предметъ общества.

§ 5. Общество старается о пріобрѣтеніи ученыхъ пособій, книгъ, рукописей, картъ, инструментовъ, этнографическихъ и естественно-историческихъ коллекцій и проч., допуская къ пользованію ими не только членовъ своихъ, но и всѣхъ, желающихъ извлечь изъ нихъ пользу для ученыхъ трудовъ.

§ 6. Распространеніе свѣдѣній, предполагаемое обществомъ, совершается посредствомъ чтеній и сообщеній въ собраніяхъ общества, а также посредствомъ ученой переписки, печатныхъ записокъ, періодическихъ и другихъ сочиненій, издаваемыхъ имъ въ свѣтъ на основаніи постановленій о печати.

§ 7. Записки и прочія издаваемые обществомъ сочиненія печатаются на русскомъ языкѣ.

§ 8. Общество составляютъ: а) члены дѣйствительные; б) члены сотрудники; в) члены почетные; г) члены соревнователи, и д) члены корреспонденты.

§ 9. Дѣлами общества управляетъ совѣтъ, состоящій изъ почетнаго предсѣдателя, предсѣдателя и вице-предсѣдателя, восьми дѣйствительныхъ членовъ и секретаря.

При совѣтѣ состоитъ казначей и канцелярія.

Примѣчаніе. Генераль-губернаторъ Западной Сибири, по званію своему, есть почетный предсѣдатель общества.

§ 10. Общество имѣетъ печать по образцу, утвержденному г. генераль-губернаторомъ Западной Сибири.

§ 11. Для покрытія денежныхъ расходовъ общества, представляются ему слѣдующіи средства:

- 1) Ежегодные и единовременные взносы членовъ, установленные въ § 21.
- 2) Пожертвованія любителей наукъ въ пользу общества, и
- 3) деньги, выручаемыя обществомъ, отъ продажи записокъ и другихъ издаваемыхъ имъ сочиненій.

§ 12. Пожертвованія употребляются согласно волѣ дарителя; прочія же деньги расходуются по рѣшенію совѣта общества.

ГЛАВА II.

ОБЪ ИЗБРАНІИ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА, ИХЪ ПРАВАХЪ И ОБЯЗАННОСТЯХЪ.

§ 13. Въ члены общества избираются лица, припимающія дѣятельное участіе въ усильяхъ наукъ, составляющихъ предметъ общества, или могущія оказать ему полезное содѣйствіе.

§ 14. Желаящій поступить въ дѣйствительные члены долженъ быть предложенъ двумя или болѣе дѣйствительными членами.

§ 15. Каждое предложеніе сего рода разсматривается въ совѣтѣ, и если будетъ признано соответствующимъ §§ 13 и 14, то вносится въ первое же общее собраніе на избраніе.

§ 16. Избранный въ дѣйствительные члены получаетъ на званіе сіе дипломъ за подписью почетнаго предсѣдателя.

§ 17. Дѣйствительные члены присутствуютъ во всѣхъ собраніяхъ общества, съ правомъ голоса. Они избираются во всѣ должности по обществу.

§ 18. Дѣйствительные члены имѣютъ право письменно представлять совѣту общества предложенія свои о томъ, что считаютъ полезнымъ для общества. По разсмотрѣніи сихъ предложеній, совѣтъ сообщаетъ представившимъ ихъ свое заключеніе.

§ 19. Сочиненія дѣйствительныхъ членовъ, относящіяся къ предметамъ занятій общества, по разсмотрѣніи ихъ порядкомъ, опредѣленнымъ въ § 58, печатаются, по желанію сочинителей, на счетъ общества, съ предоставленіемъ въ ихъ пользу не свыше 50-ти экземпляровъ.

§ 20. Каждый дѣйствительный членъ принимаетъ на себя обязанность споспѣшествовать трудамъ общества, исполнять порученія его и вообще содѣйствовать достиженію цѣли его учрежденія.

§ 21. Дѣйствительные члены вносятъ ежегодно въ кассу общества не менѣе пяти рублей. Ежегодный взносъ можетъ быть замѣненъ единовременнымъ не менѣе пятидесяти рублей.

§ 22. Годовая плата вносится вступающимъ вновь членомъ сполна, хотя бы онъ поступилъ въ концѣ года, считая казначейскій годъ съ 1-го января. Единовременный взносъ производится также сполна, не принимая въ разчетъ сдѣланныхъ уже членомъ годовыхъ взносовъ.

§ 23. Лица, изъявившія готовность доставлять постоянно обществу нужныя ему свѣдѣнія, принимаются, по опредѣленію совета, въ члены сотрудники и члены корреспонденты и получаютъ на сіе званіе дипломы, за подписью почетнаго предсѣдателя.

§ 24. Члены сотрудники и члены корреспонденты не обязываются къ денежнымъ взносамъ. Въ собраніяхъ общества они имѣютъ голосъ совѣщательный.

§ 25. Сочиненія членовъ сотрудниковъ и корреспондентовъ печатаются на счетъ общества, на томъ же основаніи, какъ и сочиненія дѣйствительныхъ членовъ.

§ 26. Общество, по предложенію совета, избираетъ въ почетные члены свои особы, извѣстныхъ учеными трудами или покровительствомъ наукамъ, составляющимъ предметъ общества. Почетнымъ членамъ выдаются на сіе званіе дипломы, за подписью почетнаго предсѣдателя.

§ 27. Почетные члены приглашаются присутствовать въ общихъ собраніяхъ, но къ принятію должностей по обществу не обязываются.

§ 28. Почетные члены могутъ быть и дѣйствительными, на основаніи § 21, безъ особаго избранія.

§ 29. Лицо, которое принесетъ въ даръ обществу единовременно не менѣе 100 рублей, получаетъ званіе члена соревнователя, съ выдачею ему на сіе званіе диплома за подписью почетнаго предсѣдателя.

§ 30. Соревнователи могутъ быть и дѣйствительными членами, поступаѣ на сіе званіе на общемъ основаніи.

§ 31. Всѣ члены имѣютъ право на полученіе записокъ общества за половинную цѣну; прочія же сочиненія, печатаемая отъ общества, уступаются членамъ по цѣнѣ, въ которую обошлись самому обществу.

§ 32. Дѣйствительный членъ, не внесшій въ продолженіе года, по истеченіи назначеннаго времени, установленной платы, считается сложившимъ съ себя званіе члена, и можетъ быть избранъ снова не иначе, какъ по внесеніи этихъ денегъ.

§ 33. Членъ сотрудникъ и членъ корреспондентъ, три года не доставляющій обществу никакихъ свѣдѣній, считается сложившимъ съ себя это званіе, и можетъ быть снова избранъ въ это званіе только по доставленіи какихъ-либо свѣдѣній.

§ 34. Въ должности по обществу избираются одни дѣйствительные члены общимъ собраніемъ.

§ 35. Предсѣдатель общества, вице-предсѣдатель и секретарь избираются на четыре года изъ трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ на каждую изъ должностей совѣтомъ. Если въ теченіе четырехлѣтія одинъ изъ нихъ выбудетъ изъ общества, то вакансія замѣщается немедленно новымъ избраніемъ.

§ 36. Изъ восьми членовъ совѣта двое выбываютъ ежегодно по очереди своего вступленія и замѣняются новыми по избранію общества.

§ 37. Казначей избирается на одинъ годъ.

§ 38. Всѣ должностныя лица по обществу могутъ, по истеченіи срока, на который избраны, быть вновь избраны на слѣдующій срокъ не иначе, какъ съ согласія избираемаго.

ГЛАВА III.

О СОБРАНІЯХЪ.

§ 39. Собранія общества бываютъ: обыкновенныя, чрезвычайныя и годовыя.

§ 40. Обыкновенныя общія собранія бываютъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, и чаще, если окажется надобность или общество того пожелаетъ.

§ 41. Собранія сіи посвящаются: а) слушанію ежемѣсячныхъ отчетовъ о дѣйствіяхъ совѣта, о новыхъ приобрѣтеніяхъ общества и о полученныхъ извѣщеніяхъ; б) выборамъ въ члены дѣйствительные, почетные, сотрудники и корреспонденты предложенныхъ кандидатовъ; в) чтенію ученыхъ статей, изустному сообщенію извѣстій, особенно замѣчательныхъ для общества, и разсужденіямъ членовъ.

Примѣчаніе. О предметѣ ученыхъ статей, приготовленныхъ къ чтенію, сообщается членамъ въ пригласительныхъ повѣсткахъ.

§ 42. Члены общества, желающіе сдѣлать собранію какое-либо сообщеніе, предваряютъ о томъ, до открытія засѣданія, председателя, который вызываетъ ихъ сдѣлать свое сообщеніе.

§ 43. Члены, желающіе предложить свои замѣчанія на слышанное чтеніе или сообщеніе, объявляютъ о томъ председателю, который устанавливаетъ между ними очередь, и вообще заботится о порядкѣ совѣщанія.

§ 44. Въ обыкновенномъ общемъ собраніи могутъ присутствовать и посторонніе посѣтители, введенные дѣйствительными членами, съ согласія председателя.

§ 45. Когда случатся ученые путешественники, общество приглашаетъ ихъ въ собранія, съ просьбою сообщить свѣдѣнія о ихъ путешествіи.

§ 46. Во время общихъ собраній кладутся на столъ, для просмотра желающими, журналы послѣднихъ засѣданій совѣта и общихъ собраній.

§ 47. При выборѣ въ члены дѣйствительные, почетные, со-

трудники и корреспонденты, всѣмъ присутствующимъ дѣйствительнымъ членамъ раздается печатный или письменный списокъ предлагаемыхъ кандидатовъ, съ означеніемъ въ особой графѣ, противъ имени каждаго кандидата, лицъ предложившихъ его къ избранію. Избиратели отмѣчаютъ противъ имени каждаго изъ кандидатовъ отзывъ свой, означая избраніе крестомъ, а неизбраніе нулемъ.

§ 48. Выборъ въ члены общества считается дѣйствительнымъ, когда избираемый получить болѣе половины наличныхъ голосовъ.

§ 49. Предъ начатіемъ выборовъ, предсѣдатель приглашаетъ, для счета голосовъ, трехъ членовъ, которые по окончаніи выборовъ, представляютъ за общимъ подписаніемъ выводъ счета. За симъ предсѣдатель объявляетъ обществу о числѣ голосовъ, полученныхъ каждымъ кандидатомъ, и провозглашаетъ имена избранныхъ. Счетный листъ хранится при дѣлахъ общества.

§ 50. Въ обыкновенныхъ собраніяхъ совѣщанія о правилахъ и объ управленіи общества не допускаются. Для сего, если нужно, предсѣдателемъ могутъ быть назначены собранія чрезвычайныя.

§ 51. Въ годовомъ собраніи читается общій годовой отчетъ о дѣйствіяхъ и состояніи общества, избираются должностныя лица, читаются рѣчи и статьи ученаго содержанія.

§ 52. Въ годовое общее собраніе предъявляются членамъ кассовыя книги.

§ 53. Въ предшествовавшемъ годовому обыкновенномъ собраніи общества, предсѣдатель объявляетъ имена должностныхъ лицъ, имѣющихъ выбыть на основаніи устава общества, а равно и кандидатовъ, предлагаемыхъ совѣтомъ для замѣщенія ихъ.

§ 54. Для выбора должностныхъ по обществу лицъ, всѣмъ присутствующимъ дѣйствительнымъ членамъ раздаются заготовленные напередъ печатные листки съ 4-мя столбцами, изъ которыхъ въ первомъ показаны имена членовъ, состоящихъ въ должностныхъ званіяхъ по обществу; во второмъ имена членовъ, выбывающихъ изъ должностей; въ третьемъ имена кандидатовъ, предлагаемыхъ совѣтомъ для замѣщенія открывающихся вакансій; въ четвертомъ, оставленномъ въ пробѣлѣ, каждый членъ вписываетъ

ня членовъ, имъ избранныхъ, по одному на каждую вакансію, не ограничиваясь предложенными кандидатами, за исключеніемъ впрочемъ выбора въ должности предсѣдателя, равно и вице-предсѣдателя, производимаго согласно § 35 непременно изъ 3-хъ предложенныхъ кандидатовъ. Избраннымъ признается тотъ, кто получилъ наибольшее число голосовъ, когда оное болѣе половины числа наличныхъ членовъ, а если на замѣщеніе вакантной должности ни одинъ изъ членовъ общества не получилъ надлежащаго числа голосовъ, то выборъ между двумя членами, получившими наибольшее число голосовъ, производится въ то же засѣданіе закрытыми записками.

§ 55. Счетъ голосовъ производится порядкомъ, опредѣленнымъ въ § 49.

§ 56. Независимо отъ общихъ ежемѣсячныхъ собраній опредѣляется въ теченіе всего года, по назначенію предсѣдателя или заступающаго его мѣсто, нѣскольکو дней въ недѣлю, съ назначеніемъ часовъ, въ которые члены могутъ собираться въ помѣщеніи общества для ученой бесѣды, для чтенія и вообще для пользованія всѣми учебными пособиями общества.

Глава IV.

О С О В ъ Т Ъ .

§ 57. Совѣтъ управляетъ всѣми дѣлами общества, какъ въ ученомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи, на основаніи сего устава.

§ 58. Совѣтъ поступающіе въ общество ученые труды, сообщенія и предположенія поручаетъ особому разсмотрѣнію членовъ общества, спеціально знакомыхъ съ предметомъ. По полученіи требуемыхъ мнѣній, совѣтъ принимаетъ тѣ мѣры, которыя признастъ нужными для достиженія цѣли общества.

Примѣчаніе. Членъ общества, сдѣлавшій совѣту предложеніе, подлежащее обсужденію спеціальныхъ лицъ, приглашается въ ихъ собраніе для нужныхъ поясненій и развитія своей мысли.

ЧАСТЬ СХЛ.

Ред. Гос. Изд. Виттл
С. И. С. Виттл

§ 59. На обязанности совѣта лежитъ изданіе записокъ и другихъ трудовъ общества. Назначаемое къ печати сочиненіе разсматривается предварительно, по порученію совѣта, однимъ или нѣсколькими членами, и если соотвѣтствуетъ цѣли изданій общества, то предназначается къ печати по рѣшенію совѣта.

§ 60. Смѣта доходовъ и расходовъ общества на слѣдующій годъ заготавливается заблаговременно совѣтомъ и представляется обществу для свѣдѣнія въ годовомъ собраніи, вмѣстѣ съ отчетомъ за минувшій годъ. Расходы, разрѣшаемые совѣтомъ въ теченіе года, не должны выходить изъ предѣловъ смѣты.

§ 61. Въ годовое собраніе совѣтъ даетъ обществу отчетъ о дѣйствіяхъ своихъ за истекшій годъ, о произведенныхъ расходахъ и о состояніи суммъ и прочихъ имуществъ общества. Для разсмотрѣнія отчета собраніе избираетъ изъ среды своей комиссію изъ 7-ми членовъ.

§ 62. Заключение комиссій, которое должно быть постановлено не далѣе, какъ въ теченіе 3-хъ недѣль, сообщается предварительно совѣту, для того чтобы въ случаѣ особыхъ замѣчаній онъ могъ дать на нихъ свои объясненія.

§ 63. Заключение ревизіонной комиссій и объясненіе совѣта доводятся до свѣдѣнія общества.

§ 64. Для дѣйствительности засѣданія совѣта требуется присутствіе пяти членовъ, кромѣ предсѣдателя или вице-предсѣдателя.

§ 65. Журналъ засѣданій совѣта ведется секретаремъ, а въ отсутствіи его однимъ изъ членовъ по приглашенію предсѣдателя.

§ 66. Дѣла въ совѣтѣ рѣшаются по большинству голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

ГЛАВА V.

О должностныхъ лицахъ.

О предсѣдателѣ.

§ 67. Предсѣдатель есть первенствующее лицо въ совѣтѣ общества и въ общихъ собраніяхъ. Отъ имени его производятся

всѣ сношенія общества съ правительственными мѣстами и лицами.

§ 68. Предсѣдатель наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ устава во всѣхъ случаяхъ.

§ 69. Предсѣдатель направляетъ совѣщаніе, какъ въ совѣтѣ, такъ и въ общихъ собраніяхъ, и наблюдаетъ за порядкомъ дѣлопроизводства. Онъ имѣетъ право прекратить сужденіе, или закрыть засѣданіе, въ которомъ бы оказалось уклоненіе отъ должнаго порядка.

§ 70. Предсѣдатель даетъ предписаніе казначею о расходахъ, съ указаніемъ постановленія совѣта, на основаніи котораго расходъ производится.

§ 71. Если въ совѣтѣ или собраніи присутствуетъ почетный предсѣдатель, то онъ, если пожелаетъ, принимаетъ на себя всѣ тѣ права и обязанности, какія изложены въ поименованныхъ §§ относительно предсѣдателя.

О вице-предсѣдателѣ.

§ 72. Въ отсутствіе предсѣдателя, вице-предсѣдатель вступаетъ во всѣ его обязанности и права.

О секретарѣ.

§ 73. Секретарь, какъ членъ совѣта, имѣетъ право голоса наравнѣ съ прочими членами.

§ 74. Секретарь управляетъ канцеляріей общества, вскрываетъ всѣ поступающіе на имя общества пакеты и письма, докладываетъ о нихъ совѣту, составляетъ журналы собраній совѣта и общества, заготовляетъ по нимъ исполненія, скрѣпляетъ дипломы, составляетъ годовые отчеты по обществу и завѣдываетъ всею перепискою.

§ 75. Печать общества хранится у секретаря.

§ 76. Въ вѣдѣніи секретаря состоятъ архивъ и бібліотека. Онъ отвѣтствуетъ за содержаніе ихъ въ порядкѣ, а равно за исправное веденіе по нимъ реестровъ и каталоговъ.

Примѣчаніе. При распространеніи бібліотеки можетъ быть опредѣленъ особый бібліотекарь.

§ 77. На писца и канцелярскіе расходы выдается секретарю изъ кассы общества, по мѣрѣ надобности, до 100 руб. при особой шнуровой книгѣ, которую онъ обязанъ представлять предъ годовымъ собраніемъ для повѣрки членамъ совѣта, ревизующимъ казначея.

О казначей.

§ 78. Казначей общества принимаетъ всѣ суммы, слѣдующія къ поступленію въ общество.

§ 79. Принимая денежныя взносы отъ членовъ общества и отъ другихъ лицъ, казначей записываетъ поступившія суммы въ шнуровую книгу и выдаетъ за своею подписью квитанцію.

§ 80. Казначеемъ выдаются ежегодно на записку прихода и расхода суммъ общества шнуровыя книги, за подписаніемъ предсѣдателя, за скрѣпкою секретаря и за печатью общества.

§ 81. Казначей производитъ расходы по предписаніямъ предсѣдателя, скрѣпленнымъ секретаремъ, и наблюдаетъ, чтобы расходныя статьи были очищаемы росписками въ книгѣ.

§ 82. Казначей хранить у себя наличныя деньги въ количествѣ, нужномъ для текущихъ расходовъ; билеты же кредитныхъ установленій на имя общества хранятся у предсѣдателя или вице-предсѣдателя. Требованія денегъ изъ кредитныхъ установленій по симъ билетамъ должны быть за подписью предсѣдателя и двухъ членовъ совѣта, означенныхъ въ § 86.

§ 83. Казначейскій годъ считается съ 1-го января по 1-е января.

§ 84. Казначей представляетъ каждый мѣсяцъ совѣту, въ первое его засѣданіе, вѣдомость о суммахъ и расходахъ общества за прошедшій мѣсяцъ.

§ 85. Къ годовому собранію общества казначей представляетъ совѣту подробный отчетъ о суммахъ и расходахъ за истекшій годъ, вмѣстѣ съ кассовыми книгами.

§ 86. Казначей состоитъ подъ учетомъ двухъ членовъ совѣта, по назначенію предсѣдателя, съ согласія совѣта.

§ 87. Учетъ казначей производится три раза въ годъ: въ сентябрѣ, въ маѣ и предъ годовымъ собраніемъ. Къ ревизіи представляются шнуровыя книги, наличныя суммы и всѣ документы, на которыхъ основаны приходы и расходы.

§ 88. При ревизіи повѣряются: 1) приходныя статьи съ частною книгою секретаря въ полученіи отъ него взносовъ, и съ предписаніями предсѣдателя на записку штатныхъ и другихъ поступившихъ суммъ; 2) приходныя статьи билетовъ кредитныхъ установленій съ подлинными бумагами; 3) расходныя статьи съ подлинными счетами и съ предписаніями предсѣдателя; 4) суммы, выданныя секретарю общества на мелкіе канцелярскіе расходы, съ шнуровою книгою, ему данною; 5) мѣсячныя вѣдомости съ итогами въ шнуровыхъ книгахъ, какъ по приходу, такъ и по расходу; 6) выведенный противъ приходовъ и расходовъ остатокъ капиталовъ въ наличныхъ деньгахъ и въ билетахъ кредитныхъ установленій; 7) наличность денежной кассы.

§ 89. Обревизованныя шнуровыя книги сдаются для храненія въ архивъ общества.

§ 90. Казначей приглашается присутствовать въ засѣданіяхъ совѣта въ случаѣ надобности.

§ 91. Казначей, въ случаѣ отсутствія или болѣзни, увѣдомивъ о томъ письменно совѣтъ, передаетъ шнуровыя книги прихода и расхода и хранящуюся у него кассу съ наличными деньгами секретарю общества.

IV. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

27-го сентября, (№ 15). *Назначается:* инспекторъ Костромской гимназіи, надворный совѣтникъ *Масленниковъ* — директоромъ училищъ Ярославской губерніи. *Опредѣляются въ службу:* кан-

дидать Императорскаго университета св. Владимира *Забужинъ*—исправляющимъ должность профессора по предмету гражданскихъ законовъ въ лицей князя Безбородко; *изъ отставныхъ*: статскій совѣтникъ *Молчановъ*—съ причисленіемъ къ министерству народнаго просвѣщенія. *Увольняются отъ отпуску за границу*: директоръ главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, надворный совѣтникъ *Графъ*—на семнадцать дней; вычислитель Николаевской главной астрономической обсерваторіи, коллежскій ассессоръ *Линсеръ*—на двадцать восемь дней; почетный попечитель Костромской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Григоровъ*—на четыре мѣсяца, по болѣзни. *Оставляются на службу: по 1-е іюля 1869 года*: директоръ лицея князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи, статскій совѣтникъ *Гудима*; *на пять лѣтъ*: директоръ Московской 2-й гимназіи, статскій совѣтникъ *Королевъ*—съ 13-го марта 1868 года; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Миндинъ*—съ 12-го августа 1868 года, съ утвержденіемъ въ званіи заслуженнаго профессора; директоръ училищъ Пермской дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Грацинскій*—съ 24-го августа 1868 года; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Ляковскій*—съ 11-го сентября 1868 года; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кесслеръ*—съ 19-го сентября 1868 года. *Отчисляется отъ министерства народнаго просвѣщенія*: причисленный къ сему министерству, кандидатъ Императорскаго Казанскаго университета *Смирновъ*—со дня опредѣленія его учителемъ Самарской гимназіи. *Увольняются отъ службы за выслугою срока*: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Станиславскій*—съ утвержденіемъ въ званіи заслуженнаго профессора и съ дозволеніемъ носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный; препо-

даватель Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Холмогоровъ*; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Палимпсестовъ*. *Исключается изъ списковъ умершій*: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Миддендорфъ*.

Официальныя извѣщенія.

Пожертвовано на покупку въ г. Бѣльскѣ дома, въ которомъ жилъ поэтъ В. А. Жуковскій:

- 1) Служащими при Серпуховскихъ училищахъ 18 руб. 40 коп.
- 2) Служащими и учащимися въ Воронежской гимназій 31 руб. 60 коп.
- 3) Служащими въ Рижской городской дирекціи училищъ 17 рублей, — итого 66 руб. 40 коп.

Поправка. Въ сентябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* на 1868 г., въ статьѣ объ учрежденіи при Казанскомъ университетѣ стипендіи имени Ломоносова, на стр. 78-й „Правительственныхъ распоряженій“, вкралась опечатка, а именно напечатано: „капиталь, состоящій изъ 36 билетовъ 1-го и 2-го внутренняго съ выигрышами займовъ“; слѣдовало напечатать: „изъ 30 билетовъ“.

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ КАКЪ ЭКОНОМИСТЪ.

John Stuart Mill. Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. (Начала политической экономии и некоторыя изъ ихъ примѣненій къ общественной философи, соч. Дж. Ст. Милля). 1865¹⁾.

Имя Джона Стюарта Милля, какъ философа, политика и экономиста, пользуется громкою и почетною извѣстностью. Немногимъ изъ экономистовъ удавалось приобрести такое влияние и такую всеобщую популярность. На Милля ссылаются послѣдователи самыхъ противоположныхъ направлений, начиная съ экономистовъ-либераловъ и оканчивая социалистами. Кери, Бастия и Маклеодъ имѣли восторженныхъ поклонниковъ и безпощадныхъ порицателей; Тука и Ньюмарча много хвалили, но мало читали; предъ Миллемъ преклоняются всѣ, исключая, быть-можетъ, однихъ приверженцевъ крайней неподвижности, да и тѣ предпочитаютъ не вступать съ нимъ въ борьбу.

Такое почетное положеніе, составляющее удѣлъ немногихъ избранныхъ, невольно вызываетъ на разъясненіе вопроса: въ чемъ за-

¹⁾ Переводовъ «Началъ политической экономіи» Милля очень много; лучший изъ нихъ пѣвецкій Суетбера. Русскій переводъ изданъ А. Н. Пыпинымъ, въ 2-хъ томахъ, С.-Пб., 1865. При изложеніи ученія Милля, авторъ настоящей статьи пользовался подлинникомъ. — Критическія изслѣдованія о Миллѣ, по большей части, панегирики; къ числу послѣднихъ относятся: нѣсколько страницъ, предпосланныхъ Курсель-Сенѣлемъ его переводу; небольшое сочиненіе Ланге: «J. S. Mill's Ansichten über die sociale Frage, und die angebliche Umwälzung der Socialwissenschaften durch Carey», болѣе замѣчательное по разбору ученія Кери, — и ин. др. Къ исключеніямъ должно причислить монографію г. Рождественскаго «О значеніи Милля въ ряду современныхъ экономистовъ», С.-Пб., 1867, полагающаго отличительною чертою Милля *утилитаризмъ*. Не соглашаясь во многомъ съ даровитымъ авторомъ этого изслѣдованія, нельзя не признать, что г. Рождественскій основательно изучилъ не одного Милля, но и современную экономическую литературу.

ключается тайна этого огромнаго успѣха и рѣдкаго торжества? Для того, чтобы господствовать надъ умами, надо имѣть, конечно, много таланта; но этого мало: надо обладать способностію удовлетворять потребностямъ современнаго мыслящаго общества, проникнуться его завѣтными стремленіями и постичь искусство останавливаться каждый разъ на рубсжѣ крайнихъ мнѣній; переступая этотъ предѣлъ, писатель долженъ разорвать связь съ одной стороной и применить къ другой. Именно этимъ искусствомъ въ высокой степени обладаетъ Милль. Другой на его мѣстѣ или написалъ бы безцвѣтную книгу, или впалъ бы въ ярко выступающія противорѣчія (противорѣчія замаскированныхъ у Милля не мало), и изъ желанія угодить всѣмъ — никому бы не угодилъ. Милль, напротивъ того, почти никогда не заходитъ слишкомъ далеко: разсуждая о существующемъ порядкѣ вещей, онъ не приходитъ къ заключенію, что этотъ порядокъ долженъ быть разрушенъ; говоря о возможности иного общественнаго устройства, выдаваемого утопистами за наилучшее, онъ не допускаетъ возможности жертвовать въ пользу его индивидуальною свободою. Другими словами, Милль не удовлетворяется общественнымъ порядкомъ, основаннымъ на началѣ частной собственности и личной свободы, и въ то же время разсматриваетъ коммунизмъ и социализмъ какъ ученія, еще не прошедшія опытомъ; онъ видитъ и понимаетъ все зло, существующее въ настоящемъ, и съ сочувственнымъ словомъ останавливается передъ чашиемъ будущаго; но мысль его такъ строга и умъ такъ трезвъ, что онъ не можетъ предаться построенію утопій. Отмѣчая предѣлы для дѣятельности правительства, Милль является другомъ свободы и поборникомъ невмѣшательства власти; но онъ не задумывается призывать власть на помощь тамъ, гдѣ требуетъ этого благо общества. Напрасно стали бы мы искать въ этой глубокости направленія (если только можно такъ выразиться) признака однихъ лишь неустановившихся возрѣній или наконецъ признанія за каждымъ явленіемъ права на безстрастное къ нему отношеніе; умъ Милля отличается такою ясностію и опредѣлительностію, что колебанія его проистекаютъ не отъ недостатка убѣжденія въ истинѣ того, что онъ говоритъ, а отъ логическихъ заблужденій. Равнымъ образомъ, снисходительность его къ социальнымъ ученіямъ происходитъ не отъ безстрастнаго отношенія его къ разнымъ враждебнымъ другъ другу направленіямъ, а отъ глубокаго чувства человѣчности. Имѣя очень много общаго съ тѣми истинно государственными умами, которые не пугаются той или другой доктрины и не приходятъ въ

ужась, въ трепеть, въ негодованіе при одномъ словѣ — социализмъ, Милль, однако же, не въ силахъ отнестись съ холодною сдержанностію и строгимъ скептицизмомъ къ самымъ эфемернымъ ученіямъ, внушаемымъ желаніемъ блага и добра.

Кромѣ этой отличительной черты въ направленіи сочиненія Милля, книга знаменитаго писателя заслуживаетъ изученія еще потому, что она принадлежитъ къ числу рѣдкихъ произведеній, составляющихъ не простой ученый трактатъ, а попытку разработать науку по началамъ философскимъ. Можно сказать, что политическая экономія Милля есть прикладная часть его логики, ея повѣрка на самомъ дѣлѣ, а потому, при критическомъ изученіи его „Началъ политической экономіи“ необходимо взять въ пособіе его „Систему логики“. Заблужденія Милля, по преимуществу, логическаго свойства; они происходятъ или отъ погрѣшности самаго метода, или отъ невѣрнаго примѣненія этого метода въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній бываетъ безупреченъ. Съ одной стороны, Милль имѣетъ слишкомъ много вѣры въ апріорическое мышленіе, въ возможность выработать политическую экономію изъ немногихъ положеній, принятыхъ имъ за причины явленій; съ другой, онъ слишкомъ рѣдко останавливается на повѣркѣ, выводовъ теоретическихъ указаніями опыта. Для того, чтобы понять сущность вышесказаннаго, необходимо прежде всего обратиться къ научному методу Милля и затѣмъ уже, разсмотрѣвъ взглядъ автора на систему и задачу экономической науки, изложить содержаніе и представить оцѣнку пяти книгъ, на которыя онъ дѣлитъ свое сочиненіе.

І. Научный методъ Милля въ примѣненіи къ политической экономіи ¹⁾.

Умъ человѣка слѣдуетъ двоякому пути при изысканіи истины: онъ или наблюдаетъ явленія и воспроизводитъ ихъ, дѣлая заключенія о причинахъ, производящихъ явленія, и объ образѣ дѣятельности этихъ причинъ, — или же принимаетъ извѣстныя начала, предположенія и аксіомы за истины и выводитъ изъ нихъ рядъ заключеній, объясняя явленія, которыя должны были при томъ произойти. Первый путь есть наведеніе, *inductio*; отсюда и самый методъ называется *индуктив-*

¹⁾ *Mill. System of Logic*; Стюартъ Милль и Тэнъ, перев. Н. Хмѣлевскаго, С.-Пб., 1866. Выписки изъ послѣдней книги не обозначены въ текстѣ статьи, потому что въ нихъ сдѣланы перестановки, а иногда и незначительныя измѣненія въ редакціи.

нымъ. Этотъ способъ служить для того, чтобъ открыть и доказать общую истину. По Тэню, это — процессъ, по которому мы заключаемъ, что то, что истинно для отдѣльныхъ явленій, истинно и для цѣлаго ряда однородныхъ явленій, и что истина, въ извѣстное время, будетъ всегда истинною, при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Второй путь — выводъ, *deductio*; отсюда и названіе метода *дедуктивнымъ* или *выводнымъ*. Познаніе извѣстныхъ истинъ ведетъ къ ряду новыхъ истинъ и положеній, къ уясненію явленій, въ которыхъ дѣйствуютъ одні извѣстныя причины, или совершаются однородныя преемственныя явленія.

Сравнивая оба метода, наведенія и вывода, по ихъ удобствамъ, пользѣ и сферѣ примѣнимости, мы, — говоритъ Тэнъ въ прекрасномъ своемъ изслѣдованіи о трудахъ Милля какъ философа, — раскрываемъ всю исторію человѣческой науки, ея разногласія, надежды и предѣлы. Наведеніе достигло преобладающаго могущества въ эпоху Бэкона и начинаетъ его терять въ настоящее время; дедукція утратила свое значеніе во времена Бэкона и теперь начинаетъ возстановлять его. Наука, перейдя изъ состоянія выводнаго въ опытное, теперь переходитъ отъ опытнаго къ выводному. Къ области наведенія относятся всѣ разложимыя явленія и такія, надъ которыми мы можемъ производить опыты. Къ области выводнаго метода относятся всѣ неразложимыя явленія и такія, надъ которыми мы не можемъ производить опытовъ. Первый дѣйствителенъ въ физикѣ, химіи, зоологіи, ботаникѣ, въ низшемъ разрядѣ изслѣдованій по каждой наукѣ, всюду, гдѣ явленія малосложны, не превышаютъ нашихъ силъ и могутъ быть видоизмѣняемы при помощи тѣхъ средствъ, которыми мы располагаемъ. Второй методъ доступенъ въ астрономіи, въ высшихъ частяхъ физики, въ физиологіи, исторіи, вообще въ высшихъ отдѣлахъ каждой науки, всюду, гдѣ явленія или очень сложны, какъ напримѣръ, въ жизни животной или общественной, или же недосыгаемы для насъ, какъ напримѣръ, движенія небесныхъ свѣтилъ и перевороты земной коры. Когда не употребляется надлежащій методъ, наука останавливается; когда употребляется надлежащій методъ, наука идетъ впередъ. Въ этомъ вся тайна ея прошедшаго и настоящаго. Естественныя науки оставались неподвижны до Бэкона потому именно, что до него употребляли выводный методъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы употребить наведеніе; физиологія и нравственныя науки не подвигаются впередъ въ настоящее время, потому что въ нихъ употребляютъ наведеніе, тогда какъ слѣдовало бы идти путемъ выводовъ. Физиологическія явленія

могутъ быть объяснены только посредствомъ выводовъ, основанныхъ на физическихъ и химическихъ законахъ. Историческія, или точнѣе, общественныя явленія могутъ быть объяснены лишь посредствомъ выводовъ и законовъ разума. Подобно физиологич. и историч. науки клонятся къ тому, чтобы сдѣлаться выводными, чтобы высказаться въ нѣсколькихъ общихъ положеніяхъ, изъ которыхъ можно было бы вывести о всемъ остальномъ. Чѣмъ малочисленнѣе эти положенія, тѣмъ болѣе подвинулась наука впередъ. Чѣмъ меньше предположеній и данныхъ требуетъ наука, тѣмъ она совершеннѣе. Такое приведеніе къ немногимъ началамъ есть конечное состояніе науки. Астрономія, акустика, оптика представляются образцами въ этомъ смыслѣ. Мы тогда познаемъ природу, когда будемъ въ состояніи миллионы представляемыхъ ею фактовъ вывести изъ двухъ или трехъ законовъ. Спрашивается: какіе же приемы употребляются въ наведеніи и дедукціи для отысканія причинной связи явленій?

Наведеніе, по Миллю, употребляетъ четыре способа: согласованія, разницы, остатка и сопутствующихъ измѣненій. Эти способы представляются съ совершенною ясностію, если выразить ихъ основными правилами.

1) Основное правило согласованія заключается въ слѣдующемъ: „Если двумъ или большому числу случаевъ изслѣдуемаго явленія природы обще одно лишь обстоятельство, то обстоятельство, въ которомъ всѣ случаи согласуются, есть причина, производящая данное явленіе, его *agens*“.

2) Основное правило способа разницы можетъ быть выражено такъ: „Если случай, въ которомъ изслѣдуемое явленіе природы имѣетъ мѣсто, и случай, въ которомъ оно не имѣетъ мѣста, представляютъ всѣ условія общія, за исключеніемъ лишь одного, и это одно условіе встрѣчается только въ первомъ случаѣ, то условіе, которымъ оба случая разнятся другъ отъ друга, есть дѣятель или причина, или необходимая составная часть причины явленія“.

3) Для способа остатка Милль даетъ слѣдующее правило: „Издѣли изъ даннаго явленія природы ту часть его, которая, какъ изъ прежнихъ наведеній дознано, есть слѣдствіе извѣстныхъ предшествовавшихъ причинъ, и оставшаяся часть, остатокъ явленія природы, будетъ слѣдствіемъ остальныхъ дѣятелей (причинъ)“.

4) Основное правило способа сопутствующихъ измѣненій — слѣдующее: „Если измѣненія въ двухъ какихъ-либо явленіяхъ непрерывно сопутствуютъ другъ другу, то одно изъ нихъ составляетъ при-

чину, а другое слѣдствіе, и оба они состоятъ въ какой-либо причинной связи“.

Въ сущности, всѣ эти способы сводятся къ одному, къ выдѣленію изъ совокупности условій большаго или меньшаго числа послѣднихъ, для того, чтобы составить отдѣльныя пары явленій, находящихся въ причинной связи. Эта мысль выражена у Милля слѣдующимъ образомъ: по способу разницы, все, что не можетъ быть выдѣлено изъ явленія, связано съ нимъ какимъ-либо закономъ; по способу согласованія, все, что можетъ быть выдѣлено, отнюдь не связано съ явленіемъ какимъ-либо закономъ. Способъ остатка есть только частный случай способа разницы; способъ сопутствующихъ измѣненій есть другой частный случай того же способа, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ парой данныхъ явленій, но съ ихъ измѣненіями.

Таково ученіе Милля о методѣ наведенія. Но изложенные приемы его во многихъ случаяхъ бываютъ бессильны, и именно тогда, когда дѣйствіе, произведенное совокупностію причинъ, не допускаетъ подраздѣленія на свои элементы. Невозможность выдѣленія условій не позволяетъ дѣлать наведенія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Это важное затрудненіе встрѣчается почти во всѣхъ случаяхъ движенія, ибо почти каждое движеніе есть дѣйствіе совокупныхъ силъ, и соотвѣтственныя дѣйствія различныхъ силъ сливаются въ немъ до такой степени, что нѣтъ возможности раздѣлить ихъ, не разстроивъ самого дѣйствія; а потому представляется невозможнымъ узнать: какая доля участія въ произведеніи этого движенія принадлежитъ каждой силѣ? Ни одинъ изъ способовъ согласованія, разницы, остатка и сопутствующихъ измѣненій, которые разлагаютъ явленія и выдѣляютъ условія, не можетъ быть примѣненъ къ явленію, по самой природѣ своей исключающему всякое выдѣленіе и всякое разложеніе. Итакъ, надлежитъ обойти это препятствіе, и вотъ здѣсь-то въ наше распоряженіе и предоставляется послѣдній ключъ къ природѣ, выводный методъ. Мы покидаемъ явленіе, переносимся въ сторону отъ него, изучаемъ другія, болѣе простыя явленія, устанавливаемъ ихъ законы и связываемъ каждое изъ нихъ съ соотвѣтствующею причиною при помощи способовъ обыкновеннаго наведенія; за тѣмъ, предполагая совокупное дѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ причинъ, заключаемъ, по ихъ извѣстнымъ уже законамъ, каково должно быть это совокупное дѣйствіе; потомъ мы повѣряемъ, совершенно ли подобно дѣйствительное явленіе предсказанному нами, и если это такъ, то мы приписываемъ

его тѣмъ причинамъ, изъ которыхъ мы вывели *сго а priori*. Такимъ образомъ, для того, на примѣръ, чтобъ открыть законы движенія планетъ, мы отыскиваемъ помощію простыхъ наведеній двѣ причины, силу центробѣжную и силу центростремительную. Затѣмъ мы выводимъ посредствомъ вычисленія движеніе тѣла, которое будетъ поддержано соединеннымъ дѣйствіемъ этихъ двухъ силъ, и повѣривъ, что наблюдаемыя планетныя движенія совершенно совпадаютъ съ предсказанными нами, заключаемъ, что силы, о которыхъ идетъ рѣчь, суть дѣйствительно причины планетныхъ движеній. „Этому именно методу — говоритъ Милль — человѣческій умъ обязанъ своими наиболѣе великими торжествами. Мы обязаны ему всѣми теоріями, подводящими обширныя и сложныя явленія подъ нѣсколько простыхъ законовъ“¹⁾.

Этотъ же самый методъ Милль считаетъ единственно примѣнимымъ къ наукамъ человѣческаго духа, за исключеніемъ психологіи, законы которой получаются путемъ наведенія. Всѣ прочія науки, имѣющія своимъ предметомъ или человѣка, или общество, — выводныя.

Науки общественныя принадлежатъ къ труднѣйшимъ отраслямъ нашихъ знаній, потому что явленія общественныя слагаются подъ вліяніемъ множества условій, среди которыхъ развивается какъ самый человѣкъ, такъ и цѣлое общество. Политика, говоритъ Милль, только выходитъ изъ того состоянія, въ которомъ находилась медицина до появленія физиологіи и до развитія естествознанія. Попытка изучать патологию и терапію общества, не зная его физиологіи, привела къ мысли, что въ политикѣ общія истины невозможны; но невозможны не истины научныя, а пригодныя во всѣхъ случаяхъ рецепты для образовъ правленія или для системъ законодательства. Хотя между общественными явленіями нѣтъ двухъ случаевъ, вполне похожихъ другъ на друга, тѣмъ не менѣе общественныя явленія зависятъ отъ извѣстныхъ причинъ, и образъ дѣйствія послѣднихъ можетъ быть приведенъ къ самымъ простымъ законамъ. Отсюда слѣдуетъ невозможность не общихъ законовъ, а только практическихъ общепримѣнимыхъ началъ. Въ этомъ состоитъ одно изъ отличій общественныхъ наукъ отъ астрономіи. Въ послѣдней очень мало условій, а потому мы можемъ не только объяснить, но и предсказать явленіе; въ общественныхъ наукахъ условій такъ много, что знаніе законовъ

¹⁾ Ср. «Стюартъ Милль и Тэнъ», стр. 252 — 270. Послѣдующее изложеніе есть сжатый очеркъ 6-й книги «Системы логики» Милли.

общественныхъ явленій можетъ служить для насъ лишь средствомъ къ пониманію настоящаго состоянія общества или къ уразумѣнію тѣхъ измѣненій, къ которымъ оно стремится въ данное время.

Для того, чтобы понять правильный методъ, примѣнимый къ общественнымъ наукамъ, Милль разсматриваетъ сначала методы ошибочныя: химическій и геометрической.

Химическій методъ, въ сущности, есть методъ опыта и наведенія. Опытъ не примѣнимъ къ общественнымъ наукамъ, потому что мы не можемъ воспроизводить общественныя явленія по нашему произволу; но еслябъ эксперименты *in anima vili* и были возможны надъ обществомъ, то все-таки мы не могли бы создать всѣхъ условій, при которыхъ совершаются явленія. Опытъ можетъ состоять изъ однихъ лишь историческихъ примѣровъ; но какъ бы ни было велико число извѣстныхъ намъ примѣровъ, анализъ отдѣльныхъ явленій, при сложности причинъ, не позволяетъ примѣнить наведенія.

Способы разницы и остатка не примѣнимы, потому что нѣтъ двухъ обществъ совершенно схожихъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ выдѣляемыхъ условій; поэтому, если мы хотимъ рѣшить вопросъ, напримѣръ, о томъ, благотворно ли дѣйствуетъ протекціонизмъ на благосостояніе общества, мы не можемъ утверждать, что протекціонизмъ, существующій въ одномъ обществѣ и не существующій въ другомъ, составляетъ существенное различіе между ними, мы не можемъ также придумать два. такіе случая, въ которыхъ мы могли бы выдѣлить всѣ условія, за исключеніемъ протекціонизма, и слѣдовательно, не можемъ приписать ему то или другое вліяніе. Способъ согласованія не примѣнимъ, потому что дѣйствіе происходитъ отъ различныхъ причинъ; такъ, напримѣръ, благосостояніе происходитъ не отъ одного протекціонизма. Способъ сопутствующихъ измѣненій не примѣнимъ, потому что дѣйствіе извѣстныхъ причинъ производитъ не только качественныя, но и количественныя различія: благосостояніе можетъ сопутствовать и не сопутствовать протекціонизму и развиваться съ различною силою вслѣдствіе другихъ постороннихъ причинъ. Геометрической методъ — есть методъ дедуктивный; ошибочность его, въ примѣненіи къ общественнымъ наукамъ, состоитъ въ томъ, что онъ пытается объяснить всѣ явленія не многими, а одною причиною; таково, напримѣръ, ученіе Бентама о выгодѣ, какъ о двигателѣ человеческой дѣятельности. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе этого метода, прекрасно разобраннаго Миллемъ (ошибочность его очевидна съ перваго взгляда для того, кто понимаетъ сложность и разнообразіе

причинъ, дѣйствующихъ въ обществѣ), можно обратиться прямо къ двумъ методамъ, которые, по мнѣнію Милля, должны быть признаны единственно плодотворными въ общественныхъ наукахъ, именно — къ конкретно-дедуктивному, или физическому, и къ обратно-дедуктивному, или историческому.

Милль останавливается прежде всего на конкретно-дедуктивномъ методѣ. Въ общественныхъ наукахъ мы имѣемъ дѣло съ явлениями, составляющими слѣдствіе большаго числа сложныхъ причинъ, и результатъ дѣйствія послѣднихъ равняется суммѣ дѣйствія этихъ причинъ, отдѣльно взятыхъ. Предположивъ, что законы физиологій и этнологій (науки о характерѣ человѣка) намъ достаточно извѣстны, мы можемъ узнать общественныя явленія, производимыя каждою данною причиною; но когда намъ приходится вывести и предсказать результаты многихъ совместно дѣйствующихъ причинъ, то удовлетворительное разрѣшеніе задачи представляеть, съ перваго взгляда, непреодолимая трудность. „Чѣмъ болѣе причинъ, обособляющихъ явленіе, принимаемъ мы въ расчетъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ шаткость выводовъ, тѣмъ болѣе положенія науки становятся запутанными и лишены всякаго значенія. Наконецъ, если мы и можемъ сказать, какъ будетъ дѣйствовать извѣстная причина, то не можемъ знать, въ какомъ объемѣ и съ какою силою она будетъ дѣйствовать, и даже, не будетъ ли она парализована вліяніемъ другихъ обстоятельствъ? Для устраненія этихъ трудностей мы имѣемъ однако же средства, состоящія въ ограниченіи нашихъ изслѣдованій извѣстнымъ кругомъ явленій и въ установленіи надлежащаго способа повѣрки выводовъ *a priori*.

Мы ограничиваемъ наши изслѣдованія такими разрядами общественныхъ явленій, которыя хотя и возникаютъ подъ вліяніемъ всѣхъ общественныхъ причинъ, но, главнымъ образомъ, находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ немногихъ. Къ числу такихъ разрядовъ явленій относится группа явленій экономическихъ, — явленій, возникающихъ изъ стремленія къ пріобрѣтенію богатства и составляющихъ предметъ изученія политической экономіи. Политическая экономія разсматриваетъ, отвлеченно отъ другихъ побужденій, стремленіе человѣка къ богатству и противодѣйствующія этому стремленію побужденія, отвращеніе къ труду и потребность въ дорого стоящихъ наслажденіяхъ. Политическая экономія изучаетъ человѣка исключительно какъ пріобрѣтателя и потребителя богатства и старается показать, какой ходъ получила бы его дѣятельность въ обществѣ, найдись подъ безусловнымъ вліяніемъ этого мотива и не стѣсненная

двумя вышеупомянутыми противодѣйствующими стремленіями. Политическая экономія показываетъ, что люди, желая пріобрѣсть богатство, накапливаютъ и употребляютъ его для производства; что они, по взаимному соглашенію, устанавливаютъ собственность и законы, препятствующіе отдѣльнымъ лицамъ силою или обманомъ посягать на имущество другихъ; что они усваиваютъ извѣстныя открытія для усиленія производительности труда; что они вводятъ распределеніе произведеній по соглашенію, подъ вліяніемъ соперничества (между тѣмъ какъ само соперничество устанавливается на основаніи извѣстныхъ законовъ, которые суть послѣдніе регуляторы распределенія произведеній), и что они употребляютъ извѣстныя средства (какъ напримѣръ, деньги, кредитъ) для облегченія распределенія произведеній. Политическая экономія рассматриваетъ всѣ эти явленія такъ, какъ будто бы они возникали единственно изъ стремленія къ богатству, хотя многія изъ нихъ составляютъ въ дѣйствительности результатъ разнообразныхъ побужденій. Наука переходитъ затѣмъ къ изслѣдованію законовъ этихъ явленій, предполагая, что человѣкъ есть существо, которое, по своей природѣ, предпочитаетъ большее богатство меньшему, за исключеніемъ случаевъ, зависящихъ отъ двухъ, поименованныхъ выше, противодѣйствующихъ причинъ. Политико-экономисты никогда не впадаютъ въ такую безсмыслицу, чтобы считать людей ищущими одного богатства; но они рассматриваютъ людей съ этой стороны, потому что того требуетъ наука. Если явленіе зависитъ отъ совмѣстнаго дѣйствія нѣсколькихъ причинъ, то эти причины должны быть изучены отдѣльно, и ихъ законы изслѣдованы особо, такъ какъ законъ явленія складывается изъ законовъ всѣхъ причинъ, производящихъ это явленіе. Законы силъ центростремительной и центробѣжной должны были сдѣлаться извѣстны прежде, чѣмъ движеніе земли и планетъ было объяснено и могло быть предсказано. То же должно сказать и о дѣятельности человѣка: для того, чтобы судить о томъ, какъ онъ будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ разнообразныхъ желаній и отвращеній, должно знать, какъ онъ будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ каждаго изъ нихъ, отдѣльно взятаго.

Быть-можетъ, нѣтъ ни одного хозяйственнаго дѣйствія человѣка, которое не находилось бы посредственно или непосредственно подъ вліяніемъ другихъ побужденій, кромѣ стремленія къ богатству; но политическая экономія не считаетъ своихъ выводовъ примѣнимыми къ другимъ проявленіямъ человѣческой дѣятельности, которыя не ставятъ богатства своею главною цѣлію; она обращаетъ вниманіе только

на одну область и рассматриваетъ, какія дѣйствія произвело бы стремленіе къ богатству, еслибъ оно не встрѣчало никакихъ препятствій. Такимъ образомъ, мы приближаемся къ дѣйствительному общественному порядку, исправляя наши выводы тѣмъ, что принимаемъ въ расчетъ особыя побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ слагается результатъ въ данномъ случаѣ. Эти исправленія только въ немногихъ, самыхъ разительныхъ случаяхъ (напримѣръ, когда дѣло идетъ о началѣ населенія) включаются въ составъ политической экономіи, при чемъ, ради практическаго удобства, дѣлается отступленіе отъ строго-научнаго порядка. Общія положенія, подобныя приведеннымъ выше, могутъ служить, въ каждомъ данномъ состояніи общества, правильнымъ руководствомъ, хотя бы до поры до времени и не принималось въ расчетъ видоизмѣняющее вліяніе различныхъ причинъ и дѣйствіе непрерывно совершающихся общественныхъ перемѣнъ. Правда, экономисты часто впадаютъ въ ошибку, примѣняя выводы, сдѣланные изъ условій даннаго состоянія общества, къ обществамъ, находящимся въ другомъ состояніи, въ которыхъ многія изъ условій не однородны; но не трудно примѣнить эти выводы къ другимъ случаямъ, вводи въ надлежащемъ мѣстѣ новыя условія; такова, напримѣръ, ошибка англійскихъ экономистовъ, которые принимаютъ выводы, сдѣланные изъ распредѣленія доходовъ въ Великобританіи, за безусловныя и всеобщія истины. Эти истины имѣютъ, конечно, мѣстный характеръ; но методъ изслѣдованія, посредствомъ котораго онѣ добыты, имѣетъ всеобщую примѣнимость, и точно также, какъ человѣкъ, рѣшившій нѣсколько алгебраическихъ уравненій, можетъ легко рѣшать другія, однородныя, также точно и экономистъ, объяснившій распредѣленіе доходовъ въ данной странѣ, можетъ объяснить это явленіе и въ другой странѣ, хотя бы оно представляло тамъ значительныя отклоненія.

Переходя къ повѣркѣ выводовъ, должно замѣтить, что въ выводной наукѣ прежде всего необходимо добыть общія положенія или посредствомъ статистики, которая даетъ эмпирическіе законы явленій, или путемъ прямого наблюденія. Повѣрка эмпирическихъ законовъ явленій, полученныхъ въ статистикѣ заключеніемъ отъ причинъ къ слѣдствіямъ, состоитъ въ согласіи этихъ законовъ съ выводами *a priori*. Повѣрка общихъ положеній, добытыхъ прямымъ наблюденіемъ (гипотезъ, въ собственномъ смыслѣ слова), заключается не въ апріорическихъ выводахъ, а въ согласіи послѣднихъ съ результатами наблюденія *a posteriori*. Но этотъ двойной логическій процессъ и взаимная повѣрка эмпирическихъ законовъ выводами *a priori*, а послѣднихъ—

конкретными явленіями, не всегда возможны. Статистика составляет иногда единственное и наилучшее средство для пріобрѣтенія данныхъ, необходимыхъ въ выводной наукѣ, которая не можетъ рѣшить *a priori* — какъ часто и съ какою силою дѣйствуетъ извѣстная причина; но опытъ ничего не даетъ, кромѣ эмпирическаго закона, неудобнаго для повѣрки выводнымъ путемъ, какъ это явствуетъ изъ нижеслѣдующаго. Если среди большаго числа одновременно дѣйствующихъ причинъ имѣется въ виду опредѣлить дѣйствіе одной какой либо причины, напримѣръ, хлѣбныхъ законовъ, то специфическій выводъ, сдѣланный изъ большаго числа случаевъ примѣненія хлѣбныхъ законовъ, можетъ указать лишь на болѣе рѣзкое проявленіе нѣкоторыхъ послѣдствій, происходящихъ отъ извѣстныхъ причинъ, вліяніе коихъ затемняется содѣйствіемъ или противодѣйствіемъ другихъ причинъ. Число подобныхъ случаевъ, для того чтобы объять все совместно дѣйствующія причины и дать годный въ наукѣ средней выводъ, никогда не бываетъ достаточно велико. Между тѣмъ, *a priori* мы можемъ узнать только то, въ какомъ направленіи будутъ дѣйствовать извѣстныя причины.

Не имѣя предшествующихъ эмпирическихъ обобщеній для сравненія съ ними выводовъ теорій, мы принуждены довольствоваться единственно возможною повѣркою этихъ выводовъ результатами единичнаго опыта или случая. И здѣсь трудность равно велика, потому что, для повѣрки теорій опытомъ, условія послѣдняго должны быть тѣ же самыя, которыя приняты въ теоріи, между тѣмъ какъ въ общественныхъ явленіяхъ условія не бываютъ совершенно одинаковы въ двухъ случаяхъ. Опытъ надъ хлѣбными законами, сдѣланный въ одной странѣ или однимъ поколѣніемъ, очень мало подтвердитъ научный выводъ относительно другой страны или другаго поколѣнія. Такимъ образомъ, по большей части оказывается, что дѣйствительно удобный случай для подтвержденія предсказаній теорій есть именно тотъ, въ которому относятся предсказанія, и стало быть, подтвержденіе теорій предлагается дѣйствительностью лишь тогда, когда оно уже не можетъ служить практическимъ руководствомъ. Итакъ, прямая повѣрка не всегда возможна; за то возможна всегда повѣрка непряма, которая едва ли имѣетъ меньшую цѣну. Выводъ, относящійся къ частному случаю, можетъ быть повѣренъ только имъ самимъ; но онъ допускаетъ непрямую повѣрку, именно подтвержденіе другими выводами, сдѣланными изъ тѣхъ же самыхъ законовъ, въ другихъ частныхъ случаяхъ. Опытъ, оказывающійся замоздалымъ для по-

вѣрны особаго случая, къ которому онъ относится, не является слишкомъ поздно для удостовѣренія годности теоріи вообще. Для того, чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ наука представляетъ намъ твердую основу для предвидѣнія, и слѣдовательно, для практической дѣятельности, мы должны испытать, въ какой степени наука позволила бы намъ предвидѣть то, что дѣйствительно совершилось. Прежде, чѣмъ мы можемъ вполне довѣрять нашей теоріи о вліяніи известной причины при данныхъ обстоятельствахъ, мы должны быть въ состояніи представить объясненіе цѣлаго отдѣла общественныхъ явленій, на которыя имѣетъ вліяніе эта причина. Однимъ словомъ, наша наука и знаніе частнаго случая позволяютъ намъ предвидѣть будущее, если онѣ даютъ намъ возможность предсказать настоящее и прошедшее. Если мы чего-либо не могли предвидѣть, то это будетъ остаточное явленіе, которое требуетъ для своего объясненія дальнѣйшаго изученія, и мы должны отыскать между условіями частнаго случая такое, которое, согласно съ началами нашей теоріи, объясняетъ непонятное явленіе, или же, наоборотъ, мы должны искать объясненія въ развитіи или извращеніи самой теоріи.

Къ явленіямъ сложнымъ, составляющимъ результатъ разнообразныхъ причинъ, конкретно-дедуктивный методъ не примѣнимъ; въ такомъ случаѣ мы дѣлаемъ наши выводы, основываясь на предположеніяхъ, заимствованныхъ изъ специфическаго опыта, и затѣмъ связываемъ эти выводы апіорическими заключеніями съ началами человѣческой природы, такъ что выводы становятся повѣркою. Такой методъ свойственъ, по Конту, обществовѣдѣнію и называется Миллемъ обратнo-дедуктивнымъ или историческимъ. Исслѣдованія, относящіяся къ обществовѣдѣнію, по Миллю, бываютъ двоякаго рода: одни рѣшаютъ вопросъ, какое дѣйствіе производитъ данная причина при известныхъ условіяхъ; другія рѣшаютъ вопросъ, что создаетъ эти общественныя условія, и какія явленія ихъ характеризуютъ. Разсмотрѣніе этого послѣдняго вопроса составляетъ предметъ общаго обществовѣдѣнія.

Свойства природы человѣка и природы общества измѣнчивы. Причина этой особенности заключается во взаимодѣйствіи причинъ и слѣдствій. Обстоятельства создаютъ характеръ человѣка, и въ свою очередь, создаются человекомъ. Отсюда должно произойти одно изъ двухъ — или круговращеніе, или поступательное движеніе явленій (но не совершенствованіе, хотя послѣднее свойственно природѣ человѣка). Начало поступательнаго движенія есть основаніе исторической науки;

законъ его не есть законъ естественный, а эмпирическій. Законы общественные не суть законы самостоятельные, а зависятъ отъ психологическихъ и этнологическихъ законовъ; но, выходя изъ стѣнъ чело-вѣческой природы и общихъ условій чело-вѣческаго состоянія, можно *a priori* опредѣлить порядокъ чело-вѣческаго развитія, и слѣдова-тельно, предсказать общія явленія исторіи до послѣдняго времени, — тѣмъ скорѣе, что вліяніе однихъ поколѣній на другія становится преобладающимъ, и различія между народами сглаживаются, вмѣстѣ съ развитіемъ чело-вѣчества. Такимъ образомъ, разумное изученіе исторіи даетъ эмпирическіе законы для общества, которые должны быть выведены изъ законовъ чело-вѣческой природы. Дедукція при-водитъ насъ къ заключенію, что такъ могло быть, но не къ заключе-нію, что такъ должно быть. Такова повѣрка обратно-дедуктивнаго ме-тода, и при всякой другой относительное значеніе явленій будетъ не-понятно, а историческое обобщеніе окажется ложнымъ. Эмпирическіе общественные законы суть или статическіе — законы сосуществованія извѣстныхъ явленій, или динамическіе — законы послѣдовательнаго раз-витія, съ которымъ вмѣстѣ измѣняется и соотношеніе между явленіями, одновременно существующими. Эмпирическіе законы, полученные исто-рическимъ обобщеніемъ, не составляютъ даже среднихъ началъ, а слу-жать для нихъ матеріаломъ; таково, на примѣръ, преобладаніе въ об-ществахъ сначала военнаго, а потомъ промышленнаго духа. Для по-лученія лучшихъ опытныхъ законовъ, недостаточно знать отношеніе между отрывочными дѣйствіями и причинами, но должно изучить связь между статикою и динамикою общественныхъ явленій, законъ соот-вѣстствія не только между одновременными состояніями разныхъ об-ществъ, но и между одновременными перемѣнами, происходящими въ означенныхъ состояніяхъ. Этотъ трудный процессъ наблюденія и срав-ненія облегчается существованіемъ первоначальной причины (*primus agens*), господствующей надъ другими началами, то-есть, стремленіемъ въ истинѣ. Поступательное развитіе чело-вѣчества есть развитіе ду-ховныхъ убѣжденій, знаній и мнѣній. Спекулятивный элементъ, при объясненіи явленій, заключается прежде всего въ сверхъ-естествен-номъ началѣ, потомъ — въ метафизическомъ (*hoghog vasu*, „жизнен-ная сила“ и т. п.), наконецъ — въ опредѣленіи законовъ послѣдова-тельности и сходства. Главное возраженіе противъ существованія об-щихъ историческихъ законовъ состоитъ въ томъ, что они несовмѣстны съ свободою воли; но это возраженіе происходитъ отъ смѣшенія при-чинности съ необходимостію. Если изъ извѣстныхъ причинъ возника-

ють извѣстныя слѣдствія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы самыя причины были необходимы. Явленія общественныя обуславливаются причинами общественными и индивидуальными, къ числу которыхъ относятся причины, созданныя самимъ человѣкомъ. Вліяніе индивидуума на общественныя явленія сильнѣе, чѣмъ на явленія химическія и механическія. Общественныя явленія зависятъ не только отъ распространенія познаній и духовнаго развитія человѣчества, но и отъ вліянія исключительныхъ, выдающихся личностей и самыхъ правительствъ; тѣ и другія составляютъ необходимое звено въ историческомъ развитіи и ускоряютъ движеніе. Если, въ теченіе времени, вліяніе предшествующихъ поколѣній на послѣдующія усиливается, а сила индивидуальности слабѣетъ, то историческая наука становится вѣдствіе того болѣе и болѣе возможною.

Въ заключеніе, нельзя не привести нѣсколькихъ мыслей Милля объ отношеніи общественной науки къ практической дѣятельности.

Практика состоитъ или въ дѣйствіи по извѣстному правилу (силлогистика, — дѣло судьи), или въ отысканіи правила (дѣло законодателя). Искусство поставляетъ себѣ цѣль и передаетъ ее наукѣ, наука воспринимаетъ эту цѣль и изслѣдуетъ причины и условія, производящія явленіе. Искусство разсматриваетъ затѣмъ сочетаніе условій и объявляетъ, достижима ли цѣль. Единственная послыка искусства состоитъ въ томъ, что цѣль желательна; затѣмъ искусство обращаетъ положеніе науки (*iudicatio*) въ предписаніе (*imperatio*), въ правило. Для точности послѣдняго необходимо, чтобы теорія была полна и обнимала всѣ причины; но общественныя явленія такъ сложны, что подобная теорія не можетъ выработаться, а потому правила могутъ служить лишь для обыденныхъ явленій, и притомъ для правильной практической дѣятельности необходимъ анализъ даннаго случая: иначе практика впадаетъ въ ложныя обобщенія, въ силлогистику изъ неподвижныхъ началъ. Наконецъ, и искусство имѣетъ свою теорію, которая состоитъ въ посредствующихъ началахъ, устанавливающихъ отношеніе между средствомъ и цѣлію. Цѣль ставится искусствомъ, а не наукою; но для постановки цѣли нуженъ принципъ; такой принципъ есть счастье, обуславливаемое развитіемъ благородства воли или человѣческаго характера.

Таково ученіе Милля о методахъ научныхъ изслѣдованій, названное знаменитымъ авторомъ *логикою*. Надо сознаться, что немногіе изъ мыслителей умѣли такъ ясно, отчетливо и общедоступно изобразить тотъ путь, которымъ слѣдуетъ человѣкъ въ своихъ изысканіяхъ,

тѣ препятствія, которыя предстоитъ ему преодолѣвать, и наконецъ, тѣ средства, коими онъ достигаетъ, по мнѣнію автора, возможно лучшихъ результатовъ въ наукѣ.

Возраженія противъ Милля и сомнѣнія въ справедливости его положеній являются тогда, когда прочитавшій его „Систему логики“ начинаетъ изучать его „Политическую экономію“ и провѣрять логическую теорію автора въ ея примѣненіи, когда вѣра въ непреложность апріорическихъ выводовъ начинаетъ колебаться, и одинъ за другимъ возникаютъ вопросы о томъ, не слишкомъ ли мало мѣста даетъ авторъ наблюденію въ области общественныхъ наукъ. По ученію Милля, политико-экономическія истины суть истины общественныя. Явленія общественныя суть результатъ вліянія причинъ психологическихъ и этнологическихъ въ непрерывномъ развитіи общественныхъ явленій, въ ихъ историческомъ ходѣ, который дѣйствительно не можетъ не быть признанъ поступательнымъ. Въ общественной жизни мы не можемъ дѣлать опытовъ, а наблюденіе даетъ намъ только гипотезы или эмпирическіе законы явленій, то-есть, положенія, которыя служатъ посылками для выводовъ и могутъ быть повѣрены или въ извѣстной области явленій (при чемъ сдѣланная повѣрка сообщаетъ выведеннымъ истинамъ достаточную степень достовѣрности и позволяетъ объяснять ими однородныя явленія), или же установленіемъ связи между данными наблюденіями и началами человѣческой природы. Послѣдній методъ признается Миллемъ примѣнимымъ къ наиболѣе сложнымъ явленіямъ, а такими нельзя не признать тѣхъ экономическихъ явленій, которыя отличаются, по преимуществу, преобладаніемъ въ нихъ историческаго элемента.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что Милль нисколько не исключаетъ наблюденія изъ числа пріемовъ, употребляемыхъ въ экономической наукѣ, но даетъ ему подчиненное мѣсто. Вся сила науки, всѣ ея будущія торжества заключаются въ умѣнны сдѣлать выводы изъ положеній или гипотезъ, добытыхъ наблюденіемъ, и затѣмъ въ умѣнны сообщить достовѣрность выводамъ посредствомъ того или другаго способа повѣрки; самые же выводы, законы, научныя или теоретическія истины состоятъ въ уясненіи связи между причинами и явленіями, названными этими причинами. Приписывая столь огромное значеніе причинности явленій, Милль, повидимому, не упускаетъ изъ виду существующихъ между ними соотношеній; но послѣднія заключаются авторомъ въ болѣе тѣсную область и далеко не имѣютъ того смысла, который придавалъ имъ Гроувъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи — „О

соотношеніи физическихъ силъ“. Эти недостатки логической системы Милля съ большою очевидностію представляются въ примѣненіи его научныхъ пріемовъ къ обработкѣ политической экономіи.

Политическая экономія первымъ и громаднымъ успѣхомъ своимъ обязана А. Смиту. Что же сдѣлалъ Смитъ? Онъ поставилъ, конечно, не мало гипотезъ, изъ которыхъ вывелъ рядъ остроумныхъ заключеній; онъ обобщилъ много положеній, извлеченныхъ путемъ наблюденій, и основалъ на нихъ свои выводы; но сила А. Смита заключается не въ этомъ: его гипотезы и положенія давно уже пошатнулись, между тѣмъ какъ зданіе воздвигнутой имъ науки стоитъ еще непоколебимо. Величайшая заслуга шотландскаго экономиста заключается въ богатствѣ наблюденій и въ умѣннн сообщить имъ научный характеръ. Правильны или неправильны положенія и гипотезы, основанныя на наблюденіи, но наблюденіе съ научнымъ характеромъ остается и составляетъ прочное пріобрѣтеніе.

Наблюденіе, въ простѣйшей своей формѣ, есть описаніе явленія; описаніе можетъ коснуться внѣшнихъ признаковъ явленія, элементовъ, изъ которыхъ оно сложилось, силъ, которыя въ немъ обнаружилась, наконецъ — если можно такъ выразиться — качественной стороны какъ самаго явленія, такъ и его составныхъ частей. Такимъ образомъ, описаніе превращается въ самый тонкій анализъ. Оно останавливается сначала на внѣшней сторонѣ явленія и основываетъ классификацію на чисто наружныхъ его признакахъ; потомъ оно обращаетъ вниманіе на внутреннюю природу явленія, на стихіи, изъ которыхъ оно сложилось, на силы, которыя въ немъ дѣйствуютъ: тогда наружные признаки отодвигаются на второй планъ, и является новая классификація, основанная на признакахъ внутреннихъ, — все это однако относится только къ качественной сторонѣ явленій; наконецъ, отъ внутреннихъ признаковъ анализъ переходитъ къ опредѣленію количественнаго содержанія наблюдаемаго, то-есть, къ изслѣдованію повторенія явленія, и къ количественному содержанію въ однородныхъ явленіяхъ ихъ элементовъ и дѣйствующихъ въ нихъ силъ. Такова работа подготовительная. Если, при исполненіи ея, наведеніе и выводъ изъ добытыхъ посылокъ шли рука объ руку, то и въ дальнѣйшей переработкѣ матеріала раздвоеніе между обоими методами не существуетъ. Явленіе распалось, такъ сказать, на свои стихійныя части, и наука начинаетъ уже работать не надъ единичнымъ явленіемъ или надъ явленіями однородными, а надъ однородными стихійными частями явленій. Количественный элементъ получаетъ здѣсь первостепенное значеніе; но наблюденіе это

опять имѣть цѣну только тогда, когда изслѣдователь стремится или уяснить извѣстную мысль, извѣстное начало, или найти соотношеніе между явленіями и ихъ стихіями, ради вывода научныхъ заключеній. Поэтому, приемы, употребляемые учеными, могутъ быть различны. Одинъ заранѣе задается извѣстными гипотезами, дѣластъ изъ нихъ выводы, и принимаясь за количественный анализъ явленія, преслѣдуетъ избранную имъ цѣль; другой, принимая за исходную точку связь между элементами, изъ которыхъ слагается явленіе, уясняетъ путемъ наблюденія природу этой связи и соотношеніе силъ, дѣйствующихъ въ явленіи. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній путь несравненно вѣрнѣе, потому что онъ чуждъ предвзятой мысли, и можно сказать, создаетъ одновременно не только матеріалъ для науки, но и самую науку: таковъ былъ методъ Тука и Ньюмарча въ „Исторіи цѣнъ“. Такимъ образомъ самый плодотворный путь въ общественной наукѣ будетъ слѣдующій: 1) изученіе явленій и классификація ихъ по наружнымъ признакамъ; 2) изученіе внутренняго содержанія явленій, ихъ составныхъ элементовъ, силъ, которыя въ нихъ дѣйствуютъ, а затѣмъ классификація этихъ элементовъ и силъ по внутреннему содержанію; 3) изученіе соотношенія явленій, ихъ стихій и силъ, пренесящихъ послѣднимъ, съ тѣмъ чтобы опредѣлить ихъ взаимное вліяніе другъ на друга и степень этого вліянія.

Одно изъ самыхъ сильныхъ возраженій, приводимыхъ Миллемъ противъ опытнаго метода въ общественныхъ наукахъ, состоитъ въ томъ, что явленія общественныя составляютъ результатъ множества разнообразно дѣйствующихъ причинъ, такъ что два данные случая не походятъ другъ на друга. Противъ этого ничего нельзя возразить; но для того, чтобы преодолѣть трудность, слѣдуетъ только идти нѣсколько далѣе по пути, на который указываетъ Милль. Онъ полагаетъ, что достаточно ограничить изслѣдованія извѣстнымъ родомъ явленій; намъ кажется, что этого мало: надо изучать однородные элементы и силы въ явленіяхъ. Для примѣра можно указать на блестящее изслѣдованіе хлѣбныхъ цѣнъ въ сейчасъ упомянутомъ трудѣ Тука и Ньюмарча. Конечно, нельзя сказать, чтобы матеріалъ, которымъ пользовались эти образцовые экономисты, ничего не оставлялъ желать относительно точности и полноты; но сдѣланное ими служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ далеко подвинулись общественныя науки, когда статистическія свѣдѣнія будутъ собраны за болѣе продолжительный періодъ времени, при установленіи надлежащей классификаціи и удовлетворительной повѣркѣ. Простое наблюденіе показы-

ваетъ. что недостатокъ средствъ продовольствія составляетъ явленіе, повторяющееся время отъ времени, и что этотъ недостатокъ сопровождается возвышеніемъ цѣнъ и несказанными страданіями населенія. Такимъ образомъ, внѣшними признаками помянутаго явленія служатъ неурожай, высокія цѣны и смертность. Явленіе само по себѣ, при низкомъ уровнѣ общественнаго развитія, наводитъ на мысль, что недостатокъ средствъ продовольствія есть слѣдствіе несповѣдимыхъ судьбъ Провидѣнія. Болѣе же глубокой анализъ открываетъ въ явленіи новыя стороны: недостаточность продовольствія находится въ связи съ разными системами полеводства, съ степенью богатства или бѣдности народа, съ движеніемъ торговли, съ трудностію или легкостію заработковъ, съ умѣнемъ заранее исчислить существующіе запасы хлѣба и размѣръ предстоящей жатвы. Всѣ эти стороны явленія могутъ быть изучены съ достаточною точностію, и хотя даже два года дороговизны не походятъ другъ на друга, но можно опредѣлить съ нѣкоторою достовѣрностію сходство и различіе наблюдаемыхъ явленій. Не меньшею степенью достовѣрности могутъ отличаться наблюденія надъ банковымъ и денежнымъ обращеніемъ и сдѣланные изъ нихъ выводы. Вліяніе количества выпущенныхъ банковыхъ билетовъ на цѣны, на запасы золота, на производство, на торговлю равно доступно для наблюденія. Искусство изслѣдователя состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть объяснить каждое уклоненіе отъ общей нормы, и подмѣтивъ новое общественное условіе, прослѣдить его въ другихъ случаяхъ. Явленія общественныя, безъ сомнѣнія, очень сложны; но это не есть непреодолимая трудность. Обойти ее дедуктивнымъ методомъ, какъ предлагаетъ Милль, не значитъ еще разрѣшить вопросъ, а введеніе въ апіорическое изслѣдованіе множества новыхъ условій можетъ крайне затруднить дѣло, какъ сознаетъ и самъ авторъ, и какъ это доказалъ Мальтусъ въ своихъ превосходныхъ главахъ о цѣнности и о цѣнѣ. Имѣя дѣло не съ сложными гипотезами, а съ сложными явленіями, можно скорѣе добраться до истины, — во всякомъ случаѣ гораздо скорѣе и вѣрнѣе, нежели тогда, когда все построеніе науки ограничивается отвлеченными выводами изъ нѣсколькихъ положеній, при чемъ неизбежно опускается много существеннаго, много такого, что лишаетъ теорію и научной точности, и практической примѣнимости.

Не менѣе блистательными результатами обязана политическая экономія изученію соотношенія между хозяйственными явленіями. И Милль, какъ было замѣчено выше, говорятъ о соотношеніи обще-

ственныхъ явленій; но въ политической экономіи онъ даетъ этому соотношенію очень ограниченное значеніе. Между тѣмъ, нельзя не признать, что потребности вызываютъ производство, а производство развиваетъ потребности; что успѣхи производства зависятъ отъ раздѣленія труда, а раздѣленіе труда обусловливается успѣхами производства; что раздѣленіе труда вызываетъ мѣну, а мѣна способствуетъ раздѣленію труда; что въ мѣнѣ предложеніе опредѣляется спросомъ, а спросъ находится въ зависимости отъ предложенія; что доходы устанавливаются соперничествомъ, а соперничество зависитъ отъ доходовъ и т. д. Милль отдѣляетъ производство, распределеніе доходовъ, мѣну, и отдѣляетъ такъ, какъ будто ему предстоитъ изученіе совершенно отдѣльныхъ самостоятельныхъ областей, какъ будто между производствомъ и распределеніемъ богатства, съ одной стороны, и распределеніемъ и мѣною, съ другой, нѣтъ тѣсной органической связи, которая должна быть схвачена наукою.

Таковы недостатки, свойственные научному методу Милля; но въ своей „Политической Экономіи“ авторъ грѣшитъ и противъ началъ, изложенныхъ имъ въ „Системѣ логики“. Ни прямой, ни обратно-дедуктивный методъ не нашлы здѣсь того примѣненія, котораго слѣдовало бы ожидать. Матеріалы для выводовъ Милль бралъ изъ такъ называемаго непосредственнаго наблюденія и весьма рѣдко обращался къ эмпирическимъ законамъ явленій, представляемымъ статистикою. Проверка выводовъ доказательствами *a posteriori* или проверка эмпирическихъ законовъ *a priori* выводами оказалась требованіемъ, непримѣненнымъ на дѣлѣ. Обратного-дедуктивный методъ, который долженъ освѣщать умозрѣніемъ добытые факты, остался научно утопіей. Во всемъ этомъ можно легко убѣдиться при изученіи пяти книгъ, на которыя Милль раздѣлилъ свое сочиненіе.

II. Общій взглядъ Милля на систему политической экономіи и на главную ея задачу.

Милль очень ясно и опредѣлительно высказываетъ, въ предисловіи къ своей книгѣ, мысль, которая руководила имъ при изложеніи „Началъ политической экономіи“. „Ни одна изъ существующихъ трактатовъ о политической экономіи, по его словамъ, не заключаетъ въ себѣ новѣйшихъ усовершенствованій, сдѣланныхъ въ теоріи этой науки“. Но пополненіе пробѣловъ прежнихъ сочиненій, носящихъ то же названіе, не было единственною или даже главною цѣлію автора; онъ полагаетъ, что политическая экономія требуетъ книги, по пред-

мету и по общему плану подобной книгѣ Адама Смита, но соответствующей большому развитію знанія и болѣе вѣрнымъ идеямъ нашего вѣка; „Опытъ о богатствѣ народовъ“ во многихъ своихъ частяхъ устарѣлъ, а во многихъ неудовлетворителенъ. „Политическая экономія, говоритъ Милль, была при А. Смитѣ въ младенчествѣ; съ тѣхъ поръ она возмужала, а общественная философія, отъ которой этотъ великій мыслитель никогда не отдѣлялъ своего предмета въ практическомъ отношеніи, стала нѣсколькими степенями выше того положенія, въ которомъ онъ оставилъ ее. Не смотря на это, до сихъ поръ еще не было сдѣлано попытокъ соединить практической методъ А. Смита съ развитіемъ теоріи и представить экономическія явленія въ связи съ лучшими современными общественными идеями, подобно тому, какъ сдѣлалъ это съ удивительнымъ успѣхомъ А. Смитъ, поставивъ хозяйственныя явленія въ соотношеніе съ философіей своего вѣка“. Этою задачей объясняется и планъ сочиненія Милля, во многомъ напоминающій пять книгъ знаменитаго творенія А. Смита, и попытки Милля вывести теоретическія начала науки, и наконецъ, введеніе въ его трудъ тѣхъ изслѣдованій практическихъ вопросовъ, которыя относятся германскими писателями къ особымъ отдѣламъ науки, къ хозяйственной политикѣ и финансамъ.

Подобно Смиту, Милль раздѣляетъ политическую экономію на пять книгъ; но содержаніе и послѣдовательность ихъ иныя, а именно: 1) производство, 2) распредѣленіе богатствъ, 3) обмѣнъ, 4) вліяніе прогресса общества на производство и на распредѣленіе богатствъ, 5) вліяніе правительства. Знакомые съ трудомъ Смита сразу могутъ замѣтить разницу между системами обоихъ экономистовъ. А. Смитъ, послѣ краткаго введенія, переходитъ къ разсмотрѣнію причинъ, увеличивающихъ производительность труда и порядокъ распредѣленія доходовъ между различными классами населенія, и это составляетъ содержаніе первой его книги; во второй онъ говоритъ о капиталѣ, въ третьей — о путяхъ, которымъ слѣдовало развитіе богатства у разныхъ народовъ, въ четвертой — о системахъ, въ пятой — о финансахъ. Этого перечня уже достаточно, чтобъ убѣдиться въ томъ, что кромѣ числа общихъ рубрикъ или книгъ, сочиненія А. Смита и Милля имѣютъ мало общаго въ построеніи. Система перваго отличается рѣдкою безыскусственностію; Смитъ не останавливается на производствѣ, потому что по основному, высказанному имъ положенію, которому впрочемъ онъ не всегда бываетъ вѣренъ, одинъ трудъ — производительъ; затѣмъ все, что относится къ производству, связано у него

очень тѣсно съ излѣдованіями о доходахъ. Сочиненіе свое онъ начинаетъ съ раздѣленія труда, которое составляетъ условіе мѣны; въ мѣнѣ устанавливается цѣнность промѣнливаемаго, цѣнность выражается цѣною, которая въ свою очередь разлагается на заработную плату, прибыль и ренту, три главныя отрасли доходовъ. Излѣдованія о капиталѣ дополняютъ собою общую теоретическую часть науки. Въ слѣдующихъ далѣе историческихъ очеркахъ успѣховъ народнаго богатства и политико-экономическихъ системъ А. Смитъ изображаетъ какъ постепенный ходъ экономического развитія западно-европейскихъ обществъ, такъ и тѣ доктрины и учрежденія, которыя сложились подъ вліяніемъ ученій XVII и XVIII вѣковъ. Наконецъ, трактатъ о финансахъ представляетъ полную и довольно подробную обработку науки государственнаго хозяйства, понимаемой въ тѣсномъ смыслѣ.

Ничего подобнаго не находимъ мы у Милля; онъ начинаетъ съ исторіи системъ въ своемъ предисловіи; затѣмъ переходитъ къ производству богатства и къ ученію о распредѣленіи богатства, которое составляетъ результатъ мѣны, но излагается прежде теоріи мѣны. Отъ мѣны онъ обращается снова къ доходамъ, то-есть, къ распредѣленію богатства, и наконецъ, въ пятой книгѣ излагаетъ и науку финансовъ, и экономическую политику.

Такимъ образомъ система Милля представляетъ хозяйственныя явленія не въ той послѣдовательности, въ какой они вытекаютъ одно изъ другаго; одинъ и тотъ же предметъ разсматривается въ разныхъ частяхъ его сочиненія, только съ новыхъ сторонъ. Это отступленіе отъ естественнаго порядка есть слѣдствіе теоретическихъ воззрѣній Милля на общественныя явленія вообще и на экономическія въ особенности. Въ производствѣ онъ видитъ господство неизмѣнныхъ законовъ, не зависящихъ отъ человѣческаго произвола; въ распредѣленіи, мѣнѣ, въ прогрессивномъ развитіи общества и въ дѣятельности правительства онъ слѣдитъ за законами, устанавливающимися подъ вліяніемъ условій, созданныхъ человѣкомъ или обществомъ. При томъ, согласно съ мыслями, развитыми имъ въ „Системѣ логики“, авторъ разсматриваетъ сначала статику, то-есть, распредѣленіе и мѣну, а потомъ динамику народнаго хозяйства, вліяніе прогресса общества на производство и на распредѣленіе. Вліяніе правительства выдѣлено у него изъ области статики и динамики, потому что оно, по его ученію, должно равно относиться и къ той, и къ другой части науки. Нельзя отрицать, что порядокъ изложенія, принятый авторомъ, имѣетъ логическое основаніе; спору можетъ подлежать иной вопросъ: достигается

ли философская цѣль, которою задался Милль, то-есть, можно ли отдѣлить статичку отъ динамики общественныхъ явленій, и выигрываетъ ли отъ принятой системы политическая экономія? Для разъясненія этихъ предметовъ необходимо рѣшить: дѣйствительно ли политическая экономія представляетъ законы двоякаго рода, — одни, относящіеся къ порядку неизмѣнному, не зависящему отъ произвола человѣческаго, и другіе, относящіеся къ порядку измѣнчивому, зависящему отъ условій, вносимыхъ въ него развитіемъ человѣка и самаго общества?

Предметъ политической экономіи, по Миллю, есть богатство. „Производство богатства, — говоритъ онъ, — добываніе средствъ для существованія и наслажденій человѣка изъ матеріаловъ, представляемыхъ земнымъ шаромъ, очевидно, не зависитъ отъ произвола: производство имѣетъ свои необходимыя условія. Изъ этихъ условій нѣкоторыя относятся къ числу физическихъ и зависятъ отъ свойства матеріи, или лучше сказать, отъ мѣры познанія этихъ свойствъ въ данномъ мѣстѣ и данномъ времени. Политическая экономія не изслѣдуетъ этихъ условій, а предполагаетъ ихъ, предоставляя ихъ изысканіе естественнымъ наукамъ или обыденному опыту. Соединяя съ этими фактами вышней природы другія истины, относящіяся къ природѣ человѣческой, политическая экономія старается найти вторичныя или производныя законы, которыми опредѣляется производство богатства и въ которыхъ должны содержаться объясненіе различій богатства и бѣдности въ настоящемъ и прошедшемъ и причина приращенія богатства въ будущемъ. Отличныя отъ законовъ производства, законы распределенія отчасти установлены человѣкомъ, потому что способъ распределенія богатства въ данномъ обществѣ зависитъ отъ господствующихъ въ немъ законовъ и обычаевъ. Хотя правительства или народы обладаютъ властью для рѣшенія того, какія должны существовать учрежденія, но они не могутъ произвольно опредѣлять, какъ должны дѣйствовать эти учрежденія. Условія, отъ которыхъ зависитъ власть правительствъ или народовъ относительно распределенія богатства, и вліяніе, оказываемое на это распределеніе разными способами дѣйствія, которые общество считаетъ пригодными, составляютъ точно такой же предметъ точнаго научнаго изслѣдованія, какъ и физическіе законы природы. Законы производства и распределенія и нѣкоторые изъ ихъ практическихъ послѣдствій составляютъ предметъ настоящаго трактата“. (Милль, Предварительныя замѣчанія).

Та же мысль, только рѣзче и опредѣленнѣе, высказана Миллемъ въ

началъ второй книги о распредѣленіи богатствъ: „Начала, изложенныя въ первой части этого сочиненія, въ извѣстныхъ отношеніяхъ рѣзко отличаются отъ началъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь приступаемъ. Законы и условія производства имѣютъ характеръ истинъ естественныхъ наукъ. Въ нихъ нѣтъ ничего произвольнаго или такого, что можно было бы измѣнить. Все производимое человѣкомъ должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія опредѣляются строеніемъ предметовъ внѣшняго міра и внутренними свойствами физической и духовной природы самаго человѣка. Не таковы начала распредѣленія богатства. Это распредѣленіе есть исключительно человеческое учрежденіе. Съ тѣхъ поръ, какъ явились вещи, — люди, или отдѣльно, или все вмѣстѣ, могутъ поступать съ ними по своему произволу. Они могутъ отдавать ихъ въ распоряженіе кому имъ угодно, и на какихъ угодно условіяхъ. Далѣе, въ обществѣ, всякое распоряженіе вещами можетъ происходить только съ его согласія и производится тѣми, кто располагаетъ дѣятельною силою общества. Даже вещи, произведенныя однимъ своимъ личнымъ трудомъ, безъ всякой чужой помощи, человѣкъ не можетъ сохранять въ своемъ распоряженіи иначе, какъ съ дозволенія общества. Мало того, что общество можетъ ихъ взять у него: ихъ могли бы взять у него и взяли бы отдѣльные люди, еслибъ общество осталось къ этому равнодушнымъ, если бы оно не употребляло своего вмѣшательства въ цѣломъ своемъ составѣ, или не назначало и не содержало бы особыхъ людей, чтобы не давать никому нарушить владѣнія этими вещами. Такимъ образомъ, распредѣленіе богатства зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Правила, по которымъ оно происходитъ, создаются мнѣніями и желаніями правящей части общества; въ разныя времена и въ разныхъ обществахъ эти правила очень различны и могли бы сдѣлаться еще отличнѣе отъ прежнихъ, если бы того захотѣли люди“ (кн. 2, гл. 1, § 1). Правда, Милль непосредственно за симъ ограничиваетъ область человеческого произвола и говоритъ: „Мнѣнія и чувстваванія человечества не случайны. Они составляютъ результатъ основныхъ законовъ человеческой природы, въ связи съ существующими знаніемъ, опытомъ, общественными учрежденіями, умственною и нравственною культурой. Но законы происхожденія человеческихъ мнѣній составляютъ предметъ не политической экономіи, а болѣе трудной области вѣдѣнія, общей теоріи человеческого прогресса. Въ политической экономіи разсматриваются не причины, а слѣдствія тѣхъ правилъ, по которымъ можетъ быть распредѣлено богатство. Эти слѣдствія, во вся-

комъ случаѣ, также мало произвольны и на столько же имѣютъ характеръ физическихъ законовъ, какъ законы производства. Люди могутъ контролировать свои собственныя дѣйствія; но не слѣдствія своихъ дѣйствій относительно самихъ себя или для другихъ людей. Общество можетъ подчинить распредѣленіе богатства какимъ угодно правиламъ, которыя можетъ считать наилучшими, но какіе практическіе результаты произойдутъ отъ дѣйствія этихъ правилъ, это, какъ всякая другая физическая или отвлеченная истина, должно быть раскрыто наблюденіемъ или изслѣдованіемъ" (ibid).

Такимъ образомъ, по основному воззрѣнію Милля, то, что въ распредѣленіи богатства представляется съ характеромъ необходимости, составляетъ лишь слѣдствіе уже существующихъ причинъ, между тѣмъ какъ причины, правила, по которымъ распредѣляется богатство, хотя и вытекаютъ изъ основныхъ законовъ человѣческой природы, но составляютъ произведеніе свободной воли человѣка, обусловливаемой его индивидуальнымъ и общественнымъ развитіемъ. Законы, которымъ подчинена свободная воля, не таковы, чтобы они лишали человѣка возможности сдѣлать выборъ между распредѣленіемъ богатства, основанномъ или на началѣ личной собственности и соперничества, или на началѣ общаго владѣнія имуществомъ.

Вотъ въ чемъ заключается главное разногласіе между Миллемъ и современными политико-экономистами. Послѣдніе не допускаютъ этой двойственности законовъ въ наукѣ и принимаютъ за аксіому, что какъ производство, такъ и распредѣленіе богатствъ совершается на основаніи законовъ совершенно однородныхъ, въ которыхъ, какъ для естественной необходимости, такъ и для человѣческой воли предустановлены извѣстныя предѣлы. Дѣятельность природы, труда и капитала зависить отъ условій, которыя не представляются съ характеромъ абсолютной необходимости; необходимость заключается лишь въ границахъ, установленныхъ природою, и въ томъ предѣлѣ, который поставленъ для самого человѣка его развитіемъ и знаніемъ при пользованіи производительными силами. Въ чертѣ этихъ границъ воля человѣка остается свободною: она можетъ пользоваться или не пользоваться данными условіями для усиленія и развитія производства. То же самое должно сказать и о распредѣленіи богатства: и здѣсь произволь не можетъ переступить назначенной ему черты при достиженіи предположенной цѣли, и здѣсь, не выходя за указанную ему границу, остается достаточно простора для свободной дѣятельности. Но есть еще другое обстоятельство, на которое Милль не обратилъ должнаго вниманія:

это — зависимость между производствомъ и распредѣленіемъ богатства. Конечная цѣль хозяйственной дѣятельности состоитъ въ удовлетвореніи потребностямъ; къ этой цѣли направлены и производство, и распредѣленіе. Если бы первое не способствовало достиженію этой цѣли, то не существовало бы и побужденія къ производству; равнымъ образомъ, если бы распредѣленіе богатства не приводило къ удовлетворенію потребностей производителей, то энергія послѣднихъ должна была бы неизбѣжно ослабѣть; поэтому, распредѣленіе составляетъ одно изъ коренныхъ условій для развитія производительной дѣятельности, и законы производства не могутъ быть разсматриваемы независимо отъ условій распредѣленія богатства. Самъ Милль въ изслѣдованіи о производствѣ включилъ изслѣдованія о послѣдствіяхъ того или другаго распредѣленія богатства; такъ, напримѣръ, указываемыя имъ послѣдствія употребленія капитала для поддержанія труда и для покупки разнаго рода товаровъ, въ сущности, составляютъ результатъ предшествовавшаго распредѣленія богатства.

Нельзя однако же сказать, чтобы законы распредѣленія богатства были поставлены Миллемъ внѣ зависимости отъ естественной необходимости. Онъ самъ отрицаетъ случайность въ мнѣніяхъ и чувстваваніяхъ человѣка, самъ признаетъ, что тѣ и другія вытекаютъ изъ основныхъ законовъ человеческой природы; но вмѣсто того, чтобы ввести это совершенно вѣрное воззрѣніе въ область политической экономіи, онъ относитъ изслѣдованіе означенныхъ законовъ къ теоріи человеческого прогресса и оставляетъ за политической экономіей изслѣдованіе однихъ лишь послѣдствій того или другаго порядка распредѣленія богатства, установленнаго человѣкомъ, или правильнѣе, обществомъ. Если бы Милль не переступилъ затѣмъ предѣловъ дѣятельности и ограничился бы изслѣдованіемъ существующихъ явленій, представляемыхъ распредѣленіемъ богатства, то его нельзя было бы упрекнуть въ невѣрности своимъ собственнымъ идеямъ и въ противорѣчій, въ которое онъ себя поставилъ. На дѣлѣ оказывается однако же, что Милль коснулся порядка распредѣленія богатствъ, проектированнаго философами и социалистами, слѣдовательно, коснулся построеній, опирающихся на основные законы человеческой природы, отнесенныя имъ къ теоріи прогресса, и тѣмъ самымъ далъ право обсудить вопросъ, на сколько свобода и необходимость участвуютъ въ установленіи этого порядка, и какими условіями опредѣляется характеръ этой необходимости. Главный источникъ заблужденій Милля относительно порядка распредѣленія богатства заключается въ одно-

стороннемъ воззрѣніи его на человѣка, какъ на общественнаго дѣятеля. Одни изъ экономистовъ, послѣдователи такъ-называемой либеральной школы, расширяютъ до крайности сферу дѣятельности индивидуума и его свободы и самое общество разсматриваютъ, какъ результатъ частныхъ стремленій, добровольной союзности, возникающей изъ общихъ цѣлей и совмѣстной добровольной дѣятельности; между тѣмъ другіе экономисты, именно, нѣкоторые изъ приверженцевъ государственнаго устройства и регламентаціи частнаго хозяйства и социалисты раздвигаютъ до крайности предѣлы общественной власти и разсматриваютъ дѣятельность индивидуума, какъ отправленіе составной части общества, не признавая за человѣкомъ другой воли, другой инициативы, кромѣ той, которую предоставляетъ ему правительство въ видахъ общаго блага. Послѣдователи перваго направленія относятся враждебно ко всему, что налагается на человѣка общественною властію: стоитъ только припомнить, какъ Ж. В. Сэй разсуждалъ о финансахъ. Послѣдователи втораго направленія возстаютъ противъ права человѣка располагать своимъ лицомъ и своимъ имуществомъ и отрицаютъ самую свободу, какъ напримѣръ, Консидеранъ въ своей „Будущности общественной“ (*Destinée sociale*). Какъ бы далеко ни простиралось развитіе началъ личности или общественной организаціи, но одно не исключаетъ другаго. Индивидуальная свобода, частная собственность также точно немислимы внѣ общежитія, въ которомъ человѣкъ и его имущество принуждены служить общественнымъ цѣлямъ, и гдѣ весь порядокъ хозяйственныхъ отношеній слагается подъ влияніемъ права, развивающагося путемъ закона или обычая, какъ немислимо такое общественное устройство, которое сглаживало бы всякое проявленіе человѣческой личности, всякій слѣдъ частной собственности; по крайней мѣрѣ, та порція за общимъ столомъ, которая назначается каждому члену коммунистическаго общества, составляетъ безспорно его исключительное достоиніе, но достоиніе, которымъ онъ не можетъ располагать для хозяйственныхъ цѣлей, исключая одного потребленія.

Равнымъ образомъ, порядокъ распредѣленія богатства всегда предполагаетъ и условленное вознагражденіе за участіе въ производствѣ, и обязательные взносы или повинности для удовлетворенія потребностей общественнымъ. Съ природою общества одинаково несовмѣстны, съ одной стороны, чтобы отношенія индивидуума къ обществу зависѣли отъ соглашенія между нимъ и обществомъ, а съ другой, чтобы всѣ общественныя отношенія имѣли лишь обязательный характеръ,

исключающей всякую свободу. Поэтому, вовсе и не может быть рѣчи о выборѣ между обществомъ, основанномъ исключительно на частномъ интересѣ, личной свободѣ, соперничествѣ и частной собственности, и обществомъ чисто коммунистическимъ. Первое никогда не существовало, второе навсегда останется утопіей. Самое широкое развитіе личности и индивидуальной свободы всегда обуславливалось общественнымъ строемъ, въ которомъ существовало и общее имущество, и подчиненіе личной индивидуальной свободы, и ограниченіе соперничества, и предѣлы для частной собственности. Самыя коммунистическія формы обществъ никогда не были обществами политическими, существовавшими совершенно независимо отъ общихъ условій, которымъ подчиняется гражданственность. Нельзя же приводить въ примѣръ устройство, введенное іезуитами въ Парагваѣ, гдѣ было и сословіе властвовавшее, и сословіе подчиненное, или мормонство съ владычествомъ духовныхъ, или другія коммунистическія общества, въ которыхъ начало личности являлось, какъ господство власти, и гдѣ всѣ условія общественной экономической жизни находились въ тѣсной зависимости отъ той некоммунистической общественной среды, которая охватывала его со всѣхъ сторонъ, надѣляла его плодами своей цивилизаціи, своею наукою, своими изобрѣтеніями, капиталами и денежною единицею для измѣренія и оцѣнки имущества.

Изъ предыдущаго можно, кажется, заключить съ нѣкоторымъ правомъ, что, собственно говоря, нѣтъ того или другаго правила для распредѣленія богатства, правила, устанавливаемаго произволомъ человѣка, а есть различныя формы распредѣленія, подчиненныя однимъ общимъ правиламъ. Достоинство этихъ формъ и соответствіе ихъ съ главною хозяйственною цѣлью человѣка состоитъ не въ томъ, чтобы преобладало то или другое начало — личности или обществу, а въ томъ, чтобы оба получили возможно полное развитіе, только не въ ущербъ другъ другу. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ современныхъ обществахъ, чуждыхъ коммунистическому принципу, государственное и общественное хозяйство обнимаетъ постепенно большее число предметовъ и болѣе обширный кругъ дѣятельности; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы этимъ стѣснялась область, въ которой дѣйствуетъ свободная личность человѣка, чтобы уничтожался частный интересъ, соперничество и личная собственность. Наоборотъ, предѣлы, въ которыхъ заключена свободная дѣятельность человѣка, раздвигаются далѣе и далѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ община, область и государство принимаютъ на себя заботу объ образованіи человѣка, о доставленіи ему

безопасности, удобствъ для жизни и даже объ удовлетвореніи многихъ изъ такихъ потребностей, которыя, въ болѣе отдаленныя времена, возлагались на попеченіе частныхъ лицъ, предоставленныхъ своимъ собственнымъ силамъ. Предшествующія изслѣдованія приводятъ къ заключенію, что законы производства, рассматриваемаго съ политико-экономической точки зрѣнія, и законы распределенія богатства не представляютъ, по существу своему, кореннаго различія; по крайней мѣрѣ, ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы производство слѣдовало законамъ неизмѣннымъ, а распределеніе зависѣло бы отъ человеческого произвола. Затѣмъ производство и распределеніе богатства находятся въ тѣсной зависимости другъ отъ друга, а потому отдѣленіе статики отъ динамики хозяйственныхъ явленій составляетъ такое научное отвлеченіе, которое не можетъ привести къ плодотворнымъ результатамъ. Всѣ явленія общественныя суть явленія измѣняющіяся, и каждое изъ нихъ въ частности испытываетъ на себѣ, въ болѣе или меншей мѣрѣ, перемѣны, происходящія въ другихъ явленіяхъ. Безъ сомнѣнія, разсмотрѣніе отдѣльныхъ родовъ или видовъ хозяйственныхъ явленій порознь и затѣмъ обзорѣніе ихъ во взаимной связи могутъ составить предметъ особыхъ подраздѣленій въ наукѣ; но первое составляетъ только подготовленіе ко второму и не есть что-либо отъ него отличное; послѣднее же — не болѣе, какъ заключительная глава, тождественная по содержанію съ предыдущими. Въ научномъ отношеніи, какъ будетъ показано далѣе, политическая экономія также мало выигрываетъ отъ противопоставленія статики динамикѣ хозяйственныхъ явленій, какъ и отъ той ошибочной мысли, что законы производства имѣютъ свойства, совершенно отличныя отъ законовъ распределенія богатства. Построеніе системы науки на этихъ логическихъ основаніяхъ разрываетъ только естественную связь, которая вытекаетъ изъ самаго содержанія предмета и приводитъ къ частымъ повтореніямъ, къ частому прикрѣпленію прерванной нити изложенія, къ длиннымъ эпизодамъ, къ перенесенію въ послѣдующія главы того, что существенно необходимо для яснаго пониманія излагаемаго въ главахъ предыдущихъ. Если всѣ эти недостатки не поражаютъ большинства читателей, знакомыхъ съ наукою, то единственно лишь потому, что такія лица не нуждаются въ предварительныхъ свѣдѣніяхъ, которыя излагаются у Милля только въ третьей книгѣ, но необходимы для правильнаго уразумѣнія многого еще въ книгахъ первой и второй. Приступающіе къ изученію науки, какъ показываетъ педагогическій опытъ, выносятъ изъ политической экономіи Милля

болѣе смутныя представленія, чѣмъ изъ посредственныхъ трактатовъ, написанныхъ по системѣ Сэя.

III. Производство.

Тринадцать главъ, посвященныхъ Миллемъ ученію о производствѣ, содержатъ въ себѣ изложеніе мыслей автора объ участіи природы и труда въ производствѣ, о различныхъ видахъ труда, о дѣленіи послѣдняго на производительный и непроизводительный, о капиталѣ, о рентѣ, о началѣ населенія и о законахъ возрастанія производительныхъ силъ. Убѣжденный въ томъ, что политическая экономія должна быть построена *a priori* развитіемъ немногихъ общихъ положеній, Милль извлекаетъ эти положенія не изъ анализа фактовъ, а изъ доктринъ англійской фаталистической школы, въ особенности изъ сочиненій Рикардо и Мальтуса, и старается согласовать ихъ съ социальными идеями новаго времени. Эта попытка не избавляетъ автора отъ погрѣшностей; напротивъ того, она часто увлекаетъ его на путь остроумныхъ соображеній, которыя подтверждаются вымышленными примѣрами, такъ что мысль, высказанная какъ гипотеза, подкрѣпляется въ свою очередь новою гипотезой, только въ другой формѣ. Не останавливаясь на томъ, что говоритъ Милль о природѣ и трудѣ, обратимъ вниманіе на объясненіе сущности капитала и четырехъ относящихся къ нему теоремъ, которыя развиты съ большою подробностію.

„Ясное пониманіе роли капитала въ производствѣ, говоритъ Милль, очень важно, потому что многія изъ ошибочныхъ мнѣній, которыя губятъ нашу науку, возникаютъ изъ неточности и сбивчивости понятія объ участіи капитала въ производствѣ“. Что же такое капиталъ? По словамъ автора, „это — накопленный запасъ произведеній прежняго труда“ (кн. I, гл. 4, § 1). Опредѣленіе такъ ясно, что повидимому, не позволяетъ желать болѣе точнаго; но въ слѣдъ за тѣмъ Милль исключаетъ деньги изъ итога произведеній, составляющихъ капиталъ, а нѣсколько далѣе причисляетъ къ капиталу деньги, служація для производства, и исключаетъ изъ капитала ту часть имущества, которая не имѣетъ въ виду производительныхъ цѣлей. Но это еще не все: если капиталъ расходуется на содержаніе рабочихъ, и содержаніе это превышаетъ дѣйствительную необходимость для жизни и здоровья человѣка, то такой излишекъ не идетъ на производство, слѣдовательно, не есть уже капиталъ, между тѣмъ какъ часть личнаго или семейнаго расхода капиталиста, которая не

превышаетъ надлежащаго (?) вознагражденія за его труды по рыночной цѣнѣ, должна считаться частію капитала. Вотъ подлинныя слова автора, которыя вполнѣ подтверждаютъ предыдущее: „Деньги не суть синонимъ ни капитала, ни богатства; сами по себѣ, деньги не могутъ выполнить ни малѣйшей доли того, что совершаетъ капиталъ, потому что не могутъ оказывать никакого содѣйствія производству“ (кн. I, гл. 4, § 1). „Не *все* деньги капиталиста, не *все* готовыя, принадлежащія ему, произведенія входятъ въ составъ его капитала, потому что не *все* онѣ обращаются имъ на производство (на плату рабочимъ, на пополненіе запаса матеріаловъ, на поправку строеній и машинъ и на приобрѣтеніе новыхъ); часть наличныхъ денегъ и часть денегъ, вырученныхъ за произведенія, капиталистъ обращаетъ на свое личное потребленіе и на потребленіе своего семейства, на наемъ домашней прислуги, на содержаніе охотничьихъ лошадей и собакъ, на воспитаніе дѣтей, на уплату налоговъ и на дѣла благотворительности. Въ чемъ же состоитъ его капиталъ? Въ части имущества, которую онъ предназначаетъ для дальнѣйшаго производства, какова бы ни была форма этого имущества“ (ib.). „Значительная доля производительнаго капитала страны, который употребляется на выдачу заработной платы, очевидно, не составляетъ того, что въ строгомъ смыслѣ слова неизбежно и необходимо для производства. Излишекъ платы, превышающій дѣйствительно необходимое для жизни и здоровья (этотъ излишекъ особенно значителенъ для искусныхъ работниковъ), расходуется въ сущности не на поддержаніе, а на вознагражденіе труда, и если бы рабочіе лишились этого излишка, то производство продолжалось бы въ прежнемъ размѣрѣ. Равнымъ образомъ, значительный капиталъ содержится также напередъ заготовленными средствами. Если онъ самъ лично завѣдываетъ своими дѣлами, то часть личнаго или семейнаго его расхода, которая не превышаетъ надлежащаго вознагражденія за его трудъ по рыночной цѣнѣ, должна считаться частію его капитала, расходуемаго, подобно другимъ, на производство; часть его личнаго потребленія, которая состоитъ изъ вещей, необходимыхъ для жизни, составляетъ производительное потребленіе“ (ib., § 2). Остановившись долѣе на сбивчивости и противорѣчійхъ, въ которыя впадаетъ Милль, говоря о капиталѣ, было бы бесполезно. Изъ всего предыдущаго можно сдѣлать одинъ выводъ: чѣмъ болѣе мы стараемся уяснить сущность и свойства производительной силы, руководствуясь въ нашихъ изслѣдованіяхъ не наблюденіемъ явленій дѣйствительности, а отвлеченными положеніями, схваченными на лету и призна-

ваемыми за истину, тѣмъ болѣе шаткихъ, гадательныхъ соображеній мы вносимъ въ изслѣдованіе, и тѣмъ труднѣе согласовать ихъ между собою.

Эта истина подтверждается и слѣдующею главою, заключающею въ себѣ „основныя теоремы относительно капитала“. Такихъ теоремъ Милль насчитываетъ четыре, именно: 1) размѣръ промышленности ограничивается размѣромъ капитала; 2) капиталъ есть результатъ сбереженія; 3) хотя капиталъ сберегается и составляетъ результатъ сбереженія, тѣмъ не менѣе онъ потребляется; 4) капиталъ поддерживаетъ и доставляетъ занятіе производительному труду, когда издерживается на доставленіе работы, а не на покупку готовыхъ произведеній труда; спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ. Эту послѣднюю теорему, по словамъ Милля, быть-можетъ, чаще, нежели другія, или упускаютъ вовсе изъ виду, или же понимаютъ ошибочно. Нельзя сказать, чтобы всѣ разсужденія о первыхъ трехъ теоремахъ были совершенно безспорны. Говоря объ истинахъ общепризнанныхъ, Милль нерѣдко вводитъ новыя положенія, далеко не безспорныя, и гипотезы, находящіяся за предѣлами возможнаго. Что сказать, напримѣръ, о слѣдующемъ: „Къ производительнымъ силамъ относятся только трудъ и природа, и если въ обширномъ смыслѣ можно сказать о какой-нибудь части капитала, что она имѣетъ производительную силу, то развѣ только объ орудіяхъ и машинахъ, которыя, подобно вѣтру и водѣ, дѣйствуютъ совмѣстно съ трудомъ. Продовольствіе рабочихъ и матеріалы для производства не имѣютъ производительной силы“ (гл. V, § 1). Между тѣмъ самъ Милль говоритъ въ началѣ гл. VII такъ: „Капиталъ есть произведеніе труда; дѣятельность его въ производствѣ есть, въ сущности, не прямая дѣятельность труда“. Что-нибудь одно: производительны или органы, орудія и вещества, которыя приводятъ въ дѣятельность силы природы, или самыя силы природы, дѣйствующія въ матеріи, или то и другое вмѣстѣ. По ученію физиократовъ, производительна одна природа; по Смиту, производителемъ одинъ трудъ; по ученію послѣдователей Смита, производителемъ также и капиталъ, сочетаніе силъ природы и труда; наконецъ, по ученію социалистовъ, капиталъ непроизводителемъ, почему нѣкоторые изъ социалистовъ и требовали его уничтоженія. Слѣдуя же Миллю, должно признать машину производительною, а капиталъ, состоящій въ матеріалахъ, напримѣръ, въ удобреніи, непроизводительнымъ. А вотъ и другія слова Милля, заключающія въ себѣ гипотезу весьма сомнительнаго свойства: „Каж-

дый можетъ понять, что если бы доброжелательное правительство владѣло все́мъ продовольствіемъ, все́ми орудіями и матеріалами, существующими въ обществѣ, то подобное правительство могло бы требовать производительнаго труда отъ все́хъ, кому оно удѣлитъ порцію пищи, и никогда не имѣло бы затрудненія въ присканіи занятія этому производительному труду“ (кн. I, гл. 5, § 3). Доброжелательное правительство, владѣющее все́мъ продовольствіемъ, все́ми орудіями и матеріалами, есть такое предположеніе, о которомъ разсуждать и противъ котораго спорить невозможно, потому что доброжелательство и завладѣніе все́мъ имуществомъ — понятія совершенно несомнѣстимыя, и самъ Милль, авторъ сочиненія „О свободѣ“, лучше всякаго другаго долженъ знать цѣну подобнаго доброжелательства.

Но, не останавливаясь на парадоксахъ и заблужденіяхъ, которые перемѣшаны у Милля съ объясненіями о сбереженіи, и потребленіи и возстановленіи капиталовъ, замѣчательными впрочемъ по многимъ необыкновенно мѣткимъ и глубокимъ соображеніямъ, перейдемъ къ четвертому положенію, которому онъ придаетъ особый вѣсъ. „Спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ“. Предположимъ, говоритъ Милль, что есть спросъ на бархатъ и сумма, готовая для покупки бархата, но нѣтъ капитала для основанія бархатной фабрики. Какъ бы великъ ни былъ этотъ спросъ — все равно: пока не обратится капиталъ на фабрикацію, не будетъ выдѣлено, и стало быть, не будетъ куплено ни одного дюйма бархата. Поддержку и занятіе труда доставляетъ капиталъ, расходующійся на употребленіе труда въ дѣло, а не спросъ покупателей на произведенія труда. Спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ. Первымъ опредѣляется направленіе труда, а не размѣръ требуемаго труда и не размѣръ расходовъ на трудъ. Какъ бы ни былъ великъ спросъ на бархатъ, пока капиталъ не обратится на его выдѣлку, до тѣхъ поръ не будетъ произведено и куплено ни одного дюйма этой ткани, развѣ спрашивающій превратитъ часть дохода, предназначаемаго для покупки бархата, въ капиталъ на выдѣлку послѣдняго. Наоборотъ: есть капиталъ для выдѣлки бархата, но нѣтъ спроса, и бархатъ также не будетъ выдѣлываться. Если спросъ внезапно прекратится, то погибнетъ капиталъ, и занятіе, которое капиталъ доставляетъ труду, остановится, не вслѣдствіе прекращенія спроса, а вслѣдствіе гибели капитала. Повѣрка приведеннаго начала заключается не въ гипотезѣ внезапной гибели капитала, а въ постепенномъ его переходѣ, при чемъ потеря относится только къ искусству и знанію. Для разьясненія предыдущаго Милль предполагаетъ, что потребитель мо-

жетъ употребить доходъ или для найма землекоповъ и каменщиковъ, или на покунку бархата и кружевъ. Въ первомъ случаѣ потребитель даетъ занятіе рабочимъ, безъ котораго они остались бы при другомъ производствѣ. Говорятъ, что это все равно; но это совершенно несправедливо, потому что покусникъ не даетъ занятій рабочимъ, а опредѣляетъ, только, чѣмъ будутъ занимать ихъ другія лица. Если потребитель издерживавшій доходъ на наемъ каменщиковъ, обратитъ доходъ на покунку бархата, то трудъ перестанетъ провоздить предметы необходимости для рабочихъ и обратится на производство бархата. Наоборотъ, если покусникъ бархата начнетъ на сумму, предназначавшуюся для покупки бархата, нанимать каменщиковъ, то капиталъ, который расходовался на продовольствіе ткачей бархата, будетъ употребленъ на что-либо другое, такъ что на продовольствіе и вознагражденіе труда будутъ употреблены двѣ суммы вмѣсто одной. Тутъ будетъ не простой замѣнъ занятія ткачей бархата работою каменщиковъ, а новое занятіе для каменщиковъ и замѣна занятія ткачей другою работою. Конечно, могутъ сказать, что употребляя 1000 фунтовъ на наемъ труда, я употребляю 1000 фунтовъ капитала бархатнаго фабриканта, но это случилось бы, если бы капиталъ не имѣлъ времени освободиться и погибъ; при постепенномъ извлеченіи явятся два капитала, содержащіе двойное число рабочихъ.

Смыслъ предыдущаго Милль поясняетъ слѣдующимъ образомъ. „Я хочу доказать, говоритъ онъ, что человѣкъ приноситъ пользу не тѣмъ, что онъ потребляетъ самъ, а тѣмъ, что даетъ потреблять другимъ. Если я, вмѣсто того, чтобъ издержать сто фунтовъ на себя, раздаю эти сто фунтовъ рабочимъ, то я отсрочиваю свое потребление, оставляя болѣе на потребление другихъ лицъ, трудъ которыхъ можетъ создать на сто фунтовъ новыхъ произведеній. Положимъ, напримѣръ, что землевладѣлецъ *A* расходуетъ извѣстную сумму на заработную плату и подаянія, и что эта сумма обращается на потребление хлѣба. *A* умираетъ; его наследникъ *B* начинаетъ расходовать эту сумму на тонкія блюда для своего стола. Потребленіе рабочихъ замѣняется утонченнымъ потребленіемъ владѣльца. Для того, чтобы производство хлѣба не уменьшилось и только пополнилось производствомъ утонченныхъ предметовъ потребленія владѣльца, необходимо, чтобы послѣдній отсрочилъ свое потребленіе на годъ и далъ бы хлѣбъ рабочимъ, которые своимъ трудомъ произведутъ предметы роскоши. Хотя спросъ на бархатъ опредѣляетъ лишь направленіе, получаемое извѣстнымъ количествомъ труда и капитала, но для предпринимателей, уже

занятыхъ и не желающихъ оставить своего дѣла, это обстоятельство имѣетъ величайшую важность. Для нихъ уменьшеніе спроса есть дѣйствительная потеря, которая можетъ возвыситься до такой степени, что они найдутъ нужнымъ прекратить производство. Наоборотъ, увеличеніе спроса дастъ имъ средства расширить свои обороты, получить прибыль на больший капиталъ, если онъ у нихъ есть, или если они могутъ занять его; при быстрѣйшихъ оборотахъ они дадутъ болѣе постоянное занятіе своимъ работникамъ или увеличатъ число ихъ. Такимъ образомъ, увеличеніе спроса на товаръ, въ самомъ дѣлѣ, часто имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что въ отдѣльной отрасли промышленности прежній капиталъ даетъ большее значеніе труду. Но дѣло въ томъ, что въ указанныхъ случаяхъ выгода приобрѣтается трудомъ и капиталомъ въ одной отрасли промышленности только при утратѣ такой же выгоды въ другой отрасли; если же перемѣна произвела свое естественное дѣйствіе и привлекла къ данной отрасли лишній капиталъ, пропорціональный увеличивающемуся спросу, то приобрѣтенная выгода превращается сама собою. Спросъ на произведенія скорѣе имѣетъ важность въ теоріи мѣны, чѣмъ въ теоріи производства. Вообще, и въ постоянномъ ходѣ дѣлъ вознагражденіе производителя обусловливается производительною силою его капитала. Продажа произведеній за деньги и покупка на эти деньги другихъ произведеній есть простой обмѣнъ равноцѣнныхъ произведеній для взаимнаго удобства. Операція обмѣна, — ведется ли она прямою мѣною товара на товаръ или мѣною, совершаемою посредствомъ денегъ, — есть механизмъ, при помощи котораго каждый превращаетъ вознагражденіе за свой трудъ или за свой капиталъ въ особенную, наиболѣе пригодную для него форму; но ни въ какомъ случаѣ мѣна не составляетъ вознагражденія (кн. I, гл. V, § 9).

Для уясненія ошибокъ, заключающихся въ предыдущемъ, необходимо подвергнуть тщательному анализу то, что высказалъ авторъ. Впервыхъ, Милль разсматриваетъ условія перехода отъ однихъ занятій къ другимъ и допускаетъ при этомъ два случая: 1) переходъ, сопряженный съ потерю капитала, и 2) переходъ, сопровождающійся появленіемъ двухъ новыхъ капиталовъ вмѣсто одного прежняго. Во вторыхъ, Милль устанавливаетъ различіе между употребленіемъ дохода или для удовлетворенія личнымъ потребностямъ, преимущественно въ предметахъ роскоши, или для производительныхъ цѣлей, преимущественно для найма рабочихъ, и развиваетъ мысль, что только последнее употребленіе дохода выгодно для народнаго благосостоянія.

Наконецъ, третьихъ, Милль утверждаетъ, что спросъ на произведеніи опредѣляетъ только форму вознагражденія участниковъ въ производствѣ, а потому мѣна не есть источникъ самого вознагражденія. Очевидно, что положеніе Милля: „Спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ“, далеко не выражаетъ всего того, что высказалъ авторъ. Мало того: теорема Милля предполагаетъ обстоятельное изученіе закона соперничества, распределенія доходовъ и разнообразнаго ихъ назначенія. Обратимся прежде всего къ первому вопросу, къ послѣдствіямъ перехода отъ однихъ занятій къ другимъ. Милль разсматриваетъ двѣ гипотезы: 1) если спросъ на бархатъ внезапно прекратится, то погибнетъ товаръ, а вмѣстѣ съ нимъ и капиталъ, и 2) если спросъ на бархатъ будетъ постепенно сокращаться, а спросъ на трудъ, напримѣръ, каменщиковъ, будетъ постепенно возрастать, то капиталъ, который употреблялся на покупку бархата, получитъ лишь новое назначеніе, а доходъ, употребленный на наемъ каменщиковъ, создастъ новый капиталъ. Наоборотъ, увеличеніе потребленія бархата отвлечетъ капиталъ отъ участія въ другихъ отрасляхъ производства и доставитъ только временную выгоду ткачамъ бархата. Эти разсужденія, даже съ точки зрѣнія самого Милля, не выдерживаютъ критики. Если спросъ на бархатъ внезапно прекратится, то весь доходъ, расходующійся на бархатъ, можетъ быть употребленъ съ разу на наемъ каменщиковъ, тогда какъ при постепенномъ сокращеніи спроса, доходъ, расходующійся на бархатъ, можетъ обращаться на наемъ рабочихъ лишь постепенно, при чемъ произойдетъ нѣкоторая отсрочка въ улучшеніи положенія рабочихъ. При внезапномъ прекращеніи спроса капиталъ бархатнаго фабриканта погибнетъ вдругъ, но такъ какъ доходъ, употреблявшійся на покупку бархата, обратится на наемъ труда, то получится все то, что произведутъ каменщики и земледѣльцы, добывающіе для нихъ пищу, и проч. При постепенномъ же сокращеніи спроса, фабрикантъ бархата выручитъ только свой оборотный капиталъ, и притомъ цѣною непродуманнаго потребленія; машины же, орудія и многія другія затраты фабриканта погибнутъ во всякомъ случаѣ. Затѣмъ, чѣмъ болѣе будетъ длиться непродуманное потребленіе бархата, тѣмъ хуже будетъ для народнаго хозяйства. Конечно, приведенныя разсужденія грѣшатъ, въ свою очередь, противъ истины, но ошибочность ихъ представится съ большею ясностію послѣ разсмотрѣнія втораго вопроса о послѣдствіяхъ производства и потребленія предметовъ роскоши и необходимости. Стараясь доказать, что спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ, и что только по

слѣдній дѣйствуетъ благотворно на народное благосостояніе, Милль противопоставляетъ потребленіе предметовъ роскоши найму рабочихъ, ихъ содержанію и прокормленію. Въ сущности же, онъ доказываетъ не свою теорему, а нѣчто другое, именно, что производство предметовъ роскоши для немногихъ менѣе полезно обществу, чѣмъ производство предметовъ для потребленія большинства, и что народъ выигрываетъ не тогда, когда капиталъ употребляется на увеличеніе роскошнаго потребленія нѣсколькихъ лицъ, а когда достигаетъ снабженія предметами необходимости массы населенія. Это совершенно вѣрно; но то или другое употребленіе доходовъ зависить не отъ условій производства, а отъ распредѣленія доходовъ и того положенія, въ какомъ находится общество, болѣе или менѣе расположенное или къ развитію производства на счетъ потребленія, или къ усиленію потребленія на счетъ производства. Только въ области распредѣленія имущества и доходовъ, понятія о роскоши, удобствахъ жизни и предметахъ необходимости имѣютъ смыслъ, тогда какъ съ отвлеченной точки зрѣнія (это явствуетъ изъ словъ самого Милля) излишкомъ въ производствѣ оказывается все то, что не составляетъ необходимости для жизни и здоровья человѣка. Притомъ Милль вовсе не поборникъ воззрѣнія, по которому человѣкъ существуетъ для производства, и задача народнаго хозяйства состоитъ лишь въ усиленіи производства, при возможно меньшихъ средствахъ на содержаніе производителей. Между тѣмъ, въ своемъ ученіи о производствѣ, ратуя противъ роскоши, Милль неизбѣжно впадаетъ въ это противорѣчіе: въ его глазахъ не одни тонкія блюда, потребляемая капиталистомъ, составляютъ потерю для производства или непроизводительный расходъ, но также и то, что издерживаетъ этотъ человѣкъ на воспитаніе своихъ дѣтей.

Признавая невозможнымъ установить опредѣленную границу между потребленіемъ предметовъ необходимости и роскоши, и затѣмъ оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ для того, чтобы не выйти за предѣлы теоремы, развитой Миллемъ, нельзя не согласиться, что и спросъ на трудъ далеко не имѣетъ такого значенія, какое старается придать ему авторъ. Спросъ на трудъ можетъ точно также способствовать уменьшенію, какъ и увеличенію поддержки и занятія труда. Капиталистъ, который располагаетъ капиталомъ въ 100.000 фунтовъ, можетъ употребить эту сумму на постройку или великолѣпнаго, но бесполезнаго для производства дома, или фабрики, которая доставитъ занятіе рабочимъ; и наоборотъ 100.000 фунтовъ, уплаченные за домъ,

то-есть, за готовое произведеніе, спекулятору, занимающемуся постройками, могутъ быть израсходованы на новыя постройки и доставить поддержку труду и занятіе каменщикамъ. Можно указать на другой примѣръ: если населеніе, обремененное налогами, уменьшаетъ покупку хлѣба, лѣса, полотна, сукна и проч., а собранные налоги расходуются на наемъ рабочихъ, напримѣръ, для перестройки Парижа, то слѣдуетъ ли отсюда, чтобы сокращеніе спроса на произведенія доставляло поддержку и занятіе труду? Очевидно, что Милль имѣлъ въ виду нѣчто другое; по собственному его сознанію, онъ хотѣлъ доказать, что человѣкъ приноситъ пользу не тѣмъ, что потребляетъ самъ, а тѣмъ, что даетъ потреблять другимъ. Въ поясненіе этой мысли авторъ проводитъ параллель между владѣльцемъ, который расходуетъ свой доходъ на заработную плату, на подаянія и т. п., и его наслѣдникомъ, который расходуетъ тотъ же доходъ на тонкія блюда. При этомъ Милль не замѣчаетъ, что онъ создаетъ для перваго владѣльца положеніе совершенно фальшивое. Владѣлецъ этотъ употребляетъ свой капиталъ на производство средствъ существованія или для нищихъ (то-есть, заставляетъ работать одну часть населенія для содержанія другой части, которой слѣдовало бы дать самостоятельное и независимое хозяйственное положеніе), или ради того, чтобы производить, не заботясь объ увеличеніи собственнаго потребленія. Но производство ради производства не имѣетъ смысла: конечную цѣль всякаго производства должно составлять всегда потребленіе. Безъ сомнѣнія, производитель, который затрачиваетъ весь приобретаемый имъ излишекъ на развитіе производства, полезенъ расточительнаго потребителя, но самое развитіе производства, накопленіе капиталовъ и пр. составляютъ въ глазахъ производителя не цѣль, а средство для будущаго потребленія.

Наконецъ, въ заключеніе, Милль развиваетъ мысль, что мѣна не служитъ источникомъ вознагражденія, а только опредѣляетъ форму его. Однако же, въ мѣнѣ устанавливается не только форма, но и размѣръ вознагражденія; въ этомъ состоитъ отношеніе мѣны къ производству и причина ея вліянія на послѣднее, чего самъ Милль не отрицаетъ и отрицать не можетъ.

Мы не остановимся на изложеніи содержанія слѣдующихъ главъ, въ которыхъ Милль говоритъ объ обратномъ и основномъ капиталѣ, объ условіяхъ производительности элементовъ производства, о сотрудничествѣ и сочетаніи труда, о производствѣ въ большомъ и маломъ размѣрахъ, о законахъ возрастанія труда, капитала и произведеній

земледѣлія и о послѣдствіяхъ сихъ законовъ. Въ названныхъ главахъ можно, конечно, указать на блестящія страницы; немногіе изъ экономистовъ отличаются такимъ широкимъ пониманіемъ вліянія общественныхъ причинъ на усиленіе производительности, немногіе коснулись столь разнообразныхъ сторонъ въ вопросѣ о раздѣленіи и сочетаніи труда; но всѣ эти изслѣдованія, свидѣтельствующія о рѣдкомъ дарованіи автора и о его проникательности, имѣютъ болѣе публицистическій, нежели ученый характеръ: вездѣ общія разсужденія подтверждаются лишь изрѣдка историческими примѣрами, при совершенномъ отсутствіи научно разработанныхъ фактовъ. Вслѣдствіе этого, трудъ автора принимаетъ часто догматическій характеръ, и то, что остается еще вопросомъ, требующимъ разъясненія и изслѣдованія, предлагается, какъ неопровержимая истина. Такъ, напримѣръ, вопросъ о народонаселеніи представляется Миллю законченнымъ; но онъ не высказываетъ о немъ болѣе того, что было высказано Мальтусомъ, какъ будто бы труды статистиковъ вовсе не существуютъ, и самое разнообразіе явленій, представляемыхъ движеніемъ населенія, не даетъ матеріала для новыхъ выводовъ и соображеній. Равнымъ образомъ глава, излагающая законъ возрастанія земледѣльческихъ произведеній, содержитъ въ себѣ часть ученія о рентахъ Рикардо и имѣетъ въ виду уяснить мысль, что предѣлъ для возрастанія производства заключается въ пространствѣ и производительности земли, которая, при увеличеніи капитала и труда, прилагаемыхъ къ производству, дастъ массу произведеній, не пропорціональную новымъ сдѣланнымъ затратамъ, а гораздо меньшую, чему противодѣйствуютъ въ извѣстной мѣрѣ улучшения, сдѣланныя въ земледѣліи. Развивая эти положенія, Милль не выходитъ изъ области апіорическихъ сужденій, не подтвержденныхъ положительными фактами. Нельзя же счесть общихъ указаній на интенсивность обработки въ нѣкоторыхъ странахъ, на введеніе новыхъ растений въ сѣвооборотъ, на улучшеніе орудій и способовъ воздѣлыванія земли, какъ на серіозную фактическую часть сочиненія, послужившую основаніемъ или подтвержденіемъ для приведенныхъ положеній и сдѣланныхъ изъ нихъ выводовъ. Для того чтобы законъ возрастанія произведеній, доставляемыхъ землею, имѣлъ современное научное значеніе, необходимо было бы принять въ соображеніе числовые данія о томъ, въ какой мѣрѣ производство, на извѣстномъ пространствѣ земли, можетъ быть увеличено затратою труда и капитала, и въ какой мѣрѣ тѣ или другія улучшения усилили производительность земледѣлія. При томъ не подлежитъ сомнѣнію, что возра-

станіе производства зависить не только отъ одного пространства земли, отъ употребляемаго въ дѣлю труда и капитала, и наконецъ, отъ сдѣланныхъ улучшеній, но также и отъ свойства установившихся отношеній между земледѣльческими классами, отъ права на владѣніе и пользованіе землею, отъ степени дробленія и соединенія земли въ большіе или малые поземельные участки, однимъ словомъ, отъ порядка и условій распредѣленія богатства. Изъ этого, конечно, нельзя заключить, что Миллю слѣдовало бы еще болѣе раздвинуть рамку для своихъ изслѣдованій о производствѣ; напротивъ того, можно полагать, и не безъ основанія, что книга его выиграла бы отъ болѣе краткой, но фактической характеристики производительныхъ силъ природы, капитала и труда.

Намъ предстоитъ теперь перейти къ слѣдующей книгѣ, трактующей о распредѣленіи богатствъ.

IV. Распредѣленіе богатствъ.

Въ книгѣ, которую Милль посвящаетъ распредѣленію богатствъ, рассматриваются три предмета: 1) вопросъ о собственности; 2) отношенія земледѣльческихъ классовъ другъ къ другу и къ землѣ, и 3) три главныя отрасли доходовъ: заработная плата, прибыль и рента. Къ этому послѣднему предмету Милль возвращается дважды, и въ IV книгѣ, гдѣ онъ рассматриваетъ вліяніе общества на производство и на распредѣленіе, и въ V книгѣ, гдѣ онъ говоритъ о вліяніи правительства. Впрочемъ, въ послѣдней книгѣ трактуются еще разъ и о собственности.

Излагая общій взглядъ на систему политической экономіи Милля, мы уже коснулись оригинальной точки зрѣнія, съ которой смотритъ авторъ на распредѣленіе богатства. По его мнѣнію, это вопросъ свободный, зависящій отъ благоусмотрѣнія человѣка и общества. Политическая экономія, по Миллю, не признаетъ ничего безусловно необходимаго въ формахъ, или точнѣе, въ правилахъ, установленныхъ для распредѣленія богатства. Общество, по Миллю, можетъ отдать предпочтеніе частной или личной собственности предъ общею собственностію или коммунизмомъ, и наоборотъ, можетъ ввести у себя общее владѣніе всѣми орудіями производства и общее пользованіе результатами производства. Мы видѣли, что этотъ взглядъ вытекаетъ изъ основнаго философскаго воззрѣнія на распредѣленіе богатства, какъ на дѣлю человѣческаго произвола. Такимъ образомъ, Миллю представляются двѣ системы, система частной собственности и система ком-

мунизма, и онъ самъ не знаетъ, какой изъ нихъ слѣдуетъ ему отдать предпочтеніе. „Если отважиться на догадку, — говоритъ онъ, — то, *вѣроятно*, рѣшеніе будетъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ того, которая изъ двухъ системъ наиболѣе совмѣстна со свободою и самоопредѣленіемъ человѣка“ (кн. II, гл. I, § 3). Не полагаясь даже на критическую оцѣнку системъ, Милль идетъ еще далѣе и предоставляетъ рѣшеніе опыту. „Опытъ долженъ рѣшить, въ какой мѣрѣ и скоро ли могутъ нѣкоторыя изъ возможныхъ системъ общности имущества замѣнить собою организацію промышленности, основанную на частномъ обладаніи землею и капиталомъ. Между тѣмъ, не думая ставить границъ дальнѣйшему развитію способностей человѣческой природы, мы можемъ сказать, что экономистъ еще довольно долго долженъ будетъ заниматься, главнымъ образомъ, условіями существованія и прогресса, присущими обществу, основанному на частной собственности и на личномъ соперничествѣ, и что главною цѣлью стремленій, при нынѣшнемъ состояніи человѣческаго развитія, служитъ не ниспроверженіе системы личной собственности, а ея улучшеніе и доставленіе полнаго участія въ ея выгодахъ каждому члену общества“ (ib., § 4). Этихъ заключеній нельзя не признать крайне странными: съ одной стороны, авторъ допускаетъ критерій для системъ въ человѣческой свободѣ и его самостоятельности; съ другой, онъ отвергаетъ возможность этого критерія и ждетъ, что скажутъ опыты; наконецъ, въ заключеніе, онъ ставитъ цѣлью своихъ стремленій не ниспроверженіе личной собственности, а ея улучшеніе и доставленіе полнаго участія въ ея выгодахъ каждому члену общества, что безъ сомнѣнія исключаетъ возможность социалистическихъ и коммунистическихъ опытовъ.

Указанныя противорѣчія составляютъ конечный выводъ изъ представленнаго Миллемъ разбора тѣхъ возраженій, которыя, по его словамъ, были сдѣланы противъ коммунизма, требующаго совершенной отчужденности частной собственности, и социализма, не требующаго совершенной ея отчужденности.

Милль начинаетъ свой разборъ положеніемъ, что „справедливость не дозволяетъ сказать, чтобы планы социализма и коммунизма были неосуществимы. Коммунистическая сельская община можетъ найти средства получить, а если потребуется, то и вынудить у каждаго изъ своихъ членовъ, способныхъ къ работѣ, количество труда, нужнаго для доставленія имъ удобствъ жизни“ (ib., начало § 3). Затѣмъ, Милль разсматриваетъ четыре возраженія противъ коммунизма и опровергаетъ

ихъ. Впервыхъ, онъ говоритъ, что при коммунизмѣ каждый будетъ постоянно избѣгать выполненія труда, причитающагося на его долю. Добросовѣстнаго и успѣшнаго труда можно ожидать лишь отъ людей, которые сами лично пользуются плодами своихъ усилій. Но возражающіе забываютъ, что отъ ирландскаго жнеца или чернорабочаго и до верховнаго судьи и государственнаго министра, почти весь трудъ, выполняемый въ обществѣ, вознаграждается поденною платой или опредѣленнымъ жалованьемъ. Нынѣшній фабричный работникъ въ меньшей степени лично заинтересованъ въ своемъ трудѣ, чѣмъ членъ коммунистической ассоціаціи; хозяйскій же глазъ на социалистской фермѣ будетъ глазъ не одного хозяина, но всѣхъ членовъ общины. Противъ закоренѣлаго упорства въ исполненіи своей доли труда община имѣла бы тѣ же самыя средства, какія и теперь имѣетъ общество для принужденія людей къ соблюденію необходимыхъ условій общественныхъ отношеній. Теперь побужденіемъ къ труду служитъ угроза отпустить несправнаго работника; но это средство бесполезно (?!), когда всякій другой работникъ трудится не лучше своего предшественника. Работникъ, теряющій свое занятіе по лѣности или небрежности, не претерпѣваетъ даже въ самомъ дурномъ случаѣ ничего худшаго, кромѣ развѣ необходимости переносить дисциплину работы, и если желаніе избѣжать этого зла служитъ достаточнымъ побужденіемъ при нынѣшней системѣ, то должно быть достаточнымъ и при системѣ коммунистической. Если бы коммунистическій трудъ и былъ менѣе энергиченъ, чѣмъ трудъ поселяннина собственника или ремесленника, работающаго на свой собственный счетъ, то вѣроятно, онъ былъ бы энергичнѣе, чѣмъ трудъ наемнаго работника, который лично вовсе не заинтересованъ въ дѣлѣ. Члены ассоціаціи непремѣнно все получаютъ воспитаніе и при этомъ будутъ работать также хорошо, какъ служащіе нынѣ по найму изъ лицъ средняго и высшаго сословія. Наконецъ, люди способны проникаться въ сильнѣйшей степени общественнымъ духомъ, чѣмъ въ настоящее время обыкновенно полагаютъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что многочисленныя человѣческія общества могутъ привыкать къ тому, чтобы считать общественную выгоду своею собственною. Коммунистическая ассоціація была бы самою выгодною почвой для развитія этого чувства, потому что все честолюбіе и вся дѣятельность, физическая и духовная, направленныя въ настоящее время къ преслѣдованію отдѣльныхъ частныхъ интересовъ, потребовали бы другой сферы для дѣятельности и нашли бы ее, конечно, въ преслѣдованіи общественнаго блага (ib., § 3).

Другое возраженіе противъ коммунизма, приводимое и разбираемое Миллемъ, состоитъ въ томъ, что при обеспеченіи продовольствія, послѣдовало бы неизбѣжно чрезмѣрное размноженіе населенія, которое довело бы послѣднее до нищеты; но въ коммунизмѣ общественное мнѣніе должно возстать съ наибольшою энергіей противъ невоздержности въ размноженіи населенія, увеличивающей трудъ и уменьшающей удобства жизни, и если бы порицаніе со стороны общественнаго мнѣнія оказалось недостаточнымъ, то были бы назначены какія-либо наказанія, для того чтобы сдерживать человѣка отъ полаганія самому себѣ на счетъ общества (ib).

Третье возраженіе — трудность распредѣлять общественный трудъ между членами ассоціаціи — дѣйствительно существуетъ; но нельзя сказать, чтобы трудность эта была непреодолимою. Притомъ самое худшее, самое несправедливое распредѣленіе труда при системѣ, стремящейся къ равенству, было бы такъ далеко отъ неравенства и несправедливости, съ какою распредѣляется трудъ нынѣ (не говоря уже о томъ, какъ нынѣ распредѣляется вознагражденіе), что не стоило бы принимать эту несправедливость въ расчетъ при сравненіи съ нынѣшнею (ib).

Наконецъ, переходя къ четвертому возраженію, къ несовмѣстности свободы и самостоятельной дѣятельности съ коммунистическою организациею общества, Милль замѣчаетъ, что это возраженіе очень преувеличено, подобно всѣмъ другимъ возраженіямъ противъ социалистическихъ плановъ. Ассоціаціи нѣтъ надобности принуждать своихъ членовъ имѣть въ жизни болѣе общенія между собою, чѣмъ теперь, нѣтъ надобности въ надзорѣ за тѣмъ, какъ они будутъ распоряжаться лично принадлежащею имъ долею произведеній и часами отдыха, число которыхъ, вѣроятно, будетъ значительно, если ассоціація ограничится производствомъ вещей, дѣйствительно заслуживающихъ быть произведенными. Нѣтъ надобности привязывать людей къ извѣстному занятію или къ извѣстному мѣсту. Узы коммунизма были бы свободою сравнительно съ нынѣшнимъ состояніемъ большинства людей. Одно только кажется Миллю сомнительнымъ, или какъ онъ выражается, вопросомъ, требующимъ изслѣдованія, именно, останется ли при коммунизмѣ какое-либо приближеніе для индивидуальности характера, хотя впрочемъ, по его мнѣнію, однообразіе составляетъ одинъ изъ недостатковъ и современнаго общества (ib).

Еще большею снисходительностью отличаются отзывы Милля о социализмѣ не коммунистическомъ, въ особенности о фуріеризмѣ. От-

нося сенсимонизмъ и фуріеризмъ къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ прошедшаго и нынѣшняго времени, по великой умственной силѣ, которою они отличаются, и по представляющемуся въ нихъ широкому философскому рѣшенію нѣкоторыхъ изъ основныхъ общественныхъ и нравственныхъ задачъ, Милль признаетъ, однако же, сенсимонистское распредѣленіе занятій по способностямъ, а вознагражденія по заслугамъ, при помощи общественной власти, хотя бы и выборной, несостоятельнымъ. Люди, говоритъ онъ, могутъ безъ ропота подчиняться опредѣленному правилу, на примѣръ, правилу равенства, или случая, или внѣшней необходимости; но допустить, чтобъ одинъ человѣкъ или нѣсколько людей взвѣшивали способности и заслуги каждаго члена общества на своихъ вѣсахъ, чтобы давали одному больше, другому меньше лишь потому, что такъ вздумали и разсудили, — этого человѣкъ не потерпитъ. Если не считаетъ распредѣлителей существами высшими и не сдерживается суевѣрнымъ страхомъ (ib., § 4). Передъ фуріеризмомъ Милль является совершенно безоружнымъ. Эта система, по его словамъ, построена самымъ искуснымъ образомъ; она не требуетъ уничтоженія ни частной собственности, ни наслѣдства. Община выдѣляетъ сначала каждому члену — способенъ ли онъ къ труду или нѣтъ — минимумъ продовольствія, а затѣмъ остатокъ распредѣляетъ между трудомъ, капиталомъ и талантомъ. Не уничтожая ни одного изъ побужденій къ дѣятельности, существующихъ въ нынѣшнемъ состояніи общества, фуріеристы присоединяютъ къ нимъ еще одно новое — привлекательность труда, зависящую отъ свободы выбора, симпатіи и соревнованія группъ, къ которымъ принадлежатъ рабочіе. По мнѣнію Милля, „было бы очень опрометчиво сказать о фуріеризмѣ, что онъ не можетъ имѣть успѣха или не можетъ осуществить значительной части надеждъ, основываемыхъ его приверженцами“ (ib.).

Если ошибочность основнаго воззрѣнія Милля на распредѣленіе богатства объясняетъ, почему относящіяся сюда экономическія явленія представились ему лишенными характера необходимости, то нельзя не сознаться, что его снисходительность къ коммунизму и социализму имѣетъ еще другія причины: во первыхъ, крайне поверхностное знакомство съ этими ученіями, что доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что Милль считаетъ *единственнымъ* предметомъ своего разногласія съ социалистами признаніе имъ благотѣльныхъ результатовъ и необходимости соперничества (тогда какъ такое разногласіе полагаетъ коренное различіе между ученіями социализма и экономическими школами);

вовторыхъ, впечатлѣніе, оставленное въ его умѣ промышленными товариществами, которыя дали въ Англіи блистательные результаты, и смѣшеніе ихъ съ социальными системами. Съ одной стороны, Милль вводитъ въ коммунизмъ и социализмъ условія, которыхъ не хотѣли допустить сами утописты; съ другой, онъ не замѣчаетъ въ этихъ системахъ тѣхъ характеристическихъ чертъ, безъ которыхъ онѣ совершенно немислимы. Разсматривая первое возраженіе противъ коммунизма, отсутствіе побужденій къ труду, Милль полагаетъ, что это явленіе свойственно и современному обществу, въ которомъ трудъ вознаграждается поденною платой или опредѣленнымъ жалованьемъ. Поверхностность этого сужденія очевидна уже изъ того, что начиная отъ ирландскаго жнеца и оканчивая министромъ, наемная плата есть личная собственность, которою получающій вознагражденіе располагаетъ по своему усмотрѣнію, тогда какъ въ коммунистическомъ обществѣ этого права не существуетъ, а есть право на порцію пищи, на помѣщеніе и одежду, выдаваемая общинною властію. Недостатокъ усердія и рвенія къ дѣлу, по мнѣнію Милля, можетъ быть и въ коммунистическомъ обществѣ восполненъ рабочимъ домомъ; но коммунисты, за немногими, весьма рѣдкими исключеніями, именно отвергаютъ подобныя средства. Если же Милль ссылается на силу общественнаго мнѣнія и на монашескіе ордена, которые служили дѣлу общественному, то еще вопросъ, забывали ли эти люди себя, и не находили ли они достаточнаго вознагражденія въ достиженіи своихъ личныхъ цѣлей на счетъ остальнаго не-коммунистическаго общества? Притомъ, господство общественнаго мнѣнія, проникнутаго религіознымъ настроеніемъ, какъ это мы находимъ въ нѣкоторыхъ сектахъ, не составляетъ характеристической черты гражданскаго общества. Милль полагаетъ возможнымъ остановить въ коммунистическомъ обществѣ размноженіе населенія силою общественнаго мнѣнія или наказаніемъ; но панацея, которой не признаетъ ни одно цивилизованное общество, не признаетъ и самый коммунизмъ. Мысль, что распредѣленіе труда и производствъ не будетъ хуже въ коммунизмѣ, чѣмъ въ современномъ обществѣ, отвергается самимъ Миллемъ въ разборѣ сенсимонизма; каковъ бы ни былъ принципъ распредѣленія, оно будетъ производиться людьми, облеченными властію, и никогда не можетъ быть ни безпристрастнымъ, ни безусловно справедливымъ. Примѣненіе начала равенства распредѣленія имуществъ или другаго правила всегда будетъ зависѣть отъ произвола распредѣлителей. Наконецъ, съ такою же легкостію относится Милль и къ вопросу о свободѣ.

Ему не представляется возможнымъ, чтобы въ коммунизмѣ человѣкъ не былъ господиномъ своего времени и своего заработка; но въ такомъ случаѣ это не коммунизмъ, потому что въ коммунистическомъ обществѣ нѣтъ дѣятельности, которая не принадлежала бы обществу и не предписывалась бы имъ; нѣтъ заработка, кромѣ участія въ пользованіи тѣмъ, чѣмъ пользуются другіе. Миллю кажется только сомнительнымъ сохраненіе человѣкомъ индивидуальности характера въ коммунистическомъ обществѣ; но трудно объяснить, откуда взялось у него это сомнѣніе? Если его не поразила дисциплина, которая въ коммунизмѣ властвуетъ надъ человѣкомъ во всѣхъ сферахъ его дѣятельности, то откуда явилось у него опасеніе за индивидуальность человѣка? Быть-можетъ развѣ, что теорія воспитанія навела его на эту мысль. Наконецъ, то, что говоритъ Милль о фуріеризмѣ, заставляетъ думать, что авторъ не читалъ ни подлинныхъ сочиненій знаменитаго социалиста, ни обстоятельнаго ихъ изложенія. Возраженія противъ коммунизма, разбираемыя Миллемъ, относятся въ равной степени и къ системѣ Фурье. Побужденіе къ труду, при щедромъ вознагражденіи капитала и таланта, назначенномъ въ системѣ Фурье, становится весьма сомнительнымъ. Привлекательность труда есть гипотеза, обусловливаемая возможностью по произволу мѣнять занятія и соревнованіемъ и увлеченіемъ рабочихъ, трудящихся въ группахъ и серіяхъ; но это вызываетъ новые вопросы: Будетъ ли исполняемый трудъ соответствовать ощущаемой въ немъ потребности? Возможно ли соревнованіе и увлеченіе въ группахъ и серіяхъ? Откуда возьмутся эти двигатели? Наконецъ, самый способъ распредѣленія грѣшить тѣмъ же самымъ недостаткомъ, который указалъ Милль, разбирая ученіе Сень-Симона. Такovy сомнѣнія, возникающія при разборѣ фуріеризма, представленнаго Миллемъ въ блѣдномъ и слабомъ очеркѣ. Эти сомнѣнія перешли бы въ увѣренность и въ убѣжденіе, если бы Милль изложилъ теорію страстей Фурье и рассмотрѣлъ бы его систему, какъ способъ возможно полнаго ихъ осуществленія, еслибъ онъ понялъ, что всѣ коммунистическія и социальныя ученія проповѣдываютъ совершенный разрывъ съ прошедшимъ, и отвергая непрерывность и послѣдовательность чело-вѣческаго развитія, предлагаютъ такую форму общественности, въ которую жизнь могла бы улечься однажды навсегда и тѣмъ доставить человѣку невозмутимое счастье и безконечныя наслажденія. Только совершеннымъ незнакомствомъ съ сочиненіями Фурье можно объяснить, почему Милль умалчиваетъ объ эникурейскомъ сенсуализмѣ этого ученія, и почему оно не возмущаетъ автора стороной,

антипатичною для нравственного чувства. Неоспоримо однако же, что эти недостатки Милля наиболее способствовали его популярности между социалистами и новаторами. Тѣ и другіе не могли не увидѣть въ немъ союзника, тогда какъ въ сущности Милль постоянно остается вѣрнѣ дѣйствительности и нигдѣ не простираетъ своихъ практическихъ требованій за предѣлы возможнаго.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что разрѣшеніе вопроса о распредѣленіи богатства, согласно съ тѣми цѣлями, къ которымъ стремятся современныя общества, заключается не въ выборѣ между частною собственностію и коммунизмомъ, но, во первыхъ, въ развитіи свободныхъ товариществъ на твердомъ основаніи частной собственности въ области производства, распредѣленія, накопленія и потребленія богатства; во вторыхъ, въ замѣнѣ старыхъ, обветшалыхъ формъ цеховаго устройства, крѣпостнаго состоянія и отчасти наемнаго труда новыми свободными формами союзности; наконецъ, третьихъ, въ доставленіи свободной личности точки опоры въ общественномъ порядкѣ, не имѣющемъ привилегированнаго характера. Между этою задачей и цѣлями социализма и коммунизма цѣлая бездна. Развитие начала товариществъ не требуетъ ни переустройства общества, ни пересозданія природы человѣка, но предполагаетъ лишь органическое развитие экономической жизни на почвѣ исторической. Тщательное изученіе современныхъ товариществъ, условій ихъ процвѣтанія и несчастныхъ или неудачъ, при вѣрномъ пониманіи авторомъ значенія этихъ хозяйственныхъ явленій, составило бы болѣе прочное пріобрѣтеніе въ наукѣ, чѣмъ защита коммунизма, которую не могутъ принять коммунисты, и чѣмъ нѣсколько легкое отношеніе къ порядку экономическому, корень котораго заключается въ природѣ человѣка.

Въ главѣ, слѣдующей за разборомъ способовъ распредѣленія богатства, Милль разсматриваетъ вопросы о принципѣ собственности, о порядкѣ ея пріобрѣтенія и въ особенности о наследствѣ. Развивая взглядъ на частную собственность, свойственный большинству англійскихъ философовъ, начиная съ Локка и Уолластона, и излагая законы о наследствѣ у различныхъ народовъ, Милль становится снова на твердую почву и только относительно наследства высказываетъ парадоксальную мысль, которую, впрочемъ, самъ же лишаетъ всякаго авторитета, не признавая ея соответствія съ существующими мнѣніями и обычаями. По его словамъ, наиболее рациональный порядокъ наследства состоялъ бы въ ограниченіи количества имущества, которое можетъ быть получено по наследству или по завѣщанію. Милль на-

дѣется предупредить этимъ образование чрезмѣрныхъ богатствъ и достигъ значительныхъ пожертвованій въ пользу государства или полезныхъ учреждений, по примѣру Соединенныхъ Штатовъ. Но подобный Платоновскій законъ, по сознанию Милля, противорѣчащій современному настроенію общества и его стремленіямъ, не имѣлъ бы силы, и желающіе обойти его предписаніе нашли бы всегда достаточныя къ тому средства. Щедрость же, съ которою частныя лица въ Соединенныхъ Штатахъ надѣляются общественныя учрежденія, простирается не изъ ограниченія свободы завѣщателя, а напротивъ изъ тѣхъ гарантій, которыми эта свобода обставлена. Посвятивъ далѣе нѣсколько словъ указанію классовъ, между которыми распредѣляются произведенія подъ вліяніемъ соперничества или обычая, Милль почти на сотнѣ страницъ излагаетъ отношенія земледѣльческихъ и землевладѣльческихъ классовъ другъ къ другу и къ самой землѣ. Почему именно Милль ограничиваетъ свои изслѣдованія земледѣліемъ и не распространяетъ ихъ на другія отрасли производства — горныя промыслы, лѣсоводство, рыболовство, ремесла, фабрики и пр., не видно изъ его книги. Ясно, что прекрасныя страницы о земледѣліи, въ которыхъ авторъ является горячимъ защитникомъ образованія сословія земледѣльцевъ-собственниковъ, были внушены ему образцовыми изслѣдованіями Сисмонди. Этотъ отдѣлъ не отличается самостоятельностью, но представляетъ мастерскій сводъ чужихъ мнѣній и наблюденій, сводъ, проникнутый единствомъ мысли, вполне здравой и современной. Тотъ же самый Милль, который, за нѣсколько страницъ передъ тѣмъ, полемизировалъ противъ частной собственности и не находилъ никакихъ особыхъ неудобствъ въ коммунизмѣ, приводитъ съ живымъ сочувствіемъ слова Юнга: „Магическая сила собственности обращаетъ песокъ въ золото“;... „дайте человѣку въ прочное владѣніе голую скалу, онъ превратитъ ее въ садъ; дайте ему по девятилѣтнему контракту садъ, онъ обратитъ его въ пустыню“ (гл. VI, § 7). При всемъ томъ Милль нѣсколько нерѣшительно относится къ ирландскому аграрному вопросу. Прославляя Штейна и Гарденберга и сочувствуя установленію вѣчныхъ, неизмѣнныхъ рентъ и даже выкупу ихъ, Милль колеблется совѣтовать подобную развязку для борьбы, дляншейся въ Ирландіи до настоящаго времени. Онъ предлагаетъ мѣры палліативныя: установленіе неизмѣнныхъ рентъ для вновь разчищенныхъ земель, покупку и раздробленіе большихъ имѣній, наконецъ, онъ возлагаетъ надежды на послѣдствія введенія въ Ирландію англійской системы земледѣлія, и если требуетъ большаго, то потому лишь,

что смѣлый въ области чисто отвлеченныхъ умозрѣній, онъ не рѣшается идти въ разрѣзъ съ мнѣніями и убѣжденіями англійскаго общества въ вопросѣ чисто практическомъ.

Въ шести главахъ, собственно относящихся къ распредѣленію доходовъ, то-есть, къ излѣдованію условій, отъ которыхъ зависитъ величина заработной платы, прибыли и ренты, Милль останавливается долѣе всего на заработной платѣ и рассматриваетъ, въ связи съ нею, вопросы о средствахъ противъ ея пониженія и о народонаселеніи.

Глава о заработной платѣ содержитъ въ себѣ изслѣдованія, дополняющія А. Смита и Мальтуса, и критику мѣръ, предложенныхъ для поддержанія заработной платы. Все доходы, а въ частности и заработная плата, по Миллю, опредѣляются или *обычаемъ*, или *соперничествомъ*. Но слову „обычай“ въ настоящемъ случаѣ необходимо дать болѣе обширный смыслъ; въ сущности, это тѣ ограниченія соперничества, которыя устанавливаются силою юридическихъ отношеній. Не останавливаясь на вліяніи обычая, Милль рассматриваетъ главную, по его мнѣнію, дѣйствующую причину — спросъ и предложеніе труда или отношеніе между населеніемъ и капиталомъ. По его мнѣнію, только перевѣсъ въ приращеніи капитала надъ приращеніемъ населенія обеспечиваетъ возрастаніе заработной платы. Упуская изъ виду послѣдствія болѣе или менѣе равномернаго распредѣленія доходовъ и капитала, Милль является рѣшительнымъ поборникомъ Мальтуса и полагаетъ, что главное средство для улучшенія заработной платы состоитъ въ сдерживаніи животной силы размноженія. Все, что предлагали доселѣ противъ пониженія заработной платы, по мнѣнію Милля, не выдерживаетъ критики, а именно, установленіе законнаго размѣра, или по крайней мѣрѣ, крайняго наименьшаго размѣра заработной платы, опредѣленіе платы совѣтами изъ депутатовъ отъ рабочихъ и хозяевъ, наконецъ, вліяніе общественнаго мнѣнія, обязывающаго послѣднихъ давать достаточное вознагражденіе труду. Возраженія противъ этихъ трехъ способовъ противоудѣствія пониженію заработной платы Милль основываетъ на невозможности давать плату выше той, которая устанавливается соперничествомъ. Милль является въ настоящемъ случаѣ горячимъ защитникомъ соперничества. „Соперничество, говоритъ онъ, не только понижаетъ заработную плату, но служитъ также средствомъ для ея возвышенія... Есть люди, воображающіе, что дѣйствію соперничества нѣтъ предѣловъ, что соперничество продавцовъ можетъ понижать цѣны и довести плату рабочихъ до нуля или до какой-то неопредѣленно малой величины. Это совершенная ошибка. Цѣна то-

вара можетъ понижаться соперничествомъ только до предѣла, вызывающаго число покупателей, достаточное для сбыта; а заработная плата можетъ понижаться соперничествомъ только до того предѣла, когда всѣ работники получаютъ долю въ распредѣленіи фонда заработной платы. Если она упадетъ ниже этого предѣла, то часть капитала, по недостатку работниковъ, останется безъ занятія, начнется обратное соперничество со стороны капиталистовъ, и заработная плата поднимется“. Поэтому, — замѣчаетъ Милль, — если законъ или общественное мнѣніе успѣютъ поднять заработную плату выше этой величины, то нѣкоторые работники останутся безъ занятія. Безполезно опредѣлять наименьшую величину заработной платы, если не приняты мѣры, чтобы находилась работа или плата для каждого, требующаго работы. Если бы нравственное вліяніе общественнаго мнѣнія было недостаточно для того, чтобы побудить богатыхъ къ сбереженіямъ, предназначеннымъ къ доставленію занятій всѣмъ бѣднымъ за удовлетворительную плату, то пришлось бы установить налоги или мѣстные, или государственные для выдачи заработной платы. Но это средство не задержало бы размноженія населенія, и налогъ на бѣдныхъ поглотилъ бы весь доходъ страны. Общество, говоритъ Милль, не можетъ безнаказанно принять на себя продовольствіе населенія, предоставляя ему свободу размножаться. Слѣдующія слова живо напоминаютъ Мальтуса: „Каждый имѣетъ право жить. Предположимъ, что право это обезпечено. Но никто не имѣетъ права давать жизнь существамъ, содержать которыхъ будутъ обязаны другіе люди. Кто хочетъ наставлять на первомъ изъ этихъ правъ, тотъ долженъ отказаться отъ всякаго притязанія на второе“. По тѣмъ же причинамъ Милль возстаетъ противъ добавочной платы (Allowance System), выдававшейся недостаточнымъ отъ приходовъ. Мѣра эта не возвышала заработной платы: она отнимала одною рукою то, что давала рабочему другою. Прибавка 3 шиллинговъ къ 7 шиллингамъ не улучшитъ положенія рабочихъ, если не уменьшится стремленіе къ размноженію, и если заработная плата упадетъ съ 7 шиллинговъ на 4. Къ подобному же результату должна привести участковая система (Allotment System), надѣленіе рабочихъ огородами, что конечно уже лучше прибавочной платы, но также не останавливаетъ размноженія населенія и не увеличиваетъ средствъ рабочаго сословія. Какія же средства предлагаетъ съ своей стороны Милль? Распространеніе здравыхъ понятій о зависимости заработной платы отъ народонаселенія и разумное воспитаніе народа, колонизацію, къ которой онъ отнесся довольно

скептически въ концѣ XIII главы, и употребленіе общинныхъ земель на распространеніе мелкой поземельной собственности. Последняя глава о заработной платѣ (различіе заработной платы по роду занятій) не представляетъ ничего особенно оригинальнаго и новаго. Это пополненное и исправленное изложеніе ученія А. Смита (гл. XI—XIV).

Въ прибыли Милль различаетъ три составныя части: процентъ съ капитала, или вознагражденіе за воздержаніе отъ потребленія, страховую премію и плату за трудъ. По странной непослѣдовательности Милль отдѣляетъ вопросъ о величинѣ процентовъ (кн. III, гл. XXIII) отъ изслѣдованія о прибыли и относитъ его къ мѣнѣ. Очевидно, что авторъ руководствуется въ настоящемъ случаѣ чисто виѣшними признаками, утверждая, что вопросъ о процентахъ по займамъ, будучи въ сущности вопросомъ о мѣнѣ цѣнности, естественно относится къ этому отдѣлу нашего предмета. Колебанія въ величинѣ процентовъ происходятъ, по Миллю, отъ спроса и предложенія на ссуды. Спрашиваютъ и предлагаютъ капиталы; но такъ какъ спросъ и предложеніе происходятъ въ формѣ денегъ, то размѣръ процентовъ считается обыкновенно послѣдствіемъ обилія или недостатка денегъ. Сбивчивость понятій усиливается при этомъ еще болѣе отъ того, что величину процентовъ обозначаютъ выраженіемъ: *цѣнность денегъ*.

Оспаривая заблужденія, состоящія въ смѣшеніи денегъ съ капиталами вообще, а процентовъ съ цѣною денегъ, Милль заходитъ однако же слишкомъ далеко. Обильное предложеніе денегъ при отсутствіи предложенія капиталовъ невозможно; но неоспоримо, что при одинаковомъ количествѣ запасовъ и произведеній, можетъ быть избытокъ и недостатокъ денегъ, низкій и высокій процентъ. Покупная сила сама подчинена закону спроса и предложенія, и предложеніе во многомъ зависитъ не отъ количества произведеній, но отъ прочности кредита, который безъ легкости металлическихъ платежей, по большей части, бываетъ шатокъ. Это послѣднее обстоятельство выяснено въ замѣчательномъ сочиненіи Лавеле.

Разъяснивъ условія, отъ которыхъ зависитъ наименьшій размѣръ прибыли и возможныя въ немъ колебанія, различія въ прибыли, происходящія отъ различнаго свойства предпріятій, на которыя капиталъ обращается, и причины, по которымъ величина прибыли стремится къ равенству во всѣхъ занятіяхъ, Милль развиваетъ слѣдующія три положенія: 1) прибыль не зависитъ отъ цѣны и не есть результатъ покупки и продажи; 2) затраты капиталиста состоятъ единственно въ платѣ за трудъ; 3) величина прибыли зависитъ отъ сто-

имости труда. Эти положенія, по своей важности, заслуживаютъ подробнаго изученія.

По ходячему въ обществѣ мнѣнію, говоритъ Милль, промышленная прибыль зависитъ отъ цѣнъ. Повидимому, производитель или продавецъ получаетъ прибыль, вслѣдствіе продажи своего товара по цѣнѣ, превышающей издержки производства. Но всматриваясь ближе въ операціи производителя, мы замѣчаемъ, что деньги, которыя онъ получаетъ за свои произведенія, составляютъ не причину, а только форму выдаваемой ему прибыли. Причина прибыли состоитъ въ томъ, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе. Земледѣльческій капиталъ даетъ прибыль, потому что люди могутъ произвести болѣе пищи, чѣмъ необходимо на ихъ прокормленіе во время производства, включая сюда и время, употребляемое на изготовленіе орудій и исполненіе всѣхъ другихъ нужныхъ приготовленій. Изъ этого слѣдуетъ, что если капиталистъ возьмется кормить работниковъ съ условіемъ обратить произведенія въ свою пользу, то по возмещеніи своихъ затратъ, получитъ еще нѣкоторый остатокъ. Итакъ, прибыль возникаетъ не вслѣдствіе появленія мѣны, но вслѣдствіе производительной силы труда, и общая прибыль страны всегда зависитъ отъ производительной силы труда, будетъ ли мѣна имѣть мѣсто, или нѣтъ. Если бы не было раздѣленія занятій, то не было бы ни покупки, ни продажи; но прибыль все-таки существовала бы. Если работники страны всѣ вмѣстѣ произведутъ на 20% болѣе своей заработной платы, то производители (въ сложности) получатъ 20% прибыли, каковы бы цѣны ни были. Прибыль капиталистовъ зависитъ исключительно отъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, отъ количества полученныхъ произведеній, иначе, отъ производительной силы труда, и во-вторыхъ, отъ того, какую часть произведеній получаютъ работники. Эти два элемента служатъ данными, по которымъ опредѣляется вся сумма, раздѣляемая между всѣми капиталистами страны. Но размѣръ прибыли, процентное ея отношеніе къ капиталу, зависитъ только отъ втораго элемента, то-есть, отъ доли, получаемой работникомъ, а не отъ итога подлежащихъ раздѣлу произведеній. Если бы произведенія труда удвоились, и работники получили бы прежнюю долю, то-есть, вдвое болѣе, то капиталисты тоже получили бы вдвое противъ прежняго; но такъ какъ они притомъ затратили вдвое противъ прежняго, то и размѣръ ихъ прибыли не увеличивается, а остается прежнимъ (гл. XV, §§ 5 и 7). Такимъ образомъ, говоритъ Милль, мы приходимъ къ выводу Рикардо и

нѣкоторыхъ другихъ экономистовъ, что размѣръ прибыли зависитъ отъ заработной платы, возвышаясь при паденіи и падая при возвышеніи ея. Но, принимая это ученіе, Милль настаиваетъ на болѣе точномъ выраженіи мысли Рикардо. По его мнѣнію, слѣдуетъ сказать, что прибыль зависитъ не отъ заработной платы, а отъ стоимости труда. Говоря математическимъ языкомъ, стоимость труда есть функція трехъ пзмѣняемыхъ — успѣшности труда, заработной платы (то-есть, существеннаго, а не денежнаго вознагражденія работнику) и стоимости, по которой могутъ быть производимы или покупаемы вещи, составляющія это существенное вознагражденіе. Если трудъ вообще станетъ болѣе успѣшенъ, а вознагражденіе его не возвысится, если вознагражденіе за трудъ упадетъ, а стоимость предметовъ, составляющихъ это вознагражденіе, не увеличится, и самый трудъ не станетъ менѣе успѣшенъ, или если предметы, составляющіе вознагражденіе работника, станутъ дешевле, а работникъ будетъ получать ихъ не больше прежняго, то въ каждомъ изъ этихъ случаевъ прибыль возвысится. Если же, напротивъ того, трудъ станетъ менѣе успѣшенъ (что можетъ произойти отъ уменьшенія физической силы въ народѣ, отъ уничтоженія постояннаго капитала или отъ упадка народнаго образованія), или если работникъ станетъ получать большее вознагражденіе, безъ уменьшенія стоимости составляющихъ вознагражденіе вещей, или наконецъ, если онъ будетъ получать и не больше прежняго, но самая стоимость полученныхъ имъ вещей будетъ больше, то во всѣхъ этихъ случаяхъ прибыль уменьшится. Кромѣ этихъ случаевъ, нѣтъ сочетанія другихъ обстоятельствъ, отъ которыхъ могъ бы падать или возвышаться общій размѣръ прибыли въ странѣ во всѣхъ отрасляхъ промышленности (гл. XV, § 7).

Три положенія, развитыя Миллемъ, далеко не могутъ быть признаны безспорными. Замѣтимъ прежде всего, что на прибыль никакъ нельзя смотрѣть, какъ на плату капиталисту за воздержаніе отъ потребленія; прибыль вытекаетъ несомнѣнно изъ участія капиталиста въ приращеніи производства, достигаемаго влѣдствіе употребленія капитала. Аргументація Милля, направленная къ тому, чтобы доказать, что прибыль составляетъ ту долю произведеній, которая остается за выдѣломъ заработной платы или стоимости труда, напоминаетъ нѣсколько ученіе физиократовъ. Прибыль не отъ того высока или низка, что получается болѣе или менѣе произведеній за покрытіемъ расходовъ на трудъ, но отъ цѣны, установленнаго спросомъ и предложениемъ. Для того, чтобы убѣдиться, какъ ошибочна попытка Милля отдѣлить мѣну, которою

совершается распредѣленіе, отъ самаго распредѣленія, стѣнитъ только припомнить, что при чрезвычайномъ урожаѣ, въ земледѣльческихъ странахъ прибыль, доставляемая земледѣльцемъ, доходитъ до 0, хотя бы производство дало самый блистательный результатъ. Конечно, прибыль не мыслима, если производители расходуютъ болѣе, чѣмъ они производятъ; но изъ предыдущаго примѣра очевидно, что для того чтобы прибыль существовала, необходимо, чтобы избытокъ могъ быть проданъ по хорошей цѣнѣ. Гипотеза о странѣ, въ которой нѣтъ раздѣленія труда и гдѣ работникъ производитъ на 20% болѣе противъ своей заработной платы, не можетъ быть допущена въ томъ видѣ, какъ ее принимаетъ Милль; она понятна лишь подъ условіемъ денежной оцѣнки, потому что нельзя представить себѣ ни случая отсутствія раздѣленія труда, ни приращенія въ производствѣ каждаго изъ предметовъ на 20%. Если прибыль есть результатъ соперничества, устанавливающаго цѣны, конечный выводъ, къ которому приходитъ производитель, по сведеніи своихъ счетовъ, то нельзя сказать, чтобы прибыль и заработная плата или стоимость труда понижались въ обратномъ отношеніи. Произведенія распредѣляются соперничествомъ согласно съ установившимися цѣнами труда, капитала, земли и самыхъ произведеній. Полагать, что одна стоимость труда устанавливаетъ прибыль, значитъ забывать то, что самъ Милль говорилъ о непомерно высокихъ рентахъ въ Ирландіи, устанавливаемыхъ соперничествомъ. Такимъ образомъ, никакъ нельзя сказать, чтобы величина прибыли зависѣла отъ стоимости труда. Равнымъ образомъ неточно и второе положеніе Милля, именно, что затраты капиталиста состоятъ единственно въ платѣ за трудъ; это положеніе есть не что иное, какъ развитіе мысли о трудѣ, какъ о единственной производительной силѣ, чего самъ Милль не допускаетъ. Притомъ трудно понять, какъ могъ допустить Милль эту мысль, послѣ того какъ онъ доказывалъ, „что спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ“.

Происхожденіе ренты Милль объясняетъ сначала монопольнымъ обладаніемъ землею, а вслѣдъ затѣмъ развиваетъ въ общихъ чертахъ принятую имъ теорію Рикардо и представляетъ возраженія противъ ученія Кери, которое, по его мнѣнію, нисколько не опровергаетъ того положенія, что всегда существуютъ земли, болѣе и менѣе плодородныя, болѣе и менѣе близкія къ рынкамъ, и что если воздѣлываются земли менѣе плодородныя и менѣе близкія къ рынкамъ, то болѣе плодородныя и болѣе близкія къ потребителямъ даютъ ренту. Рента, по словамъ Милля, нисколько не зависитъ отъ затраты капиталовъ и не

объясняется переходомъ воздѣлыванія отъ земель болѣе легкихъ и менѣе плодородныхъ къ землямъ болотистымъ, поросшимъ лѣсами и болѣе плодороднымъ. Не останавливаясь на разборѣ мыслей Рикардо, изложенныхъ Миллемъ, и на полемикѣ послѣдняго съ Кери, нельзя не замѣтить, что Милль допускаетъ двойное объясненіе ренты, съ одной стороны, исключительнымъ обладаніемъ землею, съ другой, необходимостью обратиться къ воздѣлыванію худшихъ земель, при существующемъ спросѣ на произведенія земли, что, очевидно, не одно и то же. Однако же не это одно составляетъ недостатокъ въ ученіи Милля. Авторъ часто упускаетъ изъ виду то, что самъ говоритъ въ кн. III, гл. V., § 4 своего сочиненія, именно, что рента есть явленіе общее всѣмъ отраслямъ промышленности, и что ренту даетъ талантъ, точно также, какъ малораспространенное открытіе или болѣе плодородная почва. Онъ совершенно неправъ, утверждая, что истинная теорія ренты, изложенная въ прошломъ столѣтіи Андерсономъ, была черезъ двадцать лѣтъ снова открыта почти одновременно Уэстомъ, Мальтусомъ и Рикардо. Ученія Мальтуса и Рикардо ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы, какъ однородныя; первое носитъ на себѣ явные слѣды физиократическаго ученія. Наконецъ, несомнѣнно и то, что разрѣшеніе вопроса о рентѣ составляетъ задачу будущаго и сдѣлается возможнымъ только тогда, когда политическая экономія станетъ на твердую почву положительныхъ фактовъ, когда удастся уловить колебаніе ренты и разнообразныя условія, при которыхъ оно совершилось. Самое строгое осужденіе предложенной Миллемъ теоріи заключается въ слѣдующихъ его словахъ: „Никто не скажетъ, чтобы факты, въ какомъ-нибудь конкретномъ случаѣ, съ абсолютною точностью соответствовали тому или другому научному принципу. Мы никогда не должны забывать, что истины политической экономіи суть истины только въ общихъ чертахъ“. „Въ политической экономіи невозможно достигнуть теоремъ такого рода, чтобы ими обнимались всѣ многосложныя обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ результатъ въ частномъ случаѣ“. Если это такъ, если нельзя знать *всѣхъ* обстоятельствъ, при которыхъ совершилось явленіе, то можно и должно знать условія, которыя существенно необходимы для объясненія послѣдняго. Наконецъ, особенно замѣчательно признаніе Милля, что истинная теорія ренты представится съ большею ясностію послѣ изложенія ученія о цѣнности и цѣнѣ. Такимъ образомъ, самый ходъ изслѣдованій привелъ автора къ заключенію, что распредѣленіе богатства нельзя понять вполне, не имѣя понятія о мѣнѣ, цѣнности и цѣнѣ.

V. Мѣна.

Книга третья заключаетъ въ себѣ слѣдующіе главные отдѣлы: 1) теорію цѣнности, 2) изслѣдованія о деньгахъ, 3) о кредитѣ и 4) о международныхъ торговыхъ сношеніяхъ.

1. Цѣнность.

Цѣнность, по мнѣнію Милля, не относится къ производству и касается распредѣленія богатства лишь въ той мѣрѣ, въ какой распредѣляющею силой является соперничество, а не обычай или обыкновеніе; но прежде чѣмъ начать изслѣдованіе законовъ цѣнности и цѣны (такъ часто смѣшиваемыхъ между собою, тогда какъ цѣна означаетъ цѣнность, выраженную деньгами), необходимо замѣтить, что въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ рассмотрѣны лишь тѣ случаи, въ которыхъ цѣнность и цѣна опредѣляются однимъ соперничествомъ, а слѣдовательно, могутъ быть подведены подъ опредѣленные законы (кн. III, гл. I, §§ 1 и 5). Чтобы вещь имѣла мѣновую цѣнность, для этого необходимы два условія: во первыхъ, вещь должна быть на что-нибудь пригодна, а во вторыхъ, пріобрѣтеніе ея должно быть сопряжено съ трудностію. Степень годности составляетъ крайній предѣлъ мѣновой цѣнности. Трудность пріобрѣтенія бываетъ различна; одни предметы рѣдки, и предложеніе ихъ ограничено безусловнымъ предѣломъ, на примѣръ, нѣкоторые вина могутъ быть выдѣлываемы только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и въ опредѣленномъ количествѣ; другіе предметы могутъ быть получены лишь подъ условіемъ употребленія извѣстнаго труда и расхода; наконецъ, третьи могутъ быть произведены въ большемъ количествѣ только при употребленіи большаго труда и расхода. (гл. II, §§ 1 и 2).

Цѣнность предметовъ перваго разряда опредѣляется рѣдкостію, или точнѣе, спросомъ и предложеніемъ. Цѣнность произведеній втораго разряда, которыя могутъ быть произведены трудомъ и капиталомъ въ неограниченномъ количествѣ; имѣетъ наименьшій предѣлъ, состоящій въ издержкахъ производства; но этотъ предѣлъ будетъ и наивысшій, если соперничество дѣятельно и свободно. Наконецъ, цѣнность предметовъ третьаго разряда, которые могутъ быть произведены въ большемъ количествѣ только при болѣе значительныхъ издержкахъ производства и производится съ различными издержками, опредѣляется наивысшимъ размѣромъ послѣднихъ (гл. II, § 3, гл. III, § 1, гл. V, § 1). Говоря о предметахъ, цѣнность которыхъ зависитъ

отъ рѣдкости, Милль приходитъ къ слѣдующему выводу: „Если спросъ и предложеніе въ извѣстную минуту становятся неравны, то соперничество уравниваетъ ихъ соответственнымъ данному случаю измѣненіемъ цѣнности. При возрастаніи спроса цѣнность поднимается, при уменьшеніи его падаетъ; при уменьшеніи предложенія, цѣнность поднимается, при увеличеніи падаетъ; она продолжаетъ подниматься и падать до той степени, на которой спросъ и предложеніе становятся снова равны, такъ что цѣнность извѣстнаго товара на рынкѣ есть та, которую устанавливаетъ спросъ, нужный для сбыта существующаго или ожидаемаго предложенія. Вотъ законъ цѣнности для всѣхъ тѣхъ товаровъ, количество которыхъ не можетъ быть увеличиваемо по произволу“ (гл. II, § 4). Цѣнность предметовъ, количество которыхъ можетъ увеличиваться по произволу, не зависитъ отъ спроса и предложенія, исключая лишь рѣдкіе случаи, и то на время, необходимое для того, чтобы производство могло приоровиться къ спросу: напротивъ того, предложеніе и спросъ зависятъ отъ цѣнности. Если есть спросъ на извѣстное количество товара по его естественной цѣнности, то и предложеніе постоянно приравнивается къ ней. Если предложеніе уклоняется отъ этой цѣнности, то причиной тому ошибка въ расчетѣ или какая-нибудь переменная въ естественной цѣнности, то-есть, въ издержкахъ производства, то въ спросѣ отъ переменны вѣкусовъ общества, то въ числѣ или богатствѣ потребителей. Эти причины колебанія случаются очень часто, и достаточно одной изъ нихъ, чтобы рыночная цѣнность предмета отклонилась отъ естественной. Дѣйствительный законъ спроса и предложенія — уравниваніе ихъ между собою — и тутъ не перестаетъ дѣйствовать. Управляя этими колебаніями цѣнности, само уравненіе спроса и предложенія подчиняется высшей силѣ, которая заставляетъ цѣнность тяготѣть къ издержкамъ производства, устанавливаетъ и всегда держитъ ее на этой высотѣ, если не возникаютъ постоянно новыя возмущающія вліянія, производящія отклоненія цѣнности. Спросъ и предложеніе постоянно стремятся къ равновѣсію; но положеніе „устойчиваго равновѣсія“ есть то, когда предметы обмѣниваются другъ на друга соразмѣрно издержкамъ своего производства (гл. III, § 2).

Окончательное разъясненіе предыдущаго даетъ Милль въ своемъ анализѣ издержекъ производства. Издержки производства, по Миллю, который въ настоящемъ случаѣ только излагаетъ ученіе Рикардо, состоятъ изъ заработной платы и прибыли, но не ренты, которая составляетъ результатъ цѣни. Издержки опредѣляются, главнымъ обра-

зомъ, величиною заработной платы и количествомъ труда, употребленнаго на производство; измѣненія въ заработной платѣ (кромя мимолетныхъ колебаній) относятся обыкновенно ко всѣмъ предметамъ и не имѣютъ значительнаго вліянія на цѣнность; гораздо важнѣе различія въ количествѣ труда, необходимаго для производства, потому что въ данное время измѣненіе относится къ одному или къ немногимъ произведеніямъ. Независимо отъ количества труда и заработной платы, въ составъ издержекъ производства входитъ прибыль. Вліяніе этого элемента на цѣнность весьма различно. Та часть капитала, которая потребляется въ теченіе годичнаго періода производства, входитъ всецѣло въ составъ цѣны произведеній; та же часть, которая въ видѣ долговѣчныхъ машинъ потребляется медленно, входитъ въ составъ цѣны на столько, на сколько потребляется капиталъ. Такимъ образомъ, затрата капитала въ товарахъ на долгое время, напримѣръ, въ винѣ, или замѣнъ оборотнаго капитала постояннымъ и долговѣчнымъ увеличиваютъ долю прибыли въ общей массѣ издержекъ производства; но за то, при замѣнѣ труда долговѣчною машиною, издержки производства будутъ менѣе, и такъ какъ прибыль входитъ въ различной пропорціи въ ихъ составъ, то очевидно, что пониженіе прибыли, происходящей отъ увеличенія стоимости труда, произведетъ неравномѣрное измѣненіе въ цѣнности произведеній (гл. IV).

Таково ученіе Милля о цѣнности. Сущность его выражена авторомъ въ слѣдующихъ семнадцати основныхъ положеніяхъ:

I. Цѣнность есть отношеніе. Цѣнность одного предмета означаетъ количество другаго предмета или предметовъ вообще, на которые онъ обмѣнивается. Поэтому, не можетъ быть общаго пониженія или возвышенія цѣнности, а возвышенію однихъ цѣнностей соответствуетъ пониженіе другихъ.

II. Временная или рыночная цѣнность произведеній зависитъ отъ спроса и предложенія; она возрастаетъ съ увеличеніемъ спроса и падаетъ съ увеличеніемъ предложенія. Спросъ измѣняется однако же вмѣстѣ съ цѣнностію; онъ бываетъ больше тогда, когда предметъ дешевле меньше, — когда дороже; и цѣнность всегда приравнивается при этомъ такъ, что спросъ равенъ предложенію.

III. Кромѣ временной цѣнности, предметъ имѣетъ цѣнность постоянную, или такъ-сказать, естественную, къ которой рыночная, послѣ каждаго ея измѣненія, всегда стремится приблизиться. Эти колебанія уравниваются такъ, что произведеніе промѣнивается, въ среднемъ выводѣ, приблизительно по своей естественной цѣнности.

IV. Естественная цѣнность нѣкоторыхъ предметовъ есть цѣнность рѣдкости, но большая часть предметовъ обмѣниваются другъ на друга, соразмѣрно съ издержками производства или ихъ стоимости (Cost value).

V. Предметы, естественно и постоянно имѣющіе цѣнность рѣдкости, суть тѣ, предложеніе которыхъ не можетъ вовсе или на столько увеличиться, чтобъ удовлетворить всякому спросу, который бы имѣлъ мѣсто, еслибъ они продавались сообразно съ издержками производства (Cost value).

VI. Монопольная цѣнность означаетъ цѣнность рѣдкости. Монополия сообщаетъ цѣнность лишь вслѣдствіе ограниченія предложенія.

VII. Каждое произведеніе, предложеніе котораго можетъ быть безконечно увеличено трудомъ и капиталомъ, промѣнивается на другія вещи пропорціонально наибольшимъ издержкамъ производства, необходимымъ для производства и поставки на рынокъ самой дорогой части потребнаго предложенія. Цѣнность естественная и стоимость синонимы: стоимость означаетъ наибольшія издержки, съ коими эта часть предложенія произведена.

VIII. Издержки производства состоятъ изъ нѣсколькихъ элементовъ, изъ которыхъ нѣкоторые всеобщі и постоянны, а другіе случайны. Заработная плата и прибыль суть два необходимые элемента въ издержкахъ производства. Случайные элементы суть подати и чрезвычайныя издержки, условливаемыя рѣдкостію нѣкоторыхъ принадлежностей производства.

IX. Рента не составляетъ элемента, входящаго въ составъ издержекъ производства предметовъ, которые даютъ ренту, исключая случай, скорѣе воображаемый, чѣмъ дѣйствительный, именно, когда издержки происходятъ отъ рѣдкости и составляютъ ея слѣдствіе; но если земля, могущая дать ренту въ земледѣліи, употребляется для другой цѣли, то рента, которую она могла бы дать, входитъ въ составъ издержекъ производства того предмета, для производства котораго служить эта земля.

X. Если опустить случайные элементы цѣнности, то предметы, которые могутъ быть произведены въ неограниченномъ количествѣ, промѣниваются естественно и постоянно пропорціонально издержанной на нихъ заработной платѣ и прибыли, которую должны извлечь капиталисты, уплачивающіе эту заработную плату.

XI. Относительный размѣръ итога заработной платы не зависитъ отъ нея самой. Высокая заработная плата не есть причина высокой

цѣнности, а низкая заработная плата — низкой цѣнности. Относительный размѣръ итога заработной платы зависитъ отчасти отъ количества потребнаго труда, отчасти отъ размѣра вознагражденія за трудъ.

XII. Равнымъ образомъ относительная доля прибыли не зависитъ отъ высоты прибыли. Высокая прибыль не есть причина высокой цѣнности, а низкая — низкой цѣнности. Размѣръ прибыли зависитъ частью отъ продолжительности времени, въ теченіе котораго употребляется капиталъ, частью отъ относительной доли прибыли въ разныхъ отрасляхъ занятій.

XIII. Если два предмета производятся однимъ и тѣмъ же количествомъ труда, получающаго ту же плату за одно и то же время, и если родъ занятій не требуетъ постояннаго различія въ величинѣ прибыли, то такіе два предмета въ среднемъ результатѣ будутъ обмѣниваться другъ на друга независимо отъ того, будутъ ли заработная плата и прибыль высоки или низки, количество труда велико или мало.

XIV. Если одинъ изъ двухъ предметовъ вообще имѣетъ, среднимъ числомъ, цѣнность бѣльшую, то это потому, что его производство требуетъ или количества труда болѣе значительнаго, или употребленія труда лучше оплачиваемаго, или затраты капитала на болѣе продолжительное время. а также потому, что производство сопровождается какимъ-либо обстоятельствомъ, которое требуетъ, для уравновѣшенія, прибыли бѣльшаго размѣра.

XV. Количество труда, необходимаго для производства, составляетъ самый важный изъ этихъ элементовъ; вліяніе другихъ слабѣе, хотя каждый изъ нихъ не малозначущъ.

XVI. Чѣмъ ниже прибыль, тѣмъ менѣе значенія имѣютъ второстепенные элементы издержекъ производства, и тѣмъ менѣе отклоняется цѣнность произведеній отъ цѣнности, соответствующей количеству и качеству труда, употребленнаго на ихъ производство.

XVII. Но всякое пониженіе прибыли понижаетъ въ извѣстной мѣрѣ стоимость (Cost value) вещей, произведенныхъ машинами, наиболѣе долговѣчными, и возвышаетъ цѣнность вещей, составляющихъ произведеніе ручной работы, а всякое возвышеніе прибыли производитъ противоположный результатъ (гл. VI, § 1).

Въ предыдущемъ исчерпано, по возможности, ученіе Милля о цѣнности, — ученіе, которое, по его словамъ, развито вполне и представляетъ единственную трудность, заключающуюся въ такомъ изложеніи, которое могло бы напередъ разъяснить главныя недоразумѣнія каса-

тельно примѣненія теоріи. Едва-ли этотъ конечный выводъ, къ которому пришелъ авторъ, можетъ быть признанъ вѣрнымъ. Теорія цѣнности составляетъ одинъ изъ труднѣйшихъ отдѣловъ политической экономіи, окончательный выводъ пзъ сложныхъ явленій мѣны. Какъ во многихъ другихъ отдѣлахъ „Началъ политической экономіи“ Милля, какъ и здѣсь у него встрѣчается не удавшаяся попытка отдѣлить производство, распредѣленіе богатства и мѣну другъ отъ друга, а также нѣкоторая двойственность содержанія: цѣнность опредѣляется и соперничествомъ вообще, и издержками производства; цѣнность рѣдкихъ предметовъ опредѣляется псключительно соперничествомъ, цѣнность остальныхъ — и соперничествомъ, и издержками производства. Призиреніе этихъ двухъ условій достигается, по Миллю, уравненіемъ спроса и предложенія, стремленіемъ ихъ къ равновѣсію, при которомъ предметы втораго разряда обмѣниваются по своей естественной цѣнности, а предметы третьаго разряда по наибольшимъ издержкамъ производства. Такимъ образомъ, у Милля, является цѣнность двойкаго рода: рыночная, устанавливаемая соперничествомъ, во многихъ случаяхъ сообразная съ издержками производства, и естественная, слагающаяся изъ этихъ издержекъ. Въ чемъ же состоятъ главные недостатки теоріи, изложенной Миллемъ?

Недостатки эти состоятъ, во первыхъ, въ томъ, что Милль, указавъ на причины, отъ которыхъ зависитъ цѣнность, не связалъ этихъ причинъ съ соперничествомъ. Онъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что цѣнность произведенія зависитъ отъ его годности (другими словами, отъ потребности) и отъ трудности пріобрѣтенія, отъ условій, составляющихъ необходимые, но и не единственные элементы соперничества. Спросъ обусловливается потребностію и средствами пріобрѣтателей; предложеніе наличнымъ количествомъ произведеній, которое должно быть продано производителями, а также большею или меньшею трудностію производства, позволяющею или не позволяющею усилить размѣры послѣдняго. Въ вторыхъ, Милль, противопоставляя рыночную цѣнность естественной или издержкамъ производства, не совсѣмъ удачно опредѣляетъ отношеніе между обѣими. По Миллю, издержки производства слагаются изъ заработной платы и прибыли, рента же не входитъ въ ихъ составъ (исключая тотъ случай, когда земля употребляется не для добыванія земледѣльческихъ произведеній, а для какихъ-либо другихъ цѣлей). Величина издержекъ производства, заработной платы, прибыли и ренты, какъ мы имѣли случай замѣтить выше, регулируется также спросомъ и предложеніемъ на трудъ, на капиталъ и на монопольный элементъ, который составляетъ достоиніе или ра-

ботника, или капиталиста, или землевладѣльца, обладающихъ особыми качествами труда, капитала или земли. Чтò бы ни говорили экономисты о стремленіи заработной платы и прибыли къ достиженію одного общаго уровня, но практика приводитъ неоспоримыя доказательства, что расходы на трудъ, на капиталъ и на землю, при большемъ или меньшемъ искусствѣ предпринимателей, при благопріятныхъ или неблагопріятныхъ общественныхъ и физическихъ условіяхъ, представляютъ огромное разнообразіе, и издержки, сдѣланныя для производства даннаго количества извѣстныхъ произведеній разными лицами, бывають далеко не одинаковы. Можно, конечно, взять среднія числа для издержекъ производства, но эти выводы годны для цѣлей научныхъ или практическихъ только тогда, когда данныя не отклоняются другъ отъ друга значительно. Итакъ, строго говоря, естественная цѣнность или издержки производства слагаются изъ рыночныхъ цѣнъ, которыя платятся за силы, участвующія въ производствѣ, и если рѣчь идетъ о соотношеніи между естественною и рыночною цѣнностію, то въ сущности рѣшается вопросъ, можетъ ли цѣна произведенія быть болѣе или менѣе итога составныхъ частей, изъ которыхъ она слагается? Если бы спросъ на трудъ, на капиталъ и на землю, а также предложеніе труда, капитала и земли были равномерны во всѣхъ отрасляхъ производства, если бы пользованіе этими силами было вездѣ равно успѣшно, и наконецъ, если бы спросъ на всѣ произведенія и предложеніе послѣднихъ колебались пропорціонально бывшему спросу и предложенію на производительныя силы, то дѣйствительно, могло бы быть самое строгое соотношеніе между издержками производства и рыночною цѣнностію произведеній; но достаточно сдѣлать приведенныя выше предположенія для того, чтобы убѣдиться въ совершенной ихъ невозможности. Какое же существуетъ отношеніе между издержками производства и рыночными цѣнами произведеній? Издержки ли регулируютъ рыночныя цѣны произведеній, или же сами регулируются, въ свою очередь, послѣдними? Смитъ, ближайшіе его послѣдователи и Милль, въ томъ числѣ, полагають, что цѣны всѣхъ или большинства произведеній зависятъ отъ издержекъ производства; Маклеодъ утверждаетъ противное, именно, что издержки производства зависятъ отъ цѣнъ. Производитель, говоритъ онъ, рѣшается издержать болѣе или менѣе, смотря по тому, на каковую цѣну онъ разчитываетъ. Положеніе Маклеода справедливо только на половину; нельзя сказать, чтобы цѣны всегда сообразовались съ издержками производства, но не всегда также и высокія цѣны бывають причиною

большихъ издержекъ производства. Между цѣнами, которыя платятся за производительныя силы, между издержками производства и цѣнами произведеній нѣтъ строгой пропорціональности; потому что между спросомъ и предложеніемъ, которыми регулируются издержки производства и устанавливаются цѣны, находится болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени, а затѣмъ результаты производства не пропорціональны сдѣланнымъ издержкамъ. Такъ какъ Милль самъ признаетъ, что цѣнность предметовъ рѣдкихъ опредѣляется спросомъ и предложеніемъ, то мы можемъ примѣнить приведенныя выше соображенія къ тому, что говоритъ авторъ о соотношеніи между цѣнами и издержками производства предметовъ втораго и третьяго разрядовъ.

Что касается такъ-называемыхъ предметовъ втораго разряда, то по Миллю, цѣнность ихъ имѣетъ наименьшій предѣлъ, состоящій въ издержкахъ производства; этотъ предѣлъ будетъ наивысшій, если соперничество дѣятельно и свободно. Спрашивается: о какихъ издержкахъ производства здѣсь идетъ рѣчь, о высшихъ ли, среднихъ, или низшихъ?

Очевидно, что если бы рыночная цѣнность сообразовалась съ наивысшими издержками, то не было бы никакого различія между предметами втораго и третьяго разрядовъ; при томъ подобная высота рыночной цѣнности несовмѣстна съ предположеніемъ о возможности увеличенія производства въ произвольныхъ размѣрахъ. Цѣнность не можетъ сообразоваться съ низшими издержками производства, потому что при такомъ условіи, предпріятія, требующія наивысшихъ издержекъ, не могли бы существовать. Итакъ, повидимому, остается допустить, что цѣнность нормируется средними издержками; однако же и это опять невѣрно, какъ потому что производство при высшихъ издержкахъ было бы убыточно, такъ и потому что условія сирова и предложенія пзмѣнчивы, и цѣнность, по большей части, бываетъ или выше, или ниже среднихъ издержекъ.

Относительно цѣнности предметовъ третьяго разряда (къ которымъ относятся главнымъ образомъ земледѣльческія произведенія) Милль замѣчаетъ, что она опредѣляется наивысшимъ размѣромъ издержекъ производства. Но это положеніе оказывается также несостоятельнымъ. Кто сколько-нибудь слѣдилъ за состояніемъ хлѣбныхъ цѣнъ, тому извѣстно, что цѣнность произведеній земледѣлія въ неурожайные годы бываетъ даже выше наибольшихъ издержекъ, а въ урожайные годы, при недостаточности капиталовъ и бѣдности сельскаго населенія, вынужденнаго сбывать свои произведенія, падаетъ иногда ниже наименьшихъ издержекъ.

Какой же выводъ позволяютъ сдѣлать изложенныя соображенія? Можно сказать, кажется, съ нѣкоторымъ правомъ, что во всѣхъ отрасляхъ промышленности, высшія и низшія издержки производства составляютъ два крайніе предѣла возвышенія и паденія рыночной цѣнности произведеній, — предѣлы, которые цѣнность переступаетъ въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ. По общему правилу, рыночная цѣнность всѣхъ произведеній какъ втораго, такъ и третьяго разряда колеблется между высшими и низшими издержками производства; она никогда не можетъ остановиться на высшихъ издержкахъ, такъ какъ производство никогда не можетъ быть заключено въ извѣстныя границы, и предложеніе усиливается и ослабѣваетъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ причинъ, нисколько не зависящихъ отъ человѣческаго произвола; но она не можетъ остановиться и на низшихъ издержкахъ, потому что предпріятія, сопряженныя съ большими расходами, не могли бы существовать, и самое паденіе цѣнности до этого предѣла предполагаетъ въ будущемъ уменьшеніе и производства, и предложенія. Отсюда слѣдуетъ, что при данномъ спросѣ цѣнность возвышается или падаетъ, сообразно съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ предложенія, и что усиленіе спроса, при увеличеніи предложенія, и упадокъ спроса, при уменьшеніи предложенія (фактъ очень рѣдкій), могутъ предупредить крайнія колебанія цѣнности.

Эти колебанія, производимыя соперничествомъ, составляютъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій рынка, и ими регулируется производство, на сколько оно зависитъ отъ производителей. Такъ, во время междуусобной сѣверо-американской войны, высокая цѣнность хлопка вызвала производство его въ Египтѣ, въ Индіи и въ другихъ странахъ. Впрочемъ, дѣйствительное увеличеніе предложенія, въ различныхъ отрасляхъ промышленности, требуетъ не одинаковаго времени, преодоленія различныхъ трудностей, искусства и знанія приобретаемыхъ въ школѣ и въ практической дѣятельности. Притомъ, не должно забывать, что регулированіе производства слѣдуетъ понимать лишь какъ направленіе капитала и труда къ наиболѣе выгоднымъ отраслямъ промышленности. Результаты производства въ предпріятіяхъ существующихъ измѣнчивы и непостоянны еще въ большей степени, нежели условія спроса, въ которомъ заявляются не однѣ потребности, но и средства покупателей. Обиліе или недостатокъ жатвы, техническія усовершенствованія въ обрабатывающей промышленности (не говоря уже о чисто общественныхъ причинахъ, войнахъ, займахъ, и пр.), разрушаютъ расчеты производителей на опредѣленные размѣры пред-

ложенія. При такомъ положеніи вещей нельзя сказать, чтобы издержки производства, высшія, среднія или низшія, составляли норму цѣнности; можно только допустить, что наименьшія издержки, при наивысшихъ цѣнахъ, составляютъ идеаль, къ которому стремится каждый производитель, и что уменьшеніе издержекъ производства на столько можетъ имѣть вліяніе на пониженіе цѣнности, на сколько оно совпадаетъ съ увеличеніемъ предложенія.

Послѣ этого едва-ли предстоитъ необходимость останавливаться на положеніи Милля объ уравненіи спроса и предложенія, которое въ сущности ничего не разъясняетъ, такъ какъ это уравненіе происходитъ при всякомъ спросѣ и всякомъ предложеніи и устраняетъ лишь мысль о томъ, что спросъ можетъ быть сильнѣе или слабѣе предложенія, а это дѣйствительно бываетъ тогда, когда цѣны бываютъ далеко выше или ниже среднихъ, долгое время господствовавшихъ на рынкѣ. Впрочемъ, уравненіе спроса и предложенія не мѣшаетъ Миллю признаться, что можетъ быть излишекъ въ предложеніи отдѣльныхъ видовъ произведеній; онъ отрицаетъ лишь чрезмѣрное предложеніе всѣхъ произведеній вообще, потому что произведенія обмѣниваются на произведенія, и лица, предъявляющія спросъ, въ свою очередь, являются съ предложеніемъ какихъ-либо предметовъ. Такую же логическую несообразность, говоритъ Милль, составляетъ другая гипотеза, что предложеніе товаровъ превышаетъ потребности, потому что если бы потребности производителей были удовлетворены, то не было бы побужденія къ производству. Излишекъ предложенія всѣхъ товаровъ бываетъ, по Миллю, только слѣдствіемъ коммерческаго кризиса и спекулятивныхъ закупокъ, когда уничтожается, въ значительной степени, покушная сила кредита. Но это явленіе нисколько не походитъ на изображенную Чомерсомъ и Сисмонди картину бѣдствій, происходящихъ отъ чрезмѣрнаго производства. Равнымъ образомъ, нельзя видѣть излишка предложенія въ пониженіи прибыли; низкая прибыль и недостатокъ спроса не одно и то же. Слѣдовательно, — замѣчаетъ Милль, — есть двѣ практическія задачи, усиленіе производства и наилучшее распределеніе, и нѣтъ надобности въ созданіи рынка для произведеній или въ соразмѣреніи производства съ рынкомъ (кн. III, гл. XIV).

Въ этихъ соображеніяхъ много правды, но едва-ли авторомъ вѣрно понято то явленіе, о которомъ говоритъ Сисмонди. Всеобщее чрезмѣрное предложеніе составляетъ, конечно, пустой призракъ; но несоотвѣтствіе между производствомъ и доходами есть дѣло возможное. Доходы значительной части населенія могутъ сдѣлать потребленіе

невозможнымъ, при чемъ равно терпятъ и производители, которые не могутъ сбыть свои произведенія, и населеніе, которое не въ состояніи удовлетворить своимъ потребностямъ. Зло происходитъ отъ неравномѣрнаго распредѣленія доходовъ, которое, въ свою очередь, зависитъ отъ недоступности капитала и невозможности накопленія его для менѣе достаточныхъ классовъ. Конечно, для устраненія зла, необходимо не соразмѣрить производство съ рынкомъ, а улучшить систему народнаго хозяйства, и въ такомъ случаѣ усиленіе производства, при наилучшемъ распредѣленіи, вполнѣ достаточно для установленія соразмѣрности между производствомъ и потребленіемъ. Мысли, заимствованныя Миллемъ у Рикардо (см. основныя положенія, XI — XVII) о соотношеніи между цѣнами и отдѣльными составными частями издержекъ производства, по большей части, не могутъ быть признаны вѣрными. Такъ напримѣръ, Милль полагаетъ, что высокая заработная плата или высокая прибыль не составляютъ причины высокой цѣнности, и наоборотъ, низкая заработная плата и низкая прибыль не составляютъ причины низкой цѣнности произведеній. Это справедливо, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ высказано Миллемъ. Высокая цѣнность произведеній заставляетъ иногда платить высокую заработную плату и даетъ большую прибыль; затѣмъ размѣръ заработной платы и прибыли никогда не можетъ быть одинаковъ въ цѣлой странѣ, а тѣмъ болѣе въ разныхъ странахъ, находящихся въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ; поэтому, положенія Милля, которыми признается независимость цѣнности отъ общаго возвышенія и пониженія заработной платы или прибыли, относятся къ числу гипотезъ, не всегда оправдываемыхъ на опытѣ. Высота заработной платы и прибыли на столько имѣетъ вліяніе на цѣны, на сколько издержки эти вызываются необходимостію увеличить предложеніе для удовлетворенія существующему или ожидаемому спросу; прибыль же зависитъ также и отъ того, на сколько спросъ, при данномъ предложеніи, позволяетъ выгодно сбыть извѣстный товаръ. Бѣольшая часть положеній Милля справедлива для частныхъ случаевъ, но они не имѣютъ характера общихъ законовъ, такъ какъ цѣнность не регулируется издержками производства, а тѣмъ болѣе составными частями послѣднихъ. Наконецъ, Милль недостаточно уяснилъ различіе между интенсивностію и экстенсивностію спроса и предложенія. Вообще, этотъ отдѣлъ сочиненія Милля составляетъ образцовое изложеніе предмета съ точки зрѣнія Рикардо, но показываетъ, что ученый авторъ не воспользовался собранными фактами, относящимися къ исторіи

цѣнъ, и даже не придавъ надлежащаго значенія превосходнымъ изслѣдованіямъ Мальтуса, которыя въ новѣйшее время такъ удачно переработалъ Маклеодъ.

Въ связи съ изслѣдованіями о цѣнности находится еще одинъ вопросъ — объ отысканіи единицы или постоянного мѣрила для опредѣленія относительной величины цѣнностей разныхъ произведеній, какъ въ данное время, такъ и въ различныя эпохи. Изъ понятія о цѣнности слѣдуетъ, что такого мѣрила быть не можетъ, потому что цѣнность, заключающаяся въ каждомъ произведеніи, сама подвержена измѣненіямъ. Мысль, что цѣнность вещи измѣряется количествомъ труда, необходимымъ или для ея покупки, или для ея производства, замѣняетъ понятіе о мѣрновой цѣнности другимъ понятіемъ, указывающимъ или на внутреннюю цѣнность вещи, или на условія, опредѣляющія ея цѣнность (гл. XV). Признавая эти замѣчанія совершенно вѣрными, нельзя однако же не пожалѣть, что Милль придавъ такъ мало значенія изслѣдованіямъ Смита, Мальтуса и Рикардо. Трудъ, который или покупается произведеніями, или необходимъ для ихъ производства, даетъ понятіе — первый о степени благосостоянія, достигнутаго обществомъ, а второй объ условіяхъ, при которыхъ это благосостояніе становится возможнымъ. Положеніе общества тѣмъ благопріятнѣе, чѣмъ болѣе произведеній можетъ быть куплено деннымъ трудомъ простаго работника, и чѣмъ менѣе труда необходимо для производства каждаго предмета въ частности.

2. О монетѣ.

Ученіе о монетѣ проникнуто у Милля тѣмъ же духомъ реакціи противъ меркантильнаго направленія, который отличаетъ Смита и ближайшихъ послѣдователей знаменитаго основателя политической экономіи. Фунты и шиллинги, по его словамъ, суть родъ ордеровъ, которые могутъ быть представлены въ каждую лавку для уплаты, и въ хозяйствѣ общества нѣтъ, по существу своему, болѣе малозначущаго предмета, какъ деньги, если не взять въ разчетъ, что они способствуютъ сбереженію времени и труда. Это машина для болѣе быстраго и удобнаго исполненія того, что безъ нея дѣлалось бы менѣе быстро и удобно. Затѣмъ, признавая монету товаромъ, Милль находитъ, что цѣнность ея устанавливается временно уравненіемъ спроса и предложенія, а постоянно и въ среднемъ выводѣ — издержками производства. Для уясненія перваго условія, опредѣляющаго цѣнность монеты, Милль обращается къ гипотезамъ объ увеличеніи количества

монеты и ускореніи ея обращенія; переходя ко второму условію, онъ находитъ, что какъ количество монеты въ странѣ, такъ и цѣнность ея опредѣляются издержками производства. Въ заключеніе, Милль развиваетъ справедливую мысль о необходимости избрать для денежной единицы монету изъ одного металла (кн. III, гл. VII — X).

Очевидно, что въ противо-меркантильномъ воззрѣніи есть значительная доля преувеличенія: монета не только ордеръ, на который можно купить товаръ въ любой лавкѣ, но и цѣнность, результатъ предшествующаго производства. Деньги, какъ средство для накопленія богатства и какъ орудіе мѣновыхъ оборотовъ, имѣютъ первостепенную важность, и если монета не служитъ для непосредственнаго потребленія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы по существу своему она имѣла мало значенія: и земля, и машины, сами по себѣ, не служатъ для удовлетворенія потребностямъ человѣка въ пищу, одеждѣ, жилищѣ и проч. Наконецъ, гипотезы Милля о вліяніи увеличенія количества монеты на цѣны нисколько не убѣдительны; ибо для того, чтобы цѣны всѣхъ предметовъ удвоились отъ удвоенія количества денегъ въ рукахъ народа, необходимо сдѣлать еще одно, въ высшей степени натянутое, предположеніе, именно, допустить, что каждый человѣкъ сдѣлаетъ изъ денегъ то же самое употребленіе, какое онъ дѣлалъ прежде, то-есть, что онъ явится покупателемъ на тѣ же самые товары и въ томъ же самомъ количествѣ. Но этого никогда не было и не можетъ быть; одинъ станетъ копить, другой употребляетъ добавочную сумму денегъ на производительныя затраты, и далеко не всѣ явятся съ спросомъ на товары. Опытъ всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ представляетъ неопровержимыя доказательства тому, что съ увеличеніемъ количества денегъ, хотя оно никогда не происходило (да и не можетъ происходить) въ томъ видѣ, какъ предполагалъ Милль, производство всегда усиливалось, и параллельно возвышенію цѣнъ, увеличивалось предложеніе произведеній еще въ большей пропорціи. Такъ, по исчисленію Галлатина, количество золота и серебра, со времени открытія Америки до 1830 года, возрасло въ пятнадцать разъ, а цѣны, по Рашеру, возвысились не болѣе, какъ въ четыре раза. Самъ Милль отчасти признаетъ эту истину въ XXII главѣ III-й книги.

3. Кредитъ и бумажныя деньги.

Исслѣдованія Милля о кредитѣ принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ въ книгѣ. При богатствѣ англійской литературы по этому пред-

мету, философскій умъ автора нашелъ обильный матеріалъ для обобщеній. Конечно, здѣсь нѣтъ надлежащей оцѣнки вліянія кредита на производство; но, разсматривая кредитъ, какъ орудіе мѣны или купли, замѣняющее деньги, Милль обработалъ этотъ отдѣлъ своего сочиненія съ замѣчательнымъ талантомъ и успѣхомъ. Милль отличаетъ четыре формы кредита, создающія силу купли: 1) взаимные расчеты, перечисленіе суммъ, слѣдующихъ къ выдачѣ, или платежу, съ одного счета на другой; 2) переводные векселя; при чемъ Милль, согласно съ Торитономъ, отрицаетъ значеніе, которое придаютъ обыкновенно векселямъ, не возникающимъ изъ коммерческихъ сдѣлокъ, такъ какъ въ сущности это — соло-векселя, только снабженные двумя подписями, и недостатки ихъ состоятъ лишь въ томъ, что люди болѣе рискующіе выдаютъ ихъ за дѣйствительные векселя, и что выпускъ этихъ бумагъ не ограничивается торговыми оборотами; переходя по передаточнымъ надписямъ, переводные векселя служатъ, подобно деньгамъ, для расплаты; 3) платежныя обязательства по предъявленіи, выданныя на себя должниками-банками или правительствомъ, служащія въ обращеніи, какъ монета, и избавляющія отъ надобности употребить послѣднюю на сумму, равную этимъ обязательствамъ; отличительная ихъ особенность состоитъ въ томъ, что они не даютъ процентовъ; 4) чеки, ордера, выдаваемые частными лицами на банкировъ или на банки, которые хранятъ кассы частныхъ лицъ или открываютъ имъ кредитъ. При помощи этихъ формъ кредита, — замѣчаетъ Милль, — громадныя обороты такой страны, какъ Великобританія, ведутся изумительно малымъ количествомъ золота и серебра.

Указавъ на различныя виды кредита, какъ силы купли, Милль переходитъ къ разсмотрѣнію ихъ вліянія на цѣны и ихъ значенія, какъ орудій обращенія (гл. XI). По мнѣнію Милля, банковые билеты составляютъ болѣе могущественное орудіе для возвышенія цѣнъ, чѣмъ векселя, а векселя — болѣе могущественное, нежели кредитъ по книгѣ. Кредитъ по книгѣ обнаруживаетъ силу купли лишь одинъ разъ; кредитъ по векселю служитъ для покупокъ столько разъ, сколько вексель перейдетъ изъ рукъ въ руки; но пріемъ векселя въ платежъ зависитъ отъ довѣрія къ лицамъ, участвовавшимъ въ векселѣ, между тѣмъ какъ кредитъ по банковому билету дѣлаетъ кредитъ банкира силою купли въ рукахъ владѣльцевъ билета, независимо отъ кредита, которымъ эти послѣднія лица сами могутъ пользоваться. Но эта сила дѣйствуетъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой она дѣйствительно употребляется. По свидѣтельству Тука, спекулятивныя покупки, приходящія

къ кризисамъ, производилсь нерѣдко на кредитъ по книгамъ, при чемъ количество банковыхъ билетовъ увеличивалось мало и только въ послѣдній періодъ спекуляціи. Притомъ не должно забывать, что выдача чековъ по открытымъ счетамъ у банкпровъ и въ банкахъ имѣеть всю ту силу, которую приписывали банковымъ билетамъ. Затѣмъ, вопросъ о томъ, какія формы кредита слѣдуетъ считать деньгами, а какія — нѣтъ, по мнѣнію Милля, есть словопрепіе; значеніе, которое придаютъ этому вопросу, основывается на мысли, что нѣкоторыя формы кредита увеличиваютъ количество денегъ и возвышаютъ цѣны. Предметъ этотъ былъ уже рассмотрѣнъ, и выше было показано, что цѣны опредѣляются не количествомъ денегъ, а суммами, на которыя простираются покупки (гл. XII).

Если изслѣдованіи Милля о кредитѣ, какъ силѣ купли, отличаются замѣчательною правильностію, то нельзя сказать, чтобъ авторъ вѣрно оцѣнилъ отношеніе кредита къ производству, и этотъ пробѣлъ есть также необходимое послѣдствіе взгляда, по которому кредитъ относится къ мѣнѣ, а мѣна составляетъ лишь результатъ производства. Миллю кажется странною „необходимость доказывать, что кредитъ, позволяя одному лицу пользоваться капиталомъ другаго, не увеличиваетъ, а только перемѣняетъ средства производства“. Конечно, авторъ не отрицаетъ, что безъ кредита производительныя силы не могутъ быть вполне употреблены въ дѣло; но тѣмъ не менѣе остается въ силѣ положеніе, по которому одна сторона получаетъ то, что другая отдаетъ. Не такова, однако же, бываетъ роль кредита въ покупкахъ и продажахъ въ кредитъ, когда фабрикантъ продаетъ готовыя произведенія въ кредитъ, для того чтобы на полученный вексель купить сыраго матеріала. Лицо, продающее свои произведенія въ кредитъ, не могло бы употребить ихъ въ производствѣ, а услуга, оказываемая кредитомъ, состоитъ въ томъ, что онъ, подобно деньгамъ, составляетъ рычагъ производства, съ тѣмъ различіемъ, что для покупки на деньги нужно имѣть *капиталъ*, а для покупки въ кредитъ нѣтъ надобности въ уплатѣ равноцѣпностію: достаточно пользоваться довѣріемъ въ мѣновыхъ сдѣлкахъ и представить надлежащее ручательство въ исполненіи даннаго обѣщанія.

Въ связи съ ученіемъ Милля о кредитѣ находятся двѣ главы разбираемой книги: XIII-я, о неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ, и XXIV-я, о регулированіи размѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Говоря о первыхъ, Милль полагаетъ, что употребленіе бумажныхъ денегъ, выпускаемыхъ правительствомъ, обусловливается соглашеніемъ. Цѣпность

такихъ денегъ, по его мнѣнію, вполнѣ зависитъ отъ произвола. Но когда выпуски бумажныхъ денегъ увеличатъ массу орудій обращенія, тогда возвысятся цѣны всѣхъ вещей, въ томъ числѣ вещей изъ драгоцѣнныхъ металловъ, и монета будетъ отчасти переливаться въ слитки, отчасти уходить за границу. Указавъ за тѣмъ очень бѣгло и неполно на пагубныя послѣдствія бумажныхъ неразмѣнныхъ денегъ, Милль опровергаетъ мысль, что цѣнность бумажныхъ денегъ можетъ быть обезпечена землею, и что выпускъ ихъ усиливаетъ производство. Для того чтобы бумажныя деньги не были вредны, онѣ, по его мнѣнію, должны быть или размѣны, или же подчиняться какому-либо ограничивающему началу. Къ послѣднему Милль обращается въ XXIV-й главѣ, почти исключительно посвященной разбору Пилева акта 1844 года. Находя основное начало этого закона ошибочнымъ и соглашаясь съ мнѣніями Тука и Фуннартона, что каждое увеличеніе или уменьшеніе выпуска размѣнныхъ банковыхъ билетовъ не производитъ возвышенія или пониженія цѣвъ, и что при нормальномъ положеніи рынка выпускъ билетовъ заключается въ извѣстные предѣлы размѣномъ ихъ на монету, Милль полагаетъ однако же, что въ послѣднемъ періодѣ спекуляціи, ссуды банкировъ, выдаваемые банковыми билетами, могутъ способствовать поддержанію высокихъ цѣвъ и противодействовать наступающей реакціи. Цѣль акта 1844 г.—предотвратить замедленіе реакціи. Благотворно дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, то-есть, останавливая реакцію и не поддерживая ссудами спекуляціи, уже падающей, актъ 1844 года имѣетъ и пагубныя послѣдствія, ибо отказываетъ въ кредитѣ фирмамъ солиднымъ и не замѣняетъ своимъ кредитомъ кредита уничтоженнаго. Ограниченіе выпуска билетовъ, при уменьшеніи металлическаго запаса въ банкѣ, продолжается, не смотря на то, есть ли привозъ золота въ страну, или вывозъ его за границу (гл. XIV). Наконецъ, въ вопросѣ о правѣ выпуска размѣнныхъ билетовъ, однимъ ли центральнымъ учрежденіемъ или многими, Милль склоняется въ пользу перваго способа, не столько впрочемъ въ видахъ устраненія разнообразія орудій обращенія, сколько въ видахъ обезпеченія самаго размѣна. По мнѣнію его, прочіе банки, кромѣ центрального, могли бы быть обязаны лишь къ размѣну своихъ билетовъ на билеты сего послѣдняго.

Вообще обѣ эти главы, за исключеніемъ обстоятельной оцѣнки Пилева акта, отличаются большою поверхностностію: авторъ не коснулся въ нихъ многихъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ явленій, представляемыхъ неразмѣнными билетами, и самый вопросъ о множе-

ственности банковъ и объ обязательности размѣна для нихъ билетовъ разрѣшилъ неудовлетворительно, потому что предлагаемый имъ обмѣнъ билетовъ частныхъ банковъ на размѣнные билеты центрального учрежденія, въ сущности, то же самое, что и обязательство размѣна на монету.

4. О международныхъ торговыхъ сношеніяхъ.

(Гл. XVII — XXII и XXV).

Выгода международной или внѣшней торговли, по мнѣнію Милля, состоитъ не только въ томъ, что каждая страна получаетъ предметы, которыхъ она сама не производитъ, но и въ томъ, что ея производительныя силы получаютъ употребленіе, дающее наилучшіе результаты. Кромѣ этой главной выгоды, внѣшняя торговля доставляетъ еще слѣдующія: 1) она способствуетъ расширенію рынка и тѣмъ содѣйствуетъ улучшенію производства, 2) она пробуждаетъ потребности народовъ отставшихъ и 3) она развиваетъ умственную и нравственную жизнь общества. Но не въ уясненіи этихъ положеній заключается сущность ученія Милля о внѣшней торговлѣ. Авторъ поставляетъ своею главною задачей развить мысль Рикардо о значеніи для международной торговли не абсолютной, а сравнительной величины издержекъ производства промѣнливаемыхъ произведеній. Еще Джемсъ Милль доказывалъ, что если данное количество полотна производится въ Польшѣ 100 днями труда, а въ Англіи 150 днями, тогда какъ данное количество хлѣба производится въ Польшѣ 100 днями, а въ Англіи 200 днями, то Польша будетъ вывозить въ Англію хлѣбъ и покупать въ Англіи полотно. Цѣнность привозимаго товара будетъ опредѣляться не издержками его производства на мѣстѣ, а издержками производства товара, вывозимаго въ уплату. Если 10 ярдовъ сукна стоятъ въ Англіи столько же труда, сколько 15 ярдовъ полотна, а въ Германіи столько же, сколько 20 ярдовъ полотна, то сукно будетъ ввозиться въ Германію, которая будетъ улачивать за него Англіи полотномъ. Цѣнность для полотна въ Англіи установится между 15 и 20. Если 15 ярдовъ полотна въ Англіи будутъ обмѣниваться на 10 ярдовъ сукна, то выиграетъ одна Германія, а если на 20, то выиграетъ одна Англія; при среднемъ числѣ между 15 и 20 выгода будетъ дѣлиться между обѣими странами. Эта выгода опредѣлится размѣромъ обоюднаго спроса. Вводи въ расчеты издержки привоза, обмѣнъ не двухъ, а многихъ товаровъ и обмѣнъ не между двумя, а нѣсколькими странами, Милль приходитъ къ заключенію, что по-

ложеиіе дѣла отъ этого нисколько не измѣнится. Законъ, здѣсь уясненный, можно назвать уравненіемъ международнаго спроса; онъ можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: произведенія одной страны обмѣниваются на произведенія другихъ странъ по такимъ цѣностямъ, чтобъ итогомъ вывоза оплачивался итогъ привоза. За симъ, для уясненія явленій внѣшней торговли, Милль вводитъ гипотезу объ удешевленіи издержекъ производства, которое можетъ или создать новый предметъ отпуска, или усилить отпускъ прежняго. При этомъ спросъ на отпускаемый товаръ можетъ увеличиться или въ большей мѣрѣ, чѣмъ дешевизна его, или наравнѣ съ нею, или въ меньшемъ размѣрѣ. Последнее Милль считаетъ болѣе вѣроятнымъ, и въ такомъ случаѣ выиграютъ обѣ страны, ведущія торговлю. Но, при разсмотрѣннн международныхъ цѣностей, надо брать въ разчетъ не одни количества требуемыхъ въ каждой странѣ товаровъ, а также и то, въ какой мѣрѣ освобождаются средства для удовлетворенія этому спросу въ той и другой странѣ неравнѣною въ направленіи ея промышленности. Общій выводъ, къ которому приходитъ Милль, состоитъ въ слѣдующемъ: итоги произведеній двухъ странъ, выработанные для отпуска другъ къ другу трудомъ и капиталомъ, освобожденными вслѣдствіе привоза, будутъ обмѣниваться одинъ на другой. Выгода при этомъ можетъ или достаться одной изъ странъ, или дѣлиться между ними въ различной пропорціи. „Предполагая, наконецъ, что отношеніе между спросомъ и удешевленіемъ товара будетъ не одинаково въ разныхъ странахъ, мы, говоритъ Милль, находимъ слѣдующій единственный общій законъ: цѣность, по которой одна страна обмѣнивается своими произведеніями съ чужеземными странами, зависитъ отъ двухъ условій, во первыхъ, отъ размѣра и степени расширяемости спроса этихъ странъ на ея произведенія, и во вторыхъ, отъ величины капитала, который сберегается въ ней во внутреннемъ производствѣ для ея собственнаго потребленія, вслѣдствіе ввоза товаровъ заграничныхъ. Чѣмъ значительнѣе спросъ на ея произведенія, сравнительно съ ея спросомъ на заграничныя произведенія, чѣмъ меньше она сберегаетъ капитала на производство для заграничныхъ рынковъ, сравнительно съ количествомъ капитала, сберегаемаго въ чужихъ странахъ на производство для ея рынковъ, тѣмъ благоприятнѣе будутъ для нея условія мѣны, то-есть, тѣмъ больше она будетъ получать иностранныхъ произведеній за данное количество своихъ. Въ сущности, оба эти условія сводятся къ одному: то, что сберегаетъ страна во внутреннемъ производствѣ для собственнаго по-

требленія, пропорціонально ея заграничному спросу“. Разсматриваемую главу Милль заканчиваетъ разъясненіемъ положенія Синіора, которое онъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „Страна, производящая свои товары съ меньшими издержками, пріобрѣтаетъ съ меньшими издержками и привозимые въ нее товары“. Удешевленіе можно понимать и въ смыслѣ цѣнности, когда большее количество обмѣнивается на меньшее, и въ смыслѣ величины издержекъ производства, когда страна, съ прежнимъ расходомъ труда и капитала, пріобрѣтаетъ большее количество произведеній. Въ такомъ случаѣ товаръ, посредствомъ ви́ншей торговли, удешевляется для страны, соразмѣрно ея внутренней производительности или успѣшности ея труда. Если Англія получаетъ за 10 ярдовъ сукна 17 ярдовъ полотна въ Германіи, то Франція, хотя бы она употребляла въ два раза болѣе труда на производство сукна, не могла бы сбывать его въ Германіи за большее количество полотна. Англія будетъ пріобрѣтать полотно по меньшей стоимости, чѣмъ Франція; но стоимость ввоза для Англіи есть функція двухъ измѣняемыхъ величинъ: количества товаровъ, даваемыхъ за ввозные товары, и стоимости этихъ товаровъ. Изъ этихъ двухъ величинъ лишь вторая опредѣляется успѣшностью ея труда, первая же опредѣляется настоятельностью и расширяемостью заграничнаго спроса на ея товары, сравнительно съ ея спросомъ на заграничныя произведенія.

Изложенные законы, по мнѣнію Милля, нисколько не измѣняются участіемъ денегъ въ международной мѣнѣ и вексельными оборотами при заграничныхъ платежахъ. Золото и серебро составляютъ во ви́ншей торговлѣ такой же товаръ, какъ и всѣ другіе товары; цѣнность ихъ въ привозящей странѣ будетъ тѣмъ ниже, чѣмъ больше заграничный спросъ на ея товары, и чѣмъ подвижнѣе и удобнѣе эти товары для провоза; но такая страна будетъ получать дешевле и всѣ другія привозныя произведенія. Какъ въ международной, такъ и во внутренней торговлѣ деньги служатъ тѣмъ же, чѣмъ масло, употребляемое для смазки машины, или рельсы, облегчающіе передвиженіе; это только средство для уменьшенія тренія. Усиленіе привоза монеты, вслѣдствіе удешевленія вывозимыхъ товаровъ и возвышенія на нихъ спроса, ведетъ къ возвышенію цѣнъ и къ усиленію привоза товаровъ извнѣ; въ общемъ же результатъ, какъ справедливо замѣтилъ Рикардо, торговля будетъ идти тѣмъ же порядкомъ, какимъ она бы шла безъ посредства этихъ металловъ, при простой мѣнѣ товаровъ на товары. Милль полагаетъ, что подобные результаты будутъ имѣть мѣсто

и при появленіи бумажныхъ денегъ въ большемъ количествѣ; даже тогда, когда курсъ послѣднихъ упадетъ, внѣшняя торговля будетъ идти рѣшительно такъ, какъ будто деньги сохранили свою цѣнность. Остается за симъ еще одинъ вопросъ: какая страна выигрываетъ отъ внѣшней торговли? Выигрываетъ, по мнѣнію Милля, страна, привозящая къ себѣ товары, которыхъ она не могла бы произвести или производила бы съ большимъ расходомъ труда и капитала (гл. XVII, § 4). Но нѣсколько далѣе (гл. XVIII, § 4) Милль замѣчаетъ, что если бы былъ предложенъ вопросъ, какая страна извлекаетъ наибольшую долю выгоды отъ торговли, которую она ведетъ, то слѣдуетъ отвѣтить: та страна, на произведенія которой въ другихъ странахъ существуетъ наибольшій спросъ, и притомъ спросъ, наиболѣе способный возрасти, вслѣдствіе дешевизны ея товаровъ. Привозныя произведенія обходятся ей тѣмъ дешевле, чѣмъ меньше объемъ и интенсивность ея спроса на привозимые товары. Чѣмъ спросъ ея слабѣе, тѣмъ ниже цѣны, по которымъ она будетъ покупать. Эта мысль находитъ разъясненіе въ слѣдующемъ (гл. XVIII, § 8): „Оказывается, что на выгоднѣйшихъ условіяхъ ведутъ свою внѣшнюю торговлю страны, товары которыхъ наиболѣе требуются за границею, и которыя сами наиболѣе требуютъ иностранныхъ товаровъ“. Отсюда, въ числѣ другихъ послѣдствій, происходитъ то, что при равенствѣ прочихъ обстоятельствъ, данная сумма внѣшней торговли приноситъ наименѣе выгоды странѣ наиболѣе богатой. При большемъ спросѣ на товары вообще, въ послѣдней, конечно, сильнѣе спросъ и на иностранные товары, и это обращаетъ условія обмѣна къ ея невыгодѣ. Ея выгоды отъ внѣшней торговли, конечно, болѣе, чѣмъ выгоды бѣдныхъ странъ, потому что она ведетъ эту торговлю въ большемъ размѣрѣ и выигрываетъ отъ дешевизны болѣе значительнаго потребленія, но на каждомъ отдѣльномъ предметѣ потребленія она будетъ имѣть меньше выгоды, чѣмъ бѣдная страна.

Къ предыдущему вопросу о выгодахъ, доставляемыхъ внѣшнею торговлею, относятся изслѣдованія Милля о соперничествѣ разныхъ странъ на одномъ рынкѣ. Только при двухъ условіяхъ одна страна можетъ отбить рынокъ у другой и даже совершенно вытѣснить ее: 1) если первая изъ странъ имѣетъ рѣшительное и притомъ не абсолютное, а относительное преимущество въ производствѣ вывозимыхъ товаровъ предъ другой, и 2) если она доставляетъ покупающей странѣ большую выгоду, нежели та, которую можетъ извлечь покупающая въ международной торговлѣ съ другими странами. Потеря рынка можетъ быть

только временною: вывозъ уменьшится при перевѣсѣ привоза товаровъ надъ отпускомъ, цѣны золота и серебра упадутъ, и отпускъ возобновится. Если одна страна вытѣснена съ рынка другою, то понесенный первою убытокъ составитъ выигрышъ для человѣчества, такъ какъ при этомъ будетъ сбережено большее количество труда и капитала въ цѣломъ свѣтѣ. Наконецъ, Милль отрицаетъ возможность подрыва рынка вслѣдствіе того, что заработная плата въ странѣ, отпускающей товары, будетъ низка; если низкая заработная плата не составляетъ причины низкихъ цѣнъ внутри страны, то она не можетъ понизить цѣнъ и на иностранныхъ рынкахъ.

Таковы главные выводы, къ которымъ приходитъ Милль, не вслѣдствіе анализа явленій дѣйствительной жизни, а вслѣдствіе поставленныхъ имъ гипотезъ. Какъ и въ другихъ случаяхъ, въ вопросѣ о внѣшней торговлѣ Милль пытается доказать, что международный обмѣнъ нисколько не зависитъ отъ участія денегъ въ оборотахъ; только тогда, когда Милль вводитъ это послѣднее условіе и разсматриваетъ вопросъ о соперничествѣ на одномъ рынкѣ, монеты или благородные металлы начинаютъ играть у него свойственную имъ роль. Въ этомъ, однако же, заключается первый и едва-ли не главный источникъ заблужденій Милля. Купцы, занимающіеся внѣшнею торговлею, сравниваются прежде всего съ цѣнами товаровъ, какъ отпускаемыхъ за границу, такъ и привозимыхъ въ страну. Не количество труда, употребленнаго на производство, а цѣна, установленная соперничествомъ, руководитъ соображеніями при привозѣ и отпускѣ товаровъ. Если въ Англіи 10 ярдовъ сукна и 15 ярдовъ полотна стоятъ 30 шиллинговъ, а въ Германіи 10 ярдовъ сукна и 20 ярдовъ полотна стоятъ также 30 шиллинговъ, то полотно будетъ вывозиться изъ Германіи въ Англію, но не будетъ выгоды вывозить сукно изъ Англіи въ Германію. Для уплаты Англія должна будетъ или найти такой товаръ, который она могла бы гдѣ-либо продать съ выгодой за границей (въ Германіи или въ другой странѣ), или же уплатить монетою за привезенное изъ Германіи полотно. Таково общее правило. Гипотеза о международномъ обмѣнѣ, основанномъ на размѣрѣ относительныхъ издержекъ производства, указываетъ лишь на исключительные случаи, на рѣдко встрѣчающіеся способы оплаты международного привоза. По гипотезѣ Милля, товаръ, вывозимый изъ известной страны, можетъ продаваться дешевле за границею, чѣмъ у себя дома. Иногда это и случается, въ особенности при чисто мѣнковой торговлѣ: напримѣръ, такое явленіе поражало многихъ въ нашей прежней китайской тор-

говлѣ, когда отпускъ металловъ изъ Россіи былъ запрещенъ; но едва-ли это можетъ случиться въ торговлѣ между Англіей и Германіей: еслибъ англійское сукно продавалось на мѣстѣ дороже, чѣмъ въ Германіи, то оно было бы обратно привезено въ Англію и оплачено деньгами.

Затѣмъ, едва-ли можно такъ положительно утверждать, какъ утверждаетъ Милль, слѣдуя многимъ изъ предшествующихъ ему экономистовъ, что вслѣдствіе перевѣса привоза надъ отпускомъ количество монеты въ привозящей странѣ должно уменьшиться въ размѣрѣ, достаточномъ для пониженія цѣны и усиленія отпуска, которымъ въ результатѣ былъ бы оплаченъ привозъ. Явленіе, о которомъ говоритъ Милль, пониженіе цѣны при неблагопріятномъ торговомъ балансѣ, относится къ явленіямъ мало изслѣдованнымъ. Можно полагать, и кажется, не безъ нѣкотораго основанія, что прежде или, по крайней мѣрѣ, одновременно съ возвышеніемъ цѣнности денегъ, произойдутъ другія явленія. Уменьшеніе отпуска можетъ, само по себѣ, понизить цѣны отпускаемыхъ товаровъ, а увеличеніе привоза, если оно было слѣдствіемъ спекуляціи, а не дѣйствительнаго спроса потребителей, въ свою очередь, также понизитъ цѣны привозныхъ товаровъ. На рынкѣ въ количествѣ денегъ еще не произойдетъ никакой перемѣны, а между тѣмъ цѣны могутъ упасть. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что вопросы о международной торговлѣ и о перевѣсѣ привоза надъ отпускомъ и наоборотъ, а равно и самое уравниженіе привозимыхъ товаровъ и оплачиваемыхъ или отпускаемыми товарами, или металлами, значительно осложняются фактомъ распредѣленія доходовъ и создаваемымъ ими спросомъ. Страна можетъ имѣть очень мало товаровъ для отпуска и покупать сравнительно съ своими средствами слишкомъ много, если покупателями явятся классы владѣющіе и капиталисты. Ихъ закупки пришлось бы оплачивать металломъ, но металлъ не будетъ вывозиться изъ страны, если правительство, нуждаясь въ финансовыхъ средствахъ, будетъ прибѣгать къ частымъ внѣшнимъ займамъ. Итакъ, повидимому, было бы несравненно правильнѣе сказать, что во внѣшней торговлѣ произведенія покупаются произведеніями или деньгами, и товары вывозятся туда, гдѣ они дороже, а привозятся оттуда, гдѣ они дешевле. Спрашивается только: на сколько же выигрываютъ страны отъ международной торговли при такомъ положеніи вещей?

Отвѣтъ Милля на этотъ вопросъ не отличается особенною опредѣленностью. То онъ доказываетъ, что выгода состоитъ въ ввозѣ, а

не въ отпускъ товаровъ; то опять утверждаетъ, что наиболѣе выигрываетъ та страна, на произведенія которой существуетъ наибольшій спросъ, другими словами, та страна, которая вывозитъ при наиболѣе выгодныхъ для нея условіяхъ и наименѣе нуждается въ произведеніяхъ другихъ странъ. Отъ этого, конечно, оставалось бы сдѣлать еще одинъ шагъ, для того, чтобы перейти въ лагерь Листа и Керн, но Милль остается послѣдователемъ свободы торговли.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Милль допускаетъ возможность потери одною страной рынка другой и приводитъ въ утѣшеніе для страны, понесшей эту потерю, то, что отъ этого выигрываетъ человѣчество и что подобное явленіе не можетъ быть продолжительнымъ. Страна, утратившая рынокъ, принуждена будетъ вывозить металлы; цѣны въ ней упадутъ, а дешевизна товаровъ откроетъ снова сбытъ для ея произведеній. Если даже допустить, что такой ходъ вещей возможенъ, то едва-ли пониженіе цѣнъ, происшедшее отъ потери части металлическихъ запасовъ, не отзовется очень болѣзненно на всемъ народномъ хозяйствѣ. Пусть деньги составляютъ только масло и рельсы, уменьшающіе треніе, но каково промышленности, которой пришлось бы испытать это треніе въ большей степени противъ прежняго, не говоря уже о томъ переворотѣ въ хозяйствѣ, который происходитъ отъ значительнаго возвышенія или паденія цѣнности денегъ?

VI. Вліяніе прогресса общества на производство и распредѣленіе.

(Кн. IV, гл. I — VII).

Три предыдущія книги, — говоритъ Милль, — на сколько позволяютъ ихъ объемъ, заключаютъ въ себѣ обзоръ того, что, по счастливому обобщенію одного математическаго выраженія, было названо статикою политической экономіи. Мы обзрѣли совокупность одновременно существующихъ общественныхъ хозяйственныхъ явленій; мы узнали, въ известной мѣрѣ, ихъ взаимную зависимость другъ отъ друга. Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть экономическое положеніе общества, подверженное измѣненіямъ и дѣйствительно развивающееся прогрессивно. Намъ предстоитъ разсмотрѣть эти измѣненія и ихъ законы и присоединить теорію движенія къ теоріи равновѣсія, динамику политической экономіи къ статикѣ. Измѣненія, составляющія характеристическія черты прогрессивнаго развитія общества, происходятъ: 1) отъ возрастанія физическихъ знаній и прак-

тического ихъ примѣненія, 2) отъ безопасности лицъ и имущества и огражденія лицъ отъ произвола власти, 3) отъ возрастанія производства и сбереженій, 4) отъ увеличенія способности людей къ отпращиванію работъ не столько вслѣдствіе развитія природной смысленности, сколько отъ способности дѣйствовать по общему плану, и 5) отъ возрастанія начала и практики сотрудничества, то-есть, отъ развитія ассоціаціи.

Послѣ этого небольшого введенія Милль переходитъ къ изслѣдованію вліянія прогресса на цѣнность и цѣны, на главныя отрасли доходовъ и на вѣроятную будущность рабочихъ классовъ. Прогрессъ, по словамъ Милля, состоитъ въ уменьшеніи издержекъ производства; но есть причины, противодействующія этому явленію. Если бы населеніе не возрастало, то и тогда производство предметовъ, находящихся въ ограниченномъ количествѣ, при уменьшеніи запасовъ, начало бы дорожать. Если населеніе будетъ возрастать, то увеличатся издержки земледѣльческаго производства, въ особенности производства пшеницы; одни фабричныя издѣлія будутъ дешевѣть. Увеличатся ли подобно относительнымъ и абсолютныя издержки земледѣльческаго производства, это будетъ зависѣть отъ результата борьбы между возрастаніемъ населенія и успѣхами земледѣльческаго искусства. Что касается цѣнъ, то колебанія ихъ, происходящія отъ дѣйствительнаго спроса и предложенія, будутъ слабѣе, а колебанія, происходящія отъ спекуляціи, возрастутъ.

Переходя за симъ къ изслѣдованію вліянія на доходы главныхъ условій прогресса—возрастанія населенія, капитала и усовершенствованій производства, Милль останавливается сначала на первомъ изъ упомянутыхъ условій. Если увеличится населеніе, то заработная плата понизится, а прибыль возвысится; но если вслѣдствіе усиленія спроса на хлѣбъ возрастетъ рента (притомъ не только какъ доля совокупности произведеній, но и по оцѣнкѣ послѣднихъ на фабричныя или иностранныя товары), и при большемъ требованіи на сельскій трудъ, увеличатся издержки производства, то прибыль можетъ остаться безъ черемѣны. Часть потери работника будетъ состоять въ добавочномъ потребованіи отъ него трудъ, а другая—въ доходѣ землевладѣльца, состоящемъ въ рентѣ. Если возрастаетъ одинъ только капиталъ, а прочія условія прогресса останутся неизмѣнными, то въ такомъ случаѣ количество произведеній не увеличится; возвысится лишь заработная плата и рента, вслѣдствіе бѣльшаго спроса на продовольствіе. Если возрастутъ и населеніе, и капиталъ, то заработная плата останется

та же, а увеличится рента и по количеству, и по стоимости произведеній. Если возрастетъ искусство производителей, то произведенія, на которыя расходуется заработная плата, вообще сдѣлаются дешевле. Если улучшения будутъ относиться къ предметамъ роскоши, то выиграютъ потребители землевладѣльцы, привилегированные классы рабочихъ и капиталисты, какъ потребители, потому что доля прибыли не измѣнится. Если улучшения коснутся предметовъ потребления рабочихъ, и притомъ земледѣльческихъ произведеній, то при улучшенияхъ, и позволяющихъ, и не позволяющихъ уменьшить пространство обрабатываемой земли, рента понизится (во второмъ случаѣ болѣе, чѣмъ въ первомъ), а заработная плата возвысится, пока не начнетъ противодѣйствіе, вслѣдствіе возрастанія населенія, что повлечетъ за собою пониженіе прибыли. При улучшенияхъ въ фабричномъ производствѣ, въ заработной платѣ и прибыли произойдутъ тѣ же измѣненія, но рента возвысится. Въ результатѣ хозяйственный прогрессъ общества, состоящаго изъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, ведетъ къ прогрессивному обогащенію сословія землевладѣльцевъ, между тѣмъ какъ стоимость продовольствія рабочихъ стремится къ возрастанію, а прибыль къ паденію. Земледѣльческія улучшения противодѣйствуютъ двумъ послѣднимъ результатамъ, но возрастаніе населенія обращаетъ все выгоды въ пользу землевладѣльцевъ. Другія послѣдствія заключаются въ слѣдующемъ: при пониженіи своемъ, прибыль имѣетъ извѣстный крайній предѣлъ, который зависитъ отъ стремленія къ накопленію, обусловленному наклонностію къ сбереженію и степенью безопасности капитала. Пониженію прибыли противодѣйствуютъ кризисы, улучшения въ производствѣ и переходы капиталовъ въ другія страны. Только улучшениями въ производствѣ предметовъ, потребляемыхъ работниками, капиталъ удерживается въ странѣ, обезпечивая капиталистамъ болѣе значительную прибыль. Основываясь на предыдущемъ, Милль утверждаетъ, что страны богатая и малолюдная поступаютъ благоразумно, если издерживаютъ часть своего капитала. Правительство можетъ способствовать благосостоянію расходами на общепользныя предпріятія, на переселеніе и проч., а также улучшениями земледѣлія или открытіемъ доступа къ произведеніямъ болѣе плодородныхъ земель другихъ странъ. Превращеніе оборотнаго капитала въ основной дѣйствуетъ вредно на первыхъ порахъ только въ бѣдной странѣ, если уменьшаются фондъ заработной платы, средства существованія и занятіе труда; въ богатой странѣ оно служитъ лишь къ удержанію капитала отъ выхода за границу.

Состояніе неподвижности населенія и капитала не представляется Миллю зломъ: онъ видитъ въ немъ нѣчто желаемое, съ тѣмъ однако же, чтобы общее благосостояніе было обезпечено, и чтобы не было препятствія для человѣческаго развитія. Промышленныя искусства, при такомъ состояніи, могутъ, развиваясь, способствуя не увеличенію богатства, но уменьшенію труда. Прогрессивное возрастаніе богатства и населенія не составляетъ, по мнѣнію Милля, идеала, способнаго увлечь филантропа. Америка не прельщаетъ автора; Американцы, говоритъ онъ, имѣютъ всѣ шесть пунктовъ чартизма и не знаютъ нищеты; но изъ всего этого они извлекли только ту пользу, что жизнь всѣхъ мужчинъ посвящается у нихъ ловленію долларовъ, а жизнь всѣхъ женщинъ вскармливанію дѣтей, которыя будутъ ловить доллары. — Въ заключеніе, Милль разсматриваетъ вопросъ о вѣроятной будущности рабочихъ классовъ. По его словамъ, идеаль прогресса человѣческаго общества состоитъ не въ увеличеніи, а въ лучшемъ распредѣленіи богатства, въ томъ, чтобы не было раздѣленія общества на два класса — рабочей и нерабочей. Есть двѣ теоріи устройства лучшей будущности рабочихъ классовъ: теорія зависимости, патриархальной опеки, и теорія самостоятельнаго ихъ развитія, при чемъ цѣлью улучшенія должно быть не поставленіе людей въ возможность обходиться другъ безъ друга, а доставленіе имъ возможности трудиться вмѣстѣ и другъ для друга, въ отношеніяхъ независимыхъ. Первая теорія отжила свой вѣкъ, рабочіе классы пережили ее; что касается второй, то она осуществляется товариществами изъ работниковъ и капиталистовъ и товариществами изъ однихъ работниковъ. Ознакомивъ читателя съ устройствомъ товариществъ того и другого рода, Милль останавливается въ особенности на попыткахъ, сдѣланныхъ во Франціи въ 1848 году, и на исторіи Рочдальскаго товарищества. Онъ отдаетъ преимущество товариществамъ изъ рабочихъ и заявляетъ, что въ этомъ отношеніи онъ согласенъ съ социалистами: пора приступить къ этой реформѣ, помочь ей и поощрить ее всѣми справедливыми и дѣйствительными средствами. Но Милль не согласенъ съ разглагольствованіями социалистовъ противъ соперничества; по его словамъ, они забываютъ, что гдѣ нѣтъ соперничества, тамъ существуетъ монополія, налогъ въ пользу безопасности пли даже хищничества; что кромѣ соперничества между рабочими всѣ другія проявленія соперничества обращаются въ пользу рабочихъ; что человѣку свойственна естественная безопасность, расположеніе быть пассивнымъ, работъ привычки, безконечно оставаться на разъ

принятомъ пути. Поэтому, соперничество необходимо какъ между рабочими, такъ и между отдѣльными товариществами. Быть-можетъ, соперничество не есть наилучшее изъ возбужденій, но теперь оно необходимо, и никто не можетъ предусмотрѣть времени, когда оно перестанетъ быть необходимымъ для прогресса. Въѣсто того, чтобы считать соперничество нагубнымъ и противообщественнымъ началомъ, какъ считаетъ его большинство социалистовъ, Милль полагаетъ, что даже и при высшемъ состояніи общества всякое стѣсненіе соперничества вредно, а всякое расширеніе его, хотя бы на время и вредило какому-нибудь классу рабочихъ, непремѣнно приноситъ пользу въ результатѣ. Устраненіе соперничества есть защита лѣности, умственной тупости и свободы отъ необходимости быть столько же разумнымъ и дѣтельнымъ, какъ другіе.

Задача, которую пытался разрѣшить Милль въ динамикѣ политико-экономическихъ явленій, выясненіе связи между явленіями, послѣдовательно развивающимися, относится, безъ сомнѣнія, къ самымъ любопытнымъ, но въ то же время и самымъ труднымъ въ наукѣ. Милль обошелъ значительную часть предстоявшихъ трудностей тѣмъ, что ограничился изслѣдованіями о соотношеніи между доходами, при возрастаніи населенія, капитала и улучшеній въ производствѣ. Соотношеніе между экономическими учрежденіями, между устройствомъ поземельной собственности, формами обрабатывающей промышленности, порядкомъ и положеніемъ торговли и государственно-экономическими предпріятіями оставлено авторомъ въ сторонѣ, а между тѣмъ въ соотношеніи этихъ явленій заключается ключъ къ пониманію измѣненій въ доходахъ. Затѣмъ, въ тѣсныхъ предѣлахъ, назначенныхъ имъ для себя, Милль выполнилъ свою задачу съ замѣчательнымъ искусствомъ: это образецъ примѣненія логическихъ приѣмовъ, на которые онъ возлагаетъ столько надеждъ; но въ то же время это самое блистательное доказательство бесплодности исключительнаго примѣненія дедуктивнаго метода къ политической экономіи. Вводя послѣдовательно новыя и новыя условія, Милль, повидному, исчерпываетъ все содержаніе поставленнаго имъ вопроса; но, въ сущности, окончательный выводъ его не новъ, и едва-ли подтверждается исторіей. Подобно Сміту, въ особенности же подобно Рикардо и его школѣ, Милль приходитъ къ заключенію, что при прогрессивномъ развитіи общества, то-есть, при возрастаніи населенія и накопленіи капитала, рента возрастаетъ, прибыль падаетъ, а рабочій классъ ведетъ трудную борьбу за существованіе. Все различіе между Миллемъ и его предшественниками (въ осо-

бенности Рикардо) состоитъ въ томъ, что Милль не смотритъ такъ пессимистически на положеніе рабочаго класса и возлагаетъ надежды на развитіе духа ассоціаціи или на возвышеніе уровня потребностей въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе, приведенные имъ положенія и выводы не болѣе, какъ логическое построеніе, которое не оправдывается фактами. Строго говоря, въ этомъ пельзя винить автора: соотношеніе хозяйственныхъ явленій составляетъ результатъ такого множества причинъ, что подтвержденіемъ логическаго вывода могутъ служить не конкретные факты или случаи, а многочисленныя наблюденія, подвергнутыя статистической переработкѣ и точному анализу. Недостаточно знать, что населеніе увеличивается, что капиталъ возрастаетъ, что пространство воздѣлываемой земли становится обширнѣе, что въ производствѣ дѣлаются улучшенія; надо еще знать, какая составная часть населенія возрастаетъ, и при какихъ условіяхъ; надо знать, возрастаетъ ли капиталъ вмѣстѣ съ сосредоточеніемъ его въ немногихъ рукахъ или съ раздробленіемъ въ рукахъ многихъ лицъ, распространяется ли большая или малая поземельная собственность, дѣлаются ли улучшенія въ земледѣліи или въ обрабатывающей промышленности и т. д.; надо знать, какія отношенія развиваются и упрочиваются между участниками въ производствѣ, какія государственныя и общественныя учрежденія и какимъ образомъ вступаютъ въ связь съ частною дѣятельностью; надо имѣть средства для количественной и качественной оцѣнки изучаемыхъ явленій, чтобъ имѣть право ссылаться на нихъ въ подтвержденіе своихъ умозрѣній. Въ противномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о правильности и достовѣрности самихъ выводовъ. Пока статистическія изысканія не будутъ приняты за исходное начало не только для повѣрки, но и для построенія теоріи, до тѣхъ поръ выводы науки останутся дѣломъ вкуса и личнаго разумѣнія; въ подтвержденіе этого можно указать на то, что говоритъ Милль о неподвижномъ состояніи общества. Желая придать этому положенію вещей нѣчто заманчивое и привлекательное, авторъ дѣлаетъ неподвижность подвижною и сообщаетъ принятому термину условный смыслъ. Неподвижное состояніе не исключаетъ у него ни успѣховъ образованія, ни возрастанія благосостоянія, ни усовершенствованій въ области производства, какъ будто бы такіе успѣхи не сопровождаются увеличеніемъ народнаго богатства.

Наконецъ, обращаясь къ вопросу чисто практическому, къ вѣроятной будущности рабочихъ классовъ, Милль не касается историческихъ условій возникновенія этого вопроса; между тѣмъ въ этихъ условіяхъ

и въ попыткахъ ихъ устраненія новымъ устройствомъ промышленности заключается весь интересъ разсматриваемаго предмета. Передъ Миллемъ открывалось обширное поле для изслѣдованія положенія рабочихъ классовъ и разнообразныхъ попытокъ для созданія новаго лучшаго хозяйственнаго порядка, а онъ ограничивается приведеніемъ нѣсколькихъ фактовъ изъ исторіи товариществъ во Франціи и въ Англіи и самую поверхностною характеристикой ихъ формъ. Конечно, можно возразить, что для исполненія требованій, подобныхъ предыдущимъ, понадобилось бы не нѣсколько десятковъ страницъ, а цѣлая книга. Но это не совсѣмъ справедливо: Милль могъ бы, по примѣру Губера, (см. его статью объ ассоціаціи въ *Staatswörterbuch von Bluntschli und Brater*) на тѣхъ же тридцати страницахъ представить въ историческомъ, догматическомъ и статистическомъ отношеніи болѣе богатое содержаніемъ изложеніе предмета, его занимающаго.

VII. Вліяніе правительства.

Въ послѣдней книгѣ, заключающей въ себѣ менѣе одной пятой части всего сочиненія, Милль излагаетъ тѣ отдѣлы науки, которые у германскихъ экономистовъ относятся къ финансамъ и государственному благоустройству. Приступая къ обзору круга правительственной дѣятельности вообще, Милль замѣчаетъ, что въ прежнее время было много споровъ о томъ, какъ правительства должны быть устроены, и какими началами должна руководствоваться общественная власть; теперь почти столько же разногласія въ вопросѣ о томъ, на какія отрасли общественной дѣятельности должна простираться эта власть. На континентѣ господствуетъ ученіе, черезъ мѣру расширяющее кругъ дѣятельности правительства; въ Англіи доселѣ существуетъ противоположное направленіе. Милль начинаеть съ обзора обязанностей, нераздѣльныхъ съ идеею правительства, или по обычаю оставляемыхъ за нимъ, и отдѣляетъ ихъ отъ произвольнаго участія правительства въ частной дѣятельности. При перечисленіи необходимыхъ занятій правительства, Милль указываетъ на заблужденія тѣхъ, которые полагаютъ, что задача власти состоитъ въ огражденіи частныхъ лицъ отъ насилія и обмана. Законы о наследствѣ, собственности и договорахъ, чеканка монеты, установленіе нормальныхъ мѣръ и вѣсовъ, улучшеніе пристаней, топографическія работы все это оправдывается лишь общественно юпользою. За симъ Милль излагаетъ нѣкоторыя части науки о финансахъ и разсматриваетъ хозяйственную дѣятельность правительства, способствующую развитію богатства и благосостоянія.

1. Очерки финансовой науки.

Это заглавіе можетъ быть дано шести главамъ пятой книги, которыя содержатъ въ себѣ общія основанія системы налоговъ, налоги прямые, налоги на произведенія и другіе предметы, сравненіе прямыхъ налоговъ съ косвенными и главу о государственномъ долгѣ.

Общія основанія системы налоговъ Милль излагаетъ по Смиуту, его собственными словами; то-есть, онъ требуетъ 1) равенства, или точнѣе, соразмѣрности налоговъ, 2) извѣстности относительно времени и количества платежа, 3) удобствъ для плательщиковъ относительно взноса и 4) своевременнаго и дешеваго взиманія. Только относительно равенства платежа Милль входитъ въ подробныя объясненія. Вопреки Смиуту, онъ стоитъ не за прогрессивный, а за пропорціональный налогъ, а затѣмъ совѣтуетъ изъ всякаго дохода вычитать извѣстную сумму, которая не должна быть облагаема податями. Возставая противъ прогрессивнаго налога, какъ средства для уравненія состояній, Милль замѣняетъ его налогомъ на наслѣдство. Далѣе авторъ осуждаетъ налогъ на облигаціи государственныхъ займовъ, составляющій, по его словамъ, нарушеніе первыхъ правилъ честности, вдается въ подробныя изслѣдованія о томъ, слѣдуетъ ли временные и постоянные доходы облагать податю одинаковаго размѣра, и приходитъ къ заключенію, что налогъ долженъ быть соразмѣренъ не съ тѣмъ, сколько человѣкъ имѣетъ, а сколько онъ можетъ расходовать, и что трудность достигнута полной справедливости не служитъ основаніемъ для отказа въ справедливости возможной. Относительно ренты Милль предлагаетъ установленіе налога на будущее ея возрастаніе, на основаніи предварительно установленнаго кадастра. Соглашаясь наконецъ, что подати должны взиматься съ дохода, а не съ капитала, авторъ полагаетъ, что въ богатой странѣ налогъ, поглощающій часть капитала, въ особенности налогъ на наслѣдство, не представляетъ особаго вреда.

Налоги, по Миллю, бываютъ: прямые, взимаемые съ лицъ, на которыхъ они налагаются; не прямые, которые возмещаются плательщиками съ другихъ лицъ, и наконецъ такіе, которые не могутъ быть отнесены ни къ тому, ни къ другому разряду.

Прямые налоги берутся съ дохода или съ расхода. Источники дохода суть: рента, прибыль и заработная плата. Налогъ на ренту взимается всегда съ землевладѣльца, потому что часть произведеній, получаемая при наименѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ и регулирующая цѣны, не даетъ ренты и не платитъ налога. Общій равно-

мѣрный налогъ на прибыль падаетъ на капиталистовъ. Онъ или вызываетъ улучшения, которыя возвышаютъ прибыль, или приближаетъ срокъ недвижнаго состоянія страны, или усиливаетъ эмиграцію капитала и спекуляцію. Поэтому, налогъ на прибыль особенно вреденъ въ такой странѣ, какъ Англія. Въ странахъ, гдѣ прибыль далека отъ наименьшаго размѣра, налогъ на прибыль, не сопровождающійся улучшениями, при размноженіи населенія, отчасти падетъ на рабочихъ, а при задержкѣ въ размноженіи населенія, останавливаетъ возрастаніе ренты, слѣдовательно, лишаетъ нѣкоторыхъ выгодъ землевладѣльца. Налогъ на заработную плату падаетъ на рабочихъ; но если размѣръ ихъ потребностей не уменьшается, то приращеніе населенія останавливается, заработная плата растетъ, и налогъ уплачивается предпринимателями.

Переходя къ общему подоходному налогу, Милль, ради соблюденія справедливости, считаетъ необходимымъ: 1) облагать налогомъ только часть дохода, превышающую извѣстный *minimum*, и 2) освободить отъ налога сберегаемыя суммы или, если это невозможно, облагать меньшимъ налогомъ пожизненные доходы и доходы отъ коммерческихъ дѣлъ и промысловъ. При всемъ томъ, налогъ этотъ будетъ неравномѣренъ, потому что исчисленіе доходовъ представляетъ непреодолимую трудность. Налогъ съ домовъ слагается изъ подати съ ренты землевладѣльческой и съ ренты за строенія: первая часть падаетъ на владѣльца, если только поземельная рента вообще платитъ подать, вторая же на наемщика и требуетъ освобожденія *minimum*'а. Это самый справедливый налогъ.

Подати съ предметовъ потребленія взимаются или съ производителей, или съ потребителей, или съ купцовъ, и раздѣляются на акцизы, таможенные и транзитныя пошлины. Налоги эти увеличиваютъ издержки производства; но возвышеніе цѣнъ, при равномѣрномъ налогѣ, будетъ зависѣть лишь отъ неодинаковой долговѣчности капитала, употребленнаго въ производствѣ. Налогъ на какой-либо предметъ потребленія возвышаетъ его цѣнность и цѣну выше размѣра взимаемой суммы, что объясняется необходимостью предупредить контрабанду и затратить часть капитала на уплату подати. Измѣненіе налогомъ цѣнности предметовъ необходимости для работниковъ имѣетъ вліяніе и на распредѣленіе богатства. Налогъ на хлѣбъ или понижаетъ уровень потребленія рабочихъ (напримѣръ, когда они обратятся къ болѣе дешевой пищѣ), или же уровень потребленія рабочихъ остается безъ измѣненія, и тогда налогъ падаетъ на прибыль.

Что касается ренты, то измѣненія въ ней зависятъ отъ способа взиманія налога. Десятина натурою падаетъ на ренту, но землевладѣлецъ можетъ быть вознагражденъ цѣнностью и цѣною хлѣба, составляющаго его ренту за вычетомъ налога, и потерпитъ ущербъ, лишь какъ потребитель хлѣба. Определенная денежная подать съ количества собраннаго хлѣба дѣйствуетъ какъ десятина; но будетъ составлять не одинаковую долю итога произведеній. Подать съ пространства земли увеличиваетъ ренту лучшихъ земель; собственно это уже не налогъ на предметы потребленія. Издавна существующіе налоги на земледѣльческія произведенія могутъ, какъ замѣтилъ Снїоръ, имѣть другія послѣдствія. Налогъ на земледѣльческія произведенія ускоряетъ возвышеніе цѣны и упадокъ прибыли, а слѣдовательно, и накопленіе капитала. Потребитель ранѣе будетъ платить ту цѣну, которую ему пришлось бы платить позднѣе, если бы налога не было вовсе. Но въ окончательномъ результатѣ, чѣмъ ближе будетъ прибыль къ *minimum*у, тѣмъ болѣе налогъ будетъ переходить на землевладѣльца. Поэтому, говоритъ Милль, я раздѣляю мнѣніе Снїора, что десятина, еще до замѣны ея другими налогами, перестала понижать прибыль и возвышать цѣну хлѣба и сдѣлалась простымъ вычетомъ изъ ренты; другая сторона ея вліянія состояла въ томъ, что она уменьшала капиталъ, производство и число населенія, какъ будто плодородіе земли въ Англіи было слабѣе на $\frac{1}{10}$ часть или, лучше сказать, на $\frac{1}{20}$, потому что часть земли была свободна отъ десятины. Уничтоженіе десятины уменьшитъ издержки производства на $\frac{1}{10}$ долю, рента, выраженная деньгами или товарами, вообще останется прежняя, а рента, выраженная земледѣльческими произведеніями, возрастетъ; страна отдалится отъ неподвижнаго состоянія, и быстрота накопленія сбереженій увеличится. Замѣна десятины налогомъ на ренту обратится въ пользу потребителя, на счетъ землевладѣльца, рента котораго начнетъ впрочемъ возрастать при увеличившемся накопленіи капитала и размноженіи населенія. Вліяніе податей съ предметовъ потребленія представляется въ нѣкомъ видѣ, когда не соблюдается должное безпристрастіе, и налогъ падаетъ не на произведенія, а на какой-нибудь способъ ихъ приобрѣтенія. Пагубны налоги, которые заставляютъ избирать способы болѣе дорогіе, напримѣръ, производство свекловичнаго сахара вмѣсто покупки колониальнаго, производство хлѣба внутри страны во избѣжаніе привоза его извнѣ (хлѣбные законы). Налоги эти убыточны для казны и разорительны для потребителей. Къ нимъ должно отнести и дифференціальныя пошлины.

Въ заключеніе, Милль разсматриваетъ вліяніе таможенныхъ пошлинъ на виѣшнюю торговлю. Что касается пошлинъ съ отпуска, то при сильномъ спросѣ на вывозимые товары онѣ могутъ пасть на потребителей-иностранцевъ, и даже привозные товары могутъ сдѣлаться дешевле, вслѣдствіе уменьшенія металлическихъ запасовъ у иностранцевъ, оплачивающихъ свой привозъ монетою. Можно допустить другой случай, когда отпускающая страна выручитъ одинъ только налогъ или часть онаго, а другая падетъ на производителей. Наконецъ, можетъ случиться, что устанавливая пошлину съ отпуска, государство заставитъ своихъ подданныхъ платить еще налогъ въ пользу иностранцевъ. Предположимъ, что спросъ въ Германіи на предметы вывоза упадетъ, а спросъ въ Англіи на привозимые предметы изъ Германіи усилится. Деньги въ Германіи сдѣлаются дешевле, а въ Англіи дороже, и если привозъ въ Англію будетъ продолжаться, то послѣдняя станетъ переплачивать болѣе взимаемаго ею налога съ отпускаемыхъ произведеній, а Германія будетъ покупать англійскія произведенія дешевле, чѣмъ прежде. Вывозныя пошлины, какъ основанныя на томъ, что одна сторона выигрываетъ то, что другая терлетъ, по мнѣнію Милля, не взмались бы, если бы соблюдаемы были правила международной нравственности. Пошлины съ привозимыхъ товаровъ падаютъ иногда на потребителей, а иногда на иностранцевъ. Если пошлина не мѣшаетъ привозу изъ Германіи всего товара, потребляемаго въ Англіи, но ограничиваетъ его, то привозъ уменьшится; Германіи придется уплачивать за свой привозъ изъ Англіи деньгами, цѣны въ Германіи упадутъ, и выиграетъ отъ этого Англія, а Германія потеряетъ. Если спросъ не уменьшится отъ наложенія пошлины на привозъ, то налогъ падетъ на внутреннихъ потребителей; но спросъ обыкновенно уменьшается, и налогъ падаетъ отчасти и на иностранцевъ, потребляющихъ наши товары. На производителя пошлины падаютъ только тогда, когда произведенія его составляютъ предметъ монопольный, или когда пошлина на произведеніи земли и рудниковъ такъ высока, что заставляетъ покинуть участки земли или рудники низшаго разряда. Пошлины съ привозимыхъ товаровъ бывають двоякаго рода: охранительныя, которыя мѣшаютъ сбереженію труда и капитала, и неохранительныя, которыя составляютъ выигрышъ для устанавливающей ихъ страны, но такъ, что выигрышъ этотъ можетъ быть обращенъ въ ничто другими странами, которыя установятъ у себя подобныя налоги.

Кромѣ налоговъ на доходъ и на предметы потребленія,—говоритъ Милль (гл. V), — есть много другихъ, которые не подходятъ вполне

ни подъ одинъ изъ этихъ двухъ разрядовъ. Сюда относятся: пошлины съ договоровъ и съ перехода имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ, пошлины со страхованія, почтовый сборъ, налогъ на газеты, судебныя пошлины и мѣстные налоги. Милль ограничивается въ этомъ бѣгломъ обзорѣ однимъ лишь указаніемъ на невыгоды, сопряженныя съ этими налогами, а иногда затрогиваетъ и вопросъ о переложеніи податей.

На вопросъ, какіе налоги лучше, прямые или косвенныя, Милль отвѣчаетъ, что прямые налоги ощущаются сильнѣе и потому обязываютъ къ большей бережливости; но реальное значеніе косвенныхъ налоговъ съ каждымъ днемъ лучше понимается большинствомъ. Мысль, что косвенныя налоги уплачиваются по доброй волѣ плательщиковъ, Милль считаетъ иллюзією, но признаетъ, что время и способъ платежа соединены съ большими удобствами для плательщика. Сильнѣйшее возраженіе противъ взиманія всѣхъ государственныхъ доходовъ посредствомъ прямого налога состоитъ въ невозможности справедливой его раскладки. Допуская, поэтому, налоги косвенныя, Милль рекомендуетъ слѣдующія практическія правила: 1) взимать налоги съ предметовъ роскоши, 2) производить взиманіе въ моментъ самый близкій къ потребленію, 3) устанавливать такіе сборы, которые падали бы преимущественно на средніе и на большіе доходы, 4) взимать налоги съ немногихъ статей, преимущественно съ возбуждающихъ напитковъ, 5) отдавать преимущество таможеннымъ пошлинамъ, уплачиваемымъ при ввозѣ товаровъ, и не доводить ихъ до размѣра, который вызываетъ трудную борьбу съ контрабандою.

Отдѣлъ о финансахъ оканчивается у Милля изслѣдованіями о государственномъ долгѣ, которыя впрочемъ состоятъ изъ разсмотрѣнія однихъ лишь невыгодъ государственныхъ долговъ и способовъ ихъ уплаты. По Миллю, если рынокъ переполненъ капиталами, которые готовы уйдти за границу, то займы не представляютъ обыкновенныхъ неудобствъ, и хотя будущее обременяется на счетъ настоящаго, но и будущее можетъ также участвовать въ выгодахъ, доставленныхъ дѣйствительно полезными займами. Высокій процентъ служитъ признакомъ, что рынокъ переполненъ капиталами и что правительство должно воздерживаться отъ займовъ. Погашеніе государственнаго долга представляется Миллю желательнымъ, но погашеніе раскладкою долга на населеніе онъ признаетъ неудобносполнимымъ, а постепенную уплату допускаетъ лишь съ ограниченіями, полагая, что лучше отмѣнить крайне обременительныя налоги, чѣмъ уменьшать старыя долги.

Въ отдѣлѣ о финансахъ Милль не прибавляетъ почти ничего по-

ваго къ тому, что было извѣстно до него, а извѣстное передаетъ въ такихъ общихъ чертахъ, съ такимъ пропусками и сокращеніями, что человекъ, знакомый съ предметомъ, можетъ найти интересъ лишь въ болѣе близкомъ знакомствѣ съ нѣкоторыми изъ воззрѣній автора; изучающій же науку можетъ приобрести только элементарныя и отрицательныя свѣдѣнія, которыя мало принесутъ ему пользы и въ ученыхъ занятіяхъ, и въ практической дѣятельности. Въ опредѣленіи общихъ основаній налоговъ, въ установленіи границы между налогами прямыми и косвенными, а въ особенности въ опредѣленіи мѣста для тѣхъ и другихъ въ финансовой системѣ страны, въ оцѣнкѣ относительнаго достоинства формъ податей разнаго рода и вида, въ изученіи государственныхъ потребностей, устройства финансовой администраціи, однимъ словомъ, въ рѣшеніи всѣхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ финансовая наука сдѣлала замѣчательныя успѣхи. Она обогатилась множествомъ наблюденій, фактовъ и выводовъ. Между тѣмъ у Милля повторяются лишь общія соображенія, которыя можно найти у Смита, Рикардо и нѣкоторыхъ послѣдователей Рикардо. Самые интересныя и притомъ практическіе вопросы устранены: нѣтъ и признаковъ какой-либо попытки подтвердить сказанное историческими примѣрами. Можно сказать, что Милль даетъ не краткій очеркъ финансовой науки, а теоретическій остовъ, препарированный не безъ нѣкоторой симметріи, но съ явнымъ пренебреженіемъ къ тому, что представляетъ дѣйствительная жизнь. Вниманіе автора по преимуществу сосредоточено на вопросѣ о переложеніи податей и на разъясненіи справедливости или несправедливости бѣльшаго или меньшаго обремененія населенія нѣкоторыми изъ налоговъ. Но и въ этихъ изслѣдованіяхъ, которыя, повидимому, должны были перенести Милля въ столь среднюю ему сферу спекулятивныхъ построеній, онъ не восходитъ къ разрѣшенію общаго вопроса о переложеніи и сложеніи налоговъ и объ условіяхъ, отъ которыхъ зависятъ эти явленія, а обращается къ нимъ лишь по поводу того или другаго налога. Система государственнаго кредита изложена въ книгѣ Милля также поверхностно и кратко, какъ и другія части. Ограничиваясь этими общими замѣчаніями и сомнѣваясь, чтобы выводы Милля относительно паденія разнаго рода налоговъ были основательны и подтверждались опытомъ, должно замѣтить, что авторъ не понижаетъ однако же уровня науки, и здѣсь также глубоко затрогиваетъ каждый разсматриваемый имъ вопросъ, какъ и въ другихъ частяхъ своего сочиненія. Но не подлеститъ сомнѣнію, что разработка германскою и даже французскою литературой

теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, представляемыхъ финансовою наукой, мало знакома Миллю. Равнымъ образомъ, едва-ли извѣстны ему финансовыя учрежденія Европы въ тѣхъ подробностяхъ, которыя сообщаютъ жизнь и интересъ научнымъ изслѣдованіямъ. Милль почти вездѣ имѣетъ въ виду одну Англію, но оригинальныя черты ея финансоваго устройства служатъ ему лишь для спекулятивныхъ построеній по предвзятымъ понятіямъ, чуждымъ практической примѣнимости. Въ подтвержденіе предыдущаго можно указать на мысль автора объ установленіи поземельнаго налога на будущее приращеніе ренты, для того чтобы не нанести ущерба настоящимъ интересамъ (почему бы въ такомъ случаѣ не поставить условіемъ, чтобы всѣ налоги устанавливались на будущее приращеніе всѣхъ доходовъ, а не на настоящіе доходы?), или на одобреніе налоговъ на предметы роскоши, несостоятельность которыхъ дознана на самой практикѣ.

2. Хозяйственная дѣятельность правительства, способствующая развитію богатства и благосостоянія.

Три послѣднія главы въ пятой книгѣ сочиненія Милля относятся почти исключительно къ той части политической экономіи, которая носитъ у насъ названіе государственнаго благоустройства. Но если очеркъ финансовъ представляетъ много пробѣловъ, то ученіе о благоустройствѣ отличается у Милля еще большею отрывочностью. Автору ставить въ великую заслугу, что въ этихъ изслѣдованіяхъ онъ не является неумолимымъ доктринеромъ, готовымъ принести въ жертву идеѣ промышленной свободы устройство общественныхъ отношеній, выработанныхъ подъ вліяніемъ законовъ и государственныхъ учрежденій, что онъ не впадаетъ и въ противоположную крайность, не требуетъ безусловнаго подчиненія свободнаго хода жизни юридическимъ нормамъ и вліянію власти; но эти неоспоримыя достоинства не составляютъ, въ настоящее время, удѣла немногихъ избранныхъ. Затѣмъ, при многихъ мѣткихъ и вѣрныхъ мысляхъ, Милль высказываетъ иногда очень рѣшительно мнѣнія далеко не безспорныя, а иногда дѣлаетъ уступки, несогласныя съ его собственными воззрѣніями. Задавшись вопросомъ о томъ, что вредитъ преуспеванію общества, Милль справедливо замѣчаетъ, что недостаточное охраненіе личности и собственности составляетъ неоспоримое зло, но что свобода, при обезпеченіи людямъ единства дѣятельности и взаимнаго содѣйствія, выкупаешь, въ нѣкоторой степени, недостатокъ безопасности, тогда какъ произволъ правительственныхъ агентовъ обращаетъ двѣтущія страны въ

пустыню. Вредятъ народному благосостоянію не только непомѣрные налоги, но и налоги невѣсокіе, когда они неравномѣрны и неопредѣленны. Вредятъ успѣхамъ богатства и благосостоянія дурные законы объ укрѣпленіи правъ на собственность, недостаточно охраняющіе права, которыя вытекаютъ изъ собственности и договоровъ; разительные примѣры такого несовершенства представляютъ нѣкоторые англійскіе законы.

Отъ этихъ замѣчанійъ объ общей системѣ законовъ Милль переходитъ къ законамъ о наслѣдствѣ, договорахъ, товариществахъ и несостоятельности. О наслѣдствѣ Милль повторяетъ то, что было высказано имъ прежде. Общимъ правиломъ должна быть свобода завѣщанія, съ двумя ограниченіями 1) обязательнымъ обезпеченіемъ прямыхъ нисходящихъ наслѣдниковъ и 2) опредѣленіемъ нормы наслѣдуемаго въ размѣрѣ, обезпечивающемъ скромную независимость. Далѣе, авторъ высказывается въ пользу непризнанія наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ и обращенія въ такомъ случаѣ наслѣдства, если нѣтъ завѣщанія, въ собственность государства. Затѣмъ Милль проводитъ параллель между англійскими и французскими законами о наслѣдствѣ; тѣ и другіе внушены не справедливостію, но политическими стремленіями, первые желаніемъ сохранить аристократію, а вторые желаніемъ уничтожить и сдѣлать ее невозможною. Милль подробно разбираетъ экономическія невыгоды майоратовъ и субституцій, но также не одобряетъ и французскаго закона, стѣсняющаго свободу завѣщанія и не ограничивающаго наслѣдства извѣстнымъ размѣромъ. Переходя отъ вопроса о наслѣдствѣ къ договорамъ, Милль останавливается на однихъ товариществахъ. Онъ находитъ законы объ этомъ предметѣ, въ особенности англійскіе, стѣснительными и недостаточно ограждающими права товарищей и права постороннихъ лицъ противъ товарищей, отстаиваетъ формы товариществъ обыкновеннаго акціонернаго и акціонернаго на вѣрѣ, существующаго во Франціи, и приводитъ длинныя выписки изъ статей Коклена и Кери. Наконецъ, по поводу законовъ о банкротствѣ, Милль считаетъ необходимымъ изслѣдовать причины банкротства и замѣчаетъ, что англійскій законъ, отмѣнившій заключеніе за долги, ничего не даетъ въ замѣнъ послѣдняго. Очевидно, что эти три случая примѣненія закона къ экономическимъ отношеніямъ далеко не исчерпываютъ всей области юридическаго устройства народнаго хозяйства, и даже то, чего коснулся авторъ, далеко не изслѣдовано имъ съ надлежащею полнотою. Несостоятельность предположеній Милля объ установленіи новыхъ законовъ о наслѣдствѣ была изло-

жена выше; но нельзя не признать, что критика дѣйствующаго законодательства въ Англіи и Франціи отличается у него большимъ мастерствомъ. Столь же справедливы замѣчанія автора о постановленіяхъ, которымъ были въ прежнее время подчинены промышленныя товарищества; но постановленія эти значительно измѣнены въ Англіи въ недавнее время, а между тѣмъ авторъ не коснулся этихъ измѣненій даже въ новомъ изданіи своей книги; мало того, онъ не обратилъ должнаго вниманія на темную сторону, которую даетъ полная свобода, предоставленная компаніямъ, и на попытки новѣйшаго законодательства дать товарищамъ ручательство, что ихъ довѣріе не будетъ легко или безнаказанно употреблено во зло. Наконецъ, Милль, съ свойственною ему проникательностью, очень вѣрно оцѣнилъ значеніе законовъ, установившихъ заключеніе за долги, и предложилъ очень разумную середину при рѣшеніи этого вопроса, который въ недавнее время получилъ такую необдуманную развязку въ нѣкоторыхъ законодательныхъ собраніяхъ, въ особенности во Франціи.

Остальные случаи участія власти въ устройствѣ народнаго хозяйства отнесены авторомъ къ изслѣдованію предѣловъ промышленной свободы, которымъ онъ предпослалъ разсмотрѣніе вмѣшательства правительства, основаннаго на примѣненіи ошибочныхъ теорій. Ошибочныя политико-экономическія теоріи, говоритъ Милль, лишились довѣрія людей, которые не отстали отъ общественнаго прогресса, а потому здѣсь нечего вдаваться въ подробности. Изъ подобныхъ теорій самая замѣчательная есть ученіе о покровительствѣ отечественной промышленности. Выше было показано, что при обыкновенномъ ходѣ внѣшней торговли, ввозъ заграничныхъ товаровъ тогда только выгоденъ для страны, когда онъ получается сю съ меньшимъ расходомъ труда и капитала. Запрещать ввозъ товара и производить его съ большими издержками дома — значитъ причинять потерю, равную разности между цѣною заграничнаго и производимаго внутри страны товара. Но, разсмотрѣвъ и опровергнувъ доводы меркантильной системы, потомъ доводы протекціонистовъ, опирающіеся на интересы національнаго производства и защиты, а наконецъ и на достиженіе финансовыхъ цѣлей, Милль допускаетъ временное покровительство въ странахъ молодыхъ и развивающихся въ видахъ водворенія производства, вполне соответствующаго условіямъ, въ которыхъ находится страна. „Преимущество одной страны предъ другою, говоритъ онъ, можетъ состоять лишь въ пріобрѣтенномъ искусствѣ и въ опытности. Страна, которой надо пріобрѣсть эти качества, можетъ, по другимъ

условіямъ, быть способнѣе тѣхъ, которыя ранѣе ея выступили на это поприще. Кромѣ того, по справедливому замѣчанію Рэ, ничто не вызываетъ въ такой степени улучшенія, какъ поставленіе промышленности въ новыя условія. Нельзя ожидать, чтобы частныя лица рѣшились завести новую фабрику на собственный рискъ, или скорѣе, съ вѣрною потерей для себя и несли бы это бремя, пока не достигнуть уровня развитія иностранныхъ производителей, для которыхъ промыселъ составляетъ преданіе. Покровительственная пошлина на разумный срокъ бываетъ иногда наименѣе неудобнымъ способомъ подвергать себя налогу на поддержку такого опыта. Но покровительство должно ограничиваться случаями, относительно которыхъ существуетъ вполне достаточная увѣренность, что покровительствуемая промышленность будетъ въ состояніи со временемъ обойтись безъ этого поощренія, и никакъ не должно давать отечественнымъ производителямъ надежды на то, что поощреніе продлится долѣе времени, необходимаго для достиженія цѣли". Сужденія о протекціонизмѣ Милль оканчивають краткимъ порицаніемъ колониальной политики, направленной къ эксплуатаціи колоній въ пользу метрополій.

Второй предметъ изъ области отношеній закона и власти къ народному хозяйству, на который Милль обращаетъ вниманіе, есть установленіе законныхъ процентовъ. Законы о процентахъ, по его словамъ, несомнѣстны съ установленіемъ цѣны соперничествомъ и обращаются во вредъ должника, ограничивая предложеніе. — Втретьихъ, Милль возстаётъ противъ установленія таксы, въ особенности на хлѣбъ, полагая, что удешевленіе хлѣба достигается не пособіями, усиливающими спросъ и возвышающими цѣны (что составляетъ въ затруднительное положеніе людей, которые могли бы обойтись дотолѣ своими средствами), а ограниченіемъ потребленія. Правительство, говоритъ Милль, можетъ сдѣлать лишь одно: совѣтовать всѣмъ, чтобы каждый соблюдалъ умѣренность въ потребленіи, и запрещать тѣ виды потребленія, которые не имѣютъ первостепенной важности. Подвозъ пшеницы на счетъ государства издалека полезенъ, если нельзя ожидать этого отъ частной спекуляціи; иначе это будетъ ошибкой. Столь же ошибочно и предоставленіе монополіи; но и этого нельзя сказать о привилегіяхъ, потому что общество обязано вознаградить изобрѣтателя за услугу. — Вчетвертыхъ, Милль разсматриваетъ законы о стачкахъ и требуетъ свободы для соглашеній между рабочими. Что касается послѣдствій стачекъ, то по его словамъ, всеобщая коалиція могла бы уменьшить число рабочихъ часовъ и доставить прежнюю

плату за меньшее количество работы, но не можетъ возвысить плату выше уровня, опредѣляемаго спросомъ и предложениемъ. Возвышеніе заработной платы стачкою возможно въ отдѣльной отрасли промышленности, но возвышеніе цѣнъ на произведеніи такой промышленности должно, повидимому, или уменьшить число занятыхъ въ ней рабочихъ, или вытолкнуть на рынокъ часть людей, ищущихъ занятій, или же, уменьшивъ капиталъ, уменьшить и спросъ на трудъ. Не должно, однако же, упускать при этомъ изъ виду, что возвышеніе уровня потребленія рабочихъ въ одной промышленности имѣетъ вліяніе на заработную плату вообще, и что стачки, по замѣчанію Фаусетта, составляютъ обыкновенно рабочими при высокой прибыли. Впрочемъ, стачки должны быть добровольны, то-есть, исключать насиліе, дѣлаемое одними рабочими другимъ, и имѣть въ виду цѣль не противную общему благу. Наконецъ, вѣдывая, Милль возстаетъ противъ ограниченія закономъ свободы печати и свободы мнѣній.

Въ этомъ разборѣ ошибочныхъ теорій есть также доля непоследовательности. Милль возстаетъ противъ протекціонизма и однако же допускаетъ такое исключеніе, которое должно вполнѣ удовлетворить самыхъ требовательныхъ протекціонистовъ, потому что защита внутренняго производства таможенными пошлинами принята имъ въ принципъ. Онъ оправдываетъ ее не по государственнымъ, а по народно-экономическимъ соображеніямъ; онъ даже не только стоитъ за охрану того, что существуетъ, что возникло, но не обрѣло еще подъ вліяніемъ покровительства, но даже считаетъ полезнымъ созданіе новаго покровительства. Онъ не замѣчаетъ, что указанное имъ исключеніе, въ сущности, ничѣмъ не отличается отъ общаго правила. Столь же несостоятельны нѣкоторыя мнѣнія, высказанныя ученымъ политико-экономистомъ относительно народнаго продовольствія. Въ сущности онъ правъ, отвергая установленія таксы; но совѣты относительно сокращенія потребленія, не поддержанные другими, болѣе сильными средствами, останутся всегда гласомъ вопіющаго въ пустынь, а запрещеніе потребленія хлѣба въ нѣкоторыхъ производствахъ, какъ показала опытъ, не даетъ удовлетворительныхъ результатовъ. Опытъ эти были сдѣланы въ Англіи, и замѣчательно, что авторъ не обратилъ на нихъ вниманія. Наконецъ, столь же шатки его разсужденія по поводу вліянія стачекъ на возвышеніе заработной платы. Съ точки зрѣнія той теоріи, которую развиваетъ Милль, слѣдовало бы допустить, что стачки не могутъ улучшить положенія рабочихъ, потому что заработная плата регулируется движениемъ населенія при данномъ

уровнѣ его потребностей и при извѣстномъ отношеніи между спросомъ на капиталъ и предложеніемъ капитала, а слѣдовательно, отъ стачекъ нисколько не зависитъ; такъ полагали Кокленъ и другіе экономисты, защищавшіе право стачекъ съ точки зрѣнія свободы; но едва-ли это справедливо, и можно скорѣе согласиться съ выводами Милля, которые впрочемъ не совсѣмъ ипрятя съ общими теоретическими его положеніями.

Въ началѣ заключительной главы, Милль высказываетъ сомнѣніе въ возможности всеобщаго опредѣленія основаній и границъ промышленной свободы и намѣревается представить лишь нѣкоторые матеріалы для рѣшенія вопросовъ, возникающихъ при разсмотрѣніи, съ самой общей точки зрѣнія, выгодъ и невыгодъ или вреда отъ правительственнаго вмѣшательства. Вмѣшательство это, говоритъ Милль, бываетъ или повелительнымъ, или не повелительнымъ: въ послѣднемъ случаѣ правительство даетъ совѣты, указанія и даже само устраняетъ государственныя учрежденія наравнѣ съ частными. Принужденіе состоитъ здѣсь въ собираніи средствъ для достиженія цѣли; но такое вмѣшательство власти не ограничиваетъ свободы личной дѣятельности. Возраженія противъ правительственнаго вмѣшательства состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Въ жизни каждаго человѣка есть область, въ которой не затрогиваются интересы другихъ лицъ, и эта область должна быть неприкосновенною; съ этимъ Милль вполне согласенъ. 2) Возложеніе на правительство разнообразныхъ обязанностей усложняетъ административный механизмъ, при чемъ дѣятельность управленія представляетъ большіе недостатки; но эти неудобства устраняются раздѣленіемъ труда въ общественныхъ дѣлахъ и двойною отвѣтственностью администраціи предъ избирателями и судомъ, какъ на примѣръ, въ нѣкоторыхъ штатахъ Новой Англіи; тѣмъ не менѣе, при всѣхъ усовершенствованіяхъ правительственнаго устройства, огромное число дѣлъ, возлагаемыхъ на администрацію, будетъ выполняться ею хуже, нежели частными лицами. 3) Расширеніе правительственной дѣятельности на счетъ частной лишаетъ послѣднюю практической школы, составляющей столь же необходимое условіе для развитія человѣка, какъ и научное образованіе; совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ и завѣдываніе ими составляютъ великую школу, въ которой развивается и общественное мнѣніе, и пониманіе общественныхъ дѣлъ, что всегда бываетъ отличительною характеристическою чертою свободныхъ странъ. Демократическія учрежденія, подчиненныя центральной власти, не создаютъ свободы, а распространяютъ лишь до низшихъ

степеней общества желаніе и честолюбіе политическаго господства. Въ однихъ странахъ народъ желаетъ, чтобъ его не притѣсняли, а въ другихъ, чтобы каждый имѣлъ одинаковую возможность стать притѣнителемъ. Въмѣсто желанія свободы является непомѣрная алчность къ должностямъ и власти, отвращающая мысли и дѣятельность страны отъ главнаго ея дѣла къ пагубному соперничеству своекорыстныхъ расчетовъ и мелкой официальной суетности.

Представивъ изъ Дюнои и Кери нѣсколько примѣровъ вреда отъ далеко простирающейся опеки правительства въ наиболѣе просвѣщенныхъ европейскихъ странахъ, Милль замѣчаетъ, что коренное правило, по которому потребитель есть лучший судья того, что онъ приобретаетъ, допускаетъ, впрочемъ, много исключеній. Дѣятельность правительства должна простираться, во первыхъ, на народное образованіе и состоятъ въ оказаніи пособій первоначальнымъ школамъ и въ учрежденіи общедоступныхъ училищъ. Это—пособіе, оказываемое людямъ для того, чтобъ они могли обходиться безъ пособія. Кромѣ того, правительство, обязывая родителей посылать дѣтей въ школу, должно оказать имъ содѣйствіе. Вмѣшательство правительства необходимо для огражденія интересовъ малолѣтнихъ, идиотовъ, помѣшанныхъ и для отвращенія жестокаго обращенія съ животными; но Милль возстаегъ противъ поставленія женщинъ въ зависимое положеніе (наравнѣ съ несовершеннолѣтними) и требуетъ, чтобъ имъ былъ открытъ доступъ къ промышленнымъ занятіямъ. Второй случай, когда необходимо ограниченіе *laisser faire*, относится къ вѣчнымъ договорамъ; законъ долженъ въ такомъ случаѣ ограждать лицо, принимающее на себя вѣчныя обязанности. Третій случай касается такихъ дѣлъ, которыя частное лицо можетъ вести чрезъ уполномоченнаго; Милль требуетъ гласности для промышленныхъ товариществъ и полагаетъ, что если предприятие само по себѣ, какъ напримѣръ, желѣзная дорога или каналъ, составляетъ монополію, то правительство обязано дать нѣкоторыя гарантіи обществу, сохранить за собою право контроля, установленія тарифа и т. п. Четвертый случай относится къ такого рода дѣламъ, въ которыхъ необходимо взаимное соглашеніе частныхъ лицъ, но соглашеніе, возможное лишь при существованіи закона; сюда относится ограниченіе числа рабочихъ часовъ и введеніе Уебфильдовой системы колонизаціи, при которой занятіе земли должно обуславливаться ея покупкою, потому что иначе не будетъ ни наемнаго труда, ни занятія земли, пропорціональнаго средствамъ, ни образованія городского населенія. Пятый случай касается общественной благотворительности;

Милль совѣтуетъ, чтобы пособіе давалось лишь въ крайнихъ случаяхъ, и чтобы положеніе челоѣка, получающаго помощь, не было хуже, чѣмъ положеніе челоѣка, содержащагося своимъ трудомъ. При соблюденіи этихъ условій полезно, чтобы законъ обезпечивалъ средства существованія находящимся въ крайности здоровымъ людямъ, и чтобы эти средства не зависѣли отъ частной благотворительности. Частная благотворительность даетъ или слишкомъ много, или слишкомъ мало, а если правительство содержитъ бѣднаго преступника въ тюрьмѣ и не содержитъ невиннаго бѣдника, то оно назначаетъ награду за преступленіе. Наконецъ, частная благотворительность илродитъ нищенство. Государство должно однако предоставить частной благотворительности оказаніе пособій бѣднымъ, заслуживающимъ пособія. Такого разграниченія не можетъ сдѣлать администрація, да это и не ея дѣло. Къ этой же категоріи относятся и пособія колонизаціи. Наконецъ, участіе правительства необходимо въ общепользныхъ дѣлахъ, занятіе которыми не обѣщаетъ частному лицу соответствующаго вознагражденія; сюда относятся пособія для путешествій съ географическою или ученою цѣлью, устройство маяковъ, назначеніе содержанія ученымъ, занятія которыхъ требуютъ изслѣдованій и опытовъ, поглощающихъ все ихъ время. Двигателями науки, замѣчаетъ Милль, были, впрочемъ, и такіе люди, которые посвящали по нѣскольку часовъ практической дѣятельности. Прежде чѣмъ брать на себя какое-либо дѣло, правительство всегда должно обсудить: не можетъ ли быть это дѣло исполнено свободною частною дѣятельностью, и можетъ ли правительство исполнить его лучше, чѣмъ частныя лица? Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда страна осталась бы безъ дорогъ, доковъ, пристаней, орошенія, больницъ, училищъ, типографій, если бы не устроило ихъ правительство, потому что общество или слишкомъ бѣдно, или не развито, или не привыкло къ самодѣятельности, вслѣдствіе продолжительнаго деспотизма или завоеванія; въ такихъ случаяхъ правительство должно принять на себя инициативу, имѣя въ виду воспитаніе въ народѣ индивидуальной энергіи и добровольнаго соединенія силъ.

Предыдущее представляетъ не столько изложеніе основаній и предѣловъ для промышленной свободы, сколько указаніе главныхъ случаевъ участія правительства въ дѣлахъ общества. Въ сущности, послѣдняя глава сочиненія Милля не отличается по содержанію отъ двухъ предшествующихъ; но воззрѣнія его здѣсь гораздо шире. примѣры, приводимые имъ, не смотря на отсутствіе подробностей, которое часто лишаетъ дѣло живаго практическаго смысла, несправ-

ненно опредѣленнѣе и точнѣе очерчиваютъ мысль автора. Тѣмъ не менѣе, это скорѣе программа для трактата о благоустройствѣ, чѣмъ дѣйствительное ученое изслѣдованіе. Оставляя въ настоящемъ случаѣ вопросъ о научномъ методѣ совершенно въ сторонѣ, авторъ замѣняетъ гипотетическіе приемы догматикою, источникомъ для которой служить не отвлеченное мышленіе, но опытъ, представляемый жизнью, или скорѣе, необыкновенная проницательность ума, схватывающаго на лету смыслъ общественныхъ явленій такъ вѣрно, что въ главныхъ идеяхъ Милля нельзя не видѣть пониманія дѣйствительности и ея практическихъ задачъ.

Окончивъ разборъ „Началъ политической экономіи“ Милля, представляемъ общее заключеніе нашей оцѣнки.

Попытка построить науку по дедуктивному методу оказалась несостоятельною, потому что явленія, подлежащія изученію экономиста, не укладываются въ тѣсныя рамки апріорическихъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ небольшого числа условій. Точные выводы требуютъ наблюденія и анализа явленій. Не должно думать, чтобы подобный научный приемъ, сковывая человѣческую мысль, лишалъ ее способности видѣть что-либо за предѣлами существующаго и осуждалъ на одно лишь описаніе или истолкованіе настоящаго. Знаніе того, что есть, составляетъ узду для фантазій, но не для человѣческой мысли, а несовершенства и недостатки дѣйствительности открываютъ болѣе широкую перспективу для правильныхъ предположеній и постановки задачъ, требующихъ разрѣшенія, чѣмъ широкіе размахи дедуктивнаго метода, примененнаго къ общему построенію науки. Многообъемлющія гипотезы предполагаютъ готовую доктрину и служатъ для нея одною лишь внѣшнею оболочкою. Такъ случилось съ Госсеномъ, когда онъ пытался построить политическую экономію чисто математическимъ путемъ: онъ переложилъ на математическій языкъ ученіе Бастіа. Такъ случилось съ Де-Траси (Destutt de Tracy), когда онъ сдѣлалъ попытку вывести всю науку изъ понятія о волѣ: въ сущности онъ изложилъ ученіе Смитовой либеральной школы. То же самое повторилось и съ Миллемъ: его „Политическая экономія“ есть перифразъ ученія школы Рикардо-Мальтуса.

Но положительный умъ Милля не могъ остаться въ области однихъ логическихъ построеній. Современные общественные и экономическіе вопросы такъ близки ему, что онъ не могъ обойти ихъ. Здѣсь предстоялъ ему новый камень преткновенія — согласить ученіе

Рикардо-Мальтуса съ стремленіями второй половины XIX вѣка. Соціалисты видѣли въ фаталистическихъ доктринахъ англійской школы самое разительное доказательство несостоятельности существующаго порядка. Милль самъ не прочь произнести надъ нимъ суровый приговоръ, но онъ чувствуетъ, что вѣкъ предѣловъ существующаго наука теряетъ твердую почву, и что затѣмъ можетъ быть мѣсто для одной лишь тошнѣ. Поэтому ему ничего не оставалось болѣе, какъ излагать теорію, построенную на дѣйствительно установившихся отношеніяхъ, и сдѣлать уступки новому времени. Эти уступки очень разнообразны, начиная отъ предложенія ограниченій для наследованія (практичность которыхъ очень сомнительна), отъ провозглашенія начала ассоціаціи (какъ главной основы будущаго развитія общества), не исключающаго ни соперничества, ни свободы, ни индивидуальности, ни собственности, и оканчивая признаніемъ за государствомъ права дѣйствовать для блага общаго, въ предѣлахъ назначенной для него области, а за утилистами — права дѣлать опыты надъ новымъ устройствомъ жизни по теоретическимъ возрѣніямъ. Если бы точка отправленія Милля была иная, не гипотезы, а предварительное изученіе явленій, то ему не пришлось бы переходить отъ одной крайности къ другой, примирять непримиримое и совмѣщать несомвѣстимое. Но построеніе науки въ духѣ современномъ потребовало бы работы надъ громаднымъ матеріаломъ, очень часто не обдѣланнымъ и осуждающимъ ученаго на дѣятельность чернорабочаго. Милль предпочелъ задачу болѣе легкую; онъ ограничился построеніями на основаніи началъ, выработанныхъ въ систематическихъ сочиненіяхъ. Такой трудъ имѣетъ много привлекательнаго, но онъ вноситъ мало новаго въ сокровищницу нашихъ знаній. Сочиненіе Милля не можетъ научить правильному методу, потому что авторъ не оправдываетъ своихъ теорій фактами и не выводитъ теорій изъ наблюдаемыхъ явленій; наконецъ, оно не можетъ дать твердыхъ научныхъ основаній и потому, что самъ Милль скептически относится къ существующему, этому вѣчному источнику познанія научной истины.

Н. Бунге.

Кіевъ, 1868 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ДРЕВНЕЙ РОССИИ.

Въче и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. Историческіе очерки В. И. Сергѣевича. Москва, 1867 г.

Книга г. Сергѣевича вышла нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Между тѣмъ ни въ одномъ журналѣ не появилось не только разбора, но даже замѣтки объ этомъ прекрасномъ трудѣ. Только *Вѣстникъ Европы* упомянулъ о немъ вскользь. Между тѣмъ для упомянутой книги мало бѣглой замѣтки. Основательное знаніе источниковъ и живое изложеніе, ясность понятій и точность выраженія, самостоятельный взглядъ и совершенно новая оцѣнка многихъ фактовъ, все это даетъ сочиненію г. Сергѣевича почетное мѣсто въ нашей исторической и юридической литературѣ. Его сочиненіе — одна изъ тѣхъ книгъ, по прочтеніи которыхъ можно подвести значительный итогъ выводамъ, подкрѣпленнымъ добросовѣстно собранными фактами.

Мы начнемъ наше обзорѣніе съ системы труда и главнѣйшихъ выводовъ автора и затѣмъ провѣримъ точность научныхъ его приемовъ и правильность системы его сочиненія.

„Въче и Князь“ представляетъ попытку изложить начала русскаго государственнаго устройства и управленія во времена князей Рюриковичей. Выражаясь точнѣе, предметомъ изслѣдованія служитъ политическій бытъ Россіи княжескаго періода (см. предисловіе). Авторъ не только не останавливается на моментѣ утвержденія единодержавія въ Россіи, но даже оставляетъ въ сторонѣ „всѣ зачатки новаго порядка вещей (то-есть, царскаго періода), только по времени принадлежащія княжеской Россіи“ (см. предисловіе). Цѣль автора, слѣдовательно, за-

ключается въ изложеніи началъ государственнаго устройства старой Россіи во всей ихъ чистотѣ, при чемъ онъ не принимаетъ въ соображеніе обстоятельствъ, видоизмѣнившихъ эти начала въ концѣ Кіевскаго періода. Вслѣдствіе этого, все сочиненіе г. Сергѣевича имѣетъ характеръ догматическаго изложенія „началъ“, примѣненіе которыхъ авторъ указываетъ во множествѣ примѣровъ, взятыхъ изъ нашей древней исторіи. Эти *начала* и *примѣры* составляютъ все содержаніе труда. Историческій матеріалъ не имѣетъ въ немъ самостоятельной роли. Онъ приводится только съ цѣлью доказать, какъ тѣ или другія начала государственнаго устройства и управленія примѣнялись въ самой жизни. Собственно говоря, сочиненія по исторіи права и не могутъ давать такого преобладающаго значенія историческому матеріалу, какъ общія историческія сочиненія. Выясненіе юридическихъ началъ всегда должно быть главною ихъ цѣлью; историческій матеріалъ важенъ для нихъ на столько, на сколько въ немъ можно изучитъ проявленіе юридическихъ началъ. Но крайнее развитіе означеннаго приѣма можетъ повести къ важнымъ неудобствамъ. Исторія права все-таки *исторія*, историческое изслѣдованіе. Самъ г. Сергѣевичъ называетъ свой трудъ „историческими очерками“. Верховное же начало исторіи есть идея *движенія*. Историческое развитіе права состоитъ именно въ переходѣ отъ одного начала къ другому, подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій. Если мы представимъ юридическія начала известной эпохи съ точки зрѣнія *покоя*, какъ догму, то связь этой эпохи съ послѣдующею будетъ непонятна. Для выясненія же этой связи необходимо обратить вниманіе на „пачатки“ новаго порядка вещей въ разсматриваемой эпохѣ. Они, вмѣстѣ съ другими условіями, составляютъ элементъ разложенія въ старой системѣ. Безъ нихъ даже учрежденія изслѣдуемой эпохи не могутъ быть изучены съ надлежащею полнотою. Если мы выяснимъ, на примѣръ, начала княжеской власти и въ подтвержденіе своихъ выводовъ будемъ брать примѣры одинаково изъ X вѣка и изъ XIV, изъ практики Кіевскихъ и Московскихъ князей, то врядъ ли „князь“ древней Россіи ясно представится нашему уму. Г. Сергѣевичъ не могъ обойтись безъ фактовъ, видоизмѣнившихъ государственный порядокъ времемъ князей Рюриковичей; но онъ остался вѣренъ своему плану изложить начала древнѣйшаго нашего государственнаго быта во всей ихъ чистотѣ. Ниже мы увидимъ результаты такого приѣма. Однажды избранному приѣму и системѣ г. Сергѣевичъ остается вѣренъ до конца. До настоящаго времени мы не имѣли такой полной картины нашего древняго государственнаго быта, какую

представляет намъ „Вѣче и Князь“. Постараемся вкратцѣ изложить главнѣйшіе выводы автора.

I.

Волость.

Самое заглавіе книги показываетъ, что авторъ признаетъ два одинаково существенные элемента въ древне-русскомъ государственномъ бытѣ: народъ и князя (стр. 1); дѣйтельность княжеской власти и формы народнаго быта одинаково вліяли на образованіе государства. Это важный шагъ впередъ въ нашей юридической наукѣ. До настоящаго времени большинство лучшихъ представителей науки признавали за Русскимъ народомъ исключительно пассивную роль. Въ ихъ глазахъ это была инертная масса, къ которой лишь постепенно, съ большими усилиями со стороны правительства и при нерѣдко упорномъ сопротивленіи со стороны общества, прививались государственныя формы и другіе продукты „цивилизаци“. Варяжская дружина начала это воспитаніе; Иванъ III и Иванъ IV продолжали его; Петръ Великій закрѣпилъ ихъ дѣло. Формы же народнаго быта являлись антигосударственнымъ началомъ; онѣ не укладывались подъ „цивилизацию“. Народъ, державшійся за нихъ, уходилъ въ казаки, въ вольницу, въ расколъ. Мало того: если внутри Россіи дружина, мужи, государство относилось къ народу, къ мужикамъ, какъ цивилизующее начало къ безформенной, грубой массѣ, то вся Россія, куно съ правительствомъ и народомъ, состояла въ такихъ же подчиненныхъ отношеніяхъ къ другимъ странамъ. Западная Европа, уже разъ выславшая намъ „цивилизующую“ дружину, продолжала надѣлать насъ цивилизаціей и послѣ. Государственная одежда, сотканная искусными руками западныхъ просвѣтителей, постепенно облекала грубое тѣло русскаго казака. Каждый успѣхъ цивилизаціи былъ въ то же время и торжествомъ Русскаго государства надъ антигосударственными началами. Успѣхъ Русскаго государства обусловливался побѣдою надъ Русскимъ народомъ! Таковы чудовищные результаты, порожденные невинною школой родоваго быта черезъ примѣненіе ея началъ къ *народному* быту древней Россіи. Много-страдальный Русскій народъ, тянувшій въ своихъ общинахъ тягло и вмѣстѣ съ православными царями своимъ стянувшій Русское государство, былъ противникомъ государства и какой-то „цивилизаци“. Германія, до битвы при Садовой скроенная изъ тридцати шести лоскутковъ, должна была подавать ему уроки государственной мудрости и политическаго смысла; Франція, достигшая государственнаго единства раз-

рушеніемъ всего историческаго порядка, должна была учить его благо-разумной свободѣ! Книга г. Сергѣевича рѣшаетъ этотъ вопросъ просто и ясно: государство Русское было произведеніемъ народа (вѣча) и правительства (князя). Въ 862 году народъ не представлялъ инертной массы населенія, разрозненнаго родовымъ бытомъ; призванные князья не были силою, внезапно унавшею съ неба, прекратившею хаосъ и сотворившею Русскую землю. Потребность государственнаго порядка давно уже сознавалась славянскими общинами. Причины призванія авторъ ищетъ въ условіяхъ самого вѣчеваго быта и тогдашняго общества.

„При равенствѣ всѣхъ словъ населенія,— говоритъ онъ (стр. 68),—при отсутствіи, по чему бы то ни было выдающихся изъ общаго уровня родовъ, которые могли бы предъявить свои права на безспорное первенство, у насъ не представлялось возможности создать изъ своихъ собственныхъ элементовъ главу сколько-нибудь сильной правительственной власти, не возбуждѣвъ неприимимой вражды партій. Призваніе князей извнѣ являлось единственнымъ средствомъ установить власть, независимую отъ внутреннихъ партій“.

Авторъ идетъ даже дальше. По его мнѣнію, весьма вѣроятному, призваніе 862 года не было первымъ. Варяжскіе князья издавна являлись правителями славянскихъ племенъ, удовлетворяли потребностямъ „наряда и правды“, а потому изгнаніе ихъ въ 859 году произвело безпорядки въ славянскихъ общинахъ и привело къ новому и окончательному ихъ призванію. Начало этого „призванія“ было и осталось коренною чертой нашего древняго быта. Въ 862 году былъ призванъ Рюрикъ съ братьями; въ теченіе слѣдующихъ за тѣмъ столѣтій призываются князья Рюриковичи. Первое призваніе

„имѣло рѣшительныя послѣдствія для всей Русской земли; оно положило начало особой породѣ людей, которые въ силу своего происхожденія отъ призваннаго князя считались способными къ отиравленію высшей судебной и правительственной дѣятельности. Съ этого времени, призванія дѣлаются не изъ-за моря, а изъ среды потомковъ Рюрика, которые образуютъ особое, не смѣшивающееся съ остальнымъ населеніемъ, замкнутое и потомственное сословіе князей“ (стр. 69).

Слѣдовательно, съ самаго начала русской исторіи явился элементъ настоящей государственной власти, ибо существенный признакъ всякой государственной власти состоитъ именно въ томъ, что она, независимо ни отъ какихъ общественныхъ партій и элементовъ, представляетъ свою особую идею и имѣетъ свою опредѣленную цѣль. Вслѣдствіе этого авторъ далекъ и отъ теорій господства частнаго права въ нашемъ древнемъ порядкѣ, — теорій, столь мало принимающей въ соображеніе историческіе факты. Князь былъ представителемъ государ-

ственного порядка и именно для этого „порядка“ призывался въ каждую волость. Подобно тому какъ призваніе 862 года не было первымъ призваніемъ, оно не было и послѣднимъ. Въ нашей исторіи оно имѣетъ значеніе не фикціи, подобно идеѣ договора въ теоріи Гоббеса и Руссо, но дѣйствительнаго факта, ибо непрерывно повторялось въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Начало призванія вполне опредѣляетъ отношенія, существовавшія между народомъ и княземъ; то, что въ 862 году Ильменскіе Славяне сдѣлали для цѣлой Россіи, въ послѣдствіи каждый городъ дѣлаетъ для себя. Каждая волость призываетъ или принимаетъ князя для правленія ею.

Итакъ, князь и призвавшій или принявшій его народъ — вотъ существенные элементы древняго государственнаго быта. Форма, въ которой проявлялась народная дѣятельность, называлась „вѣчемъ“. Такъ какъ присутствіе князя въ каждой волости обуславливалось волею вѣча, то г. Сергѣевичъ начинаетъ свой трудъ съ изслѣдованія этого явленія.

Было ли вѣче всеобщею формой нашего народнаго быта? На это авторъ отвѣчаетъ извѣстіями, сохранившимися въ лѣтописяхъ относительно существованія вѣчевыхъ порядковъ въ разныхъ городахъ. Извѣстія эти раздѣляются имъ на двѣ группы: сначала онъ приводитъ извѣстія, заключающія въ себѣ прямое указаніе на вѣчевое устройство; они касаются Вѣлгорода, Владиміра Волынскаго, Берестя, Рязани, Муромъ, Псковъ, Смоленска, Галича, Полоцка, Друческа, Чернигова, Курска, Стародуба, Ростова, Суздаля, Владиміра на Клязьмѣ, Переяславля, Москвы, Твери, Ярославля, Костромы, Нижняго Новгорода и Брянска. Затѣмъ слѣдуютъ тѣ мѣста лѣтописей, въ которыхъ, хотя и не употреблено слово „вѣче“, но имѣется косвенное указаніе на участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ. „Часто, говоритъ авторъ, все извѣстіе лѣтописи заключается въ одномъ словѣ; горожане такого-то города „предались“ князю, или „затворились“ отъ князя или Половцевъ, или „билсь“ за князя, или „вышли на встрѣчу“ князю“ (стр. 15). Во всѣхъ этихъ случаяхъ ясно проявляется воля вѣча по тѣмъ или другимъ общественнымъ вопросамъ. Такія извѣстія сохранились для двадцати трехъ городовъ.

На основаніи такихъ фактовъ можно, конечно, сказать, что вѣчевой бытъ былъ всеобщимъ въ древней Россіи. Вся разница между городами заключалась только въ степеніи развитія и формѣ проявленія этого быта. Въ однихъ городахъ вѣче было верховною властью и дѣйствовало постоянно, въ другихъ проявлялось лишь въ чрезвычайныхъ

случаяхъ; право же вѣчевыхъ собраній было для всѣхъ городовъ одинаково. Но *всеобщность* явленія, и притомъ всеобщность, далеко не одинаковая относительно его постоянства и формы, далеко не доказываетъ *необходимости* этого явленія. Между тѣмъ авторъ дѣлаетъ заключеніе, которое лишь на первый взглядъ кажется логическимъ. „Вѣчевой бытъ, говоритъ онъ (стр. 20), былъ явленіемъ необходимымъ въ древней Россіи, а потому всеобщимъ“. Это положеніе было бы правильно, еслибъ авторъ началъ съ доказательства необходимости вѣча, и то до нѣкоторой степени, потому что весьма часто народъ не имѣетъ того, что ему необходимо. Между тѣмъ, авторъ началъ съ доказательствъ всеобщности вѣча, а о необходимости его сдѣлалъ лишь нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній, которыя, какъ увидимъ ниже, не только не подтверждаются нашею исторіей. Почему же вѣче было необходимо? По мнѣнію автора, потому что князь былъ въ волости лицо призванное, не связанное съ нею органически; у него не было въ распоряженіи правительственнаго организма, независимаго отъ народа.

„Эта слабость собственныхъ силъ князя, говоритъ г. Сергѣевичъ (стр. 20), естественно заставляла его искать опоры въ согласіи съ народомъ, выдвигала народъ на первый планъ. Хотя вѣче и не было создано княземъ, но онъ долженъ былъ обращаться къ нему“.

И только. Намъ кажется, что такая „необходимость“ есть лишь *условіе*, при которомъ *могли* развиваться вѣчевые порядки и которое давало значеніе вѣчу. Но необходимость вѣча заключалась въ организаціи древне-русскаго общества. Эта организація составляла *внутреннюю* необходимость вѣчевыхъ порядковъ, эту самую дѣйствительную изъ всѣхъ необходимостей. Авторъ самъ очень мѣтко указалъ на связь призваннаго князя съ организаціей города и волости. Безъ анализа организаціи древняго общества нѣтъ возможности понять и вѣче.

У автора имѣется такое изслѣдованіе о составѣ древняго общества (стр. 31 и слѣд.). Нельзя не согласиться, что это изслѣдованіе ведено весьма хорошо. Мы позволимъ себѣ даже передать здѣсь выводы г. Сергѣевича относительно этого предмета.

Все населеніе древней „волости“ состоитъ изъ равноправныхъ домохозяевъ, которые не раздѣлены еще на сословія или „чины“ Московскаго государства. „Древняя Россія не знала сословій. . . Населеніе представляетъ единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другаго достоинствомъ, а не правами“ (стр. 31). Различія по занятіямъ не существуетъ: отъ князя до послѣдняго свободнаго человѣка, вслкій можетъ быть воиномъ, имѣть поземельную собствен-

ность, заниматься торговлею, промыслами. Каждый имѣетъ право на все; но одному удалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣляется, какъ человѣкъ „лучшій“; кто остался позади всѣхъ, характеризуется эпитетомъ „меньшаго“ человѣка. Различіе этихъ слоевъ, какъ фактическое, не было наследственно. Замкнутыхъ корпорацій, подобно сословіямъ западной Европы, не было. Кто былъ сегодня „меньшимъ“ человѣкомъ, завтра могъ попасть въ разрядъ „лучшихъ“ людей. Даже служилые люди, какъ земскіе, не выдѣлялись изъ состава населенія волости. Они выдѣлялись лишь изъ него временно, когда поступали на службу. При смѣнѣ князя и появленіи новаго съ своими служилыми людьми, они снова смѣшиваются съ населеніемъ волости. Результатомъ такого состоянія общества, по нашему мнѣнію, были слѣдующіе факты: а) Въ средѣ его не могло образоваться особаго правительственнаго класса, въ силу своихъ особыхъ правъ предназначеннаго для управленія общественными дѣлами; всѣ свободные люди были полноправными членами общества и имѣли равное право участія въ общественныхъ дѣлахъ. б) Не было лицъ или класса лицъ, заслонявшихъ другихъ отъ верховной власти. Между тѣмъ какъ въ западной Европѣ феодалы первой степени одни были непосредственными подданными короля и заслоняли отъ него вассаловъ второй степени, вассалы второй степени — вассаловъ третьей, а вся масса землевладѣльцевъ заслоняла собою низшее народонаселеніе, — въ Россіи каждый свободный „человѣкъ“ имѣлъ дѣло съ государственною властью, участвовалъ въ призваніи князя и „рядѣ“ съ нимъ. Единственное ограниченіе правъ свободныхъ лицъ, приводимое авторомъ, заключалось въ отеческой власти: „при жизни отцевъ, дѣти не участвовали въ народныхъ собраніяхъ“ (стр. 43). Затѣмъ, каждый „домохозяинъ“, то-есть, самостоятельный глава семьи, былъ членомъ вѣча. Другими словами, въ древне-русскомъ обществѣ была возможна только непосредственная демократія.

„Народъ, говоритъ г. Сергѣевичъ (стр. 52), участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ не по призванію князя, который самъ призванъ вѣчемъ, а въ силу присущаго каждому мужу права устроить „свои“ собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились общественныя, какъ нѣчто особое, живущее своей самостоятельною жизнью“.

Отсюда сами собою вытекаютъ слѣдующіе признаки вѣчеваго быта. Вопервыхъ, такъ какъ право участія въ народныхъ собраніяхъ есть *лично* право каждого, то народъ является для обсужденія общественныхъ дѣлъ поголовно, а не чрезъ представителей. Вовторыхъ, въ собраніи каждый отдѣльный членъ дѣйствуетъ только отъ своего имени, представляетъ только себя; поэтому рѣшеніе можетъ составиться толь-

ко при согласіи *всѣхъ*; если этого согласія нѣтъ, собраніе распадается на части. Третій выводъ, по нашему мнѣнію, только условно связанъ съ предыдущими; онъ состоитъ въ томъ, что народъ въ такомъ собраніи не ограниченъ въ предметахъ своего разсужденія; онъ обсуждаетъ, какіе хочетъ, вопросы и самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Этотъ выводъ обуславливается именно смѣшеніемъ общественныхъ дѣлъ съ „собственными дѣлами“ каждого мужа. По мѣрѣ того какъ общественныя дѣла начали выдѣляться изъ другихъ, самое право народнаго собранія должно было ограничиться.

Опредѣливъ такимъ образомъ условія нашего вѣчеваго быта, авторъ приступаетъ къ послѣдованію его формъ, тѣсно связанныхъ съ вышеозначенными условіями. Изъ этого видно, что всѣ вышеозначенные факты приведены г. Сергѣевичемъ исключительно для объясненія формъ вѣчеваго управленія, которыя и объяснены имъ съ рѣдкою добросовѣстностью и большимъ талантомъ. Но мы позволимъ себѣ не пойти дальше за авторомъ, а остановимся на этихъ фактахъ и сдѣлать *для себя* нѣкоторые выводы. Можетъ-быть, и автору было бы полезно ихъ сдѣлать самому.

Вопервыхъ, вѣче само по себѣ есть форма *собраній* народныхъ, но не есть форма *быта* народнаго. Сказать, что элементы непосредственной демократіи въ древней Россіи выражались въ вѣчевомъ устройствѣ, значитъ сказать половину. Съ такимъ же основаніемъ можно сказать, что сходка есть форма нашего крестьянскаго быта. Сходка, собраніе есть форма проявленія этого быта, но не самый бытъ. Для того чтобы вполне выяснитъ значеніе вѣчеваго порядка, нельзя останавливаться на однихъ *личныхъ* правахъ членовъ русскаго общества. Въ отношеніи своихъ личныхъ правъ древній русскій народъ имѣетъ сходство со многими другими древними и современными народами. Непосредственная демократія не есть исключительное произведеніе древней русской жизни. Начала ея въ самыхъ разнообразныхъ формахъ проявлялись у различныхъ народовъ. Условія, дѣлавшія изъ вѣча явленіе *русской* жизни, заключались не въ началахъ личной свободы и не въ слабости княжеской власти, какъ говоритъ авторъ (стр. 52), а въ формѣ общественнаго быта. *Личной* свободѣ, индивидуализму, можетъ соответствовать и централизація, и народное представительство, и муниципалитетъ, и корпорація; слабость правительства можетъ породить и феодализмъ, и рабство, и мало ли еще что. Вѣче соответствуетъ не личной свободѣ, а общинному быту. Поэтому оно было выраженіемъ не личной, а общественной свободы, было правомъ

не каждого лица, а цѣлой общины. Между тѣмъ авторъ вовсе не останавливается на этомъ крупнѣйшемъ фактѣ нашей исторіи. Отъ этого *вѣче* не имѣетъ у него никакой прочной основы. Отъ этого протстекаетъ и неясность его представленія объ отношеніяхъ князя и народа, о правахъ вѣча и предметахъ его дѣятельности, и т. д. Вѣчевыя собранія были правомъ не личности, а общины. Поэтому съ общины и слѣдовало автору начать свое изслѣдованіе. Между тѣмъ онъ открываетъ свое разсужденіе объ устройствѣ вѣчевыхъ собраній съ волости, которую отождествляетъ съ княженіемъ (стр. 23 и слѣд.). Мы не намѣрены здѣсь спорить о томъ, соответствовала или не соответствовала волость княженію. Это другой вопросъ, для насъ безразличный. Существенный же вопросъ заключается въ томъ, чѣмъ опредѣлялся объемъ волости и княженія, которыя составляли, какъ говоритъ авторъ (стр. 25), округъ вѣчевыхъ собраній. Прежде чѣмъ разрѣшить этотъ вопросъ, необходимо указать еще на одинъ важный фактъ. Волость въ древней Россіи означала обыкновенно цѣлую область; затѣмъ слово это прилагалось къ мелкому дѣленію, къ административной единицѣ. Въ послѣднемъ смыслѣ оно сохранилось и въ Московскій періодъ. По мнѣнію автора (на стр. 337), слово „волость“ постепенно перестаетъ употребляться для означенія цѣлаго княженія съ XIV вѣка, и за нимъ осталось исключительно значеніе составныхъ частей удѣла или княжества. Причина этого, очевидно, заключается въ томъ, что съ XIV вѣка всѣ области постепенно входятъ въ составъ Московскаго государства и перестаютъ быть самостоятельными волостями, имѣть отдѣльное политическое существованіе. Волость, въ смыслѣ политическаго термина, исчезаетъ; остается лишь волость административная. Итакъ, для того чтобы область была *волостью*, она необходимо должна была имѣть свое отдѣльное правительство. Самостоятельнымъ политическимъ существованіемъ и особымъ правительствомъ обуславливалось и превращеніе извѣстной страны въ волость. Авторъ устраняетъ всѣ другія причины образованія волостей, кромѣ политическихъ. „На основаніи источниковъ, говоритъ онъ, можно только утверждать, что племенное различіе не имѣло рѣшительнаго вліянія на образованіе волости“ (стр. 29). Многія племена соединялись въ одну волость, а другія распадаются на нѣсколько волостей. Г. Сергѣевичъ могъ бы выразить даже рѣшительнѣе, ибо этотъ вопросъ, сколько намъ кажется, уже окончательно рѣшенъ г. Соловьевымъ. Раздѣленію Россіи „по племенамъ“ первоначально соответствовалъ другой терминъ — *земля*. Термины „земля“ и „волость“ совершенно различны.

Была, напริมѣръ, Древлянская земля, но не было Древлянской волости; земля Полянъ не тождественна съ Кіевскою волостью и т. д. Волость, слѣдовательно, означала округъ, подчиненный той или другой политической власти. Возникаетъ вопросъ: какою властью опредѣлялся объемъ волости, властью ли князя, или чѣмъ-нибудь другимъ? Если бы подъ именемъ волости разумѣлась территория, принадлежащая одному княжескому роду или одной княжеской линіи, то пришлось бы признать осѣдлость князей; но ея въ древней Россіи рѣшительно не было. Князья мѣняли столы, волости мѣняли князей; послѣдніе вообще не имѣли постоянной связи съ княжествомъ. Князья призывались волостями, которыя и давали имъ власть надъ территоріей, имъ самимъ принадлежавшею. Объемъ волости зависѣлъ, слѣдовательно, отъ пространства владѣній того города или тѣхъ городовъ, куда князь былъ призванъ. Князь не могъ образовать своей волости ни путемъ наслѣдства, ни путемъ завоеванія; онъ получалъ власть не самъ собою, а чрезъ города, и получалъ ее на столько, на сколько имѣли ее послѣдніе. Поэтому волость есть прежде всего округъ общины. Это значеніе ея сохраняется во всей русской исторіи. Если община имѣла политическое значеніе, то и волость означала *княжескіе*, политической округъ; въ противномъ случаѣ она означала подраздѣленіе самостоятельнаго княженія, административный округъ, волость Московскую. Хотя авторъ не указываетъ прямо на то же значеніе волости, но оно прямо вытекаетъ изъ всѣхъ историческихъ фактовъ, имъ же приводимыхъ. Волость состояла изъ города, его пригородовъ и волостей, тянувшихъ къ городу и пригородамъ. Это была цѣль общинъ, связанныхъ между собою іерархическими отношеніями. Города были *старшими* общинами, за ними слѣдовали пригороды, за ними села, слободы, деревни, починки, соединявшіеся въ волости. Они составляли одно цѣлое, призывавшее князя. Еслибъ авторъ остановился на этой общинной основѣ волостнаго дѣленія, онъ могъ бы съ большею ясностію изложить значеніе вѣчевыхъ порядковъ для волости, отношеніе волости къ князю и т. д.

Прежде всего представляется вопросъ, на сколько волость составляла одно политическое цѣлое. Еслибъ единство волости опредѣлялось тѣмъ, что она была однимъ „княженіемъ“, то-есть, принадлежала одному князю, то вопросъ и могъ бы быть разрѣшенъ весьма скоро и удовлетворительно. Но дѣло въ томъ, что волость могла составлять одно цѣлое при строгомъ соблюденіи іерархическихъ отношеній между городомъ, пригородами и волостями. „Волость, — говорятъ

авторъ (стр. 25), — составлявшая народное собраніе, есть ничто иное, какъ отдѣльное княженіе, въ составъ котораго входило обыкновенно нѣсколько различныхъ по своему значенію пунктовъ поселенія“. Въ силу чего же входили эти различные пункты въ составъ волости? Чѣмъ обуславливалось и въ чемъ выражалось различное ихъ значеніе? Волости не были завоеванною территоріей. Города и пригороды входили въ составъ волости, пока они не могли составить своей особой волости. Различное значеніе этихъ пунктовъ обуславливалось ихъ фактическимъ преобладаніемъ или зависимостью другъ отъ друга. Единство волости въ принципѣ зависѣло отъ согласія и единодушія всѣхъ ея городовъ, на практикѣ отъ силы главнаго города. Лѣтописецъ, характеризуя порядокъ вѣчевыхъ собраній, говоритъ: „Новгородци бо изначала, и Смольняне, и Кіяне, и Полочане и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшии сдумають, на томъ же пригороды стануть“. Если пригороды не хотѣли стать на „томъ же“, волости угрожало междуусобіе; если они вовсе не хотѣли и могли вовсе не думать съ старшимъ городомъ, волость распадалась. Итакъ, положеніе г. Сергѣевича, что волость была округомъ вѣчевыхъ собраній, можно принять только съ большими ограниченіями. Прочитывая четвертую главу его сочиненія, объ отношеніи городовъ къ пригородамъ (стр. 86 и слѣд.), нельзя не убѣдиться, что авторъ располагалъ всѣмъ матеріаломъ для выясненія всей шаткости волостныхъ отношеній. Но, увлекаясь своимъ „догматическимъ изложеніемъ съ историческими примѣрами“, онъ употребилъ этотъ матеріалъ для выясненія формы вѣчевыхъ собраній больше, чѣмъ для выясненія важнаго вопроса, указаннаго выше.

Отношенія между городами и пригородами не могли быть особенно прочными, такъ какъ пригороды не были завоеванными волостями городовъ. Пригороды обязаны своимъ происхожденіемъ не завоевательнымъ стремленіямъ главной волости, а по большей части ея колонизаціонному движенію. Авторъ ищетъ причины возникновенія пригородовъ въ разбросанности поземельной собственности горожанъ главнаго города. „Раскинутость поземельной собственности горожанъ далеко за чертой города дѣлала необходимымъ учрежденіе пригородовъ“ (стр. 27). Намъ кажется, что это положеніе можетъ быть нѣсколько расширено. Пригороды строились и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было поземельной собственности у горожанъ. Новгородская волость была чрезвычайно обширна, пригороды ея шли далеко на востокъ и на сѣверъ, и трудно предположить, чтобъ они возникали исключительно отъ того, что въ тѣхъ

мѣстахъ у Новгородцевъ была поземельная собственность. Г. Сергѣевичъ слишкомъ мало остановился на значеніи русской колонизаціи, которая многое можетъ объяснить въ происхожденіи городовъ и волостей. Вся іерархія нашихъ поселеній какъ бы коренится въ этомъ колонизаціонномъ началѣ. Починокъ, деревня, село, слобода, пригородъ, городъ, вотъ ступени, по которымъ проходило почти каждое поселеніе. Естественно, что мѣсто cadaго поселенія въ этой „лѣтвицѣ“ не было опредѣлено разъ на всегда. Поселеніе было пригородомъ, пока само не могло стать городомъ; оно входило въ составъ волости, пока не было достаточно сильно, чтобы самому составить волость. Примеры этого въ нашей исторіи безчисленны. Псковъ, пригородъ Новгорода, составляетъ особую волость, когда силы позволили ему призвать особаго отъ Новгорода князя; Владиміръ, пригородъ Ростовской волости, получилъ самостоятельное въ ней значеніе. Это факты наиболѣе извѣстныя; имъ соотвѣтствуетъ множество другихъ; всѣ они доказываютъ лишь то, что волости не имѣли постояннаго значенія, такъ какъ отношенія между городами и пригородами не могли быть постоянно одни и тѣ же. Какъ только городъ подымался до значенія самостоятельной политической волости, онъ могъ призвать себѣ особаго князя. Этимъ обстоятельствомъ лучше всего, сколько намъ кажется, объясняется, съ одной стороны, порядокъ замѣщенія волостей, съ другой, причина политическаго раздробленія Россіи.

Авторъ (на стр. 273) говоритъ, что „русскія волости не составляли наследственнаго владѣнія Рюриковичей. Согласно этому, княжеская Россія не знаетъ законнаго порядка въ преемствѣ столовъ: столы не наследовались, а добывались“. Это положеніе оправдывается почти всѣми фактами нашей древней исторіи. Но намъ кажется, что авторъ недостаточно объяснилъ причины этого явленія. Нельзя не признать важной заслуги автора въ томъ, что онъ отвергъ объясненіе, нѣкогда господствовавшее въ учебникахъ исторіи, что причина раздробленія Россіи заключалась въ правѣ cadaго сына на равную долю въ наследствѣ своего отца, и что затѣмъ заслуга Московскихъ государей состояла въ томъ измѣненіи законовъ о наследствѣ, которое утвердило собою единство Россіи. Авторъ отвергъ идею наследованія престоловъ и съ горячностью новатора отрицаетъ ее вездѣ. По нашему мнѣнію, это слишкомъ поспѣшно, да притомъ и бесполезно. Причина того, что престолы „не наследовались, а добывались“, могла заключаться или въ томъ, что въ самомъ родѣ князей русскихъ не выработались еще понятія о наследствѣ, или въ томъ, что каждая волость

имѣла право призывать себѣ князя, „который ей любъ“, или наконецъ, въ томъ и другомъ обстоятельстве одинаково. Авторъ посвятилъ слишкомъ много страницъ своей диссертации для доказательства того, что въ родѣ князей не было никакихъ понятій о правильномъ преемствѣ престола (стр. 156—272 по большей части посвящены этому вопросу, затѣмъ специально трактуется о немъ же на стр. 286—327). Приложение къ VI главѣ (о родовомъ бытѣ князей) прямо направлено противъ теоріи г. Соловьева. Мы не видимъ, почему князья не могли имѣть особыхъ правилъ о наслѣдованіи престоловъ, — правилъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ противорѣчили понятіямъ народа и практикѣ самихъ князей. Теорія г. Соловьева очень проста и мало походитъ на вымышленную теорію. Она заключается въ слѣдующемъ: всѣ волости представляютъ іерархическую „лѣствицу“ въ отношеніи старшинства и достоинства ихъ главныхъ городовъ. Былъ старшій столъ—Кіевскій, за тѣмъ слѣдовали Черниговскій, Переяславскій и т. д. Кіевскій столъ долженъ былъ замѣщаться старшимъ братомъ, второй — слѣдующимъ за нимъ. На старшій столъ князья переходили постепенно. Послѣ смерти Кіевского князя, его мѣсто занималъ слѣдующій за нимъ братъ и князь старшей за тѣмъ волости, въ эту же волость передвигался князь третьей по достоинству волости и т. д. Такимъ образомъ каждый братъ постепенно переходилъ въ старшіе князья и достигалъ Кіевского стола „лѣстичнымъ восхожденіемъ“, какъ говорятъ г. Соловьевъ и Никоновская лѣтопись. Что этотъ порядокъ существовалъ въ понятіяхъ князей, доказывается распределеніемъ столовъ послѣ смерти Ярослава Мудраго и тѣмъ, что въ послѣдствіи каждый князь, считавшій себя старшимъ братомъ, предъявлялъ свои права на Кіевскій столъ. „Племянники“ могли занимать его только фактически, силою, а не по праву. Изяславъ Кіевскій, знаменитый „племянникъ“ и противникъ Юрія Владиміровича Долгорукаго, для того чтобы крѣпче держаться въ Кіевѣ и оградиться отъ притязаній Юрія, призвалъ старшаго брата его Вячеслава и прикрѣпился его правами. Это нисколько не противорѣчитъ тому, что порядокъ, считавшійся законнымъ, сначала слабо, а потомъ вовсе не примѣнялся къ государственной практикѣ. Слабость и несостоятельность такого порядка г. Соловьевъ доказалъ лучше, чѣмъ кто-нибудь другой. Законъ былъ несостоятеленъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы его не было вовсе. Мало ли мы видимъ слабыхъ, но существующихъ законовъ? Г. Сергѣевичъ говоритъ, что теорія „лѣстичнаго восхожденія“ основана на свидѣтельствѣ Никоновской лѣтописи, и что все

это свидѣтельство есть *сочиненіе* позднѣйшаго составителя лѣтописи (стр. 302). Всякій, кто читалъ исторію г. Соловьева, припомнитъ, что почтенный нашъ историкъ строитъ свою теорію не на основаніи одного этого мѣста Никоновской лѣтописи. Онъ приводитъ его потому, что въ немъ дѣйствительно хорошо сформулировано правило, которымъ, по мнѣнію г. Соловьева, опредѣлялось наследованіе престоловъ. Онъ видитъ примѣненіе этого закона во многихъ фактахъ нашей исторіи, независимо отъ словъ лѣтописи. Мы не видимъ, далѣе, почему бы составителю Никоновской лѣтописи нужно было „сочинять“ подобныя мѣста? Сравненіе свидѣтельства Никоновской лѣтописи съ такимъ же Ипатьевской не доказываетъ ничего особеннаго. Существенный вопросъ заключается въ томъ, считался ли указанный порядокъ преемства престоловъ правиломъ въ родѣ русскомъ княжескомъ и соблюдался ли онъ? На основаніи многихъ фактовъ мы полагаемъ, что понятіе о такомъ порядкѣ существовало, и что онъ примѣнялся каждый разъ, когда это было возможно. Авторъ не станетъ отрицать, что князья Рюриковичи составляли одинъ родъ, связанный преданіями общаго происхожденія и до нѣкоторой степени единствомъ интересовъ; если существовалъ родъ, то существовали и правила, опредѣлявшія отношенія членовъ этого рода между собою. Г. Соловьевъ выставилъ свою теорію. Ею противники не выставили никакой. Между тѣмъ эта теорія — самая естественная и наиболѣе подходящая къ фактамъ исторіи Рюриковичей. Не вдаваясь даже въ мелочныя подробности, недоступныя объему нашей статьи, мы обратимъ вниманіе автора на то, что какъ бы ни читать повѣствованія о междоусобіяхъ нашихъ князей, все-таки придется сказать, что въ большинствѣ случаевъ это споръ *старшихъ* съ *младшими*. Во имя чего же старшіе защищаютъ свои права? Право старшинства для дядей, братьевъ княжескаго рода, всегда было правомъ, противъ котораго племянники могли выступить только во имя одного фактическаго преобладанія. Станетъ ли авторъ отрицать, что самый старшій столъ, Киевскій, по правилу, долженъ былъ занимать самый старшій князь? Гдѣ объясненія того непреодолимаго стремленія быть старшимъ, Киевскимъ княземъ, изъ-за котораго многіе князья сложили свои головы? Мало того: благодаря своему увлеченію, авторъ какъ бы отрицаетъ существованіе Киевскаго великаго князя, что можетъ повести къ весьма страннымъ результатамъ. Мы возвратимся къ этому предмету, говоря о значеніи князей. Теперь же ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что теорія г. Соловьева утратитъ свое значеніе только тогда, когда его против-

ники выработаютъ свою, болѣе удовлетворительную. Г. Сергѣевичъ думаетъ замѣнить ее теоріей *добыванія* волостей. Добываніе волостей было фактомъ, фактомъ болѣе или менѣе всеобщимъ, но все - таки только фактомъ. Лучше сказать, оно было однимъ изъ фактовъ, не давшихъ установиться правильному порядку преемства престоловъ.

Начало „лѣстичнаго восхожденія“ оказалось несостоятельнымъ по многимъ причинамъ. Однѣ изъ нихъ заключались въ самой организаціи рода князей нашихъ, другія вытекали изъ вѣчевыхъ порядковъ. Причины перваго рода состоятъ въ томъ, что при размноженіи Рюриковичей трудно уже было установить критерій старшинства; отыскать въ данную минуту старшаго князя было почти невозможно. Отсюда *добываніе* старшинства силою. Далѣе, рядомъ съ лѣстичнымъ восхожденіемъ, наследованіемъ брата послѣ брата, постепенно развивается понятіе объ *отчинѣ*, о наследованіи сына послѣ отца. Особенно сильное развитіе получило это начало въ сѣверо-восточной Россіи, гдѣ оно подавило всѣ другія. Такъ, главное правило, дѣйствовавшее въ родѣ князей, не могло примѣняться безъ большаго затрудненія, и кромѣ того, встрѣтилось еще съ другимъ началомъ, постепенно выработавшимся среди тѣхъ же князей. Конечно, всего болѣе ограниченій это начало встрѣтило въ вѣчевыхъ порядкахъ, въ началѣ „приванія“, которое проходитъ чрезъ всю нашу древнюю исторію. Г. Сергѣевичу принадлежитъ честь точнаго и научнаго выясненія этого факта. Начало приванія противорѣчитъ началу наследованія. Первое было началомъ народнымъ, второе княжескимъ. Народъ не признавалъ права наследованія престоловъ. Каждый князь, съ народной точки зрѣнія, былъ княземъ, призваннымъ или признаннымъ народомъ.

„Переходъ княжескихъ столовъ, говоритъ авторъ, въ томъ порядкѣ, въ которомъшло наследованіе частной собственности отъ отца къ сыну, отъ брата къ брату, не только не былъ обыкновеннымъ порядкомъ преемства столовъ, но въ сознаніи народа представлялся чѣмъ - то неумѣстнымъ и обиднымъ“.

Напримѣръ, въ 1146 году Кіевляне призвали Изяслава Мстиславича вопреки тому, что цѣловали крестъ Всеволоду Ольговичу, обѣщали ему, по смерти его, посадить брата его Игоря. Нарушеніе этой клятвы они мотивируютъ такъ: „Не хотимъ быти, аки въ задничи“ (въ наследствѣ). Сынъ cadaго князя, оставался на отцовскомъ столѣ, входитъ въ новое соглашеніе съ народомъ. Князья, желая укрѣпить за сыномъ свой столъ, входятъ въ соглашеніе съ народомъ и приводятъ

народъ ко кресту. Всеволодъ Юрьевичъ въ 1211 году привелъ ко кресту всѣхъ Владимірцевъ на меньшемъ своемъ сынѣ Юріѣ. Всеволодъ Ольговичъ въ 1146 году, чувствуя приближеніе смерти, призвалъ Кіевлянъ и говорилъ имъ: „азъ есмь вельми боленъ, а вотъ вамъ братъ мой, Игорь, имитесь понь. Они же рѣкоша: княже, ради ся имемъ“. Если князь не успѣвалъ сдѣлать этого при жизни, договаривался съ народомъ его сынъ. Въ 1213 году Ярославъ Всеволодовичъ, получивъ, по завѣщанію отца своего, Переяславскій столъ, прѣхалъ въ Переяславль, собралъ народъ, передалъ имъ содержаніе воли отца и спросилъ: „да рците ми, братіе, аще хотите мя имѣти себѣ, якоже имѣсте отца моего, и головы своя за мя сложите“. Переяславцы отвѣчали: „вельми, господине, тако буди, ты намъ господинъ, ты Всеволодъ“. Юрій Владиміровичъ Долгорукій, желая передать по смерти свой столъ меньшимъ сыновьямъ, мимо старшихъ, еще при жизни своей получилъ на это согласіе жителей Ростовской волости и закрѣпилъ его крестнымъ цѣлованіемъ. Послѣ его смерти народъ отступилъ отъ него, и княземъ сдѣлался Андрей Боголюбскій. Лѣтописецъ разказываетъ это дѣло такъ: „Сдумавши Ростовци и Суздальци и Володемирци вси, пояша Андрея сына Юрьева старѣйшаго и посадиша и на отчемъ столѣ,.... зане бѣ прелюбимъ всѣми за премногую его добродѣтель, юже имѣяше прежде къ Богу и всѣмъ сущимъ подъ нимъ“ (стр. 70—75. 302).

На основаніи этихъ и другихъ подобныхъ фактовъ авторъ весьма логически строитъ свою теорію призванія князей, которая главнымъ образомъ служитъ основою теоріи добыванія престоловъ. Должно согласиться, что авторъ доводитъ свою мысль до конца. Не смотря однако на все это множество фактовъ, нельзя не видѣть другихъ, указанныхъ г. Соловьевымъ. Самъ авторъ указываетъ на призваніе, какъ на начало *народное*, дѣйствующее рядомъ и нерѣдко въ противоположность другому, *княжескому*. Напримѣръ, на стр. 70 онъ говоритъ: „Народъ осуществляетъ свое право призванія, не смотря ни на *взаимная соглашенія* князей, *установляющихъ между собою тотъ или другой порядокъ преемства волостей*, ни на ихъ частныя распоряженія“. Слѣдовательно, замѣщеніе столовъ опредѣлялось двумя началами; но, конечно, ни одно изъ нихъ не могло дойти до полнаго господства и совершенно уничтожить другое. Народное начало не могло устранить княжескаго и наоборотъ. Г. Сергѣевичъ тѣмъ отличается отъ г. Соловьева, что послѣдній признаетъ одно общее начало, но видить, что оно не могло получить никакого развитія въ государственной жизни,

изъ которой только постепенно долженъ былъ выработаться правильный порядокъ; а первый видить во всемъ преобладаніе только одного начала, достаточно сильнаго, чтобъ организовать цѣлый государственный бытъ; между тѣмъ ему не слѣдовало бы забывать, что политическій бытъ времянь Рюриковичей былъ только зародышемъ государства, а не государствомъ, жѣлудемъ, а не дубомъ. Если бы въ его книгѣ, рядомъ съ прекраснымъ догматическимъ изложеніемъ началъ древне-русскаго государственнаго устройства, было обращено вниманіе и на начало историческаго движенія, онъ, очевидно, пришелъ бы къ другимъ результатамъ. При догматическомъ характерѣ изложенія, онъ, очевидно, долженъ былъ остановиться на одномъ началѣ, въ данную минуту имѣвшемъ болѣе всего вліянія на государственное устройство; всѣ же другія онъ могъ обойти, подобно тому, какъ обойдены имъ всѣ „начатки новаго порядка вещей“. Но если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія историческаго движенія, становится ясно, что въ древней Россіи, при общей неразвитости государственнаго устройства, не можетъ быть рѣчи объ одномъ преобладающемъ началѣ, а должно предполагать борьбу различныхъ, часто противоположныхъ началъ, изъ которыхъ ни одно не можетъ развиваться до конца, но за то задерживаетъ развитіе другихъ. Уже въ послѣдствіи одно какое-нибудь начало беретъ верхъ и является основою государственнаго устройства. Съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на нашу исторію, все же нельзя отрицать того факта, что начало наслѣдованія дѣйствовало въ древней Россіи рядомъ съ началомъ призванія. Наслѣдованіе было началомъ родовымъ, княжескимъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи привело къ единству Россіи; начало призванія было началомъ народнымъ, вѣчевымъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи могло бы привести къ полному роздробленію Россіи. Оба эти начала еще должны были сразиться между собою, когда центръ государственной жизни перенесся съ юга на сѣверъ. Фактъ „добыванія“ столовъ обуславливался силою вѣчевыхъ началъ и слабостью княжескихъ. Лучше сказать, народные начала имѣли для него положительное значеніе, княжескія — отрицательное. Между тѣмъ г. Сергѣевичъ въ своей теоріи „добыванія“ даетъ одинаковое значеніе тому и другому. По нашему мнѣнію, возможность добыванія столовъ тѣсно связана съ началомъ „призванія“ князей; добываніе прекращается тотчасъ, какъ исчезаютъ у насъ призванные князья, и являются прирожденные, обезпеченные правомъ наслѣдованія. Когда отрицательныя условія, препятствовавшія развитію княжескаго начала въ

древней Россіи (смутныя понятія о старшинствѣ, борьба отчинныхъ понятій съ началомъ родового старшинства, многочисленность князей, обусловливавшая возможность постояннаго призванія и изгнанія ихъ), исчезаютъ,—исчезаетъ и призваніе князей, и тѣсно связанное съ нимъ „добываніе“, какъ средство замѣщенія столовъ.

„Добываніе“ было тѣсно связано съ правомъ каждой волости имѣть своего князя, ея призваннаго или признаннаго. Право это было не волостнымъ вообще, а скорѣе общиннымъ; ибо волостью называлась сумма общинъ, связанныхъ между собою іерархическими отношеніями и находящихся въ общемъ подчиненіи главной общинѣ, старшему городу. Каждая община могла, въ свою очередь, стать волостью и призвать къ себѣ князя, что обусловливалось и многочисленностью князей, между которыми всегда можно было найдти охотника на новый столъ. Не станемъ здѣсь изучать послѣдствій такого порядка вещей. Это будетъ сдѣлано ниже. Послѣдуемъ за авторомъ въ его изслѣдованіи отношеній между двумя элементами нашего древняго политическаго быта, княземъ и вѣчемъ.

II.

Отношенія князя и волости.

Книга г. Сергѣевича даетъ общую формулу для объясненія этихъ отношеній: волость призывала князя для управленія и суда. Итакъ, съ одной стороны, мы видимъ народъ, призвавшій князя для управленія и суда, а съ другой, князя, который управлялъ и судилъ. Эта формула можетъ быть хорошею исходною точкой изслѣдованія, но нуждается еще въ подробномъ примѣненіи ея ко всѣмъ сторонамъ нашего древняго государственнаго быта. Первый вопросъ, вызываемый этою формулою, заключается въ слѣдующемъ: сохранялъ ли народъ, призвавшій князя, какое-нибудь вліаніе на управленіе, или все его участіе въ политическихъ дѣлахъ ограничивалось призваніемъ, признаніемъ и изгнаніемъ князя?

Много есть основаній предположить, что г. Сергѣевичъ склоняется къ послѣднему мнѣнію. Мы дѣлаемъ такое предположеніе, потому что самъ авторъ высказывается довольно неопредѣленно. На стр. 66 онъ говоритъ, что вѣче, какъ *основная форма быта*, вѣдаетъ все, кромѣ тѣхъ предметовъ, которые передаются въ исключительное завѣдываніе князей; къ предметамъ же послѣдняго рода относятся управленіе и судъ. На стр. 67 читаемъ:

„Вѣчевой формы не было достаточно ни для огражденія предѣловъ отъ хищническихъ набѣговъ воинственныхъ сосѣдей, ни для внутренняго управленія и суда. Народъ собирается для совѣщаній, но эти собранія не составляютъ сколько-нибудь удовлетворительнаго органа для постоянного дѣйствія: самоуправленіе не въ средствахъ вѣча“.

Изъ этихъ двухъ положеній дружно вывести какой-нибудь общій результатъ. На первый разъ можно только сказать, что вѣче дѣйствовало только по важнѣйшимъ вопросамъ государственнаго управленія. Въ самомъ дѣлѣ, оба противорѣчивыя мнѣнія автора сходятся въ одномъ, въ томъ именно, что вѣче отдавало въ исключительное завѣдываніе князя управленіе (лучше сказать, администрацію) и судъ, и что самоуправленіе не было въ средствахъ вѣча. То же доказываетъ и изложеніе предметовъ вѣдомства вѣча, дѣлаемое авторомъ на слѣдующихъ страницахъ.

Главнѣйшую, по мнѣнію автора, дѣятельность вѣча составляетъ *призваніе* князя. Авторъ особенно подробно останавливается на этомъ предметѣ (стр. 67—76). Вторымъ по важности предметомъ былъ *рядъ* съ княземъ, то-есть, поставленіе тѣхъ условій, на которыхъ онъ долженъ былъ управлять (стр. 77—80). „Рядъ“ съ княземъ есть отдѣльный отъ призванія актъ и по времени слѣдовалъ за нимъ. Затѣмъ слѣдуютъ законодательная дѣятельность, объявленіе войны и заключеніе мира, распоряженіе ходомъ военныхъ дѣйствій и судъ чрезвычайный и политическій. Относительно послѣднихъ предметовъ нельзя не замѣтить большой шаткости и неопредѣленности выводовъ автора. Онъ не приводитъ ни одного случая законодательной дѣятельности вѣча и разсматриваетъ ее, какъ необходимое дополненіе къ праву призванія (стр. 76). Въ сферѣ суда народъ является въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. „Вѣче не было даже верховнымъ апелляціоннымъ судилищемъ“ (стр. 89). Да и эти исключительные случаи приведены авторомъ только для Новгорода и Пскова. Ту же „чрезвычайность“ нельзя не признать и въ участіи народа въ дѣлахъ войны и мира. Еще рельефнѣе выступаетъ это мнѣніе въ тѣхъ мѣстахъ книги, гдѣ авторъ говоритъ о значеніи князя.

„Князь, говоритъ г. Сергѣевичъ, не былъ только высшимъ представителемъ исполнительной власти въ томъ смыслѣ, какой мы теперь соединяемъ съ этимъ понятіемъ.... *Вся общественные вопросы были по преимуществу вопросами князя.... ибо онъ былъ призванъ для водворенія порядка.... Призваніе князя есть первый шагъ къ выдѣленію государственнаго права изъ той первоначальной и безразличной совокупности частныхъ и общественныхъ правъ, неограниченнымъ обладателемъ которой чувствовалъ себя каждый свободный.* Страдательное отношеніе къ вѣчу сдѣлало бы князя только послушнымъ

орудіемъ враждебныхъ одна другой партій вмѣсто того, чтобы дать въ немъ (въ князѣ) обществу начало примиренія“.... (стр. 98 — 99).

Народъ самъ такъ смотрѣлъ на князя; онъ никогда не смотрѣлъ на него, какъ на простаго исполнителя вѣчевыхъ рѣшеній. Наконецъ, послѣднее доказательство того, что авторъ склоняется къ этому взгляду, заключается въ самой системѣ его книги. Она распадается на два отдѣла, вполне соответствующіе нѣмецкому дѣленію науки государственнаго права, на Verfassungs- и Verwaltungsrecht, устройство и управленіе. Авторъ говоритъ о народныхъ началахъ только въ отдѣлѣ о государственномъ устройствѣ. Отдѣлъ о государственномъ управленіи весь состоитъ въ изложеніи дѣятельности князя и его органовъ.

Съ этого послѣдняго обстоятельства мы начинаемъ наши возраженія противъ системы и отчасти противъ воззрѣній автора. Вѣче, какъ форма общественной дѣятельности въ государственныхъ дѣлахъ, кромѣ акта призванія и ряда, дѣйствительно имѣло второстепенное значеніе. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы факты, приведенные авторомъ, разрѣшали вопросъ объ участіи народа въ общественныхъ дѣлахъ вообще. „Управленіе“ княжеское не поглощало всѣхъ общественныхъ дѣлъ. Дѣятельность первоначальнаго государства складывается изъ немногихъ отраслей управленія. Это тѣ отрасли, которыя тѣсно связаны съ самымъ существомъ верховной власти. Верховною же властью мы практически можемъ назвать ту, которая издаетъ законы, налагаетъ подати, объявляетъ войну и миръ, ведетъ внѣшнія сношенія, и во имя которой производится судъ. Первоначально судъ и творится верховною властью непосредственно. Выдѣленіе *этихъ* вопросовъ изъ массы общественныхъ дѣлъ даетъ существованіе государственному элементу въ обществѣ. Лицо или организмъ, представляющіе этотъ элементъ въ обществѣ, и будутъ государственною властію. Она замѣнитъ собою другіе организмы, въ которыхъ прежде содержался этотъ государственный элементъ. Затѣмъ самая организація этой власти зависитъ уже отъ различныхъ историческихъ условій. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, отношенія князя къ волости могутъ быть изложены въ формѣ слѣдующихъ вопросовъ.

1) *Что замѣнила государственная власть, воплотившаяся въ лицѣ князя? Отвѣтъ на это, кажется, не можетъ быть затруднительнымъ. Князь, если не замѣнилъ по историческимъ обстоятельствамъ, то по идѣ, имъ представляемой, долженъ былъ замѣнить общину, какъ политической организмъ, и вытѣснить ее изъ политической сферы.*

Первоначальное призваніе князя и призваніе князей въ теченіе всего древняго періода нашей исторіи было реакціей противъ общиннаго быта. Въ этомъ отношеніи наша исторія рѣзко отличается отъ западно-европейской. Тамъ первоначальное появленіе общинъ было реакціей противъ феодальнаго порядка, ассоціаціей промышленныхъ и рабочихъ классовъ противъ землевладѣльческихъ привилегій. Слѣдовательно, общинное движеніе на западѣ было революціей политической столько же, сколько экономической и соціальною. Эманципация личности и идея договорнаго государства была послѣднимъ словомъ этого движенія. Въ Россіи община была основною формою народнаго быта, исконнымъ достояніемъ народа. Сословнаго раздѣленія не было. Землевладѣніе не имѣло никакихъ юридическихъ преимуществъ передъ другими фактами экономического быта. Но внутреннія несовершенства этого быта, борьба партій, возстаніе „рода на родъ“, требовали передачи постороннему для общины лицу такихъ дѣлъ, къ которымъ оказывалась неспособна община или вѣче, какъ говоритъ г. Сергѣевичъ. Результаты вѣчевыхъ порядковъ въ политической сферѣ изложены у него очень полно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Они состоятъ въ слѣдующемъ: на вѣчѣ участвовалъ по праву каждый членъ общины; слѣдовательно, особеннаго политическаго тѣла, основаннаго на представительномъ началѣ, среди этой общины не было; не было, слѣдовательно, и порядка вѣчевыхъ собраній, припоровленнаго къ политическимъ вопросамъ. Политическіе вопросы разрѣшались такъ же, какъ всѣ другія дѣла общины. Порядокъ этотъ былъ самый простой. Постановленіе вѣча могло быть основано только на согласіи *всѣхъ* его членовъ. Дѣйствительное ли или предполагаемое согласіе имѣлось здѣсь въ виду, это для насъ пока все равно. Г. Сергѣевичъ склоняется къ тому мнѣнію, что оно было дѣйствительное. Мы думаемъ, что оно было предполагаемое. Община не считала нужнымъ упоминать о несогласныхъ съ нею членахъ. „Единеніе“ общины не нарушалось, если постановленіе давалось авторитетомъ преобладающаго большинства. Опасность наступала при дѣйствительномъ *раздѣленіи* общины. Въ такомъ смыслѣ вѣрно положеніе автора, что постановленіе вѣча было дѣйствительно только при полномъ *единеніи* всей общины. Слѣдовательно, рѣшеніе посредствомъ простаго большинства голосовъ или большинства $\frac{2}{3}$, $\frac{3}{4}$ и т. д. не могло имѣть здѣсь мѣста. Община должна была дѣйствовать „съ одного“, какъ одинъ человекъ. Въ случаѣ раздѣленія голосовъ, ни одна партія не считала себя обязанною уступить другой, хотя бы она составляла меньшинство. Поэтому каждое разно-

гласіе вѣча по необходимости вело или къ новому соглашенію партій и къ новому рѣшенію, или къ войнѣ между несогласными партіями. Первый случай предполагалъ уступку со стороны лицъ, постановившихъ первое рѣшеніе, а уступка дѣлалась тогда, когда эта партія не надѣялась достигнуть „одиначества“ другими средствами. Война начиналась въ томъ случаѣ, когда уступка была невозможна, или когда большинство было достаточно сильно, чтобы безъ дальнѣйшихъ разсужденій и соглашеній одолѣть своихъ противниковъ. Слѣдовательно, уваженія къ *праву* отдѣльнаго лица мы не видимъ. Община считаетъ себя въ правѣ не принимать въ разчетъ протесты отдѣльныхъ лицъ. „Всѣ пойдутъ на войну,—говорили въ 1151 году Кіевляне,—кто только можетъ взять въ руки клудь; а если кто не пойдетъ, дайте его намъ, мы сами побьемъ его“. Для силы протеста нужно было, чтобы сама община раздѣлилась. Раздѣленіе же это было явленіемъ, по большей части, постояннымъ. Каждая болѣе или менѣе значительная община была раздѣлена на партіи. Каждый князь по идеѣ призывался волостью, а *de facto* партіей, въ данный моментъ имѣвшею перевѣсъ надъ всѣми другими. Держался онъ на мѣстѣ не волею цѣлаго народа, а силою партіи, и держался до тѣхъ поръ, пока она была сильна. Какъ только она ослабѣвала, князь долженъ былъ бѣжать. Наконецъ, значеніе вѣчевыхъ порядковъ ослаблялось и тѣмъ, что самый составъ вѣча былъ крайне неопредѣленный. Въ общинѣ не было особаго политическаго тѣла, съ опредѣленнымъ составомъ членовъ. Вѣче *de jure* было собраніемъ всего города, *de facto* сходкою извѣстной партіи, положившей собраться для какого-нибудь дѣла. Вслѣдствіе этого вѣче, собранное сегодня, по составу своему могло рѣзко отличаться отъ вѣча, которое соберется завтра; рѣшеніе, постановленное однимъ, ни въ чемъ не будетъ похоже на постановленіе, сдѣланное другимъ.

Итакъ, даже община, взятая сама по себѣ, не представляла настоящаго политическаго единства. Оно обусловливается существованіемъ установленія, непрерывно и постоянно представляющаго собою государственную власть и независимаго отъ всѣхъ общественныхъ партій. Такого установленія не было въ составѣ общины. Тѣмъ менѣе могло осуществиться политическое единство въ цѣлой волости. Волость была федераціей общинъ. Федерация же общинъ, построенная на вѣчевомъ началѣ, никогда не можетъ составить сдинаго политическаго тѣла. При федеративномъ устройствѣ, съ политическими правами общинъ, возможны два исхода: или общины будутъ пользоваться равными политическими правами, или права эти будутъ не равны для городовъ

и пригородовъ. Въ первомъ случаѣ единство будетъ держаться на соглашеніи городовъ, и соглашеніи добровольномъ, то-есть, условномъ и преходящемъ. Борьба партій, разъединявшая каждую общину, должна была еще сильнѣе выразаться въ борьбѣ городовъ съ пригородами. Во второмъ случаѣ, то-есть, при неравенствѣ правъ городовъ и пригородовъ, единство обуславливалось тѣмъ, чтобы права городовъ были достаточно велики для подавленія правъ пригородовъ при обсужденіи общеволостныхъ вопросовъ¹⁾. Такое единство предполагаетъ добровольное или насильственное, но полное подчиненіе пригородовъ городамъ по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ. Обычай вѣчевой Россіи, очевидно, склонялся къ послѣдней формѣ волостнаго единства. Это доказывается названіемъ старшихъ и младшихъ городовъ, городовъ и пригородовъ; доказывается и знаменитымъ мѣстомъ лѣтописи: „на что старѣйшіи думаютъ, на томъ и пригороды стануть“. Пригороды могли стать „на одно“ со старѣйшими или по добровольному согласію, или по принужденію, слѣдовательно, совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ происходило поставленіе вѣчевыхъ рѣшеній въ каждой отдѣльной общинѣ. Г. Сергѣевичъ не безъ основанія говоритъ объ этихъ вѣчевыхъ отношеніяхъ городовъ къ пригородамъ слѣдующее: „Разные пункты населенія одной и той же волости находились между собою въ совершенно такихъ же отношеніяхъ, какъ и разные концы или улицы одного и того же города; если между ними господствовало единеніе, они находились въ состояніи мира; если возникала рознь, — въ состояніи розмрья или войны“ (стр. 91). Вслѣдствіе удаленія городовъ отъ пригородовъ и разнообразія ихъ интересовъ состояніе мира было рѣже, а результаты хуже, чѣмъ въ каждой отдѣльной общинѣ. Состояніе мира обуславливалось пассивнымъ отношеніемъ пригородовъ къ вѣчевымъ постановленіямъ города. Другаго заключенія мы не можемъ вывести изъ словъ лѣтописца, что пригороды становились на томъ, что поставляли старшіе города. Но такое пассивное отношеніе могли занять только весьма слабые пригороды. Каждый пригородъ, чувствующій свое значеніе, созна-

¹⁾ На это можно бы возразить, что весьма удовлетворительный выходъ изъ этого противорѣчія можно было найти въ началахъ народнаго представительства. Но при народномъ представительствѣ имѣется коммиссія лицъ, составляющая политическую власть, особую отъ прочаго народонаселенія, и слѣдовательно, ограничивающая политическую автономію общинъ. Затѣмъ, народное представительство есть продуктъ національнаго единства, а не народышъ его. Наконецъ, разсужденія о народномъ представительствѣ выходятъ изъ предѣловъ настоящей статьи. Мы говоримъ о томъ, что было, а не о томъ, что могло бы быть.

валъ въ то же время равноправность своего вѣча съ вѣчемъ главнаго города. Если въ отдѣльной общинѣ каждая партія считала свою сходку „вѣчемъ“, то тѣмъ болѣе цѣлый пригородъ долженъ былъ придавать своему собранію значеніе вѣча, со всѣми его правами. Все зависѣло отъ силы пригорода.

„Пригороды слабые, въ случаѣ разногласія съ главнымъ городомъ, оставались въ ничтожномъ меньшинствѣ и по необходимости должны были смолчать; пригороды, обладающіе значительною силою, могли выступать съ своимъ отдѣльнымъ мнѣніемъ и стараться провести его, не смотря на разногласіе съ главнымъ городомъ“ (стр. 91).

При такихъ условіяхъ вѣчеваго быта нѣтъ ничего удивительнаго, если общины не успѣли выработать въ своей средѣ никакой политической власти; другими словами, ни одинъ изъ элементовъ, изъ которыхъ слагался нашъ общинный бытъ, не могъ быть возведенъ на степень верховной политической власти. Результатомъ этого было выдѣленіе нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ въ пользу одного лица, стоявшаго внѣ общины и признаннаго главнымъ представителемъ общественнаго порядка. Вѣче не имѣло уже постояннаго значенія для такихъ вопросовъ; они были исключительнымъ дѣломъ князя. Итакъ, призваніе князя и первоначальный рядъ съ нимъ были, въ принципѣ, единственными предметами политической дѣятельности вѣча. Всѣ другіе виды участія вѣча въ политической жизни были исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. Но этотъ принципъ не былъ доведенъ до конца въ древней Россіи. Это приводитъ насъ къ другому вопросу.

2) *Въ какой мѣрѣ князь замѣнилъ собою вѣче, какъ политическую власть?* Для разрѣшенія этого вопроса необходимо установить нѣсколько „различій“, которыхъ, къ сожалѣнію, мы не находимъ у автора. Между тѣмъ, многія указанія на эти различія можно найти въ почтенныхъ трудахъ гг. Соловьева и Бѣляева. Первое „различіе“ состоитъ въ неодинаковомъ примѣненіи вѣчевыхъ началъ въ разныхъ волостяхъ Россіи. Читая книгу г. Сергѣевича, можно подумать, что если вѣчевые порядки были общи всѣмъ русскимъ областямъ, то и форма, и значеніе этихъ порядковъ были вездѣ одинаковы. Между тѣмъ, на дѣлѣ, сила вѣчеваго начала была далеко не вездѣ одинакова. Въ Кіевѣ вѣче имѣло меньше значенія, чѣмъ въ Новгородѣ; въ Суздаль и Ростовѣ меньше, чѣмъ въ Кіевѣ. Въ Новгородѣ и Псковѣ мы видимъ обширную законодательную дѣятельность вѣча; „Псковская судная грамота“ и другіе акты служатъ неопровержимымъ доказательствомъ этого. Самыя „ряды“ съ княземъ имѣли въ Новгородѣ больше значенія, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Лѣтописи не записываютъ со-

держанія „рядовъ“ Черниговцевъ, Переяславцевъ; рядныя и договорныя грамоты Новгородцевъ, напротивъ того, обращаютъ на себя особенное вниманіе современниковъ. Новгородскій рядъ дѣйствительно имѣетъ въ виду опредѣлить дѣятельность и власть князя; онъ имѣетъ въ виду совмѣстить эту власть съ свободой и интересами общины. Но судить по этимъ договорамъ о „рядѣ“ съ княземъ вообще, конечно, нельзя. Одного факта достаточно будетъ для доказательства этого: въ Новгородѣ и Псковѣ мы видимъ сильное участіе выборныхъ отъ народа въ судѣ и управленіи; подъ вліяніемъ вѣчевыхъ порядковъ, важная должность посадника дѣлается изъ правительственной (посадникъ прежде назывался княземъ) выборною, народною; этотъ посадникъ ограничиваетъ власть князя въ управленіи и судѣ: „а безъ посадника, княже, тобѣ волостей не раздавати, суда не судити“, говорятъ договорныя грамоты. Напротивъ того, въ Кіевѣ и другихъ волостяхъ судъ былъ чисто княжескій. Итакъ, отношенія князя къ вѣчу были устроены не вездѣ одинаково; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ имѣлъ больше правъ, въ другихъ меньше; въ однихъ волостяхъ вѣче было сильнѣе, въ другихъ слабѣе. Къ этому факту, слишкомъ извѣстному въ нашей литературѣ, можно прибавить еще одинъ, не менѣе важный. Князь, вслѣдствіе указанныхъ выше обстоятельствъ, былъ необходимою для внутренняго „наряда“ волости. Авторъ и разсматриваетъ князя и вѣче, какъ два вездѣ и одинаково существенные элемента древняго государственнаго быта. Потребность въ князѣ ощущалась вездѣ, но не вездѣ въ одинаковой степени и не вездѣ могла быть удовлетворена. Общины дѣйствительно не могли достигнуть правильнаго и прочнаго государственнаго порядка безъ князя, но какого-нибудь порядка, въ случаѣ необходимости, достигнуть могли. Неспособность вѣча къ управленію не была фактомъ всеобщимъ. Въ Новгородѣ вѣче было дѣйствительною политическою силой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вовсе не могло быть князя и общинъ, и волею-неволею приходилось управляться собственными средствами. Невозможность имѣть князя вездѣ обуславливалась тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что княжескій родъ не могъ послѣдовать за колонизаціоннымъ движеніемъ народа; вслѣдствіе непрерывнаго движенія нашей колонизаціи на востокъ и сѣверъ часть народа постоянно оставалась внѣ общегосударственной жизни. Многія общины были слишкомъ отдалены отъ той территоріи, гдѣ дѣйствовали князья Рюриковичи. Имъ по неволѣ приходилось обходиться одними вѣчевыми средствами управленія; такъ, наприимѣръ, было въ Вяткѣ.

Затѣмъ авторъ даетъ слишкомъ большое значеніе термину „управленіе“, органомъ котораго былъ князь. Говоря о князѣ, какъ правителѣ, и княжескомъ управленіи, авторъ считаетъ себя въ правѣ ничего не говорить даже объ административномъ значеніи общины. Результаты такого пріема весьма плачевны. Во первыхъ, въ его сочиненіи не видно основъ вѣчеваго порядка; вѣче является политической силой, основанною прямо на обширныхъ политическихъ правахъ личности. Между тѣмъ основы вѣчевой формы глубоко коренятся въ общинѣ, какъ экономической, хозяйственной и административной единицѣ. Не изучивъ *этихъ основъ* нашего народнаго быта, авторъ, сколько намъ кажется, не могъ говорить о вершинѣ государственнаго устройства, о политическомъ вѣчѣ. Призваніе князя выдѣляло изъ сферы общинной дѣятельности нѣкоторыя дѣла, но не уничтожало самаго существованія общины. Призваніе князя не было самоубійствомъ вѣча. Общинная жизнь выражалась въ административной и экономической дѣятельности общины. Власть князя не уничтожала нѣкоторой автономіи мелкихъ союзовъ, составлявшихъ его волость. Князь былъ посредникомъ не столько между отдѣльными лицами, сколько между общинами. Въ рѣдкихъ случаяхъ онъ имѣлъ дѣло прямо съ отдѣльными личностями. Появленіе государственной власти не превращало, такимъ образомъ, наше общество въ совокупность *индивидовъ*, подчиненныхъ прямо государству и только государству. Русскій человекъ имѣлъ дѣло съ общиною больше, чѣмъ съ княземъ; община была для него правиломъ, князь — исключеніемъ. Въ этомъ отношеніи власть князя не шла въ глубь русскаго общества; развитіе ея задерживалось существованіемъ общинъ, уступавшихъ ему свои права лишь по нѣкоторымъ вопросамъ. Во всѣхъ дѣлахъ, оставшихся за общиною, она дѣйствовала самостоятельно и отъ нихъ переходила къ политическимъ вопросамъ. Итакъ, княжеское управленіе было не многосложно не только потому, какъ утверждаетъ авторъ (стр. 348), что задачи этого управленія „не были развиты“, но и потому, что большая часть этихъ задачъ оставалась въ рукахъ общинъ. Слѣдовательно, положеніе автора, что „самоуправленіе не было въ средствахъ общины“ (или вѣча, какъ онъ ошибочно выражается на стр. 67) можетъ быть принято только съ большими ограниченіями. Оно не было въ его средствахъ лишь по нѣкоторымъ вопросамъ, для которыхъ и былъ призванъ князь. По другимъ же община дѣйствовала съ прежнею силою. Чтобы лучше формулировать эту часть нашего возраженія автору, мы выразимся такимъ образомъ: авторъ принимаетъ два существенные элемента нашего древняго быта, на-

родъ и князи; но для того чтобы выяснитъ значеніе народныхъ началъ, ему слѣдовало обратитъ вниманіе на тѣ вопросы, по которымъ ближайшимъ образомъ проявлялась дѣятельность народа, остановиться прежде всего на тѣхъ учрежденіяхъ, которыя стояли ближе къ народу, а затѣмъ уже перейти къ той сферѣ, въ которой народъ являлся по исключенію, а не по общему правилу.

3) *Занялъ ли князь то положеніе, которое должно было принадлежать ему по самой идее призванія?* Если принимать во вниманіе только сферу дѣлъ, предоставленныхъ князю,—да; если остановиться на его дѣйствительномъ отношеніи къ волости,—нѣтъ. Сфера дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству князя, указываетъ на идею и цѣль „призванія“. Это были тѣ дѣла, для которыхъ нужна была власть, стоящая внѣ общественныхъ партій,—дѣла, къ которымъ „вѣче“ было неспособно. Но дѣйствительная независимость князя въ этой сферѣ не могла быть осуществлена при такой формѣ, въ которой выражалось начало призванія въ нашей древней исторіи. Въ „призваніи“, какъ намъ кажется, должно различать два совершенно различные вопроса: съ одной стороны, его общенсторическое значеніе и идею, и съ другой, временное выраженіе этой идеи въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи. Идея призванія есть образованіе независимой и верховной государственной власти; она могла развиваться, сдѣлаться дѣйствительнымъ фактомъ и выразиться окончательно въ соответствующемъ политическомъ элементѣ только постепенно, послѣ долгой борьбы съ другими общественными началами. Въ такомъ смыслѣ идея эта не можетъ быть разсматриваема, какъ исключительное достоинство X—XIV вѣковъ; она проходитъ чрезъ всю русскую исторію. Одна и та же мысль руководитъ въ X вѣкѣ Новгородцами, въ XII Кіевлянами, въ XVII при избраніи царя Михаила Федоровича. Что же касается проявленія этого начала въ древній періодъ нашей исторіи, то нельзя не признатъ, что оно обуславливалось, главнымъ образомъ, началами прежняго общиннаго быта. При слабости княжескаго начала, каждый князь былъ порожденіемъ вѣча и дѣйствовалъ подъ его вліяніемъ. Всѣ характеристическіе признаки вѣчевыхъ порядковъ, опредѣлявшіе отношеніе партій, примѣнялись и къ отношеніямъ князя и вѣча. Во первыхъ, князь рѣдко былъ порожденіемъ цѣлой волости; по большей части онъ призывался на столъ извѣстною партіей и держался ею, слѣдовательно, ему приходилось проводить и защищать интересы этой партіи. Каждая перемѣна князя сопровождалась различными наградами и повышеніями его „пріятелей“. Отнимались волости у „мужей“ старой дружины и раз-

давались мужамъ новой. Новая дружина „заѣзжала“ старую, которая должна была пытать счастья въ другихъ мѣстахъ. Все это нисколько не доказываетъ независимости княжеской власти. Зависимость его отъ вѣча шла дальше. Подобно тому, какъ сила вѣчевыхъ рѣшеній обусловливалась единеніемъ, „одночествомъ“ всѣхъ его членовъ, такъ и сила князя основывалась на единеніи его съ вѣчемъ. Онъ былъ силенъ, пока вѣче было за него. Война, задуманная имъ, и другія его предпріятія могутъ имѣть успѣхъ только въ такомъ случаѣ, когда вѣче думало одинаково съ нимъ. Авторъ приводитъ много такихъ примѣровъ соглашенія князя съ вѣчемъ. Князья, жившіе въ согласіи съ вѣчемъ, были весьма сильны. Таковы были Владиміръ Мономахъ и не менѣе знаменитый Всеволодъ Юрьевичъ (Большое Гнѣздо). Напротивъ того, „при отсутствіи соглашенія... князь и вѣче стояли другъ противъ друга, какъ двѣ самостоятельныя власти, разногласіе которыхъ могло быть устранено только судомъ Божіимъ“ (стр. 107). Другими словами, въ случаѣ разномыслія князя съ вѣчемъ, между ними начиналась война. Война, конечно, была нехорошимъ исходомъ дѣла. Но и „соглашеніе“ не представляло, въ большинствѣ случаевъ, ничего привлекательнаго. Стоитъ вспомнить составъ „вѣча“, обыкновенно представлявшаго собою не цѣлый народъ, а лишь известную партію, чтобы убѣдиться въ этомъ. Соглашеніе было торжественно и велико въ исключительныя минуты, когда народъ увлекался какою-нибудь великою цѣлью или самъ собою, или княземъ своимъ. Наша древняя исторія представляетъ не мало примѣровъ князей, умѣвшихъ возвышать народное сознаніе и направлять силы общественныя къ великимъ идеаламъ; таковы Владиміръ Мономахъ, Мстиславъ Храбрый и другіе. Но нерѣдко это соглашеніе состояло въ умѣныи привлечь къ себѣ ту или другую партію и льстить ея интересамъ. Разномысліе же, розни состояли обыкновенно не въ томъ, что народъ расходился съ княземъ по какимъ-нибудь капитальнымъ вопросамъ политики, а въ томъ, что одна партія возставала противъ другой, поддерживавшей князя; такимъ образомъ, большинство князей нашихъ были не свободными и независимыми головами народа, а предводителями партій, и вносили въ вѣчевыя начала не элементы правды и порядка, а новыя условія раздора и угнетенія.

Въ такомъ видѣ княжеская власть не могла сдѣлаться объединяющимъ, національнымъ началомъ. Отношенія между князьями лучше всего доказываютъ это. Понятіе наследственности столовъ не могло развиваться, какъ слѣдуетъ, въ самомъ княжескомъ родѣ; ни понятіе

отчины, ни „лѣтвиичное восхождение“ не спасли Россію отъ раздробленія; *договоръ* былъ главною формою между княжескихъ отношеній; враждебныхъ силъ въ княжескомъ родѣ было столько же, сколько князей; начало „добыванія“ столовъ всевозможными средствами превратило политику князей нашихъ въ политику эгоизма, въ самой грубой его формѣ ¹⁾). Какимъ же образомъ изъ этой борьбы противоположныхъ элементовъ сложилось Русское государство?

III.

Противорѣчія древне-русскаго государственнаго быта.

Ни одно изъ началъ нашего древняго государственнаго быта не могло получить полнаго развитія. Ни одно изъ нихъ не исключало другаго, но каждое противодѣйствовало развитію другихъ. Въ этомъ смыслѣ древняя жизнь представляла рядъ противорѣчій, которыя едва могутъ быть объяснены съ точки зрѣнія современныхъ намъ государственныхъ понятій. Это были противорѣчія, порожденныя противоположными началами, которыя въ далекомъ будущемъ должны были послужить основаніемъ прочной государственной системы. Но они не были *внутренними* противорѣчіями древней государственной системы. Впервыхъ, самой системы этой еще не было. Затѣмъ, терминъ *противорѣчіе* можетъ быть примѣненъ къ древней русской жизни не въ смыслѣ несостоятельности началъ ея; это удѣлъ отживающихъ государственныхъ системъ. Противорѣчія эти порождались именно тѣмъ, что ни одно начало, ни одинъ элементъ этой жизни не получилъ настоящаго развитія. Результатомъ этихъ противорѣчій было не паденіе государства, какъ то бываетъ при несостоятельности началъ. Напротивъ того, борьба этихъ различныхъ элементовъ вызвала къ жизни крѣпкій государственный строй. Это соединеніе разнообразныхъ элементовъ древняго быта въ послѣдующемъ Русскомъ государствѣ зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, что всѣ эти элементы еще въ древней Россіи связывались общими представленіями о государственномъ порядкѣ, или лучше сказать, однимъ и тѣми же государственнымъ идеалами. Эти общія представленія препятствовали князьямъ довести „добываніе“ столовъ до грубаго насилія, не сдерживаемаго никакими представленіями о правѣ; они удержали общины отъ полнаго раздробленія государственной территоріи; они дали въ послѣд-

¹⁾ Всѣ эти обстоятельства весьма хорошо изложены у г. Сергѣевича.

ствѣн общую и опредѣленную цѣль и народу, и князьямъ-собирателямъ Русской земли.

Въ книгѣ г. Сергѣевича мы не видимъ этихъ представленій и идеаловъ, связывающихъ древнюю, раздробленную Россію съ централизованною Московскою; не видимъ и движенія отъ вѣчевой Россіи къ самодержавной; не видимъ вообще никакихъ признаковъ историческаго движенія и развитія элементовъ древняго общества. Дѣло въ томъ, что авторъ разсматриваетъ древній государственный бытъ такъ, какъ будто онъ былъ построенъ на началахъ, получившихъ окончательное развитіе. Поэтому онъ весьма часто говоритъ о разныхъ явленіяхъ, какъ объ общихъ, между тѣмъ они были только исключеніями и могли бы сдѣлаться общимъ правиломъ лишь въ томъ случаѣ, если бы тѣ или другія начала получили окончательное развитіе. Между тѣмъ не то видимъ мы на самомъ дѣлѣ. Стоитъ припомнить все вышеизложенное, чтобъ убѣдиться, что будь начало призванія и начало добыванія окончательно сложившимися принципами древняго государства, успѣи они дойти до послѣднихъ своихъ результатовъ, отъ Россіи осталось бы одно смутное воспоминаніе въ памяти народовъ. Для примѣра возьмемъ выводы автора относительно преемства столовъ и отношеній князей между собою. Онъ разсматриваетъ этотъ вопросъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ между волостями древней Россіи не было никакой связи, какъ будто у князей не существовало никакихъ понятій о единствѣ Россіи и княжескаго рода, а у народа не было никакихъ представленій о государственной территоріи. Вслѣдствіе этого всѣ отношенія между князьями были будто бы чисто фактическія, не основанныя ни на какихъ понятіяхъ о правѣ, и между городами не было никакихъ прочныхъ отношеній. Въ особенности рѣзки выводы автора относительно междукняжескихъ отношеній. Отрицая теорію родового быта относительно народа, что совершенно справедливо, онъ отвергаетъ ее и относительно князей, что далеко невѣрно. Вотъ его главнѣйшія положенія. Подобно тому, какъ въ населеніи того времени не было никакихъ юридическихъ различій по сословіямъ, а были только фактическія, по классамъ лучшихъ, среднихъ и молодыхъ людей, такъ и князья, при полномъ юридическомъ равенствѣ между собою, различались *по достоинству*.

„Одни изъ нихъ отличались большею зрѣлостью лѣтъ, чѣмъ другіе, одни занимали столы въ древнихъ и богатыхъ городахъ, другіе въ новыхъ и сравнительно бѣдныхъ, наконецъ, одни, — независимо отъ того, гдѣ сидѣли, въ новомъ или старомъ городѣ, — могли сосредоточить въ своихъ рукахъ такую силу, которая далеко превосходила силу другихъ князей“ (стр. 247—248).

Всѣ эти чисто *фактическія* условія отразились и на отношеніяхъ князей между собою, и на различныхъ ихъ наименованіяхъ. Всѣ эти отношенія и наименованія были также фактическія. Какъ такія фактическія наименованія и отношенія, авторъ разсматриваетъ старшинство (стр. 248—258), наименованія „отецъ“ (стр. 258—263), „великій князь“ (стр. 263—264), „господинъ“ (стр. 264—265). Понятіе старшинства обуславливалось прежде всего естественнымъ преимуществомъ лѣтъ; это былъ прямой смыслъ этого слова; затѣмъ оно употреблялось еще въ переносномъ; князь, занимавшій старшій столъ, то есть, столъ древняго города, былъ старшимъ княземъ, какъ князь лучшаго, сильнѣйшаго города; и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ старшинство не было юридическимъ правомъ князя, а только условіемъ его фактическаго преобладанія надъ всѣми другими. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что титулъ „старшаго“ былъ дѣйствителемъ только въ томъ случаѣ, когда онъ подкрѣплялся физическою силою, фактическимъ преобладаніемъ князя надъ другими; поэтому титулъ старшаго, основанный на преимуществѣ лѣтъ, не давалъ кромѣ особаго *почета*, никакихъ преимуществъ князю, который его носилъ. Гораздо большее значеніе имѣло старшинство, основанное на обладаніи старшимъ столемъ, лучшимъ городомъ. „Лучшій“ городъ могъ дать своему князю весьма большое значеніе въ ряду другихъ. Но и такое старшинство не могло быть постояннымъ. Оно основывалось на фактическомъ преобладаніи одного города надъ другими. Преобладаніе это не могло быть постоянно. Старшій городъ могъ утратить свое значеніе; младшій могъ возвеличиться и стать лучшимъ городомъ, равнымъ другимъ старшимъ городамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ и князь одного терялъ прежнее значеніе, князь другаго пріобрѣталъ новый вѣсъ въ ряду другихъ князей. Подобно этому названію, и всѣ другія имѣли мало юридическаго значенія. Названіе „отецъ“ встрѣчается, какъ почтительное обращеніе старшаго къ младшему. Это простая вѣжливость, ни для кого необязательная. Встрѣчается однако и обязательное употребленіе этого титула. Напримѣръ, въ 1150 году, Вячеславъ и Изяславъ цѣлуютъ между собою крестъ на томъ, что „Изяславу имѣти отцемъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава“. Но и въ этомъ случаѣ отецъ не получалъ никакихъ особенныхъ правъ надъ своими названными сыновьями.

Болѣе всего правъ, повидимому, было соединено съ извѣстнымъ титуломъ *великаго князя*. Но г. Сергѣевичъ разрушаетъ и эту послѣднюю иллюзію нашей исторической науки.

„Наименованіе великимъ княземъ, говоритъ онъ, совпадаетъ съ наименованіемъ старѣйшиной по городу и усвоится обыкновенно князьямъ лучшихъ волостей. Сперва назывались такъ Кіевскіе князья, а по успеліи Владиміра, Рязани, Твери, Москвы, это наименованіе сообщилось и князьямъ этихъ волостей. Великіе князья, какъ и старѣйшины, не пользовались никакими лучшими правами сравнительно съ другими князьями“.

Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ только почетный титулъ, обусловленный фактическимъ превосходствомъ одного князя надъ другими.

Итакъ, ни въ народномъ сознаніи, ни въ сознаніи князей не было представленій, а тѣмъ болѣе нормъ, опредѣлявшихъ развитіе государственнаго порядка. Иерархія между князьями и городами была фактическая, а слѣдовательно, и всѣ отношенія между ними были построены или на соглашеніи, или на силѣ. Не было порядка, опредѣляющаго, хотя бы въ идеѣ, отношенія между князьями: отсюда добываніе столовъ, съ одной стороны, и княжескіе сѣзды и договоры, съ другой; не было никакихъ прочныхъ отношеній между волостями: отсюда отсутствіе центра государственной жизни и дробленіе Россіи.

Всѣ эти факты были бы общимъ порядкомъ древней государственной жизни, еслибъ отношенія между княземъ и волостью и князей между собою, въ той *формѣ*, какъ они выразились первоначально, были доведены до конца и не задерживались представленіями объ идеальномъ устройствѣ Русской земли, съ одной стороны, и постепенно развивавшимися началами новаго порядка вещей, съ другой. Авторъ умалчиваетъ о тѣхъ и о другихъ; отсюда слабое историческое значеніе его труда. Укажемъ вкратцѣ на эти пачала, дабы окончательно провѣрить выводы г. Сергѣевича.

Но прежде всего мы просимъ читателя обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, которое, по нашему мнѣнію, объясняетъ многіе недостатки въ книгѣ г. Сергѣевича. Избравъ предметомъ своего труда государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей, онъ разсматриваетъ это устройство на всемъ пространствѣ нашей исторіи, отъ X до XV вѣка, и на всемъ пространствѣ Россіи такъ, какъ будто нигдѣ и никогда въ нашу государственную жизнь не было внесено новыхъ началъ. На этомъ основаніи онъ подкрѣпляетъ свои положенія о междукняжескихъ договорахъ одинаковыми примѣрами изъ исторіи Кіевского и Московскаго періода. Духовныя грамоты князей имѣютъ для него одинаковое значеніе и въ юго-западной, и въ сѣверо-восточной Россіи. Если безусловно вѣрить автору, между Кіевскою и Московскою Русью не было никакого переходнаго

порядка, никакого посредствующаго звена. Итакъ,—никакихъ верховныхъ государственныхъ понятій въ теченіе удѣльно-вѣчеваго періода, никакихъ посредствующихъ началъ въ концѣ его.

Не то было на самомъ дѣлѣ. Пока русская государственная жизнь не начала передвигаться на сѣверо-востокъ, центромъ Русскаго государства былъ столичный городъ, мать русскихъ городовъ, Кіевъ; князья и народъ считали Кіевъ старшимъ городомъ, а его князей старшинами Русской земли не потому только, чтобы князья эти занимали „выдающееся положеніе среди другихъ“ (стр. 248). Съ именемъ Кіева и Кіевского князя было связано нѣчто другое, чего нѣтъ въ книгѣ г. Сергѣевича. Всякій, кто вдумается въ характеристическія особенности удѣльно-вѣчеваго періода, невольно остановится предъ слѣдующимъ вопросомъ: почему не раздробилась Россія окончательно, когда и народные обычаи, и порядки княжескаго рода способствовали тому, когда, слѣдовательно, ни въ правительственныхъ, ни въ общественныхъ элементахъ не было никакого противодѣйствія этому злу? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слѣдующіе факты:

1. Не смотря на разединеніе волостей, какъ самостоятельныхъ центровъ не только административной, но отчасти и политической жизни, въ народѣ и въ князьяхъ жило сознаніе о единой Русской землѣ. Въ столкновеніяхъ съ иностранцами и съ поганями, „земля“ дѣйствовала какъ одно цѣлое. Въ иностранныхъ сношеніяхъ не было ни Переяславскаго, ни Черниговскаго князя, а только Русскіе князья. Національнаго значенія дѣленіе на волости не имѣло. Узкаго мѣстнаго патріотизма, съ его геролми и богами, не развилось. Всѣ идеалы поэтическіе и политическіе имѣли не волостное, а обще-національное значеніе. Всѣ герои, князья и богатыри являются въ народномъ сознаніи какъ обще-національные герои. Въ такомъ смыслѣ воспѣваютъ ихъ наши пѣсни. Перечитывая эти произведенія нашей народной поэзіи, нельзя не замѣтить, что народное сознаніе, выразившееся въ нихъ, не знаетъ многихъ, можно сказать, театровъ эпопей. Театръ одинъ — *Святая Русь*; пѣсни говорятъ о войнахъ свѣто- (то-есть, свято-) русскихъ, богатыряхъ свято-русскихъ; главнымъ центромъ, къ которому обращается народное сознаніе, служитъ Кіевъ; главный князь, котораго воспѣваетъ народъ, есть князь Кіевскій. Возьмемъ для примѣра нѣсколько пѣсенъ:

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра,
Было ирванье, почестной иръ

На три брата название,
Свято ¹⁾ - русскіе могучіе богатыри ²⁾.

Или:

Говоритъ Идолище поганое:
— Ты скажи-ко мнѣ, Калика перехожая;
Походилъ ты вѣкомъ по святой Русь,
Повидалъ ты всякаго народу православнаго ³⁾.

Или:

И зговоритъ князь Владиміръ Кіевскій
Своимъ русскимъ богатырямъ ⁴⁾

2. Представленіе о единомъ стольномъ князѣ всей Россіи было точно также сильно въ народѣ. Силѣ этого представленія или идеала не мало способствовало то обстоятельство, что независимо отъ общаго представленія о Кіевѣ, какъ стольномъ городѣ Русской земли, идея стольнаго князя была еще возвышена и возвелчена такими личностями, какъ Владиміръ Святой, Ярославъ и Владиміръ Мономахъ. Никто, конечно, не станетъ отрицать того факта, что на развитіе національнаго чувства имѣютъ большое вліяніе великіе дѣятели, умѣвшіе въ данную минуту воплотить въ себѣ національную идею. Ихъ обаятельное имя служитъ для современниковъ и потомства центромъ, къ которому невольно обращаются всѣ воспоминанія и надежды. Для насъ, на примѣръ, имя *Русскаго* тождественно съ именемъ гражданина той страны, которою управляли Петръ Великій и Екатерина Великая, за которую сражались Суворовъ, Кутузовъ, Мининъ, Пожарскій, въ которой писали Пушкинъ, Карамзинъ, Ломоносовъ. Для древней Россіи такимъ связывающимъ всѣхъ именемъ было имя князя Владиміра. Имя этого общерусскаго князя сложилось, очевидно, изъ многихъ именъ; оно сдѣлалось скорѣе нарицательнымъ, чѣмъ собственнымъ. Это имя, сдѣлавшееся священнымъ со временъ великаго просвѣтителя Россіи, народъ употреблялъ для обозначенія типа Русскаго князя. Между тѣмъ типъ этотъ въ его глазахъ былъ выработанъ не только Равноапостольнымъ Владиміромъ, но и его преемниками, „добрыми страдальцами за Русскую землю“, Владиміромъ Мономахомъ между прочимъ. Народъ употреблялъ это имя для обозначенія не спеціальнаго князя Кіевской волости, а идеальнаго князя той *Святой Руси*, которая всегда жила въ его сознаніи. Въ этомъ идеальномъ мірѣ было одно государство,—Русь

¹⁾ Или «свято».

²⁾ См. Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, IV, стр. 52: Потокъ Михайло Ивановичъ.

³⁾ Тамъ же, стр. 20; п. объ Ильѣ Муромцѣ.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 23—24.

ская земля, одинъ стольный князь, воплотившійся въ лицѣ „ласковаго князя Владиміра“. Этотъ-то стольный князь Русской земли и является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нашихъ пѣсняхъ. Напримѣръ:

Говоритъ Владиміръ стольный Кіевскій,
— Ой ты гои еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!
Вотъ тебѣ мѣсто подлѣ меня,
Хоть по правую руку, аль по лѣвую.
А третье тебѣ мѣсто, куда хощь садись!
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
„Володиміръ, князь земли *Свято-русскія!* и т. д.

Сдѣлавъ изъ собственнаго имени нарицательное, народъ не стѣняется уже и хронологіей. Напримѣръ, въ одной былинѣ, составленной, очевидно, послѣ татарскаго нашествія, помѣщенъ разговоръ Батыя съ Ильей Муромцемъ:

Говорилъ ему Батый царь, сынъ Батыевичъ,
— Ужь ты гои еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!
Послужи мнѣ-ка также, какъ *Владимиру*,
Вѣрою невзмѣнною ровно три года!²⁾

3. Отъ поэзіи обратимся къ анализу историческихъ фактовъ. Волости были независимы другъ отъ друга въ отношеніи внутренняго управленія; это совершенно справедливо. Но могли ли эти самостоятельныя волости составить нѣсколько самостоятельныхъ націй и національныхъ государствъ? На этотъ вопросъ врядъ ли можно отвѣчать утвердительно. Волости не могли сдѣлаться средоточіемъ самостоятельной національной жизни. Впервыхъ, ни въ одной волости не было постояннаго, органически связаннаго съ нею княжескаго рода. Въ силу ли „лѣтвичнаго восхожденія“, или для добыванія престоловъ, родъ князей нашихъ *бродилъ* по Русской землѣ. Ни одинъ князь не былъ связанъ съ своею волостію; онъ „или высматривалъ лучшаго стола“, или дожидалъ своей очереди занять старшій столъ, или просто странствовалъ по землѣ, предлагая свои услуги той волости, которая, по его мнѣнію, наиболѣе въ нихъ нуждалась. Вмѣстѣ съ тѣмъ у князя не было, такъ-сказать, волостнаго патріотизма. Онъ не старался объ увеличеніи объема волости на счетъ дру-

¹⁾ Тамъ же, стр. 48. См. указаніе на мѣста пѣсень, гдѣ говорится въ этомъ смыслѣ о князѣ Владиміръ, въ превосходномъ указателѣ, приложенномъ въ концѣ сборника Кирѣевскаго.

²⁾ Тамъ же, стр. 45.

гихъ; не имѣлъ онъ и особенной выгоды поднять ея значеніе. Онъ старался больше всего поднять личное свое значеніе, какъ удалца, богатыря. А такой удалой князь былъ уже достояніемъ цѣлой Русской земли. Ему вездѣ было хорошо. Мало того: ему даже не сидѣлось въ волости, онъ служилъ цѣлой землѣ и для служенія своего старался выбрать ту волость, гдѣ нуженъ былъ удалой князь. Такъ, Мстиславъ Мстиславовичъ неожиданно явился въ Новгородъ, предложилъ Новгородцамъ свои услуги, отслужилъ имъ нѣсколько лѣтъ и снова удалился на югъ. Слѣдовательно, раздробленіе Россіи не могло сдѣлаться феодальнымъ подобно раздробленію западной Европы. Раздробленіе это было скорѣе общиннымъ. Но и самостоятельность общинъ не могла упрочить политической самостоятельности волостей. Для самостоятельности нужно прежде всего политическое единство. Изъ разсмотрѣнія отношеній городовъ къ пригородамъ мы могли убѣдиться, что власть главнаго города не могла удержать волости отъ дальнѣйшаго раздробленія. Каждая община стремилась стать волостью, и стремленіе это было тѣмъ сильнѣе, что власть главнаго города обуславливалась его полнымъ деспотизмомъ надъ пригородами. При стремленіи общинъ къ самостоятельности, при постоянномъ противодѣйствіи ихъ деспотизму старшихъ городовъ, подчиненіе всѣхъ городовъ одному центру на *равныхъ правахъ* было единственно возможнымъ исходомъ. Словомъ, самостоятельность волостей была такого рода, что она могла привести одинаково и къ безконечному раздробленію Россіи, и къ совершенной централизаціи, при чемъ каждая община тянула бы непосредственно къ общегосударственному центру. Этимъ и разрѣшилось въ послѣдствіи противорѣчіе древняго государственнаго быта. Новгородскія волости не хотѣли тянуть къ Новгороду, но охотно потянули къ Москвѣ, на равныхъ правахъ съ Новгородомъ. Только въ такой системѣ могло быть осуществлено равенство всѣхъ русскихъ общинъ. Въ древней Россіи эта централизація обнаружилась только въ одномъ отношеніи, въ религіозномъ. Древняя Россія не имѣла политическаго единства, но за то имѣла единство духовное. Кіевскій митрополитъ былъ дѣйствительно митрополитомъ всея Руси. Духовная іерархія представляла удивительное единство сравнительно съ безформенностію свѣтской власти. Значеніе Кіева, какъ духовнаго центра Россіи, присоединялось къ его значенію старшаго и стольнаго города „святой Руси“ и усиливало послѣднее.

Постепенно сложилось и полное единство Русской земли. У г. Сергѣевича нѣтъ указаній на это постепенное движеніе нашей политиче-

ской жизни. Между тѣмъ эти указанія были бы полезны и для его догматическаго изложенія. Начатки новаго порядка могли бы, какъ нельзя лучше, оттѣнить строй древне-русской жизни, довершить характеристику его началъ. вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ могъ бы указать и на разницу аналогическихъ явленій въ два совершенно различные періода русской исторіи.

Во первыхъ, онъ не указываетъ разницы между государственными возрѣвными русскими князьями до и послѣ Андрея Боголюбскаго. Разница же эта была весьма велика. Въ древнѣйшей Россіи не было князей, тѣсно связанныхъ съ одною волостью; въ послѣдствіи они были. Каждая волость въ сѣверо-восточной Россіи постепенно дѣлается достояніемъ одной княжеской линіи. Это обстоятельство имѣло огромное вліяніе на полноту князей и на значеніе волости. Въ прежнее время князья ищутъ себѣ хорошей волости и не стараются о расширеніи той, въ которой они сидятъ, ибо они могутъ оставить ее во всякое время; послѣ они не переменяютъ волости, а стараются увеличить свою вотчину на счетъ сосѣдей. „Добываніе“ въ этомъ періодѣ имѣетъ не тотъ уже характеръ, что въ предыдущемъ. Прежде были столы и города, старшинство которыхъ было установлено народнымъ сознаніемъ и мнѣніемъ князей; Киевскій столъ считался старшимъ, независимо отъ могущества Киева; великій князь—синонимомъ Киевскому князю; Новгородскій, Переяславскій и Черниговскій князья никогда не назывались великими; напротивъ того, Новгородъ считался вотчиною великихъ князей, и въ принципѣ великій князь давалъ князя Новгороду; Новгородцы, желая получить князя, запрашиваютъ его у старшаго князя Русской земли. Въ сѣверо-восточной Россіи не было такого народнаго центра; его должна была создать дѣятельность и ловкость князей; поэтому они стремятся доставить своей волости значеніе старшей, а себѣ названіе великихъ. Понятно, что и самый титулъ великаго князя получаетъ здѣсь совершенно другое значеніе; онъ принадлежитъ здѣсь могущественному князю, князю сильной волости, а не старшему князю всей Русской земли. Такъ какъ обладаніе этимъ титуломъ стало зависѣть отъ фактическаго значенія князя, которое можно было добыть силою и ловкостью, то названіе великаго князя дается не одному, а нѣсколькимъ; являются великіе князья Тверскіе, Рязанскіе, Московскіе и другіе. Прежде былъ одинъ главный центръ Русской земли, изъ-за обладанія которымъ и боролись разные князья; позже каждый князь хочетъ сообщить такое значеніе своей волости, а потому старается умалить значеніе другихъ волостей,

чего прежде вовсе не было нужно, ибо каждая волость безъ того считала себя младшею въ сравненіи съ старшею, Кіевскою. Вслѣдствіе этого государственнымъ центромъ является не волость, за которою было бы признано это значеніе всѣми другими, а князь, который долженъ былъ сообщить свое первенствующее значеніе и той волости, которою онъ владѣетъ. Итакъ, князь добываетъ себѣ не волость, а разныя преимущества для своей волости и для себя, какъ князя ея. Такъ, Московскій князь добылъ себѣ право собранія ордынскаго выхода, право исключительнаго сношенія съ Ордой, добылъ для Москвы митрополита и тѣмъ усилилъ ея значеніе, какъ религіознаго центра, и т. д.

Далѣе, нельзя не замѣтить важнаго обстоятельства, также упущеннаго изъ виду г. Сергѣевичемъ. Въ новое время различіе между великими и другими князьями получаетъ значеніе, не сходное съ тѣмъ, какое оно имѣло въ предыдущее время, когда былъ одинъ великій князь, а всякій, кто владѣлъ другою волостью, кромѣ старшей, назывался удѣльнымъ княземъ. Всѣ князья, какъ братья, были равны между собою. Различія между линіями не существовало, ибо всѣ были „одного дѣда внуки“, то-есть, родъ былъ одинъ. Послѣ, когда обозначилось различіе между княжескими линіями, владѣвшими различными волостями, князьями удѣльными стали называться всѣ младшіе князья одной линіи, владѣвшіе разными удѣлами въ предѣлахъ одной волости. Въ каждой волости былъ свой старшій князь, и всѣ эти старшіе князья въ разныхъ волостяхъ имѣли титулъ великихъ князей. Итакъ, мы видимъ распредѣленіе княжескихъ линій по волостямъ, которыя, вслѣдствіе этого, получаютъ постоянное значеніе и нѣкоторое единство. Принимая во вниманіе это единство волости, можно сказать, что самый терминъ „удѣльный“ относится къ этому періоду нашей исторіи. Прежде, при равенствѣ всѣхъ волостей, кромѣ старшей, каждый князь былъ *волостнымъ*. Теперь князья получаютъ *удѣлы* въ волости, бывшей достояніемъ цѣлой княжеской линіи. Старшему князю давался обширный удѣлъ сравнительно съ младшими, которые, вслѣдствіе этого, были поставлены въ зависимость отъ него. Зависимость эта росла съ каждымъ поколѣніемъ и кончилась уничтоженіемъ удѣловъ. Итакъ, въ это время мы видимъ вмѣсто полного юридическаго равенства между волостями, — съ фактическими преимуществами нѣборныхъ, преимуществами, утвержденными за ними всеобщимъ признаніемъ, — нѣсколько не равныхъ волостей, неравенство коихъ создано искусственно, въ видахъ усиленія старшаго князя.

Однимъ изъ могущественныхъ средствъ провести это новое, княжеское начало, было завѣщаніе. Мы ожидали, что г. Сергѣевичъ нѣсколько больше отгѣнитъ духовныя грамоты Московскихъ князей отъ завѣщаній князей древнѣйшаго періода. А разница эта, особенно если взять (какъ это дѣлаетъ авторъ) весь княжеско-московскій періодъ вплоть до Ивана IV, громадная. Въ древній періодъ личная воля завѣщателя часто оставалась въ области желаній. „Призваніе“ и „добываніе“ легко могли совершенно измѣнить планъ завѣщателя. Напротивъ, Московскіе князья не были уже призванными князьями, а князьями наслѣдственными; съ уничтоженіемъ, или лучше сказать, съ ослабленіемъ татарскаго владычества послѣднее средство добыванія столовъ уничтожилось. Слѣдовательно, тогда завѣщанія сдѣлались проводникомъ новыхъ государственныхъ началъ и должны были завершиться торжествомъ единонаслѣдія и единодержавія.

Точно также и договоры междукняжескіе измѣнили свой характеръ. Авторъ разсматриваетъ и это явленіе на всемъ пространствѣ княжескаго періода, не разграничивая двухъ указанныхъ нами эпохъ. Вслѣдствіе того у него попадаются весьма странныя замѣчанія. Такъ, на стр. 136 и 137, авторъ говоритъ о содержаніи договоровъ слѣдующее:

„Со стороны содержанія договоры могутъ быть раздѣлены на двѣ большія группы: первую составляютъ тѣ, условія которыхъ относятся къ распредѣленію волостей между князьями; ко второй должны быть отнесены договоры, устанавливающіе политическіе союзы. Эти послѣдніе, въ свою очередь, мы подраздѣляемъ на два вида: первый составятъ такіе союзы, въ силу которыхъ не возникаетъ никакого ограниченія политической самостоятельности договаривающихся сторонъ; второй—всѣ тѣ, которыми условливается такое ограниченіе для одной изъ нихъ“.

Авторъ прежде всего приступаетъ къ разсмотрѣнію договоровъ, которыми устанавливались политическіе союзы. На чемъ основано это дѣленіе политическихъ союзовъ на два вида? Встрѣчается ли оно во всѣ періоды нашей исторіи одинаково? Конечно, нѣтъ. Договоры, имѣвшіе въ виду ограничить одну изъ договаривающихся сторонъ въ пользу другой, встрѣчаются исключительно въ позднѣйшее время княжескаго періода. Этотъ видъ договоровъ необходимо было разсмотрѣть въ связи съ указаннымъ выше различіемъ, установившимся въ сѣверо-восточной Россіи, между великими и удѣльными князьями и между различными видами великихъ князей. Стремленіе каждаго великаго князя состояло въ томъ, чтобы низвести другихъ князей, носившихъ этотъ титулъ, на степень младшихъ, а князей удѣльныхъ совершенно подчинить своей волѣ, на первый разъ по вопросамъ внѣшней политики.

Читая же повѣствованіе объ этихъ договорахъ у г. Сергѣевича, невольно спрашиваешь себя, откуда они взялись и какой цѣли удовлетворяли.

Заключимъ нашъ разборъ болѣе общими вопросами исторіи нашего права. По прочтеніи книги г. Сергѣевича читателю невольно представляется вопросъ: какимъ образомъ порядокъ, только-что изображенный авторомъ, перешелъ въ государственннй бытъ Московскаго государства? По мнѣнію автора, изъ двухъ силъ, прежде существенно необходимыхъ въ каждой волости, князя и вѣча, осталась только одна— князь. Итакъ, князь отмѣнилъ вѣче. Въ этомъ ему помогла самая жизнь (стр. 20). Но какая же жизнь? Такія выраженія требуютъ точныхъ поясненій. Выраженія „народный духъ“, „жизнь“, взятая сами по себѣ, поясняютъ все, что угодно, ибо они ровно ничего не объясняютъ. Въ историко-юридическомъ изслѣдованіи эти смутныя выраженія должны быть переведены на точный языкъ. Изъ причинъ, обусловившихъ переходъ вѣчевой Россіи въ единоподержавную, авторъ выставляетъ три: вліяніе татарскаго владычества, установленіе помѣстной связи между служилыми людьми и княземъ и объединеніе Россіи.

Намъ кажется, что первая изъ этихъ причинъ чисто внѣшняя, а двѣ остальные не самостоятельныя, а производныя. Вліяніе татарскаго владычества авторъ опредѣляетъ тѣмъ, что оно перенесло центръ русской политической жизни изъ Россіи въ Орду (стр. 21). Врядъ ли это такъ. Центръ древней Россіи, Кіевъ, утратилъ свое значеніе гораздо раньше татарскаго завоеванія; вся сила политической жизни сосредоточилась въ сѣверо-восточной Россіи. Но долгое время неизвѣстно было, какой городъ или какая волость займетъ первенствующее положеніе, принадлежавшее прежде Кіеву. Борьба городовъ съ пригородами и князей между собою длилась долго, и татарское завоеваніе застало Россію за этимъ „нерѣшеннымъ вопросомъ“. Центръ политической жизни и не былъ перенесенъ въ Орду, а постепенно выработывался въ самой Россіи. Татарское завоеваніе измѣнило только способъ и средства борьбы. Князья пользовались Ордой такъ, какъ прежде пользовались вѣчевыми партіями, но затѣмъ все зависѣло отъ ихъ ловкости и умѣнья. Московскіе князья взяли верхъ, и Москва стала политическимъ центромъ новой Россіи. Причина паденія вѣча, какъ политической силы, заключается въ самыхъ свойствахъ новаго ея центра. Свойства же эти обусловливались тѣмъ, что въ это время начало призванія совершенно измѣнило свой характеръ. Основная идея призванія уцѣлѣла и въ Московскихъ князьяхъ, въ томъ смыслѣ,

что князь былъ представителемъ государственной власти, созданной для водворенія порядка и суда. Но власть эта перестала призываться или признаваться народомъ при каждой перемѣнѣ князя. Съ усиленіемъ начала престолонаслѣдія, народное призваніе не дѣйствовало, пока былъ князь, наслѣдовавшій по праву. Оно возобновлялось только въ рѣдкихъ случаяхъ, за прекращеніемъ княжескаго рода. Такъ были „призваны“ на престолъ Борисъ Годуновъ, Шуйскій, королевичъ Владиславъ, Михайль Ѳедоровичъ. Государственная идея, зародившаяся въ первый моментъ призванія князей, какъ реакція общинному быту, достигла новой высшей степени развитія. Татарское владычество имѣло для насъ огромное значеніе въ другомъ отношеніи; оно дало новый толчекъ народному самосознанію и повело къ практическому осуществленію государственнаго единства, которое, подъ вліяніемъ вѣчеваго раздробленія, начало принимать какой-то отвлеченный характеръ.

Идея государственнаго единства передана была Москвѣ древнею Россіей; но въ древнѣйшій періодъ она имѣла мало практическаго значенія. Раздробленіе волостей ослабляло значеніе государственнаго центра. Волости воспѣвали „святую Русь“, но могли тянуть не къ русскимъ центрамъ. Вопервыхъ, князья призывались не изъ однихъ потомковъ княжескаго рода, но и изъ иноземцевъ. Это было бы еще ничего, но плохо было то, что цѣлыя волости были готовы признать чужеземное владычество и тянули то къ Полягамъ, то къ Нѣмцамъ. Мы видѣли, что въ древней Россіи единство волости обуславливалось силою главнаго города, вслѣдствіе чего не было положено никакихъ предѣловъ безостановочному ея раздробленію. Политическое единство поддерживалось развѣ тѣмъ, что князья, въ большинствѣ случаевъ, принадлежали къ одному и тому же княжескому роду. Москва сдѣлалась дѣйствительнымъ и обязательнымъ для всѣхъ центромъ, къ которому долженъ былъ тянуть всякій, кто принадлежалъ къ русскому народу. Причина этого заключается въ томъ, что связь между волостями стала поддерживаться не властью старшаго города надъ младшими (Москва была младшимъ изъ всѣхъ городовъ сѣверо-восточной Россіи), а властью Московскаго князя. Волости, присоединившіяся къ Москвѣ, подчинялись не ей, а ея князю. Этимъ установилась возможность дѣйствительнаго политическаго единства. Пока князь былъ произведеніемъ вѣча, волости подчинялись не ему, а старшему городу. Но одна община подчинялась другой только до тѣхъ поръ, пока у послѣдней было достаточно силы, чтобы подчинять, а другая была на столько слаба, что должна была подчиняться. Въ Московскій періодъ вопросъ былъ поставленъ

иначе; общины не подчинялись болѣе общинамъ, а государственной власти князя. Идея государства, какъ особаго элемента, выдѣленнаго изъ элементовъ общинныхъ, окрѣпла. Прежде „государство“ было приурочено къ каждой общинѣ; въ каждой изъ нихъ было свое государство. Теперь Русское государство было сосредоточено въ лицѣ Московскаго государя. Государи эти, обладавшіе огромнымъ политическимъ смысломъ, весьма рано умѣли поставить вопросъ такъ, что всякая волость, не тянувшая къ нимъ, въ то же время не тянула ни къ Русскому государству, ни къ Русской землѣ.

Итакъ, государство только докончило дѣло, начатое нѣкогда самими общинами, то-есть, низвело ихъ на степень административныхъ и хозяйственныхъ единицъ. Высшимъ предѣломъ этого подчиненія общинъ государству было такъ-называемое закрѣпленіе сословій. Авторъ, какъ намъ кажется, напрасно выставляетъ значеніе помѣстнаго служилаго класса, какъ главнаго орудія уничтоженія вѣчеваго быта. Московскимъ государямъ гораздо больше приходилось вести борьбу съ прежнею дружиной, чѣмъ съ общинами. Мало того: въ XVI столѣтіи государство передало въ руки общинъ важнѣйшіе административные вопросы, отъ которыхъ оно отставило служилый классъ. Община, утратившая свое значеніе въ политической сферѣ, сохранила его въ административной и хозяйственной. Негодная къ политическому самоуправленію, она оказалась весьма пригодною къ самоуправленію въ административной дѣятельности. Общины спокойно тянули возложенное на нихъ тягло и стянули Московское государство. Слѣдовательно, авторъ напрасно выставляетъ закрѣпленіе служилаго класса, какъ главное средство упроченія независимости государственной власти. Это было бы вѣрно въ томъ случаѣ, если бы государство было принуждено вести какую-нибудь борьбу съ общинами, противопоставлять *свое* начало чужому. Это вѣрно, пожалуй, по отношенію къ Новгороду и Пскову, и то только къ ближайшимъ волостямъ этихъ городовъ, а не къ другимъ, которыя издавна тянули къ Москвѣ. Въ другихъ областяхъ Россіи мы не видимъ ничего подобнаго. Всѣ элементы общества были для государства *своими*. Закрѣпленіе служилаго класса было однимъ изъ многочисленныхъ „закрѣпленій“ сословій. Далѣе, не оно было *причиною* независимости государственной власти; напротивъ того, князь подчинилъ себѣ служилыхъ людей, потому что былъ уже достаточно независимъ раньше того. А причина этой независимости лежитъ въ той же идеѣ *призванія*, постепенное развитіе которой проходитъ чрезъ всю русскую исторію, и

окончательное значеніе которой выразилось только въ Московскомъ государствѣ.

Да, только Московское государство довело до конца эту общерусскую идею! Оно специализировало ее, такъ-сказать, для Русскаго государства. Нельзя не пожалѣть, что авторъ не провелъ различія между тою эпохою, когда русская государственная жизнь почти не отличалась отъ государственнаго быта другихъ современныхъ славянскихъ племенъ. Сравнительнаго метода онъ почти не употребляетъ. Между тѣмъ такое сравненіе съ родственными намъ племенами дало бы ему возможность выставить значеніе той эпохи, когда изъ общеславянскихъ элементовъ начало складываться *Русское* государство.

Въ этой небольшой статьѣ мы не можемъ исчерпать всѣхъ вопросовъ, которые возбуждаетъ интересный трудъ г. Сергѣевича. Повторимъ здѣсь то, что уже высказано нами въ началѣ статьи. Должно сознаться, что на сколько это позволяетъ избранный имъ способъ изслѣдованія, онъ изслѣдуетъ вопросы нашего государственнаго быта глубоко и разносторонно. Если къ этой глубинѣ и разносторонности мы присоединимъ отличное знакомство съ источниками, живое изложеніе и точный языкъ, то мы дадимъ полное понятіе о качествахъ труда нашего ученаго.

А. Градовскій.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ СИНОДАЛЬНАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго правительствующаго синода. Т. I (1542 — 1721). Сиб. 1868.

Въ прошломъ году, въ февральской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* была напечатана „Замѣтка объ описаніи синодальнаго архива“, набросанная графомъ Д. А. Толстымъ. Онъ прочелъ приготовленную къ печати и представленную ему для просмотра рукопись перваго тома „Описанія документовъ и дѣлъ архива святѣйшаго правительствующаго синода“ и тогда же пожелалъ высказать печатно впечатлѣніе, которое произвело на него богатое содержаніе этого труда. Съ тѣхъ поръ прошло больше года; рукопись, о которой мы говоримъ, теперь напечатана, вышла въ свѣтъ и на глазахъ у публики; голосъ науки можетъ теперь подтвердить своимъ авторитетомъ то благосклонное сужденіе, которое высказалъ объ этомъ важномъ трудѣ первый его цѣнитель.

Первый томъ „Описанія“ синодальнаго архива есть книга, исполненная высокаго интереса. Уже сама по себѣ она проливаетъ много свѣта на исторію русской церкви; но кромѣ того, она подаетъ надежду на то, что со временемъ у насъ будетъ основательная исторія нашей церкви и за послѣдній, синодальный періодъ. Мы не безъ намѣренія сказали: *будетъ* исторія. Дѣйствительно, у насъ нѣтъ еще ея. То, что мы видимъ въ печати въ извѣстныхъ нашихъ книгахъ, названныхъ исторіей русской церкви, еще далеко не есть исторія. Не больше того и въ запискахъ или лекціяхъ преподавателей, не говоримъ — семинарій, но даже и духовныхъ академій нашихъ. Мы сами, по личному наблюденію, знаемъ, какъ тамъ читается исторія русской церкви. Пока идетъ рѣчь о древнемъ, до-петровскомъ, до-синодальномъ времени, до тѣхъ поръ умный и знающій свое дѣло историкъ — истинный хозяинъ своего дѣла; слушаешь его и живо ощущаешь, что ему есть надъ чѣмъ работать, есть матеріалъ въ его рукахъ. Но дохо-

дѣтъ онъ до учрежденія св. синода, разкажетъ, пожалуй, исторію самаго учрежденія этой высшей церковной власти въ нашемъ отечествѣ, и... долженъ остановиться. У добросовѣстнаго историка нѣтъ смѣлости читать то, чего онъ самъ не изучалъ, а не изучалъ онъ, потому что не имѣлъ надлежащаго къ тому матеріала. Правда, есть у насъ Духовный Регламентъ съ прибавленіемъ къ нему, въ Полномъ Собраніи Законовъ, многихъ Высочайшихъ указовъ относительно дѣлъ церковныхъ; есть не мало различныхъ синодальныхъ опредѣленій и распоряженій, въ разную пору обнародованныхъ для руководства подлежащимъ св. синоду лицамъ и учрежденіямъ; есть и отчеты гг. оберъ-прокуроровъ св. синода за много лѣтъ; есть и разныя отдѣльныя сочиненія и статьи, разбросанныя по разнымъ духовнымъ и свѣтскимъ журналамъ и составленныя на основаніи источниковъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ; наконецъ, найдется, можетъ-быть, и еще что-либо, годное для исторіи синодальнаго періода; но довольно ли этого для историка? Пользуясь однимъ только этимъ матеріаломъ, можетъ ли онъ быть увѣренъ въ томъ, что пишетъ правду, что исторія его полна, сужденія вѣрны, выводы основательны и никогда не могутъ быть подорваны или даже и совершенно разрушены? А гдѣ же у него самое главное для составленія его исторіи, то, безъ чего, собственно говоря, не можетъ и не должна быть составляема никакая исторія, подлинныя документы и дѣла, составленныя, опредѣленныя и рѣшенныя св. синодомъ въ разную пору? Ихъ нѣтъ, историкъ они неизвѣстны, — онъ не пользовался ими; а если такъ, то нѣтъ и исторіи, которой бы можно давать полную вѣру...

Предпринятое въ нашу пору описаніе документовъ и дѣлъ синодальнаго архива даетъ надежду на то, что настоящая, документальная исторія русской церкви за синодальный періодъ будетъ у насъ — не говоримъ — скоро; но все же начало положено, и дастъ Богъ, мало по малу дѣло пойдетъ впередъ, особенно при несомнѣнномъ сознаніи важности этого дѣла со стороны самого св. синода. По чьей инициативѣ предпринято описаніе синодальнаго архива, кто трудится надъ этимъ описаніемъ, почему именно лица, трудящіяся надъ нимъ, заботятся объ его полнотѣ и обширности, все это обстоятельно объяснено самими составителями „Описанія“ въ предисловіи къ изданной теперь книгѣ. Намъ остается только благодарить составителей „Описанія“ за то, что они не ограничились однимъ краткимъ, такъ-сказать, инвентарнымъ перечнемъ документовъ и дѣлъ, а напротивъ того, не убоившись громадности труда, взялись именно за подробное опи-

саніе. Краткое описаніе несомнѣнно скорѣе было бы составлено, и явившись въ печати, раньше дало бы намъ понятіе о богатствахъ синодальнаго архива; но за то оно было бы полезно только какъ указаніе источниковъ, хранящихся въ архивѣ св. синода; работать же по этимъ указаніямъ надъ самими источниками могли бы одни Петербургскіе ученые, отправляясь притомъ за каждою справкой въ синодъ, что и затруднительно, и не всегда удобно и даже возможно. Между тѣмъ описаніе подробное, съ изложеніемъ содержанія самихъ документовъ, даетъ возможность пользоваться синодальнымъ архивомъ всякому, занимающемуся исторіей русской церкви, гдѣ бы онъ ни находился.

Первый томъ „Описанія“ синодальнаго архива напечатанъ мѣсяца три тому назадъ; но незамѣтно, чтобъ онъ успѣлъ разойтись въ значительномъ количествѣ экземпляровъ. Мы объясняемъ это тѣмъ, что нигдѣ не было объявленій о книгѣ, да и продается она только въ синодальномъ архивѣ и въ домѣ св. синода на Литейной: въ книжныхъ магазинахъ нѣтъ ея. Тѣмъ болѣе необходимо ознакомить съ ея содержаніемъ чрезъ журнальную статью, что мы здѣсь и стараемся выполнить. Впрочемъ скажемъ сначала нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ книги.

Первый томъ „Описанія“ документовъ и дѣлъ синодальнаго архива заключаетъ въ себѣ 80 печатныхъ листовъ (въ два столбца). Здѣсь помѣщено сначала описаніе самихъ документовъ и дѣлъ (всего 766 № на 49 листахъ); затѣмъ слѣдуютъ *приложенія*, въ которыхъ помѣщены въ цѣльномъ видѣ болѣе замѣчательные изъ описанныхъ документовъ (46 приложеній на 30 листахъ); за приложеніями идетъ указатель именъ и предметовъ, встрѣчающихся въ книгѣ (на 11 листахъ), таблица, показывающая прежніе и новые № дѣлъ, хранящихся въ архивѣ, и наконецъ, общее оглавленіе книги. Уже этого краткаго обзорѣнія достаточно, чтобъ понять и оцѣнить добросовѣстные труды составителей „Описанія“; они предусмотрѣли все, что необходимо при изданіяхъ, подобныхъ этому труду. Помѣщеніе важнѣйшихъ документовъ, въ цѣльномъ ихъ составѣ, говоритъ само за себя; но нельзя не поблагодарить составителей „Описанія“ и за то, что они составили указатель именъ и предметовъ, встрѣчающихся въ книгѣ. Кому случалось пользоваться трудами, подобными „Описанію“, тотъ очень живо понимаетъ, какъ важны въ такихъ книгахъ указатели, и не премѣнно указатели полные и точные. Объ указателѣ въ нашей книгѣ мы должны сказать, что вообще онъ составленъ очень удовлетвори-

тельно, особенно въ отношеніи къ полнотѣ. Ошибки по мѣстамъ есть по ошибки въ цифрахъ могли быть дѣломъ типографіи, а другія, болѣе важныя¹⁾, составители „Описанія“, конечно, постараются исправить со временемъ. Значеніе таблицы, показывающей прежніе и новыя №№ дѣлъ, равно какъ мѣсто и время производства каждаго дѣла, хорошо объяснено самими составителями „Описанія“. Наконецъ, бумага книги отличная, изданіе тщательное, все соотвѣтствуетъ тому богатству, какое эта книга представляетъ своимъ содержаніемъ.

Изъ всѣхъ 766 №№ документовъ и дѣлъ, вошедшихъ въ составъ разбираемой книги, только 100 относятся ко времени, которое предшествуетъ учрежденію св. синода. Между ними есть и очень важныя (въ родѣ дѣла объ иконоборцѣ Тверитиновѣ); но такъ какъ ихъ сравнительно очень немного, да и попали они въ синодальный архивъ какъ бы случайно, то-есть, или вытребованы были для справокъ и тамъ остались, или взяты были для окончательнаго по нимъ рѣшенія, то мы ихъ оставляемъ. Сущность книги, долженствующую естественно и рѣзко отличать ее отъ всѣхъ тѣхъ томовъ, которые за ней послѣдуютъ, составляютъ всѣ остальные дѣла и документы, здѣсь описанные. Это — дѣла за 1721 г., то-есть, самый годъ учрежденія св. синода. Въ I томѣ „Описанія“ находится обзоръ всѣхъ дѣлъ за этотъ годъ, и потому по нимъ мы можемъ составить цѣлый историческій очеркъ дѣятельности св. синода за первый годъ его существованія, очеркъ, конечно, не полный, но и задача наша — не въ полнотѣ, а въ томъ только, чтобы чрезъ указаніе нѣкоторыхъ дѣлъ синодальнаго архива объяснить, какъ эти дѣла важны и рѣшительно необходимы для пополненія того, что мы можемъ знать по части нашей новой церковной исторіи изъ другихъ источниковъ.

I.

15-го октября 1700 года скончался всероссійскій патріархъ Адріанъ; онъ былъ по счету десятый²⁾, но послѣдствія показали, что ему приш-

¹⁾ Напримѣръ, въ указателѣ внесена личность, не только въ книгѣ не встрѣчающаяся, но вовсе и не бывшая, *Трифилій*, іеродіаконъ, протоинквизиторъ. Составитель указателя видимо сбился, принявъ за двѣ личности Трифилія, архимандрита и судью тіунской палаты, и Трифилія, названнаго на столбцѣ 102 протоинквизиторомъ. Это — одинъ и тотъ же Трифилій, архимандритъ и тіунъ; ему, а не другому какому-то іеродіакону, и дана часть одеждъ патріаршихъ. См. «Описаніе», ст. 752, 754, и въ приложеніяхъ, ст. CCCCLXXI.

²⁾ Игнатія, назначеннаго въ патріарха Лжедмитріемъ, обыкновенно въ счетъ не ставятъ.

лось быть и послѣднимъ патріархомъ нашей церкви. Дѣло назначенія ему преемника зависѣло отъ царя; но Петръ медлилъ его рѣшеніемъ; онъ поручилъ патріаршія дѣла Рязанскому митрополиту Стефану, но патріархомъ его не назвалъ и поставилъ его, какъ патріарха, не дозволивъ; митрополитъ Стефанъ названъ только экзархомъ и мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола; жалованья ему, какъ мѣстоблюстителю, было положено 5.600 руб. 23 алт. Общество недоумѣвало, что будетъ дальше; но мы думаемъ, что и самъ государь едва-ли ясно сознавалъ, чѣмъ онъ былъ намѣренъ покончить это дѣло. Есть основанія ¹⁾ предполагать, что на первыхъ порахъ Петръ хотѣлъ достигнуть только одного, именно изъять изъ распоряженія церковной власти церковныя имущества; ему казалось удобнѣе всего сдѣлать это, не назначая патріарха. Намъ кажется, что мысль объ учрежденіи св. синода или духовнаго коллегіума, какъ онъ нерѣдко назывался въ первую пору своего существованія, созрѣла и выяснилась у царя Петра только тогда, когда онъ учредилъ уже другія свѣтскія государственныя коллегіи (въ 1718 году). Какъ бы то ни было, только уже въ концѣ 1719 года началась дѣятельная работа для подготовленія св. синода; въ это время былъ составленъ соборъ, или точнѣе говоря, просто коммиссія для разсужденія объ управленіи церковью. Члены коммиссіи, согласно съ мыслью царя, признали за болѣе полезное вмѣсто единоличнаго, патріаршаго управленія учредить управленіе синодальное, принялись за составленіе правилъ, которымъ бы руководилось это управленіе, и составили *Духовный Регламентъ*. Въ „Описаніи“ есть указаніе на то, когда Духовный Регламентъ былъ читанъ въ сенатѣ и подписанъ царемъ и властями свѣтскими и духовными, когда, кѣмъ и куда онъ возимъ былъ для подписи, и какъ вообще онъ былъ данъ въ руководство тѣмъ, кому надлежало (№№ 56, 71, 82 и др.). Указъ объ учрежденіи св. синода состоялся 9-го февраля 1721 года (№ 141); черезъ четыре дня послѣдовало и самое открытіе его послѣ молебна въ Троицкомъ соборѣ, на которомъ присутствовалъ самъ государь. Въ этотъ день члены синода въ первый разъ были введены въ назначенный для нихъ домъ и имѣли въ томъ домѣ первое свое собраніе, опять въ присутствіи государя, которому и былъ поднесенъ отъ синода первый докладъ съ разными пунктами.

Въ составъ св. синода, какъ извѣстно, вошли слѣдующія лица:

¹⁾ См. Монастырскій приказъ, изслѣд. сваяц. Горчакова, стр. 121.

президентъ, два вице-президента, четыре совѣтника и столько же ассесоровъ¹⁾. Одинъ изъ ассесоровъ, іеромонахъ Варлаамъ Овсянниковъ, былъ въ то же время и оберъ-секретаремъ синода. Впрочемъ, въ томъ же году замѣнилъ его въ этой должности нѣкто Тимофей Палехинъ. Объ оберъ-прокурорѣ св. синода не упоминается ни въ одномъ дѣлѣ 1721 года.

Жалованье членамъ св. синода окончательно опредѣлено было только уже въ ноябрѣ, и вотъ какъ именно: президенту 3.000, двумъ вице-президентамъ по 2.500, совѣтникамъ по 1.000, ассессорамъ по 600 рублей. Впрочемъ ассессору Анастасію Кондонди жалованье дано было, какъ совѣтнику, 1.000 руб. „за вѣрную къ Его Императорскому Величеству будущую въ Цареградѣ приполномочномъ послѣ господинѣ Толстомъ службу“ (№ 151). Нельзя не замѣтить, что дѣло о жалованьи синодальнымъ членамъ обошлось не безъ хлопотъ своего рода; онѣ произошли отъ того, что у членовъ оспаривали-было право полученія жалованья съ самаго начала 1721 года, и вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣли, чтобъ изъ положенной каждому цифры вычитались тѣ доходы, какіе кто получалъ изъ другихъ мѣстъ своей службы, архіереи — изъ епархій, архимандриты — съ своихъ монастырей и т. д. Дѣло было такое серьезное, что члены синода были вынуждены писать отъ себя особую „ремонтрацію“, въ которой изложили свои основанія и на то, почему они взяли себѣ жалованье не со дня открытія синода (14-го февраля), а съ самаго начала 1721 года, равно какъ и на то, почему изъ положеннаго имъ жалованья не слѣдуетъ вычитать доходы, получаемые ими изъ другихъ источниковъ. „Ремонтрація“ есть (№ 137) документъ весьма замѣчательный и по свѣдѣніямъ для исторіи открытія св. синода, и по неопровержимой основательности, съ какою онъ составленъ.

Особенныхъ правъ и преимуществъ, разумѣется, кромѣ чести и старѣйшинства предъ лицами, одинаковыми по сану, членамъ синода

¹⁾ Президентъ — Стефанъ, митрополитъ Рязанскій; вице-президенты: Феодосій Новгородскій и Феоданъ (Прокоповичъ) Псковскій; совѣтники — архимандриты Симоновскій Петръ, Ипатскій Гавріилъ, Новоспасскій Іероеи и Петровскій Леонидъ; ассессоры — іерей Грекъ Анастасій Кондонди, который, заимѣя къ слову, и подписывался большею частію по гречески, Троицкій протопопъ Іоаннъ, Петропавловскій Петръ и іеромонахъ Варлаамъ Овсянниковъ. Свѣтскія лица (въ родѣ кабинетъ-секретаря Макарова) въ сообщеніяхъ и вообще въ разныхъ дѣлахъ, до синода касающихся, относились къ оберъ-секретарю іеромонаху Овсяникову точно также, какъ стали потомъ относиться къ синодальному оберъ-прокурору (№ 138).

не было предоставлено. Исключеніе въ этомъ случаѣ было сдѣлано только для членовъ синода изъ архимандритовъ. Указомъ 22-го февраля было повелѣно, чтобы монастыри такихъ архимандритовъ были изъяты изъ подчиненія монастырскому приказу, равно какъ и епархіальному начальству, а завѣдѣли бы непосредственно отъ синода (№ 481). Этою мѣрою надѣялись устранить столкновение членовъ-архимандритовъ съ властями, отъ синода зависящими и въ то же время стоящими выше архимандритовъ. Когда же архимандритъ переставалъ быть членомъ синода, онъ лишался этого преимущества.

Мѣстомъ для собраній членовъ синода были отведены каменные палаты князя Матвѣя Гагарина и посадскаго человѣка Бѣлоглазова. Палаты эти были отданы въ собственность синода; но потому ли что онѣ были уже ветхи, или вообще не годились для синода по расположенію комнатъ, только на содержаніе и ремонтъ ихъ потребовались большія издержки: въ „Описаніи“ разбросано много извѣстій о томъ, какъ зданіе синода мало по малу устроилось и украшалось, кто былъ архитекторомъ (Трезинъ или Дрезинъ, иностранецъ), какія комнаты были подѣланы въ синодѣ, какіе въ этихъ комнатахъ были обои, по чемъ они покупались, какія были чернильницы, чего онѣ стоили, и прочее.

О мѣстѣ для жительства членовъ синода было особое дѣло. Президентъ и два вице-президента устроились въ Петербургѣ еще до открытія синода, такъ какъ они уже тогда жили здѣсь. Но совѣтники и ассессоры, вызванные собственно на новыя для нихъ должности, не имѣли для себя готовыхъ помѣщеній; о нихъ нужно было позаботиться. Изъ дѣла № 101 видно, что эти лица сначала сами были обязаны построить на Васильевскомъ Островѣ каждый для себя свой особый домъ; но это было трудно для нихъ, по крайней мѣрѣ на первую пору они отъ этого отказались. Въ послѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно выстроили для себя собственные помѣщенія, но другіе получили квартирные деньги или заняли квартиры въ самомъ синодѣ (№ 243).

На засѣданія члены синода обязаны были являться непременно три раза въ недѣлю, въ понедѣльникъ, среду и пятницу. „А изъ совѣтниковъ одному и ассессорамъ двумъ человѣкамъ пріѣзжать во вся седмичные дни, и въ томъ имѣть между собою очередь понедѣльную“. Этотъ порядокъ сохранился и до настоящаго времени.

Если образованіе синодальнаго присутствія стоило небольшого труда, то никакъ нельзя сказать того же и о канцеляріи синода:

это дѣло было соединено съ большими хлопотами и даже непріятностями для синода. Это первый пунктъ, на которомъ синодъ столкнулся съ сенатомъ, такъ что самъ царь долженъ былъ принимать участіе въ ихъ распрѣ. Мы замѣтили выше, что въ день открытія св. синода, послѣ молебна въ Троицкомъ соборѣ, было первое засѣданіе членовъ синода въ присутствіи государя, которому въ то время былъ поданъ первый синодскій докладъ. Одинъ изъ пунктовъ этого доклада относился именно до синодальной канцеляріи; тутъ были поименованы и самыя чиновники, которыхъ синодъ хотѣлъ бы взять къ себѣ на службу. Государь утвердилъ этотъ докладъ. Повидному, и конецъ дѣлу; но вышло иначе. Когда синодъ послалъ за назначенными имъ и утвержденными государемъ чиновниками, сенатъ, распоряжавшійся всѣми чиновниками гражданскаго вѣдомства, позволилъ себѣ, даже вопреки резолюціи государя, ограничить права синода, давъ знать ему, что онъ можетъ брать чиновниковъ только изъ монастырскаго и патриаршихъ духовнаго, казеннаго и дворцоваго приказовъ, а также дяковъ и подъячихъ архіерейскихъ домовъ и знатныхъ монастырей или, пожалуй, и изъ гражданскаго вѣдомства чиновниковъ, но только такихъ, которые „не у дѣла“, но отнюдь не имѣетъ права брать чиновниковъ, занятыхъ въ коллегіяхъ и другихъ мѣстахъ. Нельзя не признать справедливости сената въ этомъ дѣлѣ, но синодъ оскорбился сенатскимъ замѣчаніемъ и обратился къ государю съ жалобою о томъ, что „въ сенатѣ происходитъ ко сторонѣ правительства духовнаго противность“. Такъ какъ государь въ эту пору былъ въ Ригѣ, то синодъ послалъ туда свою жалобу съ своимъ переводчикомъ Розенблютомъ, наказавъ посланному, чтобы въ Ригѣ онъ обратился къ кабинетъ-секретарю Макарову и просилъ его не замедлить докладомъ этого дѣла государю. Розенблютъ пріѣхалъ въ Ригу. Макаровъ доложилъ государю дѣло синода; послѣдовала монаршая резолюція, но для синода не совсѣмъ благопріятная; по крайней мѣрѣ, относительно дѣла о чиновникахъ (докладывались и другія дѣла) государь прежнюю свою резолюцію теперь ограничилъ, согласно съ опредѣленіемъ сената: „тѣхъ чиновниковъ, — написавъ государь, — которые ни въ сенатѣ, ни въ коллегіяхъ, ни у другихъ дѣлъ, таковыхъ безъ спору отдать въ синодъ духовный“. Дѣлать было нечего; нужно было набирать чиновниковъ, откуда случится. Стали набирать; послали за чиновниками солдатъ Преображенскаго полка, но чиновники не шли или бѣжали съ дороги и скрывались; солдаты возвращались съ пустыми руками, растративъ въ добавокъ синодскія

деньги безъ успѣха. Не хотѣли идти на службу въ синодъ чиновники даже изъ тѣхъ учреждений, которыя находились подъ его вѣдѣніемъ, такъ что синодъ былъ принужденъ прибѣгнуть даже къ угрозамъ, страшая непокорныхъ вѣчною работою на галерахъ, а на сенатъ снова жаловался государю, говоря, что онъ не помогаетъ синоду въ дѣлѣ высылки чиновниковъ для синодальной канцеляріи. Вслѣдствіе этой жалобы даны были новыя предписанія сенату, воеводамъ и камерирамъ, чтобъ они помогли синоду, и наконецъ, уже кое-какъ составила синодальная канцелярія большею частію изъ подъячихъ и дьяковъ бывшаго патриаршаго духовнаго приказа (№ 104 и 118). Штатъ этой канцеляріи составляли въ ту пору два секретаря, переводчикъ, нотаріусъ, регистраторъ, одиннадцать канцеляристовъ, восемь подканцеляристовъ и четырнадцать копистовъ. Жалованье производилось имъ и деньгами, и натурой, разнымъ хлѣбомъ, солью и т. п. Выдавалось оно по третямъ: секретарямъ по 142 р. въ треть, переводчику 100, нотаріусу 72, регистраторамъ и канцеляристамъ по столько же, подканцеляристамъ по 48 руб., копистамъ по 20 р. 22 алт. За хлѣбъ, соль и мясо выдавались тоже большею частію деньги, за четверть ржаной муки 2 р. 5 алт., за четверть овса 1 р. 20 алт. и т. д. Кромѣ чиновниковъ были еще при синодѣ исполнители, пристава и низшіе служители для черныхъ работъ съ жалованьемъ, частью деньгами, но больше натурой (сержанты, капралы, солдаты перваго и втораго оклада). Къ синоду же причислены были и пѣвчіе, которые въ одно и то же время были и государевыми; на первый разъ они были вызваны изъ Москвы, „патріаршіе бывшіе“, 32 человѣка. Синодъ спрашивалъ государя: какъ именоваться этимъ пѣвчимъ? Государь написалъ: „пѣвчіе соборной церкви“ и прибавилъ: „Кромѣ великихъ праздниковъ мнѣ нужды въ нихъ нѣтъ“. Поэтому синодъ обязалъ ихъ служить еще при немъ вмѣсто подъячихъ для письма (№ 169).

Съ устройствомъ своей канцеляріи св. синодъ естественно получилъ большіе возможности выполнять возложенныя на него многостороннія обязанности.

II.

Новому учрежденію необходимо было прежде всего, такъ-сказать, раздѣлаться и порѣшиться съ прежнимъ, вмѣсто котораго оно образовалось. Св. синодъ замѣнилъ собою патриарха; но патриаршая власть была власть единоличная, а св. синодъ — учрежденіе коллегіальное. Уже это одно требовало разныхъ, болѣе или менѣе важныхъ пере-

мѣнъ въ церковныхъ дѣлахъ. Замѣна имени патріарха новымъ наименованіемъ: „Святѣйшій правительствующій синодъ“ въ молитвахъ церковныхъ и во всѣхъ служебныхъ отправленияхъ естественно стала здѣсь на первомъ мѣстѣ. На этотъ предметъ было обращено вниманіе немедленно по открытіи синода, или точнѣе говоря, вмѣстѣ съ его открытіемъ; это былъ первый докладный пунктъ, представленный государю отъ синода и утвержденный имъ послѣ молебна въ Троицкомъ соборѣ. Относительно этого предмета св. синодъ спрашивалъ государя: „Въ церковныхъ служеніяхъ, гдѣ было патріаршее имя возносимо, вмѣсто онаго правительствующаго духовнаго собранія наименованіе подобаетъ ли возносить по нижеложенной формѣ: *«О святѣйшемъ правительствующемъ собраніи, честиѣмъ пресвитерствѣ и прочая»*. И сей титулъ: „Святѣйшій“, присовокуляли члены духовной коллегіи, никому же партикулярно присвоится, но токмо всецѣлому собранію“. Противъ этого пункта государь написалъ: *„о святѣйшемъ синодѣ или о св. правительствующемъ синодѣ“*. Какъ извѣстно, послѣдняя форма принята и существуетъ до сихъ поръ. О причинахъ замѣны имени патріарха наименованіемъ св. правительствующаго синода напечатано „нарочитое извѣстіе для народа“, которое немедленно и разослано въ числѣ тысячи экземпляровъ, а въ сенатъ дано о семъ вѣдѣніе. Тѣмъ все дѣло само по себѣ и порѣшилось. Но оно естественно подало поводъ къ другому дѣлу: „о возношеніи имени восточныхъ патріарховъ при богослуженіи“. Въ тотъ разъ, когда рѣшалось дѣло о возношеніи наименованія св. синода вмѣсто имени патріарха, о возношеніи имени восточныхъ патріарховъ только совѣщались, такъ-сказать, частнымъ образомъ: „между иѣкѣими былъ разговоръ, и иніи приговорили, иніи же отрицали“. Болѣе сильнымъ, да между членами синода едва-ли и не единственнымъ поборникомъ за возношеніе имени патріарховъ былъ самъ президентъ, митрополитъ Стефанъ. Словесными толками объ этомъ предметѣ онъ не ограничился и 9-го іюня подалъ св. синоду собственноручно писанное имъ изложеніе своихъ мыслей объ этомъ предметѣ, въ видѣ отдѣльнаго мнѣнія. Изложеніе это очень хорошо характеризуетъ кроткую душу Стефана, и потому мы позволимъ себѣ привести его здѣсь вполнѣ. Вотъ оно:

„Пресвященнѣйшіе іерархи, и прочіи отцы святіи и братія! Понеже вольный голосъ должны имѣти всѣ чины коллегіи по уставу, то дайте и мнѣ вольный голосъ, который таковъ естъ: мнѣ видится, что въ эктевіяхъ и возношеніяхъ церковныхъ явственныхъ мощио обоя вмѣстѣти, напримѣръ такъ: о святѣйшихъ православныхъ патріархахъ и о святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ мироу Господу помолимся. Или: святѣйшія православныя па-

тріархи и святѣйшій правительствующій синодъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ. Какой въ томъ грѣхъ? Какой убытокъ славы и чести святѣйшему російскому синоду? Кое безмѣстіе и непристойность? Паче же Богу пріятно и народу весьма угодно было бы.... А что помѣта монаршеская написана на первыхъ пунктахъ доношенія (доклада, о которомъ мы выше упомянули): *о святѣйшемъ синодѣ или о святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ*, отъ сего то только дается знать, како нарицатися имать коллегіумъ духовный въ молитвѣ, а объ оставкѣ патріарховъ отъ возношенія ничто же не измѣняется“.

Синодъ принялъ, конечно, мнѣніе своего президента къ обсужденію, и такъ какъ это мнѣніе было формально представлено, то и отвѣтъ нужно было дать также по формѣ и вообще порѣшить это дѣло разъ на всегда. Для этого одинъ изъ членовъ синода (Оеофанъ Псковскій) составилъ пространную записку, въ которой разными доводами доказывалъ неумѣстность („безмѣстіе“) возношенія имени восточныхъ патріарховъ при нашемъ церковномъ богослуженіи. Записка эта принята и подписана всѣми другими членами, исключая, конечно, самого Стефана, и въ томъ же мѣсяцѣ (іюнѣ) состоялось синодское „опредѣленіе о мнѣніи синодскаго президента касательно возношенія имени патріаршаго, чего ради оное въ російскихъ церквахъ оставлено“. Митрополиту Стефану былъ посланъ объ этомъ указъ, а въ сенатъ дано знать вѣдѣніемъ. „Объявленіе св. синода о причинахъ, по которымъ оставлено возношеніе имени патріаршаго въ церковныхъ служеніяхъ“ напечатано въ „Описаніи“ вполнѣ въ ряду приложений (XXIV), и прекрасно, потому что это — документъ весьма замѣчательный, особенно по его литературной и ученой отдѣлкѣ, такъ характеризующей его составителя, Оеофана Прокоповича, хотя тонъ, съ которымъ документъ написанъ, вовсе не въ пользу автора; это прямая и рѣзкая противоположность изложенію мыслей о томъ же предметѣ митрополита Стефана: „Объявленіе“ Оеофана на столько же дышетъ гордостью и высокоуміемъ, на сколько Стефаново изложеніе говоритъ о его архипастырской кротости. Замѣчательно, что Оеофанъ Прокоповичъ въ возношеніи имени восточныхъ патріарховъ на нашихъ русскихъ богослуженіяхъ видѣлъ униженіе нашей церкви предъ восточною, тогда какъ Стефанъ Яворскій, наоборотъ, желалъ этого возношенія, какъ болѣе осязательнаго доказательства братской, христіанской любви между церквами.

Вслѣдъ за рѣшеніемъ этого вопроса пужно было позаботиться и объ исправленіи тѣхъ богослужебныхъ книгъ, гдѣ особенно часто встрѣчалось имя патріарха, тѣмъ больше тѣхъ книгъ, въ которыхъ

были положены тѣ или другія дѣйствія, свойственныя патриарху. Главная изъ такихъ книгъ — Служебникъ и простой священническій, а особенно архіерейскій Чиновникъ. Случилось такъ, что на первыхъ же порахъ св. синоду открылся и поводъ озаботиться исправленіемъ Служебника. Въ февралѣ 1721 г. былъ назначенъ въ Китай, „для проповѣди слова Божія и размноженія ради православныя восточнаго благочестія вѣры“, Александровскаго монастыря іеромонахъ Иннокентій Кульчицкій, который, предъ отправленіемъ по назначенію, былъ рукоположенъ во епископа. Какъ епископу, ему нужны были и одежды епископскія, и книги богослужебныя. Хотя и съ большимъ трудомъ, но одежды онъ все таки отыскалъ въ Москвѣ; недоставало только нѣкоторыхъ книгъ и особенно Чиновника или Служебника архіерейскаго. Преосвященный Иннокентій былъ готовъ купить для себя Служебникъ, но и купить было негдѣ. У преосвященнаго митрополита Коломенскаго было два Служебника, одинъ греческій, по которому онъ самъ служилъ, и другой русскій, но онъ „ни давалъ, ни продавалъ“. Былъ еще дѣйствительно свободный Служебникъ въ патриаршей ризницѣ; но свѣтскія власти, завѣдывавшія ризницею ¹⁾, „судьи надворные“, рѣшительно отказывали въ немъ. Въ этой крайности Иннокентій обратился съ просьбою въ синодъ, который и приказалъ выдать ему Чиновникъ изъ патриаршей ризницы, „обравъ съ него, ежели онъ оправленъ золотомъ или серебромъ, оправу для хранения въ ризницѣ“. Чтобъ и на будущее время не было такой же нужды въ экземплярахъ Служебника, св. синодъ въ то же время послалъ указъ Московской типографіи справщику Федору Поликарпову, да дяку Ивану Гаментову напечатать „Чиновниковъ сто и больше... а при печатаніи, идъ въ прежнихъ было напечатано имя патриарше, всестъ святыйшій правительствующій синодъ“. Получивъ указъ св. синода, Поликарповъ не приступилъ однако же къ печатанію Чиновниковъ, а обратился къ синоду съ запросомъ: гдѣ, какъ и что именно исправить въ Служебникѣ; „а безъ вашего собственно соборнаго подписанія, писалъ Поликарповъ, мнѣ единому, простолюдну, толь великаго тайноводственнаго сего дѣла касатися гловное бѣдство“. Нужно было бы выписать цѣлое дѣло, чтобы познакомить съ вопросами, поставленными Поликарповымъ въ этомъ случаѣ. Мы замѣтимъ только одно, что вопросы эти были дѣйствительно важныя, и не справщику типографскому было рѣшать ихъ, какими бы правами ни пользовался

¹⁾ Князь Василій Одоевскій и помощники его Иванъ Плещеевъ и Аванасій Саведовъ.

Поликарповъ. Св. синодъ созналъ важность и справедливость дѣла, пересмотрѣлъ Чинovníкъ и черезъ мѣсяць (26-го іюля, № 410) послалъ Поликарпову новый указъ, въ которомъ подробнѣе и точнѣе обозначилъ всѣ исправленія, какія слѣдуетъ сдѣлать въ Чинovníкѣ¹⁾.

Еще важнымъ предметомъ, заняться которымъ синодъ долженъ былъ вскорѣ по своемъ учрежденіи, послужилъ *порядокъ избранія, нареченія и рукоположенія во епископовъ* (№ 633). Мы изложимъ это дѣло по возможности подробно потому именно, что здѣсь представляется случай сообщить свѣдѣнія объ избраніи и нареченіи епископовъ въ періодъ патріаршій, еще, сколько мы знаемъ, не изложенныя обстоятельно въ нашей церковно-исторической литературѣ.

Избраніе во епископа во времена патріарховъ производилось соборомъ епископовъ, которые назначали отъ себя трехъ кандидатовъ; одного изъ нихъ патріархъ утверждалъ, и потомъ извѣщался объ этомъ царь. Вотъ какъ именно это дѣлалось. Когда нужно было избрать епископа на вдовствующую кафедру, патріархъ извѣщалъ объ этомъ „всѣхъ сущихъ подъ нимъ“ епископовъ, приглашая ихъ прибыть въ Москву. Получивъ приглашеніе патріарха, всѣ ближайшіе архіереи и тѣ, которымъ ничто не препятствовало, являлись въ Москву лично. Кто не могъ прибыть самъ, по отдаленности ли епархіи, или по другой уважительной причинѣ, тотъ извѣщалъ объ этомъ патріарха и соборъ писаніемъ, въ которомъ объяснялъ причины, удерживавшія его въ епархіи, и указывалъ, кого онъ въ своей епархіи имѣетъ въ виду „довольна суща на таковое достоинство“. Принятіе участія въ избраніи новаго епископа составляло священную и непремѣнную обязанность каждаго епископа, такъ что ослушникамъ за намѣренное, безпричинное противленіе патріаршему призыву на это дѣло угрожалось лишеніемъ сана: „Таковаго божественная пра-

¹⁾ Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое замѣчаніе для составителей «Описанія», а именно: они не постарались, какъ бы слѣдовало, сводить всѣ однородныя дѣла, чрезъ взаимное указаніе ихъ. Случается такъ, что дѣло, начатое въ одинъ мѣсяць, продолжалось послѣ и кончилось нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Связь между дѣлами самая тѣсная, а составители описанія не дѣлаютъ ссылки при одномъ такомъ дѣлѣ на другое или дѣлаютъ, но не вездѣ. Такъ вышло и въ дѣлѣ объ исправленіи Служебника. Въ заключеніи дѣла № 258 сказано: рѣшенія въ дѣлѣ нѣтъ. Правда. Но дѣло № 410 есть прямое слѣдствіе дѣла № 258; прямо видно, что синодъ здѣсь (№ 410) отвѣчаетъ на запросы Поликарпова. Очевидно, что составителямъ «Описанія» слѣдовало бы сдѣлать взаимныя ссылки этихъ дѣлъ; то же замѣчали мы и въ нѣкоторыхъ другихъ дѣлахъ.

вила и законы Божія Церкви чужда и обнажена архіерейскія чести и сана сотворяють и архіерейскаго числа и причта изгнанъ да будетъ, понеже самъ отлучился отъ нихъ". Въ назначенный день патріархъ призывалъ къ себѣ всѣхъ собравшихся въ Москву архіереевъ, и объявивъ имъ о дѣлѣ собранія, самъ удалялся во внутреннія палаты. Епископы шли въ особое мѣсто или въ церковный придѣлъ, въ сопровожденіи хартофилакса или какого-нибудь изъ сановныхъ патріаршихъ клириковъ. Здѣсь старѣйшій изъ архіереевъ, возложивъ на себя епитрахиль и поклавъ св. иконы и архіереевъ, стоявшихъ по правую и по лѣвую стороны, совершалъ краткую литію, состоящую изъ тропаря и кондака Пятидесятницы и ектеніи, на которую отвѣчали архіереи. Послѣ отпуста начиналось избраніе. Каждый изъ присутствовавшихъ архіереевъ, начиная со старшаго, объявлялъ, кого онъ въ своей епархіи находитъ достойнымъ епископскаго сана. При избраніи дозволялось присутствовать только хартофилаксу и повѣренному писцу изъ клириковъ, „иному же ни кому же не быти тамо, ниже близь гдѣ, да не услышитъ глаголемыхъ". Изъ всѣхъ названныхъ епископами кандидатовъ избирались три „лучшіе“, и имена ихъ тутъ же вносились въ актъ избранія, имѣвшій опредѣленный образецъ; этотъ актъ, подписанный епископами и запечатанный, отдавался хартофилаксу для врученія патріарху. Собраніе расходилось. Патріархъ, получивъ запечатанный свитокъ, удалялся въ свою моленную и тамъ, послѣ довольной и слезной молитвы, распечатывалъ его, выбиралъ и утверждалъ изъ трехъ названныхъ кандидатовъ одного, кого хотѣлъ. На утро или въ какой-либо другой день патріархъ со всѣми епископами шелъ къ благочестивому царю „ради *возвышенія* о избранномъ". Такъ производилось избраніе во епископа по чину патріаршему. Новоучрежденный св. синодъ значительно сократилъ подробности этого дѣла. Такъ какъ члены синода въ существѣ своемъ были представителями всей русской церкви, то этимъ уже сама собою устранялась нужда приглашать епископовъ на избраніе новаго епископа. Въ первый же день своего существованія св. синодъ опредѣлилъ: избирать во епископовъ членамъ синода въ полномъ собраніи „черезъ мѣншія“, которыя каждый членъ заявляетъ письменно, свидѣтельствуя свое мнѣніе подписью; вмѣсто трехъ кандидатовъ избирать двухъ¹⁾ и *утвержденіе* одного изъ нихъ предоставлять высочайшей власти. Само собою разумѣется, что объ обрядовой сторонѣ избранія, какъ это было при

¹⁾ Почему двухъ, не сказано; но въ настоящее время, замѣтимъ, опять уже избираются большею частью трое. Впрочемъ это строго никогда не соблюдалось.

патріархахъ, теперь не могло быть и рѣчи. Стоитъ замѣтить, что президентъ синода, митрополитъ Стефанъ, высказывалъ свое особое мнѣніе и въ этомъ дѣлѣ, правда, не нарочно, не въ форменномъ заявленіи, а такъ-сказать, частнымъ образомъ, къ случаю. Въ концѣ 1721 года сдѣлалась вакантною митрополія Киевская. Св. синодъ избралъ четырехъ кандидатовъ на эту кафедру¹⁾; но митрополитъ Стефанъ предложилъ съ своей стороны въ кандидаты еще одного, синодальнаго вице-президента Феофана Проконовича. Высказавъ причины, почему онъ именно того сильно желалъ, Стефанъ прибавилъ: „Добре бы, чтобы изъ синода брали и на нынѣ вдовствующія престола, дабы синодъ былъ аки *seminarium* архіереевъ, а на то мѣсто пнѣхъ набирати“ (ст. CCCCLXXIX). Какъ частнымъ образомъ высказанное, мнѣніе это не вызвало и формальнаго опредѣленія; но замѣтно, что оно было принято къ свѣдѣнію и даже исполненію, потому что почти всѣ члены синода-архимандриты со временемъ были назначены въ епископы. Это было и полезно для той поры, потому именно, что члены синода лучше другихъ понимали нововводимые порядки, и стало-быть, скорѣе и лучше могли ввести эти порядки въ епархіяхъ, чтò въ ту пору было далеко не излишне, при сбивчивости отношеній между провинціальными властями свѣтскими и духовными.

За избраніемъ кандидата на епископскій престолъ, по чину патріаршему, слѣдовало „*благочестіе избранному и цѣлованіе*“ его. На это полагалось два особые дня. Въ назначенный патріархомъ день избранный въ полномъ облаченіи ожидалъ благовѣстія въ одной изъ Московскихъ церквей, по указанію патріарха, кромѣ соборной. Съ благовѣстіемъ посылался соборный ключарь, въ сопровожденіи другихъ духовныхъ лицъ. Когда ключарь входилъ въ церковь, избранный, стоя предъ престоломъ, совершалъ уже извѣстную намъ литію, послѣ отпуста которой выходилъ немного изъ алтаря и становился лицомъ къ западу, сложивъ крестообразно руки подъ фелонью и немного наклонивъ голову. Тогда ключарь съ амвона, обращаясь къ нему, говорилъ: „Великій господинъ нашъ святѣйшій киръ, имярекъ, патріархъ Московскій и всея Россіи и еже о немъ божественный и священныи

¹⁾ Въ дѣлѣ № 754 перечислены эти кандидаты съ краткимъ описаніемъ происхожденія ихъ, образованія и служебной дѣятельности и съ засвидѣтельствованіемъ о безпорочности и доброжелательствѣ. Тутъ же, вслѣдъ за кандидатами въ Киевъ, перечислены кандидаты и въ Иркутскъ, на тамошнюю кафедру, тоже съ краткимъ формуляромъ каждаго. Въ числѣ кандидатовъ въ Иркутскъ поставленъ былъ Софроній Лихудъ.

соборъ призываютъ твою святыню на епископію Богоспасаемыхъ градовъ, имярекъ". Избранный отвѣчалъ, что онъ „благодарить, пріемлетъ и ни мало вопреки глаголетъ“ и кланялся „до полу“; затѣмъ, разоблачившись, онъ возвращался домой, въ сопровожденіи протопопа и протодіакона и „съ пламенниками“. Послѣ этого въ назначенный день патріархъ снова собиралъ всѣхъ наличныхъ архіереевъ въ церковномъ притворѣ или катихуменѣ, или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, для такъ-названнаго въ чинѣ *цѣлованія*. Когда всѣ святители въ мантіяхъ возсѣдутъ на свои мѣста, хартофилаксъ или архидіаконъ вводитъ избраннаго и нареченнаго въ собраніе и поставлялъ его „на концѣ архіерейскихъ сѣдалицъ во среди“. Послѣ троекратнаго, по мѣрѣ приближенія къ патріарху, поклона „до полу“, избранный цѣловалъ святѣйшаго въ десную ланиту, въ десную руку, которая лежала простертою на колѣнѣ и въ десное колѣно, затѣмъ цѣловалъ другихъ архіереевъ и садился на особомъ „стольцѣ“, ниже архіереевъ. Одинъ изъ діаконѣвъ, принявъ благословеніе отъ патріарха, кадилъ св. иконы и всѣхъ присутствующихъ. Въ это время пѣвчіе пѣли многолѣтіе царю и патріарху. По окончаніи многолѣтія, патріархъ, посидѣвъ немного съ повонареченнымъ, вставалъ, осѣнялъ животворящимъ крестомъ, окроплялъ св. водою, и архіереи расходились до дня „рукоположенія“. Эти два дѣйствія, „благословіе и цѣлованіе“, почти въ совершенной цѣлости сохранены и св. синодомъ. Разница только въ томъ, что положено совершать ихъ не въ два, а въ одинъ разъ, и названы они однимъ словомъ: *нареченіе*, которое опредѣлено производить въ собраніи синода. Значительно измѣнена еще при этомъ самая форма объявленія избранному объ его избраніи; по патріаршему чину это избраніе объявлялось отъ имени патріарха и собора епископовъ, а о царѣ не упоминалось; въ чинѣ синодальномъ первымъ поставленъ государь, а за нимъ уже синодъ¹⁾.

Наконецъ, третій и послѣдній актъ поставленія во епископа—*рукоположеніе*. Здѣсь сдѣланы св. синодомъ болѣе замѣтныя перемѣны.

а) Есть перемѣны въ тѣхъ дѣйствіяхъ, какими этотъ актъ начинался. При патріархахъ рукоположеніе во епископовъ производилось въ

¹⁾ Вотъ эта форма по «чину», напечатанному отъ синода въ первый разъ въ 1725 году. «Честный отецъ архимандритъ или іеромонахъ! Всепресвѣтѣйшій и Великодержавнѣйшій Государь Петръ Великій, отецъ отечества, Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій, имяннымъ своего Величества указомъ повелѣваетъ и святѣйшій правительствующій синодъ призываетъ вашу святыню во епископы Богоспасаемыхъ градовъ, имярекъ».

Успенскомъ соборѣ, въ которомъ для этого напередъ дѣлались нѣкоторыя приготовленія, напримѣръ, особыя мѣста для патріарха, для архіереевъ и для царя, который при этомъ обыкновенно присутствовалъ или, по крайней мѣрѣ, по чину, предполагался присутствующимъ. Царское и патріаршее мѣста устроивались на особой „восходницѣ“ (о 12-ти ступеняхъ) и покрывались: первое червчатымъ сукномъ, а второе — лазоревымъ или зеленымъ; царское мѣсто находилось на правой сторонѣ восходницы, а патріаршее на лѣвой. Ниже этихъ мѣстъ стояли по правую и по лѣвую стороны „скамьи“ для митрополитовъ (о 8-и ступеняхъ), архіереевъ (о 6-и) и епископовъ (о 4-хъ). Архіерей ожидали выхода патріаршаго въ Крестовой палатѣ. Приказавъ привести новонареченнаго епископа въ соборный придѣлъ Дмитрія Селунскаго, патріархъ шелъ въ Успенскій соборъ, въ предшествіи уподіаконовъ, пѣвчихъ и свѣщеносца „съ горящею лампадою“, въ сопровожденіи архіереевъ и всего клира. При входѣ встрѣчали его діаконъ „съ кадилью“. Онъ облачался на своемъ возвышеніи, а архіерей въ алтарѣ; облачившись, они ожидали прибытія государя. При входѣ царя патріархъ осѣнялъ его животворящимъ крестомъ, окроплялъ св. водою самого благочестиваго царя и его царскій вѣнецъ, и благословилъ рукою, вопрошалъ его о его царскомъ здоровьи. Когда затѣмъ царь и патріархъ садились на свои мѣста, изъ алтаря выходили архіерей, и поклонившись государю по дважды и патріарху по разу, также занимали каждый свое мѣсто. Послѣ того архидіаконъ и протодіаконъ выводили изъ придѣльнаго алтаря новонареченнаго и поставляли его на концѣ орла, на которомъ онъ долженъ произнести торжественное исповѣданіе вѣри, прежде начатія литургии. Само собою разумѣется, что съ отмѣною патріаршества всѣ эти дѣйствія, предшествующія рукоположенію, какъ лично относящіяся до патріарха, нужно было отмѣнить. Впрочемъ „восходницы“, то-есть, особыя возвышенныя мѣста для архіереевъ, на первую пору оставались, и въ чинѣ 1725 года онѣ упоминаются, какъ еще не отмѣненныя. Теперь ихъ нѣтъ; но когда именно отмѣнены, намъ неизвѣстно.

б) Сдѣлана перемѣна въ *лицахъ*, которыя должны выводить новонареченнаго изъ алтаря: тотъ же протодіаконъ, но съ нимъ не архидіаконъ, а протопресвитерь. Такъ и до нынѣ.

в) Измѣнены нѣкоторыя *слова* и выраженія; вмѣсто „Божественная благодать проручествуетъ тебя *іерея* имярекъ...“ положено писать: „проручествуетъ ты боголюбивѣйшаго *архимандрита* или *іеромонаха* имярекъ“. Эта перемѣна *іерея* на *архимандрита* или *іеромонаха*, по-

вторяемая и въ другихъ мѣстахъ чина, на нашъ взглядъ, можетъ навести историка на разные размышленія, если не о томъ, что прежде у насъ поставляли во епископовъ изъ бѣлыхъ священниковъ (исторія этого не доказала), то по крайней мѣрѣ, о глубокой древности патриаршаго чина рукоположенія во епископовъ; не отъ той ли поры этотъ чинъ, когда монашество еще не было непременнымъ условіемъ для полученія епископства?

г) Святѣйшій синодъ сдѣлалъ отъ себя нѣкоторыя прибавленія къ чину патриаршаго времени. Виднѣе всѣхъ изъ этихъ прибавленій *отъ-новоподданическаго присяга* рукополагаемаго государю; въ чинѣ патриаршаго времени не было этой присяги.

Самое *рукоположеніе* по синодальному „чину“ въ существѣ своемъ рѣшительно таково же, какъ было при патриархахъ: то же время, тѣ же дѣйствія, только слова нѣкоторыя замѣнены другими примѣнительно къ новому учрежденію: „первенствующій архіерей“, вмѣсто патриарха, и тому под. Переимѣна словъ (*іерей* на *архимандритъ* или *іеромонаха*) тутъ повторяется.

Изъ обрядовъ, слѣдующихъ за рукоположеніемъ, св. синодомъ отмѣнены чинъ двухъ посѣщеній новопоставленнымъ епископомъ: а) государя „вверху“, въ самый день рукоположенія, для окропленія его св. водою и принятія отъ царя обычнаго угощенія „питіемъ“, и б) патриарха съ соборомъ епископовъ, на другой день. Последнее посѣщеніе было совершаемо такъ же, какъ вышеописанный обрядъ цѣлованія; разница только въ томъ, что теперь патриархъ посылалъ, для приглашенія рукоположеннаго, протопопа и протоіакона „съ пламенными“. Въ старину былъ еще одинъ обычай, имѣвшій связь съ назначеніемъ новаго лица на ту или другую епархію; когда назначался *новый патриархъ*, то онъ объѣзжалъ вокругъ Москвы въ каретѣ, въ теченіе трехъ дней: въ первый день вокругъ Кремля, во второй — вокругъ Китайгорода, въ третій — вокругъ Бѣлаго города; при этомъ у каждаго городскаго воротъ читалъ положенную въ чинѣ молитву; *прочіе архіереи* въ Москвѣ не дѣлали этого, но въ епархіи, на которую были назначены, имѣли право дѣлать. Обычай этотъ и молитва отмѣнены св. синодомъ.

Въ заключеніе всего этого дѣла объ избраніи, нареченіи и поставленіи епископовъ замѣтимъ, что въ первый день по своемъ учрежденіи св. синодъ рѣшилъ только одинъ предметъ, порядокъ избранія епископовъ, а остальные онъ поручилъ разсмотрѣть и исправить одному изъ своихъ членовъ, совѣтнику Гавріилу, архимандриту Ипатскому.

Чтобы выполнить порученіе синода, Гавріиль отыскалъ „чинъ и уставъ на избраніе епископа“, свидѣтельствованный патріархомъ Іоакимомъ въ лѣто 7184 (1676), переписалъ этотъ чинъ въ столбецъ, а на другомъ, чистомъ, сдѣлалъ свои поправки. Синодъ разсмотрѣлъ исправленное, сдѣлалъ еще нѣкоторыя, незначительныя измѣненія, и чинъ, такимъ образомъ исправленный, ввелъ въ употребленіе, но напечаталъ его уже только въ 1725 году, хотя несомнѣнно, что Гавріиль сдѣлалъ свое дѣло въ томъ же году, когда оно было поручено ему.

Итакъ, патріархъ былъ уже замѣненъ синодомъ; между тѣмъ въ Москвѣ все еще совершался нѣкоторые обычаи, нѣвшіе мѣсто и смыслъ только при патріархахъ. Таковъ былъ, напримѣръ, обычай поклоняться тѣмъ мѣстамъ въ Успенскомъ соборѣ и въ храмѣ 12-ти апостоловъ при патріаршемъ домѣ, гдѣ стояли патріаршіе посохи. Св. синодъ обратилъ на это свое вниманіе и 14-го августа опредѣлилъ патріаршіе посохи убрать въ ризницу и мѣстамъ, гдѣ они стояли, поклоненія не творить. Замѣчательно, что и такое постановленіе синода едва черезъ годъ было приведено въ исполненіе (№ 456).

Послѣ распоряженія объ уборкѣ въ ризницу патріаршихъ посоховъ, св. синоду оставалось распорядиться и о самыхъ одеждахъ, какія послѣ патріарховъ остались, и которыя они носили не при богослуженіяхъ, а дома. Можетъ статься, и по своему собственному усмотрѣнію, а всего вѣрнѣе, по напоминанію и указанію кого-либо изъ синодальныхъ членовъ, царь Петръ, будучи въ синодальномъ домѣ (въ Москвѣ), 22-го декабря указалъ изъ оставшихся послѣ патріарховъ одеждъ и мантий годное на церковное облаченіе раздать отъ синода въ бѣдныя церкви, а что къ употребленію въ облаченіе неудобно, то раздать синодальнымъ членамъ, по усмотрѣнію, безъ оцѣнки и безденежно. Члены синода не замедлили выполненіемъ этого указа, такъ какъ дѣло было въ Москвѣ, и слѣдовательно, близко къ патріаршей ризницѣ и казнѣ. Отъ ризничаго патріаршаго дома, іеромонаха Филарія, была взята вѣдомость о числѣ бывшихъ на лицо патріаршихъ одеждъ и другихъ домашнихъ вещей, и въ томъ же декабрѣ одежды эти и вещи росписаны между членами синода и другими лицами, которые служили въ ту пору въ синодальномъ вѣдомствѣ. Интересующійся знать объ этомъ предметѣ всѣ подробности можетъ прочесть въ „Описаніи“ (дѣло № 742). Отсюда онъ узнаетъ и то, что въ послѣдствіи времени, именно при Петрѣ II, розданныя вещи снова были потребованы отъ тѣхъ, кто получилъ ихъ, и кто уже не былъ синодальнымъ членомъ или не служилъ при синодѣ; но ясно, что никто почти ни-

чего не возвратилъ, такъ какъ многимъ и нечего уже было возвращать; по крайней мѣрѣ, большинство участвовавшихъ въ раздѣлѣ описывались тѣмъ, что одежды изношены. Одинъ только Петропавловскій протопопъ Петръ Григорьевъ въ простотѣ сердца объявилъ, что „данный ему объяриновый кафтанъ къ отдачѣ готовъ, если съ прочихъ возвращено будетъ“. Отвѣтъ равный отказу.

Другихъ дѣлъ, которыя были бы выполнены св. синодомъ именно въ связи съ упраздненіемъ патріаршества, мы не нашли въ „Описаніи“ и потому переходимъ къ обзору общихъ дѣлъ синода въ кругу возложенныхъ на него обязанностей.

III.

Въ общей системѣ русскихъ государственныхъ учрежденій св. синодъ занялъ то же мѣсто, которое имѣлъ всероссійскій патріархъ; ему, также какъ и патріарху, вѣрены были всѣ собственно церковныя дѣла государства. Въ Духовномъ Регламентѣ прямо было сказано, что „духовный коллегіумъ именованъ духовное правительство“. То же самое высказывалъ государь и въ указѣ объ открытіи синода, и въ письмахъ своихъ къ разнымъ лицамъ, которымъ особенно о томъ знаніе надлежало (напримѣръ, къ князю Ромодановскому). При такой опредѣленности и важности значенія св. синода, казалось, не должно бы оставаться уже никакихъ сомнѣній насчетъ этого предмета. На самомъ дѣлѣ вышло не то. Сенатъ первый не понялъ, или вѣрнѣе, намѣренно не хотѣлъ понять всѣхъ правъ и всего высокаго значенія новоучрежденной церковной власти. Въ разсматриваемой книгѣ очень часто встрѣчаются указанія на то, какъ синодъ препирался съ сенатомъ, отстаивая свои права и свою власть. Изложенное нами выше дѣло о наборѣ чиновниковъ для синодальной канцеляріи, къ сожалѣнію, далеко не единственное въ этомъ родѣ; не лучше обращался сенатъ съ синодомъ и въ другихъ дѣлахъ, которыя имѣли какое-либо отношеніе къ сенату, а много ли могло найдтись дѣлъ, которыя не имѣли бы такого отношенія? Сенатъ не сдѣлалъ давать синоду отчетъ за время своего управленія церковными имуществами, не внушалъ зависѣвшимъ отъ него свѣтскимъ властямъ и учрежденіямъ, какъ они должны относиться къ властямъ духовнымъ и вообще къ дѣламъ, собственно церкви касающимся, и задерживалъ представленія и бумаги синодальныя, такъ что синодъ былъ вынужденъ просить самого государя о томъ, чтобы синодальныя дѣла докладывались не въ очередь, а немедленно; сенатъ, однимъ словомъ, видимо ставилъ синодъ ниже себя, какъ

одну изъ коллегій, зависимыхъ отъ него. Странно было бы, если бы синодъ молчалъ при этомъ; онъ только-что начиналъ свою дѣятельность и по тому самому долгомъ своимъ считалъ уяснить свое значеніе и свои права не только для себя, но и для другихъ государственныхъ учреждений и даже для лицъ ¹⁾); этого, очевидно, требовала и правильность отношеній между синодомъ и гражданскими учреждениями, а съ тѣмъ вмѣстѣ и законность въ самомъ дѣлопроизводствѣ и церковныхъ, и гражданскихъ учреждений. Чтобы достигнуть цѣли, синодъ объяснялъ сенату, что онъ то же, что патріархъ, отчасти даже больше и важнѣе патріарха, такъ какъ тотъ былъ одинъ, а синодъ — коллегія (№ 123 и др.). Въ случаяхъ обидъ и оскорбленій синодъ требовалъ отъ сената „сатисфакціи“ или даже находился вынужденнымъ жаловаться на сенатъ самому государю. Что дѣлалось въ самой столицѣ, то же повторялось и въ провинціяхъ; и тамъ, во многихъ мѣстахъ, препирались между собою власти свѣтскія и духовныя. Все это имѣло громадное вліяніе на замедленіе синодальныхъ дѣлъ, такъ что нѣкоторыя дѣла единственно оттого производились по нѣскольку лѣтъ, тогда какъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ тѣ же самыя дѣла могли бы быть порѣшены гораздо скорѣе, даже въ тотъ же годъ, когда начаты ²⁾). Впрочемъ, не смотря на пререканія съ сенатомъ, св. синодъ успѣлъ не мало сдѣлать по части, подлежащей его вѣдѣнію. Онъ коснулся почти всего, что принадлежитъ церковной власти; шое порѣшилъ такъ, что его рѣшенія остаются неизмѣнными и до настоящаго времени; другое со временемъ потерпѣло разныя измѣненія, но тѣмъ не менѣе стоить вниманія историка. Мы постараемся указать, по возможности, кратко все болѣе замѣчательныя дѣла синода за первый годъ его дѣятельности, держась отчасти того же порядка, какой принятъ въ нашихъ церковныхъ исторіяхъ.

¹⁾ Напримеръ, съ одного дьяка монастырскаго приказа Бориса Артемьева синодъ положилъ взять сразу 100 руб. (большія деньги по тому времени) за то только, что онъ подалъ въ сенатъ жалобу о такомъ предметѣ, который подлежалъ вѣдѣнію синода, «дабы ему и инымъ впредь такъ дѣлать было не повадно».

²⁾ Таково дѣло (№ 366) по разнымъ доношеніямъ по поводу спора, возникшаго въ Псковской епархіи между выборными церковными старостами, посадскими людьми и духовенствомъ, о правѣ и порядкѣ управленія вотчинами Псковскихъ церквей. Началось оно въ іюль 1721 года и кончилось въ октябрь 1733 года. Тутъ возникли пререканія съ сенатомъ потому именно, что синодъ отстаивалъ свои полныя права на распоряженіе церковною собственностию. Резолюція государыни была благопріятна для синода, а не для сената.

По части распространенія христіанства между язычниками Имперіи, св. синодомъ сдѣлано было въ ту пору очень не много. Мы и въ добрую - то, болѣе благопріятную пору, не много сдѣлали и дѣлаемъ для распространенія св. вѣры. Тѣмъ меньше могъ св. синодъ успѣть въ этомъ дѣлѣ въ самое первое время своего управленія, когда онъ еще только вникалъ, такъ-сказать, въ свои обязанности. Довольно, если онъ тогда же успѣлъ выработать и установить свой взглядъ на дѣло православнаго миссіонерства. Обсуждая мѣры къ обращенію въ православіе Вотяковъ, Мордвы и другихъ инородцевъ Имперіи, св. синодъ пришелъ къ такимъ убѣжденіямъ: а) смотрѣть, охотно ли и изъ усердія ли, а не ради ли прибытка, принимаютъ они православную вѣру; б) для дѣтей новокрещенныхъ устроить училищныя дома, то-есть, школы, въ которыхъ раздавать безденежно, на средства св. синода, азбуки, часословы и псалтыри. Первымъ пунктомъ этого опредѣленія св. синодъ съ разу, до полной ясности и опредѣленности, отгвѣнилъ свой взглядъ на дѣло религіозныхъ миссій отъ взгляда на то же дѣло римско-католическаго духовенства, у котораго, какъ извѣстно всему міру, на первомъ планѣ въ этомъ свѣтомъ дѣлѣ стоятъ земныя цѣли, достигаемыя земными, матеріальными средствами. Изъ инородцевъ - язычниковъ, въ началѣ XVIII вѣка наполнившихъ въ громадномъ количествѣ сѣверо-восточную и восточную часть Имперіи, въ первую пору синодальнаго управленія было обращено къ Христовой вѣрѣ нѣсколько сотъ Казанскихъ Черемисъ и Вятской Мордвы, Вотяковъ и другихъ племенъ. Главными тружениками въ этомъ дѣлѣ, какъ и слѣдовало, были тамошніе архипастыри: Тихонъ, митрополитъ Казанскій, и Алексій, епископъ Вятскій. Послѣдній впрочемъ взялся за это дѣло, увлекшись только слухами о дѣятельности перваго, и взялся такъ робко, что прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, вошелъ въ кабинетъ государя съ прошеніемъ, чтобы и къ нему (какъ къ Тихону Казанскому) былъ присланъ указъ объ обращеніи въ вѣру язычниковъ его области: „понеже писалъ онъ, въ спархіи обрѣтаются тому же подобныя Отяки, которыхъ безъ указу приводить къ тому не смѣемъ“. Кабинетъ-секретарь Макаровъ сообщилъ объ этомъ св. синоду, который уже и началъ съ преосвященнымъ Алексѣемъ переписку по дѣлу обращенія къ вѣрѣ Вятскихъ язычниковъ (№ 157). Тутъ св. синодъ и высказалъ свой взглядъ на дѣло миссіонерства. Въ 1721 году преосвященный Алексѣй успѣлъ уже донести синоду о ходѣ своего дѣла, а именно, что Вотяковъ имъ крещено 57 чел. (36 чел. мужскаго и 21 женскаго пола), тогда

какъ предшественниками его было обращено всего 4 человекъ. Казанскій митрополитъ Тихонъ былъ счастливѣе Вятскаго епископа въ дѣлѣ миссіонерства, безъ сомнѣнія, потому что онъ дѣйствовалъ смѣлѣе и энергичнѣе; у него къ тому же было больше и средствъ для этого дѣла; чего Вятскій епископъ просилъ еще, какъ милости (то-есть, денегъ), то Казанскому митрополиту давно уже было отпускаемо по указу государя. У преосвященнаго Тихона къ 1721 году образовались уже хорошіе помощники изъ іеромонаховъ, которыхъ онъ разсылалъ по разнымъ уѣздамъ своей епархіи, и которые вели свое дѣло съ такимъ успѣхомъ, что изъ разныхъ уѣздовъ навезли въ Казань не мало дѣтей новокрещенныхъ для обученія въ школы. Кромѣ Черемисъ преосвященнымъ Тихономъ было обращено къ вѣрѣ до 30.000 магометанъ. Стоитъ замѣтить, что въ ту пору даже частные люди принимали участіе въ дѣлѣ обращенія язычниковъ Имперіи. При дѣлѣ № 157 приложенъ проектъ одного конторы поташныхъ дѣлъ подканцеляриста Василія Симонова объ обращеніи въ православную вѣру Мордвы. Что сдѣлано по этому проекту, изъ дѣла не видно; но замѣчательна уже самая ревность о просвѣщеніи св. вѣрою людей заблудшихъ. Выше мы упомянули о преосвященномъ Иннокентіѣ Кульчичкомъ, который въ началѣ 1721 года былъ назначенъ въ Китай „для проповѣди слова Божія и размноженія ради православныя восточнаго благочестія вѣры“; но Иннокентій даже и не доѣхалъ до Китая, потому что не былъ туда пропущенъ: какъ извѣстно, онъ остановился въ Иркутскѣ, гдѣ и управлялъ епархіей. Замѣчательно то, что св. синодъ, отправляя преосвященнаго Иннокентія въ Китай, наказалъ ему, по сообщенію изъ сената, скрывать свое епископское званіе, „дабы не учинилось какое препятіе отъ противниковъ православной нашей вѣры, а паче отъ главныхъ враговъ, іезуитовъ, которые издревле обычай имѣютъ сѣяти посреди пшеницы православія плевелы раздоровъ и поношеній для пренятія доброму намѣренію“ (№ 120). Грустно, что намъ были такъ страшны враги нашей вѣры!

Гораздо больше трудовъ и заботъ было употреблено св. синодомъ на примиреніе съ православною церковію членовъ, бывшихъ въ союзѣ съ нею, но потомъ отпадшихъ отъ нея, то-есть, раскольниковъ. Извѣстно, что царь Петръ самъ терпѣть не могъ раскола; онъ употреблялъ много мѣръ противъ него, но всѣ эти мѣры были чисто государственныя и употреблялись видимо для того, главнымъ образомъ,

чтобы не было въ государствѣ людей, противящихся порядкамъ государственнымъ, чтобы никто не укрывался отъ платежа податей и т. п. Св. синодъ не могъ противиться этимъ мѣрамъ и не помогать цѣлямъ гражданскаго правительства; онъ шелъ рука объ руку съ послѣднимъ, но въ то же время старался и о томъ, чтобы сдѣлать изъ раскольниковъ не только вѣрныхъ гражданъ, но и истинныхъ сыновъ церкви православной. Въ „Описаніи“ нѣтъ такого дѣла или акта, въ которомъ бы прямо и положительно было высказано, какія именно мѣры противъ раскола употреблялъ св. синодъ для достиженія своей чисто духовной цѣли; но, пересчитывая всѣ дѣла по расколу, видишь, что у синода тогда уже созрѣла и выработалась мысль дѣйствовать на него мѣрами убѣжденія, то-есть, личными бесѣдами съ раскольниками или сочиненіями противъ нихъ. Всего яснѣе это видно изъ синодальнаго опредѣленія отъ 21-го іюля 1721 года о вызовѣ въ синодъ іеромонаха Неофита для разглагольствованія съ раскольниками (№ 403) и другаго такого же опредѣленія о посылкѣ въ Стародубье (Черниговской губерніи) съ тою же цѣлю іеромонаха Іосифа Рѣшилова (№ 507). Извѣстно, что всѣ наши историки раскола говорятъ о Неофитѣ, что онъ вызванъ былъ синодомъ собственно для посылки въ Поморье къ Выговцамъ для бесѣды съ тамошними раскольниками. 23-го апрѣля 1722 года Неофитъ дѣйствительно получилъ это назначеніе, но вызванъ онъ былъ въ Петербургъ не для того, а *для постоянного неотлучнаго* пребыванія при синодѣ,

„дабы въ случайныя времена съ такими противниками (то-есть, раскольниками) диспуты обычныя чинить и обличительныя на нихъ доказательства предлагать и въ прочихъ до достожднаго оныхъ исправленія подлежащихъ дѣйствахъ поступать онъ по подобающему, какъ отъ св. прав. синода за благо будетъ разсуждено“.

Ясно, что синодъ такимъ образомъ открывалъ у себя новую должность, такъ-сказать, особое отдѣленіе по дѣламъ раскола, гдѣ бы именно бесѣдовали съ раскольниками, — фактъ новый для историка раскола. Іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ попалъ въ Стародубье, по назначенъ былъ сначала въ помощники Златоустовскому архимандриту Антонію, который имѣлъ обязанность слѣдить за расколомъ во внутреннихъ губерніяхъ, тогда какъ въ низовьяхъ Волги завѣдывалъ этимъ дѣломъ Питиримъ, епископъ Нижегородскій. Объ успѣхахъ мѣръ св. синода противъ раскола официальные документы не говорятъ, а потому и намъ нечего сказать. Мы сдѣлаемъ только общее замѣчаніе о всѣхъ дѣлахъ по расколу, какія находятся въ „Описаніи“, а именно: а) дѣлъ этихъ очень много; б) обработаны они составителями „Описанія“ съ особен-

нимъ тщаніемъ: большей подробности и обстоятельности и желать нельзя; но и) дѣлъ новыхъ, совершенно неизвѣстныхъ въ исторіи раскола, мы не нашли, исключая развѣ одного дѣла о князѣ Мещерскомъ, обвиняемомъ въ расколѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими женщинами и мужчинами простаго званія (№ 387); сколько намъ извѣстно, дѣло это до сихъ поръ не было въ виду у нашихъ историковъ раскола. Вообще же, *дѣла по расколу, описанныя въ разбираемой книгѣ, важны тѣмъ, что они сообщаютъ уже известнымъ фактамъ особенную вѣсность, какъ дѣла официальные.* Касательно отношенія св. синода къ гражданскимъ мѣрамъ противъ раскола, „Описаніе“ подтверждаетъ старое мнѣніе, что всѣ эти мѣры не были непріятны синоду, и что онъ даже сочувствовалъ имъ ¹⁾ и считалъ ихъ годными для цѣли, такъ что нерѣдко и самъ хлопоталъ о томъ, чтобы свѣтскія власти пособляли духовнымъ дѣйствовать противъ раскольниковъ. Какъ Нижегородскій вице-губернаторъ Ржевскій пособлялъ тамошнему епископу Питириму въ дѣлахъ противъ раскольниковъ, такъ въ Москвѣ полковникъ Плещеевъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Златоустовскимъ архимандритомъ Антоніемъ, а въ Ямбургѣ и Копорьѣ отъ гвардіи поручикъ Зиновьевъ; синодъ выхлопоталъ такого же чиновника и для Новгородской епархіи, поручика Ивана Коителова (№ 260). Всѣ эти чиновники были нужны не столько для уменьшенія раскола, сколько для того, чтобы собирать подати съ раскольниковъ и слѣдить за тѣмъ, не укрываетъ ли ихъ кто въ своемъ домѣ. Чиновники были обязаны дѣйствовать совмѣстно съ властями духовными, которыя для того назначались отъ синода.

Какъ для болѣе успѣшнаго дѣйствованія противъ раскола, такъ и вообще для лучшаго утвержденія въ вѣрѣ русскаго православнаго народа, св. синодъ на первыхъ же порахъ своей дѣятельности началъ стараться о томъ, чтобы поднять уровень образованія въ духовенствѣ. Для этой цѣли онъ воспользовался готовою уже мѣрою, предписанною самимъ государемъ еще въ 1714 году и потомъ чрезъ два года снова имъ повторенною, чтобы при всѣхъ архіерейскихъ домахъ и знатныхъ монастыряхъ были открыты школы. Такъ какъ эти школы, по мысли государя, готовили не собственно къ духовному званію, а наполнялись дѣтьми всѣхъ, такъ-называемыхъ, разночин-

¹⁾ Исключая впрочемъ мѣръ противъ ношенія бородъ. По всему видно, что гоненія на бороды не нравились синоду; по крайней мѣрѣ, зависѣвшимъ отъ него дѣятелямъ противъ раскола синодъ строго запретилъ вступаться въ это дѣло: «въ брадобритіе, яко духовному правительству несвойственное дѣло, отнюдь никому въ тиунской избѣ не вступать» (См. № 216).

цевъ, исключая купцовъ, то св. синодъ озаботился обратить ихъ собственно въ школы для духовенства, то-есть, чтобы въ нихъ поступали дѣти священно- и церковно-служителей и учились бы собственно тѣмъ наукамъ, какія требуются Духовнымъ Регламентомъ (№ 668). Учителей въ эти школы повелѣно брать изъ образцовой семинаріи Θεодосія, архіепископа Новгородскаго, то-есть, С.-Петербургской. Определеніе объ открытіи этой семинаріи состоялось также въ первый годъ дѣятельности св. синода, но построеніе дома для нея стоило такихъ хлопотъ, что о томъ возникло цѣлое дѣло (№ 164). Изъ этого дѣла видно, что сначала государь назначилъ подъ семинарію каменный домъ, стоявшій на берегу рѣки Невы, на Васильевскомъ островѣ, въ которомъ помѣщалась кунсткамера. Но такъ какъ домъ, куда предполагалось перевести кунсткамеру, не былъ еще оконченъ постройкой, а семинаристовъ или „бѣдныхъ ребятъ“ Θεофанъ Прокоповичъ набралъ уже человѣкъ до двадцати, и жить имъ было негдѣ, то государь приказалъ, на время, до окончательной отдѣлки кунсткамернаго дома, отдать подъ семинарію домъ покойной царевны Екатерины Алексѣевны, находившійся возлѣ двора Псковскаго архіерея. Въ декабрѣ 1721 года было выдано изъ кабинета государя въ вѣдѣніе синода 2.000 руб. на построеніе семинаріи; въ это время предполагалось построить ее въ неоконченныхъ палатахъ князя Гагарина, при рѣкѣ Невѣ, по рисунку архитектора Микетти. Велѣно было вести постройку безъ промедленія и наблюденіе за нею поручено тремъ синодальнымъ ассессорамъ. Проектъ Микетти стоить вниманія. По этому проекту, при семинаріи должны были находиться: „большой дворъ для гулянья и обученія семинаристовъ военному артикулу (sic!), также садъ, церковь, аптека, баня, кельи отдѣльныя для властей духовнаго чину, которыя будутъ надсматривать оную школу, зала большая для лѣтняго времени студентамъ и для временнаго пребыванія Его Императорскаго Величества, чуланъ для поставленія пива и вина, поварня, камора для убѣжища во время банкета, зала для сочиненія „диспуты“ и совѣтовъ, библіотека, камора для жилища школьной власти, школа студентамъ, спальня студентамъ, зала большая для зимняго покоя студентамъ, каморы властительскимъ служителямъ, погреба ледяные“ и проч. Нечего и говорить, планъ очень широкій; потому-то онъ, вѣроятно, и не осуществился. Деньги израсходовывали, дома не достроили, и наконецъ, сломали начатую постройку. Тогда снова обратили было вниманіе на домъ царевны Екатерины Алексѣевны, но отъ него отказался самъ синодъ, такъ какъ онъ со-

всѣмъ развалился и къ жизни стать не годенъ. Но къ этому времени устроилась уже епархіальная семинарія при Невскомъ монастырѣ. До учрежденія синода главный надзоръ за школами при архіерейскихъ домахъ принадлежалъ адмиралтейской коллегіи, а академіями Московскою и Кіевскою завѣдывали мѣстныя епархіальныя власти. Когда же былъ открытъ св. синодъ, онъ взялъ школы и академіи подъ свое главное вѣдѣніе, и дѣло о школахъ связалъ съ дѣломъ о *типографіяхъ*. При патріархахъ главная типографія, какъ извѣстно, была въ Москвѣ. Справщикомъ, то-есть, главнымъ начальникомъ въ этой типографіи былъ извѣстный Федоръ Поликарповъ. Кромѣ Московской типографіи были еще двѣ старинныя — въ Кіевѣ и Черниговѣ и новая (съ 1711 года) въ Петербургѣ. Дѣло печати шло разобщенно; Кіевская и Черниговская типографіи работали при одномъ только мѣстномъ, такъ-сказать, домашнемъ надзорѣ. Повоучрежденный св. синодъ скоро понялъ эту разобщенность типографскаго дѣла и въ первыхъ же докладныхъ пунктахъ государю предложилъ, чтобы дѣло о типографіяхъ было сосредоточено въ св. синодѣ (№ 104). Къ половинѣ іюля синодъ выработалъ уже и планъ, какъ повести дѣло печати, а именно, 21-го іюля опредѣлилъ:

„Обрѣтающіяся въ Санктпетербургѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Черниговѣ и впродъ, гдѣ по указамъ устроены будутъ типографіи, для лучшаго усмотрѣнія и въ прилучающихся дѣлахъ между оными правленія, со всѣми прежде бывшими надъ оными командующими и служителями, вѣдать того св. прав. синода совѣтнику, Ипацкаго монастыря архимандриту Гавриилу, которому того ради правленія и дѣйства, при прав. синодѣ имѣть особливую контору, въ которой вѣдать Московскія училища со всякимъ ихъ отпралченіемъ. А Кіевскія и Черниговскія аще и надлежать должны до своихъ имъ архіереевъ, обаче егда имѣти имуть нужду какую до св. прав. синода писать имъ въ помянутую контору. И писатся помянутому совѣтнику — школь и типографій протекторомъ“.

Вслѣдъ за симъ въ Черниговскую типографію посланъ былъ указъ св. синода, чтобы

„въ этой типографіи никакихъ книгъ вновь, кромѣ церковныхъ древнихъ изданій, не печатать и оныя справлять, прежде печати, съ такими жъ церковными великороссійскими книгами, а другихъ, ни прежнихъ, ни новыхъ изданій, безъ объявленія и позволенія св. синода не печатать“.

Церковныя книги, выходящія изъ Черниговской типографіи, синодъ предписалъ присылать къ себѣ „исправленія ради и согласія съ великороссійскими“ и для освидѣтельствованія въ типографской конторѣ; книги же, уже начатыя печатаніемъ, синодъ велѣлъ остановить. Таково было первое распоряженіе св. синода о школахъ и типогра-

фіяхъ. По всей вѣроятности, оно казалось синоду очень практичнымъ, особенно потому, что тутъ все дѣло печати и вообще образованія (протекторству Гавріила ввѣрились прежде всего Московскія училища съ тамошнею академіей) сосредоточивалось въ однихъ рукахъ; но послѣдствія показали непрочность плана, выработаннаго синодомъ: не прошло полныхъ пяти лѣтъ, какъ въ дѣлѣ о школахъ и типографіяхъ послѣдовала перемѣна, которая состояла въ томъ, что Гавріиль былъ уволенъ отъ протекторства, контора его при синодѣ закрыта, школы поручены ректорамъ, а типографіи директорамъ, которые съ доношеніями своими обязаны были входить уже не къ одному совѣтнику синода, архимандриту Гавріилу, а прямо къ самому синоду, и вести дѣла подъ непосредственнымъ синодскимъ вѣдѣніемъ. Вообще говоря, изложенное дѣло (№ 402) представляетъ богатый источникъ для исторіи нашихъ типографій.

Въ самой тѣсной связи съ образованіемъ духовенства стоитъ церковное проповѣдничество, какъ одна изъ главныхъ цѣлей, къ которымъ стремится и самое образованіе лицъ духовныхъ. Изъ „Описанія“ не видно, что именно сдѣлалъ св. синодъ для возвышенія и развитія проповѣдничества въ русской православной церкви вообще; но для столицъ онъ опредѣлялъ, чтобы здѣсь были особые проповѣдники, которые бы занимались этимъ дѣломъ специально, почти исключительно. За труды имъ полагалось особое жалованье — въ Петербургѣ 300 руб., а въ Москвѣ, какъ видно изъ дѣла № 552, они получали половину этой суммы, можетъ статься и отъ того, что тамъ они были и учителями въ академіи. Въ сентябрѣ 1721 года проповѣдникомъ въ Петербургѣ былъ опредѣленъ іеромонахъ Симошъ Кохановскій, одинъ изъ ученыхъ Кіевскихъ.

Еще больше, чѣмъ за образованіемъ, св. синодъ слѣдилъ за жизнью духовенства, строго держась въ этомъ случаѣ той мысли, что жизнь пастыря всего сильнѣе можетъ дѣйствовать на его пасомыхъ. Для этого св. синодъ, какъ и слѣдовало, усвоилъ себѣ все высшее право суда надъ духовенствомъ и очень нерѣдко занимался этимъ судомъ самъ непосредственно. Въ синодѣ производились допросы обвиняемыхъ, которые для этого должны были явиться въ Петербургъ или Москву иногда изъ мѣстъ очень отдаленныхъ; въ синодѣ же за тѣмъ налагалось и наказаніе на виновныхъ. Исключались изъ этого только тѣ, кто обвинялся въ дѣлахъ противогосударственныхъ или запутывался въ дѣлахъ тяжёбныхъ по наследствамъ; эти лица отходили къ суду свѣтскому (№ 104). Новыхъ правилъ, которыми бы св.

синодъ руководился въ дѣлѣ наблюденія за духовенствомъ и суда надъ нимъ, не было дано; но о лицахъ, которыя бы помогали синоду въ этомъ случаѣ, сочли необходимымъ озаботиться. Такими лицами были: *тіуны* и *протоинквизиторы* съ ихъ помощниками. Въ Москвѣ „тіунская палата“ была еще при патріархахъ; она отправляла свои обязанности и послѣ патріарховъ, но предъ учрежденіемъ синода переименована въ „приказъ церковныхъ дѣлъ“. Съ 1718 года былъ въ Москвѣ тіуномъ, а по переименованіи палаты — судьей церковнаго приказа, Московскаго Златоустовскаго монастыря архимандритъ Антоній, личность весьма замѣчательная въ ту пору по его значенію. Его власть и значеніе равнялись власти и значенію церковнаго приказа, такъ что сказать: церковный приказъ или Златоустовскій архимандритъ Антоній — почти одно и то же. „Описаніе“ переполнено доношеніями въ синодъ отъ архимандрита Антонія. Антоній, какъ и весь церковный приказъ, слѣдилъ за жизнью и поведеніемъ духовенства Московскаго и за направленіемъ народа православнаго въ отношеніи къ вѣрѣ, смотрѣлъ, нѣтъ ли въ обращеніи книгъ или тетрадей и картинъ, противныхъ вѣрѣ и церкви, нѣтъ ли совратителей въ расколъ, и кто гдѣ держится раскола; онъ же собиралъ и подати съ раскольниковъ и т. д. Власть свою и всѣ права свои, для той поры очень большія, архимандритъ Антоній сохранилъ до тѣхъ поръ, пока не закрыли приказа церковныхъ дѣлъ (1724 года), дѣла котораго распредѣлялись между *дикастерією*, *канцелярією розыскныхъ раскольническихъ дѣлъ* и *казеннымъ приказомъ*; съ этого времени бывшему тіуну и потомъ судѣ церковнаго приказа повелѣно „быть у дѣлъ и сидѣніе имѣть“ въ духовной дикастеріи, наравнѣ съ членами ея (№ 586). На третьемъ мѣсяцѣ по своемъ открытіи (17-го апрѣля) св. синодъ счелъ нужнымъ учредить тіунское правленіе и въ Петербургской епархіи, назначивъ сюда на должность тіуна Калязинскаго архимандрита Трифиллія, который потому долженъ былъ переѣхать въ Петербургъ, не переставая однако быть настоятелемъ и своего Калязинскаго монастыря. Жалованье Петербургскому тіуну положено такое же, какъ и синодальному ассессору, то-есть, 600 руб. (№ 699). Для помѣщенія его канцеляріи отведена „особая палата“ при самомъ синодѣ, но квартиры ему для житья не было назначено. Обязанности тіуна были паложены въ особой, данной ему инструкціи изъ 38 пунктовъ. Въ дѣлѣ эта инструкція не напечатана и въ приложеніяхъ ея нѣтъ; нужно думать, что она займетъ свое мѣсто въ „Полномъ собраніи постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія“ за 1721 годъ,

которое общаала издать комиссія, завѣдывающая описаніемъ синодальнаго архива, и которое, какъ мы вѣрно знаемъ, уже оканчивается печатаніемъ. Изъ самаго дѣла „объ учрежденіи тѣнскаго духовнаго правленія“ (№ 216) видны только главныя, болѣе общія обязанности тѣна, а именно, смотрѣніе за духовенствомъ почти во всѣхъ обстоятельствахъ его быта, отыскиваніе раскольниковъ, обложеніе ихъ пошлинами и сборъ пошлинъ, затѣмъ дѣла бракоразводныя и судныя, вообще говоря, почти все то же, что было обязанностію и Московскаго приказа церковныхъ дѣлъ.

Отъ тѣновъ нужно отличать *протоинквизиторовъ* съ помощниками ихъ, простыми инквизиторами. Это то же самое, что свѣтскіе оберъ-фискалы и фискалы. Здѣсь синодъ замѣнилъ только самое названіе другимъ, по его мнѣнію, болѣе приличнымъ. Обязанности протоинквизиторовъ и ихъ помощниковъ состояли въ томъ, чтобъ „усматривать“, не дѣлается ли чего-либо противозаконнаго лицами и учрежденіями, подвѣдомственными св. синоду, и объ усмотрѣнномъ, конечно, немедленно доносить. На первую пору было два протоинквизитора, оба изъ лицъ монашествующихъ, одинъ въ Москвѣ, іеродіаконъ Пафнутій, другой въ Петербургѣ, іеромонахъ Макарій Хворостинъ. Помощниковъ себѣ они обязаны были набирать сами, для каждой епархіи особаго инквизитора и тоже непременно „въ монастыряхъ изъ братства изъ добрыхъ монаховъ и достойныхъ тому званію, кромѣ начальствующихъ“. Определеннаго жалованья протоинквизиторамъ не было положено; напротивъ того, тутъ замѣчается какая-то неодинаковость въ дѣйствіяхъ св. синода по отношенію къ обезпеченію протоинквизиторовъ. Дѣло въ томъ, что Московскій протоинквизиторъ, іеродіаконъ Пафнутій, былъ вполне обезпеченъ даже и съ инквизиторами, съ нимъ бывшими (№ 375)¹⁾; Петербургскій же между тѣмъ получилъ только указъ о бытности при св. синодѣ протоинквизиторомъ, „а квартиры, гдѣ жить, и о дачѣ Его Великаго Государя жалованья, откуда и почему на годъ определено будетъ ли, не объявлено“. Макарій подавалъ въ синодъ три просьбы (№№ 375, 551 и 655), чтобъ его обезпечили содержаніемъ, хотя бы „сопротиву свѣт-

¹⁾ Ему назначено было пребываніе въ Даниловѣ монастырѣ, въ которомъ и настоятелемъ быть, и именно строителемъ, а думъ инквизиторамъ, опредѣленнымъ по инструкціи въ помощь ему, велѣно жить въ бывшемъ патріаршемъ дворѣ и пользоваться содержаніемъ наравнѣ съ тамошними іеромонахами. Ничего подобнаго не было дано Петербургскому протоинквизитору. Почему синодъ былъ такъ немилостивъ къ Хворостину, непонятно и изъ дѣла вовсе не видно.

свихъ фискаловъ“, по удовлетвореніи все-таки не послѣдовало, такъ что наконецъ онъ началъ уже проситься куда либо въ монастырь въ братство. Былъ ли уволенъ, изъ дѣлъ не видно.

Чѣмъ были тіуны, а отчасти и протонквизиторы, для духовенства енархіальнаго, тѣмъ же были оберъ-іеромонахи для *военнаго духовенства*. Трудно сказать, кто изъ духовныхъ властей болѣе всего слѣдилъ за этимъ духовенствомъ до учрежденія св. синода, — какъ будто никто; но крайней мѣрѣ, когда синодъ обратилъ свое вниманіе на военное духовенство, онъ едва могъ получить кое-какія свѣдѣнія о духовествѣ въ полкахъ. Сначала, какъ и слѣдовало, синодъ обратился было къ военной и адмиралтейской коллегіямъ, такъ какъ тамъ было сосредоточено все управленіе войскамъ и флотомъ; но эти коллегіи отвѣчали, что онѣ и сами не имѣютъ требуемыхъ свѣдѣній; впрочемъ обѣщали послать запросы по полкамъ; выполнили ли обѣщаніе, изъ дѣлъ не видно. Точныя перечневыя вѣдомости получены синодомъ только о тѣхъ лицахъ, которыя вѣдали духовенство въ новозаселенныхъ городахъ, Петербургѣ, Шлюссельбургѣ, Ямбургѣ, Выборгѣ и на островѣ Котлинѣ. Чтобы ввести и въ военное духовенство должный порядокъ, св. синодъ облекъ оберъ-іеромонаховъ правомъ власти тіуноскою, далъ имъ подробную инструкцію и обязалъ доносить въ синодъ какъ о поведеніи подчиненнаго имъ полковаго духовенства, такъ и о нуждахъ его, не только церковныхъ, но и домашнихъ (№ 125). Жалованья оберъ-іеромонахамъ полагалось 20 руб. въ мѣсяцъ, съ правомъ имѣть у себя въ услуженіи трехъ казенныхъ служителей. По существу своихъ обязанностей, эти оберъ-іеромонахи были тѣмъ же, чѣмъ теперь главные священники, которые, какъ извѣстно, еще недавно назывались оберъ-священниками.

Отъ вниманія св. синода не укрылось и иновѣрное духовенство, которое было въ ту пору въ нашемъ отечествѣ при церквахъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, кромѣ православнаго. Потому ли, что неправославныхъ церквей было немного, или еще не успѣли прийти къ мысли о томъ, чтобы дать имъ особое управленіе, а можетъ-быть, и отъ того, что св. синодъ на первую пору ревниво оберегалъ власть свою надъ *всѣмъ русскимъ духовенствомъ*, только несомнѣнно то, что онъ завѣдывалъ и инославными вѣроисповѣданіями также, какъ и своимъ православнымъ. Св. синодъ собиралъ свѣдѣнія о римско-католическихъ и протестантскихъ церквахъ въ Россіи, опредѣлялъ къ этимъ церквамъ пасторовъ и патеровъ, въ нужныхъ случаяхъ вызывалъ ихъ въ свое присутствіе для допроса и суда надъ ними, отлу-

чающимся изъ мѣстъ службы давалъ билеты на проѣздъ и проч. Въ „Описаніи“ есть много интересныхъ свѣдѣній объ инославныхъ церквахъ въ нашемъ отечествѣ за ту пору, равно какъ и о духовенствѣ, которое состояло при этихъ церквахъ (см. МЛ: 128, 222, 236, 453, 672 и др.).

Вмѣстѣ съ пастырями русскихъ не-православныхъ церквей св. синодъ естественно принималъ подъ свое вѣдѣніе и ихъ пасомыхъ; по крайней мѣрѣ, онъ уже не считалъ нужнымъ быть столь же строгимъ въ отношеніи къ не-православнымъ соотечественникамъ, какъ были патріархи и ихъ предшественники, древніе пастыри русской церкви. Эту снисходительность къ не-православнымъ св. синодъ доказалъ рѣшеніемъ вопроса *о бракахъ не-православныхъ съ православными*. Поводъ заняться этимъ дѣломъ подала св. синоду бергъ-коллегія. Въ Сибири на разныхъ работахъ находилось множество плѣнныхъ Шведовъ, которые хотѣли бы жениться, а между тѣмъ тамъ не было другихъ женщинъ, кромѣ русскихъ православныхъ; вслѣдствіе того, бергъ-коллегія обратилась къ синоду съ предложеніемъ, не позволить ли онъ плѣннымъ Шведамъ жениться на Русскихъ безъ перемѣны ихъ вѣроисповѣданія? Св. синодъ рассмотрѣлъ дѣло и опредѣлялъ:

„Жениться на Русскихъ иновѣрцамъ дозволить, но съ тѣмъ, чтобы предъ великимъ бракомъ „брата была за рукою сказка“ о томъ, что мужъ не будетъ укорять жену за православіе, и дѣтей, какія у нихъ будутъ рождаться, будутъ воспитывать въ православномъ законѣ“ (М: 256).

Мы упоминаемъ объ этомъ предметѣ, потому что вопросъ о бракахъ иновѣрцевъ съ православными въ ту пору былъ рассмотрѣнъ въ нашемъ отечествѣ въ первый разъ и получилъ разрѣшеніе очень либеральное для того времени. Видно, что синодъ и самъ усматривалъ новизну такого рѣшенія, ибо въ концѣ своего опредѣленія о смѣшанныхъ бракахъ приказалъ немедленно отпечатать это опредѣленіе съ прибавленіемъ вѣдѣнія для народа, „дабы вѣдая оныхъ вину браковъ были безсумнительны“. Отпечатанныя книжки синодскаго опредѣленія въ томъ же году были разосланы ко всѣмъ архіереямъ для руководства въ подобныхъ случаяхъ.

По части улучшенія матеріальнаго быта духовенства, св. синодомъ сдѣлано было очень не много въ ту пору. Въ этомъ отношеніи стоить замѣтить развѣ только два постановленія: 1) чтобы, по возможности, при всѣхъ церквахъ были устроены, на счетъ церквей, дома для приютовъ (М: 221), и 2) чтобы составъ причтовъ не умножать безъ нужды (М: 221). Но за то св. синодъ долгомъ своимъ считалъ защищать

духовенство отъ обидъ, какимъ оно подвергалось. Много было этихъ обидъ въ ту пору (№ 321): св. синодъ былъ забросанъ жалобами отъ духовенства на принимаемыя ему обиды съ разныхъ сторонъ (№№ 395, 396, 531 и мн. др.). Коммиссары и камериры при сборѣ податей, мѣстныя гражданскія власти при наблюденіи за общимъ порядкомъ, Преображенскій приказъ съ его агентами при надзорѣ за вѣрностію поданныхъ государю и разнымъ другимъ учрежденіямъ и лица много разъ и во многихъ мѣстахъ совершенно несправедливо затрогивали лицъ духовныхъ, подвергая ихъ иногда даже мукамъ и истязаніямъ (№ 321). Можетъ-статься, нѣкоторые изъ духовенства и сами иногда были виноваты, что съ ними поступали несправедливо; видно, что ниже, какъ бы обрадовавшись тому, что у нихъ есть, наконецъ, свое высшее духовное правительство, не хотѣли иногда выполнять самыхъ справедливыхъ и законныхъ требованій, съ какими относились къ нимъ свѣтскіе начальники; но были все-же и такія обиды, которыя ничѣмъ не были вызваны. Св. синодъ защищалъ своихъ подчиненныхъ отъ этихъ обидъ, какъ могъ. Противъ Преображенскаго приказа онъ выхлопоталъ себѣ у государя неограниченное право допрашивать духовныхъ лицъ только у себя, въ своемъ присутствіи, или у властей, имъ для того назначенныхъ, „дабы духовныя персоны иногда безъ вины не страдали бы со злодѣями въ темницѣ“. Противъ другихъ властей свѣтскихъ, зависящихъ отъ сената, синодъ требовалъ отъ послѣдняго „сатисфакціи“ и въ случаѣ неудовлетворенія позволялъ себѣ жаловаться самому государю, такъ какъ въ обидахъ духовенству св. синодъ видѣлъ невниманіе къ себѣ самому и непониманіе другимъ его власти и значенія. Впрочемъ, и духовенству синодъ въ то же время предписывалъ: „въ обращеніи съ людьми свѣтскими наблюдать всевозможную умѣренность и воздерживаться отъ всякаго самоуправства“, обѣщая ему защиту отъ себя (№ 531). При этомъ св. синодъ зорко слѣдилъ и за правами духовенства; такъ, онъ энергически отстаивалъ право священнослужительскихъ дѣтей, какъ дѣтей личныхъ дворянъ, быть свободными отъ рекрутскаго набора. Этотъ образъ дѣйствій синода тѣмъ замѣчательнѣе, что въ ту самую пору (5-го іюля) государь утвердилъ противное сему опредѣленіе сената (прил., № XXIII).

Чтобы дать больше средствъ самимъ церквамъ православнымъ, св. синодъ въ первую же пору по своемъ открытіи озаботился тѣмъ, чтобы привести *свѣчную продажу* въ большій порядокъ. Изъ дѣла объ этомъ предметѣ (№ 131) видно, что до того времени продажа свѣчей была слишкомъ произвольна: свѣчи дѣлались не по опредѣленнымъ

образцамъ и продавались, кромѣ торговцевъ на рынкахъ, разными людьми, которые отъ того получали пользу только лично для себя; такой порядокъ дѣла имѣлъ выгодную сторону для духовенства только въ Черниговской епархіи, гдѣ продажею свѣчей при церквахъ занимались вдовы священно- и церковно-служителей: по крайней мѣрѣ, они находили въ томъ пропитаніе для себя; въ другихъ же мѣстахъ и вдовамъ ничего не доставалось; всѣ выгоды отъ продажи обращались не на пользу церкви. Для прекращенія такихъ беспорядковъ, самъ государь, 28-го февраля, указалъ св. синоду распорядиться продажею свѣчей съ большею пользою, повелѣвъ, чтобы свѣчи были опредѣленныхъ образцовъ, и чтобы для продажи ихъ, при каждой церкви, былъ особый приставникъ, *староста*, который избирался бы на это дѣло прихожанами, съ засвидѣтельствомъ его добросовѣстности и честности¹⁾, а на деньги, отъ продажи свѣчей получаемыя, устроились бы, по мѣрѣ возможности, при всѣхъ церквахъ богадѣльни для нищихъ больныхъ, которыхъ въ этихъ богадѣльняхъ и содержать, по мѣрѣ наличныхъ средствъ каждой церкви. Объявляя объ этой волѣ государя, св. синодъ прибавилъ къ тому отъ себя еще запрещеніе дѣлать сборы на свѣчи предъ мѣстными церковными праздниками, такъ какъ этими сборами занимаются люди безпутные, невоздержные, пьяницы и лѣнтяи, которые получаемыя ими деньги употребляютъ „не къ славіи Божіей, а на свое пропитаніе, паче же въ пѣяство и въ прочія непотребности, жестокихъ казнямъ достойныя и не малую правовѣрнымъ укоризну наносящія“. Блюсти за правильнымъ порядкомъ продажи свѣчей были обязаны мѣстные архіереи, которымъ и посланъ объ этомъ указъ св. синода. Продавцы свѣчей на рынкахъ, испуганные новымъ опредѣленіемъ о продажѣ свѣчей, и думая, что и имъ запрещена эта продажа, обратились съ просьбой о защитѣ въ главный магистратъ и скоро были успокоены тѣмъ, что имъ продажа свѣчей не запрещена, только бы эти свѣчи дѣлались по новымъ, опредѣленнымъ отъ синода образцамъ и продавались бы не иначе, какъ церковнымъ приставникамъ или старостамъ. Изъ дѣла не видно, на сколько точно приводимы были въ исполненіе новыя правила о продажѣ свѣчей; но предполагаемыя богадѣльни были заведены едва-ли не въ одной только Астраханской епархіи; по крайней мѣрѣ, одинъ только Астраханскій епископъ Іоакимъ донесъ св. синоду, что богадѣльни

¹⁾ Въ то время церковные старосты получали жалованье. См. дѣло № 338, о старостѣ Троицкаго собора въ Петербургѣ, купеческомъ чловѣкѣ Мельниковѣ.

построены при церквахъ, но не при всѣхъ, да и въ построенныхъ на прокормленіе нищихъ денегъ нѣтъ. Другіе епископы прислали только увѣдомленія о томъ, что указъ о продажѣ свѣчей полученъ. Впрочемъ, и заведенныя богадѣльни едва-ли долго могли существовать, такъ какъ и съ упорядоченіемъ свѣчнаго сбора приходскія церкви оставались по прежнему бѣдны. Въ этомъ отношеніи онѣ представляли полное различіе отъ церквей при монастыряхъ и домахъ архіерейскихъ: для этихъ послѣднихъ много значили ихъ вотчины.

Послѣ раскола трудно указать другой предметъ въ исторіи русской церкви, который вызвалъ бы столько хлопотъ со стороны и свѣтскаго, и церковнаго правительства, какъ монастырскія, архіерейскія и бывшія патриаршія вотчины и вообще церковныя имуществва. Известно, что великіе князья, а за ними и цари русскіе, сами были главною причиною того, что церковныя имуществва возрасли до громадныхъ размѣровъ, такъ что къ половинѣ XVII столѣтія больше чѣмъ пятая часть русскаго народонаселенія, съ занимаемыми имъ землями, была въ распоряженіи монастырей и домовъ архіерейскихъ. Государи замѣтили, наконецъ, ненормальность этого дѣла и рѣшились снова возвратитъ въ непосредственное вѣдѣніе государства то, что отошло подъ власть церкви; монастырскій приказъ царя Алексѣя Михайловича — первое, самое крупное выраженіе и осуществленіе этихъ видовъ. Про существовавъ около тридцати лѣтъ (1649—1677), приказъ этотъ былъ закрытъ; но царь Петръ снова открылъ его и на этотъ разъ главнымъ образомъ для того, чтобы приказъ завѣдывалъ церковными имуществвами. Съ учрежденіемъ коллегій (1718 года), значеніе монастырскаго приказа пало; а указомъ 23-го сентября 1720 года онъ и совсѣмъ былъ закрытъ. Дѣла, которыя въ немъ сосредоточивались, перешли: судныя въ юстицъ-коллегію, а по имѣніямъ въ камеръ-коллегію и отчасти въ штатсъ-конторъ-коллегію. Въ февралѣ слѣдующаго года открытъ синодъ. Со стороны реформатора-государя было бы совсѣмъ несослѣдовательно, еслибъ, открывъ высшее управленіе надъ всѣми дѣлами вѣры и церкви, онъ въ то же время не далъ этому учрежденію права завѣдывать имуществвами церковными. Положимъ, что вопросъ о церковныхъ имуществвахъ этимъ не порѣшался, и хлопоты по этому предмету не прекращались, но уже самое значеніе св. синода, какъ высшей церковной власти, не требовало ли того, чтобы онъ былъ уполномоченъ распоряжаться церковными имуществвами? Какъ бы то ни было, только въ самый же день открытія синода государь утвердилъ синодскій докладъ о томъ, чтобы въ синодѣ вѣдать пат-

ріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины, которыя дотолѣ были вѣдомы въ монастырскомъ приказѣ (№ 104, пунктъ 4). Въ слѣдующемъ за тѣмъ докладѣ (отъ 16-го февраля) синодъ просилъ государя, чтобъ ему же, синоду (а не юстицъ-коллегін, какъ приговорилъ сенатъ), дано было и право суда надъ служителями этихъ вотчинъ; но царь не согласился на это. Впрочемъ, св. синоду было довольно хлопотъ и съ тѣмъ, чтобъ утвердить за собою управленіе самими имуществами церковными, тѣмъ болѣе повести это дѣло такъ, чтобы на синодъ не было нареканія за несправность. Сенатъ, коллегін и даже самъ прежній монастырскій приказъ такъ запутали всѣ дѣла о церковныхъ имуществвахъ, что синоду стоило громаднаго труда разобрать ихъ. Важнѣе всего то, что въ синодѣ не могли получить вѣрныхъ свѣдѣній о количествѣ этихъ имуществъ, и сколько именно податей нужно собирать съ нихъ. Синодъ спрашивалъ этихъ свѣдѣній отъ сената, сенатъ отъ камеръ-и-штатъ-конторъ-коллегій, эти послѣднія отъ воеводъ, камериновъ и комиссаровъ, и все-таки получены были свѣдѣнія неопредѣленные, видимо, неточныя, — такія, о которыхъ синодъ выразился, какъ „о негодныхъ въ дѣйство“. Весь первый годъ синодальнаго управленія прошелъ въ сборѣ этихъ свѣдѣній, такъ что въ этомъ году св. синодъ не сдѣлалъ по части церковныхъ имуществъ почти ничего, что стоило бы особаго замѣчанія, кромѣ развѣ того, что онъ обязалъ всѣхъ архіереевъ слѣдить за правильностію сборовъ податей съ лицъ и земель, находящихся въ вѣдѣніи монастырей и домовъ архіерейскихъ, съ тою цѣлью чтобы

„свѣтскіе комиссары и камериры въ это дѣло не мѣшались, чтобы сборщики лишку въ сборахъ не брали, а паче всего, дабы никто запрещеннымъ взяткамъ отнюдь не касался... а ежели, съ чьей стороны явится какое въ вышеозначенномъ несправленіе, и то все взыскано будетъ съ самихъ архіереевъ“.

Для непосредственнаго выполненія синодальной воли въ распоряженіи церковными имуществами синодъ возстановилъ снова *монастырскій приказъ*, но съ характеромъ, вовсе не похожимъ на прежній: теперьшній приказъ вѣрнѣе можно бы назвать хозяйственнымъ отдѣленіемъ синода; это было учрежденіе, вспомогательное синоду. Начальникомъ въ этомъ приказѣ былъ судья, избранный въ должность синодомъ и утвержденный государемъ. Судья этотъ получалъ отъ синода всѣ повелѣнія и синоду же давалъ отчеты о ходѣ дѣлъ въ приказѣ и вообще во всей области, подлежащей его вѣдѣнію. Такъ какъ приказъ былъ помѣщенъ въ Москвѣ, а дѣла его между тѣмъ утверждались въ синодѣ, въ Петербургѣ, то сочтено за нужное, чтобы здѣсь былъ

коммиссаръ отъ приказа, который бы получалъ отъ синода указы, назначаемые въ приказъ, и отсылалъ ихъ въ Москву, равно какъ подавалъ бы синоду и рапорты изъ Москвы, изъ приказа (№ 523). При этомъ коммиссаръ положено быть двумъ подъячимъ. На должность судьи монастырскаго приказа были представлены синодомъ два кандидата: бывший Московскій вице-губернаторъ Василій Ершовъ и полковникъ Плещеевъ. Государь утвердилъ перваго. Въ „Описаніи“ есть дѣло (№ 254), изъ котораго можно видѣть, какъ Ершовъ отправлялся въ Москву на новую должность, какія затрудненія предстояли ему въ этой должности, какъ хлопоталъ онъ объ устраненіи этихъ затрудненій и какъ организовалъ свою канцелярію; есть здѣсь и другія дѣла, бросающія свѣтъ на дѣятельность монастырскаго приказа съ судьей Ершовымъ во главѣ; но мы не считаемъ нужнымъ касаться всѣхъ этихъ подробностей потому именно, что почти въ одно время съ разбираемою нами книгою вышла другая, спеціально трактующая о монастырскомъ приказѣ, сочиненіе священника Горчакова; изъ этой книги желающій можетъ получить полное понятіе о синодальномъ монастырскомъ приказѣ, свѣдѣнія о которомъ о. Горчаковъ почерпалъ тоже по большей части изъ дѣлъ синодальнаго архива.

Для русской церковной каноники въ синодальномъ архивѣ самый богатый, драгоценный и рѣшительно необходимый матеріалъ. Мы успѣшимъ доказать это, когда выйдетъ въ свѣтъ обѣщанное „Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія“ за 1721 годъ; а теперь кончимъ нашу статью въ надеждѣ, что выполнили задачу, какую поставили себѣ; мы указали все, что синодъ сдѣлалъ болѣе важнаго въ первый годъ своей дѣятельности по всѣмъ разнообразнымъ отраслямъ возложенныхъ на него обязанностей. Какъ онъ развивалъ далѣе свои первыя постановленія; что, почему и какъ измѣнялъ онъ въ нихъ; что вновь постановлялъ и пр., — со всѣмъ этимъ будутъ постепенно знакомить насъ слѣдующіе томы „Описанія“ синодальнаго архива. Дай только Богъ здоровья и силъ и труженикамъ этого дѣла, и тѣмъ, кто покровительствуетъ трудамъ ихъ.

Свящ. И. Я. Образцовъ.

ПИСЬМА О ЛИТЕРАТУРНОМЪ И ПОЛИТИЧЕСКОМЪ СОСТОЯНІИ ХОРВАТСКАГО КОРОЛЕВСТВА.

II.

Книги для народнаго чтенія. — Учебники. — Литература ученая. — Беллетристика.

„У насъ еще не понимаютъ настоящей цѣнности и значенія народной литературы“, говоритъ г. Ягичъ въ упомянутой уже нами въ первомъ письмѣ статьѣ о хорвато-сербской литературѣ (*Книжевикъ*, III, стр. 552). „Огромное большинство нашего общества еще не приготовлено къ чтенію, а потому и не можетъ уважать книги, ибо не знаетъ ихъ сладости и пользы. Другіе, если и читаютъ что-нибудь, то только по обязанности (*od zapata*), по необходимости. Есть у насъ пользующіеся большимъ почетомъ люди, которые ненавидятъ книги. При всякомъ проявленіи народной жизни, особенно въ литературѣ, они уже впередъ боятся, чтобы не постучали на вратахъ ихъ патріотизма, чтобы не пригласили ихъ къ пожертвованіямъ въ пользу народнаго просвѣщенія, о которомъ въ сущности они не много помышляютъ“. Подобныя жалобы на недостатки въ обществѣ сочувствія къ литературѣ навѣрно приходилось неоднократно слышать всякому изъ Русскихъ, кто хоть нѣсколько дней провелъ въ Загребѣ. По отзывамъ тамошнихъ писателей, большинство жителей ничего не читаетъ; другіе ограничиваются чтеніемъ газетъ, скудныхъ содержаніемъ, и только очень немногіе, и то почти исключительно писатели или ученые, читаютъ ученныя сочиненія. При такихъ условіяхъ положеніе писателя весьма затруднительно: „Литературою нельзя у насъ обогатиться“, говорилъ мнѣ почтенный г. Курелацъ. Изданіе серьезныхъ книгъ не окупается, а потому книгопродавцы ограничиваются изданіемъ учебныхъ и популярныхъ книгъ. Литературныя спекуляціи у Хорватовъ не мыслимы. Писательская и издательская дѣятельность положительно разо-

рительны; я знаю одного почтеннаго ученаго, разстроившаго свое состояніе изданіемъ большею частію классическихъ трудовъ, нѣкъмъ не покупаемыхъ. Нѣмецко-мадьярское правительство смотритъ недружелюбно на попытки Хорватовъ создать національную литературу и употребляетъ противъ нея всѣ возможные средства, штрафы, конфискаціи и тюремныя заключенія. Хотя при такихъ обстоятельствахъ не можетъ процвѣтать литература, однако въ послѣдніе годы нѣкоторыя ея отрасли, именно учебная и ученая, оказали значительные успѣхи; особенно неблагоприятно отозвалось нынѣшнее ненормальное состояніе Хорватскаго королевства на беллетристикѣ.

Мы уже сообщили въ первомъ письмѣ статистическія свѣдѣнія о *народныхъ школахъ*, первое основаніе которымъ положено въ 1848 г.: число ихъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ, и внутреннее ихъ состояніе совершенствуется. Учрежденная года три тому назадъ „учительская задруга“ начала свою дѣятельность на пользу народнаго просвѣщенія изданіемъ альманаха „Ljiljan“ и календаря „Malikušnik“. Доселѣ болѣе всего издано руководствъ и популярныхъ книгъ по *естественнымъ наукамъ и сельскому хозяйству*. Загребскій книгопродавецъ, г. Гартманъ, издалъ (съ 1863 года) нѣсколько книжекъ по зоологіи, составленныхъ учителемъ г. Марикомъ, основательно знакомымъ съ состояніемъ своей науки и съ педагогическими требованіями; изложеніе ихъ просто и общедоступно, языкъ безукоризненно чистъ, а изданіе изящно и обогащено прекрасными рисунками. Книга г. Модеца: „Отечественное природоописаніе“ (1866 г.), по внутреннему достоинству мало уступаетъ изданіямъ г. Гартмана. Несравненно ниже стоятъ книжки г. Клаича по сельскому хозяйству (*Маленькій земледѣлецъ, Маленькій столяръ, Маленькая хозяйка*), изданныя въ 1865 году тѣмъ же г. Гартманомъ; онѣ не отличаются общедоступностью изложенія и практичностью. По общественной *шкѣ* и *нравственности* г. Міячъ Стояновичъ издалъ рядъ статей подъ названіемъ „Сочиненія для народа“; появленіе ихъ было встрѣчено всеобщимъ одобреніемъ. Такихъ знатоковъ народа, какъ г. Стояновичъ, мало между Хорватами. По *отечественной географіи* имѣется прекрасное руководство г. Марика: „Praktično poučavanje zemljopisu trojedne kraljevine“ (1865.); но по *отечественной исторіи*, къ крайнему сожалѣнію, Хорваты не имѣютъ доселѣ ни одного общедоступнаго сочиненія.

Нельзя забыть заслугъ народному образованію и хорватской литературы *Иллирской Матицы*, основанной въ 1842 году. Въ послѣднее время учреждено при ней *Общество для изданія народныхъ*

книгъ; при своихъ скудныхъ средствахъ оно издало нѣсколько полезныхъ книгъ, какъ-то: „*O зрѣнїи*“, переводъ сочиненія Кампе „Открытие Америки“ и извѣстный Качичевъ „*Razgovor ugodni naroda slovenskoga*“. Общество Загребскихъ семинаристовъ въ теченіе тридцати лѣтъ издало болѣе двадцати хорошихъ дѣтскихъ книгъ. По его примѣру образовалось недавно такое же общество при Дьяковарской семинаріи, начавшее свою дѣятельность изданіемъ разказа „Симонъ Посавецъ“.

Недостатокъ матеріальныхъ средствъ составляетъ главную причину сравнительно слабой дѣятельности хорватскихъ педагогическихъ и ученыхъ обществъ. Между послѣдними наиболѣе услугъ оказало въ литературѣ Общество юго-славянской исторіи и древностей, учрежденное въ 1850 году по инициативѣ г. Кукулевича-Сакцинскаго, бывшаго съ тѣхъ поръ постояннымъ его предсѣдателемъ. Заслугъ этого общества не должны и не могутъ забыть Хорваты; въ девяти книгахъ его „Архива“ заключается множество драгоценныхъ свѣдѣній по юго-славянской исторіи. При ограниченности своихъ средствъ, оно дѣлало то могло, какъ по собранію матеріаловъ, такъ и по критической ихъ обработкѣ. Но дѣятельность его съ каждымъ годомъ слабѣетъ, и по всей вѣроятности, оно сольется съ юго-славянскою академіей. Та же участь, вѣроятно, постигнетъ и Иллирскую Матицу, оказавшую также не малыя услуги хорватской литературѣ изданіемъ далматинско-дубровницкихъ писателей и въ послѣднее время журнала *Книжесвикъ*. Самостоятельное существованіе этихъ ученыхъ учреждений въ настоящее время едва-ли возможно и особенно полезно, слитіе же ихъ съ академіей, централизуя умственные силы Хорватовъ и ихъ матеріальныя средства, должно, по моему крайнему разумѣнію, благоприятно отозваться на ихъ литературѣ.

Говоря о трудахъ членовъ юго-славянской академіи, мы уже достаточно познакомили читателей съ *ученою литературою* Хорватовъ. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ ученыхъ, которые не входятъ въ составъ академіи. Первое мѣсто между ними безусловно принадлежитъ г. *Кукулевичу-Сакцинскому*.

Онъ началъ свою литературную дѣятельность въ ранней молодости: на 21 году онъ напечаталъ въ *Даницѣ* (1837 г.) первое стихотвореніе „Скорбь по милой“ (*Tuga za ljubom*). Въ слѣдующемъ 1838 г., онъ напечаталъ *первою* въ новой хорватской литературѣ пьесу для народнаго театра „Юринъ и Софія“. Въ 1843 году вышла его драма „Степко Шубичъ“, имѣвшая большой успѣхъ. Затѣмъ онъ написалъ

и перевелъ нѣсколько повѣстей, между прочимъ „Марю Посадницу“ Карамзина, вышедшихъ въ сборникѣ его сочиненій (*Дѣла*, 4 кн., 1842 — 1847). Какъ бы ни были слабы эти беллетристическіе опыты молодаго хорватскаго патріота, они были не бесполезны, содѣйствуя пробужденію народности воспоминаніями о временахъ независимости и картинами народной жизни. Въ эпоху всеобщаго броженія умовъ въ Австріи, г. Кукулевичъ издалъ маленькій сборникъ патріотическихкихъ стихотвореній, подъ названіемъ „Славянки“, направленныхъ преимущественно противъ Нѣмцевъ и Мадьяръ. Пристрастіе къ поэзіи г. Кукулевичъ сохранилъ до послѣдняго времени. Въ 1866 году, по случаю трехсотлѣтней годовщины бана Николая Зринскаго, онъ издалъ стихотвореніе „Зринскій замокъ“ (*Uspomena na ples prigodom tristogodišnje svetkovine Bana Nikole Zrinskoga u Zagrebu, dne 26 studena 1866*, съ портретомъ бана и съ изображеніемъ замка), которое было роздано присутствовавшимъ на балѣ, какъ программа танцевъ, тутъ же напечатанная. Наконецъ, въ прошломъ году, когда онъ вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ, Иваномъ Мажураичемъ, бывшимъ канцлеромъ Трїедиаго королевства, былъ отставленъ отъ службы, онъ напечаталъ четырехактную драму „Потурченецъ“ (*Poturica*, 16°, 90 стр.), слабую въ литературномъ отношеніи, но замѣчательную, какъ исповѣдь поэта: подъ именемъ Владка Банянина онъ изобразилъ самого себя. Вотъ какія рѣчи онъ влагаетъ въ уста Владка:

„Легко сказать, братья: будь намъ вождемъ! Но тяжело переносить это бремя. Еслибъ я былъ *чужестранцемъ*, легко бы мнѣ было; но я рожденъ между вами, принадлежу къ вашему племени и знаю, какъ тяжело *нашему брату* слушаться своего, покоряться ему. Я знаю васъ, и вы меня знаете: я дорожу благосостояніемъ родины, народу я желалъ бы свободы, руководилъ бы имъ честно и славно, хотя бы звалъ, что погибну. Но народъ меня оставитъ, когда вождь наиболѣе будетъ въ немъ нуждаться. Многіе изъ васъ позабываютъ моему первенству и господству, и всякій самъ захочетъ господствовать. Таковъ ужъ нравъ нашъ, что чужестранцу мы кланяемся въ поляхъ, а своего топчемъ въ грязь; что чужестранца мы возносимъ до неба, а своего выставляемъ на поруганіе... Я видѣлъ язвы своего народа, я видѣлъ посяганіе, но часто скорбѣлъ я одинъ. Все, что говорятъ пѣсни юнацкія, все, что разказываютъ намъ мудрые старцы, все это собрала душа моя и сохранила на днѣ своего бытія. Все, что только всесильное время донесло до насъ, все, что только славная пѣсня сохранила намъ, все, что только въ тайнѣ кроется въ мужественной груди, все это носится передо мною, какъ чудное видѣніе, пробуждая во мнѣ желаніе возратить или сохранить все это моему народу. Радостно я воскликнулъ бы на весь свѣтъ: вотъ поднялся народъ мой на ноги, чтобъ отмстить за пролятыя кривды *чужестранцамъ*, чтобъ воскресить старую свою славу, чтобъ омыть старое свое посяганіе; но мы не тѣ, что были нѣкогда

безсмертные наши предки; вставъ изъ гроба, они не узнали бы своихъ внуковъ, оскверненныхъ игомъ и позоромъ; они воскликнули бы: „Это не наши потомки“. Они подумали бы, что на старой землѣ вымеръ народъ, ибо пѣтъ его, и свѣтъ не признаетъ его“ (стр. 40 — 42).

Уважаая вполне патріотическія стремленія г. Кукулевича, сочувствуя мыслямъ, имъ высказаннымъ въ его стихотвореніяхъ, мы тѣмъ не менѣе должны сознаться, что онъ не рожденъ поэтомъ; настоящее его призваніе есть ученая и политическая дѣятельность. Оставляя послѣднюю до слѣдующаго письма, постараемся вкратцѣ очертить первую. Во время своихъ путешествій по Далмаціи (осенью 1854 и въ 1857 году), по Ионическимъ островамъ и Италіи (въ томъ же 1857 г.) и наконецъ по Босніи (въ 1858 году), г. Кукулевичъ ознакомился съ источниками юго-славянской исторіи политической и литературной и съ юго-славянскими памятниками искусствъ, разсѣянными по этимъ странамъ; результаты своихъ изслѣдованій и открытій онъ обнародовалъ въ описаніи своихъ путешествій. Изъ нихъ особенно важно для науки „Путешествіе черезъ Далмацію въ Неаполь и Римъ“ (1857 г.); оно напечатано въ IV книгѣ *Архива* и потомъ издано отдѣльно (in 8°, 88 стр. съ тремя рисунками); въ немъ г. Кукулевичъ, сколько намъ извѣстно, впервые познакомилъ славянскій міръ съ сокровищами, хранящимися въ архивахъ и библіотекахъ Далмаціи и Италіи, и съ произведеніями славянскихъ художниковъ въ церквахъ и музеяхъ этихъ странъ. По кратковременности своего путешествія г. Кукулевичъ, само собою разумѣется, отмѣтилъ далеко не все, что достойно вниманія историка и археолога; но на первый разъ было достаточно и того, что онъ сдѣлалъ. Во время этихъ же путешествій, онъ собралъ массу матеріаловъ по юго-славянской исторіи, которыми значительно пополнилъ свою библіотеку. Сокровищами, собранными въ этой замѣчательной библіотекѣ, о которой мы упоминали уже въ предыдущемъ письмѣ, г. Кукулевичъ воспользовался для слѣдующихъ изданій:

1) Въ 1844 году онъ перепечаталъ первоначально изданную въ Анконѣ въ 1665 году оду извѣстнаго дубровническаго поэта, *Владислава Минчетича*, въ честь бана Петра Зринскаго, автора поэмы „Адриатическая Сирена“, подъ заглавіемъ: *Труба славянская* (Trublja Slovinska).

2) Въ 1853 году онъ издалъ лирическія стихотворенія и переводы изъ Тасса, Софокла и Овидія другаго знаменитаго дубровническаго поэта, *Доминика Златарича* († 1610 года), приложивъ къ нимъ біографію поэта: *Djela D. Zlatarića*, 3 части.

3) Съ 1856 года г. Кукулевичъ сталъ издавать выборъ изъ лучшихъ далматино-дубровницкихъ поэтовъ и ихъ біографіи подъ названіемъ „Старые хорватскіе поэты“; вышло доселѣ 3 выпуска (въ 1856, 1858, 1867 гг.): первые два достаточно извѣстны у насъ; о послѣднемъ скажемъ нѣсколько словъ. Въ немъ помѣщены біографіи и неизданныя произведенія слѣдующихъ поэтовъ: Дубровничанъ — *Николай Димитрича* († 1533), *Михаила Бунича-Бабулиновича* († 1590), *Марина Галязовича* († 1590), *Божка Тудиза* († 1566), *Савка Бабалича-Мишетица* († 1585), *Мароя Мажибридица* († 1591), *Михаила Менчетица-Матуфича* († 1590), *Франциска Лукаревича-Бурина* († 1600), и *Задрянпа Симона Будинича* († 1600); это изданіе г. Кукулевича крайне необходимо для всякаго, занимающагося исторіей сербо-хорватской литературы.

4) *Jura regni Croatiae, Slavoniae et Dalmatiae*. Ibid., 1862. 3 части.

5) *Acta croatica* (глаголическіе памятники). Zagabria, 1863.

6) *Monumenta Slavorum meridionalium*. 1-я книга, ibid. 1863. (Это послѣднее изданіе, составляющее нынѣ собственность юго-славянскаго академіи, продается, по уменьшенной цѣнѣ, за 3 гульдена).

Три послѣднія изданія составляютъ, вмѣстѣ съ сборниками Шафарикова, Мильошича, Тейнера, Николаевича и Пуцича, необходимое для каждаго юго-славянскаго историка собраніе источниковъ.

Изъ ученыхъ сочиненій г. Кукулевича наиболѣе замѣчательны слѣдующія:

1) *Исторія Медвѣдъ-града* (1854); 2) *Жизнь художника Юрія Юлія Кловія* (1854); 3) *Описаніе первопрестольной церкви въ Загребѣ* (1856); 4) *Словарь юго-славянскихъ художниковъ* (начать въ 1858 году; вышло нѣсколько выпусковъ; трудъ весьма важный); 5) *Историческій очеркъ Вараждина*; 6) *Борьба Хорватовъ съ Монголами и Татарами*, и 7) *Юго-славянская бібліографія* (2 выпуска).

Нельзя также забыть трудовъ г. Кукулевича по редакціи *Архива юго-славянскаго исторіи и древностей*, въ которомъ разбросано много его историческихъ и археологическихъ изслѣдованій. Ученые труды г. Кукулевича оцѣнены по достоинству нашею Академіею Наукъ, избравшею его своимъ членомъ-корреспондентомъ, и нашимъ правительствомъ, пожаловавшимъ ему въ годовщину тысячелѣтія Россіи орденъ св. Анны 2-й степени; этими отличіями г. Кукулевичъ гордится передъ своими соотечественниками, особенно передъ молодымъ поколѣніемъ, свысока смотрящимъ на прежнихъ литературныхъ дѣятелей, заслуги которыхъ оно такъ легко забываетъ.

Вмѣстѣ и одновременно съ г. Кукулевичемъ выступили на ученое литературное поприще еще нѣкоторые изъ хорватскихъ писателей, живущіе нынѣ: это были гг. *Гай*, братья *Мажураничи*, *Деметеръ*, *Утѣшисновичъ*, *Бабукичъ*, *Вукотиновичъ*. Ихъ заслуги въ дѣлѣ народно-литературнаго возрожденія Хорватовъ болѣе или менѣе извѣстны, притомъ ихъ дѣятельность принадлежитъ эпохѣ предшествовавшей, а потому здѣсь неумѣстно говорить о ней. Ихъ мѣсто заняли писатели новые, продолжающіе ихъ дѣло. Но число ихъ не велико, и труды ихъ немногочисленны. О большей части изъ нихъ мы уже говорили въ первомъ письмѣ; теперь же остается сказать еще о нѣсколькихъ.

Изученіе *народнаго быта* и *народной словесности* значительно подвинуто въ послѣдніе годы. Профессоръ *Валласъ* издалъ народныя сказки Вараждинскаго округа (*Narodne pripoviedke u i oko Varaždina*, 8°, X+315 стр.) и напечаталъ въ *Книжевикъ* (II, стр. 52—61) не лишнюю интереса статью о *рожденіицахъ*, далеко впрочемъ уступающую извѣстному изслѣдованію И. И. Срезневскаго. Г. *Лука Маряновичъ* занимался собираніемъ народныхъ пѣсень въ верхней Крайнѣ, въ сосѣдствѣ съ турецкою Хорватіею; въ 1864 году онъ издалъ первый выпускъ своего сборника: пѣсни юнацкія и женскія (*Hrvatske narodne pjesme, što se pjevaju u gornjoj Hrvatskoj Krajini i u Turskoj Hrvatskoj*, 8°, VII+207 стр.); продолженія до сихъ поръ не имѣется. Особенно важныя услуги по собиранію и изданію произведеній хорватско-сербской народной словесности оказывали наукѣ гг. *Юкичъ* и *Стояновичъ*. *Фра Юкичъ*, извѣстный своими статьями о Боснѣ и Герцеговинѣ, издалъ въ 1865 году два тома собранныхъ имъ на мѣстѣ народныхъ пѣсень босанскихъ и герцеговинскихъ (*Narodne pjesme bosanske i hercegovačke*, 621 стр.). Г. *Миятъ Стояновичъ* въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ собиралъ по Славоніи, Срѣму, Бачеѣ, Банату и другимъ юго-славянскимъ краямъ народныя пословицы, сказки и пѣсни; въ 1866 г. онъ издалъ сборникъ хорватскихъ пословицъ (*Sbirka hrvatskih narodnih posloviceh i riečih*, 8°, стр. VI+271), а въ прошломъ году небольшое, но замѣчательное по выбору собраніе народныхъ сказокъ и пѣсень (*Pučke pripoviedke i pjesme*, 16°, 300 стр.) Нельзя забыть здѣсь и почтеннаго труда г. *Илича* о народныхъ обычаяхъ у Словенцевъ (*Narodni Slavonski obiçaji*, стр. XIV+316).

Исторіей хорватской литературы занимаются гг. *Исковичъ* (о хорватской Зриніадѣ сравнительно съ мадыарскою, въ *Книжев-*

никъ III, стр. 310—335), *А. Брчицъ* (издалъ пѣсню Томка Ивана Марновича (1626) о Магдалинѣ Будишичъ, въ 1863 году), *Старчевичъ* (перепечаталъ извѣстную популярную эпопею *Дошена* (1768 года): „Седмиглавыи драконъ“ (865 года) и нѣкоторыя другія. По *исторіи хорватско-словенской литературы* Хорваты имѣютъ добросовѣстный трудъ г. *И. Мацуна* (Kratak pregled Slovenske literature, 1863).

По *церковной исторіи* заслуживаетъ особаго упоминанія трудъ д-ра *И. Чрничича*, каноника св. Иеронима въ Римѣ: „*Древнѣйшая исторія крчской, осорской, рабской, сенской и крбавской епархіи*, (Najstarija poviest krčkej, osorskoj, rabskoj, senjskoj i krbavskoj biskupiji. U Rimu, 1867. in 8°, 169 стр.), критически обработанная по источникамъ, отчасти бывшимъ доселѣ неизвѣстными; въ приложеніи напечатаны акты (числомъ 21) 1258 — 1519 годовъ. Въ нынѣшнемъ году г. *Чрничичъ* издалъ въ Римѣ же два небольшихъ разсужденія: *Slovenski Sveti Jerolim u Rimu a Rieka* и *Drugo je Senj a drugo Segni* (26 стр.); въ первомъ онъ доказываетъ, что Рѣка (Fiume) всегда принадлежала Хорватскому королевству, а во второмъ указываетъ на различіе между хорватскимъ Сенемъ (Senj, Zeng) и итальянскимъ (въ 30 миляхъ на юго-востокъ отъ Рима, Segni), смѣшиваемыми церковными историками. Тому же автору принадлежитъ весьма важная статья о *Крчскихъ древностяхъ*, напечатанная въ *Книжесвикъ*, II, стр. 1—23; въ ней сообщаются любопытныя свѣдѣнія о найденныхъ въ Кркѣ римскихъ и глаголическихъ написяхъ (между послѣдними одна XI вѣка, времени хорватскаго короля Звонимира) и о двухъ глаголическихъ грамотахъ Добриньскихъ 1100 и 1230 года).

По *исторіи политической*, кромѣ трудовъ академиковъ, нѣтъ ни одного сочиненія, достойнаго упоминанія.

По *географіи хорватской* есть почтенный трудъ г. *Сабляра*: *Miestopisni ricčnik kraljevinah Dalmacije, Hèrvatske i Slavonije* (Orts-Lexicon der Königreiche Dalmatien, Kroatien und Slavonien) U Zagrebu, 1866, въ большую 8°, XXIV+540 стр.). Этотъ трудъ основанъ на официальныхъ данныхъ, собранныхъ и обработанныхъ г. Сабляромъ съ 1850 по 1864 г., и составляетъ только краткое извлеченіе изъ огромнаго труда (болѣе 100 печатныхъ листовъ въ большую 8°), на изданіе коего г. Сабляръ не имѣлъ средствъ. Кромѣ обстоятельныхъ топографическихъ и статистическихъ свѣдѣній о Трїедномъ королевствѣ и Истрии, въ первый разъ появляющихся въ печати, г. Сабляръ сообщаетъ въ прибавленіяхъ кое-что о замѣчательныхъ произведе-

ніяхъ природы. Кромѣ г. Сабляра, мы должны упомянуть еще о г. Юкичъ, издавшемъ въ 1861 г. *Описаніе и исторію Босны* (Zemljopis i povjestnica Bosne) и о проф. Фр. Врдашкѣ, напечатавшемъ въ *Книжевикѣ*, II, стр. 321—348, безпристрастную статью о Южнѣхъ Славянахъ въ Турціи.

По языкознанію стоитъ упоминанія только трудъ г. В. Шацеля: *Этимологія книжнаго хорватскаго языка* (Oblici književne hrvaštine. U Karlovcu. 52 стр.), написанная по системѣ Миклошича.

Въ заключеніе мы должны сказать о только-что вышедшей книгѣ члена юго-славянскаго академіи, Шулека, изъ трудовъ котораго доселѣ намъ была извѣстна лишь одна рецензія въ *Книжевикѣ*: *Наша права* (Naše pravice. U Zagrabu 1868. 16°, LI + 496 + CLII, стр.). Подъ этимъ названіемъ г. Шулекъ издалъ сборникъ законовъ грамотъ, и постановленій по государственному праву далматинно-хорватославонскаго королевства съ 1162 по 1868 годъ. Сборникъ этотъ, предназначенный не для ученыхъ, а для образованнаго общества, изданъ съ патриотическою цѣлью — дать каждому Хорвату въ руки оружіе противъ Мадьяръ, увѣряющихъ, что Хорватское королевство было испоконъ вѣка подчинено имъ и никогда не имѣло государственной самостоятельности. Въ предисловіи авторъ представляетъ очеркъ государственнаго права Трїединого королевства. Было бы желательно распространеніе этой полезной и общедоступной по цѣнѣ книги и у насъ въ Россіи.

Хорватская беллетристика въ полномъ упадкѣ. Въ ней преобладаетъ *эпосъ*; молодые поэты стараются подражать превосходнымъ народнымъ эпосамъ, но не постигая, что такое *народность* въ поэзіи, впадаютъ въ *простонародность*. Изъ массы ихъ чисто ученическихъ опытовъ едва можно выдѣлать одну поэмъ г. И. Дежмана: „Смиланъ и Ковилька“, но и она далеко не удовлетворитъ литературнымъ требованіямъ; есть въ ней превосходные эпизоды, но въ цѣломъ она слаба. Изъ *балладъ* только тѣ хороши, которыя принадлежатъ старымъ поэтамъ, гг. *Тирнскому* и *Боговичу*. Въ *драматической литературѣ* точно также нѣтъ ничего достойнаго вниманія, кромѣ произведеній поэтовъ стараго поколѣнія, гг. *Субботича* „Звониміръ“ и *Бана* „Царь Лазарь“. *Повѣсть* и *романъ* не существуютъ; ибо не достойны этого имени бумагомаранія незрѣлыхъ хорватскихъ лже-поэтовъ. *Переводится* съ иностранныхъ языковъ кое-что и кое-какъ: Луиза Мильбахъ и Сеньковскій царствуютъ на хорватскомъ Парнассѣ.

III.

Политическія партіи и ихъ представители: Кукулевичъ и Боговичъ.

„Non deterret nos a praconcepto nostro commodo, quod pars simus, uti leges loquuntur, annexa Hungariae, non autem *subditi*, et nativos olim habebamus, non Hungaros reges, nullaque vis, nulla captivitas nos Hungaris addixit, sed spontanea nostra ultroneaque voluntate, non quidem *Regno*, verum eorundem *Regi* nosmet subjecimus, ipsorum omnino etiamnum profitemur Regem, quamdiu *Austriacus* fuerit. Liberi sumus, non mancipia etc.“. Такъ отвѣчалъ хорватскій сеймъ 1712 года на притязанія Мадьяръ, основываясь на древнихъ своихъ договорахъ и законахъ. И подлинно, Тріединное королевство въ прежнихъ своихъ границахъ — отъ Муры и Дравы до Дубровника и Боки Которской, отъ рѣки Раши (Arsia) въ Истрии до Дуная и Врбаса въ Боснии — до XVIII столѣтія не было подчинено Венгрии, съ которою, со времени Коломана (1102 года), находилось въ *личной унии*; оба государства имѣли одного и того же короля, который однако короновался особо въ Венгрии короною св. Стефана и особо въ Хорватіи короною Звонимира; каждое изъ нихъ управлялось совершенно независимо, имѣло даже свою особую монету, свое особое войско и свои особыя подати. Верховная власть находилась въ рукахъ хорватскаго *бани*, но была ограничена *соборомъ*. До XVI вѣка соборъ не посылалъ своихъ депутатовъ на венгерскій сеймъ и только съ слѣдующаго вѣка вступилъ въ постоянныя съ нимъ сношенія. До половины прошлаго столѣтія Хорваты пользовались полнѣйшею гражданскою и церковною автономіей и только въ 1767 году добровольно подчинились венгерскому сейму. Вскорѣ они раскаались въ такомъ неразумномъ поступкѣ: Мадьяры стали угнетать хорватскую народность, силою вводить мадьярскій языкъ и попирали священнѣйшія права Хорватовъ. Такъ продолжалось до 1848 года, когда была прервана всякая связь съ Венгріей.

Мадьяры отвѣчаютъ Хорватамъ: „Prius extrema quaeque pericula subeunda, quam pati, ut *Regnum*, quod sat amplum a majoribus acceperunt, minuatur: *nihil* de Regno, neque ad praestitutum tempus, neque perpetuo alienandum, nihil *Hungariae* turpius futurum, quam imperium antiquorum exemplo propagandum, per negligentiam pusillanimitatemque in dies diminuere“. Оставаясь вѣрны этой задачѣ, Мадьяры доказываютъ необходимость возстановленія цѣлости ихъ „великаго отечества“ (*Nagy-magyarország*) со всѣми его „partibus annexis“, какъ

они называютъ Хорвато - Далматинско - Славонское королевство. Они издѣваются надъ „*pacsa conventa*“ Хорватовъ и утверждаютъ, что ихъ „муниципальныя права“ несовмѣстны съ правами и законами мадырскими. Въ выборѣ средствъ для осуществленія своихъ задушевныхъ плановъ Мадыры не задумываются. „*Toth nem ember*“ (Славянинъ не человекъ)“, говорятъ они, и поступаютъ согласно этому классическому изреченію. Они преслѣдуютъ славянскихъ патріотовъ, подкупаютъ редакторовъ и чиновниковъ, вербуютъ всякими средствами своихъ сторонниковъ и съ ихъ помощью устраиваютъ мадырскія демонстраціи....

Чѣмъ же отвѣчаютъ имъ Хорваты? Они ссорятся между собою, сплетничаютъ другъ на друга и тѣмъ доставляютъ Мадырамъ легкую падь собою побѣду. Забывая драгоцѣнное правило: *concordia res parvae crescunt, discordia maximae dilabuntur*, Хорваты въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ не могутъ дѣйствовать единодушно, и ихъ *политическія партіи* никакъ не могутъ между собою согласиться. Такихъ партій три: *мадыронская, оппозиціонная и австрійская*. *Мадыроны* желаютъ тѣснѣйшаго союза съ Венгріей и въ немъ ищутъ своего спасенія: „чѣмъ сильнѣе и свободнѣе будетъ Венгрія, тѣмъ сильнѣе и свободнѣе будемъ и мы“. *Мадыроны* — космополиты и матеріалисты; народность для нихъ не имѣетъ никакого значенія; они помышляютъ только о земныхъ благахъ, ожидаемыхъ ими отъ Мадыръ. Иначе думаетъ слабая *народно-опозиціонная партія* (извѣстнаго публициста г. Кватерника); она не вѣритъ ни Мадырамъ, ни Нѣмцамъ и желаетъ полнѣйшей автономіи; впрочемъ, въ послѣднее время она сблизилась съ мадыронами, надѣясь достигнуть автономіи скорѣе съ помощью Пешта, чѣмъ съ помощью Вѣны. Наконецъ, третья — *народно-австрійская партія* надѣется достигнуть автономіи только съ помощью Австріи и въ возможно-большей солидарности съ остальными австрійскими Славянами; она придерживается программы 1848 и 1861 годовъ. Стремленія этой партіи намъ кажутся наиболѣе разумными. Во главѣ ея стоитъ бывший великій жупанъ Загребскій г. *Кукулевичъ-Сакцинскій*, принимавшій съ 1848 года самое близкое участіе въ политическихъ дѣлахъ Хорватскаго королевства. Мы говорили уже объ этомъ замѣчательномъ человекѣ, какъ о писателѣ и ученомъ, теперь скажемъ о немъ, какъ о политическомъ дѣятелѣ.

Иванъ Антоновичъ Кукулевичъ-Сакцинскій родился въ Вараждинѣ 29-го мая 1816 года. Отецъ его, человекъ умный и образованный, защищалъ, въ качествѣ депутата, на мадырскихъ сеймахъ

1825 — 1826 и 1830 — 1836 годовъ права своего народа и совѣтовалъ ввести въ администрацію и школы Хорватскаго королевства *народный языкъ*. Мать его, Антонида Лабашева, была сестрою извѣстнаго хорватскаго археолога, Ивана Лабаша. Подъ вліяніемъ отца и дяди развивались въ Иванѣ Антоновичѣ любовь къ родинѣ и къ наукѣ. По окончаніи курса наукъ въ Загребскомъ училищѣ правовѣдѣнія, онъ поступилъ въ 1833 году въ военную службу, въ которой оставался до 1842 года. Возвратившись на родину, онъ занялъ судейскую должность въ Загребѣ, а въ 1845 году былъ избранъ окружнымъ судьбою Вараждинской жупаніи. Въ 1848 году получилъ мѣсто земскаго архиваріуса.

Политическая дѣятельность г. Кукулевича началась вскорѣ по его возвращеніи на родину. На Загребской скупщинѣ 11-го апрѣля 1843 года онъ произнесъ замѣчательную рѣчь противъ *цензуры*, сильно стѣснявшей свободу мысли, и успѣлъ убѣдить правительство отмѣнить эту мѣру; а на сеймѣ 2-го мая того же года онъ *первый* предложилъ *вести въ администрацію хорватскій языкъ вмѣсто мертваго латинскаго*; но это предложеніе было отвергнуто аристократіей и осуществлено только при банѣ Елачичѣ. Когда, въ отвѣтъ на эту рѣчь, сеймъ предложилъ 10-го іюля того же года замѣнить латинскій языкъ мадьярскимъ, г. Кукулевичъ краснорѣчиво и убѣдительно доказалъ невозможность союза съ Мадырами, доколѣ они будутъ слѣдовать прежней своей политикѣ:

„Они, говорилъ онъ, препятствуютъ развитію нашихъ духовныхъ силъ: они запрещаютъ и то незначительное число книгъ на нашемъ языкѣ, которое мы имѣемъ; они вырываютъ мало по малу наши *розы и терніи* (подъ этимъ названіемъ извѣстенъ сборникъ стихотвореній г. Вукотичовича), они предписываютъ намъ моды и желаютъ воспретить намъ народную одежду, которую мы надѣли изъ любви къ своему народу, они возбраняютъ намъ пѣсни наши и сердятся, что хорватская рѣчь раздается еще по улицамъ, долинамъ и горамъ; они запретили бы намъ, если бы могли, и *говорить свободно*, не смотря на нашу съ ними равноправность и на нашу конституцію; однимъ словомъ, они поработили бы свободный хорватскій народъ; ибо, по ихъ мнѣнію, свобода существуетъ только для однихъ Мадырь. Но пусть они знаютъ, что мы тѣ же Хорваты, предъ которыми вѣкогда трепетали Авары, Франки, Татары, Турки, Баварцы, Пруссаки и мадырскіе бунтовщики-лютеране, и если мы ни откуда не получимъ помощи, въ насъ есть еще столько силъ, чтобы прогнать изъ нашего отечества пахлынувшихъ къ намъ ихъ соотчичей и силою отбить всю ихъ силу.... Не даромъ одинъ мадырскій ораторъ выразился, что мадырская народность только тогда окрѣнетъ и усилится, когда *будутъ побѣждены и уничтожены Хорваты.... Еще не погибла Хорватія, пока мы живы* (гласитъ наша пѣсня); въ самой Венгріи живутъ еще Славяне, и

мы готовы пожертвовать нашимъ имуществомъ и нашею жизнью для сохраненія нашей народности“....

Вся рѣчь Кукулевича была въ этомъ смыслѣ, и не мудрено, что предсѣдатель счелъ долгомъ своимъ сдѣлать строгое замѣчаніе молодому оратору. Нельзя забыть и той смѣлой рѣчи, которую произнесъ г. Кукулевичъ 28-го сентября 1843 года: въ ней онъ требовалъ удаленія изъ Хорватіи губернатора Эрдеди, „перваго и главнѣйшаго непріятеля“ Хорватовъ:

„Онъ не только возбуждаетъ противъ насъ нашихъ виѣшнихъ пріятелей и непріятелей; онъ не только помогаетъ посылать къ намъ на поселеніе чужестранцевъ, старающихся погубить насъ матеріально и нравственно, какъ напримѣръ, нашъ Загребскій цензоръ. Онъ не только поддерживаетъ у насъ прогивонародную партію, но даже хочетъ запретить свободному Хорвату на его хорватской родинѣ говорить на языкѣ хорватскомъ“....

Въ рѣчи, произнесенной 5-го февраля 1844 года на Загребской скупщинѣ, г. Кукулевичъ изобразилъ *раздоры Хорватовъ*, какъ главную причину всѣхъ ихъ несчастій. Къ сожалѣнію, двадцать-четыре года, съ тѣхъ поръ протекшіе, не исправили Хорватовъ, и слова г. Кукулевича примѣнимы къ нимъ и нынѣ:

„Раздѣленные сыны единого отечества раздѣлились еще болѣе; кровь возстала противъ родной своей крови, сынонь противъ отца, братъ противъ брата, пріятель противъ пріятеля, и люди въ нашемъ народѣ разъединили то, что должно было остаться соединеннымъ по закону Божескому и нравственному, разъединили насъ, братьевъ, сыновей единого отечества и языка.... Сильные Хорваты стали гнусными слугами самолюбія и страстей, и вся наша свободная родина — огромнымъ домомъ тайной полиціи, гдѣ не совершается ничего на пользу отечества, но только одинъ наблюдаетъ за другимъ, одинъ жадуется на другаго, одинъ чернитъ другаго передъ свѣтомъ и правительствомъ, не думая о томъ, что, если свѣтъ и правительство наше повѣрятъ хоть половинѣ того, что слышатъ отъ обѣихъ нашихъ партій, то должны произнести слѣдующій судъ: „Всѣ Хорваты вмѣстѣ многого не стоятъ“.... Мы видимъ, что раздѣленные доселѣ на двѣ партіи, мы умѣемъ только угрожать другъ другу, хотя не боимся другъ друга; одна партія ищетъ господства надъ другою, что невозможно ни въ настоящее, ни въ будущее время.... Приидеть къ намъ третій, отниметь у насъ свободу и права наши, скованныхъ въ тяжкія цѣпи броситъ насъ подъ свои ноги, и какъ полновластный нашъ государь, будетъ господствовать надъ нами и издѣваться надъ нашимъ безсиліемъ“....

3-го октября 1845 года г. Кукулевичъ предложилъ *возстановить старый хорватскій сеймъ* съ его прежнею властью и съ его прежними порядками, а 23-го октября 1847 года его вторичное предложеніе о *замѣнѣ въ администраціи латинскаго языка хорватскимъ* было встрѣчено всеобщимъ восторгомъ, и на депутатовъ, по описанію

очевидца, посыпались изъ галлерей вѣйки и гирлянды цвѣтовъ, а пѣснями и криками „ура!“ былъ заглушенъ голосъ противной партіи: такимъ образомъ, наконецъ, хорватскій языкъ былъ провозглашенъ официальнымъ. 21-го января 1848 года г. Кукулевичъ произнесъ длинную рѣчь объ *отношеніяхъ Хорватовъ къ Мадырямъ*, доказывала, на основаніи актовъ, независимость хорватскаго сейма отъ мадырскаго. Считаемъ не бесполезнымъ напомнить здѣсь о нѣкоторыхъ изъ этихъ доказательствъ, вопреки которымъ Мадыры понынѣ предъявляютъ притязанія на господство въ Хорватіи. Законы, составившіеся на хорватскихъ сеймахъ, на которыхъ нѣкогда председательствовали венгерскіе короли, а въ числѣ ихъ и знаменитые Людовикъ I и Матвѣй Корвинъ были подтверждаемы самими королями, а никакъ не мадырскимъ сеймомъ. Далѣе, Хорваты, *прежде Мадыръ*, избрали въ 1527 году своимъ королемъ Фердинанда I, а въ 1712 году, *не обращая ни мало вниманія на Венерію*, признали право наследства за женскою линіей Карла VI.

„Старыя наши права и привилегіи, говоритъ дальше г. Кукулевичъ, кромѣ многихъ другихъ, суть слѣдующія: уже семьсотъ лѣтъ мы составляемъ особую часть (pridruženo tielo) державъ, состоящихъ подъ венгерскою короною; внутри нашихъ границъ мы не должны допускать никакого иностраннаго вліянія; мы можемъ сами создавать и измѣнять свои особыя права и постановленія, но съ согласія одного только короля; какъ нѣкогда мы имѣли особыхъ воеводъ или „duces“, большею частію королевской крови, владѣвшихъ съ королевскою властію, имѣвшихъ свой особый дворъ, издававшихъ подъ своимъ именемъ грамоты и т. д., такъ и нынѣ мы имѣемъ своего верховнаго судью, *бана*, зависящаго отъ одного только короля; ни одинъ иностранецъ не можетъ судить насъ, а потому мы издревле имѣли особый банскій судъ (banski stol)“....

Какъ независимая держава, Хорватское королевство имѣло свою монету, называвшуюся *кунами* (mardurinae) или „moneta banalis“ и „ducalis“, свой особый гербъ, свои народные цвѣта и знамена.

Съ каждою новою рѣчью г. Кукулевичъ пріобрѣталъ болѣе и болѣе популярности. Въ 1848 году онъ, вмѣстѣ съ Гаемъ и Амвросіемъ Вранищаномъ, былъ, по избранію народа, членомъ *временнаго правительства* и главою хорватской депутаціи (изъ нѣсколькихъ сотъ челоувѣкъ), отправившейся въ Вѣну просить Фердинанда I объ утвержденіи избраннаго народомъ бана Елачича. Дѣятельность г. Кукулевича въ 1848 году замѣчательна многосторонностію: онъ *первый* подаетъ мысль о созваніи славянскаго конгресса въ Прагѣ, отправляется *народнымъ посланникомъ* въ Карловцы и Бѣлградъ для заключенія союза между Хорватами и Сербами противъ Мадыръ, заботится о на

родномъ просвѣщеніи въ качествѣ вице-президента особаго отдѣла банскаго вѣча, снова отправляется (съ г. Вукотиновичемъ) въ Вѣну къ императору Фердинанду, по дѣламъ родины, а потомъ къ Радецкому въ Миланъ, откуда получаетъ субсидію для народнаго ополченія въ 100.000 гульденовъ и 7.000 ружей и т. д. Такимъ образомъ съ 1848 по 1850 годъ г. Кукулевичъ принималъ непосредственное участіе во всѣхъ наиболѣе важныхъ политическихъ дѣлахъ Хорватскаго королевства. Его девизомъ было извѣстное его политическое изреченіе: „Ни направо, ни налево, но путемъ дѣдовъ (niti lievo niti desno, nego stazom djedovah). Когда совершился неблагоприятный для Хорватовъ поворотъ въ австрійской политикѣ, г. Кукулевичъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ исключительно литературнымъ занятіямъ. При перемѣнѣ политическихъ обстоятельствъ, г. Кукулевичъ снова принялъ службу: въ 1861 году онъ былъ избранъ великимъ жупаномъ Загребскимъ и въ этой должности оставался до половины прошлаго года, когда его мѣсто занялъ *Боговичъ*. „Сильный вѣтеръ мадыарскій, дующій во всей (Австрійской) имперіи“, проникъ и къ Хорватамъ и сбросилъ г. Кукулевича съ пьедестала.

Преемникъ г. Кукулевича, *Мирко Павловичъ Боговичъ*, извѣстенъ болѣе какъ поэтъ, чѣмъ какъ политическій дѣятель. Онъ сверстникъ и землякъ г. Кукулевича (родился 2-го февраля 1816 года въ Вараждинѣ). Отецъ его, потерявъ въ 1811 году почти все свое состояніе, былъ принужденъ сдѣлаться управляющимъ одного изъ родственниковъ своей жены (мадыарки, Сѣдженъ), въ имѣніяхъ коего, въ нижнемъ Загорьи, провелъ дѣтство Мирко Павловичъ. Великолѣпная природа Загорья, этой хорватской Швейцаріи, оставила неизгладимое впечатлѣніе въ его умѣ и сердцѣ и безспорно сильно вліяла на развитіе его поэтическихъ дарованій. Въ 1822 году онъ былъ посланъ отцомъ въ Крижевцы, къ сестрѣ своей Маріи, и учился тамъ въ нормальной школѣ; а черезъ два года былъ отправленъ въ Вараждинъ въ гимназію. Въ 1831 году, по обычаю того времени, Боговичъ былъ посланъ отцомъ для изученія мадыарскаго языка и философскихъ наукъ въ лицей въ Шемботели, но по случаю холеры, вскорѣ возвратился на родину и въ 1832 году поступилъ въ училище правовѣдѣнія въ Загребѣ. Но восторженному юношѣ было не до науки: онъ мечталъ о военныхъ подвигахъ, о боевой жизни и оставивъ училище, вопреки волѣ отца, поступилъ въ юнкера, а потомъ перешелъ въ кадетскій корпусъ въ Петроварадинъ. Осенью 1837 года

онъ состоялъ уже на дѣйствительной службѣ въ полку эрцгерцога Леопольда, стоявшемъ въ Осѣкѣ. Здѣсь суждено было разсѣяться его мечтамъ, и разочарованный, онъ вышелъ въ отставку въ мартѣ 1840 года.

Нужно было снова приняться за науку, и вотъ Боговичъ изучаетъ право въ Крижевцахъ и держитъ экзамень въ Загребѣ (1841 г.); здѣсь вскорѣ онъ поступилъ на службу въ банскій судъ. Позже, выдержавъ адвокатскій экзамень въ Пештѣ, онъ получилъ мѣсто предсѣдателя Крижевачскаго суда (1844 г.), которое впрочемъ занималъ весьма недолго. Во время беспорядковъ въ Загребѣ въ 1845 году, г. Боговичъ подвергся преслѣдованію мадьяроновъ, былъ сильно раненъ и едва не лишился жизни. Оправившись, онъ принесъ лично жалобу на насилія Мадьяръ императору Фердинанду въ Вѣнѣ и требовалъ удовлетворенія, но тщетно. Отправившись изъ Вѣны къ родственникамъ своимъ въ Венгрію, онъ былъ привѣтствованъ въ Пресбургѣ похвальною одой, написанною извѣстнымъ ловацкимъ поэтомъ и патріотомъ, Л. Штуромъ, съ которымъ онъ еще прежде былъ знакомъ, кромѣ того въ Пештѣ сблизился съ И. Колларомъ, авторомъ „Дочери славы“. Знакомство съ этими двумя замѣчательными личностями осталось не безъ вліянія на Боговича. Во время своего пребыванія въ Венгріи у родственниковъ, г. Боговичъ написалъ большую часть своихъ пѣсень, извѣстныхъ подъ именемъ „Smilje i kovilje“.

Возвратившись въ Загребъ въ 1846 году, онъ занимался адвокатурою и литературой, а въ слѣдующемъ году, по ходатайству своихъ мадьярскихъ родственниковъ, получилъ мѣсто актуарія инспектората въ Рѣкѣ, но не могъ дѣйствовать въ мадьярскомъ духѣ и въ 1848 году вышелъ въ отставку. Банъ Елачичъ назначилъ его членомъ финансоваго, а потомъ и военнаго отдѣла банскаго вѣча. Съ 1848 по 1850 г. Боговичъ исправлялъ трудную должность *банскаго и державнаго повѣреннаго* въ Вараждинѣ. Къ этому времени относятся его политическія статьи въ разныхъ славянскихъ журналахъ. Съ 1850 года онъ посвятилъ себя исключительно литературѣ и пытался издавать газету, но не получилъ разрѣшенія отъ правительства; за свои патріотическія пѣсни онъ постоянно подвергался преслѣдованіямъ и сидѣлъ даже въ тюрьмѣ.

Въ 1860 году банъ Шокчевичъ пригласилъ Боговича участвовать въ занятіяхъ банской конференціи, и онъ сталъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ ея членовъ. По ея закрытіи онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами составилъ обнародованную потомъ на нѣмецкомъ языкѣ „Programm über den Wiederanschluss Croatiens und Slavoniens

an Ungarn". По просьбѣ друзей, г. Боговичъ написалъ извѣстную "охранницу" Вараждинской жупанин 1861 года о коронованіи императора Австрійскаго королемъ Хорватско-Славонско-Далматинскимъ и о созваніи въ Загребѣ сейма. 1-го марта 1861 года Боговичъ былъ избранъ представителемъ (zastupnik) города Загреба, а 4-го апрѣля депутатомъ на сеймъ, вскорѣ послѣ того открытый. Въ изданной въ іюнь того же года брошюрѣ „Politische Rückblicke in Bezug auf Kroatien“ и въ рѣчи, произнесенной 26-го числа того же мѣсяца, находимъ политическую исповѣдь г. Боговича: не вѣря централистической Австріи, онъ предлагаетъ союзъ съ Венгріей. Вотъ какъ говорить онъ объ этомъ въ вышеупомянутой рѣчи:

„Мы желаемъ соединенія съ Венгріей, но не съ такъ-называемымъ исключительнымъ Мадьярорсагомъ. Мы желаемъ соединенія съ народами всей Венгрии, а не съ одними Мадьярами. Мы желаемъ соединенія на условіяхъ полнѣйшей народной и политической равноправности, на основаніи нашихъ государственныхъ договоровъ 1102, 1527 и 1712 годовъ. Мы желаемъ соединенія Трїедиаго королевства во всей его цѣлости, независимости и самостоятельности съ королевствомъ Венгерскимъ, такъ чтобы оба эти королевства, въ истинномъ и настоящемъ смыслѣ слова, были „*regna sociâ foedere juncta, ubi*“ — по словамъ славнаго бана Өомы Бакачъ-Эрдеди, — „*Regnum Regno non praescribet*“.

Подобную программу развивалъ г. Боговичъ еще въ 1848 году въ сонетѣ „Мадьярамъ“, напечатанномъ въ его „Патріотическихъ голосахъ“. Вотъ его переводъ:

„О Мадьяре, братья по конституціи, издавна соединенные съ Хорватами, не отнимайте отъ насъ безразсудно, что намъ дала природа, славная мать“.

„Вспомните старыя времена! Много бѣдъ вмѣстѣ съ вами претерпѣлъ Хорватъ; возвратите ему то, что его, и опять вы найдете его готовымъ:

„На пользу общаго отечества идти съ вами даже въ огонь, *одинъ за всѣхъ и всѣ за одного!*“

„Итакъ да будетъ миръ межъ нами; если жъ нѣтъ, — неяйте на себя“!

Г. Боговичъ въ самомъ началѣ своей политической карьеры высказался слишкомъ откровенно, и не мудро поэтому, что онъ встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны людей, мыслившихъ съ нимъ неодинаково и старавшихся всячески очернить его и представлять мадьярономъ; ему ставили въ вину и его родство съ Мадьярами, и его сношенія съ школьными товарищами. „Не привыкшій быть хладнокровнымъ и терпѣливымъ“, г. Боговичъ долженъ былъ удалиться съ политическаго поприща въ уединеніе и снова посвятить себя исключительно поэзіи, до „лучшихъ временъ“, наставшихъ для него въ половинѣ прошлаго года. Всѣмъ извѣстныя политическія обстоятель-

ства доставили въ Австрію первенство Мадьярамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ успѣли мадырскую партію въ Хорватіи, и г. Боговичъ сталъ великимъ жупаномъ. Мы не думаемъ заподозривать г. Боговича въ измѣнѣ отечеству, подобно его политическимъ врагамъ, но не признаемъ въ немъ дальновиднаго и опытнаго государственнаго мужа; достаточно хоть немного знать Мадьяръ и прислушаться къ ихъ рѣчамъ, чтобъ убѣдиться, что Хорваты не могутъ ожидать отъ нихъ ничего хорошаго. Мадьяры изъ чувства личнаго самосохраненія — естественные и ожесточеннѣйшіе враги Хорватовъ; у нихъ есть на столько политическаго такта и дальновидности, чтобы не допустить Хорватовъ обособиться и стать въ независимое отъ нихъ положеніе. Мадьярамъ предстоитъ одно изъ двухъ — или быть поглощенными со всѣхъ сторонъ окружающими ихъ Славянами, или поглотить Славянъ; тутъ вопросъ о жизни и смерти, и потому нельзя безусловно осуждать Мадьяръ. Но мы можемъ и должны порицать политику тѣхъ хорватскихъ государственныхъ дѣятелей, которые своею недальновидностью готовятъ побѣду Мадьярамъ. Вотъ почему мы рѣшительно осуждаемъ господствующую нынѣ въ Хорватіи политику г. Боговича и становимся во враждебный ему лагерь — г. Кукулевича. Близкое будущее можетъ показать, на сколько мы справедливы; въ настоящее же время можно пожелать Хорватамъ только побольше единомыслія и напомнить имъ прекрасное стихотвореніе г. Боговича:

„О родина, милая мать моя! Ты всегда мнѣ была дорога; духомъ не оставляя я тебя, когда жилъ на чужбинѣ; хорошо тамъ мнѣ было, но чего-то недоставало, ибо какая-то тайная сила влекла меня назадъ, подъ материнскій кровъ.

„Ты вознеслась славою превыше всѣхъ державъ (!!!), какъ соколъ возносится надъ птицами; какъ бы ты ни была посрамлена и презираема свѣтомъ, я всегда буду любить тебя, прославлять и глубоко почитать...

„Какова бы ты ни была, мать моя, для меня не нужно лучшаго вертограда; мои мысли сосредоточиваются около твоего счастья, вся моя надежда въ тебѣ! И когда я умру, пусть не чужая приметъ меня земля, но да покроетъ меня родная твоя глыба“!

В. Макушевъ.

Венеція $\frac{23\text{-го мая}}{4\text{-го юня}}$ 1868.

ПО ВОПРОСУ О МАЛОУСПѢШНЫХЪ УЧЕНИКАХЪ НАШИХЪ ГИМНАЗІЙ.

Много званыхъ, но мало избранныхъ.

Caveant consules, ne quid res publica detrimenti capiat.

Kriterium eines Gymnasiums was an den Schwachen geschehen ist.

Nägelsbach.

Если бы составить и опубликовать списки каждого выпуска нашихъ гимназій, — списки, въ которыхъ показывалось бы число поступившихъ въ 1-й классъ, число прибывавшихъ во второй и въ третій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и число исключенныхъ въ каждомъ классѣ, или вынужденныхъ оставить гимназію *добровольно*, то можно сказать съ полною увѣренностью, что на людей, заинтересованныхъ педагогическимъ дѣломъ у насъ, они подѣйствовали бы такъ же, какъ слово Масильона на его слушателей — о маломъ числѣ избранныхъ.

Руководствуясь правиломъ устава, что просидѣвшій въ одномъ и томъ же классѣ два года и не оказавшій успѣховъ не можетъ остаться на третій годъ, гимназіи производятъ ежегодно люстрацію, которая тѣмъ ужаснѣе и многочисленнѣй, чѣмъ болѣе выказывается рвенія къ буквѣ закона. Итакъ, коль скоро окажется въ классѣ лѣнтяй, ему сначала ставятъ единицы, потомъ оставляютъ на другой годъ въ томъ же классѣ, допекаютъ единицами — если на мальчика не сойдетъ вдохновеніе свыше — до конца другаго года и потомъ исключаютъ. Бываютъ и такіе случаи: кто-нибудь изъ членовъ педагогическаго совѣта входитъ въ безвыходное положеніе мальчика-лѣнтяя, держитъ за него предъ своими товарищами рѣчь въ филантропическомъ духѣ, и лѣнтяй, *Christi gratia* получившій переводныя отмѣтки, переходитъ въ слѣдующій классъ большею частью только для того, чтобъ изъ него непременно быть исключеннымъ.

Обыкновенно смотрятъ на такія явленія школьной жизни, какъ на педагогическій *fatum*. „Исключаютъ, говорятъ, лѣнтяевъ; стало-

быть, сама себя раба бьетъ, что нечисто жнетъ. Плохую траву съ поля долой“.

Большая часть споровъ и недоразумѣній, по словамъ Милли, происходитъ отъ того, что спорящіе не считаютъ нужнымъ предварительно условиться въ значеніи словъ спорнаго пункта, и высказанное выше возраженіе служитъ блестящимъ оправданіемъ словъ англійскаго мыслителя. Не принимая въ разчетъ весьма рѣдкіе случаи, выходящіе изъ общаго правила, причиной удаленія изъ гимназій огромнаго большинства нужно считать такъ-называемую на официальномъ языкѣ *малоуспѣшность*, и на обыденномъ — *лѣнь*. Говорю: *такъ-называемую*, потому что реченіе *малоуспѣшность* на языкѣ педагоговъ гораздо болѣе означаетъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, чѣмъ на языкѣ общежитія. Если ученикъ не оказываетъ успѣховъ по упорному отвращенію отъ труда; если онъ не учится по разсѣянности и привычкѣ легко относиться ко всему, руководясь правиломъ: „Еще успѣю! Это легко!“; если онъ не успѣваетъ слѣдовать за классомъ по ограниченности способностей; если онъ не готовитъ уроковъ по неумѣнью ихъ готовить, то-есть, отъ того, что еще не приобрѣлъ навыковъ готовить: все это въ результатѣ называется на языкѣ педагоговъ *малоуспѣшностью* или *лѣнью*.

Отвращеніе отъ труда, легкомысленное отношеніе къ дѣлу и разсѣянность въ огромномъ большинствѣ случаевъ бываютъ слѣдствіемъ домашняго воспитанія, то-есть, приобретаются еще дома, до поступленія въ школу; неспособность же слѣдовать за классомъ и неумѣнью готовить уроки чаще всего поражаются уже гимназійей. Причины первыхъ явленій кроются въ духѣ и воспитательныхъ средствахъ семейства, изъ котораго выходятъ дѣти; изслѣдованіе ихъ завлекло бы насъ далеко, да и нашей цѣли не могло бы оказать никакого содѣйствія. Вступаясь за такъ-называемыхъ лѣнтяевъ, подъ именемъ которыхъ сливуться исключаемые за малоуспѣшность, мы обращаемся къ педагогамъ, а не къ родителямъ. Родители тоже должны быть призваны къ участию въ устраненіи печальнаго для всѣхъ (а для нихъ по преимуществу) результата, къ участию дѣятельному; но объ этомъ слѣдуетъ отдѣльно и прямо поговорить съ родителями. Но такъ какъ содѣйствіе родителей педагогическимъ цѣлямъ школы можно ожидать лишь съ болѣе широкимъ и глубокимъ развитіемъ просвѣщенія, то дѣло это само собою прямо предоставляется времени, а не личностямъ. Пока прямо можно обращаться только къ одному педагогическому сословію, которое если не имѣетъ, такъ должно имѣть сред-

ства не только не возбуждать въ ученикѣ новыхъ слабостей, но даже искорепять въ немъ старыя. Всякій педагогъ, съ честью носящій свое званіе, въ теоріи согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, но на практикѣ рѣдкій не противорѣчитъ себѣ. И это объясняется не обыкновеннымъ противорѣчіемъ теоріи съ практикой, — противорѣчіемъ, лежащимъ въ самой природѣ теоріи, — а въ величайшей трудности педагогическаго дѣла, которая становится совершенно непреодолимою, когда за дѣло берутся педагоги изъ-за средствъ къ жизни, а не по призванію, или по крайней мѣрѣ, не по долгу.

Перваго рода педагоги любятъ примѣнять къ дѣтямъ слова Писанія о плевелахъ и козлищахъ, и отсюда выводятъ законъ объ изверженіи вонъ тернія: это ветхій завѣтъ педагогівъ. Педагогія новозавѣтная руководствуется другими правилами: „Кто изъ васъ, имѣя сто овецъ, и потерявъ одну изъ нихъ, не оставитъ девяносто-девяти въ пустынѣ, и не пойдетъ за пропавшею, пока не найдетъ ея? А нашедши возьметъ ее съ радостью; и пришедши домой, созоветъ друзей и сосѣдей и скажетъ имъ: порадуйтесь со мною; я нашелъ свою пропавшую овцу“? Лук. XV, 4 — 6.

Общество вѣрно держится смысла этихъ святыхъ словъ, и ввѣря дитя школѣ, прежде всего вѣритъ въ ея силы и средства; поэтому считаетъ себя въ правѣ требовать отъ нея воспитанія и если нужно, исправленія дитяти. „Я не специалистъ въ воспитаніи, — разсуждаетъ, напримѣръ, юристъ, — да и времени у меня нѣтъ лишняго, стало-быть нужно отдать сына въ школу, гдѣ знаютъ какъ вести дѣло, потому что ему только и служатъ“. И вдругъ мальчикъ оказывается въ школѣ лѣнтяемъ, шалуномъ, и уповающихъ родителей, сверхъ ихъ ожиданій, просятъ взять его изъ гимназіи или просто исключаютъ. Пятъ-шесть такихъ примѣровъ, и въ обществѣ ропотъ. Станемъ, въ самомъ дѣлѣ, на мѣсто общества и посмотримъ, какимъ покажется намъ подобный образъ дѣятельной школы, не пытаясь рѣшать, до какой степени требованіе общества соотвѣтствуетъ природѣ педагогическаго дѣла.

Въ данномъ случаѣ общество смотритъ на педагога такими же глазами, какъ и на врача. „Больной, говорятъ врачу, *ждетъ вашей помощи*“. И если врачъ по чему бы то ни было, по неумѣнью или по невозможности, не оказалъ помощи, общественное мнѣніе противъ него, будь только онъ во-время призванъ, по мнѣнію общества. Пусть медики съ презрѣніемъ относятся къ такому мнѣнію и клеймятъ его невѣжествомъ, виновата не публика, а они сами. Своимъ

неослабнымъ довѣріемъ публика поощряетъ ихъ къ труду, къ изслѣдованіямъ, къ открытіямъ, къ совершенствованію ихъ науки, а медики отвѣчаютъ на ежедневно возрастающій запросъ надежной помощи равнодушно: „наука не открыла вѣрныхъ средствъ“. Практическая публика не можетъ понять этихъ словъ. Она не отдѣляетъ науки отъ врачей и наоборотъ. Если не открыла, такъ чего же вы смотрите, думаетъ она; отрывайте, у васъ и книги въ рукахъ; вѣдь должны же быть эти средства открыты. — Не настало еще время; научныя открытія не дѣлаются по заказу, они приобретаются вѣками, отвѣчаютъ медики. — А если такъ, то по крайней мѣрѣ сумѣйте найдтись въ извѣстномъ случаѣ, помогите не научно, а хоть опытно; иначе вы не врачи, а самозванцы... Шарлатаны пользуются прогрессивными убѣжденіями общества, а истые жрецы Эскулапа громятъ его порицаніями уже за то, что оно *слишкомъ прогрессивно*; ибо оно осмѣливается такъ непреложно вѣрить въ то, чего они даже и предчувствовать не осмѣливаются; ибо оно не можетъ утратить вѣру въ то, что сокрытое отъ мудрыхъ и разумныхъ міра сего часто открывается младенцамъ.

Какъ больного обыкновенно вопліѣ предоставляютъ врачу, такъ и дитя отдается въ полное и почти безконтрольное распоряженіе присяжныхъ педагоговъ, съ полнымъ упованіемъ, что оно будетъ выучено извѣстными имъ способами, въ которые общество не мѣшается, всему, что значитъ въ программѣ заведенія. Говоря точнѣе, наше общество употребляетъ для выраженія этой мысли нѣсколько иные термины, имѣя впрочемъ на это полное право. Оно думаетъ, что какими бы то ни было путями присяжные педагоги доведутъ дѣтей, отданныхъ попеченію ихъ, до *полученія правъ*, обусловливаемыхъ приобретеніемъ свѣдѣній по извѣстной программѣ. Кого винить — да и нужно ли? — въ томъ, что въ глазахъ общества обученіе имѣетъ только утилитарную цѣль? Этотъ двойственный вопросъ рѣшается отчасти исторіей — стало-быть, къ ней и отходить — отчасти принадлежитъ педагогн, которая до сихъ поръ трудится надъ его рѣшеніемъ. Но коль скоро права, получаемыя отъ обученія, смѣшиваются съ моральными результатами его вслѣдствіе извѣстнаго хода исторіи нашего образованія, стало-быть, педагоги не имѣютъ законнаго основанія глумиться надъ этимъ воззрѣніемъ общества и обязаны входить въ его виды, какъ столяръ и слесарь, входя въ виды родителей своихъ учениковъ, дѣлаютъ изъ нихъ тоже столяровъ и слесарей. Другое дѣло — подготовленіе къ приобретенію искомымъ правъ, это — уже прямо ложится на совѣсть педагога; въ его рукахъ — сдѣлать претендента на права болѣе или

менѣе достойнымъ ихъ. Итакъ, если общество погружено въ грубый утилитаризмъ, а педагогъ прозрѣлъ дальше его и смотритъ на дѣло школы со стороны нравственнаго ея значенія для жизни націи; то первое никогда не мѣшаетъ ему въ осуществленіи его чисто научныхъ видовъ, лишь бы только общество было удовлетворено въ своихъ цѣляхъ и требованіяхъ.

Что требованія общества справедливы, за это ручается и природа дитяти, и устройство педагогическаго вѣдомства насъ.

Хотя дитя поступаетъ въ гимназію и не въ такомъ возрастѣ и не въ такомъ состояніи, которое Локкъ называлъ *tabula rasa*, тѣмъ не менѣе его мораль находится въ хаотическомъ состояніи: то-есть, различныя вліянія, которымъ подвергалось дитя до сихъ поръ, еще не имѣли достаточнаго времени, а силы дитяти — крѣпости, чтобы принять то или другое направленіе. Въ немъ все, и худое, и доброе, — хотя не только въ зародышѣ, а уже съ достаточнымъ подготовленіемъ, то-есть, предрасположеніемъ въ ту или другую сторону; но еще ничего нѣтъ прочнаго. Чтò выйдетъ изъ этого хаоса, чтò осядетъ на дно, чтò всплыветъ на верхъ, чтò получитъ преобладаніе, это рѣшитъ воздѣйствіе на него среды (семейства, родныхъ и знакомыхъ), товарищей, педагоговъ и случая. Въ какой мѣрѣ его будущее зависитъ отъ названныхъ вліяній, вопросъ для насъ совершенно посторонній; намъ нужно только помнить, что оно зависитъ между прочимъ и отъ воздѣйствія школы, и зависитъ вдвойнѣ: отъ воздѣйствія товарищей и отъ воздѣйствія педагоговъ. Значитъ, вліяніе школы сложнѣе, чѣмъ всѣ остальные, и стало-быть, должно и можетъ быть замѣтнѣе. Это знаютъ родители по опыту, и часто въ оправданіе своего неумѣнья воспитывать и своей слабости приводятъ извиненіе, что „въ гимназіи его (сына) еще вышколятъ“, или „въ школѣ его исправятъ“. Знаютъ это и педагоги. Какой педагогъ, при взглядѣ на этотъ рой первоклассниковъ, которые, съ такою охотой слушаютъ его первые рассказы или выполняютъ первыя работы, какой, говоримъ, педагогъ не обрывается надеждою, что съ ними онъ двинется дальше, что съ этимъ новымъ людомъ дѣло у него пойдетъ лучше! Кто не задумывался, при взглядѣ на этотъ рой, о его судьбѣ и не возгорался желаніемъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, образованію изъ него честныхъ и трудолюбивыхъ гражданъ! Стало-быть, природа дитяти и родителями, и педагогами признается способною къ тому, чтò ей предназначаетъ школа. Часто случается даже и то, что педагоги снисходительно относятся къ поступающимъ на приемномъ

экзаменѣ, руководясь гуманнымъ убѣжденіемъ, что *дома нельзя было хорошо подготовиться* (безъ достаточныхъ на то средствъ), и что *школа восполнитъ недостатки подготовленія*. Педагоги совершенно правы. На ихъ глазахъ сплошь и рядомъ совершаются странныя, но, какъ мы увидимъ, понятныя метаморфозы: изъ чистенькаго, бойкаго, смышленнаго мальчика выходитъ лѣнивый шалунъ; изъ едва отвѣчавшаго, тупаго, повидимому обиженнаго природою — трудолюбивый, основательный, лучший ученикъ въ классѣ; изъ лѣнтяя, одною сострадательностью спасеннаго отъ исключенія, — отличный гимназистъ, оканчивающій курсъ съ золотою медалью. Итакъ, довѣріе къ силамъ ребенка со стороны родителей и педагоговъ — логическое слѣдствіе „обыкновенной исторіи“ школьной жизни. Только между довѣріемъ родителей и педагоговъ та разница, что послѣднимъ скоро наскучиваетъ вѣрить и надѣяться, тогда какъ первые вѣчно любятъ, стало-быть, безпрестанно надѣются.

Спрашивается: почему педагоги теряютъ вѣру въ натуру мальчика и въ свое искусство, — вѣру, которую они такъ стойко заявляютъ? Вопросъ будетъ рѣшенъ, если всмотримся въ производителей явленія, то-есть, въ причины малоуспѣшности, и въ положеніе, въ которое поставленъ по отношенію къ нимъ педагогъ.

Вообразимъ педагога, который готовъ тратить и силы и время. лишь бы изъ малоуспѣшныхъ сдѣлать успѣвающихъ; что ему прежде всего нужно? Онъ долженъ распознать родъ малоуспѣшности, которой желаетъ противодействовать. До какой степени не легко дается педагогамъ диагностика малоуспѣшности, лучше всего показываютъ тѣ педагогическіе совѣты, какъ это по опыту знаетъ каждый педагогъ, на которыхъ разсуждаютъ объ успѣхахъ учениковъ; здѣсь рѣдко сходится преподаватели въ оцѣнкѣ не только прилежанія, но даже успѣховъ. Трудность дѣла вытекаетъ изъ того, что учитель приходитъ въ соприкосновеніе съ учениками только въ классѣ и только съ одной стороны, то-есть, по обученію своему предмету, и въ извѣстный часъ. Гораздо выгоднѣе поставленъ классный учитель или воспитатель: для него возможно невозможное для преподавателя. Что же касается до гимназическаго начальства, то оно, если только не занимается преподаваніемъ, имѣетъ еще меньше возможности получить точныя свѣдѣнія о причинахъ малоуспѣшности учащагося. Владѣя данными о томъ, сколько разъ извѣстный ученикъ попадался въ шалостяхъ, сколько разъ, когда и по какому предмету онъ *былъ признанъ* не знающимъ урока, оно можетъ составить на основаніи этихъ данныхъ понятіе только

о дисциплинарной нравственности, значитъ, ту холодную, ничего не берущую въ расчетъ, за то включающую всякое лыко въ строку оцѣнку, которая сразу показываетъ учащемуся, что руководителями править не участіе (чтобы не сказать любовь, о которой мечтаютъ педагоги-романтики, забывающіе, что насильно миль не будешь), а что-то невиданное ими въ семействѣ, что-то отождествляющееся въ дѣтскомъ воображеніи съ отношеніемъ судей къ подсудимымъ. Если же начальство гимназій имѣетъ вѣрное понятіе объ успѣхахъ и нравственности учениковъ, понятіе неофициальное, оно этого достигаетъ только при помощи преподавателей.

Стало-быть, одна изъ самыхъ серьезныхъ и самыхъ главныхъ причинъ малоуспѣшности — удаленіе учащихся и руководителей отъ учениковъ. Отчужденіе это прежде всего выражается въ недовѣрїи, а потомъ — во враждебности другъ къ другу той и другой стороны. Смѣшно сказать, но грѣхъ утаныть, что враждебность существуетъ въ школѣ между учениками и преподавателями¹⁾. Изъ-за дѣтской шалости а иногда просто изъ-за личнаго возрѣнія учителя, дѣло доходитъ до ожесточенія: учитель находитъ достойнымъ своихъ педагогическихъ заботъ преслѣдовать своего врага всѣми зависящими отъ него средствами, а ученикъ бросаетъ учиться его предмету и ищетъ себѣ защиты у другихъ преподавателей. Первоначальная причина такимъ образомъ осложняется: къ ней прибавляется разъединеніе, а часто и враждебность самихъ преподавателей.

Школа, правда, не семья. Педагогическія идилліи, про которыя такъ сладко пишутъ педагогическіе романтики, — просто утопіи. Еслибъ

¹⁾ Сказанное здѣсь, а равно и въ иныхъ мѣстахъ статьи, можетъ быть допущено лишь съ весьма большими ограниченіями; по крайней мѣрѣ, эта «враждебность» едва-ли возможна въ большей части нашихъ гимназій. Вообще, авторъ статьи едва-ли имѣлъ достаточныя основанія столь рѣшительно *обобщать* свои замѣчанія относительно внутренней жизни нашихъ гимназій, кои и до сихъ поръ, а равно и ихъ педагоги, не имѣютъ надлежащихъ средствъ взаимно знакомиться съ этою жизнью. Если къ устраниенію этого недостатка въ нашемъ педагогическомъ дѣлѣ и положено начало, то лишь съ недавняго времени, именно съ установленіемъ въ *Журналѣ Мин. Народн. Просв.* отдѣла «Извѣстій о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній»; сдѣлана съ тою же цѣлю и болѣе рѣшительная попытка чрезъ напечатаніе статьи (въ августовской и настоящей книжкѣ журнала): «Свѣдѣнія о числѣ учившихся въ нашихъ гимназіяхъ» и проч., и особенно *Приложеній* къ ней. Но авторъ не воспользовался для подкрѣпленія своихъ *общихъ* замѣчаній ни этими «Извѣстіями», ни «Свѣдѣніями». Поэтому замѣчанія его могутъ имѣть значеніе лишь соразмѣрное съ числомъ гимназій, съ внутреннею жизнью которыхъ онъ успѣлъ лично ознакомиться. *Ред.*

ихъ осуществить, онѣ дали бы людей неспособныхъ къ нѣнѣшней общественной дѣятельности и политической жизни, людей разочарованныхъ или же наивныхъ оптимистовъ. Будучи несообразна ни съ направлениемъ, ни съ требованіемъ нашего времени, педагогическая идиллія въ общественной школѣ всегда казалась намъ подозрительною, если иной разъ приходилось съ нею встрѣтиться. Заглянувъ за кулисы, можно было видѣть тамъ всю махинацію, приводящую зрителя въ обманъ: это — столь извѣстное популярничанье, дѣйствующее поблажками и фамиллярностію. Все это, конечно, недостойно школы, какъ предосудительная крайность; тѣмъ не менѣе всегда желательно видѣть въ педагогическихъ отношеніяхъ побольше искренности, благородства и правдивости, хотя это тоже не болѣе, какъ *pia desideria*.

Въ малоуспѣшности и вялости педагогическаго дѣла въ гимназіяхъ обыкновенно винятъ педагогическіе совѣты, а люди свѣдущіе, равно какъ и заинтересованные дѣломъ, подаютъ умныя наставленія, какъ ихъ оживить, даже составляютъ программы бесѣдъ; но всѣ предлагаемыя мѣры намъ кажутся палліативными.

Ибо что такое педагогическій совѣтъ?

Собраніе педагоговъ извѣстной гимназіи, — рѣдко въ полномъ составѣ, — развлекающихся выставленіемъ балловъ и серьезно подтверждающихъ, что *N* хорошій ученикъ, потому что у него все 4 и 5, а *X* — плохой, ибо не имѣетъ другихъ отмѣтокъ, кромѣ 1 и 2, о чемъ и слѣдуетъ *извѣстить его родителей* (*sic!*); или же скучающихъ надъ предложеннымъ циркулярно вопросомъ, къ рѣшенію котораго одни совѣтъ не приступаютъ частью по апатіи, частью потому что не было дано достаточнаго времени для приготовленія, тогда какъ другіе смѣло берутся за рѣшеніе, ибо давно распростылись съ путемъ сомнѣній, недоумѣній, ибо готовы на все. Каждый разъ все это заканчивается какимъ-нибудь записаннымъ результатомъ, подъ которымъ подписываются *все* присутствующіе, кромѣ сварливыхъ и строптивыхъ. Странно!... Но странно только съ перваго взгляда. Говоруны и молчаливники, спорщики и поддакиватели — всѣ въ сущности согласны между собой въ томъ, что рѣшеніе даннаго вопроса просто-на-просто упражненіе въ краснорѣчій, а часто и въ томъ, что называется „чья возьметъ“; такъ какъ всѣ они смотрятъ на предложенный вопросъ — да и не могутъ смотрѣть иначе—*a priori*, говорятъ о томъ, что нужно для другихъ, а не для себя, а „чужую бѣду, по пословицѣ, по перстамъ разведу и только къ *своей* ума не приложу“....

Стало-быть, педагогическіе совѣты не что иное, какъ одна фор-

мальность? Такъ по крайней мѣрѣ смотрятъ на нихъ сами члены, давно сознавшіе тщетность совѣтскихъ опредѣленій и бесплодность разсужденій. Было бы весьма несправедливо — хотя у насъ это часто дѣлаютъ — обвинять въ апатіи цѣлое педагогическое сословіе наше и приписывать этотъ недостатокъ тому, что наши педагоги не приготовлены къ своему дѣлу. Точно также несправедливо винить членовъ за бесплодную формальность педагогическихъ совѣтовъ. Педагоги сами томятся этою бесплодною формальностью, но измѣнить дѣла не могутъ. Пусть, говорятъ на это, занимается совѣтъ обсужденіемъ педагогическихъ статей и сочиненій, пересмотромъ методъ, приложеніемъ тѣхъ или другихъ мѣръ, и это говорятъ тѣмъ самымъ педагогамъ, которыхъ считаютъ неприготовленными къ своему дѣлу. Если же они въ самомъ дѣлѣ таковы, то имъ, по нашему мнѣнію, можно только посовѣтовать читать, читать и еще читать педагогическія книги, и обратитъ засѣданія педагогическихъ совѣтовъ въ педагогическія чтенія. Но читать, всякій скажетъ, гораздо удобнѣе у себя дома и тогда, когда этого самъ хочешь. Принадлежа къ числу педагоговъ, мы, само собой разумѣется, къ нимъ гораздо пристрастнѣе и думаемъ о нихъ гораздо лучше, чѣмъ названное мнѣніе. Какъ бы ни корили нашихъ педагоговъ, а они, дѣйствительно, не далекіе въ созерцательной педагогіи, въ практическомъ отношеніи ведутъ свое дѣло соразмѣрно запросу и сообразно условіямъ, въ которыхъ поставлены. Не слѣдуютъ же педагоги умнымъ совѣтамъ потому, что въ обсужденіи *принциповъ* педагогическихъ мѣръ и методовъ видятъ столь же мало пользы, какъ и въ обсужденіи циркулярныхъ вопросовъ. Коль скоро совѣтъ разсуждаетъ и думаетъ не потому, что самъ находитъ нужнымъ обсудить то или другое, а по предписанію, или, что то же, *только* по взаимному соглашенію, результатъ обсужденій, хотя бы онъ былъ и умный, бываетъ безплоденъ; разсуждающіе только устами участвуютъ въ дѣлѣ, сердце же ихъ отстоитъ отъ него далеко. У насъ нѣтъ на этотъ случай примѣра разительнѣе, какъ педагогическіе съѣзды преподавателей русскаго языка и словесности. Созванные въ то время, когда большинство не чувствовало въ нихъ никакой потребности или же не было къ нимъ готово, они не принесли ровно никакой пользы преподаванію отечественнаго языка и словесности. Уже на самомъ, на примѣръ, Московскомъ съѣздѣ раздавались частые голоса, что программа съѣзда не должна быть обязательна для преподавателей, что каждый будетъ, конечно, преподавать такъ, какъ и что преподавалъ до съѣзда; не усилъа появиться

программа съѣзда, какъ программа для поступающихъ въ университетъ сочла пужнымъ многое, отвергнутое на съѣздѣ, прибавить, а иное выпустить, сократить, видоизмѣнить; наконецъ, сами члены съѣзда, принявшаго своимъ девизомъ мудрое педагогическое правило: *non multa, sed multum*, теперь заявляютъ желаніе — которое, какъ говорятъ, уже приведено въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ въ исполненіе — расширить программу русской словесности. Итакъ, съѣзды не дали даже необходимаго, но возможнаго результата — тождества преподаваемаго матеріала, тогда какъ съѣзды нѣмецкихъ учителей, которые мы сконпировали, всегда бывають плодотворны, потому что вызываються сознанныю потребностью. Такимъ образомъ совѣщанія тогда только плодотворны, когда они вызваны совѣщающимися и касаются ихъ интересовъ, а искусственнымъ мѣрами можно на время оживить совѣтъ, но эта жизнь будетъ жизнью пустоцвѣта. Корень зла, слѣдовательно, лучше искать не въ степени подготовки членовъ совѣта, а въ самой постановкѣ послѣдняго, то-есть, въ томъ, что совѣту предоставлены не дѣйствительныя, а минимы права, тогда какъ горячая и плодотворная его дѣятельность можетъ возникнуть лишь при его полноправности въ распоряженіи внутреннею жизнью школы. Въ Германіи и особенно въ Англіи, какъ извѣстно, эта полноправность и независимость школы, сосредоточенная въ рукахъ директора, заставила ее жить и процвѣтать. И у насъ люди опытные говорятъ: „Нужно дать больше простора мѣстнымъ учебнымъ начальствамъ. Пусть всякое дѣйствуетъ смотря по своимъ обстоятельствамъ и отвѣчаетъ преимущественно предъ общимъ мнѣніемъ“. Мы не смѣшиваемъ педагогическаго совѣта съ гимназическимъ начальствомъ, когда говоримъ о независимости послѣдняго; но до нѣкоторой степени отождествляемъ ихъ въ данномъ случаѣ, потому что независимое начальство — насколько, разумѣется, это возможно по духу управленія въ Имперіи и необходимо для успѣха педагогическаго дѣла — сочтетъ нужнымъ и сумѣетъ подобрать себѣ единомышленныхъ сотрудниковъ и сдѣлать управленіе школой на самомъ дѣлѣ коллегіальнымъ.

Нельзя сказать, чтобъ и теперь педагогическіе совѣты не имѣли правъ. Ихъ права—награждать, наказывать, равно какъ избобрѣтать награды и наказанія; но, къ счастью, люди давнымъ-давно надъ этимъ потрудились усердно и плодотворно. Еслибъ и можно было надъ чѣмъ поработать педагогическому совѣту, такъ надъ примѣненіемъ наказанія къ личности; но онъ и здѣсь судья не компетентный, по причинѣ полного невѣдѣнія морали учениковъ. Дано ему еще право

обсуждать программы и методы преподаванія; но и оно фиктивно и бесполезно на столько же, на сколько и остальные права: фиктивно потому, что размѣры и матеріалъ преподаваемаго предмета или предписываются свыше, или опредѣляются университетскою программой, а разсуждать о подробностяхъ нечего, такъ какъ онѣ обусловливаются отмежеваннымъ предмету временемъ и возрастомъ учащихся; а бесполезно это право отъ того, что, — скажемъ не обинуясь, — задѣвая *русскую спесь*, никогда не заставишь одного изъ двухъ *полноправныхъ* преподавателей стать по отношенію къ товарищу въ положеніе ученика. У Нѣмцевъ, гдѣ всякій ищущій учительскаго мѣста, предварительно подвергается продолжительному испытанію, стало-быть, официально учится у своихъ будущихъ товарищей, гдѣ должность учителя имѣетъ три степени (учитель, старшій учитель, профессоръ), гдѣ умѣнье подчиняться и стремленіе научиться чему-нибудь у другихъ стали типическою чертой націи — даже у Нѣмцевъ, по словамъ ихъ лучшихъ педагоговъ, самолюбіе часто мѣшаетъ молодому педагогу сдѣлаться ученикомъ, а опытному — подѣлиться своею опытностью. Много бы можно было привести сравненій и доказательствъ на эту тему; но сказаннаго, думаемъ, довольно для того, чтобы не считать учительскую спесь маловажною помѣхою педагогическому дѣлу ¹⁾.

Заканчивая этотъ *circulus vitiosus*, который дѣлаетъ учителя безсильнымъ опредѣлить родъ малоуспѣшности и стало-быть принять противъ нея мѣры, мы доходимъ до главной, по нашему мнѣнію, причины общей несостоятельности нашего педагогическаго дѣла. Вспомнившимся въ него она давно извѣстна: это — неподвижность и какают законченность учительской службы. Учитель на службѣ — то же, что китайскій мандаринъ. Соблюдена внѣшность, и дѣло въ шлпфѣ. Въ-время пришолъ и вышелъ изъ класса, не манкируетъ, держитъ классъ въ повиновеніи и страхѣ, способности у него учатся, лѣнныя

¹⁾ Во всемъ своемъ разсужденіи о внѣшней постановкѣ и о правахъ педагогическихъ совѣтовъ нашихъ гимназій, авторъ, кажется, погрѣшаетъ противъ дѣйствительности. Только равнодушіе къ дѣлу и личное самолюбіе, а равно и личные несогласія, могутъ препятствовать педагогическимъ совѣтамъ съ пользою обсуждать и примѣнять къ дѣлу какъ вопросы, предоставленные собственному ихъ вѣдѣнію и возникающіе по собственной ихъ инициативѣ, такъ и возбуждаемые извнѣ, но имѣющіе ближайшее отношеніе къ ихъ дѣлу; размѣры же и матеріалъ преподаванія каждаго предмета въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ опредѣляются въ цѣломъ свѣтѣ не мѣстными педагогами, а учебнымъ вѣдомствомъ цѣлаго государства и даже нерѣдко законодательною властью. *Ред.*

лѣнятся, шалуны шалютъ: вотъ офиціальныи идеалъ педагога ¹⁾! Тотъ, кто владѣетъ сими качествами, можетъ почитать отъ всѣхъ дѣлъ своихъ. Пусть пронизательный глазъ пытливаго ревизора различитъ въ этомъ идеалѣ и застои, и тину, и плѣсень, идеальному педагогу отъ этого ни тепло, ни холодно; у него все вогнано въ рамки устава предписаній. Онъ исполнилъ *писмя* закона, но не счелъ нужнымъ расходоваться на то, чтобъ оживить его *животворящимъ духомъ*, который, конечно, всегда подразумѣвается всякимъ закономъ. Вложить душу въ свое дѣло, то-есть, расходоваться такъ, какъ расходуетъ всякій ремесленникъ, всякій дѣятельный и дѣловой человѣкъ, убѣжденный въ прибыльности своего труда, увеличивающейся съ увеличеніемъ прилежанія, педагогъ не можетъ, потому что трудъ его оплачивается совершенно одинаково, и офиціальныи запросъ на него совершенно одинаковъ, будетъ ли этотъ трудъ подлинно, или только формально добросовѣстный. Поэтому тотъ, кто среди общаго равнодушія работаетъ изо всѣхъ силъ, работаетъ ради какого-то абстрактнаго долга, становится въ глазахъ своихъ товарищей смѣшнымъ до степени Донъ-Кихота.

Итакъ, силою обстоятельствъ, — мы старались ихъ выставить, — превозмочь которія удастся только натурамъ сильнымъ и *любителямъ* своего дѣла, педагоги ставятся на офиціальную дистанцію къ своему дѣлу, или, какъ говорятъ, держать его отъ себя на благородномъ разстояніи; слѣдовательно, на службѣ имъ не остается ничего болѣе, какъ заботиться о своемъ покоѣ и удобствѣ. Но черезъ двадцать пять лѣтъ, отходя съ миромъ, каждый изъ нихъ въ правѣ сказать: *feci quae potui, faciant meliora potentes!*

Въ то время какъ педагоги оправданы предъ самимъ собою, общество, не знающее и не желающее знать силы окружающихъ ихъ обстоятельствъ, въ неуспѣшности учащихся винить педагоговъ. И педагоги даютъ ему на это еще больше права тѣмъ, что хотятъ сложить съ себя отвѣтственность за малоуспѣшность учащихся на родителей, не входящихъ въ виды школы. Мы уже видѣли, на чемъ въ этомъ случаѣ общество основываетъ свое право. Нужно сознаться, что обстановка педагогическаго вѣдомства у насъ такова, что никакія извиненія не могутъ оправдать педагоговъ въ глазахъ обще-

¹⁾ Авторъ правъ только въ томъ отношеніи, что никакой уставъ не можетъ внушить никому ни добросовѣстности, ни самоотверженія; но чтобъ и сами блюстители устава требовали только внѣшняго исполненія обязанностей, это въ большинствѣ случаевъ не болѣе какъ преувеличеніе. *Ред.*

ства, громко заявляющаго свое недовольствіе каждый разъ, когда за малоуспѣшность исключаютъ изъ гимназіи малолѣтнихъ воспитанниковъ, или когда недостатокъ надзора за гимназистами обнаруживается въ видѣ нарушенія классной дисциплины, ухода изъ класса и неприличнаго поведенія внѣ гимназіи. Если бы педагоги сказали, что для устройства правильнаго и надежнаго надзора за воспитанниками они не имѣютъ средствъ, общество имѣетъ полное право сказать: изыщите ихъ, ваше вѣдомство самостоятельно; если они сошлутся на объясненное выше положеніе учителя, общество отвѣтитъ: старайтесь его измѣнить къ лучшему; вамъ, какъ и другимъ вѣдомствамъ Имперіи, предоставлено право совершенствоваться; словомъ, педагоги не могутъ придумать возраженія, которое общество не могло бы разрушить однимъ указаніемъ, что не школы существуютъ для педагоговъ, а педагоги для школъ, что вести дѣло къ лучшему не только право, но и долгъ педагоговъ, что средства, нужныя для этой цѣли, должны быть извѣстны имъ, присяжнымъ специалистамъ.

Педагоги же низшей инстанціи, тѣ самые, которымъ ничего не остается на службѣ кромѣ заботы о собственномъ покоѣ, заставляютъ вмѣсто себя отвѣчать предъ обществомъ уставъ. Законы святы, говорили въ старину, да судьи - то — лихіе супостаты, и это именно можно приложить къ нашимъ педагогамъ. Ухватившись за общее право, что не успѣвшаго въ два года перейти въ слѣдующій классъ слѣдуетъ исключать, они и слышать не хотятъ объ ограниченіи закона, предложенномъ тутъ же, въ силу котораго педагогическому совѣту предоставлено право ходатайствовать предъ попечителемъ округа объ изъятіи того или другаго воспитанника изъ общаго правила. Если бы мы не боялись, что нашъ выводъ примутъ за красное словцо или просто за шутку, мы сказали бы, что наши педагоги боятся увеличить число учащихся, какъ врага, способнаго нарушить ихъ педагогическое *far niente*. Поэтому законъ, — имѣвшій, какъ нужно думать, въ виду избавить седьмой классъ отъ учениковъ, попадающихъ въ него, такъ-сказать, за выслугу лѣтъ и добывавшихся перевода количествомъ лѣтъ, проведенныхъ въ одномъ и томъ же классѣ, а не качествомъ способностей и прилежанія, — педагоги приложили въ буквальномъ его значеніи къ нижнимъ классамъ, гдѣ для него представляется большой просторъ.

Ссылаясь на опытъ, педагоги обыкновенно оправдываются тѣмъ, что въ два года мальчикъ можетъ оказать успѣхи, *если только онъ этого захочетъ*; что лѣтнія, оставшіеся даже и на другой годъ,

дѣлаются только дурною закваской, и чѣмъ ея больше, тѣмъ она опаснѣе для класса: бывають-де случаи, что она совершенно овладѣваетъ классомъ за весьма незначительными исключеніями; что оставлять въ одномъ классѣ на нѣсколько лѣтъ изъ уваженія къ малолѣтству или чему бы то ни было — значитъ дать поводъ лѣнтяямъ думать, что лѣниться въ малыхъ лѣтахъ — законно, а остальнымъ — что на требованіе учителей, если не пуждаешься въ наградѣ, особеннаго вниманія обращать не стоитъ; что наконецъ, гимназія не богадѣльня и не семейство. Рѣдкое дитя, отвѣчаетъ общество, хочеть учиться само собой; дѣло педагоговъ приманить его къ ученю или заставить учиться, облегчая ему трудное начало *имъ известными* средствами. Смѣшно было бы предоставить дитя его собственнымъ наклонностямъ и дать ему волю распорядиться своимъ будущимъ; воля родителей — законъ для дитяти и педагоговъ; мальчикъ отданъ въ гимназію, стало-быть, *долженъ учиться*. Или же общество обвиняетъ педагоговъ въ недостатокѣ терпѣнія, спокойно и *дѣлательно* ожидающаго малѣйшихъ проблесковъ успѣха или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой охоты къ занятіямъ. Оставьте, говоритъ оно, дитя на третій, на четвертый годъ, по добейтесь отъ него успѣховъ; часто дѣти поздно развиваются, часто ваше собственное неумѣнье дѣлаетъ мальчика малоуспѣшнымъ, а часто его малоуспѣшность бываетъ фиктивная, зависящая отъ того, что его не умѣли выпросить. Что касается до послѣдняго пункта, то онъ для общества въ высшей степени оскорбительнъ; каждый мальчикъ, за исключеніемъ небольшого числа несостоятельныхъ, платитъ за обученіе, стало-быть, занимаетъ нанятое мѣсто и слушаетъ оплаченный урокъ. Если онъ нарушаетъ дисциплину, это уже другой вопросъ: заставьте его уважать порядки заведенія. Если же вы исключаете школьника за то, что не могли заставить его подчиниться требованіямъ школы, вы исключаете его или за собственное неумѣнье, или за неприложимость требованій: стало-быть, вы не пастыри, а паемники, не педагоги, а *торожники во святилици*....

На подобную разногласицу въ дѣлѣ, которымъ заинтересованы обѣ стороны, нельзя смотрѣть какъ на обыкновенное препирательство сторонъ, не смотря на то, что дѣло рѣдко, даже слишкомъ рѣдко, идетъ дальше устныхъ разговоровъ. Нѣкое неудовольствіе общества, по нашему мнѣнію, гораздо вреднѣе для педагоговъ, чѣмъ крикливыя обвиненія; ибо первое можетъ иногда питаться и сплетнями, противъ которыхъ нѣтъ средствъ, если онѣ не выходятъ наружу. Отъ общества, конечно, зависить заявить свое неудовольствіе; но оно

этого не дѣлаетъ, какъ потому что оно только одинъ разъ въ годъ, то-есть, послѣ экзаменовъ занимается педагогіей, — если только этимъ именемъ можно назвать порицаніе гимназіи за удаленіе того или другаго воспитанника, — такъ и потому что боится мести. Представляя собой самостоятельное вѣдомство, владѣющее правами, будущимъ, карьерою дѣтей, педагоги *тяготѣютъ* надъ заинтересованною частью общества, какъ внѣшняя сила, раздражать которую опасно. Что это справедливо и въ томъ и въ другомъ отношеніи, мы убѣждаемся тѣмъ, что скандальныя хроники провинціальныхъ гимназій называютъ нѣкоторыхъ педагоговъ, которые не считали недостойнымъ своего званія вымещать на дѣтяхъ свои неудовольствія или обиды, причиненныя имъ родителями или родственниками. Чтобы не основываться на однихъ пересказахъ, мы считаемъ не лишнимъ сослаться на указанный выше идеалъ педагога, сущности котораго подобна мечь не только не противорѣчить, но даже изъ нея необходимо вытекаетъ.

Изъ сказаннаго необходимо слѣдуетъ, что ропотъ общества заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Это—не капризъ диллетанта, не сплетня людей, томящихся бездѣйствіемъ и по жадности до новостей дѣлающихъ изъ мухи слона: это—справедливый ропотъ родителей, которые и въ безпутномъ дѣяти хотятъ видѣть и имѣть человека. Будь этотъ ропотъ и неоснователенъ, онъ все-таки заслуживалъ бы полнаго вниманія, ибо касается сущности педагогическаго дѣла: педагоги уличаются въ несостоятельности, а родители обманываются въ самыхъ скромныхъ и святыхъ надеждахъ.

Послѣдствія дѣла ужасны! Въ обществѣ укрѣпляется недовѣріе къ школѣ, которое часто доходитъ до презрѣнія, и коль скоро уже оно есть, то высказывается и благовременно, и безвременно. Есть всегда слои общества, до которыхъ общественное мнѣніе о школѣ не доходитъ; поэтому они относятся къ ней безразлично и наполняютъ ее, въ случаѣ нужды, не смотря ни на что; тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы недовѣріе общества къ мѣстной гимназіи могло обойтись безъ вліянія на ея численность. Авторитетъ гимназіи предъ ея воспитанниками, стало-быть, настоящая, а не офиціальная ея польза, зависитъ не отъ того, какъ думаетъ о ней начальство округа, а отъ мнѣнія заинтересованнаго ею общества. Объяснимся. Всюду, гдѣ руководятся при воспитаніи еще патріархальными понятіями, въ семействахъ мало или совсѣмъ не обращается вниманія на то, что и какъ можно говорить при дѣтяхъ объ ихъ начальникахъ и учителяхъ. Лич-

ныя отношенія, сословные взгляды и предубѣжденія часто отверзаютъ родительскія уста для краснаго слова, насмѣшки и даже порицанія педагоговъ. Дитя сообщаетъ слышанное товарищамъ; два-три такихъ случая, и между школьниками устанавливается то мнѣніе о мѣстѣ ихъ воспитанія и образованія, которое составилъ о немъ городъ, даже менѣе — высшая часть городского общества. Не всегда, конечно, мнѣніе общества должно имѣть цѣну въ глазахъ педагоговъ; его значеніе зависитъ отъ основанія, на которомъ строится порицаніе мѣстныхъ педагоговъ. Если оно создается въ салонахъ и касается манеръ, ловкости и свѣтскости педагоговъ, то оно еще не можетъ существенно вредить послѣднимъ, будучи усвоено тѣми немногими, которые считаютъ себя способными, по образцу своихъ родителей, понимать и цѣнить аристократическія достоинства. Если оно касается убѣжденій педагоговъ, и это не приноситъ никакого вреда, потому что остается недоступнымъ для большинства учащихся, какъ непонятная отвлеченность. Но мнѣніе, что педагоги не умѣютъ учить и воспитывать, что они не знаютъ своего дѣла, подрѣпляемое фактами, совершившимися на глазахъ всей гимназій, какъ на примѣръ, исключеніе или оставленіе въ томъ же классѣ большаго числа учениковъ, быстро распространяется между всѣми возрастами и слоями учениковъ, пріобрѣтаетъ себѣ сторонниковъ, доводитъ такъ-называемыхъ лѣнтяевъ до ожесточенія, а гимназію до скандаловъ. Опытъ учитъ, что въ такой гимназій никакія мѣры не приносятъ пользы, какъ бы ни были онѣ хорошо обдуманы.

Все сказанное здѣсь о педагогахъ не имѣетъ цѣли ни обвинительной, ни полемической; пишущимъ руководитъ желаніе доказать, что школа, для очищенія своей совѣсти, обязана употребить всѣ усилія, чтобы не заслуживать справедливыхъ нареканій общества, и предложить на судъ лицъ, заинтересованныхъ дѣломъ, средство, которое онъ считаетъ роднымъ для искорененія основнаго зла.

Корень зла, какъ мы старались доказать, состоитъ въ удаленіи педагоговъ отъ обучаемыхъ и въ безпомощности послѣднихъ. Стало-быть, сближеніе учащихъ и учащихся благопріятно повліяетъ на успѣхи школы.

Какъ достигъ желаннаго дѣятельнаго сближенія педагоговъ съ учениками?

Никакія предписанія, никакіе уставы, какъ извѣстно, не могутъ заставить человѣка сдѣлаться добросовѣстнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей. Онъ будетъ добросовѣстенъ по формѣ, офиціально, а

не существенно; ибо въ педагогическомъ дѣлѣ по преимуществу слѣдуетъ различать два вида исполнительности — официальную и добросовѣстную: въ первой работаетъ одно подчиненіе, во второй — сердце и мысль; исполняющій проникается предписаніемъ, согрѣваетъ его, одушевляетъ и дѣйствуетъ отъ себя, какъ будто по собственному опредѣленію. Только такое исполненіе плодотворно. Но оно возможно или тогда, когда исполнитель идеалистъ и на службѣ, и въ жизни, когда онъ дѣйствуетъ во имя своего призванія и душевнаго влеченія, или же тогда, когда его матеріальные интересы тѣсно связаны съ интересами дѣла, которому онъ служить. Перваго рода дѣятели — весьма рѣдки, какъ подвижники; появленіе ихъ не зависитъ отъ воли человеческой. Стало-быть, разчитывать на увеличеніе ихъ численности и предпринимать къ этому средства было бы опрометчиво. За то всегда можно создать дѣятелей втораго рода, качество добросовѣстности которыхъ обуславливалось бы количествомъ матеріальныхъ выгодъ. Средства къ этому указываются какъ запросомъ учащихся и родителей, такъ и видами малоуспѣшности.

За исключеніемъ упорной лѣни, малоуспѣшность всегда можетъ быть парализована своевременною и усердною помощію. Даже и самая упорная лѣнь не поддается этой мѣрѣ только по застарѣлости. Дѣти любятъ помощію, которая не подталкиваетъ и потому не заставляетъ спотыкаться и падать, а спокойно и твердо ведетъ къ цѣли; они отзываются на усердіе, уступаютъ твердости, хотя и неохотно. Родители часто ищутъ этой помощи инстинктивно, нерѣдко издерживая на нее свои незначительныя средства. Кто же можетъ ученику помочь лучше, какъ не учитель? Вонервыхъ, учитель всѣхъ лучше можетъ входить въ собственные свои виды; во вторыхъ, онъ болѣе всѣхъ другихъ можетъ интересоваться усѣхами своего дѣла. И если бы можно было привлечь всѣхъ преподавателей гимназій къ помощи нуждающимся въ ней по ихъ предметамъ, малоуспѣшность въ гимназій была бы тогда не правломъ, а исключеніемъ.

Теперь задача въ томъ, какъ привлечь преподавателей къ этой помощи.

Не смотря на увеличеніе окладовъ, преподаватели гимназій не отказываются отъ частныхъ работъ внѣ гимназій, ради увеличенія своихъ средствъ. Не считая нужнымъ вдаваться въ изслѣдованіе причинъ явленія, мы тѣмъ не менѣе можемъ изъ него заключить, что прибавка къ получаемымъ средствамъ — для преподавателей всегда желательна. И чѣмъ она для нихъ выгоднѣе, то-есть, чѣмъ меньше они

будутъ расходовать за нее силъ и времени, чѣмъ она будетъ значительнѣе, тѣмъ скорѣе они на нее согласятся. Въ большинствѣ случаевъ добавочныя средства къ получаемому окладу добываются частными уроками и содержаніемъ пансіонеровъ. Первое требуетъ крѣпкаго здоровья, громадной траты времени на переѣзды съ одного урока на другой и полного равнодушія къ своему дѣлу (въ большинствѣ случаевъ эти уроки готовятся обучающимися плохо, а у преподавателя нѣтъ никакихъ средствъ переименовать дѣло, кромѣ развѣ одного — бросить уроки); притомъ этотъ родъ дохода подверженъ частымъ случайностямъ и колебаніямъ, такъ что въ хозяйственномъ отношеніи на него нельзя разчитывать, нѣтъ возможности внести его въ домашній бюджетъ, почему всѣ семейные преподаватели предпочитаютъ другой родъ дохода — содержаніе пансіонеровъ. Это средство не имѣетъ неудобствъ перваго; за то тотъ, кто имѣлъ случай съ нимъ ознакомиться, знаетъ, что это настоящій крестъ, превышающій силы одного человѣка. Кто убѣдился, до какой степени плохо держатся дѣти въ нашихъ семействахъ, кто знаетъ, какъ капризны родители, и чего они хотятъ отъ пансіонодержателя, какъ, наконецъ, сами педагогическія товарищи относятся къ пансіонодержателю и его пансіонерамъ, тотъ согласится съ высказаннымъ сейчасъ мнѣніемъ и распространеннымъ между педагогами, что и даетъ намъ право оставить его безъ подкрѣпленія другими доводами. Скажемъ только, что педагогъ-пансіонодержатель, при добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязательствъ, не можетъ имѣть ни минуты свободнаго времени, въ буквальномъ значеніи этого слова, и кромѣ того, при разнообразіи предметовъ гимназическаго курса, не всегда имѣетъ средства оказать помощь нуждающемуся въ ней пансіонеру.

На этомъ основаніи между преподавателями возникла мысль: устроить частный пансіонъ для гимназистовъ на коллегіальномъ началѣ. Это весьма благая и достойная осуществленія мысль не приводится въ исполненіе только потому, что преподавателей, какъ людей съ незначительными средствами, пугаютъ денежныя затраты на первоначальное обзаведеніе, которыя вмѣстѣ съ ихъ трудами могутъ и не окупаться.

Если же вмѣсто частнаго пансіона пріурочить дѣятельность учителей къ казенному пансіону, имѣющемуся при гимназій, то вознагражденіе за трудъ можетъ быть гарантировано уже тѣмъ жалованьемъ, которое платится надзирателямъ пансіона. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, какъ подать помощь нуждающимся въ ней гимназистамъ —

въ какомъ бы это ни было отношеніи — у насъ сводится къ вопросу о расширеніи пансіона и открытіи его для приходящихъ.

Положимъ, что въ гимназическомъ пансіонѣ четыре надзирателя, каждый съ годовымъ содержаніемъ въ 264 руб., и одинъ старшій надзиратель съ жалованьемъ въ 400 р.; стало-быть, всего на надзирателей издерживается въ годъ 1.456 руб. Если къ этой суммѣ, вмѣсто раздающихся ежегодно преподавателямъ денежныхъ наградъ, прибавить еще 600 руб. изъ денегъ, собираемыхъ за обученіе, — что будетъ меньше той суммы, которая раздается, — составитъ сумма въ 2.056 руб., которой будетъ достаточно для основнаго жалованья пансіонскимъ надзирателямъ изъ преподавателей. Всѣхъ преподавателей гимназій приглашать къ надзору за пансіономъ — нѣтъ нужды, какъ потому что пришлось бы назначить имъ скудное вознагражденіе, такъ и потому что имѣющаяся при этомъ въ виду помощь требуется пансіонерами не по всѣмъ предметамъ. Обыкновенно помощь требуется по языкамъ: греческому, латинскому, нѣмецкому, французскому и русскому, и математикѣ; преподаватели этихъ предметовъ и могутъ быть приглашены въ надзиратели, а для древнихъ языковъ, какъ требующихъ усиленія, приглашаются три преподавателя. Такимъ образомъ весь институтъ надзирателей можетъ состоять изъ 7-и человѣкъ, и каждый получить годоваго жалованья 293 руб. съ копѣйками. Нѣкоторые изъ надзирателей, какъ и теперь, могутъ пользоваться казенными квартирами съ отопленіемъ, за что изъ ихъ жалованья вычитается по 60 р., которые дѣлятся между живущими на частныхъ квартирахъ.

Но указанное годовое содержаніе, конечно, не привлечетъ преподавателей къ надзору за пансіономъ; поэтому мы говоримъ, что оно должно быть только основнымъ жалованьемъ; увеличеніе же его мы ставимъ въ зависимость отъ качества дѣятельности самихъ надзирателей, и вотъ какими средствами. Въ вознагражденіе за помощь и бдительный надзоръ, соответствующій педагогическимъ цѣлямъ заведенія, начальство пансіона, кромѣ выставленной платы, должно позволить надзирателямъ открыть въ пансіонѣ вечерніе уроки для тѣхъ изъ приходящихъ гимназистовъ, которые въ нихъ нуждаются, и въ тѣ именно часы, когда готовятъ уроки пансіонеры. Здѣсь приходящіе могутъ приготовляться вмѣстѣ съ пансіонерами подъ надзоромъ всѣхъ семи преподавателей-надзирателей (которые въ полномъ составѣ являются въ пансіонъ въ каждый учебный день и остаются тамъ отъ 6-и до 8 часовъ) къ утреннимъ урокамъ, платя за это по 8 руб. въ мѣсяць въ продолженіе всего учебнаго времени года.

Что есть запросъ на такую помощь, доказываютъ частные пансіоны, въ которые и теперь гимназисты приходятъ только готовиться къ утреннимъ урокамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что родители предпочтутъ надзоръ и помощь цѣлой корпораціи преподавателей гимназій частному пансіону; а полный успѣхъ дѣла, повторяемъ, будетъ зависѣть отъ усердія корпораціи. Но такъ какъ отъ этого же усердія зависятъ и матеріальныя выгоды корпораціи, то можно съ увѣренностію сказать, что дѣло поведется успѣшно.

При этомъ можетъ родиться подозрѣніе, что надзиратели, увлекаемые одними выгодами, будутъ обращать больше вниманія на входящихъ, чѣмъ на пансіонеровъ. Во избѣжаніе злоупотребленія и для облегченія трудовъ, надзиратели занимаются только по своему предмету и переходятъ отъ учениковъ одного класса къ ученикамъ другаго. Самая помощь должна состоять не въ томъ, чтобы каждому по одиночкѣ растолковывать урокъ; ибо, лишая этия учениковъ самостоятельности, можно развить только нравственный кретинизмъ; но держась пословицы: *docendo discimus*, преподаватели заставляютъ подъ своимъ надзоромъ одного изъ лучшихъ учениковъ передать объясненный въ классѣ урокъ другимъ, послѣ чего усвоившіе урокъ отпускаются, а для не усвоившихъ его начинается объясненіе одинъ изъ среднихъ учениковъ, и т. д. Словомъ, надзиратель только руководитъ, но не подталкиваетъ. Отстающіе дѣлаются предметомъ особенныхъ заботъ корпораціи, ибо отъ ихъ-то успѣховъ зависить ея *добрая слава*, равно какъ и увеличеніе матеріальныхъ средствъ.

Предполагая, по указаннымъ причинамъ, добросовѣстное веденіе дѣла, мы предвидимъ необходимое его отраженіе на общемъ ходѣ воспитанія и образованія въ гимназій, равно какъ и на благосостояніи гимназическаго пансіона. Не говоря уже объ увеличеніи успѣховъ посѣщающихъ вечерніе уроки, въ гимназій необходимо улучшится самое преподаваніе въ классахъ, которое будетъ поставлено въ тѣсную связь съ вечерними трудами надзирателей. Надзиратели-преподаватели будутъ являться на утренніе уроки, хорошо приготовившись къ нимъ, и необходимо будутъ хлопотать о томъ, чтобы задаваемый урокъ былъ понятъ, ясенъ и по силамъ учащимся; ибо только при этихъ условіяхъ ихъ вечерній трудъ можетъ сдѣлаться легкимъ (къ чему стремится каждый работникъ) и выгоднымъ для нихъ, то-есть, увеличить число желающихъ пользоваться вечерними уроками, стало-быть, дать болѣе дохода и сократить количество труда. А такъ какъ всесторонняя и надежная помощь будетъ оказываться только въ одномъ казенномъ пан-

сіонѣ, то необходимо падутъ частныя пансіоны, не имѣющіе—говоримъ о городахъ провинціальныхъ—никакой возможности предложить подобную помощь; пансіонъ же казенный долженъ увеличиться. Пансіоны преподавателей тоже не выдержатъ столь сильной конкуренціи. Сами содержащіе ихъ преподаватели найдутъ болѣе выгоднымъ примкнуть къ корпораціи надзирателей и получать постоянное вознагражденіе за сравнительно меньшій трудъ, чѣмъ обольщать себя большою платой пансіонеровъ, которая почти вся издерживается на ихъ содержаніе, за исключеніемъ самаго незначительнаго сбереженія, далеко не окупающаго трудовъ и заботъ пансіоносодержателя. Всякій скорѣе согласится получить пятьсотъ рублей чистаго дохода за ежедневныя двухчасовыя труды и внѣ этого времени быть свободнымъ и спокойнымъ, нежели издерживать получаемыя тысячи, при полной невозможности сберечь изъ нихъ за постоянныя хлопоты, безпокойство и неимѣніе ни одной свободной минуты даже и нѣсколькихъ сотенъ. Съ увеличеніемъ въ пансіонѣ числа своекоштныхъ пансіонеровъ, которые обыкновенно платятъ дороже, увеличатся и средства пансіона, что необходимо будетъ содѣйствовать къ улучшенію пансіонскаго, не всегда безукоризненнаго содержанія, какъ главной въ большинствѣ случаевъ причины, подрывающей довѣріе родителей къ пансіону; вмѣстѣ съ этимъ явятся средства устроить гимнастическую залу съ обязательными уроками гимнастики, завести музыкальные инструменты, пригласить учителей музыки и пѣнія. Обставленное такимъ образомъ заведеніе пріобрѣтетъ авторитетъ даже и въ нашемъ обществѣ, относящемся скептически ко всему начинающемуся.

Увеличеніе пансіонскихъ средствъ, ставящее пансіонъ съ этой стороны на степень самостоятельнаго заведенія, можетъ оказать великую услугу гимназіи по вопросу о надзорѣ за тѣми изъ приходящихъ, которые живутъ безъ родителей или родственниковъ, въ отдаленныхъ концахъ города, на квартирахъ или нездоровыхъ, или вредныхъ цѣлымъ педагогическимъ, хотя и платятъ за содержаніе весьма дешево. Возбужденный недавно вопросъ объ общихъ квартирахъ заставилъ сосчитать гимназистовъ, остающихся внѣ гимназіи безъ надзора, и оказалось, что таковыхъ не много, и что большая часть ихъ не имѣетъ средствъ помѣститься выгоднѣе въ педагогическомъ отношеніи. Обезпеченный своими собственными средствами, пансіонъ могъ бы открыть свои двери для *полупансіонеровъ*, которые, платя по 8 рублей въ мѣсяць (88 рублей за 11 учебныхъ мѣсяцевъ), пользовались бы только помѣщеніемъ, освѣщеніемъ, столомъ и учебниками отъ пансіона, все

же остальное имѣли бы свое. Если бы для этого потребовалось расширить пансіонское помѣщеніе, земство, сознающее необходимость образованія и поэтому охотно помогающее ему, дало бы для этого средства. Затрудненій же со стороны гуманнаго дворянства, которому собственно принадлежит пансіонъ, опасаться нельзя: оно никогда не станетъ препятствовать педагогическимъ цѣлямъ заведенія, въ которомъ учатся его дѣти.

Такимъ образомъ число живущихъ въ гимназическомъ пансіонѣ можетъ возрасти до большихъ размѣровъ, но при семи надзирателяхъ или преподавателяхъ пансіонъ всегда будетъ имѣть достаточный и должный надзоръ, который вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ обременителенъ и для надзирателей, что составитъ одно изъ главныхъ условій ихъ добросовѣстности. Всѣ семь надзирателей, какъ сказано, остаются въ пансіонѣ ежедневно отъ 6 до 8 часовъ, но дежурить цѣлыя сутки одинъ изъ нихъ съ помощью инспектора и старшихъ изъ учениковъ. Старшіе, избираемые случайно и не облачаемые никакою властью, этимъ самымъ и лишаются возможности злоупотреблять довѣріемъ; стало-быть, они могутъ быть допущены въ тѣхъ случаяхъ, когда надъ ними самими есть надзоръ. Но здѣсь, какъ и прежде, успѣхъ дѣла и развитіе его подробностей опять-таки ставится въ зависимость отъ матеріальныхъ выгодъ ведущей его корпораціи, въ которой само собою возникаетъ круговая порука и круговой контроль. Итакъ, каждому надзирателю придется дежурить цѣлыя сутки одинъ разъ въ недѣлю, стало-быть, сорокъ четыре раза въ одиннадцать учебныхъ мѣсяцевъ, что нельзя считать тяжелымъ трудомъ, а получаемые за это 293 рублей—скудную платой, ибо приходится по 5-и рублей съ копѣйками въ сутки, то-есть, немного болѣе, чѣмъ получаетъ теперь преподаватель, дающій по четыре урока въ день. Если же приходищихъ на вечерніе уроки будетъ тридцать человѣкъ, за что ручаются пансіоны, приготовляющіе гимназистовъ къ классамъ, то на долю каждаго надзирателя придется 667 рублей, — весьма почтенная добавка къ получаемому жалованью, которая избавитъ педагоговъ отъ необходимости искать средствъ внѣ гимназій и заставить ихъ сосредоточиться *volens nolens* на своей профессіи.

Наконецъ, устроенный такимъ образомъ институтъ надзирателей можетъ вліять на уменьшеніе издержекъ по оплачиванію уроковъ въ параллельныхъ классахъ. Параллельные классы вызваны тѣмъ соображеніемъ, что классъ въ 20 человѣкъ гораздо легче держать, чѣмъ въ 40, слѣдовательно, 20 человѣкъ скорѣй и легче поймутъ урокъ и

могутъ быть провѣрены, чѣмъ сорокъ. Цѣтъ сомнѣнія, что при этомъ предполагается преподаватель, не всегда знающій свое дѣло и не всегда бодрый; преподаватель же, готовый къ своему дѣлу и находящій въ немъ свою матеріальную выгоду, можетъ держать классъ и въ 20 и въ 40 человѣкъ съ одинаковымъ искусствомъ. Говоримъ: *готовый*, ибо одно только это условіе и дѣлаетъ преподаваніе успѣшнымъ. Не споримъ, что одинъ можетъ передать лучше, провѣрить легче, а другой — хуже, хотя и оба готовы; но эта разница заключается лишь во внѣшности передачи и провѣрки, а по отношенію къ учащимся — въ скорости усвоенія переданнаго: результатъ же въ обоихъ случаяхъ одинаковъ — усвоеніе преподаваемаго, то-есть, успѣхъ. Слѣдовательно, для успѣха дѣла необходимо только одно — чтобы преподаватели были готовы къ преподаванію, къ чему, какъ было сказано, преподавателей-надзирателей будетъ побуждать необходимое стремленіе всякаго рабочаго — не дѣлать одного и того же два раза, если можно сдѣлать за разъ. Не участвующіе же въ надзирательствѣ преподаватели будутъ готовиться къ классамъ, потому что ихъ дѣятельность всегда будетъ предъ глазами другихъ, занимающихся надзоромъ, стало-быть, въ случаяхъ нужныхъ можетъ сдѣлаться предметомъ совѣтскаго обсужденія: словомъ, ихъ будетъ понуждать другой, не менѣе сильный производитель человѣческихъ успѣховъ — самолюбіе.

Ив. Гаврилонъ.

Тула, сентябрь 1868 года.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Археографическій Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-западной Руси, издаваемый при управленіи *Вилнскаго учебнаго округа*. Томы 1—4. Вильна. 1867 г.

Археографическій Сборникъ, издаваемый при Вилнскомъ учебномъ округѣ, уже обратилъ на себя вниманіе ученыхъ. Первый томъ его, появившійся въ прошедшемъ году, принятъ былъ съ большимъ сочувствіемъ. Въ настоящее время вышло еще три тома Сборника, и напечатано извѣстіе о приготовленіи къ изданію слѣдующихъ за тѣмъ семи томовъ.

Изданіе это въ высшей степени замѣчательно и по своей исторіи, и по своему содержанию, и наконецъ, по тѣмъ богатымъ послѣдствіямъ для исторической науки и вообще для просвѣщенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какихъ естественно ожидать отъ него.

Въ Западной Россіи съ давнихъ уже поръ и съ изумительнымъ постоянствомъ русская жизнь и русскія древности разрабатываются рука объ руку. Всякое оживленіе, усиленіе русской жизни въ этой странѣ вызываетъ разработку русскихъ древностей, и наоборотъ, всякое изслѣдованіе и обнародованіе памятниковъ русской старины воскрешаетъ тамъ, обновляетъ русскую мысль, русскую жизнь. Всѣ главнѣйшіе перевороты въ Западной Россіи ознаменованы этимъ взаимодѣйствіемъ жизни и науки. Такъ, церковная унія, появившаяся въ концѣ XVI стол., повела къ тому, что почти всѣ полемическія сочиненія того времени наполнялись памятниками, раскрывавшими прошедшее страны. Такъ, паденіе Польши сопровождалось историческими трудами о старыхъ и новыхъ временахъ Западной Россіи, Георгія Конисскаго и Бантыша-Каменскаго, — трудами, въ которыхъ памятники занимаютъ самое видное мѣсто. Такъ, возстаніе 1831 года и воссоединеніе уніатовъ въ 1839 году вызвали замѣчательное изданіе сборника П. А. Муханова, изданіе Вилнскихъ и Минскихъ актовъ и

учрежденіе Кіевской археографической коммисіи, оказавшей уже столько услугъ наукѣ. Связь русской жизни и русской исторической работы до такой степени крѣпка въ Западной Россіи, что даже Богданъ Хмѣльницкій въ извѣстномъ своемъ универсалѣ, призывавшемъ народъ къ разрыву съ Польшей, счелъ нужнымъ изложить съ своей точки зрѣнія исторію древней Руси. Достойно также вниманія, что въ первомъ мѣстномъ западно-русскомъ журналѣ — *Вѣстникъ Южной и Западной Россіи* неразрывная связь современной и древней западно-русской жизни положена въ основу изданія, удерживается до сихъ поръ и едва-ли можетъ быть оставлена въ сторонѣ безъ существеннаго ущерба для изданія.

Естественно было ожидать, что послѣдняя польская смута еще болѣе закрѣпитъ эту стародавнюю связь современной и прошедшей русской жизни въ Западной Россіи, — естественно было ожидать этого, потому что никогда въ новѣйшія времена наше общерусское сознаніе ни въ Восточной, ни въ Западной Россіи не было на такомъ высокомъ уровнѣ, какъ въ эту смуту, и никогда прежде не пріѣзжало въ Западную Россію такого множества образованныхъ, сознательно русскихъ людей, какъ въ это послѣднее время, до назначенія въ Сѣверо-Западный край генерала Потапова. Милліоны русскаго народа вышли изъ польскаго хлѣбства и заявили на весь міръ, и восторженными словами, и мученическими дѣлами, что русская жизнь жива въ нихъ и будетъ оживать болѣе и болѣе. Русскіе люди, прибывшіе въ эту страну, не могли не откликнуться на этотъ голосъ жизни, раздававшійся кругомъ ихъ. Народная рѣчь, народные обряды, развалины древнихъ храмовъ, связки старинныхъ грамотъ — все это невольно обращало на себя ихъ вниманіе, вызывало на изученіе, заставляло отходить назадъ — въ старину и въ ней искать объясненія современнымъ, совершавшимся кругомъ событіямъ. Это стремленіе къ изученію прошедшей западно-русской жизни обнаруживалось, можно сказать, во всемъ составѣ русскихъ людей временъ графа Муравьева и генерала Кауфмана. Всякій образованный Русскій, служившій тогда въ Западной Россіи, считалъ своею обязанностию знакомиться съ книгами объ этой странѣ, спрашивать знающихъ людей, относиться съ уваженіемъ и любознательностію ко всякому памятнику западно-русской старины. Такое просвѣщенное отношеніе къ Западной Россіи всѣми тогда признавалось не подлежащимъ никакому сомнѣнію условіемъ честной и полезной службы въ Западной Россіи. Замѣчательно, что такой взглядъ на вещи вполне раздѣлялъ тотъ государственный че-

ловѣкъ, которому въ настоящее время нѣкоторые такъ усиливаются отказать въ просвѣщенномъ взглядѣ на управленіе Западною Россіей, именно, графъ Муравьевъ. Извѣстно, что этотъ необыкновенный человекъ глубоко уважалъ науку и считалъ немислимымъ браться за управленіе страной, не зная послѣдней. Поэтому и въ первый свой прїѣздъ въ Западную Россію въ тридцатыхъ годахъ (когда онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Гродну) и въ послѣдній (когда былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края), графъ Муравьевъ внимательно изучалъ прошедшія судьбы этой страны. Исторія Уніи Бантышъ-Каменскаго была любимой его книгой, которую онъ же и напечаталъ вторымъ изданіемъ. Этотъ просвѣщенный взглядъ на дѣло графъ Муравьевъ удерживалъ во все свое управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ. Усмиряя одною рукою польскую смуту, онъ другою рукою открывалъ русской наукѣ доступъ къ западно-русскимъ древностямъ въ Виленскомъ центральномъ архивѣ учрежденіемъ при немъ Археографической комиссіи и въ Виленскомъ музеѣ, передачей его въ русскія руки. Преемникъ графа Муравьева, генералъ Кауфманъ довершилъ это содѣйствіе русской наукѣ учрежденіемъ при Виленскомъ музеѣ публичной бібліотекки и географическаго отдѣла, въ программу дѣйствій котораго включены и археографическія работы. Такимъ образомъ, открывались разнообразныя пути къ изученію памятниковъ западно-русской старины, и милліоны этихъ памятниковъ могли быть разсматриваемы *русскими* глазами и изслѣдываемы *русскимъ* умомъ.

При всемъ богатствѣ и возбужденности тогдашнихъ русскихъ силъ въ Сѣверо-Западной Россіи, этотъ необычайный вызовъ къ русскому археографическому труду не могъ однако не сопровождаться большими затрудненіями. Сѣверо-Западный край, вслѣдствіе постоянныхъ переворотовъ и перемѣнъ системы управленія, жестоко обѣднѣлъ мѣстными учеными русскими, и это обѣдненіе тѣмъ быстрѣе развивалось, что на всю эту страну нѣтъ ни университета, ни духовной академіи. Археографическій трудъ, въ строгомъ, научномъ смислѣ, палъ главнымъ образомъ на учебный составъ среднихъ учебныхъ заведеній Сѣверо-Западнаго края и притомъ большею частію на людей новопрїѣхавшихъ. Само собою разумѣется, что всѣ тѣ познанія по исторіи и древностямъ Западной Россіи, которыя эти люди пріобрѣтали до того времени по любознательности и чтобъ имѣть общее понятіе о странѣ, оказывались недостаточными для систематической разработки памятниковъ, и имъ нужно было преодолевать много трудностей, чтобы въ короткое время приготовить себя въ такой работѣ. Трудности эти

еще болѣе увеличивались при тогдашней, первоначальной неустроенности Археографической комиссіи и недавно принятаго музея и при тогдашнихъ вопляхъ противъ этихъ учрежденій польскихъ ученыхъ, — вопляхъ, проникшихъ и въ нашу русскую печать и смущавшихъ даже нѣкоторыхъ нашихъ опытныхъ ученыхъ. При такомъ положеніи дѣлъ малѣйшее невниманіе со стороны учебной власти къ попыткамъ людей, пожелавшихъ серьезно заняться археографическими работами, имѣло бы весьма печальныя послѣдствія. Но къ счастью, невниманія къ подобнымъ попыткамъ не было ни вообще въ тогдашнихъ правительственныхъ лицахъ Сѣверо-Западнаго края, ни тѣмъ менѣе въ тогдашнемъ попечителѣ Виленскаго учебнаго округа, котораго ближе всѣхъ касалось это дѣло. Напротивъ, никогда, можетъ-быть, не было болѣе счастливаго въ этомъ отношеніи времени для западно-русской археографіи, какъ при И. П. Корниловѣ. И. П. Корниловъ съ поражающею всѣхъ теплотою заботился не только объ устройствѣ археографической комиссіи и музея съ публичною бібліотекою, но и объ обогащеніи этихъ учрежденій новыми памятниками и подготовкою къ работѣ ученыхъ людей. Съ этою цѣлію учителя гимназій и семинарій приглашались къ изысканіямъ и изслѣдованіямъ памятниковъ. Съ этою цѣлію каждое лѣто посылались избранныя попечителемъ лица для отысканія, изученія и пріобрѣтенія, если возможно, рукописей и старопечатныхъ книгъ. Такъ, въ 1865 году сверхштатный учитель Н. И. Соболевъ ѣздилъ между прочимъ въ Минскую губернію, въ которой, — именно, въ Туровѣ, — нашель отрывокъ евангелія XI вѣка и другія рукописи. Въ 1866 году тотъ же Соколовъ ѣздилъ въ Супрасльскій монастырь для изученія тамошней бібліотеки, изъ которой нѣкоторые памятники изданы въ I т. Сборника. Въ 1866 году посланъ былъ въ Витебскую губернію А. В. Рачинскій, который, кромѣ многихъ старопечатныхъ книгъ, открылъ и доставилъ въ округъ лѣтопись XV стол. раба Божія Авраамеа ¹⁾. Въ 1867 году А. В. Рачинскій ѣздилъ въ Гродненскую губернію, въ которой нашель считавшуюся было потерянною лѣтопись Супрасльскаго монастыря ²⁾ и осмо-

¹⁾ Печатается С.-Петербургскою археографическою комиссіею.

²⁾ Лѣтопись Супрасльскаго монастыря была взята въ пятидесятыхъ годахъ изъ этого монастыря для изученія нынѣшнимъ преосвященнымъ Павломъ, еп. Пологодскимъ, тогда ректоромъ Рижской семинаріи, и въ скоромъ времени была отослана имъ назадъ въ Супрасльскій монастырь по почтѣ; но въ присланномъ въ этотъ монастырь тукѣ оказалась не лѣтопись, а какая-то печатная богослужебная книга позднѣйшаго изданія. Дѣло это причинило много неприятностей

трѣлъ замѣчательную бібліотеку Трембицкаго, въ которой нашелъ много древнихъ грамотъ, замѣчательныхъ записокъ и старопечатныхъ книгъ¹⁾. Въ томъ же году П. А. Гильтебрандъ и Миротворцевъ ѣздили въ Нѣсвижъ для изученія тамошняго богатаго собранія рукописей, бывшихъ большею частію государственнымъ достояніемъ Литовскаго княжества и переданныхъ Сигизмундомъ Августомъ Радзивиламъ по особенной къ нимъ благосклонности. Съ этими лицами и отдѣльно посылались художники, какъ напримѣръ, гг. Трутневъ, Грязновъ и другіе для снятія фотографій и рисунковъ съ болѣе замѣчательныхъ памятниковъ вещественныхъ и письменныхъ — съ замѣчательнѣйшихъ рукописей, церковной утвари, развалинъ древнихъ церквей и замковъ.

Изъ среды этихъ-то молодыхъ ученыхъ, взявшихся за археографическую работу и поддержанныхъ содѣйствіемъ и участіемъ бывшаго Виленскаго попечителя и образовался тотъ небольшой кружокъ, который въ теченіе года съ небольшимъ даетъ намъ уже четвертый томъ Археографическаго Сборника. Кружокъ этотъ состоитъ теперь: изъ служащихъ при Виленскомъ учебномъ округѣ гг. Гильтебрандта, Миротворцева, Коширина и Брафмана и изъ профессоровъ Литовской духовной семинаріи гг. Демьяновича, Елеонскаго и Смирнова.

Въ Археологическомъ Сборникѣ, исторію котораго мы сейчасъ рассказали, изданные памятники не расположены въ хронологическомъ порядкѣ черезъ всѣ томы; не расположены они также (кромя II тома) и по другимъ какимъ-либо группамъ. Въ каждомъ томѣ памятники идутъ отъ древняго времени — XV, XVI столѣтія и доходятъ до конца XVII, XVIII и даже до сороковыхъ годовъ настоящаго сто-

лѣтія. Въ Археологическомъ Сборникѣ, исторію котораго мы сейчасъ рассказали, изданные памятники не расположены въ хронологическомъ порядкѣ черезъ всѣ томы; не расположены они также (кромя II тома) и по другимъ какимъ-либо группамъ. Въ каждомъ томѣ памятники идутъ отъ древняго времени — XV, XVI столѣтія и доходятъ до конца XVII, XVIII и даже до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія.

нытъшнему пресвященному Павлу и подало поводъ къ клеветѣ на этого достойнѣйшаго цѣнителя западно-русскихъ памятниковъ. Теперь оказывается, что лѣтопись Супрасльскаго монастыря дѣйствительно была послана пресвящ. Павломъ, но не дошла по назначенію и попала въ частныя руки не далеко отъ Супрасля — около г. Бѣлостока, гдѣ и была найдена г. Рачинскимъ.

¹⁾ Въ Сборникѣ часто попадаются памятники, доставленные г. Рачинскимъ. Такъ, подробный дневникъ польскаго посольства въ Москву въ 1635 году, напечатанный въ IV томѣ, найденъ г. Рачинскимъ въ бібліотекѣ Трембицкаго. Прошедшею зимой г. Рачинскій, на возвратномъ пути на родину, изъ Западной Россіи, которую долженъ былъ оставить, показывалъ намъ копія выписокъ и замѣтокъ, сдѣланныхъ во время послѣдней его поѣздки по Гродненской губерніи. Пересматривая этотъ большой трудъ, мы чувствовали глубокое сожалѣніе, что человекъ, занявшійся съ такою любовью западно-русскими древностями и пріобрѣвшій такую замѣчательную опытность въ изысканіяхъ памятниковъ, долженъ былъ бросить столь полезное для Западной Россіи дѣло.

лѣтія. Очевидно, что издатели Сборника раздѣлили между собою не разобранные и даже не описанные памятники, разбирали каждый особо свои памятники и болѣе замѣчательные издавали почти одновременно. Этимъ объясняется необыкновенная быстрота выхода въ свѣтъ одного за другимъ томовъ Сборника и даже одновременность появленія послѣднихъ трехъ томовъ; но такое изданіе памятниковъ по отдѣльнымъ, независимымъ въ каждомъ томѣ хронологическимъ группамъ составляетъ большое неудобство при изученіи изданія. Недостатокъ этотъ, впрочемъ, значительно можетъ быть исправленъ въ дополнительномъ томѣ Сборника, если издатели приложатъ къ нему, кромѣ обѣщанныхъ указателей и объясненій, и общее хронологическое оглавленіе всѣхъ томовъ. По одному изъ изданныхъ томовъ, именно 2-му, и по объявленію объ изданіи будущихъ томовъ можно заключить, что издатели сами сознаютъ это неудобство и намѣрены слѣдующіе томы издавать по родамъ памятниковъ или по мѣстностямъ, къ которымъ они относятся. Такъ, въ упомянутомъ 2-мъ томѣ изданы памятники, относящіеся главнымъ образомъ къ исторіи Могилева; въ 6-мъ томѣ будутъ изданы акты еврейскіе; въ 7-мъ — акты Нѣсвижскіе, въ 8-мъ — Ковенскіе, въ 9-мъ — лѣтописи и памятники монастырей: Супрасельскаго, Коложанскаго, Лавришевскаго. Такъ какъ каждая изъ этихъ группъ заключаетъ въ себѣ памятники, тѣсно между собою связанные, то такой способъ изданія ихъ представитъ большія удобства. При разборѣ изданныхъ томовъ Археографическаго Сборника мы восстановимъ по всѣмъ изданнымъ томамъ его хронологическую связь помѣщенныхъ въ нихъ памятниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ разсматривать ихъ по важнѣйшимъ группамъ.

Одинъ изъ крупныхъ отдѣловъ памятниковъ Сборника, на который и издатели его обращаютъ во всѣхъ томахъ прежде всего вниманіе читателя, это — церковный отдѣлъ. Отдѣлъ этотъ открываетъ намъ прежде всего слѣды того времени религіозной жизни западно-русской, когда православіе составляло въ этой странѣ рѣшительно господствующую силу и когда проникшее сюда латинство еще чуждо было того іезуитскаго фанатизма, съ какимъ оно стало потомъ заявлять себя до послѣдняго времени. Въ Археографическомъ Сборникѣ, какъ и въ другихъ изданіяхъ этого рода, мы видимъ сначала (то есть, до половины XVI стол.) цѣльную массу западно-русскаго народа отъ верхнихъ княжескихъ слоевъ его до самыхъ низшихъ. На всемъ пространствѣ русскаго племени въ Сѣверо-Западной Россіи и въ значительной части земли литовскаго племени передъ нами воскресаютъ

многочисленные случаи основанія церквей, монастырей, обезпеченія духовенства, благоустройства религіозной жизни. Выдвигаются тѣ же ревнители православной вѣры — князья Острожскіе, Соломерецкіе, Полубенскіе. Археографическій Сборникъ дополняетъ имѣвшіеся свидѣнія о западно-русскихъ церквяхъ памятниками объ основаніи церквей въ западной части Литвы — въ Трокской области и нѣсколькими описями церковнаго имущества въ разныхъ мѣстахъ — въ Трокской области, Луцкой, Могилевской, Полоцкой и Виленской. Особенно замѣчательно перечисленіе плацовъ и домовъ въ Вильнѣ, принадлежавшихъ въ XVII столѣтіи униатамъ, а прежде православнымъ ¹⁾.

Наконецъ, въ Археографическомъ Сборникѣ мы находимъ драгоценный памятникъ западно-русскаго православія того времени, когда въ Литвѣ русскіе, удѣльные, князья считали прямою своею обязанностию заботиться о дѣлахъ православной церкви и общимъ совѣтомъ рѣшали вопросъ объ избраніи митрополита. Это — челобитная къ Константинопольскому патріарху о благословеніи на Киевскую митрополию Полоцкаго архіепископа Іоны, писанная въ 80-хъ годахъ XV столѣтія. Въ этой челобитной между прочимъ говорится:

„Сынове послушанія ти, князи русскіи, живущіи подъ державою великаго господаря, наислѣйшаго пана Казимира, короля Польскаго и великаго князя Литовскаго и Русскаго... иже держаши вѣру православную, греческую, Богу помогающему, неотступно и до смерти, челобитіе главъ нашихъ съ всѣми чувствами тѣлѣ нашихъ великому святительству твоему чрезъ посла послали есмо“ (т. I № 2).

Не менѣе замѣчательны тѣ памятники Сборника, которые показываютъ намъ, какъ мы уже замѣтили, латинство безъ іезуитскаго фанатизма. Это тѣ памятники, изъ которыхъ видно, что русская на-

¹⁾ Перечисленіе это сдѣлано въ рѣшеніи королевской комиссіи, разбиравшей, въ 1671 году, споръ между униатскимъ митрополитомъ Гавриломъ Колендой и Виленскимъ магистратомъ. Перечисленіе сдѣлано на основаніи описи этихъ плацовъ и домовъ, бывшей въ митрополитальномъ униатскомъ архивѣ, которая дѣйствительно существуетъ и находится въ архивѣ св. синода.

Издатели Сборника предполагаютъ напечатать относящіеся къ этой описи памятники. Мы бы совѣтовали имъ отыскать и издать прежде лѣтопись Виленскаго Троицкаго монастыря, которую мы нашли въ этомъ монастырѣ въ 1862 году и сдали въ семинарскую бібліотеку. Въ этой лѣтописи находятся драгоценныя извѣстія о Виленскихъ мученикахъ, объ основаніи и послѣдующей судьбѣ Троицкаго монастыря, о церкви Пятницкой и другихъ. Совѣтуемъ имъ также пересмотрѣть двѣ книги въ листъ, найденныя нами тамъ же и тоже сданныя въ семинарскую бібліотеку, заключающія въ себѣ не только опись, но и извлеченія изъ памятниковъ, относящихся къ исторіи православія и униіи въ Вильнѣ.

родная сила и православное миролюбіе явно вліяли на латинство. Такъ, еще въ XVI столѣтіи латинскіе духовные не только въ частной перепискѣ, но и въ официальной употребляютъ русскій языкъ (т. I № 37, т. IV №№ 15 и 16.) Мало того, они не только сохраняютъ народную связь съ православными, но имѣютъ еще способность относиться къ ихъ вѣрѣ въ духѣ правды и мира. Такъ, по порученію извѣстнаго ревнителя независимости Литвы отъ Польши Литовскаго канцлера Евстафія Воловича, Виленскій каноникъ Янъ Суходольскій ѣздилъ въ 70-хъ или въ началѣ 80-хъ годовъ XVI ст. разбирать жалобу православнаго священника Половецкой церкви на нѣкоего Марка Θεодоровича и разобралъ справедливо (т. IV, № 49). Этотъ фактъ напоминаетъ намъ мысль, высказанную однажды въ началѣ XVII ст. православными въ ихъ спорѣ съ униатами, именно, что до уніи православные и латыняне жили мирно. Онъ напоминаетъ подобную же мысль, высказанную православными въ просьбѣ къ сейму 1623, именно, что до уніи въ Литовскомъ княжествѣ были Русскіе восточнаго и западнаго обряда и что это не нарушало правъ и спокойствія жителей этой страны¹⁾. Это, наконецъ, напоминаетъ намъ живую, дѣйствительно русскую личность латинскаго вѣроповѣданія, именно, Луцкаго латинскаго епископа Вирбицкаго, который былъ врагомъ соединенія Литвы съ Польшей, долго не ѣхалъ на Люблинскій сеймъ 1569 года, созванный для этой цѣли, и писалъ къ королю по этому поводу объяснительныя письма *по русски*, за что на него сильно гнѣвались Поляки и называли *русиномъ*²⁾. Мы потому собираемъ всѣ эти факты и обращаемъ на нихъ вниманіе, что въ нихъ высказывается остатокъ той религіозной гуманности, которая отражала въ себѣ и смутное воспоминаніе о древнемъ единствѣ церквей, и ясное сознаніе народнаго русскаго единства между жителями бывшаго великаго княжества Литовскаго. Но съ тѣхъ поръ, когда гражданская унія Литвы съ Польшей (1569 года), а потомъ церковная (1596 года) стали входить въ западно-русскую жизнь, и въ особенности, когда развернули свои дѣйствія іезуиты, вышеуказанное направленіе религіозныхъ дѣлъ быстро стало исчезать. Высшіе, образованные слои западно-русскаго народа быстро погибаютъ для православной жизни. На ихъ мѣсто выступаютъ средніе слои — мелкое дворянство и особенно мѣщанство, и имъ приходится вести жестокую борьбу за свою вѣру съ сильными

¹⁾ Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края, стр. 272.

²⁾ Это разказывается въ печатаномъ нами, по порученію археографической комиссіи, дневникѣ Люблинскаго сейма 1569 года.

и не разборчивыми врагами. Въ Археографическомъ Сборникѣ мы находимъ данныя для исторіи этой борьбы на восточной окраинѣ бывшаго Литовскаго княжества, въ древней Полоцкой епархіи, и на одной изъ западныхъ его окраинъ, въ г. Бѣльскѣ.

Извѣстно, что первые удары церковной уніи вынесли на себѣ два знаменитыя православныя братства, обнимавшія своею дѣятельностію главнымъ образомъ западную половину Литовскаго княжества. Къ двадцатымъ годамъ XVII столѣтія, оба эти братства сильно пзнемогли въ борьбѣ съ уніатами и латинянами. Къ этому-то времени, какъ бы въ подмогу Виленскому и Львовскому братствамъ, чаще и чаще начинаютъ заявлять себя новыя православныя силы на юго-востокѣ западной Россіи, въ Кіевѣ, и на сѣверо-востокѣ — въ Полоцкѣ, Витебскѣ и Могилевѣ. Археографическій Сборникъ даетъ намъ матеріалы для исторіи борьбы православія съ уніей и латинствомъ въ трехъ послѣднихъ пунктахъ. Эта борьба, какъ извѣстно, вызвана главнымъ образомъ Полоцкимъ уніатскимъ архіепископомъ Иосафатомъ Кунцевичемъ. Фанатическія дѣла этой мрачной личности извѣстны были до сихъ поръ изъ его жизнеописанія, составленнаго Сушей ¹⁾, изъ рѣчи Древинскаго на сеймѣ 1620 года и изъ письма къ Кунцевичу Льва Сапѣги 1622 года ²⁾. Г. Говорскій въ своемъ журналѣ *Вѣстникъ Западной Россіи* издалъ нѣсколько документовъ, подтверждающихъ жалобы православныхъ на Кунцевича и разъясняющихъ ожесточеніе ихъ противъ этого ненавистника русской народности и православной вѣры. Археографическій Сборникъ дополняетъ изданныя г. Говорскимъ памятники. Между прочимъ, здѣсь есть одинъ памятникъ, подтверждающій половину жалобы на Кунцевича, что онъ приказывалъ вырывать тѣла умершихъ православныхъ и повергать ихъ на съѣденіе собакамъ. Въ упомянутомъ документѣ (уніатской стороны) разказывается, что Кунцевичъ дѣйствительно велѣлъ вырыть похороненное тѣло (т. I, № 88). Но особенно богатые свѣдѣнія Сборникъ даетъ о борьбѣ между православными и уніатами городовъ Полоцка и Витебска послѣ смерти Кунцевича (1623 года). Почти на всемъ остальномъ пространствѣ XVII столѣтія вы видите непрерывную тяжбу между тѣми и другими. Перевѣсъ силы въ этой тяжбѣ чаще всего на сторонѣ православныхъ. Они нерѣдко доходятъ до крайняго ожесточенія: оскорбляютъ уніатовъ, угрожаютъ имъ смертію (т. I, № 96), срываютъ со стѣнъ храма образъ

¹⁾ *Cursus vitae et certamen martyrii...* 1665 года.

²⁾ Историч. извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи, соч. Бантышъ-Каменскаго стр. 64 — 68 и 70 — 79.

Кунцевича (т. I, № 135), называютъ унию изобрѣтеніемъ діавола (т. I, № 154). Борьба усложняется участіемъ въ ней Полоцкихъ іезуитовъ, которые къ одному ненавистному въ Бѣлоруссіи лицу — Кунцевичу выставляютъ (какъ образъ) другое — королевича Казимира. Противодѣйствіе униі и латинству было такъ всеобще со стороны православныхъ, что вожди латинства и униі теряли способность различать руководителей православной борьбы и стали обвинять ихъ огуломъ. Такъ, одинъ іезуитъ счелъ умѣстнымъ принести въ судъ жалобу на всѣхъ вообще православныхъ, какъ на враговъ латинства (т. I, № 137).

Еще богаче въ Сборникѣ памятники для исторіи православія въ Могилевѣ и его окрестностяхъ. Бѣольшая половина 2-го тома Сборника занята этими памятниками. Многіе изъ нихъ были уже изданы въ разное время въ *Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*. Издатели собрали ихъ и вновь издали, дополнивъ ихъ памятниками, находившимися при запискахъ игумена Ореста, которыя тоже здѣсь напечатаны. Нельзя не благодарить редакцію Сборника и за новое изданіе памятниковъ, бывшихъ уже извѣстными, и особенно за дополненіе ихъ другими памятниками и записками игумена Ореста. О запискахъ игумена Ореста мы будемъ говорить ниже, а теперь остановимся на самихъ памятникахъ.

Усиленная религіозная дѣятельность въ Могилевѣ возбуждается въ то же время, когда боролась за вѣру православные жители Полоцка и Витебска. Торговый, богатый городъ Могилевъ, давно уже (со временъ Баторіа) пользовавшійся магдебургскимъ правомъ, заявлялъ сначала эту дѣятельность больше матеріальными силами. Такъ, въ 1618 году Могилевцы съ оружіемъ встрѣчаютъ самозваннаго ихъ епископа Кунцевича и не допускаютъ его вступить въ Могилевъ, за что поплачиваются закрытіемъ всѣхъ своихъ церквей (т. I, стр. VII—IX). Едва-ли можно сомнѣваться также въ томъ, что въ 1623 году они принимали участіе въ убійствѣ Кунцевича, то-есть, собственно вели переговоры съ Витеблянами, какъ бы послѣ убійства Кунцевича призвать казаковъ и поднять бунтъ во всей Бѣлоруссіи. Но какъ бы чувствуя несообразность съ духомъ православія употребленія матеріальной силы въ борьбѣ за вѣру, Могилевцы въ то же время хлопотали о томъ, чтобы выдвинуть противъ униі и латинства чисто нравственную силу. Они мало по малу устроили у себя братство, бывшее при Спасской церкви еще съ конца XVI столѣтія. Братство это стало особенно развиваться по смерти фанатическаго короля Сигизмунда III (съ 1632 года), когда польское правительство, — то-есть, собственно новый ко-

роль Владиславъ IV, — какъ-будто хотѣло дать православнымъ право существованія и нѣкоторыя льготы и когда вслѣдствіе этого на всемъ пространствѣ бывшаго Литовскаго княжества православные ободрились и стали благоустроить свои дѣла. Въ Могилевѣ, получившемъ право имѣть у себя не только православныя церкви, но и епископа, началась лихорадочная дѣятельность прежде всего для устройства братства. Могилевцы жертвуютъ ему дома, плацы (т. II, №№ 374, 375), строятъ Богоявленскій монастырь и переносятъ сюда центръ братской дѣятельности, добываютъ юридическое право на существованіе этого, вновь устроеннаго братства, получаютъ грамоту отъ короля Владислава (т. II, № 34), грамоту отъ Константинопольскаго патріарха Кирилла (т. II, № 35) и отъ своего митрополита Петра Могилы (т. II, № 43).

По всему видно, что на Могилевѣ, въ особенности на его братствѣ, сосредоточено было вниманіе всего западно-русскаго православнаго міра и прежде — до смерти Сигизмунда, и особенно теперь, при Владиславѣ IV. Братства Виленское и Львовское, православный Львовскій епископъ Гедeonъ, представитель восточной церкви митрополитъ Пелагопскій Іеремія пишутъ Могилевцамъ посланія, утѣшаютъ, ободряютъ ихъ и призываютъ къ совокупной дѣятельности на защиту православія (т. II, №№ 24, 27, 40, 26, 28). Но особенно близкое участіе принимаетъ въ устройствѣ Могилевскаго братства при Владиславѣ IV братство Виленское, пользовавшееся по отношенію ко многимъ братствамъ правомъ покровительства и наблюденія, добровольно всѣми признаваемымъ. Оно участвуетъ въ пожертвованіяхъ въ пользу Богоявленскаго братства, помогаетъ устроить Богоявленскій монастырь и рекомендуетъ лицо въ игумены этого монастыря (т. II, №№ 39, 40). Въ послѣдствіи Могилевское братство значительно расширяетъ свою дѣятельность. Кромѣ мужскаго монастыря и при немъ мужскаго училища, оно устроитъ женскій монастырь и при немъ женское училище (т. II, № 55), наконецъ заводитъ у себя типографію (т. II, № 63). Прослѣдить дѣятельность Могилевскаго братства довольно трудно, потому что она выражалась не столько въ открытой борьбѣ съ униатами и латинянами, сколько въ нравственномъ вліяніи на всю массу православныхъ. Но мы имѣемъ въ Сборникѣ нѣсколько фактовъ, показывающихъ великую силу этого вліянія. Въ приложенныхъ ко 2-му тому Сборника Запискахъ игумена Ореста нѣсколько разъ говорится, что тѣ или другія попытки латинянъ и униатовъ утвердиться сколько-нибудь прочно въ Могилевѣ оставались тщетными, даже могущественныя интриги иезуитовъ оставались здѣсь без-

плодными. Причины всего этого, безъ сомнѣнія, нужно искать прежде всего въ дѣятельности Могилевскаго братства. Въ тѣхъ же запискахъ нѣсколько разъ представляется намъ величественная картина могущества православія въ Могилевѣ, — картина, въ которой мы наглядно можемъ видѣть, такъ-сказать, въ сборѣ православныя силы Могилева. Вотъ, напримѣръ, какъ описывается встрѣча Могилевскаго епископа Серапіона въ 1699 году:

„При вѣздѣ его преосвященства въ городъ, встрѣченъ былъ духовенствомъ Могилевскимъ въ облаченіяхъ церковныхъ и съ хоругвями церковными, также Могилевскими магистратскими чиновниками, купечествомъ всѣмъ и городскимъ обществомъ, въ аппаратѣ, — на верховыхъ лошадяхъ нѣсколько сотъ всадниковъ, превосходно убранныхъ, — съ великою ассистенціею, церемониально всѣ Могилевскіе цехи съ цеховыми хоругвями, ружьями, пушками, съ пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ во всѣхъ градскихъ приходскихъ и монастырскихъ церквахъ“ (т. II, стр. XXXIII).

Или вотъ описаніе встрѣчи Георгія Конисскаго:

„Тогожь 1755 года, сентября 8-го дня, посланы изъ Могилева послы, изъ духовнаго званія два и изъ свѣтскаго сословія два, въ Кіевъ для прошенія архипастыря Георгія Конисскаго на престолъ Могилевскій. Его преосвященство въ скоромъ времени, октября 26-го дня, на память святаго Димитрія прибылъ. Для встрѣчи архипастыря была церемонія слѣдующая: при наступленіи дня, въ 8-мъ часу, начали въ городѣ въ цеховыхъ домахъ бить въ бубны для сбора народа; по собраніи цеховъ, купцы въ парадномъ одѣяніи, церемониальнымъ порядкомъ, на верховыхъ лошадяхъ поѣхали въ Печерскъ, гдѣ былъ архіерей; а за купцами пошли цехи съ своими хоругвями и барабанами, также въ парадномъ уборѣ, до Виленскихъ градскихъ воротъ; магистратскіе же чиновники и другіе почетнѣйшіе мѣщане при королевскихъ вратахъ ожидали архипастыря; на возвратномъ пути изъ Печерска купцы ѣхали предъ каретою архіерейскою до Виленскихъ воротъ, а отъ Виленскихъ воротъ купечество ѣхало впереди, потомъ цехи съ хоругвями и барабанами шли, а за цехами ѣхалъ архіерей до королевскихъ воротъ, сопровождаемый множествомъ народа, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ градскихъ церквахъ. По пріѣздѣ его преосвященства къ королевскимъ вратамъ, магистратскіе чиновники и духовенство встрѣтили архіерея, и когда пріостановился предъ вратами, то говорена привѣтственная рѣчь отъ магистрата Осодоромъ Козловскимъ; по окончаніи рѣчи архіерей вѣхалъ въ самый городъ, благословляя народъ, пріѣхалъ къ братскому монастырю и по входѣ въ братскую церковь, служилъ въ оной литургію; по окончаніи литургіи, поѣхалъ въ архіерейскій домъ, въ коемъ опять говорены были привѣтственныя рѣчи; потомъ духовенство, магистратскіе чиновники и другіе почетнѣйшіе мѣщане угощаемы были въ домѣ архіерейскомъ обѣдомъ при музыкѣ братской“ (т. II, стр. LXVIII—LXIX).

Читая эти описанія торжественныхъ встрѣчъ цѣлыхъ городомъ представителей его вѣры, довольно трудно вѣрить, что все это про-

исходило въ странѣ, находившейся подъ иновѣрною для Могилевцевъ властію, и въ городѣ, въ которомъ были и униаты, и іезуиты.

Въ Археографическомъ Сборникѣ мы находимъ довольно подробныя извѣстія и о паденіи этой могущественной православной силы. Кромѣ виѣшнихъ, гражданскихъ причинъ, каковы войны, контрибуціи, собиравшіяся съ Могилева то Русскими, то Поляками, то Шведами, паденіе Могилевской братской силы подготовили внутреннія причины — недоразумѣнія между высшею іерархіею и братствомъ. Такъ, еще въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія вышло недоразумѣніе между Могилевскимъ братствомъ и митрополитомъ Петромъ Могилой изъ-за того, что братство само избрало игумена въ свой Богоявленскій монастырь, а митрополитъ думалъ, что это право принадлежитъ ему (т. II, № 39). Сущность недоразумѣнія заключалась въ томъ, что Могилевское братство было ставропигиальнымъ, то-есть, непосредственно зависѣвшимъ отъ Константинопольскаго патріарха, и слѣдовательно, не подлежащимъ власти мѣстной іерархіи. Само собою разумѣется, что съ появленіемъ въ Могилевѣ архіереевъ недоразумѣнія эти должны были раньше или позже выразиться еще рѣзче. 2-й томъ Сборника представляетъ намъ нѣсколько памятниковъ, въ которыхъ эти недоразумѣнія выражаются въ самыхъ драматическихъ формахъ. Такъ, въ двадцатыхъ годахъ XVIII ст. *управлявшій Могилевскою епархіею архидіаконъ* (!) Каллистъ Оловяшка въ своемъ ожесточеніи противъ братства дошелъ до того, что уничтожалъ тѣ праздники, которые особенно чествовало братство (№ 69). Замѣчательно однако, какъ сознание важности дѣла заставляло тогда братчиковъ становиться выше личныхъ самолюбій. Такъ, оно преклоняется передъ митрополитомъ Могилой и отдаетъ на его волю избраніе братскому монастырю игумена (т. II, № 46). Такъ, оно мирится съ тѣмъ же Каллистомъ Оловяшкой и даетъ ему полномочіе просить у синода архіерея Могилеву (т. II, № 70). Но эти уступки не могли уже отвратить гибели братства. Идея церковныхъ братствъ была совершенно незнакома русскому духовному правительству, и братство Могилевское должно было пасть, когда въ Могилевѣ сталъ утверждаться восточно-русскій складъ релігіозной жизни. Такъ, въ 1796 году уничтоженъ былъ церковною властію женскій братскій монастырь, не смотря на представленіе братства, что въ этомъ монастырѣ находится женское училище, въ которомъ воспитываются дочери Могилевскихъ жителей (т. II, стр. LXXV). Въ новѣйшія времена пониманіе братствъ такъ заглохло, что когда въ 1838 году въ Могилевѣ собрались служить Кіевскій митрополитъ Фи-

ларетъ и уніатскіе епископы, воссоединившіеся тогда съ православною церковью, и когда Могилевскіе православные братчики вышли на церковную паперть со свѣчами встрѣчать митрополита, то бывшіе при этомъ духовные и свѣтскіе чиновники пришли въ великое изумленіе, недоумѣвали, дозволить или нѣтъ такую встрѣчу, и тогдашнему оберъ-прокурору святѣйшаго синода написано было допесеніе объ этомъ странномъ, по мнѣнію писавшаго, обычаѣ Могилевцевъ¹⁾.

Рядомъ съ могущественною силой Могилевскихъ православныхъ, крайне любопытно видѣть въ Сборникѣ сопоставленіе памятниковъ о борьбѣ за вѣру въ г. Бѣльскѣ. Памятники эти показываютъ, что не въ однихъ большихъ городахъ православные умѣли вести эту борьбу. Православные жители Бѣльска при всей видимой слабости своей ведутъ тоже упорную борьбу съ уніатами и латинянами за свои церкви и ратуютъ не столько матеріальною силою, которая у нихъ была не очень велика, сколько нравственною, и производятъ такое дѣйствіе на инновѣрцевъ, что тѣ возвращаются назадъ въ православіе. Латинство и унія оказываются бессильными противодѣйствовать имъ тоже нравственною силою, прибѣгаютъ къ помощи суда, и судъ постановляетъ запретить православнымъ принимать въ свою школу дѣтей уніатскихъ и латинскихъ родителей, запретить православному духовенству вѣнчать смѣшанные браки, крестить дѣтей отъ такихъ браковъ, совершать церковныя процессіи (т. II, № 110). Замѣтимъ, что такъ могущественно дѣйствовало православіе въ Бѣльскѣ, спустя уже долго послѣ начала уніи, именно, въ концѣ XVII столѣтія, и что все это происходило въ такомъ городѣ, который со временъ Витовта наполнялся разными инородцами, въ которомъ съ того же времени подорвано было городское самоуправленіе королевскими войтами, бургиграфами и который вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ Польшей, давно уже зараженъ былъ ея вліяніемъ. Дворянство Бѣльской области еще во времена Люблинскаго сейма (1569 года) тянуло уже къ Польшѣ. Но Бѣльскъ населенъ малороссійскимъ племенемъ: оттого и при небольшихъ количественныхъ силахъ онъ показывалъ всегда неодолимую энергію, и потому-то, когда православіе совершенно исчезло въ другихъ городахъ западной половины Лиговскаго княжества, Бѣльскъ сохранилъ его черезъ всѣ времена.

Гражданскіе памятники, напечатанные въ Археографическомъ Сборникѣ, заимствованы главнымъ образомъ изъ рукописнаго отдѣленія,

¹⁾ Допесеніе это находится у меня въ собраніи матеріаловъ для исторіи воссоединенія уніатовъ.

находящагося при Виленскомъ музеѣ и публичной библіотекѣ. Когда этотъ музей былъ въ рукахъ польскихъ ученыхъ, то бывшее при немъ Археологическое Общество тоже издавало памятники, относящіеся къ Западной Россіи. Такъ, въ 1858 году издано было собраніе государственныхъ и частныхъ актовъ, касающихся исторіи Литвы и соединенныхъ съ нею владѣній (съ 1387 по 1710 г.); въ 1860 году — *Skarbiec dyplomatów* (сокровищница грамотъ), описанныхъ Даниловичемъ (два тома). Стоитъ сдѣлать легкое сравненіе русскихъ и польскихъ Виленскихъ изданій памятниковъ, чтобъ ясно видѣть, до какой степени русскіе и польскіе люди шли по различнымъ направленіямъ. Польскіе ученые, издававшіе памятники отъ имени Археологическаго Общества, учрежденнаго между прочимъ для скрѣпленія связей Западной Россіи съ Восточною, слѣдовали совершенно противоположному направленію, — издавали памятники, почти исключительно объяснявшіе отношенія бывшаго Литовскаго княжества къ бывшему Польскому королевству. Наука можетъ, конечно, извлечь и изъ этого рода памятниковъ пользу, особенно изъ Скарбца Даниловича, но это было крайне одностороннее и противорѣчащее уставу общества направленіе. Мы не знаемъ, имѣли ли въ виду нынѣшніе русскіе ученые, работающіе въ Виленскомъ музеѣ и библіотекѣ, исправить эту односторонность, но они дѣйствительно ее исправили. Издавая памятники, объясняющіе и отношенія Литовскаго княжества къ Польскому королевству, каковы, напримѣръ, памятники, относящіеся къ Прусской войнѣ времени Баторія, или письма Мосальскихъ, объясняющія время Августа III (т. III), они въ то же время обратили вниманіе на отношеніе Литвы и Польши къ Московскому государству, и какъ видно, прилагали особенную заботливость къ отысканію и изданію этого рода памятниковъ. Такъ, они издали нѣсколько грамотъ, относящихся къ войнѣ Польши съ Россіею при Сигизмундѣ Августѣ и Баторіѣ (т. I и IV), напечатали цѣлое собраніе актовъ такъ-называемой Московской конфедерации 1612 года (т. IV), дневникъ Польскаго посольства, ѣздившаго въ Москву въ 1635 году для принятія присяги Михаила Феодоровича въ соблюденіи Поляновскаго мира (т. IV), нѣсколько документовъ изъ исторіи войны съ Польшей Алексѣя Михайловича (т. I и IV)¹⁾; наконецъ, они напечатали упомянутый уже нами драгоцѣнный историческій матеріалъ — Записки игумена Ореста, заключающія въ себѣ исторію Могилева съ древнѣйшихъ временъ до сороковыхъ годовъ на-

¹⁾ *ММ* памятниковъ легко отыскать въ предисловіяхъ къ томамъ Сборника.

стоящаго столѣтія (т. II, стр. I—CI). Въ этихъ запискахъ есть много совершенно новаго. Такъ, здѣсь подробно разказана исторія перехода Могилева подъ власть Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ и обратнаго перехода его подъ власть Польши, разказана подробно исторія перехода черезъ Могилевъ русскихъ войскъ, шведскихъ и потомъ опять русскихъ передъ Полтавской битвой, при чемъ рѣзко очерчиваются личности Петра I, Карла XII и особенно Меншикова, то-есть, его непомѣрныя грабительства; наконецъ, разказывается исторія нашествія Французовъ въ 1812 года и исторія присяги Наполеону Могилевскаго епископа Варлаама съ духовенствомъ¹⁾.

По этимъ указаніямъ читатели могутъ судить, съ какою заботливостію издатели Сборника старались исправить односторонность польскихъ изданій политическихъ памятниковъ, касающихся Западной Россіи, и пополнить оставленные ими пробѣлы.

Еще болѣе рѣзкое различіе между польскими и русскими изданіями памятниковъ рукописнаго отдѣленія при Виленскомъ музеѣ и библіотекѣ заключается въ слѣдующемъ. Польскіе ученые, разрабатывавшіе эти памятники, заняты были больше всего политическими дѣлами. Это не только отвѣчало господствующему у Поляковъ направленію, но представляло, съ польской точки зрѣнія, ту еще выгоду, что оказывалось возможнымъ избѣгать русскихъ памятниковъ и печатать почти исключительно латинскіе и польскіе, такъ какъ на этихъ языкахъ писались въ Польшѣ и даже въ Литвѣ политическіе документы. Наконецъ, при такомъ выборѣ памятниковъ оказывалось возможнымъ не показывать русской жизни въ бывшемъ Литовскомъ княжествѣ, которая вся, до позднѣйшихъ временъ, выливалась въ памятникахъ на русскомъ языкѣ.

Нынѣшніе русскіе ученые, разрабатывавшіе памятники того же собранія рукописей, пошли по другой дорогѣ. Не отстраняя, какъ мы видѣли, и политическихъ памятниковъ, то-есть, писанныхъ на латинскомъ, польскомъ или даже французскомъ языкахъ, они сочли однако нужнымъ чаще сходять съ политической высоты и заглядывать въ область внутренней, народной жизни. На этомъ пути своихъ изысканій они нашли значительное число драгоцѣнныхъ памятниковъ, изъ которыхъ нныя открываютъ новыя данныя для исторіи Западной Россіи. Такъ, кромѣ юридическихъ памятниковъ, наглядно представляющихъ картину разложенія государственной и общественной польской

¹⁾ Свѣдѣнія объ игуменѣ Орестѣ помѣщены въ предисловіи ко II тому Сборника.

жизни въ литовской половинѣ бывшаго Польскаго государства, мы находимъ въ Археографическомъ Сборникѣ разъясненіе слѣдующихъ важнѣйшихъ сторонъ западно-русской жизни.

1) Археографическій Сборникъ заключаетъ въ себѣ значительное количество памятниковъ, объясняющихъ бытъ западно-русскихъ городовъ. Цеховое устройство, господствовавшее съ древнихъ временъ во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Западной Россіи, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, давало городамъ большую силу и удерживало ихъ на значительной степени благосостоянія. Къ сожалѣнію, распаденіе этого корпоративнаго, замкнутаго устройства послѣдовало не въ пользу народа, изъ котораго не многіе и съ большимъ трудомъ могли переходить въ города. Распаденіе это дѣлалось рѣшительно въ пользу чужихъ элементовъ. Самое первое разъединеніе въ городахъ произвела религіозная вражда, подрывавшая силу горожанъ даже въ такихъ городахъ, какъ Полоцкъ и Могилевъ, въ которыхъ латиняне и униаты силою правительственной власти выдвигались въ городскомъ управленіи впередъ въ ущербъ православнымъ. При этомъ разъединеніи жителей городовъ, правительственной власти было весьма легко дать ходъ расселенію въ странѣ Евреевъ. По памятникамъ Сборника мы ихъ видимъ сперва въ должностяхъ сборщиковъ пошлинъ и секретарей при мытномъ дворѣ; затѣмъ они составляютъ болѣе и болѣе видную силу въ городахъ. Замѣчательно, что вездѣ мѣщане смотрятъ на Евреевъ враждебно и принимаютъ мѣры противъ ихъ усиленія. Такъ, жители Полоцка, давшіе было Евреямъ нѣсколько плацовъ для заселенія, обязываютъ въ 1646 году себя и своихъ потомковъ никогда впредь не утверждать за Евреями права на вѣчное владѣніе домами въ Полоцкѣ (т. I, № 157). Еще болѣе замѣчательна та ловкость, съ какою западно-русскіе горожане пользовались нерасположенностію къ Евреямъ Московскаго правительства. Такъ, жители Могилева, какъ только сдали городъ Алексѣю Михайловичу, такъ сейчасъ же испросили у него повелѣніе изгнать изъ Могилева Евреевъ (т. II, стр. XIII). Намъ извѣстно, что это былъ не единственный случай такой просьбы. О томъ же просили Алексѣя Михайловича и Виленскіе мѣщане. Само собою разумѣется, что самыя эти просьбы показываютъ, какъ трудно было даже въ тѣ времена (въ XVII ст.) западно-русскимъ мѣщанамъ бороться съ Евреями, которые при польскомъ складѣ соціальной жизни составляли необходимое звено между панствомъ и хлопствомъ. Впрочемъ, сравнительно съ послѣдующими временами, Евреевъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ Западной Россіи было весьма немного,

и туземное мѣщанство обладало еще большою сплюю. Это между прочимъ видно изъ такъ-называемой мытной книги Берестейской (1583 г., т. III и IV), по которой можно прослѣдить, кто и какую вель торговлю въ Брестѣ, Кобринѣ, Пинскѣ. Евреевъ по этой книгѣ было гораздо меньше, чѣмъ туземныхъ мѣщанъ.

2) Особенно богато въ Сборникѣ собраніе памятниконъ, относящихся къ жизни сельскаго населенія. Въ 1-мъ, 3-мъ и 4-мъ т. Сборника мы находимъ много описей королевскихъ и частныхъ имѣній, въ которыхъ перечисляются крестьяне и ихъ повинности. Это своего рода писцовыя книги, по которымъ можно прослѣдить составъ семействъ и ихъ имуществъ въ деревняхъ. Дополненіемъ къ этому могутъ служить уставы даней и тѣ судныя дѣла, въ которыхъ перечисляется пограбленное имущество крестьянъ. Во всѣхъ этихъ памятникахъ мы уже видимъ участковое владѣніе. Слѣдовъ общиннаго владѣнія нѣтъ; но община, какъ юридическая единица, еще существуетъ и сохраняетъ нѣкоторыя черты самаго древняго быта. Въ этомъ отношеніи великую научную цѣну имѣютъ напечатанныя въ Сборникѣ памятники о такъ-называемыхъ народныхъ копахъ или точиѣ о конныхъ судахъ (т. I, 3 и 4). Давно ощущался пробѣлъ этого рода памятниковъ касательно Сѣверо-Западной Россіи, особенно послѣ того, когда г. Иванішевъ съ такою тщательностію и богатствомъ матеріаловъ разработалъ конные суды юго-западныхъ сельскихъ общинъ. Два года тому назадъ намъ удалось найдти въ униатскомъ архивѣ, хранящемся въ св. синодѣ, памятникъ о народныхъ копахъ въ Бѣлоруссіи въ XVI столѣтіи, живо напоминающій *мужей* и *отводы* Русской Правды ¹⁾. Теперь въ Археологическомъ Сборникѣ мы находимъ еще нѣсколько памятниковъ этого рода (т. I и III). Одинъ изъ нихъ относится даже къ очень недавнему времени, именно, къ 1733 году (т. III, № 107). Можно надѣяться, что при дальнѣйшей разработкѣ Виленскаго центрального архива ихъ найдется еще больше, и окажется возможнымъ изслѣдовать ученымъ образомъ и бѣлорусскія народныя копи.

3) Наконецъ, не малаго вниманія заслуживаютъ изданныя въ Сборникѣ памятники касательно чародѣйства (т. I и III). Суевѣріе это раздѣляли не одни простые люди-мѣщане, служки; его раздѣляли также люди, какъ Литовскій маршалъ Янъ-Станиславъ Соиѣга, наконецъ его раздѣляли члены судовъ, не разъ присуждавшіе обвиненныхъ къ сожженію. Особенно богаты содержаніемъ памятники этого рода,

¹⁾ Извлеченія напечатаны въ *Духовной Бесѣдѣ* за прошедшій мѣсяцъ.

напечатанные въ 3-мъ томѣ Сборника. Они всё касаются одного лица — несчастной попадѣи Ранны Громычаной, которая попала въ чародѣйки за то, что съ великимъ искусствомъ занималась повивальнымъ дѣломъ и съ молитвою къ Богу часто вылѣчивала дѣтскія и женскія болѣзни. Литовскій маршалъ Янъ-Станиславъ Сопѣга, вообразившій, что Громычина намѣрена испортить его и разстроить его женитьбу, вооружился всею силою своего вліянія, чтобы довести до коистра бѣдную попадѣю. Трибунальный Минскій судъ подчинился этому вліянію, и Громычина была подвергнута пыткамъ и сожжена въ 1631 году. Дѣло это особенно важно тѣмъ, что открываетъ, если вѣрить судебному изслѣдованію, цѣлое общество чародѣевъ и чародѣекъ въ Слонимѣ, къ которому принадлежали и жена тамошняго писаря Офанасевича и крестьянинъ Карпъ и боярка Сицикова и баба Анна Короткая, по оговору которой, передъ сожженіемъ ея тоже за чародѣйство, и началось все дѣло. Замѣчательно, что всё документы о чародѣйствѣ относятся къ первой половинѣ XVII столѣтія, когда іезуитское образованіе, благодаря долговременному покровительству короля Сигизмунда, успѣло уже пустить глубокіе корни.

Что касается до самаго способа изданія памятниковъ, то объ этомъ мы находимъ нужнымъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Прежде всего нельзя не отдать полной справедливости знанію и тщательности, съ которыми составлены всё предисловія къ томамъ Сборника. Нельзя также не обратить вниманія и на то, что нѣкоторые памятники оставлены поясненіями и указаніемъ другихъ источниковъ. Въ этомъ отношеніи особенно хорошо изданъ Дневникъ польскаго посольства въ Москву (т. IV). Но какъ всякій человѣческій трудъ, Сборникъ имѣетъ и недостатки. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ.

1) Нельзя не высказать сожалѣнія, что издатели позволили себѣ сдѣлать значительные пропуски въ Запискахъ игумена Ореста. Какого рода эти пропуски, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. На стр. ХСVII (II т.) подъ разказомъ о рѣшеніи участи лицъ, присягавшихъ въ 1812 году Наполеону, замѣчается:

„Загѣмъ коротко разказывается о судьбѣ отрѣшенныхъ отъ должности за присягу Наполеону консисторскихъ чиновниковъ, о смерти Варлаама (епископа Могилевскаго), объ удаленіи іезуитовъ изъ Бѣлоруссіи въ 1820 году съ краткимъ очеркомъ злоупотребленій іезуитскихъ“.

Или на стр. CI, въ концѣ записокъ игумена Ореста, замѣчается:

„Въ рукописи находится персечь настоятелей Могилево-братскаго монастыря и списокъ членамъ Могилевскаго братства, состоящій изъ 271 имени; ижепа митр. Петра Могилы и Сильвестра Коссова стоятъ во главѣ этого

списка. Списокъ этотъ неполонъ и составленъ на основаніи книги отъ 1666 года, въ которую вносили только тѣ имена братчиковъ, кои помнились современниками 1666 года; прежняя книга, заведенная для записыванія братчиковъ, сгорѣла въ 1666 году во время пожара⁴.

Эти замѣчанія показываютъ, что издатели считали неважными тѣ вещи, которыя пропустили; но можно ли съ этимъ согласиться? Трудно согласиться съ издателями даже насчетъ тѣхъ пропусковъ, о которыхъ они замѣчаютъ, что разказанное въ нихъ согласно съ Голицынымъ, Бантышъ-Каменскимъ и друг. Издателямъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что иногда одна особенная черта въ разказѣ памятника, одно особое слово могутъ послужить основаніемъ для важныхъ выводовъ; да и вообще издателямъ слѣдовало держаться правила, какъ можно меньше пользоваться принципомъ опускать въ памятникахъ неважныя вещи, а лучше всего вовсе имъ не пользоваться. Вѣроятно многіе съ нами согласятся, если мы выскажемъ желаніе, чтобы въ дополнительномъ томѣ Сборника напечатаны были всѣ пропуски изъ записокъ игумена Ореста.

2) Въ Сборникѣ встрѣчаются памятники съ мѣстами, не разобранными по ветхости рукописей и обозначенными точками. По нашему мнѣнію, нужно печатать только тѣ памятники этого рода, которые даже частію своего содержанія открываютъ что-либо новое въ наукѣ, а если въ памятникѣ нѣтъ особенно важныхъ вещей, то слѣдуетъ удержаться печатаніемъ его въ ожиданіи найти его копію; для сохранности же можно снять и хранить копію того, что можно было разобрать. Нельзя сказать, чтобы въ Сборникѣ было много такихъ не разобранныхъ мѣстъ, но мы считаемъ нужнымъ обратить на это вниманіе, потому что въ Вильнѣ уже слишкомъ распространенъ обычай печатать памятники, на половину не разобранные. Примѣры этого способа изданія памятниковъ можно встрѣтить во многихъ книжкахъ *Вѣстника Западной Россіи*.

3) Въ Сборникѣ встрѣчаются хронологическія странности. Такъ, напримѣръ, во II томѣ окружное письмо Льва Софійскаго о томъ, что Могилевскіе жители дурно дѣлаютъ, не подчиняясь уніатскому Полоцкому архіепископу Антонію Селявѣ и проч., помѣчено 1621-мъ годомъ, тогда какъ оно могло быть писано никакъ не раньше 1624 года, такъ какъ до этого времени Антоній Селява не былъ Полоцкимъ архіепископомъ.

4) Въ Сборникѣ встрѣчаются слова, дурно разобранныя. Такъ, въ томъ же II томѣ, въ памятникѣ подъ № 22; часто встрѣчается вырван-
часть счл.

женіе: „водлугъ предложенія“, тогда какъ должно быть: „водлугъ премноженія“, то-есть, по мѣрѣ средствъ.

5) Въ Сборникѣ одни польскіе памятники переведены вполнѣ, другіе переведены въ извлеченіи, третьи оставлены безъ всякаго перевода. Мы полагаемъ, что всѣ польскіе и даже латинскіе памятники нужно переводить; но такъ какъ полный и точный переводъ памятниковъ до крайности затруднителенъ по множеству словъ, вышедшихъ изъ употребленія, то лучше всего передавать точно содержаніе памятника, переводя буквально только сущность дѣла. Во II томѣ Сборника нѣкоторые памятники такъ именно переведены.

Въ заключеніе нашего обзорѣя памятниковъ, изданныхъ въ Археографическомъ Сборникѣ, считаемъ нужнымъ высказать нѣсколько мыслей о значеніи подобныхъ изданій для Виленскаго учебнаго округа. Въ Виленскомъ учебномъ округѣ нѣтъ ни университета, ни духовной академіи, нѣтъ, слѣдовательно, ни одного изъ тѣхъ общепризнанныхъ двигателей науки, которыми обезпечивается высшій уровень знанія и постоянная подготовка новыхъ ученыхъ силъ. Научное обѣднѣніе — это постоянная опасность Виленскаго учебнаго округа. Предоставить себя въ этомъ отношеніи волѣ судебъ Виленскій учебный округъ, конечно, не можетъ, потому что не можетъ отступить отъ своей существенной задачи — не только поддерживать, но и подвигать впередъ просвѣщеніе въ странѣ. Слѣдовательно, ему необходимо предпринимать постоянно особыя дѣла, чтобы хоть нѣсколько вознаграждать отсутствіе у себя высшихъ образовательныхъ средствъ и хоть нѣсколько ослабить постоянно угрожающую ему опасность научнаго обѣднѣнія. Съ этой именно точки зрѣнія, по нашему мнѣнію, должны быть прежде всего разсматриваемы всѣ особенныя предпріятія Виленскаго учебнаго округа, выходящія изъ обычнаго круга дѣйствій другихъ округовъ, какъ напримѣръ, усиленное увеличеніе университетскихъ стипендій, учрежденіе археографической комиссіи, музея, публичной бібліотеки, изданіе ученыхъ, учебныхъ и даже періодическихъ изданій не чисто научнаго содержанія. Все это существенныя потребности Виленскаго учебнаго округа, и безъ удовлетворенія имъ округъ не можетъ существовать съ честью для Россіи. Съ этой точки зрѣнія получаетъ особенно важное значеніе и та группа молодыхъ ученыхъ, которая пріютилась при Виленскомъ учебномъ округѣ и предприняла издать цѣлый рядъ археографическихъ трудовъ. Намъ кажется, что поддерживать подобныя предпріятія и привлекать къ

нимъ побольше людей значить вѣрно понимать существенныя потребности Виленскаго учебнаго округа.

Съ другой стороны, подобныя предпріятія могутъ имѣть значеніе не только въ области высшей науки, но и въ области чисто педагогической. При несуществованіи въ Виленскомъ учебномъ округѣ ни университета, ни духовной академіи, при крайней бѣдности мѣстныхъ учебныхъ силъ, Виленскому учебному округу приходится пополнять учебный составъ постоянными вызовами педагоговъ изъ внутреннихъ губерній Россіи. Эти ученые люди, сопровождаемые изъ разныхъ странъ Россіи, пріѣзжаютъ въ Сѣверо-Западный край, точно въ пустыню, въ которой учебныя заведенія составляютъ для нихъ почти единственныя оазисы. Въ самомъ дѣлѣ, внѣ этихъ оазисовъ для этихъ ученыхъ почти вездѣ пустыня. Кругомъ почти все чужое и враждебное. Педагогу, чисто русскому, твердому въ своихъ русскихъ убѣжденіяхъ приходится быть пустынною — стоять внѣ общества, внѣ семьи, если онъ безъ нея пріѣхалъ, и знать одну оживляющую силу — учебное свое заведеніе. Можно, конечно, и въ этой обстановкѣ идеализировать величіе и пользу педагога, отрѣшеннаго отъ всѣхъ развлеченій, но, вѣроятно, придется согласиться, что выдержать долго такое положеніе въ состояніи весьма немногіе и что на Виленскомъ учебномъ округѣ лежитъ обязанность облегчать это тяжкое положеніе западно-русскаго педагога зависящими отъ него средствами, то-есть, содѣйствовать всѣми силами, чтобы наука удобнѣе могла проникать въ пустынное жилище педагога. Изученіе западно-русскихъ древностей, изученіе прошедшей судьбы той самой страны, которая теперь представляетъ собою въ образованной средѣ такую русскую пустыню, есть одно изъ лучшихъ средствъ поддержать энергію западно-русскаго педагога, придать жизнь и наслажденіе тѣмъ его минутамъ, когда онъ свободенъ отъ учебныхъ занятій и нуждается въ освѣженіи своихъ силъ. Что наши слова не идиллія, что вышеуказанное средство есть лучшее средство поддержать энергію западно-русскаго педагога, и такъ-сказать, прочно водворить его въ западной Россіи, это подтверждаетъ сама практика — жизнь старыхъ западно-русскихъ педагоговъ. Въ Западной Россіи въ каждой губерніи есть нѣсколько выслужившихъ срокъ службы учителей или, какъ ихъ называютъ Поляки, эмеритовъ. На сколько мы знаемъ, почти всѣ они занимаются западно-русскими древностями. Въ числѣ этихъ почтенныхъ тружениковъ — не одни бывшіе историки. Между ними есть и бывшіе лингвисты, и математики, и астрономы, и учителя рисованія. Всѣхъ ихъ привлекла къ себѣ западно-русская

земля родною для нихъ силою своего тяжелаго, мученическаго прошедшаго. Мы видѣли нѣкоторыхъ изъ этихъ почтенныхъ труженниковъ во время нашего пребыванія въ Сѣверо-Западной Россіи въ 1862 и 1866 годахъ. Не имѣемъ права тревожить ихъ скромность и называть по именамъ, но не можемъ не поименовать тѣхъ изъ нихъ, которые упомянуты въ самомъ Сборникѣ, каковы: г. Загоровскій, котораго мы видѣли надъ связками рукописей въ Пинскѣ, въ 1862 году, во время самаго разгара подготовки Поляковъ къ смутѣ, и умершій недавно учитель Могилевской духовной семинаріи С. М. Соколовъ, котораго имя не разъ встрѣчалось на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, который въ свое время придалъ большой интересъ состоявшимъ подъ его редакціей *Могилевскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ* и археографическіе труды котораго отчасти теперь изданы во II томѣ Археографическаго Сборника. Отъ этихъ людей намъ не разъ приходилось слышать, что они, изучивъ прошедшее Западной Россіи, такъ сроднились съ нею, что не могутъ уже не жить ея жизнію и желаютъ сложить въ ней свои кости. Подобное вліяніе изученія западно-русскихъ древностей на жизнь человѣка само за себя говоритъ, и едва-ли кто можетъ лучше оцѣнить его, чѣмъ Виленскій учебный округъ.

Мы не отвергаемъ, что все это такія дѣла, которыя не легко могутъ удаваться, которыя требуютъ особенныхъ заботъ, тоже не всякому дающихся. Мы понимаемъ, что въ странѣ, которая еще такъ недавно была въ огнѣ и въ которой такъ давно уже существуетъ военное положеніе, заботы о вышнемъ благоустройствѣ и порядкѣ могутъ самымъ нечувствительнымъ образомъ заслонять эти высшіе интересы исторической науки и педагогіи; но нельзя не желать, чтобы Виленскій учебный округъ не подчинялся печальнымъ вліяніямъ смутнаго времени, бывшаго въ Западной Россіи, и среди заботъ о вышнемъ порядкѣ находилъ время и средства поддерживать эти дорогіе интересы науки. Дѣятельность бывшаго попечителя округа, сумѣвшаго такъ оживить археографическія работы, показывать, какъ много можно сдѣлать и при этихъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Такого же содѣйствія изученію западно-русскихъ древностей естественно ожидать и отъ нынѣшняго попечителя Виленскаго учебнаго округа, П. Н. Батюшкова. П. Батюшкову западная Россія давно уже знакома, и самъ онъ слѣдовалъ вышеуказанному закону западно-русской жизни — занимался вмѣстѣ и *современными* дѣлами этой страны, устроая церкви и обогащая церковныя и училищныя бібліотеки книгами, — и *научными*

западно-русскими дѣлами, издавая вѣроисповѣднѣй и этнографическѣй атласъ Западной Россіи и собирая и издавая снимки съ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ этой страны ¹⁾). Слѣдовательно, мы имѣемъ полное основаніе думать, что дѣло, начатое съ такимъ успѣхомъ, поставленное такъ хорошо И. П. Корниловымъ, будетъ поддержано и продолжено. Мы даже думаемъ, что теперь настало время дать больше единства ученымъ силамъ и работамъ. До сихъ поръ въ Вильнѣ были раздѣлены на отдѣльныя группы и эти силы, и эти работы. Памятники издавались и при Виленской археографической комиссіи, и при центральному Виленскому архиву, и при Виленскомъ учебномъ округѣ. Теперь, можетъ-быть, настала уже пора объединить и ученыхъ, и ихъ работы. Теперь, когда во главѣ Виленской археографической комиссіи стоитъ Я. О. Головацкій, можно надѣяться, что это объединеніе совершится съ успѣхомъ. Оно можетъ быть достигнуто и личнымъ тактомъ новаго предсѣдателя, и новымъ уставомъ комиссіи, который, какъ мы слышали, вырабатывается. Весьма желательно, чтобы въ этой комиссіи рядомъ съ постоянными членами могли работать и временные. Весьма желательно также, чтобы въ томъ или другомъ составѣ Виленская археографическая комиссія близко примкнула къ Виленскому музею и учрежденному при немъ (но не существующему еще) географическому отдѣлу, въ уставѣ котораго, какъ мы уже замѣтили, значатся и археографическія работы. Если бы все это осуществилось, то всѣ русскіе ученые люди могли бы быть сгруппированы въ одну корпорацію ²⁾), всѣ ученныя ихъ работы были бы объединены, быстро двинуты впередъ, и Виленскій учебный округъ обладалъ бы постоянно силою, крѣпко держащею знамя русской науки въ Сѣверо-Западной Россіи. Отъ души желаемъ, чтобы Виленскій учебный округъ запасся этою силою; но покаместъ это состоится, весьма желательно, чтобы начатое уже дѣло было поскорѣе кончено, чтобы не замедлилось изданіе слѣдующихъ томовъ Археографическаго Сборника, которыхъ содержаніе, на сколько мы можемъ судить по объявленію объ изданіи ихъ и по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, будетъ весьма интересно.

М. Конловичъ.

¹⁾ Два выпуска этихъ снимковъ уже изданы. Мы ознакомимъ съ ними читателей въ слѣдующей книжкѣ *Журн. Мин. Народн. Просв.*

²⁾ Какъ успѣшно можетъ идти это дѣло, это можно видѣть изъ того, съ какимъ сочувствіемъ отзывались многіе русскіе люди въ Западной Россіи на призывъ И. П. Корнилова доставлять памятники. Въ Археографическомъ Сборникѣ поименованы нѣкоторые изъ этихъ людей.

Lexicon Vindobonense. Recensuit et adnotatione critica instruxit *Augustus Nauck*.
Accedit appendix, duas Photii homilias et alia opuscula continens. Pe-
tropoli a. 1867. LIII и 404.

Главное содержаніе этой книги составляет одинъ греческій сло-
варь, безъ заглавія, безъ имени автора и безъ начала, рукопись кото-
раго находится въ Вѣнской библіотекѣ. Эта рукопись была уже разъ-
списана І. Г. Хр. Шубартомъ и издана Ө. Бергомъ въ програм-
махъ Галльскаго университета (за 1859 — 1862 годы) подъ заглавіемъ:
„Вѣнскій Этимологическій Словарь“ (*Etymologicum Vindobonense*). Но
такое изданіе — вовсе не изданіе: напечатанный въ программахъ, сло-
варь этотъ оставался мало извѣстенъ и мало доступенъ ученому міру.
Притомъ же онъ былъ изданъ не довольно тщательно и даже не-
брежно; такъ, напримѣръ, было пропущено не мало отдѣльныхъ словъ,
которыя г. Наукъ приводитъ на стр. XIX; сверхъ того Бергъ почти
ничего не сдѣлалъ для объясненія текста. Вотъ почему г. Наукъ рѣ-
шился снова сличить этотъ словарь съ Вѣнскимъ спискомъ, исправить
самыя несомнѣнныя ошибки текста и отыскать мѣста авторовъ, приве-
денныя лексикографомъ.

Что же это за словарь, который г. Наукъ издалъ?

Это словарь неизвѣстнаго Византійца XIV или XV столѣтія. Время
составленія его опредѣляется по позднѣйшему изъ писателей, упомя-
нутыхъ въ немъ, а именно по Георгію или Григорію Кипрскому, быв-
шему Константинопольскимъ патриархомъ съ 1283 до 1289 года (см.
XI и слѣд.).

Объясненія словъ въ этомъ словарѣ во многихъ случаяхъ нѣтъ.
Въ немъ несмѣтное число ошибокъ. У его автора знаніе греческаго
языка крайне ограниченное.

Не смотря однако на это, этотъ словарь не можетъ не имѣть нѣ-
котораго значенія въ глазахъ филологовъ. Въ немъ сохранились два
неизвѣстныя до сихъ поръ отрывка древнихъ писателей: трагика Со-
фокла и комика Ферекрата (стр. 96, 4 и 109, 13). Кромѣ того, онъ
даетъ возможность исправить много мѣстъ древнихъ писателей, под-
тверждаетъ различныя поправки, сдѣланныя въ нихъ повѣйшими уче-
ными, указываетъ на пропуски въ нашихъ текстахъ (стр. XIV—XVI).

Это еще не все. Такіе византійскіе словари не только въ отдѣль-
ныхъ случаяхъ помогаютъ критикѣ, но можно сказать, изученіе ихъ
и вообще совершенно необходимо для всякаго, кто занимается кри-
тикою древнихъ писателей. Тексты наши переписывались для византій-

скихъ школъ, читались и перефразировались въ нихъ. А такой перефразисъ, такое объясненіе не остались безъ вліянія на нихъ.

На стр. XVI — XVIII г. Паузеъ указываетъ на одинъ родъ ошибокъ въ текстѣ поэтовъ, происходящій отъ обыкновеннаго способа объясненія ихъ, бывшаго въ ходу у Византійцевъ, а именно отъ того, что послѣдніе, дѣлая конструкцію, ставили прилагательное предъ его существительнымъ. Такую конструкцію они дѣлали инстинктивно, по привычкѣ, и при чтеніи, и при перепискѣ поэтовъ. Вотъ почему нерѣдко, чтобы возстановить размѣръ, приходится переставлять прилагательное. Что это дѣйствительно такъ, въ томъ можно убѣдиться изъ тѣхъ мѣстъ древнихъ писателей, которыя въ нашихъ текстахъ читаются вѣрно, а въ словарь невѣрно. Такъ, напримѣръ, въ Одиссеѣ (Г, 259) читается *δίφρον ἀεικέλιον καταθείς*, а у нашего лексикографа (стр. 47, 13) приводится: *ἀεικέλιον δίφρον*, что никакъ не соответствуетъ размѣру.

Важны, кромѣ того, для критика и самаго объясненія греческихъ словъ, даже нелишныя, встрѣчаемая въ подобныхъ словаряхъ. Они показываютъ, какъ византійскіе ученые при перефразисѣ передавали различныя греческія слова. А это нужно знать. Такія объясненія вписывались въ рукописи (гlossы) на поляхъ или между строками и по ошибкамъ переписчиковъ попадали потомъ въ текстъ. Иногда онѣ стоятъ рядомъ съ первоначальнымъ словомъ, употребленнымъ авторомъ, или присоединяются къ нему прибавленною безъ труда частицею *καί*. Или же подобныя объясненія совершенно вытѣсняють выраженія авторовъ. Часто даже писецъ, привыкшій къ такому перефразису, тотчасъ же, безъ намѣренія вноситъ такія объясненія въ текстъ вмѣсто выраженій, употребленныхъ древнимъ авторомъ. Такъ, въ Прометееѣ Эсхила, въ стих. 505: *βραχέϊ δὲ μύθῳ πάντα συλλήβδην μάθε* и въ ст. 1080: *καὶ μὴν ἔργῳ κοῦκ ἔτι μύθῳ*, въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто *μύθῳ* написано *λόγῳ*, потому что въ позднѣйшемъ языкѣ понятіе, противоположное *ἔργον*, было не *μῦθος*, а *λόγος*, и *μῦθος* здѣсь объяснялось словомъ *λόγος*. Поэтому *λόγος* писалось первоначально надъ словомъ *μῦθος*, а потомъ вмѣсто него попадало въ текстъ; или же переписчикъ, привыкшій къ такому перефразису, по невнимательности тотчасъ же писалъ *λόγῳ* вмѣсто *μύθῳ*. Такъ, г. Паузеъ (*Mélanges gréco-romains, tirés du Bulletin de l'Académie imp. de St. Pétersbourg, t. III, стр. 30 и сл.*) замѣчаетъ, что у Еврипида *Supplic. 874* въ нашихъ спискахъ читается *ἔσχεν Ἀργεία χθονί*, а у Стовія *Floril. 95, 24* написано: *ἔσχ' ἐν Ἀργεία πόλει*; также у Еврипида *Алкист. 479* въ однихъ спискахъ

читается πόλις, въ другихъ χθόνα, и указываетъ на другіе случаи такого колебанія между этими словами, — потому что Византійцы слово πόλις перифразировали словомъ χθών. Такой примѣръ представляетъ и Еврип. Hippolyt. ст. 34 и слѣд.

Ἐπεὶ δὲ Θησεὺς Κεκροπίαν λείπει: χθόνα,
Μίασμα φεύγων αἵματος Πάλλαντιδών,
Καὶ τήνδε σὺν δάμαρτι ναυστολεῖ χθόνην и т. д.

Тутъ явно повтореніе χθόνα песносно; одинъ разъ оно написано, безъ сомнѣнія, какъ замѣчаетъ Вейль (H. Weil, Sept tragédies d'Euripide. Paris. 1868, стр. 15) вмѣсто πόλις. Итакъ, χθών и много другихъ выраженій читаются нерѣдко тамъ, гдѣ такіа выраженія совершенно неумѣстны. Поэтому нужно знать, какія слова у Византійцевъ объяснялись такими выраженіями, чтобы при исправленіи и замѣнѣ ихъ не поступать совершенно произвольно. А узнать мы можемъ это изъ схолиевъ и глоссъ, приписанныхъ къ тексту древнихъ авторовъ, и изъ византійскихъ словарей, подобныхъ нашему. См. Ф. Геймзётъ (F. Heimsöett, Kritische Studien zu den griechischen Tragikern. Bonn. 1865), у котораго я заимствовалъ примѣры изъ Промнея Эсхила. Заслуга Геймзёта состоитъ въ томъ, что онъ настаиваетъ на необходимости *методическаго* различенія ошибокъ въ текстѣ, происходящихъ отъ невѣрнаго чтенія и невѣрной орфографіи, отъ тѣхъ, которыя происходятъ отъ объясненія, и въ томъ, что онъ указываетъ, какъ можно узнавать и различать ихъ.

Изъ этого видно, какъ важно для филолога, даже если онъ не занимается византійскою литературой для нея самой, быть хорошо знакомымъ съ такими словарями. Для него могутъ быть важны и невѣрныя и даже нелѣпыя объясненія ихъ. Вотъ примѣръ. У оратора Лисія 13, 93 читается: ὑμεῖς τοίνυν, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, νονὶ δὴ, ἐπειδὴ ἐν τῷ τότε χρόνῳ, ἐν ᾧ ἔκαῖνοι ἀπέθνησκον, οὐχ οἷοί τε ἐκαίνοις ἐπαρχέσθαι γεγόνατε διὰ τὰ πράγματα τὰ περιστρηχότα, νονὶ, ἐν ᾧ δύνασθε, τιμωρήσατε τὸν ἐκαίνων φονέα. Смысль, требуемый всею рѣчью и самимъ этимъ предложениемъ, взятымъ отдѣльно, долженъ быть таковъ: „Такъ какъ вы въ то время, когда эти люди умирали, по тогдашнимъ обстоятельствамъ *не были въ состояніи* помочь имъ, то отомстите же ихъ убійцѣ теперь, когда вы это можете“. Но здѣсь написано: οὐχ οἷοί τε γεγόνατε, такъ какъ вы *не въ состояніи* помочь имъ, такъ какъ γεγόνατε=ἐστέ. Очевидно γεγόνατε здѣсь неумѣстно, хотя ни одинъ изъ издателей, толкователей, переводчиковъ Лисія, сколько мнѣ

извѣстно, не замѣтилъ этой ошибки до изданія Вѣнскаго словаря, въ которомъ на стр. 98, 18 и 99, 1 сказано, что аттическіе писатели употребляли ἦτε вмѣсто ἦτε, и приведенъ примѣръ изъ Лисія: οὐχ οἰοί εἰ ἦτε ἐπαρχεῖσαι. Здѣсь или было сначала пропущено писцомъ ἦτε, и потомъ добавлено другимъ Византійцемъ, замѣтившимъ недостатокъ глагола, — γέγονατε, или же поставленное въ перифразисѣ, вмѣсто ἦτε, γεγόνατε вытѣспло вѣрное слово. Слѣдовательно, γέγονατε Византіецъ принималъ за слово равносильное ἐγεγόνεσθε или ἦτε (ἦτε); и это важно, для того чтобы въ другихъ случаяхъ, когда также необходимо поставлено γέγονα, знать, какое выраженіе замѣнялось этимъ словомъ.

Но не все въ этомъ и подобныхъ словаряхъ — плохой плодъ византіейской учености или византіейскаго варварства. Напротивъ того, часть содержанія ихъ, то - есть, болѣе или менѣе общее достоиніе подобныхъ словарей заимствовано изъ прежнихъ словарей, которые черпали свой матеріалъ изъ комментаріевъ къ древнимъ писателямъ, составленныхъ Александрійскими учеными, и особенно часто изъ сочиненій Дидима Халкентора, очень плодовитаго грамматика, жившаго во времена Цицерона. Тутъ важно знать, какимъ источникомъ кто изъ лексикографовъ пользовался, не только для того, чтобы узнать настоящій источникъ схолія, но также и для того, чтобы понять, каковъ долженъ быть первоначальный текстъ какого-нибудь объясненія, которое обыкновенно сокращается и искажается позднѣйшими лексикографами. Объ источникахъ нашего словаря см. у г. Наука на стр. XXII и слѣд.

Въ чемъ же состоялъ главный трудъ г. Наука при изданіи этого словаря?

Во первыхъ, онъ издалъ его несравненно исправнѣе Бергга; но притомъ исправлялъ текстъ словаря съ надлежащею осмотрительностію и осторожностію, потому что очень легко можетъ случиться, что желая исправить чтеніе текста, поправишь самого лексикографа. Но главная работа г. Наука состояла въ томъ, чтобы отыскать тѣ мѣста авторовъ, которыя приводятся въ этомъ словарѣ отчасти съ именемъ автора, отчасти безъ имени, отчасти даже съ невѣрнымъ именемъ. Потому что нерѣдко или самъ лексикографъ при компиляціи своего сочиненія, или переписчикъ отъ одного цитата оставилъ только имя автора, не приводя его словъ, а отъ другаго пропустилъ имя, такъ что цитата собственно принадлежитъ не тому писателю, которому онъ приписывается въ этомъ словарѣ, (см. стр. XXI и сл.). Отыскать эти мѣ-

ста (а г. Наукъ отыскалъ бѣльшую часть изъ нихъ) — была огромная работа, да и притомъ работа неблагодарная, за которую нието и спасибо не скажетъ нашему ученому, за которую однако онъ принялся, потому что она должна же быть сдѣлана, и въ скоромъ времени, можетъ-быть, никого не найдется, кто бы за нее принялся. Притомъ работа эта не всякому подъ силу; она требуетъ такой огромной начитанности и такой памяти, какими именно обладаетъ г. Наукъ. При этой работѣ ему помогъ Моряцъ Шмидтъ въ Ленѣ, отыскавшій для этого словаря всѣ мѣста изъ Василия и Иоанна Златоустаго и двадцать мѣстъ изъ Григорія Кипрскаго изъ изданныхъ и не изданныхъ еще писемъ его.

Кромѣ того, г. Наукъ исправилъ множество мѣстъ древнихъ авторовъ, по поводу и съ помощью приведенныхъ въ этомъ словарѣ словъ ихъ.

За этимъ Вѣнскимъ словаремъ въ разбрасной книгѣ слѣдуетъ богатое прибавленіе (appendix). Въ этомъ прибавленіи первое мѣсто занимаютъ *два омиліи* Константинопольскаго архіепископа Фотія по поводу нападенія Руси на Константинополь въ 865 году (*βριλέαι εἰς τὴν ἑφοδον τῶν Ῥώσ*). Это первое упоминаніе о Руси. Онъ издалъ эти омиліи по фотографическому снимку, слѣланному П. Севастьяновымъ съ Афонской рукописи. Это изданіе омилій можно считать первымъ. Правда, уже въ 1864 году архимандритъ Порфирій Успенскій издалъ ихъ въ сочиненіи: „Четыре бесѣды Фотія, святѣйшаго архіепископа Константинопольскаго, и разсужденіе о нихъ Порфирія Успенскаго. С.-Петербургъ“. Но онъ издалъ ихъ не цѣликомъ, а отчасти только познакомилъ съ ними читателей посредствомъ русскаго перевода, нерѣдко неудачнаго, вслѣдствіе недостаточнаго знанія греческаго языка (см. примѣръ, приведенный г. Наукомъ на стр. XXVIII); вообще, все изданіе сдѣлано было безъ всякаго умѣнья и знанія дѣла и не съ надлежащею тщательностію и точностію. Вотъ почему изданіе этихъ омилій г. Наукомъ можно считать *первымъ*.

Что же касается до самаго содержанія омилій, то оно никакъ не въ состояніи удовлетворить любознательности историковъ, желающихъ узнать что-либо новое о Русскихъ тѣхъ временъ. Фотій развиваетъ тутъ слѣдующую мысль. Нападеніе на Грековъ Руси — наказаніе за ихъ грѣхи; ихъ раскаяніе и нагѣреніе не впадать въ прежніе грѣхи умлостивило Бога и освободило ихъ отъ страха и опасностей; но этимъ же наказаніемъ Богъ показалъ, что имъ предстоитъ въ томъ случаѣ, если они будутъ продолжать свою прежнюю, грѣшную жизнь.

Вотъ главное содержаніе обѣихъ омілій. Изъ нихъ видно только, что Русскіе внезапно въ тихую погоду приплыли къ Константинополю съ сѣвера, что они варвары дикіе, жестокіе, ничего не щадищіе и т. д.

За тѣмъ слѣдуютъ въ прибавленіи предварительныя замѣтки (prolegomena) Иоанна Гцетца (по гр. Τζετζής или Τζετζιός = Cassius, XII столѣтія) къ Аристофану въ двухъ редакціяхъ, изданныя въ первый разъ Г. Кейлемъ (H. Keil) по Амбросіанскому списку Миланской бібліотеки въ *Рейнскомъ Музеумъ для филологіи* (Neue Folge. VI, стр. 101 — 122). Эти самыя prolegomena отпечатавъ вторично, въ то же самое время, какъ г. Нәукъ, и Фр. Ричль съ примѣчаніями Кейля въ первомъ томѣ своихъ сочиненій, стр. 197 — 237. Въ нихъ находятся, между прочимъ, очень важныя и интересныя свѣдѣнія о бібліотекаряхъ Александрійской бібліотеки (см. Ричля, Op. Phil. 1 — 173) и о составленіи или расположеніи омирическихъ поэмъ, бывшихъ до тѣхъ поръ разрозненными, во время Писистрата (συνθεῖναι, αἱ Ὀμηρικαὶ συγγραφαὶ τεμαχίως περιφερόμεναι συνετέθησαν καὶ βιβλοὶ ἐγένοντο) и объ ученыхъ, которымъ Писистратъ поручилъ этотъ трудъ. Объ этомъ см. Ричля въ означенномъ мѣстѣ и Лерса (K. Lehrs), de Aristarchi studiis homericis. 5 изд. Лейпцигъ. 1865 года стр. 439 — 450.

Кромѣ того, г. Нәукъ въ этой книгѣ напечаталъ еще различныя отрывки, преимущественно грамматическаго (въ широкомъ смыслѣ слова) содержанія, которые можно было до сихъ поръ читать въ однихъ мало доступныхъ книгѣхъ, и между прочимъ отрывки Кембриджскаго риторическаго словаря, записанныя другою рукою на краю Кембриджскаго списка Ариократіона и изданныя въ первый разъ Добри (P. P. Dobree, Dobraeus) въ видѣ прибавленія къ Персопову изданію словаря Фотія. (Кембриджъ 1822 года; перепеч. въ Лейпцигѣ въ 1823). Г. Нәукъ пользовался при этомъ критическимъ и объяснительнымъ комментариемъ М. Г. Ед. Мейера, вышедшемъ въ программахъ Галльскаго университета 1843 года и кромѣ того, отдѣльнымъ изданіемъ Добри (Кембр. 1834), выпущеннымъ въ свѣтъ уже по смерти этого ученаго, мало извѣстнаго ученымъ на материкѣ Европы. Послѣднюю книгу г. Нәуку для этой цѣли переслалъ Германнъ Заупе въ Геттингенѣ.

Какъ ни кратокъ этотъ словарь, какъ ни испорченъ текстъ, этого словаря, онъ доставляетъ намъ однако иногда очень драгоценныя свѣдѣнія, сохранившіяся только въ немъ одномъ. Желаніе имѣть другой, можетъ-быть, болѣе полный и менѣе испорченный списокъ его было очень естественно, когда Эмм. Миллеръ (E. Miller) воз-

будить любознательность всѣхъ объявленіемъ, что онъ привезъ изъ Греціи, вмѣстѣ съ другими не изданными сочиненіями, и книжечку ἐκ τῶν Κλαυδίου Κασίλωνος περί τῶν παρὰ τοῖς Ἀττικοῖς ῥήτορσι γητομένων, то-есть, „Извлеченіе изъ сочиненія Клавдія Касилона о томъ, что у Аттическихъ ораторовъ требуетъ объясненія“, — книжку, въ которой находятся объясненія нѣкоторыхъ изъ словъ, объясненныхъ и въ Кембриджскомъ словарѣ. Уже въ прошломъ году г. Наукъ сожалѣлъ, что онъ не могъ воспользоваться находкою Э. Миллера; но тогда книга г. Миллера не была еще издана. Теперь же она издана уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, а мы все еще ее не имѣемъ, потому что книгопродавцы, снабжающіе университетъ и академію книгами, доставляютъ ихъ изъ-за границы въ Петербургъ съ быстротою — черепахи, не смотря ни на какія паровыя машины и пароходы.

Своей книгѣ г. Наукъ предпослалъ подробное предисловіе, въ которомъ онъ говоритъ объ изданныхъ имъ сочиненіяхъ, объ ихъ спискахъ, первыхъ издателяхъ и т. д.; затѣмъ десять страницъ дополненій и поправки. Есть здѣсь вещи, которыхъ и не ожидаешь въ такомъ мѣстѣ; такъ, на стр. XXVII и слѣд. дополненія къ его розысканію о мнимомъ глаголѣ φρέω (см. Mélanges gréco-romains, t. II, 520 — 48); на стр. XXXIII и слѣд. о неуровненности образованія слова ἀχέρητος; на стр. XXXVI и слѣд. критическія замѣчанія къ изданнымъ Вестфалемъ (Westphal) метрическимъ писателямъ (Scriptores rei metricae, Lips. 1866); на стр. XXXIX и сл. замѣтка о вставкѣ четырехъ стиховъ у Вергілія Энеид. VI, 893 — 896 (объ этихъ стихахъ г. Наукъ говоритъ въ послѣдствіи подробнѣе въ Mél. t. III стр. 87 и слѣд.).

Въ концѣ книги еще четыре указателя: 1) указатель писателей, приведенныхъ въ Вѣнскомъ словарѣ; 2) указатель словъ, объясненныхъ въ немъ; 3) указатель къ прибавленію и 4) указатель къ прибавленію и критическимъ замѣчаніямъ.

Особенно рекомендуемъ тщательное чтеніе этого сочиненія тѣмъ изъ нашихъ филологовъ, которые не имѣютъ яснаго понятія о филологической критикѣ и слѣпо вѣрятъ въ чтеніе, представляемое рукописями или просто текстомъ, какой только попадется имъ въ руки; которые никогда не видѣли никакихъ рукописей, и потому, совершенно не зная, въ какомъ состояніи тексты древнихъ писателей дошли до насъ, всячески стараются объяснить, что здравому смыслу никогда не удастся объяснить, и которые, вѣря въ достовѣрность подлежащаго имъ, нерѣдко крайне нелѣпаго, текста, на основаніи его строить системы, которыя рушатся при первомъ прикосновеніи къ нимъ

потому что ихъ основаніе шатко. Эта книга доставитъ такимъ филологамъ много доказательствъ того, до какой нелѣпости доходятъ переписчики; какъ чтенія, коихъ вѣрность искусственнымъ образомъ, но *invita Minerva*, защищалась прежними учеными, оказываются невѣрными при открытіи источниковъ для текста, новыхъ списковъ, и какъ выше списки нерѣдко подтверждаютъ поправки новѣйшихъ ученыхъ.

Просматривая эту книгу вновь, чтобы написать эту замѣтку, я усмотрѣлъ одну ошибку во второй изъ омплій Фотія, стр. 218, 2. Тутъ мы читаемъ: οἷς γὰρ οὐδὲ Ρωμαίων φήμη μόνη φορητὴ ποτὲ κατεφαίνετο, οὗτοι κατ' αὐτῆς αὐτῶν τῆς ἐξουσίας ὄπλα ἤρραντο καὶ τὰς χεῖρας ἀνεκρότησαν ἐν ἐλπίδι τοῦ λαβεῖν τὴν βασιλίδα πόλιν ὡς νοσοῖαν φρουράμενοι, то-есть, „тѣмъ, которымъ когда-то казалось невыносимымъ и слышать только о Римлянахъ, тѣ теперь *подымали* оружіе на самый центръ могущества ихъ и рукоплескали въ надеждѣ“, и т. д. Но аористъ τὰς χεῖρας ἀνεκρότησαν показываетъ, что здѣсь долженъ стоять также аористъ ἤρραντο — они *подняли* оружіе. Дѣло идетъ тутъ о нападеніи, сдѣланномъ Русью на Грековъ (Римлянъ). Описка произошла отъ того, что іота подписывалась нерѣдко по ошибкѣ или по невѣрной грамматической теоріи въ аористѣ глаголовъ, имѣющихъ дифтонгъ αι въ коренномъ слогѣ въ настоящемъ времени; такъ писалось ἤρραντο вмѣсто ἤρραντο отъ αἰρώ, αἶρω (см. у г. Наука о Вѣнскомъ спискѣ изданнаго имъ словаря, стр. XVIII). А въ послѣдствіи уже изъ ἤρραντο произошло ἤρροντο.

К. Л.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Руководство къ обученію грамотѣ по звуковой методѣ, составленное барономъ И. А. Корфомъ, членомъ Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. 1867.

„Руководство къ обученію грамотѣ“, составленное барономъ Н. А. Корфомъ и изданное Александровскимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ въ пользу начальныхъ школъ этого уѣзда, было разсмотрѣно въ рукописи г. директоромъ училищъ Екатеринославской губерніи Коленко, по порученію губернскаго училищнаго совѣта, который призналъ это руководство, согласно мнѣнію г. Коленко, вполне полезнымъ. Оно заключаетъ въ себѣ „Наставленіе преподавателямъ сельскихъ школъ, какъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ (?) научить дѣтей, вовсе азбуки не знающихъ, читать и писать по русски и читать по церковно-славянски“. Все обученіе чтенію изложено въ 28 примѣрныхъ урокахъ и въ концѣ помѣщена церковно-славянская азбука. Методъ, принятый въ руководствѣ, *звуковой* и начинается съ изученія буквы *а*, къ которой потомъ приставляются согласныя *м* и *ш* и составляются обратныя и прямыя слоги (*ам—ма, аш—ша*); затѣмъ слѣдуютъ буквы *о* и *к* (*ок—ко, ош—шо, ом—мо*) и т. д. Согласныя буквы произносятся не по принятому названію, а только своими основными звуками *к—къ, ш—шь, ж—жь* и проч. Наставленіе изложено очень ясно и доступно для каждаго, даже малосвѣдущаго учителя, и можетъ служить учителямъ къ уясненію правильнаго и разумнаго метода обученія чтенію и писанью. При этомъ необходимо замѣтить, 1) что нѣтъ необходимости обучать чтенію и писанью изложеннымъ методомъ исключительно по „Родному Слову“ г. Ушинскаго, какъ указываетъ баронъ Корфъ (на стр. 14 и 15), и 2) что назначенная этому руководству цѣна (25 коп.) слишкомъ велика, и могла бы быть понижена, по крайней мѣрѣ, до 10 коп., такъ какъ все руководство заключаетъ въ себѣ 16 страницъ или 1 печатный листъ, пониженіе же цѣны будетъ,

конечно, содѣйствовать и большому распространенію этого полезнаго руководства въ начальныхъ школахъ и въ семействахъ.

Даръ слова (Книга для чтенія, письма и наглядныхъ бесѣдъ по картинамъ „Времена года“ съ дѣтьми 9—11 лѣтъ) сост. Д. Семеновъ.

Опытъ дидактическаго руководства къ преподаванію русскаго языка 9—11-лѣтнимъ дѣтямъ въ школѣ и дома по книгѣ „Даръ слова“ и картинамъ „Времена года“, ея же (Спб. 1868).

Обѣ эти книжки составляютъ пособіе къ такъ-называемому наглядному преподаванію русскаго языка; первая есть не что иное, какъ христоматія, содержащая въ себѣ матеріаль для такого преподаванія, а вторая служитъ руководствомъ для преподавателей.

Христоматія раздѣлена на 8 отдѣловъ: Первые уроки чтенія, Въ школѣ и дома, Церковь, Зимой, Лѣтомъ, Весною и осенью, Городъ и деревня, Повѣсть (Бѣжинъ лугъ, Тургенева). Статьи каждаго отдѣла выбраны съ педагогическимъ тактомъ. Ихъ немного, по той причинѣ, какъ говоритъ г. Семеновъ, что назначая свою книгу не для самостоятельнаго дѣтскаго чтенія, а исключительно для чтенія подъ руководствомъ учителя, онъ, при составленіи ея, имѣлъ въ виду, что каждая статья въ ней должна имѣть опредѣленную задачу, должна быть „простудирована“ учителемъ въ классѣ съ учениками для удовлетворенія той или другой цѣли.

А какихъ именно цѣлей достигаетъ учитель, преподавая русскій языкъ путемъ наглядности, — это изложено въ первомъ параграфѣ „Опыта дидактическаго руководства“. Ихъ восемь: научить дитя правильно смотрѣть на предметы, правильно пересказывать видѣнное, вести къ яснымъ понятіямъ о предметѣ, давать полезныя знанія, приучить къ сознательному чтенію и произношенію стиховъ, научить правильно писать, практически познакомить дѣтей съ нѣкоторыми грамматическими правилами, развить въ дѣтяхъ логическое мышленіе. Собственно на долю изученія русскаго языка приходится три цѣли; остальные, по такому же праву, принадлежать и другимъ учебнымъ предметамъ.

Пособіемъ къ достиженію всѣхъ этихъ цѣлей служитъ, съ одной стороны, сборникъ, подъ названіемъ: „Даръ слова“, содержащій въ себѣ матеріаль для чтенія, бесѣдъ и заучиванія наизусть, а съ другой — четыре большія картины, исполненныя художникомъ Ягумовымъ и представляющія то самое, что ученикъ прочтетъ въ книгѣ. Первая кар-

тина изображаетъ зиму, вторая — лѣто, третья — осень, четвертая — признаки весны съ промышленною и городской жизнью нашего народа.

За указаніемъ цѣлей элементарнаго обученія русскому языку и потребныхъ для того пособій, въ „Руководствѣ“ слѣдуютъ общія основанія катихетики и классной дисциплины, а потомъ классификація различныхъ упражненій, съ объясненіемъ каждаго. Объясненія очень толковы, опредѣлительны и подробны. Выведенныя изъ дидактическихъ трудовъ нашихъ педагоговъ, а равно изъ 15-лѣтней учительской практики самого г. Семенова, они должны въ значительной степени облегчить занятія преподавателей русскаго языка.

Такимъ образомъ первая книга г. Семенова: „Даръ слова“ можетъ служить полезнымъ пособіемъ для дѣтей перваго класса гимназій и уѣздныхъ училищъ. Онъ самъ назначаетъ ее именно для этого. Что же касается до второй книги („Опытъ дидактическаго руководства“), то она можетъ быть рекомендована гг. преподавателямъ русскаго языка въ тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ и въ томъ же классѣ.

Чтеніе для дѣтей младшаго возраста. Составилъ К. Клостерманъ, учитель русскаго языка и словесности въ главномъ нѣмецкомъ евангелическомъ училищѣ въ Варшавѣ (Варшава 1868).

Сборникъ г. Клостермана заключаетъ въ себѣ пять отдѣловъ: описанія и разказы нравственнаго содержанія, разказы изъ естественной исторіи, сказки, басни и стихи.

Первый отдѣлъ, за исключеніемъ немногихъ статей, принадлежащихъ русскимъ писателямъ, заимствованъ изъ иностранныхъ дѣтскихъ книгъ, которыя пользуются большою извѣстностью. Въ литературѣ нашей, дѣйствительно, трудно набрать небольшія, легкія статьи приуроченныя къ понятію дѣтей младшаго возраста. У насъ нѣтъ еще именъ, подобныхъ, напримѣръ, Гофману или Шмиду. Разказы о естественныхъ предметахъ большею частію взяты изъ извѣстнаго, переведеннаго и на русскій языкъ, сочиненія Вагнера. Въ отдѣлѣ сказокъ, г. Клостерманъ помѣстилъ пять сказокъ изъ Гриммова сборника и только двѣ изъ сборника Аванасьева. Можетъ-быть, онъ поступилъ такъ на томъ основаніи, что языкъ народныхъ русскихъ сказокъ, какъ не литературный, представляетъ нѣкоторыя трудности вообще для учащихся младшаго возраста, а для воспитанниковъ нѣмецкаго училища онъ еще труднѣе. Послѣдніе два отдѣла составлены изъ однихъ русскихъ сочиненій.

Выборъ матеріала, безъ исключенія, хорошъ. Содержаніе статей интересно, языкъ ихъ вездѣ почти правиленъ и чистъ, за исключеніемъ немногихъ неправильностей, въ родѣ слѣдующихъ:

„Куры слетѣли съ насѣста, *загоготали* по двору“.

„Развѣ мы не заслуживаемъ *больше твоей любви*, чѣмъ это бесполезное животное“?

„Докторъ *прописалъ* ей *кушать* свѣжіе фрукты“.

„Коля *всталъ* передъ образомъ“.

„Она *встала* на самую толстую вѣтвь“.

Г. Клостерманъ не отличаетъ глагола *встать* отъ глагола *стать*.

„Сказавъ это, онъ бросился въ море и поплылъ *на берегъ*“.

„Въ разсѣянности вмѣсто фрака схватилъ изорванный халатъ, *одѣвъ* его и въ такомъ костюмѣ отправился на улицу“.

Книга г. Клостермана можетъ быть допущена къ употребленію въ низшихъ классахъ гимназій, какъ учебное пособіе; но при этомъ желательна, чтобъ авторъ, при новомъ изданіи своей книги, устранилъ въ ней указанныя и подобныя имъ неправильности въ отношеніи языка.

Литературные гости въ Россіи. Учебное руководство, — составилъ и любителямъ русскаго языка въ Прибалтійскомъ краѣ посвятилъ Дм. Вас. Мевесъ. (Дерптъ. 1867).

„Литературными гостями“ г. Мевесъ называетъ иностранныя слова, вошедшія въ русскій языкъ изъ древнихъ языковъ. Это фигуральное названіе не совсѣмъ точно, ибо многіе варваризмы давно уже получили у насъ право гражданства, какъ говорится, *обрусѣли*, до того, что мы ихъ считаемъ уже своими, и они равно употребляются и простонародьемъ и образованнымъ классомъ общества. Самъ авторъ говоритъ: „Нѣкоторыя слова древнихъ можно бы *возвратить* (то-есть, исключить изъ нашего словаря), замѣнивъ ихъ своими, но мы такъ съ ними обжились, что намъ безъ нихъ не по себѣ“.

Авторъ поставилъ цѣлью своего труда показать, какимъ образомъ греческія и латинскія слова переходили въ русскій языкъ (или, по его выраженію: *перссаживались*) и какимъ перемѣнамъ подвергались при своемъ переходѣ: „какъ они сѣли у насъ въ измѣняемой и неизмѣняемой формѣ и какой приняла роль, сравнительно съ Нѣмцемъ, и отчасти съ Французомъ (то-есть, съ нѣмецкимъ и французскимъ языкомъ), имѣло въ виду перо, чертившее „Литературныхъ гостей““. Разсмотрѣніемъ такого вопроса собственно занимается грамматика;

она и посвящаетъ ему нѣсколько мѣста; но г. Мевесъ находитъ это недостаточнымъ. Взять же шесть или семь листовъ чужихъ именъ въ грамматику значитъ утолстить ее свыше мѣры учебника. Вотъ почему авторъ счелъ лучше выдѣлить ихъ изъ грамматики на просторъ и дать имъ форму и размѣры отдѣльнаго практическаго руководства.

Сочиненіе дѣлится на восемь главъ. Большая половина его (пять главъ) посвящена имени существительному; остальные (три главы) заключаютъ въ себѣ правила касательно перехода иностранныхъ прилагательныхъ, нарѣчій и глаголовъ въ русскій языкъ. Изложеніе на русскомъ языкѣ сопровождается нѣмецкимъ переводомъ (*texte en regard*).

Книга г. Мевеса, хотя не бесполезна, но, вообще говоря, она придала своему предмету слишкомъ большое значеніе. Если о такомъ предметѣ, какъ варваризмы, и нельзя сказать, что онъ не стоить свѣтъ, то по крайней мѣрѣ можно сказать, что онъ не стоилъ такихъ свѣтъ, какія зажегъ авторъ. Трудъ его представляетъ три недостатка. Первый — и самый главный — происходитъ отъ того, что авторъ, не будучи природнымъ Русскимъ, плохо знакомъ съ русскимъ языкомъ, самъ того не замѣчая. У него страдаетъ терминологія и еще болѣе страдаетъ изложеніе научнаго предмета. Онъ употребляетъ *поставка* слова вмѣсто приставка (стр. 7), *отпуская* вм. опуская, отбрасывая (42), *облюбовали себя* вм. полюбили (224), *орудоваться* вм. пользоваться (3) и т. п. Желая, напримѣръ, объяснить общій родъ, онъ выражается такъ: „Случается иногда, что мужчина беретъ себѣ женское слово, которое въ такомъ разѣ часто несетъ названіе общаго“ (3). Желая показать значеніе словъ, ихъ отношеніе къ тому или другому разряду предметовъ, онъ употребляетъ глаголъ *пойти* съ предлогомъ *по*: напримѣръ, при словахъ: *молодежь* и *холостежь*, онъ замѣчаетъ: „оба (слова) пошли по юность“ (4). Другіе примѣры такого же страннаго оборота находятся при словахъ разнаго окончанія и пола, но одного значенія:

„Змѣй пошелъ по гадъ, а змѣя по гадина, вышь — по рыболовъ и вышь по цапля, конопель по стебель и коноцля по трава, ознобъ по холодъ и ознобъ по дрожь, покать по наклонъ и покать по покатошь, туфель по сапогъ и туфля по нога, перчатка по рука и шапка по голова“ (12).

Кромѣ того, здѣсь и толкованіе различій не вездѣ вѣрно, и нѣкоторыя слова, должно быть, придуманы самимъ авторомъ. *Конопель* и *коноцля*, *туфель* и *туфля* употребляются теперь безразлично; а словъ *притль* въ смыслѣ прицѣла (3), *прикупъ* въ смыслѣ прикуша,

просоль въ смыслѣ просола или просола, *ознобъ* въ смыслѣ озноба (дрожи), *покатъ* въ смыслѣ покатости въ нашихъ словаряхъ не найдешь.

Ошибочное толкованіе и правописаніе многихъ словъ и постановка нѣкоторыхъ правилъ не совсѣмъ вѣрныхъ или точныхъ составляютъ второй недостатокъ разсматриваемой книги. Г. Мевесъ пишетъ: цивилизація (стр. VI), циркуль (21), тифтонгъ (22), корсаръ (24), *навъ* вм. навль (44), евхаристія (49) рекіемъ вм. реквиемъ (51), Пауль вм. Павелъ и даже склоняетъ его: род. Пауля, дат. Паулю, вин. Пауля, твор. Паулемъ, предл. о Паулѣ, множ.: Пауля, Паулей, Паулямъ, Паулей, Паулями, о Пауляхъ (60—61). По его мнѣнію, англійское *new* (*нью*) теряетъ свой *j* и остается при одномъ *ню*, напримѣръ: *Нью-Йоркъ*, *Нюкастель* (51—52), тогда какъ, напротивъ, мы говоримъ и пишемъ: *Ньютономъ*, *Нью-Йоркъ*. Слову *лѣвица* вмѣсто одного значенія онъ придаетъ двойное: „лѣвая рука и человѣкъ, дѣлающій лѣвою рукою“ (10). Авторъ произвольно сокращаетъ наши крестныя имена. Онъ пишетъ, будто мы вмѣсто: Артемій, Ираклій, Пафнугій, Димитрій, Акакій, Маврикій, говоримъ: Артемь, Иракль, Пафнугъ, Димитръ, Авакъ, Маврикъ (25—26). Сокращенія крестнаго имени вмѣстѣ съ отчествомъ идутъ у него еще дальше, напримѣръ, и Анъ Петровна, Матрѣнь Ильична, Марь Михал-на, Авдотъ Пал-на, Палъ Петровичъ (60—71). Хотя мы богаты уменьшительными словами, но г. Мевесъ доводитъ уже до излишества это свойство русскихъ именъ: отъ слова *баба* онъ насчитываетъ 17 уменьшеній, отъ слова *мать* — тоже 17, отъ слова *пapa* — 13, *батя* — 9, *тятя* 11. Вотъ уменьшительныя послѣдняго слова: „тятя, тятинька, тятинька, тятяшка, тятяшинька, тятяшпчка, тятюль, тятюлинька, тятюличька, тятюся, тятюеть“; кромѣ того: „тятька, тятяшка, тятюлька“ (55). Отъ слова *воръ* произведено уменьшительное *воряка* (*kleiner Dieb*), равно какъ отъ *умникъ* — *умняка*, отъ Георгій или Юрій — *Горя*, *Гога*, *Гоша*, *Юря*, *Юша*, *Юрикъ* (58).

Третій недостатокъ — излишество содержанія. Въ книгу вошло многое, что у *литературныхъ гостей* въ Россіи совершенно одинаково съ чисто-русскими словами. Такъ, напримѣръ, иностранныя собственныя имена, какъ мужескаго рода, принявшія окончанія *ъ* и *ь*, такъ и женскаго съ окончаніями *а* и *я*, измѣняются по числамъ и падежамъ по общимъ правиламъ съ нашими собственными и нарицательными. Зачѣмъ же нужно было представлять образцы ихъ склоненій, какъ это сдѣлалъ г. Мевесъ?

Латинская этимологія, составленная Густавомъ Вульфомъ. Изданіе третье. Москва. 1866.

Означенную книгу напечатавъ третьимъ изданіемъ Эдуардъ Вульфъ, сынъ составителя ея, уже умершаго. Въ предисловіи къ этому изданію г. Эдуардъ Вульфъ говоритъ, что онъ „волилъ сочувствуетъ основной мысли автора и прибавилъ только таблицы склоненій и спряженій и алфавитный списокъ словъ. Затѣмъ краткость и ясность остаются преобладающими свойствами руководства“.

Касательно краткости покойный авторъ, повидимому, былъ не одного мнѣнія съ нынѣшнимъ издателемъ книги. Въ предисловіи своемъ (къ 1-му и 2-му изданіямъ) онъ выражается такъ: *Novi sane facilimam et ego viam, qua hec res succincte quidem, non apte tamen exponantur. Solent enim, qui hanc sibi materiem scribendi sumpserunt, praefigere paradigmata ubique, quæ, ut herum servus, tyro sequeretur. At ego non solum doceri volui, qualia sint quaeque, sed etiam quomodo fiant, nec memoriam solam puerorum compleri rebus variis et diversis, sed etiam monstrari viam et rationem.* Итакъ авторъ считалъ парадигмы лишними; издатель же, напротивъ, счелъ ихъ нужными и прибавилъ. Далѣе авторъ главною цѣлю поставилъ себѣ не только представить явленія языка, но и объяснить происхожденіе ихъ; издатель же говоритъ только о краткости и ясности, какъ главныхъ свойствахъ книги, и не смотря на это увеличилъ содержаніе книги противъ прежняго ея размѣра.

Съ своей стороны мы не можемъ назвать сочиненіе Вульфа ни краткимъ, ни яснымъ, какимъ признаетъ его издатель, ни основательнымъ и научнымъ, какимъ желалъ сдѣлать его покойный авторъ. Въ доказательство этого приведемъ слѣдующее:

1) Противъ краткости авторъ погрѣшаетъ тѣмъ, что приводитъ такіа слова, которыя едва-ли встрѣтятся ученику во все время изученія латинскаго языка, а позже будутъ понятны по этимологіи. Таковы, напримѣръ, приведенные на стр. 51—53 примѣры начинательныхъ глаголовъ, числомъ около 60, между которыми встрѣчаются глаголы въ родѣ *acesco, defervesco, haeresco, irtaucesco, oscallesco, resipisco, aegresco*, и пр. Издатель не исправилъ ошибки автора, а напротивъ, увеличилъ излишекъ матеріала руководства прибавленіемъ словаря въ алфавитномъ порядкѣ, вовсе не нужнаго при употребленіи руководства.

2) Какова ясность изложенія руководства, о томъ можно судить изъ раздѣленія временъ на стр. 35-й и 36-й и изъ примѣч. на по-

слѣдней изъ сихъ страницъ. Значеніе временъ едва-ли уяснится для учащагося, если ему скажутъ что *perfectum* есть время настоящее, но оконченное, и что это настоящее слѣдуетъ переводить на отечественный языкъ прошедшимъ. То же самое можно сказать о толкованіи различія двухъ будущихъ временъ, давнопрошедшаго и *infinitivus perfecti*.

3) Основательности и научнаго приѣма во всемъ руководствѣ нѣтъ. Въ доказательство этого стѣнитъ только упомянуть, что о корняхъ и темахъ словъ нѣтъ и рѣчи. Формы падежей производятся въ статьѣ о склоненіяхъ отъ именительнаго падежа, формы степеней сравненія отъ формы положительной степени, формы временъ глаголовъ отъ 4-хъ главныхъ временъ. Очевидно, что результаты языкознанія послѣднихъ трехъ десятилѣтій, давно усвоенныя хорошими руководствами, и автору и издателю „Латинской этимологіи“ неизвѣстны. Отъ непривычки къ научнымъ приѣмамъ толкованія руководства иногда доходятъ до ложныхъ положеній. Такъ на стр. 10: „III. Имена (много ли ихъ?) на *t* измѣняютъ *t* въ *itis* (короткое *i*)“; стало быть, *carit* склоняется *caruitis* и т. д.? На стр. 67 приводятся глаголы, имѣющіе *perfectum* на *xi*, *sursum* на *tum*; стало быть приводимый авторомъ *augeo* долженъ имѣть *aug-xi*, *auctum*, или же *auxi*, *auxum*. На стр. 50-й говорится о глаголахъ отложительныхъ, что они отличаются въ спряженіи отъ страдательныхъ только тѣмъ, что имѣютъ причастія и дѣйствительныхъ глаголовъ; слѣдовательно, *infinit. fut.* будетъ *hortatum iri*? Въ заглавіи латинскаго предисловія на стр. 3 встрѣчаемъ непростительную для издателя опечатку: *Lectoris* въ смыслѣ „читателямъ“.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что этимологія Вульфа не принадлежитъ къ числу руководствъ, заслуживающихъ какого бы то ни было поощренія.

Французская грамматика съ упражненіями въ переводѣ и разговорѣ, или теоретико-практическое изученіе французскаго языка. Составилъ В. Пржибыльскій. Курсъ первый. С.-Петербургъ. 1865. Курсъ второй. С.-Петербургъ. 1867.

Въ предисловіи своемъ, повторенномъ два раза (въ первой и во второй части), авторъ очень рѣзко, хотя и голословно, порицаетъ существующіе у насъ учебники французскаго языка и прибавляетъ, что метода, которой онъ слѣдовалъ въ своей книгѣ, „выработана по новѣйшимъ образцамъ иностранныхъ руководствъ“. Главный недостатокъ

русскихъ учебниковъ французскаго языка авторъ видитъ въ томъ, что составители ихъ „хлопотали главнымъ образомъ о полнотѣ и другихъ достоинствахъ изложенія теоріи языка“ и обращали слишкомъ много вниманія „на истолкованіе грамматическихкихъ терминовъ, не смотря на то, что съ послѣдними ученикъ вполне ознакамливается при изученіи грамматики отечественнаго языка“. Кроме того, эти составители, по мнѣнію автора, не находили нужнымъ заботиться о томъ, „чтобы приводимыя ими практическія упражненія вполне соответствовали возложеннымъ правиламъ, или заключали въ себѣ необходимую въ грамматикѣ иностраннаго языка постепенность“ и проч.

Такое строгое осужденіе всѣхъ нашихъ учебниковъ французскаго языка предполагаетъ въ авторѣ полную увѣренность въ томъ, что онъ своимъ руководствомъ произведетъ коренную реформу въ преподаваніи этого языка. Такая увѣренность, однако, ни на чемъ не основана. Руководство г. Прибыльскаго не только не превосходитъ другіе, однородныя съ нимъ учебники, но многими изъ нихъ уступаетъ въ значительной степени. Кроме того, во многихъ своихъ отдѣлахъ оно нисколько не отвѣчаетъ требованіямъ, заявленнымъ въ упомянутомъ предисловіи.

Для того, чтобы этотъ приговоръ не показался голословнымъ, приведемъ нѣсколько указаній, подтверждающихъ его справедливость. Такъ, мы видѣли, что авторъ обвиняетъ своихъ собратьевъ въ избыткѣ теоріи и въ излишествахъ при объясненіи грамматическихкихъ терминовъ; но едва-ли какой другой учебникъ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи болѣе упрековъ, чѣмъ разсматриваемое руководство. Это замѣтно уже на первыхъ его страницахъ, напримѣръ, при объясненіи значенія различныхъ падежей, что должно быть извѣстно ученикамъ изъ русской грамматики. Притомъ, теорія, въ избыткѣ предлагаемая авторомъ, нрѣдко оказывается искусственною и вообще не очень пригодною. Для примѣра, укажемъ на объясненія автора о томъ, что такое *imparfait* (часть II, стр. 163). *Imparfait*, по словамъ Прибыльскаго, употребляется: 1) для описанія состоянія, положенія, образа мыслей, качества и признака предмета, а также для означенія начатаго, но не конченнаго (прерваннаго) дѣйствія; 2) для означенія многократнаго или обычнаго дѣйствія; 3) для выраженія двухъ дѣйствій, одновременно происходившихъ и почти равномѣрно продолжавшихся; 4) для означенія постороннихъ обстоятельствъ, которыя предшествуютъ главному происшествію разказа или за нимъ слѣдуютъ. Затѣмъ слѣдуютъ четыре параграфа, въ которыхъ объясняются

разныя свойства *passé défini*. Вообще г. Пржибыльскій перѣдко какъ бы намѣренно избѣгаетъ общихъ правилъ и замѣняетъ ихъ множествомъ частныхъ, весьма, разумѣется, обременительныхъ для памяти учащихся. Тамъ же, гдѣ онъ обобщаетъ эти правила, такія обобщенія не всегда оказываются удачными. Такъ, на той же 163 стр. авторъ объясняетъ, что „*imparfait* вообще есть описательное время и соотвѣтствуетъ преимущественно вопросу: *что было уже?*“—а *passé défini* есть повѣствовательное время и обыкновенно употребляется по вопросу: „*что случилось?*“. Очевидно, что такое объясненіе, въ особенности для русскаго ученика, не имѣетъ особеннаго значенія, такъ какъ между приведенными вопросами вовсе нѣтъ строго опредѣленнаго различія и на оба эти вопроса въ русскомъ языкѣ слѣдуютъ отвѣты въ одномъ и томъ же времени.

Относительно соотвѣтствія практическихъ примѣровъ правиламъ французскаго языка въ книгѣ г. Пржибыльскаго также не замѣчается ничего особеннаго. Напротивъ, мѣстами, этого соотвѣтствія въ разсматриваемомъ руководствѣ меньше, чѣмъ въ другихъ учебникахъ. Такъ напримѣръ, во второй части, на стр. 21 говорится: „Членъ опредѣленный во французскомъ языкѣ ставится при именахъ существительныхъ, когда они употребляются для означенія *классификаціи* предметовъ или когда они поставлены въ *цѣломъ объемѣ* ихъ значенія, напримѣръ: *Les mouches sont des animaux importuns. L'homme sage préfère l'utile à l'agréable. L'eau est un boisson sain. Avec le temps et la patience on vient à bout de tout.* Гдѣ же тутъ классификація предметовъ, что вообще разумѣетъ авторъ подъ словомъ *классификація*, и что такое означаютъ предметы, поставленные *въ цѣломъ объемѣ* ихъ значенія? Авторъ совершенно безъ нужды избѣгаетъ здѣсь общепринятыхъ объясненій грамматическихъ терминовъ, и можно положительно утверждать, что вышеприведенныя его объясненія останутся непонятными для учениковъ нашихъ гимназій. Изъ приведенныхъ выписокъ оказывается, что ясность и точность выраженія далеко не составляютъ отличительныхъ признаковъ разсматриваемаго руководства.

Г. Пржибыльскій упрекаетъ нашихъ педагоговъ, между прочимъ, въ томъ, что въ упражненія, приложенныя къ уроку о числѣ, они вводятъ глаголы разныхъ формъ и значеній со всѣми ихъ перемѣнами. Этимъ, по мнѣнію автора, нарушается постепенность въ преподаваніи французскаго языка. Г. Пржибыльскій полагаетъ, что значеніе опредѣленности, неопредѣленности и частичности также легко можно усмотрѣть изъ

упражнений, въ составъ которыхъ входитъ настоящее время глагола *avoir*, дополненное существительнымъ. Изъ такой теоріи прямо вытекаютъ примѣры, въ родѣ слѣдующихъ (I ч., стр. 5): *il a le cheval, tu as un livre, ils ont l'honneur*, и проч. Очевидно, что изъ такихъ отрывочныхъ фразъ нельзя получить понятія о томъ, что такое членъ опредѣленный или неопредѣленный. Безъ предшествующаго вопроса или безъ точно опредѣляющаго придаточнаго выраженія никакъ нельзя объяснить, почему въ этихъ примѣрахъ встрѣчается *le* или *un*.

Заботясь о литературномъ достоинствѣ предлагаемыхъ ученикамъ упражненій, авторъ избѣгалъ въ содержаніи ихъ той сухости, которою, по словамъ его, эти упражненія обыкновенно отличаются въ нашихъ учебникахъ. Для достиженія означенной цѣли, г. Пржибыльскій счелъ нужнымъ снабдить свой учебникъ, между прочимъ, такими примѣрами (ч. II, стр. 13): „Любите ли вы пьяницъ? Нѣтъ, я ненавижу пьяницъ и всегда буду презирать пьяныхъ женщинъ“. „Эти дамы послѣдовательницы своихъ матерей“, и проч.

Планъ, которому г. Пржибыльскій слѣдуетъ въ своемъ руководствѣ, также не можетъ быть одобренъ. Первая часть этого руководства предназначена, какъ видно, для четырехъ низшихъ классовъ гимназій. Авторъ начинаетъ ее съ ученія о томъ, что такое членъ, а вопросъ о междометіи разрѣшаетъ въ самомъ концѣ этой части (стр. 173), съ которымъ ученики, по всей вѣроятности, познакомятся не ранѣе четвертаго класса. Авторъ не обратилъ вниманія на то, что ученики съ самаго начала должны быть практически ознакомлены со всѣми частями рѣчи, и что постепенность въ изученіи языка должна заключаться не въ послѣдовательномъ усвоеніи разныхъ частей грамматики, а въ постепенной трудности уроковъ, заключающейся въ самомъ ихъ содержаніи.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что авторъ обратилъ очень мало вниманія на лексикологическую часть своего руководства, столь важную для учениковъ, занимающихся одновременно съ французскимъ языкомъ также и латинскимъ. За то въ концѣ каждой части въ разсматриваемомъ руководствѣ помѣщенъ разговорный матеріалъ, извлеченный изъ отдѣльныхъ уроковъ. Едва-ли, впрочемъ, подобныя упражненія сообщаютъ ученикамъ особенное умѣнье объясняться по французски, такъ какъ для этой цѣли необходимо говорить постоянно и главное о томъ, что хочется сказать, а не о томъ, что говорить приказано.

Въ заключеніе мы должны замѣтить, что книга г. Пржибыльскаго,

при указанных и многих других ее недостатках, не может служить хорошим руководством при обучении французскому языку.

Новая метода Оллендорфа выучиться языку въ шесть мѣсяцевъ. **Французская грамматика для Русскихъ.** Сочиненіе совершенно новое и назначенное для публичнаго и частнаго преподаванія обоимъ поламъ Павла *Фукса* (изъ Парижа), профессора и автора грамматикъ нѣмецкой и англійской для Русскихъ, русской для французовъ и т. д. и т. д. Второе издание, увеличенное и исправленное. Франкфуртъ на Майнѣ. 1867 г.

Ключъ къ урокамъ французской грамматики, составленной для Русскихъ по методѣ Оллендорфа Павломъ *Фуксомъ*, и проч. Второе изданіе, Франкфуртъ на Майнѣ. 1867 года.

Новая метода Оллендорфа выучиться языку въ шесть мѣсяцевъ. **Нѣмецкая грамматика для Русскихъ.** Составленная по новому, усовершенствованному плану, и назначенная для частнаго и публичнаго преподаванія. Сочиненіе Павла *Фукса*, и проч. Франкфуртъ на Майнѣ. 1864 г.

Ключъ къ урокамъ нѣмецкой грамматики, составленной для Русскихъ по методѣ Оллендорфа Павломъ *Фуксомъ* и проч. Франкфуртъ на Майнѣ. 1864 г.

Deutsch-russisches Wörter- und Gespräch-buch. Als Anhang zu Joul's russischer Grammatik nach Ollendorfs Methode. Mit besonderer Berücksichtigung solcher Ausdrücke und Gespräche, welche den Reisenden in Russland dienlich sein können. Von Paul *Fuchs*. Frankfurt a. M. 1867.

Означенные учебники г. Фукса нисколько не приспособлены къ программамъ, по которымъ новые языки преподаются въ нашихъ гимназіяхъ, и притомъ вовсе не имѣютъ научнаго характера. Главная цѣль, которую авторъ имѣлъ въ виду, состоитъ въ томъ, чтобы въ теченіе шести мѣсяцевъ научить своихъ питомцевъ разговорному языку. Такія книги обыкновенно не имѣютъ ничего общаго съ педагогическими цѣлями и пишутся для *commis voyageurs*, а равно и для другихъ лицъ, желающихъ усвоить себѣ въ возможно короткій срокъ тотъ или другой иностранный языкъ для своихъ житейскихъ надобностей. Само собою разумѣется, что знаніе иностраннаго языка, приобретенное такимъ легкимъ и чисто механическимъ способомъ, утрачивается столь же скоро и безслѣдно. Метода Оллендорфа даже и въ неискаженномъ видѣ, въ какомъ она является въ руководствахъ г. Фукса, весьма мало способствуетъ развитію умственныхъ способностей въ учащихся. Учащіеся по этой методѣ, дѣйствительно, въ довольно короткое время овладѣваютъ бѣльшимъ или меньшимъ количествомъ готовыхъ иностранныхъ фразъ, при помощи которыхъ они могутъ объясняться о разныхъ житейскихъ предметахъ первой необходи-

мости. Отъ этого, однако, еще далеко до настоящей разговорной рѣчи. Кромѣ того, упомянутая метода не даетъ умѣнья читать, то-есть, свободно понимать иностранную книгу. А между тѣмъ въ этомъ именно и состоитъ главная цѣль гимназическаго преподаванія новыхъ языковъ. Г. Фуксъ, какъ уже замѣчено, не имѣлъ въ виду этой цѣли. Вотъ почему иностранные тексты, столь необходимые для человѣка, приступающаго къ изученію французскаго или нѣмецкаго языка, вовсе исключены изъ разсматриваемыхъ грамматикъ. Авторъ нашелъ болѣе удобнымъ размѣстить эти тексты въ двухъ отдѣльныхъ книжкахъ, совершенно ничтожныхъ по своему содержанію и озаглавленныхъ, неизвѣстно почему, словами: „Ключъ къ французской грамматикѣ“ и „Ключъ къ нѣмецкой грамматикѣ“. Обѣ означенныя книжки наполнены почти исключительно отрывочными фразами, расположенными безъ всякой педагогической постепенности и имѣющими болѣею частью діалогическую форму. Очевидно, что и здѣсь авторъ исключительно старался ознакомить своихъ учениковъ съ простѣйшими формами разговорной рѣчи ¹⁾.

Возвращаясь къ грамматикамъ г. Фукса, замѣтимъ еще, что правила какъ французскаго, такъ и нѣмецкаго языковъ изложены въ нихъ частью сбивчиво, частью же невѣрно. Притомъ авторъ недостаточно владѣетъ русскою рѣчью. Въ доказательство справедливости этихъ словъ, представимъ нѣсколько выдержекъ изъ французской грамматики г. Фукса. Стр. 48: „Указательныя мѣстоименія *ce, cet, ces* (не извѣстно, почему пропущено *cette*) никогда не ставятся безъ имени существительнаго“. На основаніи этого правила нельзя было бы сказать по французски: *c'est moi* или *je n'entends pas ce que vous dites*. Стр. 52: „Русскій родительный падежъ имени существительнаго вещественнаго (то-есть, предмета, котораго части не можно сосчитать), или неопредѣленное множественное число переводится на французское (*sic*) посредствомъ дѣлительнаго члена съ именемъ существительнымъ, то-есть, *de* съ членомъ; поэтому единственное число въ мужскомъ родѣ *du* (*de le, de l'*), въ женскомъ родѣ *de la* (*de l'*); множественное число обоехъ родовъ *des*“. Этотъ небольшой отрывокъ вызываетъ множество вопросовъ и недоумѣній: что это за предметы, которыхъ части не можно сосчитать, что такое русское неопредѣленное множественное число, и т. д. На стр. 70, вслѣдъ за словами: „Вотъ еще перчатки, *voilà encore des gants*“ — г. Фуксъ дѣлаетъ слѣдующее за-

¹⁾ Притомъ эти тексты составляютъ дословный переводъ тѣхъ самыхъ упражненій, которыя помѣщены въ нѣмецкой и во французской грамматикахъ г. Фукса.

мѣчаніе: „Изъ предыдущаго видно, что послѣ *encore* слѣдуетъ родительный падежъ, точно такъ, какъ послѣ русскаго *еще*, но это дѣлается только въ неопредѣленномъ смыслѣ“. Трудно было бы г. Фукеу доказать, что слово „перчатки“ въ приведенной русской фразѣ поставлено въ родительномъ падежѣ и что послѣ русскаго *еще* ставится родительный падежъ, хотя „это дѣлается только въ неопредѣленномъ смыслѣ“. Что же касается до французской фразы, то тутъ *des gants* прямое дополненіе, то-есть, внимательный падежъ, отвѣчающій на вопросъ: *quoi*. Едва-ли нужно прибавлять къ сказанному, что слова *encore* и *еще* могутъ предшествовать всѣмъ возможнымъ падежамъ, такъ какъ по своему значенію и грамматическому свойству, они не управляютъ никакимъ падежомъ. Стр. 125: „Французы не ставятъ члена передъ словами, обозначающими народность, чинъ или ремеслу“. Помѣщенный вслѣдъ за тѣмъ примѣръ „il est fou“ вовсе не относится къ приведенному правилу. Стр. 181: „До страны — *jusqu'en*, до города — *jusqu'à*; вообще предлогъ *en* переводится, если говорить про страну, посредствомъ предлога *en*, про городъ — посредствомъ *à*“. На этомъ основаніи можно было бы сказать по французски: *jusqu'en Mexique, Portugal*, вмѣсто: *jusqu'au Mexique*, и т. д. Стр. 182: „Большія и хищныя птицы большею частію мужскаго рода, тогда какъ маленькія пѣвчія птицы большею частію женскаго рода“. Не говоря уже о неточности въ изложеніи этого правила, нужно замѣтить, что оно допускаетъ множество исключеній, къ числу которыхъ относятся названія лучшихъ пѣвчихъ птицъ, напримѣръ, *le rossignol, le serin, le merle* и проч. Стр. 205: „Послѣ *sans* слѣдуетъ всегда имя существительное или несокращенное наклоненіе“. Изъ словъ автора необходимо вывести такое заключеніе, будто по французски нельзя сказать: *sans moi, sans lui*, и т. д. Стр. 239: „Послѣ *болше* ставится *de*, какъ въ русскомъ родительный падежъ“. На этомъ основаніи, выраженіе: „онъ говоритъ болше васъ“, то-есть, больше, чѣмъ вы, ученикъ переведетъ: „il parle plus de vous“, а не *que vous*. Объясненія теоріи французскаго члена въ разсматриваемой книгѣ также очень неудачны. А между тѣмъ, эта часть рѣчи, не существующая въ русскомъ языкѣ, наиболѣе нуждается въ толковомъ уясненіи. „Членъ, говоритъ авторъ на стр. 502, обозначаетъ родъ, число и падежъ имени существительнаго. Поэтому членъ не ставится передъ именемъ существительнымъ, когда не хотятъ обозначить ни рода, ни вида предмета или отдѣльнаго лица. Имя существительное нарицательное безъ члена обозначаетъ всѣ лица или предметы того же самаго класса безъ различія, напримѣръ: *humains, soyez*

généreux! значить: люди (то-есть, всѣ вы, кто люди) будьте великодушны". Въ этихъ объясненіяхъ очень много неточностей. Какой родъ обозначаетъ l'? Какіе падежи обозначаются членомъ во французскомъ языкѣ? Что такое родъ пли видъ отдѣльнаго лица? Неужели учитель, говоря своимъ ученикамъ: „Enfants, soyez tranquilles“, имѣетъ въ виду всѣ лица „того же самаго класса безъ различія“, то-есть, всѣхъ дѣтей?

Такии же неточностями и невѣрностями отличается и нѣмецкая грамматика г. Фукса. Потому, оставляя въ сторонѣ теоретическую ея часть, ограничимся указаніемъ на примѣры, которые авторъ предлагаетъ своимъ ученикамъ для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій. Какъ по содержанію своему, такъ и по языку эти примѣры ниже всякой критики и вовсе непригодны для учебной книги. Изъ множества такихъ примѣровъ укажемъ на слѣдующіе. Стр. 11: „*Который чулокъ у васъ? У меня нитяный чулокъ. Которое платье у васъ? У меня бархатное платье*“, и т. д. Стр. 25: „*Голодень ли учитель? Нѣтъ, онъ не голодень*“. Стр. 32: „*Мой ли домъ у него пли вашъ? У него нѣтъ ни моего, ни вашего, у него свой*“. Стр. 67: „*Этотъ ли корабль у Русскаго? Нѣтъ, онъ не у Русскаго, онъ у Англичанина*“. Стр. 301: „*О чемъ смѣетесь вы? Я смѣюсь надъ этомъ старомъ Нѣмцъ съ большою и смѣшною шляпою*“. Стр. 359: „*Можете ли вы перевести письмо изъ французскаго на нѣмецкое?*“. Стр. 360: „*Я видѣлъ сегодня четыре игроковъ, которые всѣ выигрывали въ самое время*“. Другія, также очень многочисленныя упражненія, помѣщенные на стр. 260, 311, 351, 355 и т. д. разсматриваемой книги, показываютъ, что авторъ ея вовсе не имѣлъ въ виду учащагося юношества. Такии же безобразіемъ отличаются примѣры, приведенные г. Фукомъ и въ его французской грамматикѣ.

Намъ слѣдовало бы теперь приступить къ разбору послѣдняго изъ названныхъ трудовъ г. Фукса — „Deutsch-russisches Wörter- und Gesprächbuch; по стояція въ томъ же заглавіи слова „mit besonderer Berücksichtigung solcher Ausdrücke und Gespräche, welche den Reisenden in Russland dienlich sein können“ достаточно показываютъ, что эта книга не имѣетъ ничего общаго съ педагогическою литературою, и потому не подлежитъ разсмотрѣнію подъ рубрикой: „Учебная литература“.

Заключительный выводъ изъ вышесказаннаго тотъ, что ни одна изъ книгъ г. Фукса не можетъ быть принята ни какъ руководство, ни какъ пособіе при изученіи новыхъ языковъ въ русскихъ гимназіяхъ.

Руководство къ практическому изученію нѣмецкаго языка, составленное по упрощенной методѣ Робертсона. И. Фидлеромъ. Курсъ I. Изданіе третье, дополненное и исправленное. Москва, 1867 г.

Самое необходимое изъ нѣмецкой грамматики и проч. Отдѣльно отпечатано изъ Руководства къ практическому изученію нѣмецкаго языка. Курсъ I. Составлено И. Фидлеромъ. Москва, 1867 г.

Въ новомъ третьемъ изданіи перваго курса грамматики г. Фидлера авторъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія, состоящія въ томъ, что онъ дополнилъ грамматическія замѣчанія и соединилъ ихъ вмѣстѣ, между тѣмъ какъ въ прежнихъ изданіяхъ эти замѣчанія были разбросаны по разнымъ отдѣламъ книги. Кроме того, въ отдѣлѣ упражненій для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій авторъ сдѣлалъ указанія на §§ грамматической части своего руководства. Во всемъ остальномъ I курсъ грамматики г. Фидлера остался безъ измѣненій. Вопреки своему обѣщанію не заставляя ученика заучивать ни одного слова, котораго онъ не могъ бы тотчасъ приложить къ дѣлу, г. Фидлеръ съ перваго же урока по прежнему сообщаетъ своимъ питомцамъ цѣлую массу словъ почти безъ всякаго примѣненія ихъ къ живой нѣмецкой рѣчи. Хотя авторъ и называетъ разсматриваемый отдѣлъ своего руководства (стр. 6—18) „Leseübungen“, тѣмъ не менѣе вопросы, которыми сопровождаются нѣкоторыя помѣщенные здѣсь фразы и приложенный къ нимъ подстрочный переводъ, показываютъ, что г. Фидлеръ имѣетъ въ виду по возможности усвоить своимъ ученикамъ слова, заключающіяся въ упомянутыхъ фразахъ. Но крайней мѣрѣ, можно опасаться, что именно такъ поймутъ цѣль автора нѣкоторые изъ преподавателей нѣмецкаго языка. Слѣдующія за тѣмъ „Übungen im Uebersetzen und Erzählen“ (стр. 19—38) начинаются съ легкихъ фразъ и кончаются небольшими разказами. Переходъ отъ первыхъ къ послѣднимъ слишкомъ быстръ, такъ какъ разказы начинаются уже съ 13-го упражненія. Столь же поспѣшны требованія автора относительно изученія нѣмецкаго глагола, которому посвященъ приложенный къ означеннымъ упражненіямъ (стр. 38—59) словарь (слова для переводовъ), имѣющій впрочемъ очень мало общаго съ обыкновенными словарями. Здѣсь, при каждомъ упражненіи, рядомъ съ другими грамматическими формами, авторъ заставлятъ своихъ учениковъ заучивать сначала правильныя, а потомъ и неправильныя видоизмѣненія означенной части рѣчи. Такъ, при первомъ упражненіи ученикъ долженъ ознакомиться съ *praesens* и *imperfectum* глагола *haben*, во второмъ — съ тѣми же временами *sein*, въ третьемъ упражненіи съ *perfectum*, *plusquamper-*

fectum и повелительнымъ наклоненіемъ глаголовъ *sein* и *haben*, и наконецъ, въ четвертомъ урокъ ученику предлагается полное спряженіе глаголовъ *lieben* и *lernen*. Очевидно, что четырехъ упражненій, содержащихъ въ себѣ не болѣе 70-ти строкъ, недостаточно для того, чтобы облегчить ученикамъ изученіе означеннаго грамматическаго матеріала. Посему едва-ли г. Фидлеръ имѣлъ достаточный поводъ объявить въ заглавіи своей книги, что она составлена „по упрощенной методѣ Робертсона“.

Слѣдующая затѣмъ теоретическая часть разсматриваемаго руководства (стр. 60—86) и въ третьемъ его изданіи нерѣдко страдаетъ неясностью и неточностью въ изложеніи правилъ нѣмецкой рѣчи. Такъ, на первой же (60-й) страницѣ „Грамматическихъ замѣчаній“ встрѣчаются слѣдующія правила: „§ 3. Если въ главномъ предложеніи два глагола, то второй глаголь ставится *ни* концѣ предложенія. Ich habe eine Feder gehabt; meine Mutter ist mit meiner Schwester in Twer gewesen. § 4. Въ придаточныхъ предложеніяхъ, если они начинаются съ *welcher*, *weil* и пр., первый глаголь ставится на концѣ, если этими словами не начинается вопросъ. *Примѣры.* Главное предложеніе: Der Lehrer ist mit diesem Knaben zufrieden. Придат. предл.: Weil der Lehrer mit diesem Knaben zufrieden ist“. Трудно понять, почему вспомогательный глаголь и причастіе спрягаемаго глагола принимаются въ вышеприведенныхъ двухъ примѣрахъ за два отдѣльные глагола. Въ этомъ же отдѣлѣ обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя объяснительныя примѣчанія довольно страшнаго свойства. Такъ, на стр. 65, при объясненіи, что такое слабое склоненіе именъ существительныхъ авторъ замѣчаетъ: „Чтобы дать воспитанникамъ хоть какія-нибудь понятія объ этихъ названіяхъ, я обыкновенно ихъ спрашиваю: какъ вы скажете о человѣкѣ, который говоритъ все одно и то же, что онъ сильнаго или слабаго ума?... Точно такъ называется *слабымъ* склоненіемъ то склоненіе, которое во всѣхъ падежахъ имѣетъ одинаковыя окончанія“. Въ такомъ же родѣ встрѣчается примѣчаніе и на стр. 71. Въ остальныхъ отдѣлахъ I курса разсматриваемаго руководства помѣщены: 1) упражненія для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій, состоящія изъ словъ уже извѣстныхъ ученикамъ (стр. 91—119); 2) упражненія въ нѣмецкомъ разговорномъ языкѣ (стр. 120—161) сначала съ русскимъ переводомъ и въ формѣ обыкновеннаго діалога, а потомъ безъ перевода; 3) Denk-, Sprech- und Gedächtniss-Übungen (стр. 161—181), въ числѣ которыхъ помѣщены басни и вообще мелкія стихотворенія съ русскимъ переводомъ, и 4) русско-нѣмецкій

словарь. Всѣ эти отдѣлы могутъ принести свою долю пользы учащимся и сообщить имъ, вмѣстѣ съ другими частями разсматриваемаго руководства, довольно значительный лексическій и грамматическій матеріалъ, необходимый для дальнѣйшаго изученія нѣмецкаго языка въ слѣдующихъ гимназическихъ классахъ. Вообще первый курсъ нѣмецкой грамматики г. Фидлера можетъ служить довольно удовлетворительнымъ пособіемъ для низшихъ классовъ гимназій, но не иначе какъ въ рукахъ хорошаго и опытнаго преподавателя.

Вторая часть этого учебника вышла въ свѣтъ въ Москвѣ же еще въ 1864 году и оказывается вообще годною къ употребленію въ среднихъ классахъ нашихъ гимназій. Наконецъ, относительно брошюры, подъ заглавіемъ: „Самое необходимое изъ нѣмецкой грамматики“, слѣдуетъ замѣтить, что она составляетъ простую перепечатку нѣкоторыхъ отдѣловъ изъ I курса разсматриваемаго учебника.

Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ К. Маакъ, учитель VII-й С.-Петербургской гимназіи. Курсы I, II, III и IV-го классовъ. С.-Петербургъ, 1867 г.

Это руководство, первая двѣ части котораго выдержали уже нѣсколько изданій, должно занять весьма видное мѣсто въ нашей педагогической литературѣ. Авторъ вполне основательно созналъ невозможность научить *говорить* по нѣмецки воспитанниковъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ вся практика, при изученіи иностранныхъ языковъ, ограничивается чтеніемъ и переводами. Г. Маакъ не заставляетъ учениковъ механически усвоивать себѣ тотъ или другой свойственный нѣмецкому языку оборотъ рѣчи, но за то старается уяснить имъ особенности этого оборота, не оставляя его до тѣхъ поръ, пока онъ не усвоится учащимися. Нельзя, однако, не замѣтить, что теоретическія объясненія, которыя постоянно встрѣчаются уже въ первомъ курсѣ разсматриваемаго руководства, едва-ли здѣсь уместны. Они возможны лишь со втораго класса, когда ученикъ уже изъ русской грамматики знакомъ съ частями простаго предложенія и съ частями рѣчи. Вотъ почему мы считаемъ I-й курсъ разсматриваемаго руководства не вполне удовлетворяющимъ педагогическимъ требованіямъ, такъ какъ авторъ требуетъ здѣсь слишкомъ многого отъ гимназистовъ перваго класса. Дѣйствительно, какую пользу могутъ принести имъ теоретическія объясненія г. Маака, которыя они не въ состояніи не только примѣнить къ дѣлу, но и понять? Авторъ, очевидно, и самъ сознаетъ это, и потому старается придать своему из-

ложенію возможную простоту и ясность, — на примѣръ, на стр. 11, гдѣ мы встрѣчаемъ такое правило: „когда *denn* значитъ *развѣ*, то оно не ставится въ началѣ предложенія, какъ въ русскомъ, но послѣ *второго слова*“. Тутъ невольно является вопросъ, что такое второе слово въ предложеніи? Точно также въ тринадцатомъ урокѣ помѣщено такое правило: „Прилагательное имя, употребляемое какъ сказуемое, принимаетъ въ русскомъ окончанія *ъ, а, о, ь*; въ нѣмецкомъ же оно не принимаетъ никакого окончанія“. Поймутъ ли ученики перваго класса терминологию и смыслъ этого правила въ самомъ началѣ курса? Если авторъ предполагаетъ, что они его поймутъ, то почему онъ не заговорилъ прямо объ усѣченныхъ окончаніяхъ въ русскихъ прилагательныхъ и не объяснилъ, что такое сказуемое. Напрасно также г. Маакъ съ перваго же урока начинаетъ упражнять своихъ учениковъ, и притомъ исключительно, въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій. Устраненіе нѣмецкихъ текстовъ, помѣщенныхъ въ весьма незначительномъ количествѣ въ концѣ 1-го курса, вообще представляетъ большое неудобство въ учебникѣ нѣмецкаго языка. Такіе тексты должны сопровождаться подстрочнымъ переводомъ, для упражненія въ обратномъ ихъ переводѣ на изучаемый иностранный языкъ. Подобныя упражненія во всякомъ случаѣ должны предшествовать тѣмъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Въ замѣнъ того г. Маакъ съ перваго же урока предлагаетъ, такъ-сказать, образцовыя фразы на нѣмецкомъ языкѣ, на основаніи которыхъ ученикъ долженъ переводить на этотъ языкъ русскія фразы. При всей кажущейся легкости подобныхъ упражненій, едва-ли они, какъ уже замѣчено выше, по силамъ ученикамъ, незнакомымъ еще съ какою бы то ни было грамматикой.

Остальные курсы, входящіе въ составъ разсматриваемаго руководства, написаны съ большимъ знаніемъ дѣла и по строго обдуманному плану. Здѣсь авторъ вполне выказываетъ умѣнье сообразоваться съ возрастомъ и понятіями учащихъ. Г. Маакъ съ особенною настойчивостію останавливается на объясненіи всего, что можетъ затруднять учениковъ младшихъ классовъ и съ большимъ искусствомъ пользуется свѣжестію памяти, свойственною дѣтямъ въ раннемъ возрастѣ, для сообщенія имъ возможно бѣльшаго лингвистическаго матеріала. Въ первомъ и во второмъ курсахъ разсматриваемаго учебника преимущественно обращено вниманіе на употребленіе глагольной формы, какъ главной основы языка, при чемъ не забыты и остальные части рѣчи. Не слѣдуя обыкновенному порядку устарѣлыхъ учебниковъ, начинающихъ

съ механическаго склоненія, г. Маакъ довольствуется въ первомъ и во второмъ курсахъ именительнымъ и винительнымъ падежами склоняемыхъ частей рѣчи, оставляя болѣе широкое мѣсто упражненіямъ въ измѣненіяхъ формъ нѣмецкаго глагола. Затѣмъ, въ слѣдующій, то-есть, третій курсъ авторъ вводитъ полное склоненіе и постоянно обращаетъ вниманіе на употребленіе нѣмецкихъ предлоговъ. Наконецъ, въ четвертомъ курсѣ своего учебника авторъ переходитъ отъ простаго предложенія къ сложному. Вообще г. Маакъ начинаетъ съ формъ самыхъ простыхъ и употребительныхъ и постепенно переходитъ къ формамъ болѣе рѣдкимъ и труднымъ. Педагогическая постепенность вообще составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ разсматриваемаго руководства. Въ концѣ каждаго изъ составляющихъ его отдѣловъ помѣщены избранные отрывки изъ нѣмецкихъ писателей, при чемъ выборъ сдѣланъ очень удачно и съ надлежащею педагогическою строгостію. Содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ отрывковъ заимствовано изъ русскаго міра и указываетъ на свѣтлыя его стороны. На послѣднихъ страницахъ IV курса помѣщенъ тщательно составленный систематическій словарь къ нѣмецкимъ статьямъ, находящимся въ разсматриваемомъ руководствѣ,—которое съ несомнѣнною пользою можетъ быть употребляемо въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Курсъ ариметики для начальныхъ народныхъ училищъ, г. Примрова. Москва, 1867 г.

Курсъ г. Примрова, со включеніемъ задачъ и статьи о счетахъ заключаетъ всего 47 страницъ. Но для уменьшенія объема начального курса ариметики до такого предѣла г. Примровъ опускаетъ въ немъ такія объясненія, безъ которыхъ въ руководствѣ обойтись нельзя. До какой степени недостаточно изложено у него самое существенное, можно видѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ его сочиненія. Курсъ свой онъ начинаетъ такъ:

„Ариметика есть наука о числахъ.

„Числа есть и цѣлыя и дробныя; цѣлыя напримѣръ, одинъ, два, три, четыре, пять; дробныя, напримѣръ, половина, треть“ и т. д. (стр. 1).

Статья о *сложеніи* начинается такъ:

„Можно сложить одно число съ другимъ, напримѣръ, 2 съ 3 будетъ 5. Числа, взятая для сложенія, называются *слагаемыми*“, и т. д. (стр. 8).

Статья о *вычитаніи* начинается такъ:

„Можно вычесть изъ одного числа другое, напримѣръ, 5 безъ *трехъ* бу-

дѣть 2. Число, изъ котораго вычитаютъ, называются *уменьшаемымъ*“ и т. д. (стр. 10).

Подобнымъ образомъ начинаются статьи и объ остальныхъ двухъ дѣйствіяхъ — объ *умноженіи* и *дѣленіи*.

Съ другой стороны сочиненіе г. Примѣрова представляетъ большіе недостатки въ отношеніи изложенія. Чтобы показать, до какой степени онъ плохо владѣеть языкомъ, достаточно привести здѣсь вполнѣ одно мѣсто изъ его сочиненія.

„Сумму цифръ, если какая забудется, можно наглядно находить по пальцамъ. Ибо если слагается, напримѣръ, 4 и 3, то по одному слагаемому 3 загибая съ мизинца 3 пальца и считая ихъ свыше другаго 4 *пять, шесть, семь*, получишь по нимъ сумму“ (стр. 9).

На основаніи вышесказаннаго, сочиненіе г. Примѣрова не можетъ быть признано *удовлетворительнымъ* руководствомъ.

Рациональная арифметика. В. Кондратовича. С.-Петербург., 1867 г.

Особенность арифметики г. Кондратовича, далеко не соответствующая названію *раціональной*, заключается въ томъ, что она самое существенное предлагаетъ безъ объясненій и доказательствъ. О сложеніи многозначныхъ чиселъ говорится такъ:

„Для удобнѣйшаго сложенія большихъ чиселъ ихъ пишутъ одно подъ другимъ такъ, чтобы одинакія мѣста были въ одномъ столбцѣ. Слагаются цифры каждаго столбца отдѣльно, начиная съ единицъ. Если отъ сложенія одного столбца получится число изъ двухъ цифръ, то единицы этого числа пишутся въ суммѣ, а десятки присчитываются въ слѣдующему столбцу“.

И затѣмъ слѣдуетъ примѣръ (стр. 7).

Подобнымъ образомъ излагаются и другія арифметическія дѣйствія безъ всякихъ объясненій, почему дѣлается такъ, а не иначе.

„При вычитаніи, говоритъ авторъ (стр. 9), обыкновенно вычитаемое пишется подъ уменьшаемымъ; вычитаются по очереди единицы изъ единицъ, десятки изъ десятковъ, и т. д., остатки же подписываются. Если какая-нибудь цифра вычитаемаго больше соответствующей цифры уменьшаемаго, то вычитаютъ ее изъ 10; остатокъ отъ 10 слагается съ цифрою уменьшаемаго и пишется въ общемъ остаткѣ; тогда слѣдующая цифра уменьшаемаго считается единицею меньше. Если въ уменьшаемомъ есть одинъ или нѣсколько сряду нулей, то первый нуль принимается за 10, остальные за 9, а первая послѣ нихъ цифра считается единицею меньше“.

Далѣе читаемъ:

„Для повѣрки вычитанія нужно вычитаемое сложить съ остаткомъ; въ суммѣ должно выйти уменьшаемое число“.

„При отниманіи опредѣленной части остатокъ выходитъ тѣмъ больше или меньше, чѣмъ больше или меньше то число, отъ котораго отнимаемъ“ (стр. 9).

Все излагается бездоказательно. Тамъ же, гдѣ авторъ входитъ въ объясненія, изложеніе его темно до крайности. Напримѣръ, что можно понять изъ слѣдующаго:

„Число дѣлится на 37, если сумма классовъ дѣлится на 37: ибо отъ тысячъ, милліона и пр., по раздѣленіи на такія части остается 1“ (стр. 23).

Вотъ какъ начинается статья о дробяхъ:

„Для всякой непрерывной величины есть по нѣскольку готовыхъ мѣръ или единицъ; но весьма часто употребляются разныя нныя мѣры, получаемыя чрезъ раздѣленіе готовыхъ на равныя части“ (стр. 28).

При такихъ недостаткахъ сочиненіе г. Коцдратовича не можетъ принести никакой пользы, и нѣтъ причины рекомендовать это сочиненіе ни учителямъ, ни ученикамъ гимназій.

Опытъ популярнаго изложенія планиметріи, М. Серебровскаго, учителя Казанскаго уѣзднаго училища. Казань, 1868.

Признавая вполне пользу изданія популярныхъ книгъ по геометріи, нельзя однако признать заслуживающимъ вниманія сочиненіе г. Серебровскаго, такъ какъ оно выполнено далеко неудовлетворительно. Избранный г. Серебровскимъ предметъ — измѣреніе площадей — довольно простъ и вполне разработанъ, отъ автора требовалось только ясно и точно изложить понятіе объ измѣреніи площадей и показать тѣ немногія предложенія, которыя служатъ для измѣренія площадей различныхъ фигуръ. До какой степени далеко отъ этого сочиненіе г. Серебровскаго, можно видѣть изъ того, что въ самомъ началѣ онъ смѣшиваетъ слова *площадь* и *плоскость*. Такъ, на стр. 4, мы читаемъ:

„Въ природѣ одна только поверхность, а именно, поверхность воды въ прудѣ, озерѣ и т. д., при затишьи, есть площадь почти въ строгомъ смыслѣ этого слова“.

Понятіе о *квадратныхъ мѣрахъ* (стр. 5) дается на основаніи понятія о *прямоугольникѣ*; а что такое *прямоугольникъ*, не объяснено, между тѣмъ какъ дано объясненіе другихъ четырехугольниковъ, не столь важныхъ, напримѣръ, *параллелограмма* (стр. 16), *трапеціи* (стр. 19). Говорится о различныхъ *квадратныхъ мѣрахъ* и въ задачахъ переводятся одні мѣры въ другія (напримѣръ, квадратныя *сажени* въ квадратныя *вершки*), а не говорится объ *отношеніи* ихъ. Что ка-

сается до изложенія, то оно также неудовлетворительно; по поводу 1-й теоремы авторъ выражается такъ:

„Можно уговориться, это правило объ измѣреніи площади прямоугольника выразить еще короче въ письмѣ: для этого“, и т. д. (стр. 7).

Нельзя также одобрить въ сочиненіи г. Серебровскаго различныя отступленія, которыя онъ дѣлаетъ по случаю задачъ, тѣмъ болѣе, что при этомъ сужденія его не всегда оказываются вѣрными. Такъ, на стр. 4, онъ говоритъ:

„Теперь всѣ монеты совершенно круглыя, и это гораздо лучше, потому что во первыхъ, онѣ не рвутъ кармана, а во вторыхъ, ихъ удобнѣе и скорѣе можно сосчитать, нежели четверугольники“ (стр. 4).

„Обои въ просторѣчій называютъ еще иначе *шпалерами*... Обклеивать обоями лучше нежели обивать, и т. д. Достоинства обоевъ: они не должны начкать рукъ и платья, если до нихъ коснемся; рисунокъ ихъ не долженъ быть слишкомъ пестрый; краски должны быть въ нихъ подобраны съ толкомъ, или, какъ говорятъ образованные люди, гармонично, то-есть, со вкусомъ“, и т. д. (стр. 13).

На основаніи всего вышесказаннаго, сочиненіе г. Серебровскаго не заслуживаетъ одобренія.

Начальная Алгебра, составленная Е. Пржевальскимъ. Москва, 1867. г.

Г. Пржевальскій, при составленіи своего курса алгебры, не имѣлъ въ виду объема преподаванія математики въ нашихъ гимназіяхъ и совершенно опустилъ статью *о биномѣ Ньютона*. По этому одному пропуску алгебра его не можетъ замѣнить въ нашихъ гимназіяхъ употребляемый нынѣ руководства по этой наукѣ; но, съ другой стороны, сочиненіе г. Пржевальскаго и по изложенію своему оставляетъ еще желать многого. Такъ, начинающимъ учиться алгебрѣ трудно понять объясненія въ родѣ слѣдующихъ:

„Тѣ вопросы, которые различаются между собою числами и названіями предметовъ, называются вопросами одного рода. Такъ какъ въ этихъ вопросахъ условія и отношенія между величинами однѣ и тѣ же, то слѣдовательно, дѣйствія надъ ними, которыя опредѣляются по условіямъ и отношеніямъ величинъ, суть однѣ и тѣ же“ (стр. 2).

„Поставить такіе знаки, подъ которыми можно было бы подразумѣвать всякое число, цѣлое или дробное, и чтобы эти знаки по числовой величинѣ можно было бы различать между собою“ (стр. 3).

„Формула, не содержащая знаковъ $+$ и $-$, называется *одночленомъ*“ (стр. 14).
А развѣ $-2a$, $-2a^{-1}$, и т. д. не суть *одночлены*?

Такимъ образомъ „Начальная Алгебра“ г. Пржевальскаго не можетъ быть рекомендована для употребленія въ нашихъ гимназіяхъ.

Пятизначныя таблицы логарифмовъ чиселъ и тригонометрическихъ линий, съ прибавленіемъ логарифмовъ Гаусса и некоторыхъ другихъ таблицъ. Составилъ *Е. Пржевальскій*, преподаватель 3-го военнаго Александровскаго (въ Москвѣ) училища. Москва, 1866 г.

Такъ какъ, съ одной стороны, во всѣхъ общеупотребительныхъ у насъ курсахъ алгебры при изложеніи ученія о логарифмахъ имѣются въ виду болѣе точныя таблицы — таблицы о семи знакахъ, а съ другой — таблицы о пяти знакахъ, во многихъ случаяхъ, далеко недостаточны, то таблицы г. Пржевальскаго не могутъ быть пригодны для употребленія въ нашихъ гимназіяхъ.

На досугъ. Этюды по естествознанію. *А. Острогорскаго.* С.-Петербургъ, 1865 г.

Книга „На досугъ, этюды по естествознанію“ — есть первый выпускъ предпринятаго г. Острогорскимъ сочиненія и содержитъ три отдѣла: 1) „У себя дома“, 2) „Освѣщеніе земли солнцемъ“ и 3) „Четыре времени года“. Въ первомъ отдѣлѣ разсматриваются: наблюденія надъ освѣщеніемъ, горѣніе, волосность, распространеніе свѣта, нагрѣваніе, химическія измѣненія, распространеніе тепла, расширеніе тѣлъ отъ теплоты, паденіе тѣлъ и значеніе опытовъ; во второмъ отдѣлѣ: восходъ и закатъ солнца, лѣтній вечеръ, свѣтъ, роль солнца во вселенной, освѣщеніе земли солнцемъ, вращеніе земли, обращеніе ея около солнца, Коперникъ и Галилей, солнце съ разныхъ мѣстъ земнаго шара видно различно, тропическій поясъ, нагрѣваніе земли солнцемъ, еще о свѣтѣ и теплѣ, различіе временъ года въ разныхъ поясахъ и средняя температура; въ третьемъ отдѣлѣ: зима, зимнія температуры, зимняя жизнь природы, зимній ландшафтъ, мятель, бора, спячка, весна, температура весеннихъ дней, утренники, послѣдствія суровой зимы, весенній день, оттепель, прорастаніе сѣмянъ, восхожденіе соковъ въ растеніяхъ, почка, метаморфозы или превращенія насѣкомыхъ, превращеніе бабочки капустницы, пролетныя птицы, птичьи гнѣзда, выплываніе яицъ, яйцо, развитіе зародыша внутри яйца, метаніе икры рыбами, лѣто, температура лѣтнихъ дней, лѣтній день, плоды и цвѣты, пчела въ полѣ, лѣсъ, пѣніе птицъ, лѣтняя жизнь животныхъ, осень, деревня, опаденіе листьевъ, красный лѣсъ, ливанье, отлетъ птицъ, отчего весною и осенью бываетъ такъ много больныхъ, майская прогулка, осенняя прогулка, животныя осенью, замерзаніе водъ, озеро, встрѣча зимы, зима, степь, альпы, вокругъ свѣта, климатъ Астрахани, Вологды и Березова.

Цѣль этой книги, какъ опредѣляетъ и авторъ, состоитъ въ томъ, чтобъ ознакомить молодыхъ людей съ жизнью окружающей ихъ природы и выяснитъ имъ зависимость ея проявленій отъ внѣшнихъ условій. Бѣльшая часть статей заимствованы изъ другихъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій и только нѣкоторыя составлены самимъ авторомъ, такъ что книга эта представляетъ скорѣе сборникъ, приспособленный къ вышеозначенной цѣли, а не самостоятельный трудъ.

Говоря вообще, выборъ статей очень удаченъ, группировка ихъ правильна и сообразна съ цѣлю, изложеніе ясно и занимательно. Въ концѣ книги помѣщено въ алфавитномъ порядкѣ краткое объясненіе названій разныхъ предметовъ: растений, птицъ, городовъ и пр., встречающихся въ книгѣ, что очень полезно для справокъ; но слѣдовало бы вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать указанія на страницы, гдѣ говорится объ этихъ предметахъ.

Ошибокъ и неточностей относительно сущности разсматриваемыхъ въ книгѣ предметовъ не много. Приведемъ для примѣра слѣдующія: на стр. 2 неправильно объясненъ составъ, которымъ покрываются спички; на стр. 32 авторъ говоритъ, что „мы не знаемъ, *почему* тѣла падаютъ и *отчего* предметъ загорается, если онъ нагрѣтъ“, тогда какъ причины того и другаго явленія могутъ быть объяснены вполне удовлетворительно; на стр. 44 сказано, что „на свѣту листья *покрываются легкою пылью углерода (чистаго угля)*, а въ воздухѣ собирается кислородъ“, но листья при этомъ углеродомъ не покрываются. Авторъ, очевидно, хотѣлъ сказать, что листья отъ дѣйствія солнечнаго свѣта разлагаютъ углекислоту, усваивая углеродъ и отдѣляя кислородъ въ воздухъ. На стр. 165 сказано: „Снеся яйца, птицы *складываютъ* ихъ въ гнѣздо и *высиживаютъ*“, что невѣрно, такъ какъ птицы несутъ яйца въ готовое уже гнѣздо. Въ началѣ стр. 286, гдѣ говорится о явленіи, называемомъ марево (миражъ), пропущено слово или нѣсколько словъ.

Тѣмъ не менѣе книга г. Острогорскаго можетъ быть признана полезною для библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

Карта Европейской Россіи и Сибири на 4-хъ листахъ, составленная по новѣйшимъ статистическимъ и географическимъ даннымъ А. Шевелевымъ, полковн. генер. штаба. Спб., 1868 г.

Карта, составленная г. Шевелевымъ, отличается несомнѣнными достоинствами, особенно если имѣть въ виду нѣкоторыя научныя и преп-

мущественно практическія цѣли. Такъ, она можетъ быть пригодна для всякаго рода справокъ. Не только губернскіе города, имена которыхъ такъ и выставляются на видъ при первомъ взглядѣ на карту, но и уѣздныя, обозначены чрезвычайно ярко, болѣе ярко чѣмъ на какихъ-либо другихъ картахъ Россіи; границы губерній обведены весьма примѣтно; рѣки съ пароходнымъ сообщеніемъ обозначены особо; желѣзныя дороги, какъ оконченныя, такъ и строящіяся, равно и шоссейныя дороги, могутъ быть замѣчены издали; ночтовныя также хорошо обозначены; есть особые знаки для болотъ, тундръ и песковъ; къ листу юго-восточной Россіи присоединены справочныя таблицы объ общемъ административномъ и военномъ дѣленіи Россійской Имперіи, о ея пространствахъ и народонаселеніи, о составѣ ея населенія по племенамъ и вѣроисповѣданіямъ, о протяженіи уже оконченныхъ желѣзныхъ дорогъ съ поименованіемъ и строящихся. Данныя о пространствахъ и общемъ числѣ жителей Россійской Имперіи, не говоря уже о данныхъ относительно племеннаго состава населенія, не вполне совпадаютъ съ общепринятыми офиціальными данными, и на примѣръ, съ обнародованными въ академическомъ календарѣ на 1868 годъ; но отступленія вообще не весьма значительны (за исключеніемъ, развѣ, показанія о числѣ Нѣмцевъ — 850.000, которое, какъ кажется, значительно преувеличено); но извѣстно, какъ много спорнаго и сомнительнаго во всѣхъ этого рода данныхъ относительно Россіи, а проверка приводимыхъ г. Швелевымъ тѣмъ болѣе затруднительна, что онъ вовсе не указываетъ на свои источники. Во всякомъ случаѣ нельзя не рекомендовать карты г. Швелева особенно какъ справочной для разныхъ житейскихъ цѣлей.

Но собственно къ цѣлямъ учебнымъ она мало приурочена. Стѣнною классною картою она едва-ли можетъ служить, такъ какъ для этой цѣли была бы предпочтительнѣе карта нѣмая; для приготовления же уроковъ учениками она слишкомъ велика (въ масштабѣ 80 верстъ въ одномъ дюймѣ въ главной картѣ Европейской Россіи и 375 верстъ въ побочной картѣ азіатскихъ владѣній ея) и слишкомъ подробна. Сверхъ того замѣчаются и нѣкоторыя погрѣшности, устраненіе которыхъ было бы весьма желательно при послѣдующихъ изданіяхъ. Такъ, на примѣръ, Лифляндская губернія представлена странюю болѣе гористою нежели Финляндія; отыскиваніе начала рѣкъ, въ кои при самомъ ихъ началѣ впадаютъ другія рѣки, какъ на примѣръ, начала Березины, весьма затруднительно, потому что начало рѣкъ не обозначено ни полнымъ ихъ именемъ, ни начальною буквою; названія многихъ

мѣстностей поставлены отъ нихъ слишкомъ далеко и перенесены или совсѣмъ или большею своею частью въ другія губерніи (напримѣръ, имя Сергѣевского посада все во Владимірской губерніи, а имя Винницы, поставленное притомъ слишкомъ далеко отъ знака самаго этого города, попало значительно большею своею частью изъ Подольской губерніи въ Кіевскую). Наконецъ,—и это особенно прискорбно, при такой четкости и ясности, какою отличается карта г. Шевелева,—въ именахъ и названияхъ довольно часто попадаются опечатки; напримѣръ, Ладейное поле, озеро Лача, Шалонь, Новохаперскъ, а также и Стокхольмъ, хотя быть-можетъ, авторъ предпочитаетъ этотъ способъ произношенія общепринятому. Весьма прискорбно также видѣть имя извѣстнаго города въ формѣ: Романовъ - Борисоглеб. Впрочемъ, эти недостатки не могутъ служить препятствіемъ къ употребленію этой карты въ тѣхъ классахъ гимназій, въ которыхъ проходится подробная географія Россіи, собственно для справокъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

СВѢДѢНІЯ О ЧИСЛѢ УЧИВШИХСЯ ВЪ НАШИХЪ ГИМНАЗІЯХЪ СЪ 1857 ПО 1866 ГОДЪ¹⁾.

ХАРЬКОВСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ.

1) *Общее число учениковъ.*

Гимназіи.	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	Среднее число.
1-я Харьковская . . .	408	425	438	479	459	503	520	275	327	332	417
2-я »	219	241	253	265	290	306	349	345	375	371	301
3-я ²⁾ »	—	—	—	—	—	—	—	316	331	345	331
Тамбовская	196	204	216	215	321	373	371	366	351	324	294
Воронежская	270	295	310	311	379	429	468	486	463	475	392
Курская	192	205	208	218	198	214	237	244	270	297	228
Орловская	178	199	255	261	265	275	320	299	317	313	268
Новочеркасская	425	480	532	546	515	554	530	518	510	505	511
Устьмедвѣдницкая . . .	—	—	—	—	—	—	99	155	207	201	165
Итого	1888	2049	2212	2325	2427	2654	2894	3004	3151	3163	2573

Въ этомъ округѣ число учащихся въ гимназіяхъ возрасло безъ колебаній въ продолженіе всего десятилѣтія, и въ 1866 году превышало цифру 1857 года на 67,5%, а среднюю цифру за 10 лѣтъ на 22,9 процентовъ.

¹⁾ *Окончаніе.* См. первую часть этой статьи въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за августъ 1868 года.

²⁾ Образована изъ параллельныхъ классовъ 1-й гимназіи. Въ этихъ классахъ въ 1861 году учащихся было 170, въ 1862 г. — 219, въ 1863 г. — 263.

Разсмотрѣніе же приведенной здѣсь таблицы въ частности по гимназіямъ приводитъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ. Изъ давнихъ гимназій округа число учащихся въ Курской и 2-й Харьковской гимназіяхъ не переставало возрастать въ теченіе всѣхъ десяти лѣтъ; если и случались нѣкоторыя колебанія, то во всякомъ случаѣ онѣ были незначительны; такимъ образомъ, въ 1866 году, число учащихся въ Курской гимназіи превышало цифру 1857 года на 54,6%, а во 2-й Харьковской — на 69,4%. Особенно же замѣчательно увеличеніе числа учащихся въ двухъ новыхъ гимназіяхъ округа: 3-й Харьковской и Устьмедвѣдницкой; въ первой оно возрастало въ первые три года ея отдѣльнаго существованія хотя и незначительно, но безъ всякихъ колебаній; во второй же оно удвоилось въ четыре года; это показываетъ, сколь необходимы были въ этихъ мѣстностяхъ гимназіи. О прочихъ гимназіяхъ округа должно замѣтить слѣдующее. Въ Орловской гимназіи цифры послѣднихъ трехъ лѣтъ обнаруживаютъ, по крайней мѣрѣ, пріостановку въ возрастаніи числа учащихся. То же можно сказать о цифрахъ за два послѣдніе года Воронежской гимназіи. Напротивъ, въ гимназіяхъ Тамбовской и Новочеркасской замѣчается постепенное уменьшеніе числа учащихся, начиная съ 1863 года. Впрочемъ, это уменьшеніе не очень значительно: изъ сравненія чиселъ 1866 года съ числами 1862 года, представлявшими *maximum*, получаютъ слѣдующія уменьшенія — для Тамбовской гимназіи 15,1% и для Новочеркасской 9,7%. Къ сожалѣнію, однакожь, число учащихся въ Новочеркасской гимназіи оказалось въ 1866 году меньшимъ средняго за 10 лѣтъ. Наконецъ, слѣдуетъ объяснить, что рѣзкая разница между числами учащихся въ 1-й Харьковской гимназіи за 1863 и 1864 годы произошла вслѣдствіе того, что въ послѣднемъ году существовавшіе при гимназіи параллельные классы составили отдѣльную гимназію — 3-ю, и число учениковъ этихъ классовъ исключено изъ счета 1-й гимназіи. Затѣмъ число учащихся въ этой гимназіи продолжало возрастать, и въ 1866 году представило увеличеніе на 20,7%, сравнительно съ 1864 годомъ.

Такимъ образомъ, въ этомъ округѣ оказалась только одна гимназія, въ которой число учащихся въ 1866 году было менѣе средней цифры за 10 лѣтъ, и собственно ни одной, въ которой это число было бы менѣе цифры 1857 года. Слѣдуетъ также замѣтить, что разсмотрѣнная здѣсь таблица не представляетъ и тѣхъ многихъ и сильныхъ колебаній, какія встрѣчались въ разсмотрѣнныхъ прежде.

2) Число выбывшихъ изъ низшихъ 4-хъ классовъ гимназій.

Гимназія.	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	Всего.
1-я Харьковская	35	47	44	52	45	59	68	27	34	36	447
2-я »	17	16	18	18	17	18	26	29	28	20	207
3-я ¹⁾ »	—	—	—	—	—	—	—	35	33	30	98
Тамбовская	10	12	17	17	19	51	35	35	45	43	284
Воронежская	9	8	20	21	26	13	19	91	48	71	326
Курская	25	30	28	25	35	31	43	36	29	30	312
Орловская	17	16	19	17	21	22	44	18	37	30	241
Новочеркасская	35	14	49	45	94	67	59	28	23	11	425
Устьмедвѣдцкая	—	—	—	—	—	—	1	8	14	36	59
Итого	148	143	195	195	257	261	295	307	291	307	2399

Разсмотрѣніе итоговъ этой таблицы приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Число выбывавшихъ изъ низшихъ 4-хъ классовъ возростало до 1864 года включительно; затѣмъ оно пріостановилось, можно сказать, на три года на цифрѣ 307. Но и послѣ этой пріостановки оно оказалось большимъ цифры 1857 года слишкомъ въ два раза, тогда какъ число учащихся увеличилось всего на 67⁰/₁₀₀. Слѣдовательно, и въ этомъ округѣ число выбывавшихъ изъ низшихъ классовъ гимназій возрастало быстрѣе, чѣмъ общее число учившихся.

Отношенія чиселъ выбывавшихъ изъ низшихъ классовъ гимназій къ общимъ числамъ учившихся въ нихъ даютъ слѣдующія цифры: въ 1857 году — 7,8⁰/₁₀₀; въ 1864 году — 10,2; въ 1866 году — 9,7⁰/₁₀₀; наконецъ, процентное отношеніе среднихъ чиселъ за десять лѣтъ даетъ цифру 9,3⁰/₁₀₀. Заслуживаетъ вниманія приведенная сейчасъ процентная цифра выбывшихъ въ 1866 году: она свидѣтельствуетъ, что повидимому въ этомъ округѣ число выбывающихъ изъ низшихъ классовъ гимназій пойдетъ на убыль.

При разсмотрѣніи настоящей таблицы въ частности по гимназіямъ необходимо сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Вторая Харьковская гимназія занимаетъ почетное мѣсто въ своемъ округѣ и по сравнительно малому числу выбывавшихъ въ ней изъ низшихъ классовъ. Какъ ока-

¹⁾ Изъ 3-й гимназіи, когда она составляла еще параллельное отдѣленіе 1-й, выбыло: въ 1861 году 30 учениковъ, въ 1862 году — 25 и въ 1863 году — 33.

жется ниже, эта гимназія даетъ не только наименьшую, но несравненно меньшую процентную цифру изъ тѣхъ, кои получаютъ для гимназій округа отъ сравненія между собою средняго числа выбывавшихъ изъ низшихъ классовъ къ общему среднему числу учившихся. Очевидно также, что число этихъ выбывающихъ пошло въ послѣдніе годы на убыль: такъ, въ 1864 году ихъ было 8,4% сравнительно съ общимъ числомъ учившихся; въ 1865 году — 7,4%; въ 1866 году — 5,3%, то-есть, значительно меньше цифры 7,7%, полученной для 1857 года. Заслуживаютъ особеннаго вниманія и цифры 3-й Харьковской гимназій, представленныя въ разсматриваемой здѣсь таблицѣ: выше было замѣчено, что число учащихся въ этой гимназій постоянно возрастало съ ея открытіемъ; здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что число выбывавшихъ изъ низшихъ ея классовъ уменьшилось въ три года съ 35 до 30; слѣдовательно, въ этой гимназій число выбывавшихъ преждевременно изъ заведенія уменьшалось сравнительно съ возрастаніемъ общаго числа учащихся. Нельзя всего этого сказать о 1-й Харьковской гимназій. Въ ней постоянно было велико число выбывавшихъ изъ низшихъ классовъ; въ 1863 году оно достигло *максимума* и составило 13,0% по отношенію къ общему числу учившихся; въ 1864 году оно уменьшилось въ 2½ раза, но сравнительно съ уменьшившимся тогда числомъ учащихся все-таки составило 9,8%; а въ 1866 году это отношеніе возвысилось уже до 10,6%. Воронежская гимназія, по цифрамъ разсматриваемой таблицы, представляетъ весьма странное явленіе: въ ней отношеніе средняго числа выбывавшихъ къ среднему числу учившихся даетъ за первыя 7 лѣтъ разсматриваемаго періода только 4,6%; въ 1864 году число этихъ выбывающихъ вдругъ увеличилось почти въ 5 разъ сравнительно съ предыдущимъ годомъ (съ 19-ти на 91); затѣмъ слѣдующіе два года представили тоже очень крупныя цифры, такъ что среднее число выбывшихъ въ эти три года, къ общему среднему числу учившихся, даетъ несомнѣнно большое отношеніе сравнительно съ предыдущимъ, именно — 14,7%. Поэтому тотъ результатъ, что эта гимназія, по сравнительно меньшему числу выбывавшихъ изъ низшихъ классовъ, занимаетъ второе мѣсто въ своемъ округѣ, не можетъ считаться вполне благоприятнымъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что большое число выбывшихъ изъ низшихъ классовъ гимназій въ послѣдніе три года не имѣло значительнаго вліянія на общую убыль учащихся въ тѣ годы. Неужели это служитъ указаніемъ, что въ эти три года начался приливъ учащихся преимущественно въ низшіе классы гимна-

зіи и отливъ изъ нихъ? Въ Тамбовской гимназіи убыль учащихся изъ низшихъ классовъ сильно увеличилась, начиная съ 1862 года: за первыя пять лѣтъ разсматриваемаго періода эта убыль, по сравненіи между собою среднихъ чиселъ выбывавшихъ и учившихся, даетъ отношеніе 6,5⁰/₀; за вторыя же 5 лѣтъ это отношеніе возрасло до цифры 11,1⁰/₀. Въ этомъ случаѣ Тамбовская гимназія представляетъ большое сходство съ Воронежскою; существенная же разница состоитъ въ томъ, что въ Тамбовской гимназіи большое число выбывавшихъ въ послѣдніе годы изъ низшихъ классовъ подѣйствовало замѣтнымъ образомъ и на уменьшеніе общаго числа учащихся (ср. замѣченное о предыдущей таблицѣ). Выше было замѣчено, что въ Курской гимназіи возрастаніе числа учащихся поддерживалось съ замѣчательнымъ постоянствомъ во весь десятилѣтній періодъ; здѣсь же слѣдуетъ замѣтить, что и число выбывавшихъ изъ низшихъ классовъ этой гимназіи было постоянно очень велико, именно наибольшее, сравнительно съ прочими гимназіями округа. Впрочемъ, въ послѣдніе три года оно значительно уменьшилось: процентное отношеніе средняго числа выбывшихъ къ общему среднему числу учившихся даетъ за эти три года цифру 11,7⁰/₀, тогда какъ полученное подобнымъ же образомъ отношеніе за весь десятилѣтній періодъ даетъ цифру 13,6⁰/₀,—разница очень замѣчательная. Во всякомъ случаѣ, столь большой процентъ (наибольшій по округу) выбывающихъ изъ низшихъ классовъ Курской гимназіи едва-ли не свидѣтельствуетъ о томъ, что для мѣстнаго населенія имѣютъ преимущественное значеніе только низшіе классы гимназій. Въ Новочеркасской гимназіи, въ 1861 году, произошла громадная убыль (94) учащихся изъ низшихъ классовъ составившая около $\frac{1}{5}$ всего числа учившихся въ томъ году, и около $\frac{1}{4}$ всѣхъ выбывшихъ въ 10 лѣтъ. Въ слѣдующія за тѣмъ 5 лѣтъ эта убыль стала быстро уменьшаться, такъ что въ 1866 году выбывшіе изъ низшихъ классовъ составили *только* 2,1 процента сравнительно съ общимъ числомъ учившихся въ тотъ годъ. Правда, это уменьшеніе числа выбывавшихъ изъ низшихъ классовъ гимназій сопровождалось и уменьшеніемъ общаго числа учившихся, впрочемъ не очень большимъ (см. замѣченное къ предыдущей таблицѣ); по означенный процентъ такъ малъ сравнительно съ подобными числами всѣхъ прочихъ гимназій ¹⁾, что было бы *весьма желательно*, чтобы Новочер-

¹⁾ Подобный процентъ представляетъ еще въ 1866 году едва-ли не одна Пискаря гимназія, именно 2,08⁰/₀. Но въ этой гимназіи замѣчается въ то же время и чрезвычайная убыль въ общемъ числѣ учившихся. Во всякомъ, однакожъ,

каска гимназія пояснила, вслѣдствіе какихъ мѣръ она достигла столь благопріятнаго результата. Въ Орловской гимназіи, не смотря на большую убыль изъ низшихъ классовъ въ 1863 году, среднее число выбывшихъ въ слѣдующіе три года, къ среднему числу учившихся, даетъ отношеніе 9,1⁰/₀, которое нѣсколько даже больше подобнаго отношенія за 10 лѣтъ.

Эти процентныя отношенія за 10 лѣтъ даютъ слѣдующія цифры по гимназіямъ:

1-й Харьковской	10,7 ⁰ / ₀
2-й "	6,8 "
3-й "	9,8 " (за 3 года).
Тамбовской	9,6 "
Воронежской	8,3 "
Курской	13,6 "
Орловской	8,9 "
Новочеркасской.	8,3 "
Устьмедвѣдичкой	8,9 " (за 4 года).

3) Число окончившихъ курсъ.

Гимназія.	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	Всего.
1-я Харьковская	19	28	23	24	15	12	14	8	8	16	167
2-я "	11	11	23	20	18	15	15	15	24	18	170
3-я "	—	—	—	—	—	—	—	—	12	11	23
Тамбовская	17	15	13	18	16	13	19	12	13	13	149
Воронежская.	19	14	23	17	18	22	26	18	11	13	181
Курская	4	4	4	4	8	5	3	2	8	4	46
Орловская	10	15	11	13	12	17	8	8	12	18	124
Новочеркаска	8	12	20	16	20	29	15	11	16	13	160
Устьмедвѣдичкая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	88	99	117	112	107	113	100	74	104	106	1020

Изъ итоговъ этой таблицы видно, что число окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ округа чувствительно уменьшилось въ послѣдніе годы.

случай означенныя числа какъ Новочеркасской, такъ и Пинской гимназій заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ составляющія поразительныя исключенія среди прочихъ цифръ этого же рода.

Въ 1859 году оно превышало цифру 1857 года на 32,5⁰/₀; въ 1862 году это превышеніе составляло только 28,4⁰/₀; въ 1864 году, напротивъ, оказалось уменьшеніе на 13,5⁰/₀, сравнительно съ числомъ 1857 года, а сравнительно съ числомъ предшествующаго года — на 35,1⁰/₀; наконецъ, въ 1866 году окончило курсъ больше, чѣмъ въ 1857 году, на 20,3⁰/₀ ¹⁾, и больше средняго числа за 10 лѣтъ только на 3,5⁰/₀. Если же сравнить по годамъ числа окончившихъ курсъ съ числами учившихся, то получаютъ слѣдующія процентныя отношенія: въ 1857 году — 4,6⁰/₀; въ 1859 г. — 5,2⁰/₀; въ 1862 г. — 4,2⁰/₀; въ 1864 году — 2,4⁰/₀; въ 1866 г. — 3,3⁰/₀. Наконецъ, отношеніе средняго числа окончившихъ курсъ къ среднему числу учившихся даетъ — 3,5⁰/₀.

Разсмотрѣніе настоящей таблицы въ частности по гимназіямъ приводитъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ. И въ этомъ округѣ число окончившихъ курсъ въ 1866 г. оказалось въ 3-хъ гимназіяхъ меньше чѣмъ 10 лѣтъ тому назадъ, и вообще только въ двухъ гимназіяхъ (2-й Харьковской и Орловской) *maximè* окончившихъ курсъ ушло на послѣдніе три года, то-есть, послѣ огромнаго уменьшенія этого числа въ 1864 году. 2-я Харьковская гимназія и по цифрамъ этой таблицы занимаетъ первое мѣсто въ своемъ округѣ: она не только даетъ наибольшее процентное отношеніе окончивавшихъ курсъ къ числу учившихся, но это отношеніе поддерживалось въ ней съ замѣтнымъ постоянствомъ, такъ что даже за три послѣдніе года представляетъ цифру 5,2⁰/₀, различающуюся отъ полученной за 10 лѣтъ только въ десятыхъ доляхъ, тогда какъ эта разница для всѣхъ другихъ гимназій округа весьма значительна. Совершенно иное явленіе представляетъ 1-я Харьковская гимназія: въ ней отношеніе числа окончивавшихъ курсъ къ числу учившихся даетъ за первые четыре года цифру 5,3⁰/₀, а за послѣднія 6 лѣтъ только — 3,0⁰/₀. Въ Курской гимназій число окончивавшихъ курсъ всегда было незначительно и притомъ составляло столь малый процентъ сравнительно съ числомъ учившихся, что можетъ служить новымъ подтвержденіемъ сказаннаго выше о преимущественномъ значеніи низшихъ классовъ этой гимназій. О прочихъ гимназіяхъ округа слѣдуетъ замѣтить, что въ нихъ число окончивающихъ курсъ чувствительно уменьшилось въ послѣдніе 3 — 4 года. Это уменьшеніе

¹⁾ При вычисленіи этого процента не исключены изъ счета окончившіе курсъ въ 3-й Харьковской гимназій, вслѣдствіе того предположенія, что эти учащіеся, если бы не было новой гимназій, могли бы поступить и окончить курсъ въ одной изъ старыхъ гимназій того же города.

становится еще болѣе замѣтнымъ, если сравнить за эти годы числа окончивавшихъ курсъ съ числами учившихся и полученные такимъ образомъ процентныя отношенія сличить съ подобными числами за прежніе годы или даже съ среднимъ процентнымъ отношеніемъ за десять лѣтъ: такъ, напримѣръ, для Воронежской гимназій получается подобнымъ образомъ, за 3 послѣдніе года, только 2,3⁰/₀, для Тамбовской — 3,6⁰/₀; а эти цифры весьма разнятся отъ полученныхъ ниже, за десять лѣтъ, для этихъ гимназій.

Отношеніе средняго числа окончившихъ курсъ къ среднему числу учившихся даетъ, за десять лѣтъ, слѣдующія процентныя цифры по гимназіямъ:

1-й Харьковской	4,0 ⁰ / ₀
2-й "	5,6 "
Тамбовской	5,0 "
Воронежской	4,6 "
Курской	2,0 "
Орловской	4,6 "
Новочеркасской	3,1 "

ОДЕССКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ.

1) *Общее число учениковъ.*

Гимназія.	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	Среднее число.
Ришельевская	121	124	119	118	123	133	141	134	148	270	143
2-я Одесская	321	343	343	350	409	414	416	404	415	435	385
Херсонская	140	166	199	228	249	274	327	349	402	385	272
Екатеринославская	300	293	286	291	307	299	298	305	307	319	300
Таганрогская	193	217	227	235	249	260	285	271	272	311	252
Кишиневская	299	295	304	342	376	452	492	517	543	518	414
Симѣропольская	143	187	183	242	262	90	313	317	319	287	254
Керченская	—	—	—	—	—	—	—	80	120	145	115
Николаевская	—	—	—	—	—	86	287	382	376	362	298
Итого	1517	1625	1661	1806	1975	2208	2559	2759	2902	3032	2204

Изъ простаго разсмотрѣнія итоговъ этой таблицы видно, что число учащихся въ округѣ возростало въ теченіе всего 10-лѣтняго періода

безъ всякихъ колебаній; эти колебанія не обнаруживаются и тогда, когда изъ итоговъ исключить число учащихся въ Николаевской гимназій, какъ состоящей въ вѣдѣніи особаго управленія ¹⁾. Такимъ образомъ число учащихся въ гимназіяхъ этого округа въ 1866 году превышало цифру 1857 года на 99,8% и среднюю цифру за 10 лѣтъ — на 37,5%.

Нѣтъ также въ этомъ округѣ гимназій, въ которыхъ число учащихся оказалось бы меньше, чѣмъ 10 лѣтъ тому назадъ, или даже меньше средней цифры за этотъ періодъ. Даже частныя цифры по гимназіямъ представляютъ немногія и притомъ незначительныя колебанія. Только въ одной Ришельевской гимназій число учащихся, послѣ медленнаго возрастанія и притомъ съ колебаніями, въ 1866 году почти удвоилось сравнительно съ цифрою предыдущаго года (съ 148 на 270), вслѣдствіе того, что эта гимназія была „открыта для всѣхъ входящихъ учениковъ, безъ различія сословій и званій“ ²⁾. Въ прочихъ гимназіяхъ округа число учащихся возрастало съ замѣчательною постепенностію. Въ 1866 году случилось уменьшеніе числа учащихся сравнительно съ предыдущимъ годомъ только въ трехъ гимназіяхъ: Кишиневской — на 4,8%; Херсонской — на 4,4%; Симферопольской — на 11,1% ³⁾. Но при взвѣшиваніи этихъ процентныхъ отношеній слѣдуетъ принять во вниманіе огромное и почти безпримѣрно большое увеличеніе числа учащихся въ этихъ гимназіяхъ въ 1865 г. сравнительно съ цифрами 1857 года, особенно въ послѣднихъ двухъ гимназіяхъ (о чемъ уже было упомянуто въ 1-й части статьи, въ примѣч. къ 133 стр. Совр. Лѣт. август. кн. журн.). Въ Николаевской гимназій, уже въ 3-мъ году послѣ ея открытія, число учащихся болѣе чѣмъ учетверилось; но въ слѣдующіе за тѣмъ годы оно понемногу уменьшалось.

¹⁾ Эта гимназія состоитъ въ вѣдѣніи особаго «управленія Николаевскими учебными заведеніями».

²⁾ См. «Отчетъ по управленію Одесскимъ учебнымъ округомъ, за 1865 годъ» (*Журн. Мин. Народн. Просв.* за 1866 годъ, июльская книжка, отд. II, стр. 31 и слѣд.). Прежде эта гимназія «была заведеніемъ закрытымъ и притомъ доступнымъ для однихъ только привилегированныхъ сословій».

³⁾ Впрочемъ, относительно цифры, представленной этою гимназіей за 1866 годъ, есть поводъ къ нѣкоторому недоумѣнію: именно, въ приведенномъ сейчасъ «Отчетѣ» и проч. (на стр. 55) сказано: «Общее число учащихся въ Симферопольской гимназій къ 1-му января прошедшаго 1866 года было 319, то же, что къ 1-му января прошедшаго 1865 года». Вслѣдствіе какихъ же причинъ въ вѣдомости этой гимназій, разсматриваемой здѣсь, встрѣчается за 1866 годъ цифра 287, обуславливающая тотъ значительный процентъ убыли учащихся въ гимназій, который вызвалъ настоящее примѣчаніе?

2) Число выбывшихъ изъ низшихъ 4-хъ классовъ.

Гимназіи.	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	Всего.
Ришельевская	18	16	12	25	17	16	32	18	35	80	269
2-я Одесская	74	87	82	66	88	78	109	80	70	87	821
Херсонская	37	29	31	34	44	47	52	65	71	54	464
Екатеринославская	24	18	19	15	17	39	29	21	31	17	230
Таганрогская	11	18	23	14	25	11	33	23	28	41	227
Кишиневская	73	34	30	48	31	69	84	76	95	119	659
Симферопольская	10	18	17	20	25	22	25	43	20	35	235
Керченская	—	—	—	—	—	—	—	17	13	16	46
Николаевская	—	—	—	—	—	—	11	36	96	79	222
Итого	247	220	214	222	247	282	375	379	459	528	3173

Какъ видно изъ итоговъ этой таблицы, число выбывшихъ изъ низшихъ классовъ гимназій увеличилось въ 10-лѣтній періодъ нѣсколько болѣе, сравнительно съ 1857 годомъ, чѣмъ общее число учащихся, именно на 113,7 процентовъ. Впрочемъ это возрастаніе числа выбывавшихъ изъ низшихъ классовъ происходило весьма неравномѣрно въ теченіе всего разсматриваемаго періода. Такъ, въ 1861 году выбыло изъ низшихъ классовъ именно столько же, сколько и въ 1857 году; а въ промежуточные 3 года выбывало значительно меньше. Быстрое возрастаніе числа выбывавшихъ преждевременно изъ гимназій началось собственно въ 1862 году, въ которомъ оно увеличилось сравнительно съ предыдущимъ годомъ на 14,1%. Если даже исключить изъ общихъ итоговъ крупныя цифры Николаевской гимназіи, то обнаружатся только нѣкоторыя колебанія въ цифрахъ, принадлежащихъ собственно гимназіямъ округа, но наибольшая изъ нихъ все-таки упадетъ на 1866 годъ. Изъ сравненія же по годамъ числа выбывавшихъ съ числомъ учившихся получаютъ слѣдующія процентныя отношенія: въ 1857 году — 16,2%; въ 1861 году — 12,5%; въ 1862 году — 12,7%; въ 1866 году — 17,4% (и 16,8%, за исключеніемъ изъ счета цифръ Николаевской гимназіи); наконецъ, отношеніе между средними числами за 10 лѣтъ даетъ цифру 14,3%.

Разсмотрѣніе цифръ настоящей таблицы, въ частности по гимназіямъ, не позволяетъ сказать здѣсь ничего подобнаго тому, что было сказано о цифрахъ предыдущей таблицы. Здѣсь встрѣчаются многія

крупныя цифры, или же крутые переходы между ними. Изъ нихъ не могутъ ускользнуть отъ вниманія, по крайней мѣрѣ, слѣдующія. Въ Ришельевской гимназійи выбыло въ 1866 году 80 человѣкъ, что составило 29,6% по отношенію къ числу учившихся въ томъ же году; между тѣмъ среднее число выбывавшихъ въ прежніе годы, съ 1857 по 1865 годъ, составляетъ только 16,2 процента ¹⁾. Изъ 2-й Одесской гимназійи постоянно выбывала $\frac{1}{5}$ часть учащихся и болѣе, и вообще эта гимназійа представляетъ въ разсматриваемой здѣсь таблицѣ рядъ столь крупныхъ цифръ, что среди ихъ умалается и цифра 109 выбывшихъ преждевременно изъ гимназійи въ 1863 году, хотя эта цифра и составила около $\frac{1}{4}$ общаго числа учившихся въ томъ году. Вообще цифры настоящей таблицы, представленныя обѣими Одесскими гимназійами, едва-ли не свидѣтельствуютъ о томъ, что оба эти среднія учебныя заведенія не вполне удовлетворяютъ нуждамъ мѣстнаго населенія, и что рядомъ съ ними приносили бы большую пользу и иного рода средне-учебныя заведенія, то-есть, съ курсомъ менѣе продолжительнымъ и болѣе примѣненнымъ къ практическимъ цѣлямъ. Къ такому же заключенію приводятъ и цифры, представленныя Херсонскою и Кишиневскою гимназійами. То же самое, а можетъ-быть, и въ большей мѣрѣ слѣдовало бы сказать и о цифрахъ Николаевской гимназійи. Впрочемъ о Херсонской гимназійи можно еще сказать, что въ ней въ первыя пять лѣтъ разсматриваемаго періода выбывало изъ низшихъ классовъ больше учащихся, чѣмъ въ послѣднія: именно съ 1857 — 61 г. выбыло 17,3% сравнительно съ общимъ числомъ учившихся, а съ 1862 — 66 г. — 16,5%. То же самое слѣдуетъ сказать и о 2-й Одесской гимназійи, которая представляетъ, за оба пятилѣтія порознь, процентныя отношенія 22,4% и 20,3%, полученныя подобнымъ же образомъ какъ и предыдущія. Въ Кишиневской же гимназійи, напротивъ, въ первыя пять лѣтъ выбыло 13,3%, въ послѣднія пять — 17,5%, и въ одномъ 1866 году — 22,3%. А въ Николаевской гимназійи крупныя цифры выбывшихъ въ два послѣдніе года составляютъ 23,7% сравнительно съ числомъ учившихся въ тѣ годы. Наконецъ, заслуживаютъ вниманія и цифры выбывшихъ изъ низшихъ классовъ Екатеринославской

¹⁾ Впрочемъ, эта громадная убыль учащихся изъ низшихъ классовъ Ришельевской гимназійи въ 1866 году можетъ быть объяснена тѣмъ недружелюбнымъ чувствомъ, съ какимъ старыя воспитанники гимназійи встрѣтили — послѣ преобразованія ея въ открытое заведеніе — новыхъ приходящихъ учениковъ. Объ этомъ затрудненіи сказано обстоятельно въ указанномъ выше «Отчетъ по управленію Одесскимъ учебнымъ округомъ» (См. стр. 32 и 33).

гимназій въ 1862 и 1865 годахъ: онѣ по отношенію къ общимъ числамъ учившихся въ тѣ же годы составляютъ 13,0% и 10,1%, а эти цифры далеко превосходятъ ту, которая получилась для гимназій ниже за всѣ десять лѣтъ вмѣстѣ. То же самое слѣдуетъ замѣтить и о цифрахъ выбывшихъ изъ Симферопольской гимназій въ 1864 году и Таганрогской въ 1866 г.: эти цифры даютъ процентныя отношенія къ числамъ учившихся 13,5% и 13,1%.

Среднія числа выбывавшихъ къ среднимъ числамъ учившихся даютъ слѣдующія процентныя отношенія по гимназіямъ:

Ришельевской	16,2% за 9 лѣтъ, и 29,6% въ 1866 г.
2-й Одесской	21,3 „
Херсонской	17,0 „
Екатеринославской	7,6 „
Таганрогской	9,0 „
Кишиневской	15,3 „
Симферопольской	9,2 „
Керченской	13,3 „
Николаевской	18,6 „

3) Число окончившихъ курсъ.

Гимназіи.	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	Всего.
Ришельевская	13	10	—	8	3	6	4	3	6	9	62
2-я Одесская	8	14	3	9	5	7	12	6	4	4	72
Херсонская	4	4	3	8	5	7	5	2	5	6	49
Екатеринославская	14	9	14	11	13	17	8	7	10	11	114
Таганрогская	4	—	10	12	13	16	8	10	14	9	96
Кишиневская	18	20	14	17	18	25	13	13	18	19	175
Симферопольская	4	9	5	15	15	10	8	18	12	11	107
Керченская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Николаевская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	6
Итого	65	66	49	80	72	88	58	59	69	75	681

Разсмотрѣніе итоговъ этой таблицы приводитъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ. Въ 1859 году число окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ округа круто уменьшилось на 34,6% сравнительно съ предыдущимъ годомъ; въ слѣдующемъ году оно еще болѣе внезапно увеличивается

на 63,2% сравнительно съ предшествующимъ годомъ; затѣмъ послѣ новаго колебанія достигаетъ своего *maximum* въ 1862 году, которое превысило цифру 1857 года на 35,3%. Въ 1863 году — новое крутое уменьшеніе на 51,7% сравнительно съ предшествующимъ годомъ, послѣ чего это число начало медленно возрастать до 1866 года включительно; и въ этомъ году давнія гимназіи округа представили число 69, превышавшее цифру 1857 года 4-мя единицами (6,1%) и среднее число за 10 лѣтъ (за исключеніемъ цифры Николаевской гимназіи) — менѣе чѣмъ на 2 единицы. Изъ сравненія по годамъ чиселъ окончивавшихъ курсъ съ числами учившихся въ гимназіяхъ округа, за исключеніемъ изъ счета чиселъ Николаевской гимназіи, получаются слѣдующія процентныя отношенія: въ 1857 г. — 4,2%; въ 1859 г. — 2,9%; въ 1860 г. — 4,4%; въ 1862 г. — 4,1%; въ 1866 г. — 2,5%. Среднее число окончившихъ курсъ къ среднему числу учившихся въ гимназіяхъ округа (за исключеніемъ и здѣсь чиселъ Николаевской гимназіи) даетъ процентное отношеніе 3,5%.

Разсмотрѣніе настоящей таблицы въ частности по гимназіямъ приводитъ, по меньшей мѣрѣ, къ слѣдующимъ выводамъ. Въ Ришельевской гимназіи не было вовсе окончившихъ курсъ въ 1859 году; это обстоятельство судя по цифрамъ предшествующихъ и слѣдующихъ годовъ не было случайностію въ школьномъ дѣлѣ: напротивъ, едва-ли оно не свидѣтельствуетъ о томъ, что около того времени произошла рѣшительная перемѣна во взглядѣ на строгость выпускныхъ экзаменовъ въ гимназіи¹⁾; и если эта догадка справедлива, то слѣдуетъ сказать, что эта строгость выпускныхъ экзаменовъ не уронила гимназіи, а подчинила ее только общимъ условіямъ: эта гимназія, какъ окажется ниже, заняла только второе мѣсто въ своемъ округѣ по числу окончившихъ курсъ, сравнительно съ числомъ учившихся въ ней въ разсматриваемый 10-лѣтній періодъ. Цифры окончившихъ курсъ во 2-й Одесской и Херсонской гимназіяхъ (и приводимыя ниже процентныя отношенія) вполне подтверждаютъ сказанное въ предыдущемъ по поводу значительнаго числа выбывающихъ изъ низшихъ классовъ этихъ гимназій. Цифры окончившихъ курсъ въ Кишиневской гимназіи повидному не соглашаются со сказаннымъ о ней по тому же самому поводу; но въ ней въ первыя пять лѣтъ окончило курсъ 5,3%; а во вторыя — 3,4%. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что и въ этомъ округѣ число окончив-

¹⁾ Возраженіе противъ этого см. ниже въ *Приложеніяхъ* — въ сообщеніи Ришельевской гимназіи.

шихъ курсъ въ 1866 году оказалось въ 3-хъ гимназіяхъ меньше, чѣмъ въ 1857 году, и вообще только въ одной Симферопольской гимназіи *maximum* окончившихъ курсъ упало на послѣдніе четыре года.

Отношенія среднихъ чиселъ окончивавшихъ курсъ къ среднимъ числамъ учившихся даютъ слѣдующія цифры по гимназіямъ:

Гришельевской	4,3%
2-й Одесской	1,8 "
Херсонской	1,8 "
Екатеринославской	3,8 "
Таганрогской	3,8 "
Кишиневской	4,2 "
Симферопольской	4,2 "

ДЕРПТСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ¹⁾.

1) *Общее число учениковъ.*

Гимназіи.	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	Среднее число.
Митавская	257	266	284	286	311	322	296	277	291	285	288
Рижская	252	256	269	294	269	277	295	321	320	311	289
Ревельская	163	186	203	192	193	225	215	249	235	244	210
Дерптская	182	203	217	222	233	203	244	252	285	314	235
Итого	854	911	973	994	1006	1027	1050	1099	1131	1184	1022

Общее число учениковъ въ гимназіяхъ этого округа постоянно возрастало во весь 10-лѣтній періодъ и въ 1866 году превышало число 1857 года на 38,6% и среднее число за 10 лѣтъ на 15,8%.

Только числа Митавской гимназіи представляютъ значительныя колебанія. Въ этой гимназіи число учащихся возрастало постепенно до 1862 года, въ которомъ оно достигло своего *maximum*; въ слѣдующемъ году оно уменьшилось на 8,7%; затѣмъ послѣ новыхъ колебаній оно представило въ 1866 году цифру, хотя и превышающую число 1857 года на 10,8%, по меньшей цифрѣ 1862 г. на 12,8% и

¹⁾ По Дерптскому учебному округу не доставлено никакихъ свѣдѣній о новыхъ трехъ гимназіяхъ: Аренбургской, Перновской и Либавской, и объ Эстляндскомъ рыцарскомъ и домскомъ училищѣ въ Ревелѣ, а также о Рижской реальной гимназіи.

даже нѣсколько меньшую средняго числа за 10 лѣтъ. Въ Дерптской гимназій число учащихся возрастало безъ колебаній въ первыя пять лѣтъ разсматриваемаго періода, и хотя въ 1862 году оно уменьшилось на 14,7% сравнительно съ предшествующимъ годомъ, но затѣмъ стало опять возрастать постепенно и въ 1866 году достигло наибольшей цифры и представило увеличеніе на 72,5% сравнительно съ числомъ 1857 года. Въ Рижской гимназій, хотя число учащихся возрастало не постепенно, но въ 1866 году оно представляетъ наибольшую цифру за 10 лѣтъ, превышающую цифру 1857 года на 35,2%. Наибольшія колебанія чисель этой гимназій были слѣдующія: въ 1861 году случилось уменьшеніе числа учащихся сравнительно съ предшествующимъ годомъ на 9,2%; въ 1864 году — увеличеніе на 8,5%. Въ Ревельской гимназій числа учащихся по годамъ представляютъ болѣе или менѣе значительныя колебанія, и *maximam* ихъ не ушло на 1866 годъ; но все-таки число этого года превышаетъ цифру 1857 г. на 49,6%.

2) Число выбывшихъ изъ низшихъ 4-хъ классовъ.

Гимназій.	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	Всего.
Митавская	21	25	20	15	22	20	39	21	40	29	252
Рижская	16	15	14	18	32	28	43	27	29	30	252
Ревельскія	16	11	9	10	15	23	26	31	26	29	196
Дерптская	18	18	37	26	23	28	33	34	26	36	279
Итого	71	69	80	69	92	99	141	113	121	124	979

Итоги этой таблицы, не смотря на разнообразныя ихъ колебанія, обнаруживаютъ, что число выбывавшихъ изъ низшихъ классовъ гимназій округа было, сравнительно, не большое: именно, оно превышаетъ лишь процентныя отношенія, полученныя для округовъ Московскаго и Харьковскаго и Сибири. Такъ, въ 1866 году, оно возрасло, сравнительно съ 1857 годомъ, только на 74,6%; а среднее число этихъ выбывавшихъ къ общему среднему числу учившихся даетъ процентное отношеніе 9,5%. Однакожь, и въ этомъ округѣ число выбывавшихъ изъ низшихъ классовъ гимназій возрастало быстрѣе, чѣмъ общее число учащихся: объ этомъ свидѣтельствуетъ полученное здѣсь увеличеніе числа выбывавшихъ въ десятилѣтній періодъ (74,6%) при сравненіи его съ увели-

ченіемъ общаго числа учащихся въ этотъ же періодъ, полученнымъ въ предыдущемъ (38,4%). Изъ сравненія по годамъ числа выбывавшихъ съ общимъ числомъ учившихся получаютъ слѣдующія процентныя отношенія: въ 1857 г. — 8,3%; въ 1863 г. — 13,4%; въ 1866 г. — 9,5%; за первыя 5 лѣтъ вмѣстѣ — 8,0%; за вторыя — 10,3%.

Изъ сравненія среднихъ чиселъ выбывавшихъ изъ низшихъ классовъ съ общими средними числами учившихся получаютъ слѣдующія процентныя отношенія по гимназіямъ:

Митавской	8,7%
Рижской	8,7 "
Ревельской	9,3 "
Дерптской	11,9 "

Такимъ образомъ, наибольшій процентъ выбывающихъ изъ низшихъ классовъ и въ этомъ округѣ представила гимназія, находящаяся въ университетскомъ городѣ.

3) Число окончившихъ курсъ.

Гимназія.	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	Всего.
Митавская	20	24	30	21	24	31	31	14	15	17	227
Рижская	13	15	19	18	15	15	21	29	22	22	189
Ревельская	5	7	12	7	12	11	12	7	14	16	103
Дерптская	8	14	8	5	5	11	8	9	18	16	102
Итого	46	60	69	51	56	68	72	59	69	71	621

Изъ итоговъ этой таблицы видно, что число окончивавшихъ курсъ въ гимназіяхъ этого округа уменьшалось два раза въ теченіе 10-ти лѣтъ: именно, въ 1860 году на 35,2 процента сравнительно съ предшествующимъ годомъ, и въ 1864 г. — на 22,0%. Но эти колебанія не понижали числа ниже цифры 1857 года, какъ это случилось въ прочихъ округахъ, за исключеніемъ Московскаго. Наконецъ, послѣ этихъ колебаній, всякій разъ восстанавливалось возрастаніе числа окончивающихъ курсъ съ замѣтною, такъ сказать, настойчивостію. Такъ, въ 1859 году оно превышало цифру 1857 года на 35,2%; въ 1863 г. — на 56,5%; въ 1866 г. число окончившихъ курсъ оказалось только *единицею* меньше наибольшей цифры 1863 года. Наконецъ, число окончившихъ курсъ

въ 1866 году превышало среднюю цифру за 10 лѣтъ на 14,5%. Если же сравнить по годамъ число окончившихъ курсъ съ общимъ числомъ учившихся, и при этомъ отдѣлить благопріятные годы отъ неблагопріятныхъ, то получаютъ слѣдующія процентныя отношенія: въ 1857 году — 5,3%; въ 1859 г. — 7,0%; въ 1863 году — 6,8%; въ 1866 г. — 5,9%; въ 1860 г. — 5,1%; въ 1864 году — 5,3%. Среднее число окончившихъ курсъ къ среднему числу учившихся, за 10 лѣтъ, даетъ отношеніе 6,0%.

Уменьшеніе числа окончившихъ курсъ въ Митавской гимназіи за послѣдніе три года собственно и понизило общія ихъ числа по округу. Дѣйствительно, въ прочихъ трехъ гимназіяхъ округа число окончивавшихъ курсъ въ эти три года или не понижалось, или же послѣ пониженія сильно увеличивалось, такъ что въ 1866 году общее число окончившихъ курсъ въ этихъ гимназіяхъ превышало вдвое сумму цифръ 1857 года. Въ Митавской, напротивъ, число окончивавшихъ курсъ, послѣ необыкновеннаго уменьшенія въ 1864 году, слабо возрасло въ слѣдующіе два года, такъ что среднее ихъ число за послѣдніе три года оказывается вдвое меньшимъ цифры 1863 года, и не только меньшимъ цифры 1857 года, но и меньшимъ средняго числа, за 10 лѣтъ, на 33,5%. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что изъ всѣхъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія собственно въ *Рижской гимназіи окончивало курсъ наибольшее число*, сравнительно съ общимъ числомъ учащихся, именно 6,5%; а за послѣдніе три года — 7,4%.

Среднія числа окончившихъ курсъ къ среднимъ числамъ учившихся даютъ слѣдующія отношенія по гимназіямъ:

Митавской	7,8% ¹⁾
Рижской	6,5 „
Ревельской	4,9 „
Дерптской	4,3 „

Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ Митавской гимназіи, съ

¹⁾ Когда готовилась къ напечатанію первая часть статьи, еще не были доставлены дополнительныя свѣдѣнія объ этой гимназіи, изъ которыхъ оказалось, что прежнія числа учившихся были доставлены гимназіей, по недоразумѣнію, большія, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе чего процентъ окончившихъ курсъ въ гимназіи весьма понижился. Въ этомъ-то заключается причина, почему эта гимназія не упомянута въ примѣч. къ 137 стр. Совр. Лѣт. августовской кн. журнала.

1857 по 1863 годъ, оканчивало курсъ среднимъ числомъ 8,3 процента сравнительно съ числомъ учившихся, а съ 1864 года — только 5,0%.

Сивирскія гимназіи.

1) Общее число учениковъ.

Гимназіи.	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	Среднее число.
Томская	139	120	135	145	160	186	182	195	205	185	165
Тобольская	164	175	206	211	211	285	161	198	181	170	196
Иркутская	221	221	221	228	258	271	270	223	209	221	234
Итого	524	516	562	584	629	742	613	616	595	576	596

Число учащихся въ этихъ гимназіяхъ, какъ видно изъ общихъ итоговъ разсматриваемой здѣсь таблицы, возрастало до 1862 года включительно. Правда, оно нѣсколько поколебалось въ 1858 году; но это колебаніе произошло собственно вслѣдствіе уменьшенія въ томъ году числа учащихся въ Томской гимназіи. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы общее число учащихся въ гимназіяхъ постепенно возрастало и въ 1862 году представило увеличеніе, сравнительно съ цифрою 1857 года, на 41,6%. Но въ 1863 году оно вдругъ упало на 22,6% сравнительно съ предыдущимъ годомъ, и послѣ того пошло очевидно на убыль. Вслѣдствіе этого, въ 1866 году, оно оказывается меньшимъ числа 1862 года на 22,6%, и меньше даже средняго числа за 10 лѣтъ на 13,7%. Наконецъ, число учащихся въ 1866 году превысило цифру 1857 года только на 9,9%.

Относительно гимназій Сибири въ частности необходимо замѣтить слѣдующее. Въ Томской гимназіи, послѣ значительнаго уменьшенія въ 1858 году (на 15,8%), число учащихся постепенно возрастало до 1865 года включительно, и хотя въ 1866 году оно уменьшилось, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, на 10,8%, но превышало среднее число учившихся за 10 лѣтъ на 12,1%. Другія двѣ гимназіи этого края представляютъ тоже уменьшеніе числа учащихся въ послѣдніе годы; но оно послѣдовало гораздо раньше и притомъ въ болѣе значительной степени. Такъ, въ Тобольской гимназіи ¹⁾ число

¹⁾ Тобольская гимназія въ новомъ своемъ сообщеніи отвергаетъ всѣ прежнія свои числа, а потому не измѣняя настоящихъ выводовъ, указываетъ здѣсь на сообщеніе этой гимназіи, помѣщенное въ *Приложеніяхъ*.

учащихся, послѣ постоянного возрастанія, въ 1863 году вдругъ уменьшилось на 77,0% сравнительно съ числомъ предыдущаго года, и хотя въ 1864 году произошло тоже неожиданное и значительное увеличеніе, но въ послѣдующіе годы это увеличеніе не только не поддерживалось, но напротивъ произошло новое уменьшеніе, такъ что въ 1866 году число учащихся въ гимназіи превышало цифру 1857 года только 6-ю единицами и оказалось меньшимъ средняго числа за 10 лѣтъ на 15,2%. Въ Иркутской гимназіи число учащихся хотя возрастало и не постепенно въ первыя 6 лѣтъ разсматриваемаго періода, но оно представляло наибольшія цифры въ 1862 и 1863 годахъ; затѣмъ въ 1864 г. произошло уменьшеніе на 21,0%, за нимъ — новое въ 1865 г., послѣ чего число учащихся въ 1866 году возвратилось къ цифрѣ 1857 г. и оказалось меньшимъ средняго числа за 10 лѣтъ на 5,3%.

2) Число выбывшихъ изъ низшихъ 4-хъ классовъ.

Гимназіи.	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	Всего.
Томская	1	8	3	6	11	12	5	10	14	12	82
Тобольская	8	4	10	17	23	19	28	20	17	20	166
Иркутская	31	16	15	27	28	40	40	34	30	31	292
Итого	40	28	28	50	62	71	73	64	61	63	540

Изъ итоговъ этой таблицы видно, что число выбывавшихъ изъ низшихъ классовъ Сибирскихъ гимназій уменьшилось весьма значительно въ 1858 году, именно на 42,5%, сравнительно съ предшествующимъ годомъ. Затѣмъ оно стало опять увеличиваться и въ 1863 году достигло своего *максимума*, которое превышало цифру 1857 года на 82,5%. Наконецъ, послѣ новаго уменьшенія, впрочемъ совпадающаго и съ уменьшеніемъ самого числа учащихся, оно въ 1866 году превышало цифру 1857 года на 57,5%. Слѣдовательно, и въ Сибирскихъ гимназіяхъ число выбывавшихъ изъ низшихъ классовъ возрастало быстрее, чѣмъ самое число учащихся; но слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь разнища въ возрастаніи этихъ чиселъ не столь велика, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ округахъ.

Изъ сравненій по годамъ чиселъ этихъ выбывавшихъ съ общими числами учившихся получаютъ слѣдующія процентныя отношенія: въ 1857 г. было 7,7%; въ 1858 г. — 5,4%; въ 1863 г. — 11,5%;

въ 1866 г. — 10,9⁰/₀; наконецъ, среднее число выбывшихъ въ 10 лѣтъ къ среднему числу учившихся даетъ отношеніе 9,0⁰/₀.

При разсмотрѣніи же настоящей таблицы въ частности по гимназіямъ нельзя не замѣтить, что число выбывавшихъ изъ низшихъ классовъ Иркутской гимназіи всегда равнялось или же значительно превышало сумму цифръ, представленныхъ двумя другими гимназіями; то же самое представляютъ и общія числа выбывшихъ изъ этихъ гимназій въ 10 лѣтъ. Между тѣмъ числа учившихся, и въ особенности числа окончившихъ курсъ въ этихъ гимназіяхъ, какъ окажется ниже, представляютъ отношеніе, совершенно противоположное сказанному. Поэтому можно заключить, что Иркутская гимназія, болѣе двухъ другихъ Сибирскихъ гимназій, указываетъ на то, что мѣстное народонаселеніе нуждается сверхъ гимназіи еще въ средне-учебномъ заведеніи съ инымъ курсомъ обученія, чѣмъ какой даетъ высшая гимназія.

Отношеніе средняго числа выбывавшихъ изъ низшихъ классовъ къ среднему числу учившихся во всѣхъ классахъ даетъ слѣдующія процентныя цифры по гимназіямъ:

Томской	4,9 ⁰ / ₀
Тобольской.	8,4 "
Иркутской.	12,4 "

Громадная разница между приведенными сейчасъ цифрами можетъ привести къ предположенію, что она произошла вслѣдствіе различія сословій, къ какимъ принадлежали учащіеся, то-есть, что выбывало изъ низшихъ классовъ меньшее число учащихся въ тѣхъ именно гимназіяхъ, въ которыхъ менѣе было учениковъ, не принадлежавшихъ къ дѣтямъ дворянъ, чиновниковъ и духовнаго званія. Но этому предположенію вполне противорѣчитъ Томская гимназія: въ ней число выбывавшихъ изъ низшихъ классовъ оказалось наименьшимъ, между тѣмъ число учащихся, принадлежащихъ къ городскимъ и сельскимъ состояніямъ, оказывается болѣе чѣмъ въ другихъ двухъ гимназіяхъ; по крайней мѣрѣ, такъ было къ 15-му сентибря 1864 года ¹⁾. Слѣдовательно, можно предполагать, что и въ Сибири потребность того или другаго рода обученія обуславливается не потребностями сословій, а мѣстною нуждою.

¹⁾ См. Памятную книжку Министерства Народнаго Просвѣщенія на 1865 годъ, стр. 270 и 271.

3) Число окончившихъ курсъ.

Гимнази.	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	Всего.
Томская	6	8	9	13	14	6	4	4	9	5	78
Тобольская	12	11	11	21	15	10	12	6	11	8	117
Иркутская	5	8	13	12	14	9	9	9	9	6	94
Итого	23	27	33	46	43	25	25	19	29	19	289

Разсмотрѣніе итоговъ этой таблицы приводитъ къ слѣдующимъ простымъ выводамъ. Число окончивавшихъ курсъ въ этихъ гимназіяхъ возрастало до 1860 года, въ которомъ оно удвоилось сравнительно съ цифрой 1857 года. Въ слѣдующемъ 1861 году оно уменьшилось на три единицы; но это могло быть простою случайностію. Затѣмъ въ 1862 г. произошло рѣшительное уменьшеніе числа окончившихъ курсъ, именно на 72,6%, сравнительно съ предшествующимъ годомъ. Это уменьшеніе продолжалось и въ слѣдующіе годы. Правда, въ 1865 году число окончившихъ курсъ вдругъ увеличилось на 52,6%, сравнительно съ цифрой предшествующаго года¹⁾; но въ слѣдующемъ году оно опять на столько же упало. Такимъ образомъ число окончившихъ курсъ въ 1866 году оказалось не только меньшимъ цифръ 1861 и 1862 годовъ слишкомъ вдвое, но менѣе цифры 1857 года и даже менѣе средняго числа за 10 лѣтъ на 52,6%. Изъ сравненія по годамъ чиселъ окончивавшихъ курсъ съ числами учившихся получаютъ слѣдующія процентныя отношенія: въ 1857 году — 4,3%; въ 1860 году — 7,8%; въ 1861 году — 6,8%; въ 1862 году — 3,3%; въ 1866 году —, тоже 3,3%. Наконецъ, отношеніе средняго числа окончившихъ курсъ къ среднему числу учившихся даетъ 4,8 на сто, то-есть, процентъ меньшій только двухъ подобныхъ, полученныхъ для округовъ Дерптскаго и Московскаго. Слѣдуетъ однакожь замѣтить, что числа окончивавшихъ курсъ въ этихъ гимназіяхъ распадаются на пятилѣтіямъ на двѣ группы, рѣзко различающіяся между собою, какъ это видно при первомъ взглядѣ на разсматриваемую таблицу. Столь же рѣзко разли-

¹⁾ Заслуживаетъ вниманія, что подобное неожиданное увеличеніе числа окончившихъ курсъ случилось въ 1865 году и въ другихъ округахъ, за исключеніемъ только Казанскаго и Виленскаго. Не было ли признано въ этомъ году, что одно усиленіе требованій при выпускныхъ экзаменахъ не можетъ еще привести къ желаннымъ результатамъ?

чаются между собою эти двѣ группы чиселъ окончившихъ курсъ и по процентнымъ ихъ отношеніямъ къ числамъ учившихся: именно, съ 1857 по 1861 годъ окончило курсъ 6,1 на сто учившихся, а съ 1862 по 1866 годъ — только 3,7⁰/₁₀₀.

При разсмотрѣніи этой таблицы въ частности по гимназіямъ нельзя не замѣтить, что въ Томской и Тобольской гимназіяхъ числа окончившихъ курсъ въ 1866 году оказались меньшими, чѣмъ 10 лѣтъ тому назадъ, и что нѣкоторыя цифры за второе пятилѣтіе разсматриваемого періода оказались еще меньшими. Только въ Иркутской гимназіи число окончившихъ курсъ въ 1866 году превышало цифру 1857 года единицею; но оно оказалось меньшимъ всѣхъ прочихъ цифръ.

Отношенія среднихъ чиселъ окончивавшихъ курсъ къ среднимъ числамъ учившихся даютъ слѣдующія цифры по гимназіямъ:

Томской	4,7 ⁰ / ₁₀₀
Тобольской	5,3 „
Иркутской	4,0 „

Если же эти числа сравнивать между собою по обоимъ пятилѣтіямъ отдѣльно, то получаютъ слѣдующія процентныя отношенія по гимназіямъ:

	за 1857 — 61 гг.	за 1862 — 66 гг.
Томской	7,1 ⁰ / ₁₀₀	2,9 ⁰ / ₁₀₀
Тобольской	7,2 „	4,7 „
Иркутской	4,5 „	3,5 „

Сибирь, не смотря на исполняющееся трехсотлѣтнее соединеніе ея съ Россіей, остается, можно сказать, еще не извѣданнымъ краемъ, и можетъ-быть, еще не вполне опредѣлилось значеніе этого края для Имперіи. Этому разъясненію не могутъ способствовать надлежащимъ образомъ ни ученныя экспедиціи, ни предпринимчивость разныхъ промышленниковъ, ни свѣдѣнія, доставляемыя чиновными лицами, прибывающими въ край изъ внутренности Имперіи и послѣдно возвращающимися обратно, ни даже мѣстный университетъ, въ пользу основанія котораго высказывалась неоднократно болѣе просвѣщенная часть мѣстнаго населенія. Этотъ край будетъ вновь, такъ-сказать, приобретень для Имперіи, и для собственнаго же своего блага, когда въ *мѣстномъ* народонаселеніи будетъ распространено среднее образованіе ¹⁾.

¹⁾ На сколько важны средне-учебныя заведенія въ восточныхъ частяхъ Имперіи, можно судить и по тому, что начало первой гимназіи въ Россіи было положено въ Казани, почти за полустолѣтіе раньше, чѣмъ были учреждены пер-

Вотъ почему и въ настоящемъ случаѣ обращено, можно сказать, особенное вниманіе на Сибирскія гимназіи. По тому самому была бы весьма полезна исторія нынѣшнихъ Сибирскихъ гимназій, каждой отдѣльно, если бы въ ней заключались обстоятельныя указанія на мѣстныхъ условія, имѣвшія вліяніе на успѣхъ или же неуспѣхъ этихъ средне-учебныхъ заведеній. Сибирскія гимназіи принадлежатъ къ наиболѣе давнимъ въ Имперіи, а потому онѣ, вѣроятно, могутъ доставить обильный и драгоцѣнный историческій матеріалъ¹⁾. Но при разсмотрѣніи этого матеріала слѣдовало бы обратить вниманіе на то, въ какой мѣрѣ преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ привлекало край еще болѣе къ общимъ интересамъ Россіи, и въ какой мѣрѣ преподаваніе физико-математическихъ предметовъ способствовало къ изученію самого края.

Наконецъ, если сравнить между собою учебныя округа по тѣмъ же тремъ категоріямъ чиселъ учениковъ, то-есть, учившихся, выбывавшихъ изъ низшихъ 4-хъ классовъ и окончивавшихъ курсъ, то получаются слѣдующіе результаты.

1) Числа учащихся возрастали по учебнымъ округамъ весьма различно: они представляютъ заслуживающія вниманія различія, если даже только цифры 1866 года сравнивать съ цифрами 1857 года, а равно и съ наибольшими цифрами за разсматриваемый десятилѣтній періодъ и относительно къ средней цифрѣ за 10 лѣтъ. Изъ этихъ сравненій получаютъ слѣдующія отношенія по округамъ:

	Сравнительно съ цифрой 1857 г.	Сравнит. съ наибольшою цифрою.	Сравни. съ среднимъ числомъ.
С.-Петербургскому	болѣе на 29 ^{0/0}	менѣе на 9,5 ^{0/0}	болѣе на 5,0 ^{0/0}
Московскому . . .	" " 21,3 "	" " 1,3 "	" " 6,9 "
Кіевскому . . .	" " 3,3 "	" " 11,9 "	менѣе " 4,2 "
Виденскому . . .	" " 18,4 "	" " 41,6 "	" " 14,4 "
Казанскому . . .	" " 52,6 "	" " 3,9 "	болѣе " 18,8 "

въ гимназіи во внутреннихъ губерніяхъ. (Первая Казанская гимназія учреждена въ 1758 году; первая Московская гимназія и нѣсколько другихъ въ центральной Россіи учреждены въ 1804 году; Виденская и Минская гимназіи — въ 1803 г.; наиболее же давнія изъ средне-учебныхъ заведеній въ Имперіи — нѣмецкія училища въ С.-Петербурѣ: св. Анны и св. Петра основаны въ 1736 и 1710 годахъ).

¹⁾ Тобольская гимназія преобразована въ 1805 г. изъ главнаго народнаго училища, учрежденнаго въ 1789 году; Иркутская гимназія учреждена въ 1805 году; Томская — въ 1838 г.

	Сравнительно съ цифрой 1857 г.	Сравнит. съ наибольшою цифрою.	Сравн. съ среднимъ числомъ.
Харьковскому. —болѣе на	67,5 ⁰ / ₀	<i>maxim</i> ,	болѣе на 22,9 ⁰ / ₀
Одесскому	» » 99,8 »	<i>maxim</i> ,	» » 37,5 »
Дерптскому	» » 38,с »	<i>maxim</i> ,	» » 15,8 »
и въ Сибири	» » 9,9 »	менѣе на 22,с ⁰ / ₀ ,	менѣе » 13,7 »

Общее же увеличеніе числа учившихся во всѣхъ гимназіяхъ Имперіи, свѣдѣнія о коихъ вошли въ напечатанныя таблицы, простирается въ этотъ десятилѣтній періодъ до 31,с⁰/₀, то-есть, составляетъ менѣе $\frac{1}{3}$ противъ числа учившихся въ 1857 году.

2) Числа выбывавшихъ изъ 4-хъ низшихъ классовъ гимназій сравнительно съ общими числами учившихся за 10 лѣтъ даютъ слѣдующія процентныя отношенія для округовъ:

Московского	8,4 ⁰ / ₀
Сибири	9,0 »
Харьковского	9,3 »
Дерптскаго	9,5 »
Вилenskaго	10,7 »
Казанскаго.	11,с »
Кіевскаго	12,1 »
С.-Петербургскаго	13,0 »
Одесскаго	14,3 »

Такимъ образомъ, число преждевременно выбывавшихъ въ этотъ десятилѣтній періодъ изъ всѣхъ гимназій, упомянутыхъ въ таблицахъ, составляетъ 11,0⁰/₀, или немного болѣе $\frac{1}{10}$ всѣхъ учившихся въ гимназіяхъ за это время.

3) Числа окончившихъ курсъ сравнительно съ общими числами учившихся за 10 лѣтъ даютъ слѣдующія процентныя отношенія для округовъ:

Дерптскаго	6,0 ⁰ / ₀
Московского	4,9 »
Сибири	4,8 »
Вилenskaго.	4,2 »
Кіевскаго	3,9 »
Харьковского	3,9 »
С.-Петербургскаго	3,7 »
Казанскаго.	3,7 »
Одесскаго	3,5 »

Для всѣхъ же гимназій Имперіи, поименованныхъ въ таблицахъ, отношеніе числа окончившихъ курсъ къ общему числу учившихся составляетъ 4,1%.

Совокупляя числа учившихся во всѣхъ этихъ гимназіяхъ и за каждый изъ означенныхъ 10 годовъ, увидимъ, что ихъ было всѣхъ 253.980, а *среднимъ числомъ* въ годъ 25.398; изъ нихъ выбыло изъ низшихъ классовъ 28.189, или 110,9 на тысячу, окончило курсъ 10.503, или 41,3 на 1000.

Слѣдуетъ, наконецъ, замѣтить, что изъ 76 гимназій, доставившихъ свѣдѣнія о числѣ учащихся *за весь 10 лѣтъ*, это число оказалось въ 1866 году меньшимъ, чѣмъ въ 1857 г., въ 19-и гимназіяхъ, менѣе среднихъ чиселъ за 10 лѣтъ въ 28 гимназіяхъ, и менѣе цифръ прежнихъ лѣтъ въ 55-и.

Точно также числа окончившихъ курсъ въ 76 *старыхъ* гимназіяхъ, то-есть, по которымъ доставлены свѣдѣнія за весь разсматриваемый 10-лѣтній періодъ, оказались наибольшими въ 1866 году только въ 6-и гимназіяхъ. Напротивъ, они оказались въ этомъ году меньшими, чѣмъ 10 лѣтъ тому назадъ, въ 37 гимназіяхъ менѣе среднихъ чиселъ за 10 лѣтъ въ 45 гимназіяхъ, и менѣе чиселъ прежнихъ годовъ въ 66.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

Извлеченія изъ замѣчаній окружныхъ начальствъ и директоровъ гимназій.

(Харьковский учебный округъ).

Извлеченіе изъ отзыва г. попечителя Харьковского учебного округа. Г. попечитель, указавъ на излишнее показаніе чиселъ учащихся въ 3-й Харьковской гимназій за 1861—1863 годы, когда она составляла только отдѣленіе 1-й гимназій, вслѣдствіе чего и число учащихся въ ней включено въ счетъ 1-й гимназій¹⁾, присовокупилъ еще слѣдующія замѣчанія:

„Число учащихся въ гимназіяхъ округа, безъ сомнѣнія, возрасло бы еще больше, если бы нѣкоторыя гимназій не были поставлены въ необходимость, по причинѣ тѣсноты помѣщенія классовъ, отказывать въ приемѣ многимъ изъ желавшихъ поступить въ оныя.

¹⁾ Согласно съ этимъ указаніемъ исправлена какъ подлежащая таблица, такъ и относящаяся къ ней замѣчанія статьи. *Ред.*

„Въ статьѣ, при разсмотрѣніи итоговъ таблицы числа выбывшихъ изъ низшихъ 4-хъ классовъ, съ 1857 по 1866 годъ, замѣчено, что число это возрастало до 1863 года включительно; что затѣмъ оно приостановилось; но что и послѣ этой приостановки оно возрастало быстрѣе, нежели общее число учащихся. Нельзя упускать изъ виду, что возрастаніе числа выбывавшихъ изъ низшихъ 4-хъ классовъ начинается не съ 1857 года, а позднѣе, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ процентныхъ отношеній чиселъ таковыхъ учениковъ къ общимъ числамъ учащихся въ гимназіяхъ: въ 1857 году это отношеніе составляло 7,8⁰/₀; въ 1858 году — 6,9⁰/₀; въ 1859 году — 8,8⁰/₀; въ 1860 году — 8,2⁰/₀; въ 1861 году — 11,5⁰/₀; въ 1862 году — 10,7⁰/₀; въ 1863 году — 11,3⁰/₀; въ слѣдующіе за тѣмъ три года означенное отношеніе уменьшается: въ 1864 году оно составляло 10,2⁰/₀; въ 1865 году — 9,2⁰/₀; въ 1866 году — 9,7⁰/₀. По этимъ даннымъ должно заключить, что число выбывшихъ изъ низшихъ 4-хъ классовъ дѣлается особенно замѣтнымъ только въ 1861, 1862 и 1863 годахъ. Слѣдуетъ полагать, что въ эти годы гимназіи, независимо отъ мѣстныхъ причинъ, могли подвергнуться такой убыли учащихся вследствие возвышенія требованій при переводныхъ испытаніяхъ, что, безъ сомнѣнія, могло имѣть вліяніе, какъ на увеличеніе числа учениковъ, остававшихся на другой годъ въ тѣхъ же классахъ, такъ нерѣдко и на выбитіе ихъ изъ гимназій. Вообще же нельзя не замѣтить, что уменьшеніе числа выбывавшихъ изъ низшихъ четырехъ классовъ въ слѣдующіе за тѣмъ три года (1864, 1865 и 1866-й), равно какъ и небольшое процентное отношеніе по Харьковскому округу чиселъ таковыхъ учениковъ къ общимъ числамъ учащихся, сравнительно съ нѣкоторыми другими округами, заставляютъ прійти къ довольно благоприятнымъ заключеніямъ для гимназій Харьковскаго округа.

„Что касается чиселъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ сравнительно съ общими числами учившихся въ нихъ въ разсматриваемый періодъ времени, то нельзя не согласиться, что гимназіи Харьковскаго округа дали въ этомъ отношеніи вообще небольшой процентъ. Уменьшеніе этого процента въ послѣдніе три-четыре года по преимуществу объясняется усиленіемъ строгости окончательныхъ испытаній, такъ какъ дѣйствующими съ 1863-го года правилами требуется, для полученія аттестата объ окончаніи гимназическаго курса, удовлетворительная отмѣтка (3) не только въ каждомъ предметѣ, но и по отдѣламъ нѣкоторыхъ предметовъ ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что такое возвыше-

¹⁾ Если сопоставить между собою сказанное въ *различныхъ сообщеніяхъ* отно-

ніе требованій отъ оканчивающихъ курсъ, основанное на распоряженіяхъ высшаго начальства, должно быть признано необходимымъ, какъ для усиленія занятій учащихся, такъ и для ручательства въ лучшей подготовкѣ ихъ къ слушанію университетскихъ лекцій.

„Что касается до причинъ имѣющихъ вліяніе на ходъ учебнаго дѣла въ гимназіяхъ, то нельзя не признать, что курсъ гимназическій, по своей сложности и по недостатку опредѣленныхъ программъ и вполнѣ удовлетворительныхъ руководствъ по нѣкоторымъ предметамъ, сдѣлался въ послѣднее время для учащихся весьма труднымъ; нельзя также не замѣтить, что не всѣ гимназіи въ одинаковой степени снабжены вполнѣ удовлетворительными учебными силами и не всѣ педагогическіе совѣты проникнуты вѣрнымъ взглядомъ на объемъ и цѣль преподаванія того или другаго учебнаго предмета. Вообще гимназіи наши нуждаются въ педагогическомъ и дидактическомъ руководствѣ для учителей, изданіе котораго по плану, составленному въ ученомъ комитетѣ министерства, было въ 1864 году одобрено совѣтомъ министра народнаго просвѣщенія“¹⁾.

Харьковская 1-я гимназія. „Значительная убыль учащихся въ низшихъ классахъ объясняется открытіемъ въ 1861 году параллельныхъ классовъ, составившихъ потомъ 3-ю гимназію, такъ такъ учащіеся въ 1-й гимназіи переходили часто въ параллельные классы; но съ 1864 г., то-есть, со времени образованія 7-класснаго параллельнаго отдѣленія, получившаго названіе 3-й гимназіи отдѣльно отъ 1-й, выбытіе учащихся изъ 1-й гимназіи уменьшилось²⁾. Что же касается до 1866 года, то выбытіе въ этомъ году большаго числа учащихся объясняется отчасти большею строгостью переводныхъ испытаній и приведеніемъ въ исполненіе § 63 новаго устава; отчасти, и еще болѣе, желаніемъ родителей помѣстить дѣтей въ другія гимназіи, гдѣ преподается одинъ

сительно условій, требуемыхъ для выдачи гимназическаго аттестата, то окажется необходимымъ соглашеніе этихъ требованій по различнымъ округамъ, по крайней мѣрѣ, новое ихъ обсужденіе. *Ред.*

¹⁾ Съ измѣненіемъ программы *Журн. Мин. Нар. Просв.*, съ начала 1867 года, было признано со стороны г. министра народнаго просвѣщенія болѣе удобнымъ напечатать изготовленные для этого руководства статьи въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, и двѣ изъ нихъ, объ г. Орбинскаго: «О преподаваніи иностранныхъ языковъ» и «О преподаваніи древнихъ языковъ», были помѣщены въ февральской и мартовской книжкахъ на 1868 годъ. *Ред.*

²⁾ Это заявленіе заставляетъ думать, что гимназія, считавшая, до 1863 года включительно, параллельные классы *своими*, въ то же время переходившихъ въ эти классы причислила въ своей вѣдомости къ вышедшимъ изъ заведенія. *Ред.*

латинскій языкъ и два новыхъ языка, тогда какъ въ 1-й гимназіи преподаются два древнихъ языка, и одинъ новый“.

„Меньшее число окончившихъ курсъ въ 1864 и 1865 годахъ объясняется тѣмъ, что въ 7-мъ классѣ въ эти годы было меньшее число учащихся вслѣдствіе отдѣленія ихъ прежде въ параллельные классы. Кроме того, нужно сказать, что въ послѣдніе годы окончательныя испытанія ученикамъ гимназіи сдѣлались строже, а 1-я Харьковская гимназія всегда имѣла въ виду выпускать вполне удовлетворительно приготовленныхъ молодыхъ людей для слушанія университетскаго курса наукъ, и ея воспитанники до сихъ поръ всегда съ успѣхомъ оканчивали курсъ наукъ въ университетѣ“.

Вторая Харьковская гимназія ¹⁾. „Не имѣя повода сомнѣваться въ вѣрности тѣхъ цифръ, которыя были сообщены департаменту бывшимъ директоромъ гимназіи, и въ настоящее время не провѣрилъ этихъ цифръ, а въ числамъ, вошедшимъ въ представленную прежде вѣдомость, присоединяю еще число учениковъ, бывшихъ въ тѣ годы въ 7-мъ классѣ.“

	1857/58	1858/59	1859/60	1860/61	1861/62	1862/63	1863/64	1864/65	1865/66	1866/67
Число учениковъ 7-го класса . . .	11	11	24	20	20	17	21	25	33	31
Число окончившихъ курсъ . . .	11	11	23	20	18	15	15	15	24	18

„Дѣлая такое дополненіе, я руководился слѣдующимъ соображеніемъ: быть-можетъ, изъ процентнаго отношенія числа окончившихъ курсъ къ числу учениковъ 7-го класса получились бы какіе-либо выводы, которые еще болѣе уяснили бы сравнительное состояніе нашихъ гимназій. Такъ, напримѣръ, нельзя ли вывести какого-либо заключенія о сравнительномъ состояніи двухъ или нѣсколькихъ гимназій, если въ одной изъ нихъ, при многочисленности низшихъ классовъ, до 7-го класса доходитъ весьма небольшое число учениковъ и изъ этого небольшого числа оканчиваетъ полный курсъ самая незначительная часть, а въ другой, при одинаковыхъ высшихъ условіяхъ, учениковъ въ выпускномъ классѣ оказывается сравнительно много и изъ нихъ большая

¹⁾ Сообщеніе доставлено г. инспекторомъ гимназій, исправляющимъ должность директора.

часть оканчиваетъ курсъ? Одинаковы ли сравниваемые гимназіи по своему внутреннему достоинству, если для каждой изъ нихъ процентное отношеніе числа окончившихъ къ числу оканчивающихъ одно и то же? ¹⁾ Наконецъ, при какомъ процентномъ отношеніи тѣхъ же самыхъ чиселъ гимназія близка къ своему нормальному состоянію, и проч.

„Не имѣю права отвѣчать на эти вопросы ²⁾, да и не могу, не имѣя для этого подъ рукою никакихъ данныхъ. Я привелъ эти вопросы только для того, чтобъ указать то употребленіе, какое можно сдѣлать изъ чиселъ учениковъ 7-го класса, за многіе годы. Быть-можетъ, высказанная мною здѣсь мысль окажется на дѣлѣ и невѣрною, но мнѣ кажется, что по числамъ учениковъ 7-го класса, взятымъ за многіе годы, и по соответствующимъ каждому изъ нихъ числамъ окончившихъ курсъ можно самымъ вѣрнымъ образомъ судить о достоинствѣ сравниваемыхъ гимназій, разумѣется, если только въ этихъ гимназіяхъ, какъ переводныхъ, такъ и окончательныхъ испытанія постоянно производились съ разумною, но не излишнею строгостію“.

„Въ статьѣ сказано: «Число учащихся во 2-й Харьковской гимназіи не переставало возрастать въ теченіе всѣхъ десяти лѣтъ; если и случались нѣкоторыя колебанія, то во всякомъ случаѣ онѣ были незначительны». Колебанія, о которыхъ здѣсь говорится, на самомъ дѣлѣ неизбежны. Число учащихся во 2-й Харьковской гимназіи возрастало бы, годъ отъ году, гораздо быстрее, нежели какъ это было на самомъ дѣлѣ, и возрастало бы безъ всякихъ колебаній, если бы гимназія имѣла возможность ежегодно принимать всѣхъ желающихъ поступить въ нее по экзамену; но къ сожалѣнію, она лишена этой возможности. Каждый годъ педагогическій совѣтъ гимназіи вынужденъ отказывать въ приѣмѣ многимъ и многимъ. При этомъ отказѣ онъ руководится тѣмъ простымъ соображеніемъ, что при слишкомъ большомъ числѣ учащихся въ одномъ классѣ трудно, а иногда почти и невозможно, достигнуть хорошаго успѣха: трудно поддерживать классную дисциплину, безъ которой самый успѣхъ преподаванія не мыслимъ.

¹⁾ Разумѣется, по однимъ числамъ нельзя судить объ этомъ. Но числа — это нѣчто такое, что требуетъ обсужденія и что по крайней мѣрѣ указываетъ болѣе вѣрный путь къ изслѣдованію. *Ред.*

²⁾ Почему?! Нынѣшняя наша печать встрѣчаетъ сочувственно не только всякую зрѣлую педагогическую мысль, но и затрогивающую чувствительную сторону педагогическаго дѣла у насъ. Примѣромъ этому можетъ служить и *Журн. Мин. Народн. Просв.* *Ред.*

Но, кромѣ этого чисто педагогическаго соображенія, совѣтъ отказываетъ въ приѣмѣ просто по недостатку мѣста въ классахъ. Въ самомъ дѣлѣ, классныя комнаты не велики, онѣ не могутъ вмѣщать большаго числа учениковъ; самый большой классъ нашей гимназіи можетъ вмѣстить до 70 дѣтей; но при этомъ количествѣ учащихъся, они сидятъ на скамьяхъ такъ тѣсно, что съ трудомъ могутъ заниматься чистописаніемъ и рисованіемъ, съ трудомъ также могутъ писать подъ диктовку; кромѣ того, воздухъ къ концу каждаго урока нагрѣвается такъ, что дѣлается похожимъ на воздухъ паровой бани и притомъ, конечно, портится отъ дыханія. Провѣтриваніе комнатъ во время промежутковъ между уроками освѣжаетъ воздухъ на весьма короткое время. Эти-то важныя неудобства и заставляютъ ограничивать число учащихся извѣстною цифрою. Такимъ образомъ, въ началѣ прошлаго 18^{67/68} академическаго года, 62 дѣтямъ было отказано въ приѣмѣ, и затѣмъ всѣхъ учениковъ было 377; въ настоящемъ году повторяется то же самое: до 1-го іюля было уже подано отъ желающихъ поступить въ гимназію 102 прошенія, такъ что дальнѣйшій приѣмъ прошеній прекращенъ по опредѣленію педагогическаго совѣта, не смотря на то, что до вступительныхъ экзаменовъ, которые бывають въ августѣ, остается еще цѣлый мѣсяць ¹⁾). Желательно было бы, чтобы гимназіи дана была возможность открыть параллельныя отдѣленія низшихъ классовъ, для чего она не имѣетъ своихъ собственныхъ средствъ.

„Въ статьѣ помѣщена таблица съ числами окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ Харьковскаго учебнаго округа съ 1857 по 1866 годъ. Показанныя въ этой таблицѣ числа окончившихъ курсъ во 2-й Харьковской гимназіи, на самомъ дѣлѣ, относятся не къ тѣмъ годамъ, противъ которыхъ они выставлены, а къ слѣдующимъ за ними годамъ. Такъ, въ вышеприведенной вѣдомости значится, что въ 18^{59/60} академическомъ году окончило курсъ 23 ученика; это число окончившихъ курсъ относится къ 1860 гражданскому году, а не къ 1859 году, какъ означено въ 3-й таблицѣ, относящейся къ Харьковскому учебному округу.

„2-я Харьковская гимназія принадлежитъ къ числу тѣхъ гимназій, которыя не спѣшили проводить въ учебной и педагогической практикѣ новыя педагогическія основанія, составляющія сущность устава 1864 года. Педагогическій совѣтъ гимназіи полагалъ, что только тогда преобразование гимназіи по новому уставу будетъ вполнѣ благо-

¹⁾ Писано 10-го іюля 1868 года.

творно, когда онъ разомъ во всѣхъ своихъ частяхъ будетъ примѣненъ къ дѣлу; что только въ этомъ послѣднемъ случаѣ не нарушится на практикѣ гармонія, существующая между отдѣльными частями этого устава, и что только въ этомъ случаѣ онъ принесетъ учебному заведенію существенную, несомнѣнную пользу. Совѣтъ полагалъ, что едва-ли было бы полезно ввести, напримѣръ, учебную часть согласно новому уставу, не имѣя для этого достаточныхъ матеріальныхъ средствъ и нуждаясь притомъ въ преподавателяхъ. Пришлось бы лишніе уроки распредѣлить между наличными педагогическими дѣятелями, пришлось бы чрезъ мѣру обременить ихъ, и притомъ ихъ лишній трудъ оставить безъ достаточнаго вознагражденія.

„Можно смѣло сказать, что такого рода нововведенія были бы скорѣе вредны, нежели полезны. Руководясь подобными соображеніями, педагогическій совѣтъ старался по возможности отдалить преобразование гимназій, отдалить до тѣхъ поръ, пока ей будутъ даны новыя штаты. Только самыя незначительныя нововведенія были допущены совѣтомъ: такъ, было введено преподаваніе естествовѣдѣнія въ низшихъ классахъ, и въ послѣдніе два года преподаваніе географіи, согласно новому уставу, заканчивалось въ четвертомъ классѣ.

„Съ начала наступающаго академическаго года во 2-й Харьковской гимназій вводятся новыя штаты, и вмѣстѣ съ тѣмъ она будетъ вполне преобразована по уставу 19-го ноября 1864 года“.

Третья Харьковская гимназія. „Тѣ выводы и замѣчанія, кои заключаются въ статьѣ и кои относятся ко вѣрренной мнѣ гимназій, говорить г. директоръ, не вызываютъ никакихъ дополнительныхъ свѣдѣній и соображеній въ поясненіе ихъ“.

Тамбовская гимназія. „Число учащихся въ гимназіяхъ округа было больше, чѣмъ сколько позволялъ полный комплектъ, допускаемый новымъ уставомъ 1864 года. По § 49 устава число учениковъ въ каждомъ классѣ должно быть не болѣе 40, а во всей гимназій (хотя въ двухъ старшихъ классахъ и трудно имѣть по 40 человѣкъ) 280 человѣкъ; слѣдовательно, въ 9-ти гимназіяхъ Харьковскаго учебнаго округа воспитанниковъ должно было быть не болѣе 2.520, а ихъ было въ 1864 году 3.004, слѣдовательно и въ этомъ году на 484 человека было болѣе комплекта. Сверхкомплектное число учениковъ въ гимназіяхъ разрѣшалось удерживать окружнымъ начальствомъ въ крайней необходимости; но едва-ли можно желать еще большаго прилива учениковъ, не открывая параллельныхъ отдѣленій, ибо из-

вѣстно, какъ большое число учениковъ въ классѣ вредить успѣшности преподаванія.

„Въ статьѣ говорится о Тамбовской гимназій, что число учениковъ въ ней съ 1863 года постоянно, хотя и незначительно, уменьшалось. Уменьшеніе это съ 1865 года могло происходить вслѣдствіе того, что начальство стало придерживаться § 49 новаго устава, не допускавшаго переполненности классовъ.

„На 5-й страницѣ статьи сказано, что въ Тамбовской гимназій въ послѣднія пять лѣтъ разсматриваемаго десятилѣтія число выбывшихъ учениковъ изъ низшихъ классовъ значительно увеличилось, а именно до 11,1⁰/₀, въ то время, когда въ первыя пять лѣтъ убыль составляла только 6,5⁰/₀. Причина такого явленія, сколько я могъ узнать изъ дѣлъ канцелярій и журналовъ совѣта, заключается, по моему мнѣнію, въ слѣдующемъ: изъ таблицы общаго числа учениковъ видно, что въ Тамбовской гимназій въ 1861 году число учениковъ было 321; число же учениковъ въ 1860 году было только 215, значить оно увеличилось въ одинъ годъ на 106 человекъ, или на 50⁰/₀. Такого значительнаго приращенія въ одинъ годъ не представляеть ни одна гимназія округа въ теченіе означенныхъ десяти лѣтъ. Причина столь большаго прилива учащихся заключалась въ томъ, что кромѣ обычнаго приема дѣтей, приготовляемыхъ родителями на дому, въ 1861 году приняты были въ гимназію многіе воспитанники изъ училища дѣтей канцелярскихъ служителей, которое въ этомъ году закрыто въ Тамбовѣ. Воспитанникамъ этимъ, довольно взрослымъ, сдѣлано было, какъ объяснялъ мнѣ г. инспекторъ, снисхожденіе при экзаменѣ по языкамъ, которые не преподавались въ училищѣ. Этотъ необыкновенный приливъ, естественно, увеличилъ и число выбывавшихъ въ слѣдующіе годы.

„На 8-й страницѣ замѣчено, что число оканчивающихъ курсъ въ Тамбовской гимназій за послѣдніе три года составляетъ только 3,6⁰/₀, въ то время какъ въ десятилѣтней сложности этотъ процентъ гораздо счастливѣе, а именно 5⁰/₀. Это явленіе, мнѣ кажется, должно было необходимо произойти во всѣхъ гимназіяхъ, гдѣ въ точности выполнялись предписанія высшаго начальства объ усиленіи строгости окончательныхъ испытаній, а можетъ-быть, отчасти и по причинѣ излишней требовательности нѣкоторыхъ депутатовъ университета по спеціальнымъ ихъ предметамъ“.

Г. директоръ присоединилъ еще нѣсколько словъ и о заключеніяхъ, сдѣланныхъ въ статьѣ о 1-й Харьковской гимназій, въ кото-

рой онъ былъ директоромъ съ 20-го ноября 1861 по 12-е марта 1868 года. Объяснивъ разницу между числами учившихся въ этой гимназій въ 1863 и 1864 годахъ ¹⁾, г. директоръ продолжаетъ:

„На 4-й страницѣ статьи сказано, что число выбывшихъ изъ низшихъ классовъ учениковъ 1-й Харьковской гимназій было всегда велико, а въ 1863 г. оно достигло *maximum* и составило 13,0%. Тотъ, кому неизвѣстны коротко всѣ обстоятельства дѣла, легко можетъ сдѣлать неправильныя заключенія о гимназіяхъ, опираясь на одни числовыя данныя о числѣ учениковъ въ гимназіяхъ, а равно о числѣ выбывающихъ изъ низшихъ классовъ, хотя эти данныя и совершенно вѣрны. Дѣло въ томъ, что 1-я Харьковская гимназія есть чисто классическая съ обязательнымъ греческимъ языкомъ, въ то время, какъ всѣ другія гимназіи округа классическія съ однимъ латинскимъ. Это различіе обуславливаетъ обязательность одного только новаго языка для учениковъ 1-й Харьковской гимназій, между тѣмъ какъ въ другихъ гимназіяхъ для учениковъ обязательны оба новые языка. Это обстоятельство весьма важно: убѣжденіе въ пользѣ греческаго языка не проникло еще въ общество; родители, не учившіеся сами греческому языку, не понимаютъ пользы его изученія ихъ дѣтьми, называютъ его излишнимъ затрудненіемъ и поселяютъ къ нему нерасположеніе въ дѣтяхъ. Понятно, что въ интересахъ и родителей и ихъ дѣтей было избавиться отъ лишняго бремени, и при первой возможности родители и переводили своихъ дѣтей въ другую гимназію, тѣмъ охотнѣе, что въ другихъ гимназіяхъ дѣти ихъ могли продолжать изученіе другаго новаго языка, французскаго или нѣмецкаго, по которымъ языкамъ дѣти ихъ получили подготовку домашнюю, тогда какъ по греческому языку никто изъ нихъ никогда не готовлялъ дѣтей дома, да и учителей не нашлось бы еслибъ и хотѣли они это сдѣлать. Поэтому не слѣдуетъ удивляться, если изъ 1-й Харьковской гимназій нѣсколькими процентами въ годъ болѣе выбывало, чѣмъ изъ другихъ гимназій, или если приращеніе числа учениковъ шло медленнѣе, нежели въ другихъ. Скорѣе удивляться нужно, какъ при совмѣстномъ существованіи въ томъ же городѣ двухъ другихъ гимназій, при изложенныхъ мною преимуществахъ ²⁾ ихъ, удержалось до послѣдняго времени въ 1-й гимназій такое же почти число, какъ и въ каждой изъ двухъ другихъ. Я оста-

¹⁾ Это объяснено также въ отзывѣ г. попечителя округа и въ сообщеніи г. директора 1-й Харьковской гимназій. *Ред.*

²⁾ Неужели можно называть преимуществомъ гимназій замѣну въ ней греческаго языка однимъ изъ новѣйшихъ иностранныхъ? *Ред.*

вилъ гимназію въ мартѣ мѣсяцѣ 1868 года, когда число учениковъ простиралось, сколько помню, до 340, значить, на 60 человѣкъ болѣе противъ полнаго комплекта, допускаемаго новымъ уставомъ ($40 \times 7 = 280$ чел.), и мнѣ остается отъ души пожелать, чтобъ это дорогое моему сердцу заведеніе, гдѣ я и самъ воспитывался и которымъ потомъ я имѣлъ счастье завѣдывать, удержало навсегда, при тѣхъ же неблагоприятныхъ (!) условіяхъ, то число воспитанниковъ, которое я оставилъ: это доказывало бы, что это заведеніе несомнѣнно пользуется полнымъ довѣріемъ общества“.

Воронежская гимназія. „Значительное число выбывшихъ изъ 4-хъ низшихъ классовъ гимназіи въ 1864 году и въ слѣдующіе за тѣмъ два года и незначительное уменьшеніе общаго числа учащихся въ тѣ же годы объясняются слѣдующими обстоятельствами. а) Впервыхъ, — усиленіемъ требованій при переводныхъ испытаніяхъ, которыя въ эти годы стали несравненно строже, чѣмъ въ прежнее время. Допускаемое прежде толкованіе правилъ испытаній въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ¹⁾, — по которому ученики, получившіе на экзаменѣ *единицу* даже по нѣсколькимъ предметамъ переводились въ слѣдующіе классы, если средній выводъ изъ балловъ по всѣмъ предметамъ (въ сложности годовыхъ отмѣтокъ съ экзаменными) составлялъ не менѣе $2\frac{1}{2}$ (по § 7 указанныхъ правилъ) — отмѣнено, и § 27-му этихъ правилъ дано такое толкованіе, по которому полученіе *единицы* на экзаменѣ не допускалось (?)²⁾. б) Вовторыхъ, — усиленіемъ строгости наблюденія за поведеніемъ учащихся, вслѣдствіе чего родителямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ было предложено взять своихъ дѣтей изъ заведенія, во избѣжаніе формальнаго ихъ увольненія. в) Наконецъ, — несостоятельностью знаній, которую сами ученики, облѣбившіеся при прежней легкости условій для перевода, сознали наконецъ и при этомъ убѣдились въ трудности восполненія сдѣланныхъ въ прежнее время ощущеній для успѣшнаго продолженія курса.

„Не смотря на значительное число выбывшихъ изъ низшихъ классовъ (91) въ 1864 году, число желающихъ поступить въ августѣ мѣ-

¹⁾ См. *Журналъ Мин. Народн. Просв.* за 1837 г., февраль, министерскія распоряженія, стр. XXX — XXXVII.

²⁾ Этотъ параграфъ, послѣдній правилъ, состоялъ въ слѣдующемъ: «За тѣмъ ученикъ, получившій въ усѣбахъ по какому-либо предмету 1, не только не можетъ быть выпущенъ съ аттестатомъ, но и въ высшій классъ не переводится». Италъ, что г. директоръ не пояснилъ, какимъ образомъ могло случиться то «толкованіе» § правилъ, о которомъ неоднократно упоминается въ сообщеніи; вообще, въ этомъ мѣстѣ, должно-быть, что-то не досказано г. директоромъ. *Ред.*

сяцѣ того же года простиралось до 116; изъ этого числа принято въ 4 низшіе класса 93. Въ 1865 году явилось желающихъ поступить въ гимназію 107; изъ нихъ принято въ 4 низшіе класса 92. Въ 1866 году явилось къ поступленію 113; изъ нихъ принято въ 4 низшіе класса 84. Такимъ образомъ число выбывавшихъ постоянно покрывалось числомъ вновь поступившихъ, и потому общее число учащихся въ гимназіи, начиная съ 1863 года, подвергалось лишь незначительнымъ колебаніямъ. Такое явленіе доказываетъ, что въ гимназіи какъ приливъ, такъ и отливъ учащихся относится по преимуществу къ низшимъ классамъ, и это явленіе, по моему мнѣнію, весьма естественно: ученикъ, прошедшій четыре низшіе класса, стремится уже къ окончанію полнаго гимназическаго курса; напротивъ, родители, въ случаѣ неуспѣшности сына въ низшихъ классахъ, не разчитывая на успѣшное прохожденіе имъ дальнѣйшаго курса гимназіи, берутъ его обыкновенно изъ низшихъ классовъ и переводятъ или въ уѣздное училище, или въ другое какое-нибудь специальное заведеніе, не видя для своего сына возможности поступленія въ университетъ. Перемѣщеніе дѣтей изъ гимназіи въ уѣздныя училища для людей небогатыхъ имѣло еще и то преимущество, что съ окончаніемъ курса въ училищѣ, дѣти дворянъ и чиновниковъ получаютъ право поступленія на службу по аттестатамъ сихъ училищъ и не подвергаются новому специальному испытанію при представленіи, за выслугу лѣтъ, въ первый классный чинъ¹⁾.

„Уменьшеніе числа окончивающихъ курсъ начинается съ 1864 года, а именно, со времени введенія новыхъ правилъ объ окончательныхъ испытаніяхъ. До 1860 года, при дѣйствіи правилъ для испытаній въ гимназіяхъ, утвержденныхъ министерствомъ въ 1837 году, число окончивавшихъ курсъ и получавшихъ право на поступленіе на службу и въ университетъ весьма немногимъ было меньше числа учениковъ VII класса, потому что весьма немногіе изъ этихъ учениковъ не удостоивались полученія аттестата при тѣхъ условіяхъ, какія были установлены вышеупомянутыми правилами. Руководствомъ при удостоеніи ученика аттестата служилъ 25-й параграфъ этихъ правилъ съ прибавленіемъ къ нему §§ 7 и 27. Достаточно было получить въ среднемъ выводѣ изъ отбѣтокъ по всѣмъ предметамъ 2½ балла и удовлетворить частнымъ условіямъ § 25, и полученіе аттестата было обез-

¹⁾ Но это преимущество родители могли имѣть въ виду и до помѣщенія своихъ дѣтей въ гимназію. *Ред.*

печено. Чтобы нагляднѣе показать доступность полученія аттестата въ прежнее время, я позволю себѣ привести слѣдующій фактъ: одинъ изъ учениковъ Воронежской гимназій, удостоенный аттестата въ 1858 году, получилъ въ среднемъ выводѣ изъ годовыхъ и экзаменныхъ отмѣтокъ по 5-ти предметамъ отмѣтку 2; а въ отдѣлахъ разныхъ предметовъ на экзаменахъ онъ получилъ 8 разъ по единицѣ и 12 разъ по 2. (Свѣдѣнія эти взяты изъ экзаменной вѣдомости объ окончательныхъ экзаменахъ учениковъ VII класса за 1858 годъ). Не смотря на такія отмѣтки, и при толкованіи § 27 въ томъ смыслѣ, какой приведенъ былъ мною выше, этотъ ученикъ въ общей сложности отмѣтокъ по всѣмъ предметамъ получилъ 26 балловъ, а слѣдовательно, въ среднемъ выводѣ 2½ балла и потому былъ удостоенъ аттестата.

„Въ 1860 году послѣдовало измѣненіе въ условіяхъ выдачи аттестата, именно требовалась отмѣтка *удовлетворительно* по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса. Приемъ въ университетъ безъ экзамена былъ обусловленъ положительнымъ выраженіемъ въ выдаваемомъ ученику аттестатѣ права поступленія въ университетъ; другіе же, не получившіе этого права, должны были подвергаться испытанію въ особой экзаменаціонной комиссіи при университетѣ. Такимъ образомъ существованіе двоякаго рода аттестатовъ, дававшихъ право поступленія въ университетъ — безъ экзамена и по экзамену, а также правъ, при поступленіи на службу, чиновникамъ 2-го разряда, продолжалось до 1862 года, въ которомъ послѣдовало новое измѣненіе правилъ объ окончательныхъ испытаніяхъ, по которымъ оцѣнка успѣховъ опять дѣлалась посредствомъ цифръ. Правила эти, составленныя совѣтомъ при попечителѣ Харьковскаго учебнаго округа, примѣнительно къ правиламъ, утвержденнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 29-го января 1837 года, напечатаны въ прибавленіи къ № 5 *Циркуляра* по Харьковскому учебному округу за 1862 годъ. § 9 этихъ правилъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ условія для полученія аттестата, дающаго право на поступленіе въ университетъ: «Получившіе менѣе 3 изъ закона Божія, русской словесности, равно получившіе по тремъ и болѣе предметамъ отмѣтку 2, или по какому-либо предмету 1, лишаются на сей разъ права на вступленіе въ университетъ. Отъ желающихъ поступить въ историко-филологическій и физико-математическій факультеты требовать не менѣе 3, отъ первыхъ въ латинскомъ языкѣ, и отъ послѣднихъ въ математикѣ». При этомъ, по прежнему, требовалось въ аттестатахъ присовокупленіе засвидѣтельствованія педагогическаго совѣта гимназій о способности испытуемаго

къ университетскому ученію. Переэкзаменованіе не допускалось, но окончаніе экзамена въ августѣ мѣсяцѣ разрѣшалось, если особенно уважительныя причины воспрепятствовали ученику окончить экзамены въ назначенное для сего время въ іюнѣ мѣсяцѣ.

„При дѣйствіи этихъ правилъ, не смотря на допущеніе полученія единицы въ отдѣлахъ предметовъ, число получившихъ аттестаты съ правомъ поступленія въ университетъ замѣтно уменьшилось сравнительно съ прежними годами, и разница между этимъ числомъ и числомъ учениковъ VII класса стала, противъ прежняго, слишкомъ замѣтною. Такъ, изъ 26 учениковъ VII класса въ 1862 году оказалось получившихъ :

аттестатъ съ правомъ поступленія въ университетъ	16
„ „ объ окончаніи курса гимназій	5
свидѣтельство объ окончаніи курса гимназій	1
оставалось на 2-й годъ въ гимназій	4

„Въ февралѣ мѣсяцѣ 1863 года, вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ въ педагогическихъ совѣтахъ нѣкоторыхъ гимназій, послѣдовало въ попечительскомъ совѣтѣ пересмотръ правилъ 1862 года и предложены были къ руководству нѣкоторыя измѣненія и дополненія правилъ въ 1-мъ прибавленіи къ № 3 *Циркуляра по Харьковскому учебному округу* за 1863 годъ (15-го февраля). Въ § 22 этихъ правилъ сказано: 1) «для полученія права на принятіе въ студенты университета, какъ и вообще на полученіе аттестата, по отмѣткамъ на окончательномъ гимназическомъ испытаніи, постановляются слѣдующія правила: а) средній выводъ отмѣтокъ по всѣмъ предметамъ долженъ быть не менѣе 3-хъ полнымъ числомъ; б) двойка допускается не болѣе какъ въ двухъ предметахъ, а единица не допускается ни въ одномъ; в) по предметамъ закона Божія и русской словесности, въ среднемъ выводѣ, должно быть не менѣе 3 полнымъ числомъ; кромѣ того, также не менѣе 3 по важнѣйшимъ отдѣламъ нѣкоторыхъ предметовъ, а именно: по русскому языку и сочиненію на русскомъ языкѣ, русской исторіи и русской географіи, ариметикѣ и геометріи; наконецъ, д) желающіе поступить въ историко-филологическій, юридическій и медицинскій факультеты должны имѣть въ латинскомъ языкѣ не менѣе 3; желающіе поступить по разряду математическихъ наукъ— не менѣе 3 полнымъ числомъ въ среднемъ выводѣ по всѣмъ отдѣламъ математики, а желающіе поступить по разряду естественныхъ наукъ— не менѣе 3 полнымъ числомъ изъ естественной исторіи». Бóльшая

строгость, какая введена была въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ, и по которой одна неудовлетворительная отмѣтка (ниже 3-хъ) лишала уже права на продолженіе испытанія, признавалась слишкомъ стѣснительною и для экзаменуемыхъ и для экзаменующихся.

„Произведенныя подъ дѣйствіемъ этихъ правилъ испытанія въ 1863 году дали слѣдующіе результаты. Изъ 37 учениковъ VII класса оказалось

получившихъ аттестаты	21
„ свидѣтельства объ окончаніи курса	5
осталось на другой годъ въ гимназіи	11

„Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1863 года составлены совѣтомъ Харьковскаго университета правила о приѣмѣ въ студенты, и этими правилами опредѣлено, чтобы званія студента были удостоиваемы только тѣ молодые люди, которые, по представленнымъ ими гимназическимъ или равнымъ гимназическимъ аттестатамъ, имѣютъ удовлетворительныя познанія во всѣхъ безъ исключенія предметахъ гимназическаго курса (*Цирк. по Харьковскому учебному округу* 31-го декабря 1863 года, стр. 250, ст. 7). Въслѣдствіе такого требованія, попечительскій совѣтъ постановилъ измѣнить слѣдующимъ образомъ приведенный выше § 22 правилъ объ окончательныхъ испытаніяхъ въ гимназіяхъ: «Для полученія права на принятіе въ студенты университета, какъ и вообще на полученіе гимназическаго аттестата, требуются отъ молодыхъ людей удовлетворительныя познанія во всѣхъ предметахъ гимназическаго курса, съ соблюденіемъ слѣдующихъ частныхъ правилъ: а) средний выводъ отмѣтокъ по всѣмъ въ сложности предметамъ долженъ быть не менѣе 3-хъ полнымъ числомъ; б) по предметамъ закона Божія и русской словесности по каждому должно быть въ среднемъ выводѣ не менѣе 3-хъ полнымъ числомъ; в) кромѣ того, также не менѣе 3 по важнѣйшимъ отдѣламъ нѣкоторыхъ предметовъ, а именно: по русскому языку и сочиненію на русскомъ языкѣ, русской исторіи и русской географіи, ариметикѣ и геометріи; наконецъ, д) желающіе поступить въ разрядъ математическихъ наукъ должны имѣть не менѣе 4 полнымъ числомъ въ среднемъ выводѣ по всѣмъ отдѣламъ математики, а желающіе поступить въ разрядъ естественныхъ наукъ — не менѣе 3 полнымъ числомъ по всѣмъ отдѣламъ естественной исторіи“.

„Дѣйствіе этихъ правилъ ¹⁾ продолжается и по настоящее время.

¹⁾ Напечатаны въ прибавленіи къ № 6 *Циркуляра по Харьковскому учебному округу*, 31-го марта 1867 года.

При этомъ дѣйстви окончательныя испытанія ученикамъ VII класса Воронежской гимназіи въ 1864, 1865, 1866 годахъ дали слѣдующіе результаты:

	Общее число учениковъ VII класса.	Число полу- чившихъ ат- тестаты.	Число полу- чившихъ сви- дѣтельства.	Всего окон- чившихъ курсъ.
Въ 1864 году . . .	25	11	7	18
„ 1865 „ . . .	14	8	3	11
„ 1866 „ . . .	19	5	8	13
За прежніе годы для сравне- нія приведемъ слѣдующія числа:				
Въ 1857 году . . .	19	19	—	19
„ 1858 „ . . .	15	14	—	14
„ 1859 „ . . .	27	20	3	23
„ 1860 „ . . .	17	7 ¹⁾ 10 ²⁾	} 17	—
„ 1861 „ . . .	18	18		
„ 1862 „ . . .	26	16 ¹⁾ 5 ²⁾	} 21	1
„ 1863 „ . . .	37	21		

„Цифры, выражающія собою число окончившихъ курсъ по отдѣль-
нымъ годамъ, опредѣляютъ собственно число окончившихъ курсъ уче-
нія съ аттестатами и свидѣтельствами. Я счелъ нужнымъ показать
раздѣльно эти числа на томъ основаніи, что въ обществѣ обращается
вниманіе только на число получившихъ аттестаты, то-есть, получив-
шихъ возможность или дальнѣйшаго образованія въ университетѣ, или
поступленія на службу (для имѣющихъ на то право по происхожденію)
съ правами чиновниковъ 2-го разряда. Молодые же люди, получившіе
только свидѣтельства объ окончаніи курса, считаются не достигшими
цѣли пребыванія въ гимназіи, не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ
случаяхъ, при дополнительномъ испытаніи, имъ удается поступить въ
вышшія спеціальныя учебныя заведенія. Слѣдовательно, успѣхъ гим-
назическаго преподаванія измѣряется въ обществѣ числомъ окончив-
шихъ курсъ съ правомъ поступленія въ университетъ.

„Я привелъ выше примѣръ, какъ легко получался аттестатъ по
правиламъ 1837 года и при допущенномъ въ практикѣ толкованіи
§ 27 этихъ правилъ, какое ему давалось до 1863 года. Считаю нуж-
нымъ привести примѣры, изъ которыхъ видно, при какихъ отмѣткахъ

¹⁾ Съ правомъ поступленія въ университетъ.

²⁾ Безъ права поступленія въ университетъ.

ученики, при дѣйствіи новыхъ правилъ, не удостоиваются выдачи аттестата.

„Въ 1866 году ученикъ VII класса П... получилъ на экзаменѣ, независимо отъ постоянно хорошихъ и отличныхъ отмѣтокъ въ продолженіе *всего учебнаго курса*, слѣдующія отмѣтки: по закону Божію 5, русскому языку — 3, словесности — 3, сочиненію — 3, математикѣ — 4 (арифметикѣ — 4, геометріи — 4), физикѣ — 5, естественной исторіи — 5, космографіи и физической географіи — 4, всеобщей исторіи — 5, русской исторіи — 5, всеобщей географіи — 4, русской географіи — 4, латинскому языку — 3, французскому языку — 3, нѣмецкому языку — 2.

„Въ настоящемъ 1868 году ученикъ VII класса И..., получавшій въ продолженіе *всего гимназическаго курса* отличныя отмѣтки по всѣмъ предметамъ, получилъ на экзаменѣ слѣдующія отмѣтки: по закону Божію 5, русскому языку — 4, русской словесности — 4, сочиненію — 3, математикѣ — 5 (арифметикѣ — 5, геометріи — 5), физикѣ — 3, естественной исторіи — 4, математической и физической географіи — 5, всеобщей исторіи — 3 (средней исторіи 1), русской исторіи — 2, всеобщей географіи — 5, русской географіи — 4, латинскому языку — 3, французскому языку — 5, нѣмецкому языку — 4.

„Оба эти ученика не получили аттестата, и имъ выданы свидѣтельства.

„Такимъ образомъ требованія, постоянно возвышаемая, достигли значительной степени строгости относительно условій, при которыхъ возможно для ученика гимназій полученіе аттестата. Но многое ли сдѣлано для облегченія учащихся въ удовлетвореніи этимъ требованіямъ?

„Безъ сомнѣнія, несправедливо было бы отнести единственно къ строгости правилъ для окончательныхъ испытаній замѣтное уменьшеніе числа оканчивающихъ гимназическій курсъ съ аттестатомъ, тѣмъ болѣе, что это уменьшеніе оказывается неодинаковымъ для различныхъ гимназій округа. При томъ, строго относясь къ дѣлу, нельзя отвергать справедливости требованія, чтобъ ученикъ, оканчивающій курсъ гимназій, выносилъ удовлетворительный запасъ свѣдѣній по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса. Но не въ этой строгости правилъ, а въ примѣненіи ихъ на самомъ дѣлѣ, въ приемахъ и системахъ преподаванія, въ отношеніяхъ учащихся къ учащимся слѣдуетъ искать полнаго объясненія явленія, которое вызываетъ сѣтованія родителей на неполученіе ихъ дѣтьми аттестата послѣ продолжительнаго пребыванія въ гимназій. Нельзя съ полнымъ сочувствіемъ не

отнестись къ мысли о трудности нынѣшняго гимназическаго курса для учащихся и о необходимости облегченія его составленіемъ болѣе опредѣлительныхъ программъ и болѣе совершенныхъ руководствъ. Не входя въ болѣе подробное объясненіе этой мысли, я считаю, однако же, необходимымъ коснуться еще нѣкоторыхъ обстоятельствъ, имѣющихъ не малую долю вліянія на уменьшеніе числа окончивающихъ курсъ ученія съ аттестатомъ.

„Неопредѣленность въ программахъ преподаванія и требованійхъ отъ учащихся происходитъ вслѣдствіе неустановившагося взгляда въ средѣ самихъ педагоговъ на цѣль преподаванія въ гимназій того или другаго предмета и на объемъ, который долженъ быть ему данъ согласно съ этою цѣлью и соразмѣрно съ продолжительностію гимназическаго курса. Трудность для учащихся увеличивается еще отсутствіемъ опредѣленныхъ учебниковъ. Стобитъ только указать, сколько различныхъ учебныхъ книгъ долженъ пріобрѣсти ученикъ по предмету русскаго языка и словесности, чтобы быть готовымъ къ удовлетворенію требованійхъ учителя, который еще въ добавокъ ко всему этому иногда считаетъ нужнымъ, не удовлетворяясь печатными руководствами, сообщать еще свои замѣтки по нѣкоторымъ отдѣламъ предмета. Если, давая обширный объемъ теоретическому преподаванію и обращая на это болѣшую часть времени, назначеннаго для преподаванія предмета, преподаватель вынужденъ будетъ менѣе обращать вниманія на практическія упражненія учениковъ, только отчасти поправлять письменныя сочиненія, ограничиваясь болѣею частію общими выраженіями о годности или негодности сочиненія, подчеркиваніями, знаками восклицанія или вопроса, поставляемыми передъ извѣстными фразами и мѣстами сочиненія, то это не можетъ значительнымъ образомъ облегчить успѣхъ учениковъ въ писаніи сочиненій. Если такую систему занятій преподаватель объясняетъ недостаткомъ времени, и слѣдовательно, невозможностію входить въ подробный, обстоятельный разборъ каждаго сочиненія для точнаго исправленія его, то можно согласиться съ нимъ, при извѣстныхъ условіяхъ, относительно основательности его доводовъ; но облегчаютъ ли эти доводы ученикамъ достиженіе цѣли, то-есть, пріобрѣтеніе навыка правильно, въ грамматическомъ и логическомъ отношеніяхъ, излагать свои мысли въ сочиненіи на заданную тему, что должно быть непременно достигнуто въ гимназій, и безъ чего, въ самомъ дѣлѣ, и по всей справедливости, не возможно полученіе аттестата объ удовлетворительномъ окончаніи курса?

„Не менѣе шатки взгляды на требованія при преподаваніи исторіи. Хотя въ инструкціи, данной министерствомъ, выражены опредѣленные требованія для курса исторіи въ гимназіяхъ; но исполненіе ихъ на дѣлѣ далеко отъ надлежащаго объема. Если преподаватель стремится сообщать ученикамъ *взгляды* на факты, а не заботится о самыхъ фактахъ, объ упроченіи въ учащихся знакомства съ топографіею страны и хронологіею происшествій; если онъ преподаетъ скорѣе философію исторіи, нежели самую исторію, то такое преподаваніе ведетъ къ шаткости въ усвоеніи курса, къ неизбежной привычкѣ къ верхоглядству; а если прибавить ко всему этому недостатокъ энергіи въ преподающемъ, отсутствіе строгой системы и послѣдовательности въ планѣ cadaго урока, весьма рѣдкое спрашиваніе учениковъ съ цѣлю провѣрить, въ какой степени усвоено учащимися пройденное (рѣдкое спрашиваніе обыкновенно оправдываетъ преподаватель недостатокъ времени и значительнымъ числомъ учениковъ класса), то нерѣдко является результатомъ такого преподаванія и потеря охоты въ ученикахъ къ занятію предметомъ.

„Даже математика, предметъ въ высшей степени образовательный, далеко не всегда такимъ окажется на дѣлѣ, если преподаватель заботится только о теоретическомъ преподаваніи, изрѣдка только примѣняя теорію къ практикѣ и держа учащихся въ области отвлеченностей.

„Если прибавить къ этому, что по мнѣнію нѣкоторыхъ преподавателей достаточно знаній, встрѣчаемыхъ у одного, двухъ учениковъ въ классѣ, чтобы оправдывалось преподаваніе учителя, то станетъ понятно, что большинство учениковъ не будетъ достигать цѣли: при такомъ взглядѣ на дѣло, нечего заботиться преподавателю о преподаваніи, доступномъ для большинства, и потому для этого большинства преподаваніе окажется недоступнымъ, а неудовлетворительная отмѣтка на экзаменѣ сдѣлаетъ недоступнымъ полученіе аттестата; между тѣмъ преподаваніе учителя оправдаютъ всегда одинъ-два ученика, лучшіе по способностямъ и удовлетворившіе его требованіямъ. Я всегда былъ того мнѣнія, и останусь при немъ, что *развитіе* обусловливается *пріобрѣтеніемъ положительныхъ знаній*; поэтому я не могу признавать полезнымъ такое преподаваніе, которое доступно только для *нѣкоторыхъ, немногихъ*, а не имѣетъ въ виду весь классъ, или по крайней мѣрѣ, значительное большинство класса.

„Не малую долю вліянія на неудовлетворительность окончательныхъ испытаній имѣетъ вышеупомянутое мнѣніе нѣкоторыхъ молодыхъ педагоговъ о числѣ успѣшныхъ. По обычаю прежняго времени препода-

даваніе считалось не достигшимъ цѣли, если оно не давало, по крайней мѣрѣ, $\frac{2}{3}$ учениковъ класса, оказавшихъ удовлетворительныя, по данному предмету, успѣхи. Меньшее число успѣшныхъ уже тревожило преподавателя. Этотъ взглядъ мало по малу измѣнился, и уже $\frac{2}{3}$ неуспѣшныхъ не беспокоятъ преподавателя, потому что причину этого явленія онъ не отнесетъ къ своему преподаванію, а припишетъ его или винѣ учениковъ, или винѣ гимназическаго начальства.

„Если ко всѣмъ этимъ условіямъ присоединить безстрастное отношеніе нѣкоторыхъ преподавателей къ учащимся, которыхъ они до VII класса считали хорошими учениками, но къ которымъ они относятся на окончательныхъ испытаніяхъ какъ къ лицамъ постороннимъ, не обращая вниманія ни на ихъ занятія въ прежніе годы, ни на отмѣтки, ими же данныя въ послѣднемъ году, то нельзя не признать справедливымъ сѣтованіе родителей на непонятное для нихъ явленіе: какимъ образомъ сынъ, аттестованный преподавателями въ продолженіе всего гимназическаго курса хорошимъ и вполне удовлетворившимъ ихъ требованіямъ, сдѣлался на окончательномъ экзаменѣ неудовлетворительнымъ, не знающимъ, и лишился права на полученіе аттестата. Объ этомъ безстрастномъ отношеніи преподавателей къ ученикамъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ депутатовъ университета въ отчетѣ своемъ, представленномъ окружному начальству ¹⁾).

„Что же должно быть въ результатѣ, если ко всему вышесказанному прибавятся другія исключительныя условія? Для достиженія лучшихъ результатовъ необходимо, чтобы при личныхъ достоинствахъ преподавателей каждаго отдѣльно, было единодушное стремленіе къ благу заведенія; чтобы преподаванію были указаны точныя и опредѣленныя цѣли, даны были опредѣленныя программы и учебники, которые служили бы нормою и для учащихся и для учащихся; чтобы преподаватели возможно частымъ спрашиваніемъ провѣряли занятія учениковъ. Безъ этого число успѣшно оканчивающихъ курсъ едва ли увеличится“.

Курская гимназія. „Не выходя за предѣлы десятилѣтняго періода, подлежащаго разсмотрѣнію въ статьѣ: «Свѣдѣнія о числѣ учившихся въ нашихъ гимназіяхъ съ 1857 по 1866 годъ», относительно Курской гимназіи я могу представить лишь слѣдующія соображенія. 1) Общее число учащихся и число оканчивающихъ курсъ въ гимназіи условливаются многими мѣстными обстоятельствами. Если общій уро-

¹⁾ Циркуляръ по Харьковскому учебному округу, № 21 за 1867 г. — Отзывъ г. Морозова.

вень образованія въ населеніи губерніи и особенно въ привилегированномъ сословіи сравнительно низокъ, если это послѣднее сословіе, изъ котораго учащіеся преимущественно наполняютъ наши гимназій, дробится на множество небогатыхъ дворянскихъ семействъ, далеко не обеспеченныхъ въ средствахъ безбѣднаго существованія, и если многіе уѣзды губерніи находятся въ недалекомъ разстояніи отъ гимназій другихъ губерній; то, очевидно, мѣстная гимназія такой губерніи всегда будетъ получать небольшое число учащихся: таково именно и есть положеніе Курской гимназій, надъ которою тяготѣютъ всѣ указанныя обстоятельства и въ которую поэтому ежегодно поступаетъ сравнительно малое число учащихся. 2) Число учениковъ, выбывающихъ изъ гимназій прежде окончанія полнаго курса, всегда бываетъ соразмѣрно съ числомъ не успѣвающихъ, такъ какъ многіе изъ не удостоенныхъ, по экзамену, перевода въ слѣдующіе классы оставляютъ учебное заведеніе. Этимъ объясняется большое число выбывавшихъ изъ Курской гимназій до 1864 года; съ открытіемъ же въ этомъ году параллельныхъ классовъ — число это сравнительно уменьшается, что, въ свою очередь, говоритъ въ пользу улучшенія учебной части въ гимназій вообще“. Къ сему г. директоръ присовокупилъ, что онъ не находитъ „никакого указанія на преимущественное значеніе низшихъ классовъ въ Курской гимназій“, какъ это сказано въ статьѣ по поводу малаго числа окончивающихъ курсъ въ гимназій и большого числа выбывающихъ изъ низшихъ ея классовъ.

Орловская гимназія. „По повѣрствѣ тѣхъ данныхъ по вѣреннѣйшей мнѣ гимназій, — говоритъ г. директоръ, — которыя уже мною представлены и на основаніи которыхъ сдѣланы изложенныя въ статьѣ выводы, новыхъ дополнительныхъ свѣдѣній, для представленія въ департаментъ, не оказалось никакихъ“.

Новочеркасская гимназія. На вопросы, поставленные въ статьѣ относительно Новочеркасской гимназій, г. директоръ представилъ слѣдующія объясненія.

Постепенное, хотя и незначительное уменьшеніе числа учащихся, начиная съ 1863 года, объясняется тѣмъ, что „до 1863 года въ войскѣ Донскомъ была одна гимназія Новочеркасская, въ которую привозили дѣтей изъ всѣхъ округовъ войска, даже отдаленныхъ, смежныхъ съ Воронежскою и Тамбовскою губерніями, то-есть, Устьмедвѣдичкаго и Хоперскаго; съ открытіемъ же, въ 1863 году, Устьмедвѣдичкой гимназій стали поступать въ оную, какъ ближайшую, не только изъ Устьмедвѣдичкаго и Хоперскаго, но частію и изъ Донецкаго и перваго

Донскаго округовъ. Если принять во вниманіе это обстоятельство, то цифра учащихся въ настоящее время въ Новочеркасской гимназій, почти не уменьшившаяся и съ открытіемъ на Дону другой гимназій, доказываетъ замѣчательное преуспѣяніе оной.

„Значительная убыль учащихся изъ низшихъ классовъ Новочеркасской гимназій въ 1861 году произошла частію по случаю отравленія въ томъ году многихъ учениковъ гимназій въ военныя и другія спеціальныя учебныя заведенія, на войсковыя стипендіи, которыхъ въ послѣднее время въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ болѣе 130; частію же вслѣдствіе увольненія изъ гимназій учениковъ, остававшихся по нѣсколькимъ лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ.

„Уменьшеніе въ послѣднее время числа выбывавшихъ изъ низшихъ классовъ Новочеркасской гимназій объясняется сознаніемъ всѣми сословіями войска Донскаго потребности образованія и тѣмъ нравственнымъ и умственнымъ направленіемъ Новочеркасской гимназій, которое, благодаря отличному составу гимназическихъ педагоговъ, возвысило ее въ мнѣніи всего Донскаго общества, а равно войскового и высшаго учебнаго начальства“.

Устьмедвѣдницкая гимназія. „По открытіи Устьмедвѣдницкой гимназій, въ первые три года число поступавшихъ учениковъ было весьма значительно, потому что учрежденіе гимназій въ Устьмедвѣдницкой станицѣ, какъ центрѣ двухъ сѣверныхъ округовъ войска Донскаго, удаленныхъ отъ города Новочеркаска на значительное разстояніе, дало возможность поступить въ гимназію дѣтямъ такихъ родителей, которые, по ограниченнымъ средствамъ, никогда не разчитывали воспитывать своихъ дѣтей въ Новочеркасской гимназій. Изъ тому же, на первое время въ *низшіе классы* принимались дѣти всякаго возраста, начиная отъ 10 и до 18 лѣтъ. Поэтому въ первые три года поступило въ гимназію 230 человекъ; въ 1863 году — 100, въ 1864 — 64, въ 1865 — 66. Но такой приливъ учениковъ не могъ быть постояннымъ, и число поступавшихъ въ гимназію должно было уменьшиться; такъ, въ 1866 году поступило уже только 30 человекъ, въ 1867 году — 36. Кромѣ того, по распоряженію окружнаго начальства, въ 1865 году опредѣленъ возрастъ для поступленія въ гимназію, именно: для 1-го класса 13 лѣтъ, для 2-го — 14, для 3-го — 15 и т. д. ¹⁾ По-

¹⁾ Вѣроятно, это распоряженіе послѣдовало вслѣдствіе неопредѣленности § 55 устава 19-го ноября 1864 года, гдѣ предписано наблюдать, «чтобы въ 1-й классъ поступали дѣти не моложе 10 лѣтъ; во все слѣдующіе классы гимназій и прогимназій принимаются имѣющіе соответственныя классу и возрасту по-

этому въ 1866 году, на основаніи этого распоряженія, многимъ дѣтямъ, имѣющимъ большій противъ опредѣленнаго возрастъ, было отказывасмо въ принятіи въ гимназію. Между тѣмъ числа выбывавшихъ учениковъ увеличилось, и въ 1866 году оно достигла самой большей цифры — 36 человекъ, или около 18% всего число учащихся; а потому общее число учениковъ въ 1866 году было на 6 человекъ меньше противъ 1865 года. Введеніе въ дѣйствіе 63 параграфа новаго устава послужило также къ уменьшенію общаго числа учениковъ. Изъ 36 человекъ, выбывшихъ изъ гимназій въ 1866 году, почти на половину (16 человекъ) было такихъ, которые пробыли 2 года въ одномъ классѣ, и одни изъ нихъ исключены послѣ экзамена, а другіе, имѣя низкія годовыя отмѣтки и предвидя неблагопріятный для себя исходъ экзаменовъ, сами выбыли изъ гимназій. Если положить, что число не принятыхъ въ гимназію въ 1866 году по не соответствующему знаніямъ возрасту было до 10 и выбывшихъ на основаніи 63 параграфа новаго устава — 16, то окажется, что общее число учениковъ въ 1866 году, вмѣсто 201, должно было быть 227⁴.

(Одесскій учебный округъ).

Ришельевская гимназія. Въ разсматриваемой статьѣ „обращено вниманіе на значительное число выбывшихъ учениковъ въ теченіе 1866 года, а въ выноскѣ къ тому же мѣсту статьи причина такого явленія объясняется недружелюбнымъ чувствомъ, съ какимъ прежніе воспитанники гимназій приняли новыхъ товарищей послѣ преобразованія заведенія изъ закрытаго въ открытое. Недружелюбіе прежнихъ воспитанниковъ ко вновь поступившимъ дѣйствительно имѣло мѣсто въ заведеніи, но оно не доходило до такихъ размѣровъ, чтобы могло повлечь за собою выходъ воспитанниковъ изъ гимназій; по крайней мѣрѣ, за исключеніемъ одного случая, не было примѣра, чтобы родители брали изъ заведенія дѣтей своихъ вслѣдствіе того, что въ него допущены дѣти всѣхъ сословій⁴). Доказательствомъ этого мо-

знанія». Изъ сообщеній нѣкоторыхъ гимназій можно даже заключить, что онѣ понимаютъ этотъ § устава, какъ опредѣляющій *maximum* возраста для поступленія въ извѣстный классъ гимназій. Вообще этотъ § по своей неопредѣленности даетъ много простора личнымъ взглядамъ не только окружныхъ начальствъ, но и отдѣльныхъ гимназій. Свидѣтельствомъ этому могутъ служить правила о приемѣ въ гимназіи по нѣкоторымъ округамъ. *Ред.*

⁴) Вслѣдствіе этого заявленія необходимо привести здѣсь *дословно* тѣ мѣста отчета бывшаго попечителя округа, за 1865 годъ, на которыя сдѣлана ссылка

жетъ служить тотъ фактъ, что изъ 80-ти учениковъ, выбывшихъ въ 18^{65/66} учебномъ году, 54 человѣка принадлежали къ разряду воспитанниковъ, поступившихъ въ томъ же году, и только 26 человѣкъ было изъ старыхъ воспитанниковъ. Высокій процентъ выбывшихъ въ 18^{65/66} году учениковъ по отношенію къ общему числу воспитанниковъ того же года можно объяснить тѣмъ, что съ допущеніемъ въ гимназію воспитанниковъ приходившихъ, въ нее поступило значительное количество учениковъ по свидѣтельствамъ, выданнымъ изъ другихъ гимназій, особенно юго-западнаго края ¹⁾. Такіе ученики оказались въ большинствѣ случаевъ худшими воспитанниками. Ни гимназія ими, ни они гимназіей не могли быть довольны, вслѣдствіе чего большая часть ихъ принуждена была оставить заведеніе въ томъ же учебномъ году. Впрочемъ, причины несвоевременнаго выбытія воспитанниковъ изъ Ришельевской гимназіи представляются болѣе ясными изъ слѣдующихъ данныхъ, полученныхъ за 1867 годъ: изъ 102 учениковъ, выбывшихъ въ этомъ году до окончанія курса ученія, было: а) уволенныхъ по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназіи, на основаніи § 63 устава, за безуспѣшность въ теченіе 2-лѣтняго пребыванія въ одномъ классѣ — 12^{0/0}; б) уволенныхъ по опредѣленію совѣта за невзносъ платы за ученіе было 24^{0/0}; в) выбывшихъ для

въ замѣчаніяхъ статьи. Извлеченіе изъ этого отчета напечатано во II отдѣлѣ іюльской книжки *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1866 годъ. На страницѣ 31-й этого извлеченія сказано: «Въ то же время она (Ришельевская гимназія) открыта для всѣхъ приходившихъ (учениковъ), безъ различія сословій и званій, что повело къ удвоенію въ ней числа учениковъ и въ такому уменьшенію числа пансіонеровъ, при которомъ дальнѣйшее существованіе пансіона при гимназіи оказалось невозможнымъ». На страницахъ 32 и 33 того же извлеченія изъ отчета послѣ общихъ указаній на неудобства закрытыхъ заведеній вообще, а въ особенности привилегированныхъ въ то же время, сказано: «Къ этому присоединилась сословная рѣзкость взглядовъ и характеровъ и нетерпимость по отношенію къ другимъ сословіямъ. При открытіи Ришельевской гимназіи для приходившихъ (учениковъ), эта нетерпимость особенно выразилась по отношенію къ ученикамъ Евреямъ и подала поводъ къ нѣсколькимъ весьма прискорбнымъ и даже возмутительнымъ фактамъ; но, благодаря содѣйствію законоучителя и силъ привычки, этотъ фанатизмъ начинаетъ повидимому ослабѣвать. Къ сожалѣнію, вліяніе гимназіи въ этомъ отношеніи парализуется роютомъ тѣхъ родителей, которые въ присутствіи дѣтей рѣзко высказываютъ свое неудовольствіе, доходящее даже до смѣшнаго, въ родѣ того, что открытіе гимназіи для мѣщанъ и Евреевъ было мѣрой, имѣющей цѣлію уронить Ришельевскую гимназію». *Ред.*

¹⁾ Объ этомъ же сказано и въ упомянутомъ выше отчетѣ бывшаго попечителя округа, на страницѣ 33 (строки 18—28). *Ред.*

поступленія въ другія учебныя заведенія — 42⁰/₀; г) выбывшихъ съ цѣлю подготовленія себя на дому къ слѣдующимъ классамъ — 11⁰/₀; д) съ цѣлю поступленія на государственную службу и для перехода къ практическимъ занятіямъ — 11⁰/₀. Итого: уволенныхъ по опредѣленію совѣта 36⁰/₀, выбывшихъ по прошеніямъ 64⁰/₀.

„Въ числѣ окончившихъ курсъ въ Ришельевской гимназіи въ 1858 году въ таблицѣ статьи показанъ 1 воспитанникъ. Это ошибка ¹⁾. Въ томъ году въ 7-мъ классѣ былъ только 1 воспитанникъ, но онъ за безуспѣшность оставленъ на другой годъ въ томъ же классѣ; слѣдовательно, окончившихъ курсъ въ 1859 году въ Ришельевской гимназіи не было. Такое явленіе можно объяснить только случайностію въ жизни гимназіи; во всякомъ случаѣ оно произошло не вслѣдствіе строгости выпускныхъ экзаменовъ, большая требовательность которыхъ началась только съ 1861 года и имѣла дѣйствительное вліяніе на число окончивавшихъ курсъ въ этомъ заведеніи“ только съ этого года.

Одесская 2-я гимназія ²⁾. „Со времени введенія въ Одесскихъ гимназіяхъ новаго устава, то-есть, съ 18⁶⁵/₆₆ учебнаго года, статистическія данныя, относящіяся къ учащимся въ Одесской 2-й гимназіи, очень измѣнились, и заключенія, сдѣланныя на основаніи цифръ за десятилѣтній періодъ, 1857 — 1866 годы, не имѣютъ въ настоящее время того значенія, какое они имѣли при прежнихъ условіяхъ“.

Въ разсматриваемой статьѣ говорится о постепенномъ возрастаніи числа учащихся въ гимназіяхъ Одесскаго учебнаго округа съ немногими и притомъ незначительными колебаніями по нѣкоторымъ гимназіямъ въ частности. „Дѣйствительно, до введенія новаго устава число учениковъ въ Одесской 2-й гимназіи постепенно возрастало; но съ этого времени оно въ ней значительно уменьшилось. Такъ, по таблицѣ, помѣщенной въ разсматриваемой статьѣ, въ 1866 году въ Одесской 2-й гимназіи всѣхъ учениковъ было 435; но въ началѣ 18⁶⁶/₆₇ учебнаго года это число упало до 304; почти такое же число учащихся было и въ слѣдующемъ 18⁶⁷/₆₈ учебномъ году — 308. Это уменьшеніе числа учащихся въ Одесской 2-й гимназіи произошло именно вслѣдствіе введенія новаго устава: съ этого времени, съ одной стороны, въ Одесской 2-й гимназіи, преобразованной въ полную классическую съ двумя древними

¹⁾ Въ сообщеніи г. директора не объяснено, ошибка ли это сообщенія гимназіи, или же департамента министерства, въ которомъ, по вѣдомостямъ отъ гимназій, составлялись напечатанныя въ статьѣ таблицы. Кажется, эта ошибка падаетъ на гимназію. Ошибка исправлена. *Ред.*

²⁾ Сообщеніе это доставлено г. инспекторомъ гимназій за директора.

языками, введено преподаваніе греческаго языка, вслѣдствіе чего ученики, изучающіе два древніе языка, лишились въ то же время возможности изучать оба новые, что въ Одессѣ, при ея практическомъ направленіи, считалось и считается недостаткомъ; съ другой стороны, Ришельевская гимназія, бывшая дотолѣ закрытымъ заведеніемъ, принимавшимъ воспитанниковъ только изъ привилегированныхъ сословій, съ этого времени преобразована была въ классическую съ однимъ латинскимъ языкомъ и стала заведеніемъ, открытымъ для всѣхъ принадлежащихъ учениковъ, безъ различія сословія и званія; а потому большое число учениковъ Одесской 2-й гимназіи, предпочитавшихъ изученію двухъ древнихъ языковъ изученіе двухъ новыхъ, тогда же перешло въ Ришельевскую гимназію“.

Изъ сравненія между собою приведенныхъ выше чиселъ учащихся въ гимназіи оказывается, „что убыль учениковъ въ началѣ 18^{66/67} учебнаго года простиралась до 131; присоединивъ же сюда еще 47 учениковъ, выбывшихъ изъ 4-хъ низшихъ классовъ ¹⁾ въ теченіе этого года, находимъ, что общая убыль къ концу 18^{66/67} учебнаго года будетъ простираться до 178 учениковъ. Этотъ годъ для Одесской 2-й гимназіи былъ годомъ переходнымъ отъ прежняго порядка къ новому полно-классическому строю въ ученіи.

„Значительный отливъ учениковъ, вслѣдствіе новаго порядка въ ученіи, разъ случившійся въ 18^{66/67} учебномъ году, повидному, этимъ и закончился“, такъ какъ въ слѣдующемъ учебномъ году число учащихся въ гимназіи осталось, какъ уже сказано, почти то же самое. „Съ этимъ вмѣстѣ уменьшилось и число выбывающихъ изъ низшихъ 4-хъ классовъ гимназіи: въ 18^{66/67} учебномъ году выбывшихъ было 47 и въ слѣдующемъ году тоже 47; это составляетъ около 15% общаго числа учениковъ гимназіи за эти годы, тогда какъ за прежніе 10 лѣтъ этотъ процентъ составилъ 21,3%. Это уменьшеніе числа выбывающихъ учениковъ объясняется, по моему мнѣнію, особеннымъ характеромъ Одесской 2-й гимназіи: какъ полная классическая гимназія съ двумя древними языками, она, вслѣдствіе этого же, крѣпко привязываетъ къ себѣ своихъ учениковъ и не даетъ имъ такой возможности къ переходу въ другія заведенія, какая существовала въ ней прежде. Изъ нея выбываютъ болѣею частію тѣ ученики, которые или не имѣютъ средствъ вносить плату за ученіе, или не успѣваютъ въ назначенномъ курсѣ ученія; выбывающихъ же по другимъ причинамъ очень немного.

¹⁾ Почему же только 4-хъ низшихъ? *Ред.*

Съ упроченіемъ новаго порядка, надобно полагать, число выбывающихъ учениковъ еще болѣе уменьшится.

„Со времени введенія новаго устава измѣнилось также отношеніе числа оканчивающихъ курсъ къ общему числу учениковъ гимназій: въ 1865 году было всѣхъ учениковъ 415, а окончило курсъ 4, въ 1866 году на 435 учениковъ окончило курсъ тоже 4, среднее число оканчивавшихъ курсъ къ среднему числу учившихся было въ десятилѣтній періодъ 1,8⁰/о; между тѣмъ въ 18⁶⁶/₆₇ учебномъ году было всѣхъ учениковъ 304, а окончившихъ курсъ 10; въ 18⁶⁷/₆₈ учебномъ году на 308 учениковъ окончило курсъ опять 10; среднее число окончившихъ курсъ къ среднему числу учившихся въ эти годы составляетъ 3,2⁰/о; въ будущемъ 18⁶⁸/₆₉ учебномъ году, судя по числу переведенныхъ учениковъ въ VII классъ, оканчивающихъ курсъ будетъ до 18-ти учениковъ, если кто-либо изъ нихъ не выбудетъ изъ гимназій въ теченіе этого года.

„Приведенными новыми данными и выводами, мнѣ кажется, значительно ослабляется заключеніе, сдѣланное въ разсматриваемой статьѣ, на основаніи цифръ за десятилѣтній періодъ 1857—1866 года, объ Одесскихъ гимназіяхъ, будто «оба эти среднія учебныя заведенія не вполне удовлетворяютъ нуждамъ мѣстнаго населенія, и что рядомъ съ ними приносили бы большую пользу и иного рода средне-учебныя заведенія, то - есть, съ курсомъ менѣе продолжительнымъ и болѣе примѣненнымъ къ практическимъ цѣлямъ». По крайней мѣрѣ, числа учениковъ, выбывшихъ изъ Одесской 2-й гимназій въ послѣдніе два года, не даютъ права къ такому заключенію, какое сдѣлано въ статьѣ на основаніи цифръ за разсмотрѣнный десятилѣтній періодъ. Эту мою мысль подтверждаютъ не только незначительность числа выбывавшихъ изъ гимназій учениковъ въ послѣдніе два учебные года, но и самыя причины выбытія ихъ: такими причинами были недостаточность матеріальныхъ средствъ учениковъ или же неуспѣшность ихъ, а рѣдко желаніе перейти въ другія учебныя заведенія; такъ, въ 18⁶⁶/₆₇ учебномъ году изъ 47 учениковъ, выбывшихъ изъ 4-хъ низшихъ классовъ гимназій, 21 уволены за невзносъ платы за ученіе, 12 уволены, какъ пробывшіе въ одномъ классѣ два года и не оказавшіе удовлетворительныхъ успѣховъ, и только 14 учениковъ выбыли по прошеніямъ“; число выбывшихъ въ 18⁶⁷/₆₈ учебномъ году распредѣлилось по тѣмъ же категоріямъ слѣдующимъ образомъ: 19, 11, 17. „Надобно еще замѣтить, что многіе изъ учениковъ, подающихъ прошенія объ увольненіи изъ гимназій, особенно Евреи, увольняются изъ

нея не съ тѣмъ, чтобы поступить въ какое-либо другое учебное заведеніе, а для того, чтобы, прекративъ ученіе, обратиться къ практической жизни ¹⁾). Наконецъ, тѣ изъ учениковъ, которые дѣйствительно желали бы получить образованіе помимо классическихъ гимназій, имѣють въ Одессѣ уже другія заведенія, на примѣръ, коммерческое училище, куда и переходятъ желающіе того ученики; къ тому же, сколько извѣстно, этому училищу скоро будутъ даны болѣе широкіе размѣры“.

Херсонская гимназія. Въ дополненіе къ прежнимъ свѣдѣніямъ г. инспекторъ гимназій, управляющій Херсонскою дирекціей училищъ, сообщаетъ, „что въ Херсонской гимназій къ январю прошедшаго 1867 года было 314 учениковъ; изъ нихъ въ теченіе года, до января 1868 года, выбыло изъ низшихъ классовъ 71, изъ высшихъ 17, окончили курсъ 6; вновь поступило 95, и къ 1-му января 1868 года состояло 315 учениковъ“.

Таганрогская гимназія. Въ дополненіе къ прежде доставленнымъ свѣдѣніямъ г. директоръ сообщилъ свѣдѣнія о числѣ учившихся въ гимназій въ 1867 году, а именно: общее число учащихся въ гимназій было 309, выбыло изъ низшихъ 4-хъ классовъ 47, окончило курсъ 6. Слѣдовательно, „въ 1867 году число учащихся уменьшилось весьма незначительно сравнительно съ 1866 годомъ. Притомъ общее число учениковъ за 1867 годъ превысило цифру 1857 года на 60,1% и среднюю цифру за 10 лѣтъ на 22,6%. — Число выбывшихъ въ томъ же году изъ низшихъ классовъ превзошло въ 4,2 раза число выбывшихъ въ 1857 году и составило 15,2% общаго числа учившихся въ томъ году въ гимназій. — Окончило курсъ на 50% болѣе числа окончившихъ въ 1857 году, но менѣе средней цифры окончившихъ за 10 лѣтъ курсъ на 60%“.

Кишиневская гимназія. „Общее число учениковъ въ Кишиневской гимназій за 11 лѣтъ даетъ слѣдующія цифры:

¹⁾ Если рядомъ съ этимъ замѣчаніемъ поставить сказанное въ сообщеніи гимназій о причинахъ выбытія учениковъ изъ низшихъ 4-хъ классовъ гимназій, о причинахъ внезапнаго уменьшенія въ ней числа учащихся со введеніемъ новаго устава, о предпочтеніи, оказываемомъ въ Одессѣ новымъ языкамъ предъ древними, наконецъ, о «практическомъ направленіи» жителей этого города, — то едва-ли будетъ «ослаблено» замѣчаніе статьи относительно пользы въ Одессѣ, рядомъ съ гимназіями, и другихъ средне-учебныхъ заведеній съ менѣе продолжительнымъ и болѣе примыленнымъ къ практическимъ цѣлямъ курсомъ. Можно даже сказать, что все сообщеніе гимназій окончательно подтверждаетъ это замѣчаніе статьи. *Ред.*

1857.	1858.	1859.	1860.	1861.	1862.	1863.	1864.	1865.	1866.	1867.
299	295	304	342	376	452	492	517	543	518	504

„Изъ этихъ чиселъ видно: а) что въ 1867 году въ числѣ учениковъ гимназіи произошло уменьшеніе противъ 1866 года на 14 человекъ, что составляетъ 2,7⁰/₁₀₀ числа 504; б) что среднее число учащихся за 11-ть лѣтъ есть 422; с) что среднее число учащихся за послѣдніе 4 года есть 520 ¹⁾, и д) что среднее число учащихся за первые 7 лѣтъ есть 365.

„Числа выбывшихъ изъ низшихъ 4-хъ классовъ гимназіи за 11 лѣтъ даютъ слѣдующія цифры:

1857.	1858.	1859.	1860.	1861.	1862.	1863.	1864.	1865.	1866.	1867.	Всего
73	34	30	48	31	69	84	76	95	119	70	729

„Эти цифры показываютъ: а) что въ 1867 году выбывшихъ учениковъ было 70, что составляетъ 13,6⁰/₁₀₀ всего числа учащихся; б) что среднее число учениковъ, выбывшихъ изъ низшихъ 4-хъ классовъ, за послѣдніе 4 года было 90, что составляетъ 17,3⁰/₁₀₀ средняго числа учащихся за 4 года, и наконецъ, с) число выбывшихъ за 11 лѣтъ составляетъ 15,7⁰/₁₀₀ числа учащихся за то же число лѣтъ.

„Окончившихъ курсъ въ гимназіи въ 11 лѣтъ было:

1857.	1858.	1859.	1860.	1861.	1862.	1863.	1864.	1865.	1866.	1867.	Всего.
18	20	14	17	13	25	13	13	18	19	19	194.

„Эти числа показываютъ, что а) въ 1867 году окончилъ курсъ 19 учениковъ, что составляетъ 3,7⁰/₁₀₀ всего числа учащихся; б) среднее число оканчивающихъ курсъ гимназіи учениковъ за 11-ть лѣтъ всего есть 17, что составляетъ 4⁰/₁₀₀ соотвѣтственнаго средняго числа учащихся, и с) среднее число оканчивающихъ ученіе за послѣдніе 4 года есть тоже 17 уч., что составляетъ 3,2⁰/₁₀₀ соотвѣтственнаго числа учащихся.

„Изъ разсмотрѣнія приведенныхъ чиселъ можно прийти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) „Число учащихся въ Кишиневской гимназіи за послѣдніе два года нѣсколько уменьшилось противъ 1865 года. На это уменьшеніе въ 1866 году имѣлъ вліяніе новый уставъ, въ особенности по отношенію къ Кишиневской гимназіи: изъ нея нѣкоторые ученики должны были

¹⁾ «Среднее число за 4 года взято потому, что начиная съ 1863 года, приступлено къ введенію новаго устава».

выбитъ, потому что съ началомъ введенія новаго устава, прекратилось совершенно преподаваніе молдавскаго языка и отчасти законовѣдѣнія (въ 7-мъ и 6-мъ классахъ разрѣшено было преподавать этотъ предметъ до окончанія семи учениками гимназическаго курса). Ученики, учившіеся этимъ предметамъ, должны были начать учиться латинскому и нѣмецкому языкамъ, преподававшимся прежде параллельно съ упраздненными предметами, что для менѣе способныхъ было очень трудно, не смотря на значительно-меньшія требованія отъ нихъ по этимъ двумъ предметамъ. Это обстоятельство и побудило нѣкоторыхъ изъ таковыхъ учениковъ оставить гимназію. Что же касается до 1867 г., то уменьшеніе на 14 учениковъ, или 2,7%, противъ 1866 года, нельзя считать дѣйствительнымъ, потому что нѣкоторые изъ уволенныхъ учениковъ въ концѣ года, за невзносъ платы за ученіе, въ началѣ 1868 года опять были приняты по взносѣ ея, такъ что къ концу учебнаго 1867/68 года учащихся въ Кишиневской гимназій было 519. Вообще же видно изъ приведенныхъ чиселъ, что среднее число учащихся за послѣдніе 4 года есть 520, а среднее число за предыдущія 7 лѣтъ — 365 учениковъ; значить, за послѣдніе 4 года произошло увеличеніе на 42,4%. Изъ этого видно, что число учащихся въ Кишиневской гимназій, съ теченіемъ времени, возрастаетъ все болѣе и болѣе, какъ вслѣдствіе увеличивающейся потребности общества въ среднемъ образованіи, такъ и потому, что существованіе одной гимназій съ 5-ю параллельными отдѣленіями на миллионъ населенія области слишкомъ недостаточно для удовлетворенія этой потребности. Число учащихся въ Кишиневской гимназій при 5-ти параллельныхъ классахъ теперь достигло такого предѣла, дальнѣйшій переходъ за который долженъ повредить учебно-воспитательному дѣлу заведенія. Считая себя обязано предупредить такое явленіе, гимназія, съ разрѣшенія попечителя, нашлась вынужденною прибѣгнуть къ ограниченію числа учащихся по классамъ 50-ю учениками и свыше этого числа не принимать поступающихъ въ классы, исключая пансіонеровъ, которые могутъ быть приняты и при 50-ти учащихся въ классѣ.

2) „Введеніе новаго устава и особенно приведенное выше обстоятельство, касающееся собственно Кишиневской гимназій, имѣли вліяніе и на увеличеніе числа выбывающихъ изъ низшихъ классовъ и довели его въ послѣдніе 4 года до 17,3%; но теперь, по мѣрѣ того какъ новыя начала болѣе окрѣпли, процентъ числа выбывающихъ изъ низшихъ классовъ долженъ приблизиться къ постоянному числу 15,7%, выражающему средній процентъ выбывшихъ за 11 лѣтъ. Но и этотъ

процентъ представляетъ собою значительное число, которое приводитъ къ ясному выводу, что наиболѣе значительная часть Бессарабскаго общества, по своимъ матеріальнымъ средствамъ, практическимъ цѣлямъ, способностямъ дѣтей и ихъ наклонностямъ, особенно нуждается въ учебныхъ заведеніяхъ съ курсомъ низшимъ, чѣмъ гимназическій, и что поэтому открытіе въ Бессарабѣ отдѣльной прогимназіи съ параллельными отдѣленіями, или даже и 2-хъ прогимназій, составляетъ крайнюю необходимость.

3) „Къ такому заключенію приводитъ и разсмотрѣніе чиселъ окончившихъ курсъ въ Кишиневской гимназіи. Изъ этихъ чиселъ видно, что среднее число окончившихъ курсъ составляетъ 4% за всѣ 11 лѣтъ и 3,2% за 4 послѣдніе года; а между тѣмъ, при отсутствіи потребности общества въ заведеніяхъ съ низшимъ курсомъ, чѣмъ гимназическій, курсъ гимназіи кончался бы 14,2%¹⁾), то-есть, больше, чѣмъ оканчивается теперь слишкомъ въ 3 раза. Значитъ, гимназіи существуетъ собственно для $\frac{1}{3}$ учащихся, а $\frac{2}{3}$ довольствуются курсомъ прогимназическимъ или даже и того меньше.

„Еще больше сдѣлается замѣтною потребность въ 2-хъ прогимназіяхъ или же въ одной съ параллельными отдѣленіями, если обратить вниманіе на распределеніе учащихся Кишиневской гимназіи по классамъ. Вотъ эти числа къ концу 18^{67/68} учебнаго года:

въ 1-мъ классѣ съ параллельнымъ отдѣленіемъ.	108
„ 2-мъ „ „ „ „ „	106
„ 3-мъ „ „ „ „ „	101
„ 4-мъ „ „ „ „ „	68
„ 5-мъ „ „ „ „ „	70
„ 6-мъ „ безъ параллельнаго отдѣленія	29
„ 7-мъ „ „ „ „ „	37
Всего : . . 519	

„Съ поступленіемъ новыхъ учениковъ въ гимназію, которыхъ обыкновенно бываетъ въ годъ отъ 120 до 150, составятся такія числа въ низшихъ классахъ, что потребуются открытіе въ каждомъ изъ низшихъ 3-хъ классовъ, вмѣсто одного, двухъ параллельныхъ отдѣленій и кромѣ того открытіе параллельнаго отдѣленія 6-го класса. Но отсутствіе, въ достаточномъ количествѣ, специальныхъ средствъ не позво-

¹⁾ Къ сожалѣнію, г. директоръ не объяснилъ, по какимъ соображеніямъ онъ указываетъ это число. *Ред.*

ляетъ гимназіи открывать новыя отдѣленія, а потому она вынуждена прибѣгнуть къ ограниченію въ приемѣ вновь поступающихъ учениковъ.

„Изъ сказаннаго можно вывести слѣдующія заключенія. а) Бессарабія нуждается въ открытіи отдѣльной прогимназіи. О преобразованіи уѣзднаго училища въ г. Сорокахъ въ прогимназію идетъ переписка, и если смѣта о земскихъ повинностяхъ будетъ утверждена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, то такое преобразование можетъ осуществиться, ибо сумма, необходимая на такое преобразование, внесена въ проектъ смѣты. б) Прогимназію слѣдовало бы открыть съ параллельными отдѣленіями, принимая во вниманіе значительное число учащихся въ низшихъ классахъ Кишиневской гимназіи. в) Затѣмъ въ теперешней гимназіи слѣдуетъ уничтожить параллельныя отдѣленія въ низшихъ 4-хъ классахъ, а вмѣсто ихъ могутъ быть, смотря по надобности, открываемы параллельныя отдѣленія въ высшихъ 3-хъ классахъ.

„При такомъ устройствѣ Кишиневской гимназіи и предполагаемой Сорокской прогимназіи будетъ удовлетворена, хотя отчасти, потребность общества въ среднемъ образованіи, и сверхъ того такое устройство гимназіи будетъ содѣйствовать къ болѣе успѣшному выполненію задачи этого заведенія, чѣмъ въ настоящее время: ибо гимназія будетъ имѣть и меньшее число учениковъ, и меньше классовъ; если даже и всѣ высшіе классы будутъ имѣть параллельныя отдѣленія, то и тогда она будетъ имѣть всего 10 классовъ, тогда какъ теперь она имѣетъ ихъ 12. Кромѣ того, на такое устройство не потребуются и значительныхъ расходовъ изъ государственнаго казначейства, въ дополненіе къ тѣмъ, которые отпускаются теперь изъ государственнаго казначейства и другихъ источниковъ на содержаніе Кишиневской гимназіи и Сорокскаго уѣзднаго училища; а между тѣмъ тогда не будетъ надобности и въ открытіи новой гимназіи для Бессарабіи, въ которой область, очевиднымъ образомъ, нуждается не только ради удовлетворенія нуждамъ населенія въ образованіи, но даже и ради скрѣпленія связи между областью и государствомъ“.

Симферопольская гимназія. „Уменьшеніе числа учащихся въ 1866 году съ 319 на 287 зависѣло главнымъ образомъ отъ того, что въ половинѣ 1865 года былъ введенъ въ дѣйствіе въ Симферопольской гимназіи новый уставъ, которымъ было затруднено поступленіе дѣтей во 2-й и 3-й классы, такъ какъ для этого требовалось уже знаніе латинскаго языка; плата за ученіе въ Симферопольской гимназіи воз-

вышена съ 10 руб. до 20 въ низшихъ классахъ и 25 руб. въ высшихъ“; наконецъ, приведенъ въ исполненіе § 63 новаго устава.

„Вообще введеніе новаго устава послужило удобнымъ поводомъ къ усиленію требованій какъ отъ учениковъ, такъ и отъ учителей. При обезпеченіи учителей высшимъ окладомъ жалованья и при возвышеніи служебныхъ ихъ преимуществъ ¹⁾ явилась возможность отнестись къ дѣятельности преподавателей съ меньшою противу прежней снисходительностію и требовать отъ нихъ большей энергіи и болѣе точ-

¹⁾ По новому уставу это возвышеніе служебныхъ преимуществъ сравнительно съ прежними состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Классъ должности преподавателей возвышенъ одною степеню, такъ что они теперь дослуживаются чина статскаго совѣтника, вмѣсто прежняго чина коллежскаго совѣтника; вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенъ и разрядъ ихъ по мундиру (§ 115 и штаты). 2) *Преподаватели наукъ и языковъ*, а равно и воспитатели, уравниены въ своихъ правахъ (§§ 26, 32, 117 и штаты). Но пенсія преподавателямъ за выслугу лѣтъ назначается по прежнему уставу и въ прежнемъ разрядѣ (§ 118 и примѣчанія). *Учители рисованія, черченія и чистописанія* оставлены при прежнихъ служебныхъ правахъ, какъ относительно срока выслуги на пенсію (35 лѣтъ), такъ и относительно другихъ правъ (§§ 24, 118, 119). По параграфу же 68-му новаго устава эти *учителя* не включены и въ число членовъ педагогическаго совѣта. Между тѣмъ едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что эти учителя не только могутъ, но и должны имѣть педагогическое значеніе въ гимназій, уже потому что они изоощряютъ способности учащагося, которыхъ занимаютъ, такъ-сказать, среднее мѣсто между духовными и физическими его способностями. Изоощреніе зрѣнія человѣка ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставлено на одинъ уровень съ упражненіемъ другихъ физическихъ способностей учащагося; проще, рисованіе, черченіе и чистописаніе не могутъ быть поставлены на одну ступень, напримѣръ, съ гимнастикой. Наконецъ, если преподаваніе этихъ предметовъ и должно быть поставлено въ гимназій ниже, сравнительно съ прочими предметами, то оно должно происходить *вне класснаго времени*. Иначе оно всегда будетъ нарушать правильный педагогическій строй гимназій. Теперь же, при уничтоженіи этихъ *классныхъ* уроковъ сравнительно съ другими, едва-ли найдется директоръ гимназій, который бы не призналъ, что наибольшую трудность въ установленіи дисциплинарнаго порядка въ учебномъ заведеніи составляютъ уроки учителя рисованія и чистописанія. Но въ большинствѣ случаевъ этотъ учитель ни въ чемъ не виновенъ: виновно его положеніе въ заведеніи, такъ какъ ученики весьма *чутки* не только къ положенію предмета преподаванія въ заведеніи, но и къ положенію самого учителя. Съ этимъ согласится всякій опытный педагогъ. Вообще: *рисованіе, черченіе и чистописаніе* или слѣдуетъ причислить къ общеобразовательнымъ предметамъ, а учителей ихъ присоединить къ учебно-воспитательной корпораціи заведенія, или же эти предметы слѣдуетъ поставить на одинаковую степенъ съ гимнастикой, музыкой и танцованіемъ, то-есть, съ предметами преподаванія *для желающихъ*. *Ред.*

паго исполненія обязанностей. Только при такомъ условіи можно было усилить и требованія отъ учащихся, въ чемъ чувствовалась крайняя необходимость. Это усиленіе требованій не могло не быть рѣзкимъ; рѣзкость эта зависѣла какъ отъ рѣзкой перемѣны въ программахъ, такъ и отъ перемѣны значительной части личнаго состава гимназій. Усиленіе требованій классныхъ, экзаменныхъ и даже дисциплинарныхъ сдѣлало невозможнымъ пребываніе въ гимназій дѣтей, привыкшихъ къ другому масштабу требованій и неспособныхъ уже отвѣчать требованіямъ новаго устава. Даже юноши, достигшіе 7-го класса, впрочемъ съ слабыми свѣдѣніями, не чувствуя въ себѣ силъ удовлетворить новымъ требованіямъ, оставили гимназію. Этимъ объясняется увеличеніе въ 1866 году числа выбывшихъ изъ низшихъ классовъ гимназій и уменьшеніе числа окончившихъ курсъ въ Симферопольской гимназій.

„Колебанія въ цифрахъ учащихся, выбывшихъ изъ низшихъ классовъ и окончившихъ курсъ въ Симферопольской гимназій за послѣдніе годы, дѣйствительно, въ значительной мѣрѣ зависѣли отъ измѣнчивости и неустойчивости всей педагогической дѣятельности заведенія. Эта неустойчивость была естественна при концѣ одного педагогическаго періода и въ началѣ новаго. Но подобное же вліяніе на колебаніе упомянутыхъ цифръ имѣли и другія общественныя явленія тѣхъ же лѣтъ, помимо педагогическихъ условій. Важныя государственныя реформы послѣднихъ лѣтъ, которыя измѣнили положеніе не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ сословій въ Имперіи, должны были отразиться и на ходѣ образованія молодаго поколѣнія. Въ послѣдніе годы въ Симферопольскую гимназію стали поступать дѣти такихъ людей, которые прежде по своему общественному положенію не рѣшались избирать для нихъ этотъ путь. Но такія дѣти иногда весьма скоро встрѣчаютъ существенныя затрудненія къ продолженію гимназическаго курса, частію вслѣдствіе недостаточной предварительной подготовки и затѣмъ домашней помощи въ ученіи, частію по недостатку необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, а частію и отъ несоотвѣтствія гимназическаго курса съ потребностями ихъ общественнаго положенія. Вслѣдствіе всего этого прежнее, болѣе ровное теченіе чиселъ учащихся должно было измѣниться.

„Значительное число выбывающихъ изъ низшихъ классовъ и незначительное число окончивающихъ курсъ въ Симферопольской гимназій, помимо всѣхъ временныхъ причинъ, зависитъ отъ несовершенства самого педагогическаго плана гимназій. Этотъ недостатокъ и

на будущее время не можетъ быть не только устраненъ собственными силами гимназій, но долженъ увеличиваться еще болѣе. Ученики задавлены теперь работою, надрывающею ихъ умственные способности и здоровье; разсудокъ ихъ затемняется обиліемъ вѣшняго матеріала, разсѣвающаго вниманіе и превосходящаго какъ потребности, такъ и понятія ребенка. Ученики нашей гимназій не имѣютъ времени мыслить и соображать, и едва имѣютъ время на поверхностное, ни къ чему не ведущее запоминаніе задаваемыхъ уроковъ. Они многому учатся и ничего не знаютъ основательно. Необходимость энергическаго и смѣлаго сосредоточенія гимназическаго курса, необходимость освобожденія ученика отъ неисполнимой обязанности всесторонняго знанія, вотъ что составляетъ настоящую потребность какъ Симферопольской, такъ и всякой другой русской гимназій. Курсъ нашихъ гимназій не по силамъ учащимся, — это выводъ, несомнѣнный для всякаго педагога и вмѣстѣ ключъ къ разгадкѣ неотраднaго положенія нашихъ гимназій. Много теперь дѣтей понапрасну теряютъ въ гимназій свое время и средства родныхъ, покладая ее на поль-пути, и вообще ничтожный процентъ учениковъ достигаетъ окончанія курса. Между тѣмъ всѣ мы, руководители и наставники, откровенно сознаемъ, что первыхъ должно быть еще вдвое больше, а вторыхъ еще вдвое меньше, если примѣнить къ нимъ безъ послабленія истинную мѣру педагогическихъ требованій.

„Прежде всего нужно упростить и сосредоточить гимназическій курсъ, облегчить работу дѣтской памяти и опереться на работу дѣтскаго ума, давъ притомъ гимназіямъ точные и разумные учебники; тогда только можно разчитывать на правильный ходъ гимназическаго образованія, тогда только можно будетъ выполнить педагогическую задачу гимназій въ надлежащей ея полнотѣ.

„Въ то же время необходимо открыть рядомъ съ гимназіями учебныя заведенія другаго рода, куда бы могли устремиться тѣ учащіеся, которымъ гимназія не по силамъ или не по вкусу и которые, будучи принуждены поневолѣ избирать гимназію, всегда будутъ вносить въ нее элементъ неправильности и безуспѣшности. Такого заведенія съ практическимъ характеромъ жаждетъ, по крайней мѣрѣ, мѣстное общество, котораго не удовлетворяютъ ни параллельныя отдѣленія классовъ гимназій, ничѣмъ не отличающіяся отъ основныхъ, ни уѣздныя училища, справедливо потерявшія всякій кредитъ“.

Керченская Александровская гимназія. Въ дополненіе къ прежнимъ свѣдѣніямъ гимназія сообщаетъ, „что въ концѣ 1867 года общее число

учениковъ было 208, изъ низшихъ 4-хъ классовъ въ теченіе года вы-
было 23, полный курсъ ученія окончили 3 ученика; въ концѣ 1-й поло-
вины 1868 года общее число учащихся было 195, изъ низшихъ 4-хъ
классовъ въ это время вышло 13 и окончило гимназическій курсъ уче-
нія 8 учениковъ“.

Екатеринославская гимназія не доставила сообщенія.

(Управленіе Николаевскихъ учебныхъ заведеній).

Николаевская гимназія. „Число учениковъ въ Николаевской гим-
назіи, въ первые годы ея существованія, какъ замѣчено въ статьѣ,
быстро возрастало, такъ что уже въ 3-мъ году послѣ ея открытія
число учащихся болѣе чѣмъ учетверилось; но въ слѣдующіе за тѣмъ
два года оно понемногу уменьшалось, а именно, въ 1865 году почти
на 1,5% и въ 1866 году на 3,7%. Такое уменьшеніе числа учащихся
представляетъ только временное колебаніе, такъ какъ въ слѣдующіе за
тѣмъ годы число ихъ опять увеличилось и превысило цифру 1864 года,
а именно, въ 1867 году было 385 и въ нынѣшнемъ году уже теперь ¹⁾
болѣе 400. Что же касается чрезмѣрнаго возрастанія числа учащихся
въ первые годы существованія гимназіи, въ особенности въ 1863 году,
когда вновь поступившихъ было 212, то это можетъ быть объяснено
тѣмъ, что 1) въ Николаевѣ закрывались тогда всѣ спеціальныя учеб-
ныя заведенія морскаго вѣдомства, въ которыхъ воспитывалась болъ-
шая часть мѣстнаго юношества, и 2) что Николаевская гимназія была
открыта для приходящихъ учениковъ только въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1862
года, притомъ при неполномъ составѣ преподавателей, болъшая часть
которыхъ была временно назначена изъ служившихъ въ упразднен-
ной тогда же штурманской ротѣ Черноморскаго флота, и только въ
теченіе 1863 года были опредѣлены штатные преподаватели по всѣмъ
предметамъ гимназическаго курса. Вслѣдствіе этого обстоятельства
многіе родители не желали отдавать своихъ дѣтей въ гимназію до
наступленія новаго года; съ другой стороны, гимназія не нашла воз-
можности, по недостатку преподавателей, открыть болѣе двухъ пер-
выхъ классовъ. Оттого-то въ 1862 году поступило въ гимназію
только 46 приходящихъ учениковъ, а остальные 40 учащихся были
казеннокоптные воспитанники, переведенные по Высочайшему по-
велѣнію въ пансіонъ при гимназіи изъ упраздненной штурманской
роты. Съ начала же 1863 года число учащихся увеличилось уже въ

¹⁾ Писано 21-го сентября.

такой мѣрѣ, что потребовалось первые два класса раздѣлить на параллельныя отдѣленія; а въ августѣ мѣсяцѣ того же года большая часть родителей, проживавшихъ въ Николаевѣ и его окрестностяхъ, уже отдали въ Николаевскую гимназію своихъ дѣтей, которыя прежде обучались въ другихъ гимназіяхъ, такъ что уже тогда представилась потребность открыть 5-й классъ и параллельныя отдѣленія для трехъ первыхъ классовъ. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы приливъ учащихся въ гимназію понемногу уменьшался; а именно: въ 1864 году поступило 123 ученика; въ 1865 — 102 и въ 1866 году — 71; въ 1867 же году поступило опять 102, и въ нынѣшнемъ 1868 году — до 100; слѣдовательно, можно предполагать, что среднимъ числомъ будетъ поступать ежегодно въ гимназію 100 учениковъ. При томъ для уменьшенія накопленія большаго числа учащихся въ классахъ существовали, съ 18^{64/65} до 18^{66/67} учебнаго года, постоянно параллельныя отдѣленія для первыхъ четырехъ классовъ, а въ 18^{67/68} учебномъ году и пятый классъ былъ раздѣленъ на два отдѣленія; въ настоящемъ же учебномъ году слѣдовало бы, по многочисленности учениковъ во II классѣ (90 учениковъ), раздѣлить этотъ классъ на три отдѣленія (наоборотъ, оба отдѣленія V класса можно было бы соединить въ одно, хотя въ немъ и 48 учащихся); но средства гимназій недостаточны на содержаніе шести параллельныхъ классовъ.

„Число выбывавшихъ учениковъ изъ низшихъ четырехъ классовъ Николаевской гимназій постоянно возрастало до 1865 года включительно; затѣмъ въ слѣдующіе годы оно понемногу уменьшалось, какъ это доказываютъ слѣдующія цифры, показывающія отношенія чиселъ выбывавшихъ къ числамъ учившихся въ каждомъ году: въ 1863 году — 3,8%, въ 1864 году — 9,4%, въ 1865 году — 25,5%, въ 1866 году — 21,8%, и въ 1867 году 20%. Рядъ этихъ процентныхъ цифръ свидѣтельствуетъ о томъ, вопервыхъ, что въ Николаевской гимназій число выбывающихъ изъ низшихъ классовъ неидетъ, по крайней мѣрѣ, быстро на убыль, тѣмъ болѣе, что число учащихся въ 1865 и 1866 годахъ собственно только пріостановилось въ своемъ возрастаніи, какъ это было показано выше на числахъ; вовторыхъ, что гимназія не вполне удовлетворяетъ нуждамъ населенія города, въ которомъ замѣтнымъ образомъ развиваются промышленность и торговля, и наконецъ, третьихъ, что рядомъ съ гимназіей могло бы еще существовать въ г. Николаевѣ и другаго рода среднее учебное заведеніе съ курсомъ менѣе продолжительнымъ, но болѣе примѣненнымъ къ практическимъ цѣлямъ, тѣмъ болѣе, что со времени учрежденія гимназій, число учащихся въ

Николаевскомъ уѣздномъ училищѣ значительно уменьшилось (въ 1863 году учащихся было 80, а въ 1867 году только 48) и число оканчивающихъ въ немъ полный курсъ ученія бываетъ очень ограниченное. Это училище, какъ и вообще всѣ уѣздныя училища, не удовлетворительно для средняго образованія. Подробное соображеніе объ устройствѣ такого учебнаго заведенія съ курсомъ, болѣе примѣненнымъ къ практическимъ цѣлямъ для средняго сословія, уже представлено, сколько мнѣ извѣстно, въ департаментъ народнаго просвѣщенія г. управляющимъ Николаевскими учебными заведеніями.

„Если къ этому присовокупить еще и то обстоятельство, что съ учрежденіемъ гимназій были закрыты дополнительные курсы нѣмецкаго и французскаго языковъ, законовѣдѣнія, коммерческихъ наукъ и бухгалтеріи, — существовавшіе при уѣздномъ училищѣ на счетъ городскихъ суммъ съ 1837 года, — въ томъ ошибочномъ предположеніи со стороны общества, что гимназія съ реальнымъ направленіемъ будетъ въ состояніи удовлетворить потребностямъ мѣстнаго коммерческаго и промышленнаго населенія, то становится понятнымъ, почему съ возрастаніемъ числа учащихся въ гимназій должно было значительно увеличиваться и число выбывающихъ изъ низшихъ классовъ, въ особенности изъ III и IV-го. И въ настоящее время поступаетъ въ гимназію еще значительная часть учениковъ не съ тѣмъ, чтобъ окончить въ ней полный курсъ ученія, а исключительно съ цѣлю приготовиться сколько-нибудь къ практической жизни, такъ что почти безошибочно можно предполагать, что число выбывающихъ изъ низшихъ классовъ гимназій постоянно будетъ, до открытія другаго учебнаго заведенія для средняго образованія, ежегодно около 20% сравнительно съ числомъ учащихся. Только такимъ образомъ можно себѣ объяснить крупныя цифры выбывшихъ въ 1865 и 1866 году, потому что большая часть учениковъ въ 1863 году поступили въ I или во II классъ и въ 1865 и 1866 годахъ они перешли въ III или IV классъ, гдѣ они и окончили свое образованіе. Кромѣ того Николаевская гимназія служитъ какъ бы подготовительнымъ учебнымъ заведеніемъ для поступленія въ морское училище, гдѣ принимаютъ учениковъ обыкновенно изъ V-го класса гимназій.

„Первый выпускной экзаменъ ученикамъ, окончившимъ полный курсъ ученія собственно въ Николаевской гимназій, былъ въ нынѣшнемъ году; въ предшдущіе же два года окончили курсъ ученія только тѣ ученики, которые поступили въ IV и V классъ гимназій изъ другихъ учебныхъ заведеній. Число такихъ воспитанниковъ было ограни-

ченное, оттого и окончили курсъ въ 1866 году только 6, а въ 1867 — 2 ученика, что, сравнительно съ общимъ числомъ учащихся, составляетъ 1,6% и 0,3%; поэтому изъ разсмотрѣнія этихъ цифръ нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ относительно числа окончившихъ курсъ въ Николаевской гимназій¹⁾. Но если принять во вниманіе, какъ число окончившихъ курсъ въ нынѣшнемъ²⁾ году (21 ученикъ, или 5%), такъ и число учащихся въ трехъ высшихъ классахъ, изъ которыхъ въ V — 48, въ VI — 40 и въ VII — 25 учениковъ, что составляетъ, сравнительно съ общимъ числомъ учащихся, 11,8%, 9,8% и 6,1%, то можно, кажется, безошибочно предполагать, что число оканчивающихъ курсъ въ Николаевской гимназій будетъ постоянно возрастать и составитъ довольно значительный процентъ сравнительно съ общимъ числомъ учащихся въ гимназій³⁾.

(Дерптскій учебный округъ).

Отзывъ г. попечителя Дерптскаго учебнаго округа. „По разсмотрѣніи приложенной къ отношенію департамента народнаго просвѣщенія отъ 3-го истекшаго іюня за № 4533, статьи о числѣ учащихся въ гимназійхъ съ 1857 по 1866 годъ, оказалось:

1) „Что общее число учениковъ Митавской гимназій показано въ статьѣ не вѣрно, по тому поводу, что директоромъ число учениковъ показано было за каждое полугодіе отдѣльно. А такъ какъ большинство учениковъ, посѣщавшихъ гимназію въ первомъ полугодіи, остается въ оной и на второе полугодіе, то изъ сложенія цифръ обоихъ полугодій не можетъ получиться число учениковъ, посѣщавшихъ гимназію въ теченіе года.

2) „Что число выбывшихъ изъ низшихъ 4-хъ классовъ Дерптской гимназій показано было по недоразумѣнію г. директора значительно превышающимъ дѣйствительную цифру, такъ какъ были включены въ счетъ не только выбывшіе изъ другихъ классовъ, но и окончившіе курсъ“³⁾.

По вопросу о томъ, имѣютъ ли гимназій право останавливать дальнейшее увеличеніе числа своихъ учащихся, когда это число начп-

¹⁾ По этому самому въ статьѣ не показано даже процентное отношеніе окончившихъ курсъ въ этой гимназій. *Ред.*

²⁾ Писано 12-го сентября 1868 года.

³⁾ Согласно съ этимъ заявленіемъ и предложенными въ сообщеніи поправками исправлены таблицы статьи и относящіяся къ нимъ замѣчанія. *Ред.*

наеть превышать ихъ средства и силы, г. попечитель говоритъ слѣдующее: „По моему мнѣнію, казенному общественному учебному заведенію не можетъ быть *предоставлено право* отказывать въ принятіи учениковъ, если они удовлетворяютъ всѣмъ законнымъ требованіямъ относительно познаній, поведенія и платы за ученіе. Одно переполненіе заведенія учащимися не подаютъ достаточной къ тому причины, если принять въ уваженіе, что училищное начальство *само* и собственною властью можетъ устранять это переполненіе, принявъ мѣры, зависящія отъ его усмотрѣнія. Такъ, возвышеніемъ платы за ученіе, уменьшающимъ уже по экономическимъ причинамъ приливъ учениковъ, увеличиваются доходы гимназій и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляются средства къ учрежденію параллельныхъ классовъ, чѣмъ непременно устраняется переполненіе классовъ. Подобное расширеніе сверхъ того имѣетъ благоприятное вліяніе на заведеніе, въ которомъ такимъ образомъ сосредоточивается большее число учебныхъ силъ. Мнѣ кажется, что если принять за принципъ, что плата за ученіе должна быть умѣренная и что можно возвышать ее только въ очень тѣсныхъ предѣлахъ, то изъ этого пришлось бы заключить, что гимназій по произволу могутъ принимать учениковъ или отказывать въ принятіи ихъ, и что плата за ученіе, хотя и къ ущербу ученія, отнюдь не должна быть возвышаема. Такое заключеніе я считаю несправедливымъ и не соответствующимъ цѣли образованія юношества, а потому и не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы не смотря на неудобство переполненія заведенія учениками, нельзя было возвышать платы за ученіе“.

Митавская гимназія. Г. директоръ объяснилъ, „что такъ какъ въ Митавскую гимназію принимаются ученики полугодично (два раза въ годъ) и такъ какъ въ числѣ учениковъ за 2-е полугодіе заключается значительное число учениковъ, находившихся въ гимназій уже въ теченіе 1-го полугодія, то изъ этого слѣдуетъ, что среднее число учениковъ за оба полугодія должно быть принято за дѣйствительное число учениковъ, посѣщавшихъ гимназію въ теченіе одного года“, а посему въ новой вѣдомости и показаны подобныя среднія числа взаимѣвъ прежнихъ ¹⁾.

„Что касается до числа учениковъ, выпущенныхъ послѣ окончанія курса, то таковое число съ 1864 года уменьшилось болѣе чѣмъ вдвое, а именно по той причинѣ, что въ означенномъ году упразднены бывшіе при Митавской гимназій лѣсные классы“.

¹⁾ См. выше отзывъ г. попечителя округа. *Ред.*

Рижская гимназія. Г. директоръ сообщилъ слѣдующія дополнителныя свѣдѣнія:

„1) Уменьшеніе общаго числа учениковъ въ гимназіи въ 1861 году объясняется открытіемъ въ томъ году городской реальной гимназіи, что многихъ учениковъ, особенно изъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія, побудило перейти изъ классической гимназіи въ реальную. Увеличеніе же числа учащихся въ гимназіи въ слѣдующіе годы объясняется преобразованиемъ ея въ 7-классную съ 1861 года (прежде было 5 классовъ), сильнымъ возрастаніемъ численности населенія г. Риги и довѣріемъ, которое гимназія приобрѣла въ мѣстномъ обществѣ. 2) Тому же содѣйствовало еще и то обстоятельство, что въ Ригѣ нѣтъ собственно среднихъ училищъ, подобныхъ, напримѣръ, въмецкимъ *Bürgerschulen*. Находящіяся же здѣсь два уѣздныя училища не удовлетворяютъ мѣстнымъ потребностямъ, а также и реальная гимназія не соотвѣтствуетъ имъ, потому что имѣетъ въ виду больше подготовленіе въ университетъ или же въ политехническую школу, чѣмъ къ практическимъ занятіямъ обще-гражданскаго быта. Оттого и въ классической гимназіи все еще, особенно послѣ преобразования ея въ 7-классную, преимущественно въ низшихъ классахъ находится очень много учениковъ, не имѣющихъ намѣренія продолжать ученіе въ университетѣ и оставляющихъ гимназію до окончанія курса. Этимъ объясняется возрастающее съ 1861 года противъ прежняго число выходящихъ изъ низшихъ классовъ. Въ 1861 и въ 1863 годахъ число ихъ возрасло особенно, потому что, какъ сказано, въ 1861 году открыта была реальная гимназія, а въ 1863 году курсъ здѣшняго 2-го уѣзднаго училища былъ расширенъ въ видѣ опыта, что также побудило многихъ учащихся перейти въ уѣздное училище. 3) Сдѣланные въ статьѣ общіе выводы и замѣчанія не имѣютъ отношенія къ гимназіямъ Дерптскаго учебнаго округа, потому что преобразование гимназій прочихъ учебныхъ округовъ до нихъ не коснулось, и потому онѣ и не испытали неизбѣжнаго вреда переходнаго времени. Ихъ развитіе было прогрессивное, какъ это видно не только изъ данныхъ, сообщенныхъ въ статьѣ о 4-хъ старшихъ гимназіяхъ, но также изъ того, что въ послѣдніе годы прогимназіи въ Черновѣ, Аренбургѣ и Либавѣ преобразованы были въ гимназіи. Во многихъ также мѣстахъ чувствуется сильная потребность расширить курсъ уѣздныхъ училищъ и преобразовать ихъ въ прогимназіи. Но развитіе училищъ въ Дерптскомъ округѣ замедляется особенно недостаткомъ въ матеріальныхъ средствахъ“.

Ревельская гимназія. „Оказавшееся по 1-й таблицѣ (относящейся въ Дерптскому округу) значительное увеличеніе числа учениковъ въ Ревельской гимназіи, начавшееся съ 1862 года, слѣдуетъ отнести къ преобразованію гимназій Дерптскаго учебнаго округа изъ пятиклассныхъ въ семиклассныя, произведенному въ 1861 году, послѣ чего въ Ревельской гимназіи открылась возможность подраздѣлить прежніе, переполненные учениками, низшіе классы и выиграть помѣщеніе для принятія новыхъ учениковъ. Колебанія чиселъ учащихся за послѣдніе 4 года главнымъ образомъ объясняются тѣмъ, что число учениковъ, посѣщавшихъ Ревельскую гимназію изъ внутреннихъ губерній, именно изъ нѣмецкихъ колоній Волжскаго бассейна, — по причинамъ, которыхъ мы не можемъ повѣрить, — колебалось между 20 и 40. Меньшее число учениковъ Ревельской гимназіи, сравнительно съ другими гимназіями Дерптскаго учебнаго округа, зависитъ отъ того, что Ревельская гимназія не имѣетъ средствъ открыть параллельныя отдѣленія низшихъ классовъ, которые переполнены учащимися. Притомъ въ Ревель, кромѣ губернской гимназіи, существуетъ на иждивеніи Эстляндскаго дворянства другая классическая гимназія, такъ-называемая Ritter-und Domschule, число учениковъ которой — почти исключительно изъ дѣтей мѣстныхъ дворянъ и отчасти лютеранскихъ пасторовъ — среднимъ числомъ простирается до 150.

„Что касается числа выбывшихъ изъ 4 низшихъ классовъ, которое въ Ревельской гимназіи представило процентное отношеніе большее, чѣмъ въ Митавской и Рижской, то на это, по крайней мѣрѣ, въ Ревельской гимназіи имѣетъ значительное вліяніе общественное положеніе и средства жизни родителей учащихся, противъ чего оказываются бессильными какъ способности учащихся, такъ усилія и всякое стараніе учащихся. Родители большей части мальчиковъ, обучающихся въ низшихъ классахъ, люди недостаточные и отдають дѣтей своихъ въ гимназію не съ тою цѣлю, чтобъ они проходили полный курсъ гимназіи и поступали потомъ въ университетъ, но съ тою именно цѣлю, чтобъ они воспользовались низшими классами гимназіи для приготовленія къ занятіямъ фармацевтикою, техникою, торговлею, для поступленія въ военную службу и т. д.

„Изложенныя выше причины оказываютъ свое вліяніе и на число оканчивающихъ курсъ: именно, число оканчивающихъ курсъ въ Рижской гимназіи оказывается однимъ изъ наибольшихъ; это объясняется какъ значительно большимъ благосостояніемъ жителей этого цвѣтущаго торговаго города, такъ и существованіемъ въ немъ другихъ,

къ разнымъ практическимъ цѣлямъ приспособленныхъ, учебныхъ заведеній, принимающихъ тѣхъ учениковъ, которые въ Ревелѣ принуждены поступать въ гимназію“, а потомъ выбывать изъ нея до окончанія курса.

Дерптская гимназія не доставила сообщенія.

(СИБИРЬ).

Тобольская гимназія. Г. директоръ доставилъ два сообщенія. Въ первомъ изъ нихъ (отъ 7-го іюля 1868 года) онъ говоритъ, между прочимъ, „что по совершенному разногласію заключающихся въ статьѣ числовыхъ данныхъ съ таковыми же данными въ исторической запискѣ, веденной при гимназіи, требуется произвести тщательную повѣрку тѣхъ и другихъ, для чего предварительно нужно возобновить именныя списки учившихся, какъ наличныхъ, такъ и переведенныхъ, выбывшихъ и окончившихъ курсъ за весь десятилѣтній періодъ“. А потому нѣтъ возможности удовлетворить требованію департамента немедленно.

Второе же сообщеніе г. директора (отъ 4-го сентября 1868 года) состоитъ въ слѣдующемъ ¹⁾.

„Представляя соображенія и выводы, оказавшіеся при повѣркѣ числовыхъ данныхъ, заключающихся въ разсматриваемой статьѣ, считаю должнымъ объяснить, что замедленіе въ исполненіи требованія департамента произошло отъ совершенной переработки свѣдѣній, заключающихся въ упомянутой статьѣ, на сколько то было возможно при оказавшейся неполнотѣ и неточности самихъ источниковъ, изъ которыхъ тѣ свѣдѣнія были извлекаемы ²⁾).

А. Объ общемъ числѣ учившихся въ Тобольской гимназіи въ десятилѣтній періодъ съ 1857 по 1867 годъ.

„Послѣ предварительной повѣрки данныхъ объ общемъ числѣ учившихся, показанномъ въ статьѣ, со свѣдѣніями, находившимися

¹⁾ Сообщеніе это печатается здѣсь цѣликомъ, то-есть, безъ какихъ-либо важныхъ сокращеній, а лишь съ измѣненіями въ рѣчи, кои требовались отъ печатнаго слова. Сообщеніе это, кромѣ интереса въ некоторыхъ отношеніяхъ и даже интереса въ педагогическомъ отношеніи, представляетъ еще разъ ослзательное подтвержденіе того, что было сказано въ 1-й части настоящей статьи о трудности полученія у насъ вѣрныхъ свѣдѣній, относящихся къ школьной статистикѣ (см. Совр. Лѣт. августовской книжки журн., прилѣч. къ 165 и 219 стр.).

²⁾ Эти свѣдѣнія доставлены въ департаментъ въ 1867 году самою же Тобольскою гимназіей. *Ред.*

въ исторической запискѣ и годовыхъ отчетахъ, оказалось совершенное разногласіе этихъ данныхъ. Причины этого разногласія, какъ оказывается ниже, кромѣ неточностей при составленіи отчетовъ (?) и приложений къ нимъ, произошли отъ различія взглядовъ составителей отчетовъ на сущность требовавшихся числовыхъ данныхъ. Такимъ образомъ были смѣшиваемы: число учившихся къ 1-му января извѣстнаго года съ общимъ числомъ учившихся въ теченіе года, то-есть, со включеніемъ выбывшихъ въ теченіе года, и число учившихся въ учебномъ году съ числомъ учившихся въ гражданскомъ году. При составленіи настоящихъ свѣдѣній мною было предположено извлечь свѣдѣнія о числѣ учившихся къ 1-му января *каждаго года* ¹⁾. Если составитель статьи руководился тою же исходною точкою при своей работѣ, то между указаніями его статьи и такими же указаніями исторической записки и отчетовъ гимназій должно было оказаться при первомъ слѣженіи ихъ слѣдующее разногласіе ²⁾.

„Общее число учившихся показывается:

	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	Среднее число.
По таблицамъ статьи	164	175	206	211	211	285	161	198	181	170	196
По исторической запискѣ и отчетамъ къ 1-му январю каж- даго года	151	175	196	188	194	191	185	161	160	146	175

¹⁾ Требовались свѣдѣнія о числѣ *всѣхъ* учившихся, то-есть, *перебывавшихъ* въ данномъ году въ заведеніи; это видно было изъ того, что въ статьѣ дано большее значеніе числамъ выбывшихъ учениковъ. *Ред.*

²⁾ Напечатанныя въ статьѣ таблицы составлены, какъ объяснено въ предисловіи къ ней, въ департаментѣ народнаго просвѣщенія по свѣдѣніямъ, доставленнымъ самими гимназіями въ 1867 году (а слѣдовательно, и Тобольскою) по особому требованію департамента. Впрочемъ, разногласіе въ приводимыхъ здѣсь числахъ могло произойти, впервые, отъ того, что г. директоръ показываетъ новыя числа къ 1-му января, начиная притомъ съ 1857 года, тогда какъ слѣдовало показать *за 1857 годъ* и т. д.; во вторыхъ — отъ того, что, вѣроятно, въ прежней вѣдомости показывались числа *перебывавшихъ* въ гимназіи. Къ послѣдней догадкѣ приводитъ то обстоятельство, что прежнія числа больше новыхъ (за исключеніемъ чиселъ за 1863 и 1858 годы); дѣйствительно, число всѣхъ перебывавшихъ въ гимназіи въ данномъ году всегда окажется большее, чѣмъ оставшихся къ 1-му января слѣдующаго года. *Ред.*

„Такое разногласіе цифръ, какъ сказано выше, побудило обратиться къ самимъ источникамъ, изъ которыхъ слѣдовало извлекать данныя, то-есть, къ класснымъ журналамъ и мѣсячнымъ и годовымъ вѣдомостямъ, въ которыхъ показывались именно учившіеся, равно къ ежемѣсячнымъ свѣдѣніямъ, доставлявшимся инспектору директору и вносившимся въ педагогическій совѣтъ, наконецъ, къ именнымъ спискамъ, составлявшимся для отчетности по сбору за ученіе. Но при разсмотрѣніи этихъ документовъ встрѣтились новыя затрудненія. Съ одной стороны, при дѣлахъ дирекціи не сохранилось ни за одинъ годъ полной совокупности этихъ документовъ, а есть за иные годы только классные журналы, да и то не за всѣ мѣсяцы, за другіе годы только годичныя вѣдомости и т. п., такъ что, не смотря на всю тщательность, съ какою производилась нынѣ повѣрка, все-таки нельзя ручаться за полную вѣрность выводовъ. Съ другой стороны, за то время, когда не составлялось общихъ сводныхъ вѣдомостей, встрѣтилось сильное разногласіе и между самими именными списками, которые велись учителями каждымъ отдѣльно по своему предмету. Укажу для примѣра на веденные учителями именные списки учащихся за январь 1861 года. По спискамъ этимъ у разныхъ учителей именованы учащіеся по классамъ въ слѣдующемъ числѣ:

Въ I классѣ . . .	отъ 31	до 35
„ II „ . . .	„ 35	„ 41
„ III „ . . .	„ 27	„ 33
„ IV „ . . .	„ 26	„ 30
„ V „ . . .	„ 17	„ 25
„ VI „ . . .	„ 10	„ 13
„ VII „ . . .	„ 13	„ 18

а общее число отъ 159 до 195

„При разслѣдованіи причинъ такого разногласія оказалось, что одни учителя показывали по спискамъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ такихъ учениковъ, которые давно уже не посѣщали ихъ классовъ, другіе же исключали ихъ по своимъ соображеніямъ или, можетъ-быть, по полученнымъ лично ими свѣдѣніямъ о выѣздѣ. Чтобы установить точную цифру дѣйствительнаго числа учившихся къ 1-му января каждаго года, при составленіи настоящихъ свѣдѣній было принято за правило: не показывать въ числѣ учащихся къ 1-му января тѣхъ учениковъ, которые не посѣщали классовъ по всѣмъ предметамъ въ де-

кабрѣ предшествующаго года и затѣмъ не являлись въ классы во всѣ послѣдующіе мѣсяцы учебнаго года; если же именныхъ списковъ за эти послѣдующіе мѣсяцы не было, то предположено было исключить изъ общаго числа учившихся къ 1-му января тѣхъ учениковъ, которые не являлись ни разу въ классы по всѣмъ предметамъ въ теченіе предшествовавшихъ ноября и декабря. При такомъ условіи данныя о числѣ учившихся въ десятилѣтній періодъ оказались въ слѣдующемъ видѣ.

„Общее число учившихся въ Тобольской гимназій было къ 1-му января:

	1857.	1858.	1859.	1860.	1861.	1862.	1863.	1864.	1865.	1866.	Среднее число.
не болѣе	150	170	190	186	180	191	185	161	160	146	172

„Изъ этихъ чиселъ получаютъ слѣдующіе выводы: а) Число учившихся въ гимназій съ 1857 по 1859 годъ возрастало, увеличиваясь ежегодно болѣе чѣмъ на 10 процентовъ противъ числа учившихся въ предыдущемъ году. б) Въ 1860 и 1861 годахъ оказывается убыль учащихся, которая въ послѣднемъ году простирается болѣе чѣмъ на 5 процентовъ противъ цифры 1859 года. в) Въ 1862 году число учившихся вновь возрастаетъ болѣе чѣмъ на 5 процентовъ, такъ что достигаетъ цифры 1859 года и даже нѣсколько болѣе. г) Въ послѣдующіе за тѣмъ годы происходитъ постепенная убыль числа учащихся, такъ что въ послѣдній годъ десятилѣтнаго періода общее число учившихся менѣе 1862 года почти на 24 процента ¹⁾, а противъ средняго числа почти на 15 процентовъ. д) Наибольшее число учившихся въ гимназій, дѣйствительно, было въ 1862 году, и съ того времени началась постоянная убыль, какъ это замѣчено и въ статьѣ (случайнаго возрастанія числа учившихся въ 1864 году, не было, а напротивъ была убыль); но число учившихся никогда не доходило до той наибольшей цифры, какая показана въ статьѣ, то-есть, до 285.

„Что касается до причинъ, по которымъ измѣнялось общее число учившихся въ десятилѣтній періодъ, то причины эти можно предполагать слѣдующія:

1) „*Различіе въ строгости пріемныхъ испытаній.* Въ первые три года разсматриваемаго періода принимались въ гимназію всѣ явля-

¹⁾ «Эта убыль продолжается и въ 1867 и 1868 году, но къ 1869 году предвидится неожиданно значительное увеличеніе. Къ концу учебнаго 1867/68 года было въ гимназій 132 ученика, а въ настоящее время (4-го сентября 1868 года) находится 160 учениковъ».

шіеся на испытаніе съ тѣмъ различіемъ, что не выдержавшіе испытанія именовались вольными слушателями, хотя въ сущности ничѣмъ не различались отъ прочихъ учениковъ и показывались вмѣстѣ съ ними безъ различія въ общемъ числѣ учившихся. Число такихъ вольнослушателей доходило до 13 человекъ. Съ 1860 года вольныхъ слушателей по документамъ гимназіи уже не показывается, и въ этомъ уже году замѣчается убыль числа учившихся.

2) *Усиленіе дисциплинарныхъ мѣръ къ поддержанію внутренняго порядка въ заведеніи.* Съ начала учебнаго 18⁶²/63 года начинается усиленная работа по этому предмету въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи. Изъ журналовъ совѣта видно, что при разсужденіяхъ своихъ о мѣрахъ взыскапія и объ освобожденіи учениковъ отъ платы за ученіе, совѣтъ относился строго къ тѣмъ изъ учениковъ, которые отличались частыми мажнировками и небрежностью въ исполненіи обязанностей. Съ того же времени начинается и убыль числа учившихся.

3) *Различіе строгости переводныхъ испытаній.* До 1863 года при переводѣ учениковъ въ слѣдующіе классы допускались неудовлетворительные баллы по нѣсколькимъ предметамъ, лишь бы недостатокъ балловъ по нимъ восполнялся баллами по другимъ предметамъ. Съ 1863 года требуются отъ учениковъ для перевода удовлетворительные баллы по каждому изъ предметовъ отдѣльно.

4) *Открытіе новыхъ гимназій въ сосѣднихъ мѣстностяхъ.* Въ періодъ уменьшенія числа учащихся въ Тобольской гимназіи открыта гимназія въ Екатеринбургѣ, послѣ чего прекратилось поступленіе въ Тобольскую учениковъ изъ ближайшихъ мѣстностей Пермской губерніи. Еще болѣе должно было вліять на уменьшеніе числа учащихся открытіе въ тотъ же періодъ военной гимназіи въ г. Омскѣ и въ особенности военного училища въ самомъ Тобольскѣ, предлагавшихъ полное даровое содержаніе отъ казны на 200 учениковъ въ каждомъ заведеніи, тогда какъ Тобольская гимназія имѣла возможность содержать только 35 бесплатныхъ пансіонеровъ.

«Наконецъ, 5) вѣроятно, не безъ вліянія на уменьшеніе числа учившихся въ Тобольской гимназіи осталось замѣчаемое нинѣ *объединеніе населенія города Тобольска* и въ особенности переводъ изъ Тобольска военной комиссаріатской комиссіи, послѣ чего значительно уменьшились и денежные капиталы Тобольска, и число семействъ, помѣщавшихъ дѣтей въ гимназію.

Б. *О числѣ окончившихъ полный гимназическій курсъ.*

„Въ числовыхъ данныхъ, изложенныхъ въ брошюрѣ, относительно числа кончившихъ курсъ въ Тобольской гимназій, представляются также ошибки за 1860 и 1862 годы ¹⁾. По сличеніи этихъ данныхъ съ именными списками окончившихъ курсъ и постановленіями о нихъ педагогическаго совѣта оказывается, что число окончившихъ курсъ было:

	Съ аттеста- тами.	Со свидѣтель- ствами.	Всего.	По таблицѣ статей.
Въ 1857 году . . .	11	1	12	12
„ 1858 „ . . .	11	—	11	11
„ 1859 „ . . .	9	2	11	11
„ 1860 „ . . .	13	4	17	21
„ 1861 „ . . .	15	—	15	15
„ 1862 „ . . .	7	2	9	10
„ 1863 „ . . .	10	2	12	12
„ 1864 „ . . .	5	1	6	6
„ 1865 „ . . .	6	„	6	6
„ 1866 „ . . .	7	1	8	8
Общее число за де- сятилѣтній періодъ.	94	13	107	117
Среднее число . . .	9	1	10	13

„Замѣтить должно, что для безошибочности выводовъ слѣдуетъ обращать главнымъ образомъ вниманіе на число окончившихъ курсъ съ аттестатами. Окончившіе же курсъ со свидѣтельствами, собственно говоря, и не должны быть считаемы окончившими курсъ. Съ одной стороны извѣстно, что свидѣтельства эти, выдаваемые не выдержавшимъ удовлетворительно испытанія, не предоставляютъ никакихъ большихъ правъ, чѣмъ подобныя же свидѣтельства, выдаваемые вообще выбывающимъ изъ высшихъ трехъ классовъ; съ другой стороны, опытъ показываетъ, что на полученіе такихъ свидѣтельствъ соглашаются или тѣ изъ окончившихъ курсъ, которые сознаютъ, что они и на слѣдующій годъ не выдержатъ удовлетворительно испытанія, или тѣ, о которыхъ подобное же заключеніе составляютъ сами члены педагогическаго совѣта. Прочіе же изъ не выдержавшихъ экзамена обыкновенно остаются еще на годъ въ VII классѣ, чтобы добиться полученія аттестата.

¹⁾ Эти ошибки можно объяснить развѣ ошибками прежней вѣдомости. *Ред.*

„Вовторныхъ, едва-ли не слѣдуетъ обратить вниманіе и на разнородность самихъ аттестатовъ, выдававшихся окончившимъ курсъ именно въ два обильные по выпускамъ годы, то-есть, въ 1860 и 1861 годахъ. До этихъ годовъ аттестаты раздѣлялись только на двѣ категоріи: аттестаты съ правомъ на чинъ XIV класса и безъ права на этотъ чинъ. Въ 1860 и 1861 годахъ встрѣчается дѣленіе аттестатовъ еще на двѣ категоріи: съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена и аттестаты безъ этого права. Съ 1863 года это дѣленіе аттестатовъ на категоріи исчезаетъ, и окончивающимъ курсъ выдаются либо аттестаты, либо свидѣтельства, безъ всякихъ дальнѣйшихъ подраздѣленій. Отсюда почти безошибочно можно заключить, что если бы въ 1860 и 1861 годахъ существовало это послѣднее дѣленіе, то всѣ получившіе аттестаты безъ права поступленія въ университетъ получили бы только свидѣтельства. А такъ какъ въ 1860 году изъ 13 учениковъ только 7 получили право на поступленіе въ университетъ, равно и въ 1861 году изъ 15 получившихъ аттестаты также только 7 имѣли право на поступленіе въ университетъ, то числа окончившихъ курсъ съ полнымъ успѣхомъ представляются уже въ слѣдующемъ видѣ:

1857.	1858.	1859.	1860.	1861.	1862.	1863.	1864.	1865.	1866.	Всего.
11	11	9	7	7	7	10	5	6	7	80

„Что касается до другаго дѣленія аттестатовъ на разряды: съ правомъ на чинъ и безъ права на чинъ, то до введенія новаго устава гимназій, оно не имѣетъ никакого вліянія на выводы: аттестаты съ правомъ на чинъ давались учившимся въ гимназій законовѣдѣнію.

„Итакъ, изъ разсмотрѣнія вышеприведенныхъ числовыхъ данныхъ представляются слѣдующіе выводы: а) число окончившихъ курсъ съ полнымъ успѣхомъ въ первой половинѣ разсматриваемаго десятилѣтія было болѣе чѣмъ во второй, въ особенности если къ этому числу присовокупить и получившихъ въ 1860 и 1861 годахъ аттестаты безъ права на поступленіе въ университетъ. б) Число это подвергается въ теченіе десятилѣтняго періода постояннымъ колебаніямъ, то увеличиваясь, то уменьшаясь; но въ послѣдніе три года оно постоянно менѣе не только противъ первыхъ годовъ десятилѣтія, но и противъ средняго числа. в) Среднее число окончившихъ курсъ въ отношеніи въ среднему числу учившихся составляетъ около 5%.

„Что касается до причинъ уменьшенія числа окончившихъ курсъ во второе пятилѣтіе, то независимо отъ уменьшенія общаго числа

учившихся, причины эти заключаются въ усиленіи строгости выпускныхъ экзаменовъ. Изъ дѣлъ гимназій видно, что въ первомъ пятилѣтіи, при упомянутомъ выше дѣленіи аттестатовъ на категоріи, педагогическій совѣтъ гимназій находилъ возможнымъ выдавать аттестаты и не оказавшимъ удовлетворительныхъ познаній по нѣсколькимъ предметамъ при общемъ удовлетворительномъ среднемъ выводѣ изъ балловъ. Во второмъ же пятилѣтіи требуются отъ оканчивающихъ курсъ удовлетворительныя познанія по каждому предмету отдѣльно.

В. О числѣ выбывшихъ изъ низшихъ четырехъ классовъ гимназій.

„Что касается до числа выбывшихъ изъ низшихъ четырехъ классовъ, то въ настоящее время я не могу представить точныхъ по сему предмету свѣдѣній, какъ потому что отдѣльныхъ именныхъ списковъ выбывающимъ въ гимназій не велось, такъ и потому что общіе именные списки учившихся имѣются не за всѣ мѣсяцы десятилѣтія. Эта невозможность увеличивается еще тѣмъ, что нѣкоторые ученики, исключаемые за невзносъ платы, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вновь поступали въ заведеніе. Ограничусь только слѣдующими указаніями: а) Цифры, приведенныя въ статьѣ, приближаются болѣе къ общему числу выбывшихъ изъ всѣхъ семи классовъ, а не изъ низшихъ четырехъ. б) Во всякомъ случаѣ цифры, приведенныя въ статьѣ, несогласны съ дѣйствительностію. Такъ, въ 1859 году, за который имѣются полныя свѣдѣнія, положительно выбыло изъ низшихъ классовъ въ январѣ 3, въ февралѣ 5, въ мартѣ 1, въ сентябрѣ 5 и въ декабрѣ 1, — всего 15 учениковъ; слѣдовательно, противъ указаній брошюры въ полтора раза болѣе ¹⁾). Наоборотъ во второмъ пятилѣтіи, за которое также имѣются свѣдѣнія, число выбывшихъ изъ низшихъ классовъ показано въ статьѣ болѣе противъ дѣйствительнаго, именно число такихъ выбывшихъ учениковъ было:

	1862.	1864.	1864.	1865.	1866.
По именованнымъ вѣдомостямъ.	15	8	11	13	9
По таблицѣ статьи	19	23	20	17	11

„За такимъ разногласіемъ не представляется возможности сдѣлать какіе-либо выводы“.

Иркутская гимназія. Въ поясненіи выводовъ, замѣчаній и вопросовъ, сдѣланныхъ въ статьѣ относительно Иркутской гимназій, г. дя-

¹⁾ Должно было оказаться противное, если въ таблицѣ статьи показаны числа «выбывшихъ изъ всѣхъ 7 классовъ». *Ред.*

ректоръ представилъ слѣдующую „выписку изъ протокола засѣданія по этому поводу педагогическаго совѣта гимназій“ ¹⁾).

„Вопросы, возбужденные числовыми данными объ учащихся въ Иркутской гимназій, но не разрѣшенные ими, касаются числа учащихся, выбывшихъ изъ 4-хъ низшихъ классовъ гимназій и числа окончившихъ курсъ. Относительно числа учащихся разсматриваемая статья останавливаетъ вниманіе на томъ фактѣ, что въ первые 6 лѣтъ минувшаго десятилѣтія (1857 — 1866), хотя и не постепенно, число учащихся, какъ и слѣдовало ожидать, возрастало, достигнувъ наибольшихъ цифръ въ 1862 — 63 годахъ, именно, цифры 270 учениковъ; но затѣмъ, неожиданно, происходитъ уменьшеніе: въ 1864 г. число учениковъ падаетъ до 223, въ 1865 г. до 209 и въ 1866 г. возвращается къ цифрѣ 1857 года, именно, къ 221. Далѣе, при сравненіи числа выбывшихъ изъ 4-хъ низшихъ классовъ въ трехъ Сибирскихъ гимназіяхъ: Томской, Тобольской и Иркутской, рѣзко бросается въ глаза то, что число выбывавшихъ изъ Иркутской всегда равнялось и даже превышало сумму выбывавшихъ изъ двухъ другихъ, хотя общее число учащихся въ ней было гораздо менѣе суммы учащихся въ двухъ другихъ, такъ что отношеніе средняго числа выбывшихъ къ среднему числу учившихся даетъ слѣдующія процентныя цифры по этимъ гимназіямъ: Томской 4,9% Тобольской 8,1, Иркутской 12,4. Относительно числа оканчивающихъ курсъ статья замѣчаетъ, что эти числа по пятилѣтіямъ распадаются на двѣ группы, рѣзко различающіяся между собою; съ 1857 — 1861 г. это возрастаніе представило слѣдующія цифры: 5, 8, 13, 12, 14; въ 1862 г. число окончившихъ упало до 9 и оставалось неизмѣннымъ въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ; а въ 1866 г. было только 6 окончившихъ курсъ, то-есть, это число превышало цифру 1857 г. только единичею.

„Для объясненія этихъ вопросовъ, прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что различія въ числахъ за всѣ десять лѣтъ невозможно объяснить *всею* и притомъ категорически, положительно, такъ какъ многое при этомъ, конечно, необходимо приписать школьнымъ случайностямъ. Но нельзя сказать этого о рѣзкихъ колебаніяхъ въ числахъ, на которыя именно и указываетъ упомянутая статья: для нихъ есть причины, и заключаются онѣ частью въ томъ переходномъ состояніи, которое пережила Иркутская гимназія въ эти 10 лѣтъ, наравнѣ съ другими гимназіями Имперіи, а частью въ случайныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ.

¹⁾ Выписка получена въ департаментѣ народнаго просвѣщенія 17-го октября.

а) „Число учившихся въ первыя 7 лѣтъ разсматриваемаго десятилѣтія, благодаря развивающейся въ краѣ потребности образованія, возрастаетъ; въ 1862 — 63 годахъ поднялось оно до цифры 270, превышавшей даже матеріальныя средства заведенія: разумѣемъ недостатокъ помѣщенія и отъ малой платы за ученіе (10 руб.) недостатокъ спеціальныхъ средствъ гимназіи, не позволявшій открывать параллельныя классы. Такое увеличеніе числа учившихся въ эти два года слѣдуетъ приписать отчасти закрытію довольно многолюднаго (человѣкъ до 30) пансіона г. Гска, гдѣ воспитывались и приготавлились къ поступленію въ первыя классы гимназіи мальчики преимущественно иногородные; всѣ они на первый разъ, по закрытіи пансіона, поступили въ гимназію и значительно увеличили собой и безъ того немалое число учащихся въ гимназіи. Но такъ какъ бѣльшая часть пансіонеровъ г. Гска принадлежали къ сословію купеческому, для котораго нужнѣе образованіе спеціальное, то многіе изъ нихъ скоро вышли въ коммерческія училища и другія спеціальныя учебныя заведенія. Такимъ образомъ, даже независимо отъ осторожнаго пріема въ гимназію, къ которому гимназическое начальство должно было, наконецъ, прійти, въ виду дознанной опытомъ двухъ лѣтъ невозможности вести разумно воспитаніе большаго числа учениковъ, превышающаго средства заведенія, — уже одно упомянутое выше обстоятельство могло значительно вліять на уменьшеніе числа учащихся въ слѣдующіе за тѣмъ годы. Къ тому же около этого времени открыта была въ Иркутскѣ военная школа съ новымъ курсомъ и новыми условіями пріема. Въ прежней школѣ кантонистовъ обучались только дѣти нижнихъ военныхъ чиновъ; въ новую военную школу могли поступать, и дѣйствительно стали поступать, и дѣти офицеровъ, которые до преобразованія школы или уже учились въ гимназіи, или должны были поступить въ нее. Къ этому же времени относится распространеніе слуховъ о скоромъ открытіи реальной прогимназіи. Въ 1865 году вопросъ этотъ былъ уже рѣшенъ, а въ 1866 году она была открыта: многіе, конечно, родители, въ ожиданіи скораго ея открытія, не отдавали дѣтей въ гимназію, въ которой со введеніемъ новаго устава, увеличена была и плата за ученіе съ 20 ¹⁾ до 25 руб. Итакъ, если и при этомъ обстоятельствѣ Иркутская гимназія въ 1864 году имѣла 223 ученика, въ 1865 году 209, а въ 1866 г. 221 ученика, то-есть, столько же, сколько и въ 1857 — 59 годахъ, когда этихъ обстоя-

¹⁾ Выше въ этомъ же сообщеніи плата за ученіе показана въ 10 руб. Ред.

тельство не было, то цифры эти служатъ новымъ доказательствомъ развивающейся въ краѣ потребности образованія. Здѣсь неизлишне замѣтить, что и въ слѣдующіе за тѣмъ годы число учениковъ было значительно: въ 1867 году ихъ было 212, въ 1868 году 211 учениковъ, разумѣя здѣсь только тѣхъ, которые оставались въ гимназій къ концу учебнаго года, тогда какъ въ теченіе года ихъ бывало еще больше.

„Не говоритъ объ ослабленіи потребности образованія въ краѣ и большое число выбывшихъ изъ 4 низшихъ классовъ Иркутской гимназій, которыхъ въ теченіе 10 лѣтъ было 292. Объясненія этому явленію можно искать съ основательностію въ томъ, что многіе родители считаютъ доставляемое низшими классами гимназій образованіе достаточнымъ для практическихъ цѣлей. Различіе сословій, къ которымъ принадлежатъ учащіеся, въ настоящемъ случаѣ мало имѣетъ значенія¹⁾: ибо въ нашемъ краѣ, нуждающемся въ свѣдущихъ людяхъ, изъ нашей классической гимназій, удаленной отъ городовъ университетскихъ, имѣютъ побужденіе снѣшши выходомъ и принадлежащіе къ городскимъ и сельскимъ состояніямъ, удобно находя для себя занятія за прилавкомъ или въ конторахъ, и дѣти чиновниковъ, еще съ большимъ удобствомъ находящіе для себя занятія въ школахъ и канцеляріяхъ гражданскаго и военнаго управленія, очень немного теряя при этомъ сравнительно съ окончившими курсъ. Населеніе края ясно высказало свои потребности, когда въ 1866 году былъ поставленъ вопросъ: въ какую гимназію должна преобразоваться гимназія Иркутская—классическую или реальную? Большинство подало голосъ за реальную, какъ болѣе сообразную съ потребностями края. Удовлетворить этому желанію на первый разъ выпало на долю реальной прогимназій. Потому, разсматриваемая статья справедливо заключаетъ, что «Иркутская гимназія, болѣе двухъ другихъ Сибирскихъ гимназій, указываетъ на то, что мѣстное народонаселеніе нуждается, сверхъ гимназій, еще въ средне-учебномъ заведеніи съ инымъ курсомъ обученія, чѣмъ какой даетъ нынѣшняя гимназія». Именно, это населеніе нуждается въ общеобразовательномъ заведеніи съ законченнымъ курсомъ, не побуждающимъ большинства бѣдныхъ учениковъ къ поступленію въ университетъ, а къ этому и служить на первый разъ прогимназія. Этою нуждой объясняется и быстрое возрастаніе числа учащихся въ реальной прогимназій, а также перѣдкій переходъ въ нее, а равно и въ спеціальныя заведенія другихъ вѣдомствъ, учениковъ гимназій. Съ

¹⁾ Ср. сказанное на 20-й стр. настоящей статьи. *Ред.*

теченіемъ времени къ этой общей причинѣ присоединились еще другія, и число выбывавшихъ не только не уменьшалось, но еще увеличивалось. Въ 1862—63 годахъ число выбывшихъ изъ Иркутской гимназіи возрасло до 40, потому что, какъ мы видѣли, въ эти годы было наибольшее число учащихся, при чемъ трудно было не явиться и большому числу готовыхъ къ выходу изъ гимназіи. Подъ вліяніемъ сначала журнальныхъ статей, вопіявшихъ о недостаткахъ и послабленіяхъ въ жизни гимназій, а потомъ, подъ вліяніемъ новаго устава, требованія при переводѣ изъ класса въ классъ гимназіи усиливались, то-есть, условія для перевода въ слѣдующіе классы усложнились; притомъ понятія о сравнительномъ достоинствѣ классическаго и реального образованія въ это время еще не опредѣлились ни въ педагогической литературѣ, ни въ жизни, а между тѣмъ, по мѣстнымъ потребностямъ, многіе родители давно болѣе тяготѣли къ образованію реальному, чѣмъ къ классическому, получаемому въ гимназіи; къ тому же, плата за ученіе въ гимназіи, со введеніемъ новаго устава, увеличена была вдвое, и для бѣдныхъ сдѣлалась обременительною; наконецъ, подлѣ гимназіи открывасть двери для дѣтей военнаго класса „военная школа“ и принимаетъ ихъ даже на казенное содержаніе. Всѣ эти причины, въ связи съ общею, произвели то, что во вторую половину десятилѣтія число выбывшихъ не уменьшилось, а еще увеличилось: въ 1864 и 1865 годахъ было почти вдвое (34 и 31) въ сравненіи съ 1858 и 1859 годами (16 и 15), при равномъ числѣ учащихся (круглымъ числомъ по 220), а въ 1865 году, въ годъ начала дѣйствія новаго устава, даже изъ 209 вышло 30. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы, когда переходное состояніе миновалось, понятія общества болѣе установились и опредѣлились, въ числѣ выбывающихъ естественно было ожидать уменьшенія. И дѣйствительно, въ 1867 году выбывшихъ изъ низшихъ классовъ было 11 учениковъ, а въ 1868 году 13 учениковъ.

„Число окончившихъ курсъ въ Иркутской гимназіи въ минувшее десятилѣтіе, какъ и въ другихъ гимназіяхъ, не было велико; но его нельзя назвать и слишкомъ малымъ. По словамъ самой статьи, въ Сибирскихъ гимназіяхъ вообще отношеніе средняго числа окончившихъ курсъ къ среднему числу учившихся даетъ 4,8 на сто. Этотъ процентъ будетъ еще утѣшительнѣе, если принять во вниманіе тѣ менѣе благоприятныя мѣстныя условія, въ которыхъ Иркутская гимназія находится въ сравненіи съ гимназіями внутреннихъ губерній. По отдаленности края отъ городовъ университетскихъ, здѣсь стараются дойти до VII класса и кончить въ немъ съ успѣхомъ курсъ глав-

нымъ образомъ тѣ ученики, у которыхъ есть средства къ жизни въ университетѣ или которые разчитываютъ на казенную стипендію; не имѣющіе первыхъ и не разчитывающіе на послѣднюю, въ виду легкаго поступленія на службу, имѣютъ сильное побужденіе оставлять гимназію до окончанія курса, съ V класса (по окончаніи курса прогимназіи, дающаго имъ въ послѣдствіи право на чинъ безъ экзамена), особенно если къ недостатку средствъ къ жизни присовокупится неувѣренность въ успѣшномъ окончаніи курса. Этотъ основанный на фактахъ выводъ приводитъ къ тому, что окончившихъ курсъ здѣсь не можетъ быть много, что большее или меньшее число ихъ будетъ всегда зависѣть отъ разныхъ случайностей, и потому опредѣлять его процентнымъ отношеніемъ къ числу учащихся невозможно. Оттого и видимъ, что въ 1859 г. на 221 ученика окончившихъ курсъ приходится 13, а въ 1866 г. на то же число только 6. Не считая этихъ цифръ сравнительно слишкомъ малыми, статья однакожь съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на томъ бросающемся въ глаза фактѣ, что въ Сибирскихъ гимназіяхъ и въ частности въ Иркутской числа окончившихъ курсъ распадаются по пятилѣтіямъ на двѣ группы: съ 1857 по 1861 годъ процентныя отношенія ихъ къ числу учившихся вообще были 6 на сто учившихся, а съ 1862 — 1866 года только 3,7%, а въ частности въ Иркутской 4,5 и 3,5. Такое рѣзкое различіе въ этихъ двухъ группахъ, конечно, неосновательно будетъ объяснять одною школьною случайностью; но уловить и указать причины этого различія довольно трудно. Если не единственною, то главнѣйшею изъ нихъ во всякомъ случаѣ должно считать развившіяся съ теченіемъ времени большія требованія на экзаменахъ, особенно выпускныхъ, о чемъ было упомянуто выше. Но въ послѣдствіи, когда эти требованія все болѣе входили въ практику, теряя въ глазахъ самихъ учениковъ характеръ новости и неожиданности, число окончивающихъ курсъ увеличивается: въ 1867/68 учебномъ году, напримѣръ, ихъ было 11^а.

Томская гимназія не доставила сообщенія.

Сообщеніе Ковенской гимназіи.

„Оставляя управленіе Ковенскою гимназіей ¹⁾, я, вслѣдствіе предложенія департамента отъ 15-го мая за № 3920 (доставить свидѣ-

¹⁾ Сообщеніе доставлено нынѣшнимъ г. помощникомъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, 25-го сентября 1868 г., а потому оно и не могло быть напечатано своевременно, то-есть, въ августовской книжкѣ журнала. *Ред.*

нія въ поясненіе выводовъ, замѣчаній и вопросовъ, заключающихся въ присланной департаментомъ брошюрѣ о числѣ учившихся въ нашихъ гимназіяхъ съ 1857 по 1866 годъ, кои относятся въ Ковенской гимназіи), имѣю честь представить требуемыя поясненія:

а) „Брошюра эта возлагаетъ на новый уставъ слѣдующія четыре задачи: 1) «Возстановитъ приливъ учащихся въ гимназіи». Это, какъ видно изъ таблицъ брошюры, Ковенскою гимназіей уже сдѣлано. Но такъ какъ § 49 устава ограничиваетъ число учениковъ въ одномъ классѣ комплектомъ 40, или во всей гимназіи числомъ 280, а попечительскій совѣтъ Виленскаго учебнаго округа не разрѣшилъ Ковенской гимназіи открыть параллельныя отдѣленія, хотя гимназія можетъ это сдѣлать на собственныя средства, то на будущее время она должна противодѣйствовать приливу учениковъ. 2) Вторую задачу означенная брошюра полагаетъ въ увеличеніи числа оканчивающихъ курсъ. Это Ковенскою гимназіей достигнуто: въ 1867 году окончилъ курсъ 21 человекъ и въ нѣлѣшнемъ 20. Нужно, конечно, заботиться о томъ, чтобъ изъ учениковъ высшихъ классовъ никто не выбывалъ изъ-за бѣдности: нужно оказывать такимъ денежное пособіе, что въ Ковенской гимназіи и дѣлается. 3) Третья задача — «возвыситъ уровень познаній, выносимыхъ учащимися изъ гимназіи». Не знаю, каковы были прежде познанія учениковъ Ковенской гимназіи, но въ послѣдніе четыре года ежегодно поступало изъ нея по 5 и 6 человекъ въ университеты, которые остались ими довольны. Слѣдуетъ надѣяться, что древніе языки еще болѣе поднимутъ уровень знаній, хотя и теперь ученики VII класса довольно владѣютъ языками: греческимъ, латинскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ. 4) Четвертая задача — «утвердитъ правильное воззрѣніе общества на гимназическое дѣло». Эта задача будетъ достижима только тогда, когда все общество будетъ серьезно образовано; а это у насъ, за исключеніемъ, можетъ-быть, столицъ, возможно еще не скоро.

„Кромѣ этихъ четырехъ задачъ есть въ западныхъ нашихъ губерніяхъ еще одна, которая и труднѣе, и въ государственномъ отношеніи важнѣе прочихъ. Это обрусѣніе всѣхъ мѣстныхъ народностей, а для сего ослабленіе польскаго элемента и усиленіе русскаго, то-есть, уменьшеніе числа учениковъ польскаго происхожденія и увеличеніе числа учениковъ русскихъ, которые перевѣсомъ своимъ ассимилировали бы себѣ прочихъ. Эта послѣдняя задача, не смотря на ея очевидную трудность, не смотря на всѣ мѣстныя препятствія и исключительно католическое населеніе Ковенской губерніи, исполнена въ

Ковенской гимназіи слѣдующимъ образомъ. Въ 1862 году въ Ковенской гимназіи было 31 человѣкъ православныхъ учениковъ. Въ 1863 году изъ тѣхъ учениковъ, кои самовольно среди курса оставили гимназію, ни одинъ не принятъ обратно, и до сихъ поръ они не принимаются. За то приняты въ гимназію всѣ бывшія въ городѣ дѣти православныхъ солдатъ и православныхъ бѣдныхъ чиновниковъ, и замѣщены ими всѣ вакансіи дворянскихъ фондушевыхъ воспитанниковъ, оставшіяся свободными вслѣдствіе побѣга шляхетскихъ дѣтей *въ мѣсяцъ*. Послѣ того увеличена плата съ учениковъ до 30-ти рублей съ цѣлю выдавать изъ этого сбора бѣднымъ православнымъ ученикамъ, не имѣющимъ средствъ къ жизни, денежные пособия, что и доселѣ исполняется. Такимъ образомъ, число православныхъ учениковъ съ 31 человѣка въ 1862 году возрасло нынѣ до 100. Эти денежные пособия, смотря по успѣхамъ учениковъ и по бѣдности ихъ семействъ, простираются часто до 100 руб. Кроме того, всѣ православные ученики Ковенской гимназіи, конхъ отцы получаютъ мѣся 400 руб. жалованья, изъ этого же сбора получаютъ на книги и на уплату за себя за ученіе. Результатъ этого слѣдующій: со времени основанія Ковенской гимназіи въ 1843 году и до 1863 года, въ теченіе 20 лѣтъ, изъ окончившихъ полный курсъ наукъ было православныхъ всего 4 человѣка, да и то два сына директора гимназіи, одинъ сынъ инспектора гимназіи и одинъ законоучителя; а нынѣ ежегодно изъ Ковенской гимназіи по нѣскольку православныхъ учениковъ поступаютъ въ университетъ. Въ прошломъ году изъ 21 ученика, окончившихъ курсъ, православныхъ было 7; два православные получили медали; въ нынѣшнемъ также изъ 20-ти оканчивающихъ курсъ православныхъ было 7; два православные ученика получили медали и всѣ поступили въ университетъ. Одинъ изъ нихъ взятъ мною въ гимназію почти насильно изъ канцеляріи, гдѣ былъ писцомъ, и нынѣ находится въ Московскомъ университетѣ. Такимъ образомъ для усиленія русскаго элемента Ковенскою гимназіей сдѣлано было все, что было возможно“.

Не доставили еще своихъ отзывовъ и сообщеній окружныя управления *Виленское, Одесское и Сибири*, и гимназіи *Бьлоцерковская, Бьлостокская, Екатеринославская, Дерптская и Томская*. Ожидается также отзывъ отъ управленія *Николаевскими учебными заведеніями*.

Поправка.

Въ августовской книжкѣ журнала (Совр. Лѣт. стр. 284), въ извлеченіи изъ сообщенія *Самарской* гимназіи, — послѣ словъ: „Изъ нихъ по категоріямъ чиселъ, разсматриваемыхъ въ статьѣ, получаютъ слѣдующія новыя данныя“ — пропущена слѣдующая таблица.

	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	
Общее число учениковъ	107	128	146	149	167	170	174	172	178	191	Среднее число. 158
Выбыло изъ низшихъ классовъ . .	10	19	27	19	15	16	35	24	24	20	Всего. 209
Окончило курсъ: съ аттестатомъ . . .	—	—	—	2	2	4	5	2	2	—	Всего. 17
со свидѣтельствомъ.	—	—	—	—	4	2	3	2	—	3	14

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

Обсужденіе въ университетѣ св. Владиміра дѣла о замѣщеніи каѳедры философіи и возбужденные при этомъ вопросы относительно конкурсовъ на вакантныя каѳедры. — Баллотированіе преподавателя философіи въ Харьковскомъ университетѣ. — Баллотированіе для оставленія на службѣ въ томъ же университетѣ профессоровъ Палюмбецкаго и Станиславскаго. — Избраніе въ университетѣ св. Владиміра ординарнаго профессора по каѳедрѣ исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ. — Пренія въ Харьковскомъ университетѣ по поводу предложеннаго кандидата для преподаванія гигиены, медицинской полиціи и токсикологіи. — Ученые диспуты. — Командировка и отпускъ съ ученою дѣлю. — Избраніе Палацкаго въ почетные члены Харьковскаго университета. — Особыя порученія совѣту университета св. Владиміра. — Свѣдѣнія относительно Харьковскаго университета, потребованныя совѣтомъ Мельборнскаго университета.

Въ историко-филологическомъ факультетѣ и въ совѣтѣ университета св. Владиміра происходили совѣщанія по дѣлу о замѣщеніи каѳедры философіи, при чемъ были возбуждены вопросы, касающіеся конкурсовъ на вакантныя каѳедры. Нельзя не пожалѣть, что совѣтъ университета св. Владиміра отложилъ обсужденіе этихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ желательно въ установленномъ для сего порядкѣ. Историко-филологическій факультетъ, по случаю окончившагося 1-го мая срока конкурсу по вакантной каѳедрѣ философіи, имѣлъ два засѣданія, одно 1-го, а другое 7-го мая. Въ первомъ засѣданіи, въ которомъ участвовали всѣ пять членовъ факультета, послѣ доклада о томъ, что конкуррируютъ три лица, а именно: магистръ философіи *Скворцовъ* и докторы философіи *Троицкій* и *Гогоицкій*, факультетъ прежде всего приступилъ къ рѣшенію вопроса, слѣдуетъ ли до баллотировки конкурентовъ въ факультетѣ и совѣтѣ сдѣлать критическо-сравнительный раз-

боръ ихъ ученыхъ трудовъ, или ограничиться при оцѣнкѣ ученыхъ заслугъ каждаго конкуррента тѣмъ мнѣніемъ, которое могли уже и безъ того составить себѣ члены какъ факультета, такъ и совѣта, по существующимъ въ литературѣ отзывамъ ученыхъ специалистовъ, а также ознакомившись сами съ сочиненіями упомянутыхъ лицъ. При этомъ нѣкоторые члены факультета выразили мнѣніе, что сравненіе ученыхъ трудовъ вообще довольно затруднительно, особенно когда приходится сравнивать ученыя достоинства лицъ, коихъ дѣятельность различается своимъ направленіемъ, содержаніемъ, даже большею или меньшею продолжительностью, не говоря уже о томъ, что составленіе критическо-сравнительнаго разбора потребовало бы значительнаго времени, тогда какъ все-таки результатъ по всей вѣроятности оказался бы тотъ, что всѣ три конкуррента суть люди достойные, могущіе съ пользою для науки и студентовъ преподавать философію. Наконецъ, если бы даже какой бы то ни было специалистъ въ этой наукѣ рѣшился аподиктически подать свой голосъ исключительно въ пользу одного изъ трехъ конкуррентовъ, или въ отношеніи ихъ ученыхъ заслугъ установилъ извѣстную градацію, то спрашивается, до какой степени могъ бы быть обязателенъ такой отзывъ для членовъ не только совѣта, но и факультета, которые имѣли возможность сами ознакомиться съ трудами конкуррентовъ? Противъ такого взгляда подали свой голосъ другіе изъ членовъ факультета, объявивъ, что дѣло такой важности, какъ замѣщеніе кафедры философіи, стоитъ того, чтобы сочиненія, представленныя конкуррентами, были тщательно разсмотрѣны и разобраны и чтобы послѣ сдѣланнаго сравненія ученыхъ заслугъ каждаго изъ нихъ опредѣлялось съ ясностью, кто изъ нихъ по справедливости имѣетъ преимущество; что для этого нѣтъ никакой надобности торопиться; что, конечно, всѣ три конкуррента люди болѣе или менѣе достойные, но задача конкурса именно и состоитъ въ томъ, чтобы былъ избранъ достойнѣйшій, и что если такой будетъ указанъ членами факультета и совѣта, то они, конечно, и будутъ правственно обязаны подать свой голосъ въ пользу достойнѣйшаго. Въ подтвержденіе былъ приведенъ § 21 положенія объ испытаніяхъ на званіе дѣйствительнаго студента и на ученыя степени, предписывающій, чтобы простаа магистерская диссертация, составляющая только одно изъ условій для пріобрѣтенія степени магистра, разсматривалась всѣми членами факультета и чтобы письменный разборъ оной дѣлалъ профессоръ или занимающій кафедру доцентъ, въ предмету котораго принадлежитъ сочиненіе; если на такое разсмотрѣніе и разборъ назначено въ

случаѣ надобности шесть мѣсяцевъ, то тѣмъ съ большею осторожностью и осмотрительностью, тѣмъ съ болѣеимъ вниманіемъ къ ученымъ трудамъ должно поступать до приступленія къ выбору посредствомъ баллотировки лицъ, конкурирующихъ для занятія профессорской каедры. Въ пользу перваго изъ двухъ вышеизложенныхъ мнѣній подали въ факультетѣ свой голосъ три члена, въ пользу втораго — два. Казалось такимъ образомъ, что вопросъ былъ рѣшенъ и что въ слѣдующемъ засѣданіи факультетъ могъ бы подвергнуть баллотировкѣ всѣхъ трехъ конкурентовъ, и затѣмъ представить ихъ для баллотирования въ совѣтъ. Но засѣданіе 7-го мая должно было начаться съ чтенія письма г. Гогоцкаго на имя декана историко-филологическаго факультета. Въ этомъ письмѣ г. Гогоцкій не отказывался отъ участія въ конкурсѣ въ томъ смыслѣ, какъ онъ понимаетъ оный, то-есть, что „это есть какъ бы ученое состязаніе лицъ, желающихъ занять мѣсто профессора въ университетѣ, при чемъ предполагается вполнѣ компетентный судъ изъ лицъ, могущихъ дать справедливое сужденіе о конкурирующихъ“; но онъ въ то же время объявилъ, что „если участвовать въ конкурсѣ значить ни болѣе, ни менѣе какъ только подвергнуться баллотировкамъ въ факультетѣ и совѣтѣ, безъ предварительной ученой оцѣнки конкурентовъ компетентными специалистами“, то онъ будетъ принужденъ устраниваться отъ участія въ такомъ конкурсѣ. Съ одной стороны это заявленіе г. Гогоцкаго, которымъ онъ не отказывался отъ конкурса безусловно, а съ другой — необозначеніе въ уставѣ, какъ именно должно поступать съ конкурентами вообще и кромѣ того съ конкурентами изъ профессоровъ, не избранныхъ совѣтомъ на пятилѣтіе, породили въ факультетѣ недоумѣніе о томъ, долженъ ли онъ подвергнуть баллотированію только двухъ конкурентовъ, гг. Троицкаго и Скворцова, безъ предварительнаго при томъ критическо-сравнительнаго разбора ихъ сочиненій, или же сдѣлать предложеніе совѣту отправить сочиненія, представленныя конкурирующими тремя лицами, въ томъ числѣ и г. Гогоцкимъ, компетентнымъ специалистамъ, коимъ было бы поручено составленіе критическо-сравнительнаго разбора тѣхъ сочиненій. Затѣмъ дѣло это факультетъ представилъ на рѣшеніе совѣта, и оно разсматривалось въ засѣданіи 10-го мая. Совѣтъ не считъ себя въ правѣ входить въ обсужденіе письма г. Гогоцкаго, какъ имѣющаго, по мнѣнію совѣта, совершенно частный и неофициальный характеръ, но принимая затѣмъ во вниманіе, что всѣ три соискателя одобряются факультетомъ для занятія каедры философіи, а также имѣя въ виду обширность и важ-

ность этой кафедры, въ составъ которой входитъ пять предметовъ (философія, исторія философіи, логика, психологія и педагогія), требующіе, для современнаго и полнаго ихъ изложенія, по крайней мѣрѣ, двухъ преподавателей, и что эти два преподавателя, по словесному заявленію г. декана факультета, крайне необходимы, совѣтъ постановилъ: просить историко-филологической факультетъ подвергнуть гг. Троицкаго, Скворцова и Гогоцкаго баллотировкѣ для избранія изъ нихъ двухъ преподавателей по кафедрѣ философіи, затѣмъ представленныхъ факультетомъ лицъ подвергнуть въ засѣданіи совѣта 17-го мая баллотировкѣ, присовокупивъ при томъ, что г. Троицкій имѣетъ быть подвергнутъ баллотировкѣ въ ординарные профессора и что г. Гогоцкому, для занятія искомой имъ кафедры, необходимо получить, на основаніи § 78 уст. унив., двѣ трети голосовъ совѣта университета. Совѣтъ университета, желая сдѣлать объявленный для замѣщенія кафедры философіи конкурсъ возможно болѣе доступнымъ, хотя и допустилъ къ этому конкурсу, по представленію историко-филологическаго факультета, бывшаго профессора г. Гогоцкаго, но въ то же время усматривая, что въ уставѣ университетовъ нѣтъ опредѣленнаго указанія о томъ, могутъ ли забаллотированные профессора участвовать въ конкурсахъ, счелъ своимъ долгомъ просить ходатайства г. попечителя Кіевского учебнаго округа о разъясненіи, можетъ ли профессоръ, выслужившій 25 лѣтъ по учебному вѣдомству и не избранный совѣтомъ для продолженія службы, участвовать въ конкурсѣ, объявленномъ для замѣщенія той кафедры, которую онъ занималъ въ семъ университетѣ. Опредѣляя, что для избранія г. Гогоцкаго необходимо большинство двухъ третей голосовъ, совѣтъ руководствовался въ семъ случаѣ какъ § 78 уст. унив., въ которомъ сказано, что профессора, выслужившіе 25-лѣтніе сроки, оставляются на новую службу не иначе, какъ по новому избранію въ совѣтѣ двумя третями голосовъ, такъ равно и тѣмъ, что иначе баллотировка въ подобныхъ настоящему случаяхъ могла бы послужить къ нарушенію истиннаго смысла приведеннаго параграфа; но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ, находя, что въ упомянутомъ § устава не обозначенъ точно способъ баллотированія при конкурсахъ профессоровъ, выслужившихъ 25 и 30-лѣтніе сроки, опредѣлилъ и по этому вопросу просить разъясненія министерства. Деканъ историко-филологическаго факультета *Селинъ* заявилъ въ совѣтѣ, что онъ войдетъ съ особымъ мнѣніемъ по вышеизложенному дѣлу.

Въ исполненіе опредѣленія совѣта, историко-филологическій фа-

культетъ, въ засѣданіи 13-го мая, подвергъ баллотированію всѣхъ трехъ конкурентовъ и всѣ они получили по четыре избирательныхъ шара и по одному неизбирательному. Затѣмъ въ засѣданіи совѣта 17-го мая г. ректоръ доложилъ: прошеніе г. Гогоцкаго, который донесъ, что онъ устраняетъ себя отъ участія въ конкурсѣ, а равно и отъ баллотирования, а потомъ — донесеніе историко-филологическаго факультета о вышеприведенномъ результатѣ произведеннаго баллотирования. Совѣтъ, имѣя въ виду отказъ г. Гогоцкаго, призналъ необходимымъ подвергнуть баллотированію только гг. Троицкаго и Сворцова, перваго — въ ординарные профессора, а втораго — въ доценты по кафедрѣ философіи, и въ то же время постановилъ: состоявшееся въ засѣданіи 10-го мая опредѣленіе совѣта относительно разрѣшенія вопросовъ объ участіи въ конкурсахъ профессоровъ, выслужившихъ 25 и 30-лѣтніе сроки, и о способѣ баллотирования сихъ лицъ для занятія кафедръ по конкурсамъ, не приводя въ исполненіе, подвергнуть вновь обсужденію въ послѣдствіи, если представится въ этомъ надобность. Затѣмъ совѣтъ, въ концѣ засѣданія, приступилъ къ баллотированію, по окончаніи котораго оказалось, что г. Троицкій получилъ 20 избирательныхъ шаровъ и 6 неизбирательныхъ, и г. Сворцовъ — 15 избирательныхъ и 11 неизбирательныхъ. Между тѣмъ до производства баллотирования выслушано было совѣтомъ упомятое выше особое мнѣніе г. Селлина, заключающееся въ нижеслѣдующемъ. По его мнѣнію, § 78 уст. унив. не имѣетъ никакого отношенія къ лицамъ конкурирующимъ. Профессоръ, избираемый на новое пятилѣтіе, баллотировается *безотносительно, безъ сравненія* съ другими; тутъ все зависитъ отъ добросовѣстнаго убѣжденія избирателей въ ученыхъ и преподавательскихъ достоинствахъ избираемаго. Другое дѣло конкурентъ изъ профессоровъ, не избранныхъ на новое пятилѣтіе: по мнѣнію г. Селлина, такой профессоръ всегда можетъ явиться на конкурсъ; тутъ судятъ о немъ не по идеалу профессора, а относительно и сравнительно съ другими соискателями; самъ по себѣ далекій отъ идеала, онъ можетъ быть къ нему ближе, нежели другіе конкуренты. Далѣе г. Селлинъ утверждаетъ, что факультеты и совѣты должны дорожить довѣріемъ лицъ, которыя идутъ къ нимъ на судъ, какъ соискатели, и потому при конкурсахъ *необходимо сравнительно-критическій разборъ* (представленныхъ сочиненій) *со стороны профессора-спеціалиста*; а если его въ факультетѣ нѣтъ, то такое довѣріе конкурентовъ обязываетъ факультеты и совѣты препровождать представленныя на конкурсъ сочиненія въ тотъ университетъ, гдѣ есть про-

фессоръ-спеціалистъ, который можетъ и даже долженъ представить сравнительно-критическій разборъ ихъ. Въ засѣданіи факультета 14-го мая три конкуррента получили по 4 избирательныхъ и по одному неизбирательному шару. Въ совѣтѣ могутъ быть избраны только двое, а можетъ-быть, и одинъ: не будутъ ли въ правѣ неизбранные протестовать, потому что ихъ сочиненій не разсматривали сравнительно-критически? Наконецъ, при отсутствіи опредѣленности правилъ, возникло другое недоумѣніе: имѣетъ ли право совѣтъ бывшего профессора Гогоцкаго, не избраннаго на пятилѣтіе, для избранія его при конкурсѣ требовать большинства $\frac{2}{3}$ голосовъ? Онъ уже разъ не получилъ требуемаго числа голосовъ; слѣдовательно, если является снова, то не за $\frac{2}{3}$ -ми голосовъ, а съ тѣмъ, чтобы положиться на судъ университета на основаніи сравнительно-критическаго разбора: кто достоинѣе изъ соискателей, онъ или другіе. Въ заключеніе г. Селинъ заявилъ, что подчинившись постановленію большинства какъ въ факультетѣ, такъ и въ совѣтѣ, онъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ, выраженнымъ другими членами, и потому счелъ долгомъ просить совѣтъ обратиться къ министерству за рѣшеніемъ нижеслѣдующихъ вопросовъ въ принципѣ, по мнѣнію г. Селина, весьма важныхъ какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и въ будущихъ: 1) Можетъ ли забаллотированный профессоръ конкуррировать на кафедре? 2) Если можетъ, то какъ его баллотировать: равноправно и притомъ одновременно съ другими, чтобы разомъ видѣть, кто получитъ больше избирательныхъ шаровъ, или его должно баллотировать особо, требуя для избранія его большинства $\frac{2}{3}$ -й голосовъ? 3) Если министерство признаетъ, что онъ долженъ баллотироваться наравнѣ съ другими конкуррентами абсолютнымъ большинствомъ голосовъ, то какъ его избирать: какъ лицо, поступающее на ученую службу, то-есть, на 25 лѣтъ, или на пятилѣтіе? 4) Если въ известномъ факультетѣ нѣтъ профессора-спеціалиста, то не потрясетъ ли совѣтъ довѣрія къ себѣ, если, вмѣсто сравнительно-критическаго разбора, будетъ удовлетворяться *отзывами* литераторовъ и ученыхъ, безъ показанія относительнаго достоинства сочиненій; иначе, должно или не должно препровождать конкурсные сочиненія къ профессору-спеціалисту другаго университета для сравнительно-критическаго разбора, когда своего профессора-спеціалиста нѣтъ? 5) Должны ли соискатели прочесть по двѣ пробныя лекціи и притомъ всѣ въ одномъ изъ университетовъ, для того чтобы сравнительное сужденіе и приговоръ могли быть совершенно полные, какъ объ ученыхъ, такъ и о преподавательскихъ способностяхъ конкуррен-

товъ? Совѣтъ, по выслушаніи мнѣнія г. Селина, имѣя въ виду прошеніе г. Гогоцкаго объ отказѣ его отъ участія въ конкурсѣ и состоявшееся уже рѣшеніе совѣта, постановилъ мнѣніе г. Селина записать въ протоколъ засѣданія (*Кіев. Унив. Изв.* №№ 7 и 8).

— Незадолго передъ сужденіями о замѣщеніи каѳедры философіи, происходившими въ университетѣ св. Владиміра, тотъ же вопросъ былъ предметомъ сужденій и въ Харьковскомъ университетѣ. Историко-филологическій факультетъ этого университета, озабочиваясь замѣщеніемъ каѳедры философіи, но не имѣя въ виду кандидата, призналъ необходимымъ возложить чтеніе этого предмета хотя бы на временнаго преподавателя и предложилъ г. Гогоцкому прибыть съ этою цѣлію въ Харьковъ. Его согласіе принять на себя трудъ преподаванія философіи въ Харьковскомъ университетѣ встрѣчено было въ факультетѣ тѣмъ съ большею готовностію, что послѣдній не безъ надежды усматривалъ возможность, при посредствѣ опытнаго профессора, приобрести достойнаго ему преемника изъ среды новыхъ его слушателей, не теряя въ то же время права замѣстить каѳедру достойнѣйшимъ, если бы такой нашелся хотя въ самый ближайшій срокъ. Посему факультетъ, на основаніи единогласнаго въ немъ избранія г. Гогоцкаго, просилъ совѣтъ университета пригласить его на годъ для чтенія философіи съ вознагражденіемъ, соотвѣтствующимъ содержанію ординарнаго профессора. Представляя объ этомъ совѣту, факультетъ присовокупилъ, что онъ находитъ излишнимъ распространяться о профессорскихъ достоинствахъ предложеннаго преподавателя, принимая въ соображеніе съ одной стороны долготѣнюю и полезную его службу въ одномъ изъ русскихъ университетовъ именно по каѳедрѣ философіи, а съ другой стороны учено-литературные труды г. Гогоцкаго, свидѣтельствующіе сколько о неутомимой его дѣятельности до послѣднихъ дней, столько же и о замѣчательномъ успѣхѣ, съ которыми разработаны имъ многіе болѣе или менѣе важные вопросы, составляющіе предметъ его специальныхъ занятій. Но ходатайство факультета не имѣло успѣха: по произведенной въ совѣтъ, въ засѣданіи 9-го апрѣля, закрытой подачѣ голосовъ, въ пользу приглашенія г. Гогоцкаго оказалось 12 голосовъ, а противъ приглашенія — 18, и такимъ образомъ Харьковскій университетъ остался на неопредѣленное время безъ преподавателя философіи (*Проток. Харьков. унив.* № 4).

— Въ томъ же засѣданіи совѣта Харьковскаго университета (9-го апрѣля) произведено было баллотированіе на оставленіе на службѣ за выслугою сроковъ: заслуженнаго ординарнаго профессора уголов-

наго права г. *Палюмбецкаго* и ординарнаго профессора энциклопедіи права г. *Станиславскаго*. Г. Палюмбецкій, въ теченіе слишкомъ 30-ти лѣтъ съ честію для университета занимающій одну изъ важнѣйшихъ кафедръ юридическаго факультета, извѣстенъ слѣдующими своими сочиненіями: 1) „О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву сравнительно съ германскимъ законодательствомъ“. 2) „О развитіи и происхожденіи пенитенціарной системы“. 3) „Объ устномъ и публичномъ судопроизводствѣ“. 4) „О слѣдствіи въ словесномъ и публичномъ процессѣ“. 5) „Джонъ Говардъ и состояніе тюремъ въ Европѣ въ концѣ XVII столѣтія“. 6) Разборъ сочиненія г. Власьева „О вмѣненіи“, представленнаго на уваровскую премію. Члены юридическаго факультета, имѣя въ виду, что съ оставленіемъ г. Палюмбецкимъ университета, онъ лишился бы достойнѣйшаго профессора и вмѣстѣ съ тѣмъ одного изъ лучшихъ представителей науки уголовного права не только въ Харьковскомъ университетѣ, но и въ цѣлой Россіи, старались предварительно склонить г. Палюмбецкаго на изъявленіе согласія продолжать службу, и получивъ таковое, единогласно положили ходатайствовать предъ совѣтомъ объ оставленіи г. Палюмбецкаго на службѣ еще на 3 года, то-есть, по 20-е сентября 1871 года. На произведенномъ въ совѣтѣ баллотированіи онъ получилъ 21 избирательный баллъ и 8 неизбирательныхъ. Наука энциклопедіи права имѣла въ Харьковскомъ университетѣ, по свидѣтельству юридическаго факультета, достойнаго преподавателя въ лицѣ даровитаго профессора и декана г. Станиславскаго. Ему факультетъ обязанъ и основательнымъ преподаваніемъ по вакантной съ давняго времени кафедрѣ римскаго права. По поводу истеченія срока 25-лѣтней службы г. Станиславскаго, юридическій факультетъ свидѣтельствовалъ предъ совѣтомъ о заслугахъ и опытности этого профессора, какъ преподавателя, и выразилъ свое единогласное желаніе удержатъ его въ своей средѣ для пользы университета и на послѣдующее пятилѣтіе. При этомъ факультетъ счелъ нужнымъ указать на нижеслѣдующія сочиненія г. Станиславскаго, изданныя имъ въ продолженіе его службы: 1) „Объ укрѣпленіи правъ на имущество (Казань, 1842)“. 2) „Объ отношеніи закона общественнаго къ закону гражданственному и о развитіи перваго изъ нихъ въ обществѣ“ (*Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.* 1852, № 12). 3) „О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи и о результатахъ современнаго его направленія (Казань, 1853)“. 4) „Систематическій указатель сочиненій юридическаго содержанія, изданныхъ въ Россіи съ 1830 по 1852 годъ включительно. (Спб. 1853)“ (изъ *Журнала Мин. Народн. Просвѣщ.*

ч. LXXX). 5) „Исслѣдованіе началъ огражденія имущественныхъ отношеній въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго законодательства (Казань, 1854)“ (изъ *Юридич. Сборн.* Мейера). 6) „О происхожденіи положительнаго права (Харьковъ, 1856)“. 7) „О вліяніи христіанства на развитіе семейнаго права, преимущественно у Римлянъ (Харьковъ, 1860)“. 8) „Данте Алигьери, біографическій очеркъ (Спб. 1864)“. Но произведенное въ совѣтѣ баллотированіе было не въ пользу г. Станиславскаго: избирательныхъ балловъ оказалось 17, а неизбирательныхъ 12. Такой результатъ баллотированія побудилъ юридическій факультетъ немедленно принять зависящія отъ него мѣры къ тому, чтобы преподаваніе энциклопедіи законовѣдѣнія и римскаго права не было прервано въ слѣдующемъ академическомъ году. Но при малочисленности состава факультета не оказалось никакой возможности поручить кому-либо изъ наличныхъ его членовъ чтенія лекцій по этимъ предметамъ. Поставленный такимъ образомъ въ крайне затруднительное положеніе, факультетъ обратился къ г. Станиславскому съ просьбою принять на себя преподаваніе означенныхъ предметовъ по найму. Увѣдомляя совѣтъ, въ засѣданіи 16-го апрѣля, что г. Станиславскій уступилъ единогласнымъ желаніямъ и убѣжденіямъ своихъ товарищей, факультетъ счелъ справедливымъ ходатайствовать о назначеніи ему того же содержанія, какое онъ получалъ на службѣ за преподаваніе по обѣимъ кафедрѣмъ. Совѣтъ постановилъ рѣшить вопросъ объ оставленіи г. Станиславскаго на кафедрѣ въ слѣдующемъ засѣданіи, посредствомъ закрытой подачи голосовъ (*Проток. Харьков. университета № 4*).

— Въ совѣтѣ университета св. Владиміра, въ засѣданіи 10-го мая, состоялось избраніе (большинствомъ 22-хъ голосовъ противъ 5-ти) въ ординарные профессора по кафедрѣ исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ экстраординарнаго профессора того же университета *Ренненкампфа*, который, получивъ степень доктора государственнаго права, исполнилъ условія, необходимыя для занятія кафедры въ званіи ординарнаго профессора. Юридическій факультетъ, представляя о семъ совѣту, обратилъ вниманіе его, во первыхъ, на пользу, приносимую преподаваніемъ г. Ренненкампфа юридическому образованію въ университетѣ, въ чемъ факультетъ имѣлъ возможность убѣдиться на произведенныхъ студентамъ испытаніяхъ; во вторыхъ, на то, что г. Ренненкампфъ, кромѣ сочиненій, по которымъ онъ пріобрѣлъ ученныя степени (изъ нихъ послѣднее — „Очерки юридической энциклопедіи“ — составляетъ обширный трудъ), помѣ-

стиль въ повременныхъ изданіяхъ слѣдующія статьи: 1) „Исторія понятій о правѣ и собственности“ (*Юридич. Вѣстн.* Калачова 1860); 2) „О современномъ состояніи юридической энциклопедіи“ (*Юридич. Журн.* Солманова 1861); 3) разборъ сочиненія Стоянова: „Методы разработки положительнаго права“ (*Журн. Мин. Юст.* 1863); 4) разборъ „Энциклопедіи законовѣдѣнія“ Рождественскаго (*Юридич. Вѣстн.* 1863); 5) „О юридической энциклопедіи Аренса и о естественномъ правѣ или философіи права Шеллингга“ (*Юридич. Вѣст.* 1862). (*Кіев. Унив. Изв.* № 7).

— Въ медицинскомъ факультетѣ и въ совѣтѣ Харьковскаго университета происходили весьма продолжительныя пренія по возбужденному факультетомъ вопросу объ избраніи особаго преподавателя гігіены, которая по уставу соединяется въ одной кафедрѣ съ судебною медициною, токсикологіей и медицинскою полиціей. Въ январѣ мѣсяцѣ сего года г. профессоръ эмбриологіи, гистологіи и сравнительной анатоміи *Хронцевскій* вошелъ въ медицинскій факультетъ съ рапортомъ, въ которомъ изложилъ, между прочимъ, слѣдующее. Въ ряду прикладныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ медицинскомъ факультетѣ, судебная медицина съ гігіеною, медицинскою полиціей и токсикологіей занимаетъ, по своему обширному примѣненію въ государствѣ, весьма важное мѣсто. Въ прежнее время соединеніе всѣхъ этихъ предметовъ въ лицѣ одного преподавателя оправдывалось бѣдностью основныхъ наукъ, изъ которыхъ упомянутые предметы почерпали и всегда будутъ почерпять свое содержаніе. Въ настоящее время начала выдаваться рельефнѣе громадная важность распространенія въ обществѣ гігіеническихъ свѣдѣній; дознано многочисленными наблюденіями благотворное вліяніе гігіены на общественное здоровье и среднюю продолжительность жизни; къ тому же естественныя науки — фізіологія, химія, метеорологія и другія — почти ежедневно вносятъ въ гігіену новый матеріалъ, требующій самостоятельной переработки. Естественно, что подобная переработка требуетъ, кромѣ общаго медицинскаго образованія, основательнаго знакомства съ науками основными. Дальнѣйшая же насильственная связь этихъ предметовъ съ судебною медициною, какал существуетъ до сихъ поръ, останется на всегда бесполезною и будетъ тормозить преподаваніе предметовъ, имѣющихъ для Россіи особенно важное значеніе. Можно сказать безъ преувеличенія, что административная связь (внутренней научной связи этихъ наукъ нѣтъ) судебной медицины съ гігіеною и токсикологіей повела за собою преобладающее въ преподаваніи господство первой и подавляю-

ище вліяніе ея на развитіе послѣдней. Этимъ только можно объяснить то легкомысленное отношеніе къ столь важнымъ медицинскимъ предметамъ, какое господствуетъ у насъ въ средѣ врачей, отсутствіе той благодѣтельной инициативы въ улучшеніи условій нашей общественной и частной жизни, которая характеризуетъ врачебное сословіе западной Европы. Медицинскіе факультеты нашихъ университетовъ, безъ сомнѣнія, руководствуясь изложенными выше мотивами, рѣшили разорвать искусственную связь между судебною медициною и гигиеною и учредить для преподаванія послѣдней отдѣльную кафедру. Основываясь на этихъ соображеніяхъ г. Хронщевскій обратилъ вниманіе факультета на молодого ученаго, успѣвшаго уже приобрести своими трудами извѣстность въ наукѣ, — именно на доктора медицины *Н. Л. Залѣскаго*. Окончивъ въ 1860 году курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, онъ находился до 1862 года ординаторомъ при терапевтической клиникѣ. Затѣмъ въ томъ же году отправился на собственный счетъ за границу для изученія физиологической химіи и токсикологіи. Запимаясь въ химическихъ лабораторіяхъ Франціи и Германіи въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ усиленными трудами своимъ обратилъ на себя вниманіе заграничныхъ ученыхъ и Н. И. Пирогова, по представленію котораго въ 1864 году былъ принятъ въ число профессорскихъ кандидатовъ министерства народнаго просвѣщенія и командированъ за границу на 2½ года для приготовленія себя на кафедру медицинской химіи и токсикологіи. Такимъ образомъ онъ провелъ въ специальныхъ занятіяхъ за границу 4½ года и изъ нихъ 1½ года былъ ассистентомъ въ физиологической лабораторіи извѣстнаго профес. Гоппе. До какой степени г. Залѣскій съ пользою для себя и науки провелъ время за границею, доказываютъ слѣдующія его сочиненія: 1) „*Untersuchungen über den uraemischen Process und die Function der Nieren*“; 2) „*Ueber das Salamandrin, das Gift von Salamandra maculata*“; 3) „*Ueber die Zusammensetzung der Knochen des Menschen und verschiedener Thiere*“; 4) „*Ueber eisenfreies Haematin*“; 5) „*Beiträge zur physiologischen Wirkung der Blausäure*“; 6) „*Ein Fall von Soor im Magen*“; 7) „Пробная лекція, читанная въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи“; 8) „О физиологическомъ дѣйствіи плодовъ маншине-ля“; 9) „Руководство къ изслѣдованію воды, служащей для питья, техническихъ и хозяйственныхъ цѣлей, сост. д-ромъ Кубелемъ, дополн. Залѣскимъ“; 10) „Спектральный анализъ въ примѣненіи къ судебномедицинской практикѣ“ и 11) „О молокѣ въ медико-поллицейскомъ отношеніи“. По заявленію г. Хронщевскаго, всѣ эти труды, вмѣстѣ

взяты, свидѣтельствуютъ объ отличномъ знакомствѣ г. Залѣскаго съ основными науками: физиологіей, химіей, физикой и друг., и его обыкновенномъ трудолюбіи и любви къ наукѣ. По мнѣнію г. Хронщевскаго, рѣдко соединяются столь благоприятныя условія въ кандидатѣ для занятія кафедръ въ нашихъ университетахъ. Вслѣдъ за этимъ рапортомъ, въ томъ же засѣданіи медицинскаго факультета, профессоръ судебной медицины *Питра* 1-й прочелъ свой рапортъ. Въ этомъ рапортѣ, обративъ вниманіе на большое число предметовъ, которые числятся по кафедрѣ судебной медицины, и на современный объемъ ихъ, а также на то, что къ этой кафедрѣ новымъ уставомъ еще присоединено весьма многосложное занятіе по вновь учрежденному госпитальному судебно-медицинскому отдѣленію, г. Питра, по поводу предложенія, сдѣланнаго г. Хронщевскимъ, напомнилъ факультету, что онъ опредѣленіемъ своимъ, состоявшимся въ январѣ 1864 года, положилъ для предметовъ кафедры судебной медицины имѣть трехъ преподавателей, отдѣливъ отъ судебной медицины гигиену съ ея приточными предметами для другаго преподавателя и оставивъ при этомъ еще особую доцентуру для другихъ второстепенныхъ предметовъ и занятій по кафедрѣ судебной медицины. Затѣмъ г. Питра, упомянувъ о единогласномъ мнѣніи, недавно высказанномъ медицинскимъ и другими факультетами Харьковскаго университета, чтобы въ преподаватели, хотя бы и побочныхъ предметовъ известной кафедры, были избираемы только такія лица, которые представили доказательства целесообразныхъ познаній по главному предмету той кафедры, а не по второстепенному или даже вовсе отдѣльному предмету оной, присовокупилъ, что г. Залѣсскій, предназначенный для преподаванія гигиены, медицинской полиціи и токсикологіи, занимался спеціально химіею. По выслушаніи этихъ рапортовъ, факультетъ положилъ назначить г. Залѣсскому двѣ пробныя лекціи, которыя и были имъ прочитаны: первая, по его собственному выбору — „о мясной пищѣ“ (22-го января), вторая на предложенную факультетомъ тему — „о грибахъ въ медико-полицейскомъ отношеніи“ (24-го января). Въ засѣданіи медицинскаго факультета 25-го января пробныя лекціи г. Залѣскаго были подвергнуты обсужденію, при чемъ г. Питра 1-й прочелъ о нихъ письменное мнѣніе, въ которомъ, разсмотрѣвъ лекціи со стороны ихъ содержанія, указавъ на замѣченные имъ пробѣлы, и въ заключеніе сказалъ, что хотя обѣ лекціи были изложены хорошимъ русскимъ языкомъ, внятно и отчетливо, и показали солидныя познанія автора въ химіи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ токсикологіи, но не дали доказательствъ такого же зна-

комства его съ медицинскою полиціей и гигиеной. А какъ г. Залѣсскій и сочиненіями своими и лекціями заявляетъ о своемъ специальномъ знакомствѣ съ химіей и токсикологіей, то по мнѣнію г. Питры, медицинскій факультетъ, быть-можетъ, могъ бы приобрести въ немъ полезнаго преподавателя двухъ означенныхъ предметовъ; порученіе же ему медицинской полиціи съ гигиеной бесполезно усложнило бы его занятія и притомъ въ ущербъ его специальнымъ работамъ, тѣмъ болѣе что онъ, какъ видно изъ сочиненій его и изъ прочитанныхъ имъ лекцій, не посвящаетъ себя особому изученію медицинской полиціи и гигиены. Противъ мнѣнія г. Питры возражалъ г. проф. *Щелковъ*. Онъ находитъ обѣ лекціи вполне удовлетворительными относительно какъ содержанія, такъ и формы. Дѣлать упреки въ томъ, что въ 1-й лекціи было опущено то или другое, г. Щелковъ не видитъ основанія по двумъ причинамъ: 1) Никто не можетъ требовать, чтобы въ лекціи, продолжающейся $\frac{3}{4}$ часа, было высказано все, что можетъ быть сказано относительно такого обширнаго предмета, какъ гигиена мясной пищи, и 2) при сужденіи о пробной лекціи слѣдуетъ имѣть въ виду не то, что не было въ лекціи, а то, какъ было изложено то, что въ ней заключается. Въ заключеніе г. Щелковъ сказалъ, что лицо, имѣющее такія основательныя и несомнѣныя познанія въ физиологін и химіи — предметахъ, которые составляютъ главныя основы гигиены, можетъ быть вполне дѣльнымъ и толковымъ преподавателемъ этой науки. Съ мнѣніемъ г. Щелкова согласны были профессора: *Хронщевскій, Лазаревичъ, Маровскій* и *Станкевичъ*. Затѣмъ, по произведенному въ факультетѣ баллотированію г. Залѣскаго въ штатныя доценты для преподаванія гигиены съ медицинскою полиціей и токсикологіей, въ результатѣ оказалось 5 голосовъ избирательныхъ и 5 неизбирательныхъ, и положено было дѣло это представить на благоусмотрѣніе совѣта. По выслушаніи совѣтомъ представленія по вышеизложенному дѣлу, прочелъ письменное мнѣніе по оному г. проф. *Грубе*. Чтобы представить весь вопросъ болѣе яснымъ, онъ обратилъ вниманіе совѣта на слѣдующія обстоятельства: 1) на смыслъ предложенія кандидата для замѣщенія кафедры гигиены съ медицинскою полиціей и токсикологіей; 2) на значеніе и важность современной гигиены и медицинской полиціи, равно какъ и токсикологін; 3) на годность предложеннаго кандидата для предполагаемой *смеси* (какъ выражается г. Грубе) предметовъ, и 4) на необходимый масштабъ для выбора будущихъ кандидатовъ на кафедры медицинскаго факультета. Представленіе г. проф. Хронщевскаго, по мнѣнію г. Грубе, въ смыслѣ распре-

дѣленія кафедръ согласно уставу университетовъ 1863 года, слѣдуетъ понимать такъ: предлагается кандидатъ для токсикологін, какъ части судебной медицины, для гигиѣны и для медицинской полиціи. Дабы показать невыгоду соединенія въ одномъ кандидатѣ означенныхъ наукъ въ продолженіе 25-ти лѣтъ, г. Грубе слѣдующимъ образомъ обсуждаетъ задачи и значеніе сихъ наукъ. *Гигіена* (или наука о здоровьи), какъ говоритъ знаменитый по этому предмету проф. Эстервенъ, имѣетъ главнѣйшею своею задачею попеченіе о здоровьи не однихъ только отдѣльныхъ личностей, а цѣлыхъ обществъ и народовъ; она есть дитя новаго времени и основана на обширнѣйшемъ и глубокомъ изученіи естественныхъ наукъ. Если улучшеніе всѣхъ условій общественной жизни составляетъ, повидимому, главную заботу нашего времени, то гигиеническое попеченіе о здоровьи нельзя не разсматривать какъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ его. Подобно всѣмъ важнымъ открытіямъ, и гигиена имѣетъ болѣе глубокую цѣль и болѣе обширные предѣлы, чѣмъ это кажется съ перваго раза по поверхностному наблюденію. Она есть наука по преимуществу социальная, потому что главнѣйшая цѣль ея состоитъ въ улучшеніи благосостоянія общества. Но для того, чтобы наука о сохраненіи здоровья стала болѣе рациональною и достигла надлежащаго своего развитія, надо напередъ глубоко изучить человѣка, законы и условія его жизни, могущественное вліяніе на него воздуха и погоды, климата и жилища, а также нищ и занятій; слѣдовательно, кромѣ обширныхъ и разностороннихъ познаній въ естественныхъ наукахъ, особенно геологін, физикп, метеорологін, химіи, анатоміи, физиологін и др., необходимо изученіе занятій, нравовъ, обычаевъ общества и обширныя статистическія изслѣдованія. Въ образованнѣйшихъ государствахъ Европы, эта наука, на указанныхъ данныхъ основанная, уже успѣла принести не мало пользы обществу, сохраняя здоровье многихъ тысячъ, которыя погибли бы преждевременною смертію отъ пренебреженія предлагаемыхъ ею наставленій. Рациональная общественная гигиѣна для нашего времени, можетъ-быть, необходимѣе, чѣмъ когда-либо, потому что нашъ образъ жизни все болѣе и болѣе удаляется отъ природы. Уставъ университетовъ 1863 г. не безъ причины отнесъ гигиѣну къ кафедрѣ государственнаго врачевовѣдѣнія, такъ что, по смыслу устава, гигиѣна, какъ наука общественная, обнимаетъ не только весь образъ жизни отдѣльнаго человѣка, всѣ отношенія его къ окружающей средѣ и всѣ вліянія, которымъ онъ подвергается постоянно; но сверхъ того она должна поставить себѣ главною задачею изучать эти

условія въ цѣлыхъ обществахъ и заботиться о способахъ къ устраненію всѣхъ возможныхъ вредныхъ вліяній на нихъ. *Медицинская полиція* есть та часть медицинской науки, въ которой, на основаніи полицейскаго права, систематически изложены выбранныя изъ медицинскихъ и всѣхъ естественныхъ наукъ свѣдѣнія, которыя необходимы для достиженія извѣстныхъ цѣлей правительства. Она относится къ ученію о полицейскомъ правѣ точно такъ же, какъ судебная медицина къ уголовному праву; отъ судебной же медицины она столько же отлична, какъ полицейское право отъ уголовного. Дѣйствительная надобность въ ней совпадаетъ съ потребностью полицейскаго права вообще; чѣмъ выше цивилизація народа, чѣмъ обширнѣе социальныя отношенія въ государствѣ, тѣмъ болѣе очевиднымъ и важнымъ становится значеніе хорошей медицинской полиціи. Подъ названіемъ *токсикологіи* разумѣется та часть медицинской науки, которая имѣетъ предметомъ изученіе дѣйствія ядовитыхъ веществъ на человѣческой организмъ, и составляя часть судебной медицины, способствуетъ къ открытію причинъ насильственной смерти. Изъ этого краткаго обзора сущности упомянутыхъ наукъ видно, говоритъ г. Грубе, что въ такъ составленной медицинской каѳедрѣ соединяются, при сравненіи ея съ юридическимъ факультетомъ, уголовное, гражданское и полицейское право, политическая экономія и статистика, все вмѣстѣ съ точки зрѣнія медицинской. Понятно, что такимъ требованіямъ не можетъ удовлетворять предложенный кандидатъ, посвятившій себя, какъ видно изъ сочиненій его, изученію химіи и физиологіи. По мнѣнію г. Грубе, гораздо выгоднѣе для медицинскаго факультета оставить каѳедру вакантною до болѣе благопріятнаго времени, чѣмъ замѣщать ее на 25-лѣтній срокъ не соответствующимъ кандидатомъ. Далѣе онъ высказалъ убѣжденіе, что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ быть разборчивымъ въ выборѣ лицъ для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ; иначе медицинскій факультетъ недостоинъ пользоваться всѣми тѣми преимуществами въ учебномъ и ученомъ отношеніяхъ, которыя даетъ ему уставъ 1863 г., раздробляя и расширяя каждую изъ каѳедръ, положенныхъ по уставу 1835 г., и назначая каждой изъ нихъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, отдѣльныхъ силъ. Въ заключеніе г. Грубе, отдавая полную справедливость специальнымъ химическимъ и преимущественно токсикологическимъ познаніямъ г. Залѣскаго, заявилъ совѣту университета, что онъ готовъ согласиться на выборъ предложеннаго кандидата на штатную доцентуру токсикологіи, такъ какъ на этомъ поприщѣ онъ принесетъ несомнѣнную пользу факультету.

тету. Мнѣніе г. Грубе встрѣтило большую оппозицію со стороны гг. профессоровъ *Хронцевскаго, Бекетова, Лазаревича* и *Сокальскаго*, которые высказали въ совѣтѣ мнѣнія свои словесно и затѣмъ изложили ихъ письменно. Опровергая возраженія г. Грубе, направленные на сопоставленіе гигиены съ медицинскою полиціей и токсикологіей, г. Хронцевскій замѣчаетъ: „Медицинская полиція устроена проф. Грубе на основаніи полицейскаго права, которому покоряются медицинскія и естественныя науки для достиженія извѣстныхъ мѣръ правительства. Выраженіе *медицинская полиція*, особенно въ прежнее время, употреблялось, и у нѣкоторыхъ авторовъ (напримѣръ, Пэнпенгейма) и теперь употребляется, какъ синонимъ общественной гигиены; въ нашемъ уставѣ 1835 г. именемъ медицинской полиціи обозначена гигиена во всемъ ея объемѣ. Медицинской же полиціи, какъ науки самостоятельной и отдѣльной отъ гигиены, никогда не существовало, а существуетъ только медико-полицейское примѣненіе данныхъ, выработанныхъ гигиеною. Эти данныя не излагаются на основаніи полицейскаго права, а наоборотъ — медико-полицейскія постановленія сами собою необходимо вытекаютъ изъ результатовъ каждаго гигиеническаго изслѣдованія. При преподаваніи гигиены мнѣ приходилось на самомъ опытѣ слѣдовать этому единственному логическому пути“. Обращаясь за тѣмъ къ токсикологич. г. Хронцевскій говоритъ: „Безъ нея невозможно обойтись преподавателю гигиены, потому что почти на каждомъ шагѣ приходится имѣть дѣло съ различными вредными веществами, которыя случайно или умышленно приходятъ въ самое разностороннее соприкосновеніе съ нами: указать методы открытія этихъ разнообразныхъ вредныхъ веществъ, изложить средства какъ къ предупрежденію, такъ и къ уничтоженію ихъ вліянія на организмъ — все это обязанность гигиениста и въ то же время принадлежитъ токсикологич. А цѣлая статья о поданіи помощи при отравленіяхъ — это уже цѣликомъ вся токсикологія въ примѣненіи къ живому организму. Гигиена съ ея медико-полицейскою стороною и токсикологіею — всего двѣ науки, а не три, какъ думаетъ проф. Грубе, и не смѣсь наукъ, а стройное, органически связанное цѣлое“. Далѣе г. Хронцевскій называетъ изумительно обширными требованія подготовки кандидата, высказанныя г. Грубе; они состоятъ изъ многочисленныхъ ингредиентов: 1) общее медицинское образованіе, конечно, со степенью лѣкаря; 2) обширныя и разностороннія познанія въ естественныхъ наукахъ вообще; 3) особенныя познанія въ геогнозисѣ, физикѣ, метеорологич., химіи, анатоміи, физиологич. и проч.; 4) знаніе соціальныхъ

наукъ, именно, статистики и политической экономіи, а вѣроятно, еще и другихъ; 5) знаніе юридическихъ наукъ, такъ какъ медицинская полиція устроена г. Грубе на основаніи полицейскаго права; 6) изученіе занятій, нравовъ, обычаевъ общества, или, какъ еще выражается г. Грубе въ другомъ мѣстѣ своего мнѣнія, кафедра гигиены должна требовать полнаго общественнаго образованія; 7) знаніе нравовъ, обычаевъ, привычекъ и особенностей русскаго народа, и 8) обширныя познанія почвы и климата той страны, въ коей обитаетъ этотъ народъ. Какой бы, замѣчаетъ г. Хрошчевскій, длинный вышелъ списокъ всѣхъ этихъ ингредиентовъ, если бы высчитать отдѣльно всѣ входящія сюда науки! Нѣтъ, да и не будетъ на свѣтѣ такого мозга, который могъ бы ассимилировать современныя спеціальныя знанія всѣхъ наукъ, требуемыхъ проф. Грубе. Такія требованія г. Грубе прикрываетъ авторитетомъ Эстерлена. Но Эстерленъ говоритъ объ этихъ наукахъ въ отношеніи исторіи развитія гигиены, высказывая такую мысль, что прежде всѣ эти знанія необходимо должны были дойти до того состоянія, въ которомъ мы ихъ видимъ теперь, чтобы науки о сохраненіи здоровья (гигиены) достигли настоящаго своего развитія; въ этомъ смыслѣ Эстерленъ выражается о гигиенѣ, что она есть *воплоть разумное дитя нашего времени*. А проф. Грубе увѣряетъ, что гигиена требуетъ спеціальнаго знанія этихъ наукъ отъ лица, желающаго быть ея преподавателемъ, и такимъ образомъ это дитя является капризнымъ, требующимъ невозможнаго. Проф. Грубе, безъ сомнѣнія, замѣтилъ самъ такую неприятную перемену, а потому въ своей бумагѣ онъ лишилъ это дитя даже эстерленовскаго эпитета *воплоть разумное*, и называетъ его просто *дитя нашего времени*. Въ послѣдней части своего мнѣнія г. Хрошчевскій опровергаетъ сдѣланныя г. Питрою замѣчанія на пробныя лекціи г. Залѣскаго. Г. проф. Бекетовъ въ мнѣніи своемъ также не соглашается съ г. проф. Грубе относительно требованій его отъ преподавателя гигиены. „Время энциклопедій уже прошло, говоритъ онъ, а въ настоящее время гигиена, какъ и всякая наука, имѣетъ свой опредѣленный кругъ свѣдѣній и свою спеціальную задачу — изучать условія матеріальнаго существованія здороваго организма, какъ въ отношеніи къ отдѣльнымъ индивидуумамъ, такъ и къ цѣлымъ обществамъ. Съ этой опредѣленной точки зрѣнія, гигиена есть не что иное, какъ непосредственное при-мѣненіе физиологіи, которая потому и есть главное основаніе для нея, такъ какъ и физиологія, кромѣ внутреннихъ процессовъ организма, изучаетъ также вліяніе внѣшнихъ дѣятелей, какъ то: воз-

духа, воды, пищи и температуры, на организм. Этими-то дѣятелями (то-есть, ихъ вліяніемъ на организмъ) преимущественно и занимается гигиена. Всякій знаетъ, что человѣкъ, дышащій чистымъ воздухомъ, пьющій здоровую воду и принимающій питательную и свѣжую пищу, исполняетъ всѣ главныя условія гигиены; средство же для изслѣдованія годности этихъ матеріаловъ даетъ химія. Итакъ, на первомъ планѣ — физиологія, на второмъ — химія: вотъ тѣ главныя основныя науки, знаніе которыхъ прежде всего обязательно для гигиениста⁴. Затѣмъ г. Бекетовъ останавливается на нѣкоторыхъ ученихъ трудахъ г. Залѣскаго дабы показать, что онъ не только владѣетъ основными для гигиены науками (физиологіей и химіей), но напечаталъ нѣсколько статей, прямо относящихся къ гигиенѣ. Въ мнѣніи г. проф. Лазаревича высказано, что при выборѣ преподавателя должно руководствоваться тѣмъ, имѣетъ ли онъ всѣ данныя для того, чтобы быть въ состояніи успѣшно преподавать требуемыя науки, согласно съ современнымъ ихъ состояніемъ. Гигиена, медицинская полиція и токсикологія составляютъ одно цѣлое, и мы еще очень далеки отъ такого богатства учеными, чтобы для каждой изъ этихъ наукъ находить отдѣльнаго, да еще готоваго преподавателя. Мы должны пользоваться случаемъ, который представляетъ намъ ученаго, подготовленнаго къ преподаванію этихъ наукъ. Что же касается того, что онъ не вполне готовый специалистъ по этимъ наукамъ, то кто же изъ вступающихъ впервые на кафедру, да еще на доцентуру, былъ вполне готовымъ специалистомъ? Ученыхъ, специально занимающихся гигиеною, не существуетъ, а если встрѣчаются отдѣльныя личности, обогащающія гигиену новыми фактами, то всѣ они только номинальные врачи, а специальность ихъ физиологія и химія, то-есть, науки, безъ которыхъ гигиена немислима. Въ заключеніе г. Лазаревичъ присовокупляетъ, что сопоставить съ г. Залѣскимъ другаго кандидата, который былъ бы столько же какъ онъ извѣстенъ въ литературѣ, довольно трудно. Для этого нужно знать въ совершенствѣ физиологію, химію и физику, и притомъ съ практической стороны, а такимъ именно изученіемъ ихъ и занимался г. Залѣскій за границею у лучшихъ представителей этихъ наукъ на западѣ. Г. проф. Сокальскій въ мнѣніи своемъ замѣчаетъ, что какъ ни лестно для социальнихъ наукъ высказанное проф. Грубе мнѣніе, что гигиена и медицинская полиція должны ожидать отъ нихъ свѣта и указаній, но для того чтобы не уклоняться отъ истины, слѣдуетъ добавить, что съ своей стороны, и социальныя науки ждутъ своего полнаго и всесторонняго развитія отъ наукъ естественныхъ, и между

прочимъ отъ гигиены (медицинскую полицію нельзя считать отдѣльною наукой: это одна изъ главъ гигиены, appendix ея). Отъ связи съ естественными науками только и могутъ надѣяться на дальнѣйшій успѣхъ социальныя науки. Въ послѣднее время эти науки смѣло вступили на этотъ путь, и самый методъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей социальной науки, американца Керри, называется *экспериментально-химическимъ* (въ противоположность метафизическому, который господствовалъ до сихъ поръ въ этой наукѣ). Оказывается, что химія должна играть одну изъ важнѣйшихъ ролей не только въ развитіи всѣхъ наукъ естественныхъ (равно какъ и при всѣхъ приложенияхъ этихъ наукъ къ врачеванію человѣка и животныхъ и во всякомъ судебномедицинскомъ изслѣдованіи), но и въ наукахъ социальныхъ, въ ихъ практическомъ приложеніи. Поэтому, заключаетъ г. Сокальскій, лицо, которое, по общему признанію всѣхъ членовъ факультета, доказало (и притомъ самымъ положительнымъ образомъ) свои свѣдѣнія въ химіи, не можетъ быть отстранено отъ кандидатуры по предмету гигиены. По соображеніи всѣхъ вышесказанныхъ мнѣній, совѣтъ университета постановилъ произвести въ слѣдующемъ засѣданіи баллотированіе г. Залѣскаго на должность штатнаго доцента для преподаванія гигиены съ медицинскою полиціей и токсикологіей. Въ засѣданіи совѣта 10-го февраля, г. Грубе, по поводу мнѣній гг. Хропцевскаго, Бекетова, Лазаревича и Сокальскаго, высказанныхъ относительно баллотированія г. Залѣскаго, прочелъ еще письменное мнѣніе. Въ этомъ мнѣніи г. Грубе излагаетъ отвѣты на болѣе выдающіяся изъ сдѣланныхъ ему возраженій и опять настаиваетъ на необходимости исполнить отдѣлить гигиену съ медицинскою полиціей отъ токсикологіи, назначивъ двухъ преподавателей для этихъ отдѣльныхъ частей каедры государственнаго врачебновѣдѣнія. Приводимъ здѣсь отвѣтъ на возраженіе, имѣющее чисто-научный характеръ, именно относительно широкихъ требованій отъ кандидата на кафедру гигиены. „Если мои требованія отъ преподавателя гигиены оказались, говоритъ г. Грубе, по мнѣнію нѣкоторыхъ, слишкомъ строгими, то быть-можетъ, причина этого въ томъ, что я имѣлъ счастье слушать превосходныя лекціи гигиены у знаменитаго профессора Эстерлена и не менѣе прекрасныя курсы медицинской полиціи у другаго столь же извѣстнаго профессора, приготовленнаго къ тому необыкновеннымъ путемъ. Профессоръ Самсонъ, бывшій ректоръ Дерптскаго университета, прошелъ прежде курсы юридическихъ наукъ, потомъ медицинскихъ, совершилъ, во время своей службы

въ морскомъ и военно-сухопутномъ вѣдомствахъ, много путешествій и спеціально изучилъ климатическія и гигиеническія условія нашего народа. Имѣвъ 20 лѣтъ тому назадъ такихъ учителей и зная, что упомянутыя науки не только не отстаютъ, но даже весьма быстро подвигаются впередъ, я считалъ себя въ правѣ въ своихъ требованіяхъ отъ современнаго преподавателя ихъ руководствоваться такимъ масштабомъ, къ которому привыкъ еще со студенческой скамьи. Чтобы высказанное мною о важности гигиены не показалось выдумкою, я почти слово въ слово выписалъ требованія отъ этой науки изъ сочиненія Эстерлена. Неужели же то, что 20 лѣтъ тому назадъ преподавалось съ кафедры и приписывалось студенту, въ настоящую минуту можетъ показаться кому-нибудь преувеличеннымъ требованіемъ и въ состояніи напугать его? Если такъ, то я не могу себѣ представить того страха, который овладѣлъ бы профессоръ Бекетовымъ, еслибы я имѣлъ неосторожность вычислить требованія отъ кафедры гигиены не по популярнымъ гигиеническимъ письмамъ Эстерлена и справкамъ изъ моихъ студенческихъ тетрадей, а по руководствамъ къ гигиенѣ Эстерлена или Мишеля Леви. Я полагаю, что этотъ страхъ со стороны столь извѣстнаго химика, какъ проф. Бекетовъ, можетъ, въ свою очередь, служить лучшимъ доказательствомъ справедливости моихъ словъ, что химикъ не по силамъ та кафедра, про которую Вирховъ говоритъ: „Только при истинно-обширнѣйшемъ образованіи по естественнымъ наукамъ возможно будетъ сохранить связь гигиены съ медицинскою наукою и преимущественно съ государственнымъ врачеваніемъ, и не сдѣлать ее вассаломъ химіи или физики“! Затѣмъ, согласно опредѣленію совѣта, состоявшемуся въ засѣданіи 6-го февраля, произведено было баллотированіе г. Залѣскаго на должность доцента для преподаванія гигиены, медицинской полиціи и токсикологіи, при чемъ оказалось избирательныхъ 14 и неизбирательныхъ 16 балловъ. Хотя такимъ образомъ г. Залѣскій не удостоился избранія въ доценты по означеннымъ предметамъ, однакожь онъ былъ предложенъ г. Пятроу 1-му медицинскому факультету въ доценты для теоретическаго и практическаго преподаванія токсикологіи и на эту доцентуру былъ избранъ факультетомъ единогласно и затѣмъ совѣтомъ, въ засѣданіи 19-го марта, большинствомъ 19-ти голосовъ противъ 17-ти. (*Проток. Харьк. унив. № 3 и 4*).

— Въ университетахъ С.-Петербургскомъ, Харьковскомъ и св. Владиміра происходили слѣдующіе ученые диспуты. а) Въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ публичномъ засѣданіи юридическаго факуль-

тета 29-го сентября, магистръ *Градовскій* защищалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи“, представленное въ видѣ диссертациі на степень доктора государственнаго права. Офиціальными оппонентами были профессора *Андреевскій* и *Михайловъ*. Бѣольшая часть сочиненія г. Градовскаго была напечатана въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* на текущій годъ подъ заглавіемъ: „Общественные классы и административное дѣленіе Россіи до Петра I“. б) Въ Харьковскомъ университетѣ, въ публичныхъ засѣданіяхъ физико-математическаго факультета, происходили два диспута: 8-го апрѣля доцентъ того же университета по кафедрѣ чистой математики, магистръ *Деларю 1-й* защищалъ диссертацию на степень доктора чистой математики — „О розысканіи особенныхъ рѣшеній дифференціальныхъ уравненій перваго порядка, зависящихъ отъ двухъ переменныхъ“; официальными оппонентами были профессоръ *Бейеръ* и доцентъ *Ковальскій*; 13 апрѣля приватъ-доцентъ того же университета при кафедрѣ ботаники, кандидатъ *Деларю 2-й* защищалъ диссертацию на степень магистра ботаники — „О выдѣленіи воды надземными органами растений“; оппонентами были профессоръ *Питра 2-й* и доцентъ *Степановъ* (*Проток. Харьк. унив.* № 4). в) Въ университетѣ св. Владимира, въ публичномъ засѣданіи юридическаго факультета 14-го мая, кандидатъ *Пришара* защищалъ диссертацию на степень магистра государственнаго права, подъ заглавіемъ: „Происхожденіе состоянія городскихъ обывателей въ Россіи и организація его при Петрѣ Великомъ“; диссертациія эта также извѣстна нашимъ читателямъ: она была напечатана въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* на 1867 годъ (*Кіевск. Унив. Изв.* № 8). Защищенія всѣхъ означенныхъ диссертациій признаны удовлетворительными, и авторы ихъ утверждены въ искомыхъ ученыхъ степеняхъ подлежащими совѣтами университетовъ.

— Историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, получивъ отъ командированнаго съ ученою цѣлію за границу г. доцента *В. И. Ламанскаго* подробное извѣщеніе о его трудахъ и открытіяхъ въ Венеціи, ходатайствовалъ предъ совѣтомъ о продолженіи срока командировки г. Ламанскаго еще на 6 мѣсяцевъ. Въ Венеціи онъ нашелъ такъ много новаго и для науки важнаго, что рѣшился остаться тамъ долѣе, чтобъ извлечь и переписать по крайней мѣрѣ самое необходимое. Совѣтъ постановилъ ходатайствовать съ своей стороны предъ попечителемъ учебнаго округа о продолженіи срока командировки г. Ламанскаго. Профессоры Харьковского университета *Масловскій* и *Чернай* вошли съ представленіемъ въ физико-матема-

тической факультет о ходатайствѣ предъ совѣтомъ объ отправленіи за границу на счетъ министерства народнаго просвѣщенія, съ цѣлю приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ зоологій, магистра зоологій *М. С. Ганина*. Онъ состоялъ 4 года лаборантомъ при кабинетѣ сравнительной анатоміи и приобрѣлъ извѣстность своими научными работами, изложенными въ статьяхъ: 1) „*Neue Beobachtungen über Fortpflanzung der zweiflügeligen Insekten-Larven*“ (*Zeitschr. für wiss. Zool.* 1865); 2) „Исторія развитія яйца мухи“ (*Zan. Imper. Akad. Nauk* 1866 года), и 3) „Исторія развитія скорпіона“ (*Прибав. къ проток. сов. Харьк. унив.* 1867). Имѣя въ виду разнообразіе предстоящихъ г. Ганину занятій, въ составъ которыхъ должны войдти практическія работы въ лабораторіяхъ, посѣщеніе лекцій, ознакомленіе съ первоклассными музеями и зоологическими садами, самостоятельныя изслѣдованія при морѣ, гг. Масловскій и Чернай признали необходимымъ назначить г. Ганину двухлѣтній срокъ пребыванія за границей, а какъ онъ избралъ своею спеціальностью сравнительную анатомію и эмбриологію, то означенные профессора сочли для него обязательнымъ преимущественно посѣщеніе университетовъ Берлинскаго, Боннскаго, Фрейбургскаго и Гиссенскаго, при чемъ онъ будетъ имѣть возможность слушать лекціи профессоровъ Лейкарта, Макса-Шульце, Вейсмanna, Рейхерта и избрать для практическихъ занятій зоологическую лабораторію одного изъ упомянутыхъ ученыхъ. Вопросъ о командированіи г. Ганина рѣшенъ былъ въ его пользу въ совѣтѣ значительнымъ большинствомъ (20-ю противъ 4). Доцентъ того же университета по кафедрѣ исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ *Стояновъ* донесъ юридическому факультету, что занимаясь около года спеціально исторіей адвокатуры (особенно французской), онъ убѣдился, что источники для сего, находящіеся въ бібліотекѣ Харьковскаго университета, недостаточны, и что лишь на мѣстѣ въ архивахъ парламента и въ другихъ учрежденіяхъ Парижа можно найдти тѣ рукописи, древнія монографіи и собранія узаконеній, которыя необходимы для начатой имъ работы, и потому просилъ факультетъ объ исходатайствованіи ему пособія для поѣздки во Францію и отпуска на 28 дней сверхъ вакаціоннаго времени. Совѣтъ, по выслушаніи о семъ представленія юридическаго факультета, большинствомъ 17-ти голосовъ противъ 7-ми предназначилъ выдать г. Стоянову для означенной цѣли 500 рублей изъ спеціальныхъ средствъ университета и постановилъ ходатайствовать какъ объ этой выдатѣ, такъ и объ отпускѣ г. Стоянова. По представленію медицинскаго фа-

культета Харьковскаго университета, совѣтъ постановилъ ходатайствовать о командированіи доцента *Сымянко* за границу на полтора лѣтнихъ мѣсяца для обозрѣнія электро-лѣчебныхъ заведеній, которыхъ онъ не могъ осмотрѣть въ прошлогоднюю свою заграничную поѣздку. (*Проток. Харьк. унив.* №№ 3 и 4).

— По случаю празднованія $\frac{1}{12}$ іюня сего года Чехами пятидесятилѣтія патриотической дѣятельности доктора Франца Палацкаго и по мысли профессора св. Владиміра *Яроцкаго*, совѣтъ университета, въ засѣданіи 17-го мая, единогласно избралъ Палацкаго въ почетные члены. Г. Яроцкій, въ представленномъ имъ по этому поводу рапортѣ, читанномъ въ засѣданіи совѣта, между прочимъ упомянулъ о нижеслѣдующемъ. Еще съ 1828 года назначенъ былъ Палацкій чешскимъ исторіографомъ и послѣ предварительныхъ историческихъ занятій и изслѣдованій, а также рядомъ съ ними, съ 1836 года онъ сталъ издавать свой обширный трудъ — „Исторію чешскаго народа“, которую успѣлъ уже довести до конца XV столѣтія. Сочиненіе это. удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ исторической критики и написанное на основаніи изученія источниковъ прекраснымъ славянскимъ языкомъ, для Чеховъ важно также тѣмъ, что оно опредѣляетъ историческое ихъ право, какъ народа. Съ 1848 года Палацкій выступилъ на политическое поприще и съ того времени даже доселѣ можетъ быть почитаемъ за одного изъ вліятельнѣйшихъ представителей національной партіи, которая отстаиваетъ съ рѣдкимъ постоянствомъ равноправность чешскаго народа въ общегосударственной жизни Австрійской многонародной имперіи. (*Кіев. Унив. Изв.* № 8).

— Г. Кіевскій, Подольскій и Волынскій генераль-губернаторъ, препроводивъ къ г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа рапортъ слѣдственной комиссіи, учрежденной по дѣлу о подлогахъ въ актахъ центральнаго архива, состоящаго при университетѣ св. Владиміра, просилъ предложить оному, составивъ изъ свѣдущихъ ученыхъ изъ среды его специалистовъ особую комиссію, заняться тщательнымъ пересмотромъ находящихся въ центральномъ архивѣ попорченныхъ фальшами и подлогами четырехъ актовыхъ книгъ, провѣрить сдѣланныя объ этомъ предметѣ заключенія слѣдственной комиссіи и за тѣмъ доставить ему окончательное заключеніе: какія части пересмотрѣнныхъ книгъ могутъ быть почитаемы дѣйствительно подлинными и какія поддѣльными и ненадежными, а выданныя изъ нихъ центральнымъ архивомъ выписи ничтожными; о такомъ заявленіи своимъ совѣтъ обязанъ дать знать центральному архиву для его руководства на будущее время.

Вслѣдствіе предложенія объ этомъ г. попечителя округа, совѣтъ постановилъ составить комиссію, подъ предсѣдательствомъ исправляющаго должность экстраординарнаго профессора *Демченка*, изъ гг. профессоровъ *Яроцкаго* и *Алексѣева*, для изложенной въ предложеніи цѣли, поручивъ комиссіи пригласить въ засѣданіе свое по настоящему дѣлу г. бібліотекаря университета *Царевскаго*. (*Кіевск. Унив. Изв.* № 8).

— Въ *Проток. Харьк. унив.* (№ 4) мы нашли слушанное въ засѣданіи 19-го марта отношеніе канцлера Мельборнскаго университета въ Австраліи сэра *Р. Гарри*, который сообщаетъ между прочимъ слѣдующее. Мельборнскій университетъ, въ британской колоніи Викторіи, учрежденъ актомъ парламента въ 1853 году. Въ силу этого акта совѣтъ, управляющій университетомъ, уполномоченъ издавать уставы и правила для веденія дѣлъ университета, на содержаніе котораго опредѣлено 9.000 фунтовъ стерлинговъ ежегодно изъ доходовъ колоніи, а въ 1859 году, грамотою королевы Викторіи, лицамъ, удостоеннымъ ученыхъ степеней совѣтомъ Мельборнскаго университета, предоставлены всѣ тѣ права и преимущества, которыя даютъ ученые степени, приобретенныя въ университетахъ Соединеннаго королевства. Затѣмъ, упомянувъ о приложенномъ къ отношенію календарь Мельборнскаго университета на 18^{86/87} годъ, гдѣ помѣщены свѣдѣнія о настоящемъ состояніи университета, сэръ Р. Барри сообщаетъ, что въ числѣ лицъ, удостоенныхъ ученыхъ степеней и именованныхъ въ календарѣ, находятся и такія, которыя имѣли уже ученые степени, приобретенныя въ разныхъ европейскихъ университетахъ, и которыя удостоены тѣхъ же степеней Мельборнскимъ университетомъ, по исполненіи ими условій, установленныхъ для сего его статутами, но къ этому присовокупляетъ, что встрѣчались случаи, когда коллегія профессоровъ затруднялась признать дѣйствительными представленныя ей свидѣтельства на ученую степень отъ того или другаго университета. Посему, находя, съ одной стороны, вполне желательнымъ поощрять пріобрѣтенія въ Мельборнскомъ университетѣ ученыхъ степеней лицамъ, пріобрѣтшимъ уже таковыя въ европейскихъ университетахъ, а съ другой стороны въ видахъ устраненія затрудненій, которыя встрѣчались иногда при опредѣленіи дѣйствительности и значенія диплома и свидѣтельствъ, ими представляемыхъ, сэръ Р. Барри, отъ имени совѣта Мельборнскаго университета, проситъ сообщить ему свѣдѣнія по слѣдующимъ вопросамъ: а) какой курсъ наукъ долженъ быть пройденъ лицами, ищущими разныхъ ученыхъ степеней въ Харьковскомъ уни-

верситетѣ; б) какимъ правиламъ подчиняются эти лица относительно академической дисциплины, посѣщенія лекцій, продолжительности курсовъ и порядка экзаменовъ; в) какія существуютъ формы для дипломовъ на ученныя степени; г) какимъ начальствомъ дипломы выдаются, кѣмъ подписываются и какая прикладывается къ нимъ печать; д) выдаются ли отъ университета кромѣ дипломовъ еще свидѣтельства или другіе официальные документы, удостоверяющіе личность получившаго ученую степень, и если выдаются, то какую имѣютъ форму. Совѣтъ Харьковскаго университета предоставилъ г. ректору удовлетворить желаніе совѣта Мельборнскаго университета сообщеніемъ ему требуемыхъ свѣдѣній.

Г И М Н А З І И.

Мѣры по части воспитательной и учебной, принятыя педагогическимъ совѣтомъ Смоленской гимназіи: дисциплинарныя мѣры, репетиторы изъ учениковъ старшихъ классовъ, обязанности классныхъ попечителей и ихъ отношенія къ ученикамъ; о преподаваніи иностранныхъ языковъ; о мѣрахъ къ поднятію успѣховъ учениковъ по чистописанію и рисованію. — Правила о взысканіяхъ за проступки учениковъ въ Екатеринославской гимназіи.

Въ *Циркул. по Москов. учебн. округу* (№ 7) сообщены извлеченія изъ протоколовъ педагогическаго совѣта Смоленской гимназіи; въ этихъ извлеченіяхъ изложены мѣры, принятыя педагогическимъ совѣтомъ въ отношеніи воспитательномъ и учебномъ. По части дисциплинарной въ Смоленской гимназіи употребляются слѣдующія мѣры. За шалости и проступки, кромѣ взысканій, состоящихъ, смотря по роду шалости или проступка, въ выговорѣ инспектора, или директора, или совѣта, съ оповѣщеніемъ о томъ, въ послѣднемъ случаѣ, по всей гимназіи, въ задержаніи въ гимназіи послѣ уроковъ отъ получаса и долѣе до двухъ часовъ, въ арестованіи въ гимназіи на воскресный или праздничный день, въ отказѣ отпуска на каникулярное время (святки и пасху), ученикъ наказывается еще уменьшеніемъ бала въ поведеніи, который для каждаго ученика опредѣляется педагогическимъ совѣтомъ спустя два мѣсяца по открытіи ученія; ученики, вновь поступившіе въ гимназію, аттестуются въ это время въ первый разъ, а прочіе получаютъ или баллъ прошлаго года или же баллъ, измененный сообразно тому, какъ они въ теченіе этого времени вели себя. Баллъ въ поведеніи уменьшается за неоднократное опаздываніе на уроки, непосѣщеніе классовъ безъ предъявленія на то законной причины, порчу базеннаго имущества, куреніе въ стѣнахъ гимназіи, на

улицахъ, гуляньяхъ и въ театрѣ, за посѣщеніе трактировъ, театральнаго райка и буфета, за посѣщеніе безъ дозволенія инспектора театральныхъ представленій, живыхъ картинъ, концертовъ; за неявку въ гимназію на репетицію, безъ уважительной причины, ученика, получившаго въ теченіе недѣли дурную отмѣтку изъ какого-либо предмета и обязаннаго вслѣдствіе этого явиться въ гимназію въ воскресенье для занятій съ репетиторомъ. Въ случаѣ повторенія проступковъ, уменьшенный баллъ въ поведеніи снова уменьшается, и тотъ ученикъ, котораго баллъ вслѣдствіе этого дойдетъ до *двухъ*, увольняется изъ гимназіи. Уменьшеніе балла производится, по опредѣленію педагогическаго совѣта, на основаніи заявленій инспектора, преподавателей или класснаго инспектора. Пониженный баллъ въ поведеніи можетъ быть повышенъ, но также по опредѣленію совѣта, и притомъ для учениковъ трехъ высшихъ классовъ не ранѣе, какъ по прошествіи полугода, а для учениковъ низшихъ классовъ не прежде истеченія двухъ мѣсяцевъ со дня уменьшенія балла. Немедленному исключенію изъ гимназіи подвергаются: а) ученикъ, уличенный въ неприличномъ поведеніи въ какомъ-либо публичномъ мѣстѣ, и б) ученикъ, осмѣлившійся безъ разрѣшенія начальства уѣхать изъ Смоленска на вакаціонное время, до прекращенія ученія. Во всѣхъ другихъ случаяхъ исключеніе ученика изъ гимназіи на извѣстный срокъ или безъ означенія онаго совершается по особому опредѣленію совѣта. О всякомъ уменьшеніи ученику балла въ поведеніи дѣлается извѣстнымъ по всей гимназіи чрезъ особое оповѣщеніе учениковъ. Родные или вообще лица, на попеченіи конхъ находится ученикъ, извѣщаются инспекторомъ чрезъ особое письмо, если ученику баллъ въ поведеніи уменьшается до 3. Въ учебномъ отношеніи приняты въ Смоленской гимназіи, между прочимъ, слѣдующія мѣры: 1) Ученики низшихъ 5-ти классовъ, получившіе въ теченіе недѣли неудовлетворительныя отмѣтки изъ учебныхъ предметовъ и не исправившіе ихъ на той же недѣлѣ, собираются, какъ упомянуто выше, въ гимназію въ воскресенье и праздничные дни для приготовленія не выученныхъ ими уроковъ; для занятій съ ними въ это время назначаются ученики старшихъ классовъ, числомъ до 12-ти, которые хорошо учатся и которые, если это совмѣстимо, бѣдны; за каждый урокъ, продолжающійся отъ двухъ до трехъ часовъ, платится таковымъ репетиторамъ по 1 руб. 25 коп. изъ специальныхъ средствъ гимназіи. Руководятъ этихъ репетиторовъ въ занятіяхъ съ учениками преподаватели, которые и являются поочередно въ гимназію въ воскресные и праздничные дни. Въ субботу каждому

изъ репетиторовъ выдается списокъ учениковъ, съ которыми онъ долженъ заниматься, съ обозначеніемъ предметовъ занятія; въ субботу же извѣщаются и ученики, получившіе дурныя отмѣтки, въ какой классъ и къ какому репетитору они должны въ воскресенье явиться.

2) Признано было необходимымъ точнѣе опредѣлить обязанности классныхъ инспекторовъ или попечителей и ихъ отношеніе къ ученикамъ. По этому поводу принято: а) званіе классныхъ попечителей берутъ на себя преподаватели добровольно и преимущественно въ тѣхъ классахъ, гдѣ они преподають; б) попечитель по желанію и возможности ведетъ свой классъ чрезъ весь курсъ гимназическаго ученія; в) обязанности классныхъ попечителей состоятъ: въ возможно близкомъ знакомствѣ съ характеромъ, нравственностью, умственнымъ развитіемъ и матеріальнымъ положеніемъ своихъ учениковъ; въ ближайшемъ наблюденіи за аккуратнымъ посѣщеніемъ учениками классовъ, въ принятіи предупредительныхъ мѣръ противъ непосѣщенія ими классовъ, опаздыванія на уроки и вообще въ ближайшемъ надзорѣ за успѣхами учениковъ; въ посредничествѣ, гдѣ окажется нужнымъ, между родителями учениковъ и начальствомъ заведенія; въ ходатайствѣ предъ начальствомъ гимназій о пособіяхъ тѣмъ изъ бѣдныхъ учениковъ, которые по успѣхамъ и поведенію окажутся того достойными. Попечитель вмѣстѣ съ инспекторомъ и надзирателемъ выставляетъ мѣсячные баллы по поведенію ученикамъ своего класса. Баллы эти предлагаются потомъ на утвержденіе педагогическаго совѣта.

3) Утверждены слѣдующія положенія о преподаваніи языковъ, выработанныя особою комиссіей: а) Не ограничиваясь исключительно однимъ практическимъ преподаваніемъ языка, обратить вниманіе и на теорію; поэтому рядомъ съ практическимъ упражненіемъ должно идти изученіе грамматики. б) Такъ какъ до сихъ поръ преподаватели иностранныхъ языковъ встрѣчали большое затрудненіе въ низшихъ классахъ, гдѣ приходилось объяснять основныя положенія синтаксиса и этимологій, незнакомыя ученикамъ, и какъ объясненія эти, общія всѣмъ языкамъ, отнимали много времени, то необходимо, чтобы преподаваніе русскаго языка, съ самаго начала учебнаго года, въ первомъ классѣ шло нѣсколько впередъ противъ иностранныхъ языковъ, и преподаватель перемалъ бы предварительно ученикамъ элементарныя свѣдѣнія изъ грамматики: понятіе о членахъ простаго предложенія и частяхъ рѣчи, о родѣ, числѣ и временахъ. в) Грамматика преподается концентрически, такъ что въ 1-мъ классѣ преподаваніе языка начинается съ объясненія цѣлаго предложенія и частей рѣчи; въ слѣдующихъ классахъ

и синтаксисъ, и этимологія, расширяясь въ объемѣ, дополняются болѣе подробными свѣдѣніями, но такъ однако, что въ низшихъ классахъ проходится этимологія подробнѣе, чѣмъ синтаксисъ, а въ высшихъ наоборотъ. г) Въ V-мъ классѣ должно быть закончено теоретическое преподаваніе грамматики, въ VI-мъ и VII-мъ классахъ полагается повтореніе и приведеніе въ систему свѣдѣній, приобретенныхъ въ пяти классахъ, и также сообщеніе и объясненіе идиотизмовъ языка. д) Переводы съ русскаго языка на иностранный, какъ вѣрнѣйшее средство усвоенія теоріи иностраннаго языка, обязательны съ перваго класса до послѣдняго. Разумѣется, что преподаватели будутъ соблюдать строгую постепенность при переходѣ отъ легчайшаго къ труднѣйшему. е) Съ V-го класса начинаются письменные переводы съ иностраннаго языка на русскій. Для этого избираются только тѣ статьи, которыя были предварительно словесно переведены въ классѣ. Въ VII-мъ классѣ ученики дѣлаютъ письменные переводы незнакомыхъ статей. 4) Съ цѣлю поднять успѣхи учениковъ по чистописанію и рисованію, положено за небрежность и нерадѣніе ихъ по этимъ предметамъ подвергать въ теченіе года взыскацію, и также при двухмѣсячной пересадкѣ учениковъ низшихъ трехъ классовъ принимать во вниманіе, наравнѣ съ другими предметами, и успѣхи ихъ въ чистописаніи и рисованіи, и лучшимъ ученикамъ, удостоиваемымъ при переходѣ изъ класса въ классъ награды, давать эти награды только тогда, если они будутъ имѣть не менѣе 3-хъ въ рисованіи и чистописаніи. Кромѣ того положено подвергать учениковъ испытанію также изъ этихъ предметовъ, которое должно состоять въ слѣдующемъ:

Для I класса: а) написать страницу крупнымъ размѣромъ по транспаранту съ наклонными линіями; б) начертить на бумагѣ заданную геометрическую фигуру. Для II класса: а) списать нѣсколько строкъ съ книги, по транспаранту средней величины; б) начертить на доскѣ мѣломъ заданную геометрическую фигуру; в) относительно рисованья, вмѣнить ученикамъ въ обязанность въ теченіе года дѣлать каждые два мѣсяца по рисунку съ оригинала, за что и выставять имъ баллы, и затѣмъ изъ четырехъ годовичныхъ балловъ выводить средній, который и будетъ экзаменнымъ балломъ. *Примечаніе.* Обязательное представленіе рисунка къ концу втораго мѣсяца можетъ быть преподавателемъ отмѣнено въ томъ случаѣ, если начатый ученикомъ рисунокъ многосложенъ и если для исполненія его потребно болѣе времени, чѣмъ ученикъ на то могъ употребить въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Для III класса: а) писать подъ диктантъ мелкимъ, общеупотребительнымъ шрифтомъ по транспаранту; б) относительно рисованья испытаніе производится какъ и во II классѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что рисунки въ III классѣ должны быть труднѣе и многосложнѣе, и притомъ каждый ученикъ долженъ сдѣлать въ теченіе года особый рисунокъ, который остается собственностью гимна-

зи. Для IV класса: относительно рисованія испытаніе такое же, какъ и въ III-мъ, съ тѣмъ различіемъ, что работа должна быть еще труднѣе. Кромѣ сего, при письмѣ съ прописей и списываніи съ книгъ положено требовать правильнаго въ орфографическомъ отношеніи списыванья.

— По распоряженію начальства Одесскаго учебнаго округа, была издана инструкція о взыскаціяхъ съ учениковъ гимназій за ихъ проступки; въ этой инструкціи указанъ рядъ дисциплинарныхъ мѣръ, которыми педагогическіе совѣты, директоры, инспекторы и воспитатели гимназій могутъ располагать въ случаѣ уклоненія воспитанниковъ отъ исполненія ихъ прямыхъ обязанностей, какъ учениковъ, а также изложены правила, исполненіе которыхъ обязательно для воспитанниковъ по нравственному чувству. Комиссія, составленная по поводу этой инструкціи изъ среды членовъ педагогическаго совѣта Екатеринославской гимназій, разсмотрѣвъ рядъ заявокъ, предложенныхъ учебнымъ округомъ и находя ихъ сообразными съ современными требованіями педагогическими и могущими достигать должной цѣли, при нормальномъ ихъ употребленіи, сочла долгомъ, принявъ ихъ неизмѣнно, составить для учениковъ по возможности краткія, но совершенно точныя правила, опредѣляющія ихъ обязанности и училищный порядокъ, съ присовокупленіемъ, что всякое нарушеніе этихъ правилъ и предписаннаго порядка влечетъ за собою соразмѣрную степени виновности наказаніе, безъ предварительнаго впрочемъ въ самихъ правилахъ назначенія наказаній за каждый родъ проступковъ, такъ какъ для того, чтобы мѣры заявокъ имѣли дѣйствительно педагогическій характеръ и вели къ цѣли, для которой употребляются въ воспитаніи, онѣ (какъ это выражено и въ инструкціи) должны быть сколько возможно болѣе согласуемы съ нравственнымъ складомъ и обстановкою каждаго ученика, съ свойствомъ проступка и побужденіемъ къ нему. Мы уже сообщили установленныя въ Херсонской гимназій правила для заявокъ съ учащихся за проступки противъ нравственности и дисциплины (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, іюльск. кн., Современ. Лѣт. стр. 63); эти правила, составленныя тоже по поводу упомянутой выше инструкціи, въ главныхъ основаніяхъ своихъ согласны съ правилами Екатеринославской гимназій. Между тѣмъ въ инструкціи была выражена мысль, что цѣль каждой дисциплинарной мѣры — обнаружить дурную сторону проступка, направить къ лучшему нравственное чувство и волю ученика и устранить вредное вліяніе или отдѣльнаго случая, или направленія и характера, или наконецъ всей личности и даже цѣлаго круга лицъ, опасныхъ по своему дурному вліянію на

товарищей. Для достиженія этой цѣли, коммиссія изъ членовъ педагогическаго совѣта Екатеринославской гимназій сочла нужнымъ изложить начала, которыми надлежитъ руководствоваться при примѣненіи къ проступкамъ принятыхъ ею правилъ дисциплинарныхъ мѣръ. Въ этомъ отношеніи постановлено между прочимъ слѣдующее: 1) Взысканія могутъ быть опредѣляемы въ тѣхъ только случаяхъ, когда извѣстное дѣйствіе носитъ несомнѣнный характеръ проступка и когда оно совершено сознательно и намѣренно. Дѣйствія случайныя и неумышленныя ни въ какомъ случаѣ не должны быть признаваемы проступками въ собственномъ смыслѣ слова, и слѣдовательно, не могутъ подлежать взысканію. 2) При взысканіи должно быть обращено вниманіе на степень виновности, которая опредѣляется степенью сознанія и участія воли. Поэтому проступки, проистекающіе отъ злаго умысла и испорченности воли, строго должны быть различаемы отъ проступковъ, происходящихъ отъ легкомыслія, необдуманности и неосторожности. Къ признакамъ, служащимъ къ опредѣленію степени сознанія и воли, принадлежатъ: возрастъ, которымъ обуславливается различная степень пониманія обязанностей и вмѣстѣ съ тѣмъ различная степень развитія воли; физическіе и умственные недостатки, затрудняющіе пониманіе и исполненіе обязанностей; темпераментъ и характеръ виновнаго, и также настроеніе духа, предшествовавшее проступку, сопровождавшее его и послѣдовавшее за нимъ; ошибки, заблужденіе и невѣдѣніе, когда они происходятъ отъ недостатка сознанія или неосторожности, а не отъ недостатка доброй воли; принужденіе и дурной примѣръ, имѣющіе различное значеніе, смотря по тому, что было побудительною причиною для виновнаго подчиниться внѣшнему вліянію — слабость ли воли, легкомысліе, или равнодушіе къ исполненію своихъ обязанностей. 3) Мѣра взысканія обуславливается также обстоятельствами, увеличивающими или уменьшающими вину. Къ первымъ отнесены: совершеніе многихъ проступковъ въ одно и то же время; повтореніе одного и того же проступка; мѣсто, въ которомъ совершенъ проступокъ, и лицо, противъ котораго онъ направленъ; первоначальное воспитаніе виновнаго, если будетъ признано несомнѣннымъ, что оно могло способствовать развитію въ немъ правильнаго пониманія обязанностей; къ уменьшающимъ вину обстоятельствамъ принадлежатъ: прежнее хорошее поведеніе, добровольное сознаніе, раскаяніе, исправленіе дурныхъ послѣдствій проступка и продолжающееся вліяніе домашняго воспитанія. 4) Приложеніе взысканій требуетъ большой осмотритель-

ности. Часто внутреннія побужденія виновнаго не выказываются явно, а безъ точнаго опредѣленія ихъ и нравственная цѣль взыскапія съ виновнаго будетъ не вполне достигнута. Поэтому выражено желаніе, чтобы лица, примѣняющія взыскапія, въ каждомъ данномъ случаѣ, по возможности, употребляли все средства къ открытію причинъ проступка и обращали вниманіе на отношеніе проступка къ сознанію и волѣ и на обстоятельства, его сопровождавшія. 5) Способъ приложенія взыскапія въ высшей степени важенъ по своимъ послѣдствіямъ. Одно и то же взыскапіе, прилагаемое разными лицами, получаетъ различный характеръ; но трудно опредѣлить напередъ все случаи, которые могутъ встрѣтиться въ примѣненіи взыскапія, и все пріемы, которые взыскапіющій долженъ употреблять для дѣйствительности взыскапія. Тѣмъ не менѣе коммиссія признала не лишнимъ привести въ видѣ примѣра нѣсколько указаній о родахъ взыскапія, допускаемыхъ въ гимназіи. (*Цирк. Одесск. учебн. окр. № 6*).

НАЧАЛЬНЫЯ НАРОДНЫЯ УЧИЛИЩА.

Постановленія земскихъ собраній Петрозаводскаго, Кашинскаго и Рыбинскаго. — Народныя училища въ Угличскомъ уѣздѣ, Ярославской губ. — Училища въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ Костромскомъ уѣздѣ. — Центральная чувашско-черемисская школа въ Казани. — Приходское попечительство и церковно-приходская школа при Казанской Боголюбивенской церкви. — Школа въ с. Алексѣевскомъ. — Женское училище въ с. Богородскомъ, Нижегородской губ. — Училища въ сс. Осѣевѣ, Волынскомъ, и Троицкомъ-Голенищевѣ, Московской губ. — Журналы училищныхъ совѣтовъ Полтавской губ. — Александро-Невское братство и ремесленный сиротскій домъ въ Симферополѣ. — Школа въ мѣстечкѣ Новомъ-Бугѣ, Херсонской губ. — Училища въ Киевской губ. — Двѣ школы въ Остерскомъ уѣздѣ, Черниговской губ. — Число училищъ и учащихся въ дирекціяхъ народныхъ училищъ Виленскаго учебнаго округа. — Съѣздъ народныхъ учителей въ Ковенской губ. — Двухклассное женское училище въ Пинскѣ, Млиской губ. — Училище въ Дрисскѣ, Витебской губ. — Еврейско-русское училище въ Закрочимѣ, Плоцкой губ. — Русская школа въ Дерптѣ. — Пожертвованіе въ пользу народныхъ школъ въ Ригѣ. — Состояніе грамотности въ войскахъ Кавказскаго военнаго округа. — Воскресныя школы при духовныхъ семинаріяхъ Вологодской, Новгородской, Смоленской, Саратовской, Самарской и Киевской.

Въ *Петрозаводскомъ* уѣздномъ очередномъ земскомъ собраніи, открывшемся 20-го сентября сего года, разсматривался, въ числѣ другихъ предметовъ, вопросъ о поддержаніи мѣстныхъ церковно-приходскихъ школъ. Въ журналѣ 21-го сентября, напечатанномъ въ № 45 *Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, сообщаются по этому предмету слѣдующія свѣдѣнія.

По смѣтѣ на 1868 годъ, изъ суммъ уѣзднаго сбора, было назначено на церковно-приходскія школы 864 руб. 82¹/₂ коп. Уѣздный училищный совѣтъ, вслѣдствіе требованія уѣздной земской управы, по обсужденіи вопроса о распредѣленіи означенной суммы между наставниками 34 церковно-приходскихъ школъ, принялъ въ основаніе число учащихся въ каждой школѣ и раздѣлилъ ихъ на шесть категорій: къ первой отнесъ школы, имѣющія не болѣе 5-ти учащихся, назначивъ наставникамъ по 10 руб.; ко второй до 10-ти учащихся — по 20 руб.; къ третьей до 15-ти учащихся — по 25 руб.; къ четвертой до 20-ти учащихся — по 30 руб.; къ пятой до 25-ти учащихся — по 40 руб., и къ шестой болѣе 25-ти учащихся — по 45 рублей. Объ этомъ, съ приложеніемъ именнаго списка наставниковъ и назначеннаго каждому изъ нихъ пособія, училищный совѣтъ увѣдомилъ уѣздную земскую управу. По сношеніи управы съ волостными управленіями объ устройствѣ помѣщеній для училищъ, снабженіи ихъ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою, сельскія общества отзывались различно: одни согласились давать натурою помѣщеніе для школъ, отопленіе, освѣщеніе и прислугу; другія — по возу дровъ за помѣщеніе школъ въ домѣ церковнослужителей; третьи предложили собирать на этотъ предметъ по 5 коп. съ ревизской души; четвертыя по 16¹/₂ коп.; наконецъ, общества трехъ волостей, отзываясь нуждою въ продовольствіи по случаю неурожая, вовсе отказались отъ воспособленія училищамъ. При такихъ разнорѣчивыхъ отзывахъ сельскихъ обществъ и находя назначеніе и распредѣленіе училищнымъ совѣтомъ денежнаго пособія наставникамъ на первый разъ достаточнымъ, уѣздная земская управа внесла въ смѣту на 1869 годъ ту же сумму на этотъ предметъ, которая была ассигнована на 1868 годъ, то-есть, 864 руб. 82¹/₄ коп., предоставивъ губернской управѣ внести въ смѣту губернскихъ земскихъ повинностей на содержаніе 8-ми сельскихъ приходскихъ училищъ 1.135 руб. 17³/₄ коп. Уѣздная управа, не имѣя о церковно-приходскихъ училищахъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ доставленнаго училищнымъ совѣтомъ списка наставниковъ, и принимая во вниманіе, что земскіе члены совѣта собираемыя ими свѣдѣнія объ училищахъ обязаны доставлять не управѣ, а земскому собранію, предположила войти съ училищнымъ совѣтомъ въ сношеніе, чтобы совѣтъ, на основаніи 25 ст. полож. о нач. нар. учил. и согласно 2 п. 24 ст. проекта наказа уѣзди. учил. совѣтамъ, при принятіи мѣръ къ улучшенію училищъ сносилася съ управою въ іюль мѣсяцѣ и сообщала ей свѣдѣнія о состояніи училищъ, подробно изложенныя въ 8 п. наказа, и чтобы при распре-

дѣленіи пособій наставникамъ церковно-приходскихъ школъ изъ суммъ земства, назначалъ таковое же пособіе и наставникамъ 8 сельскихъ приходскихъ училищъ.

Уѣздное земское собраніе, усматривая, что нѣкоторые сельскія общества обязались давать на церковно-приходскія школы хотя малое вспоможеніе, а другія вовсе отъ сего отказались, признало полезнымъ, чтобы симъ послѣднимъ обществамъ одинъ изъ членовъ управы, при посредствѣ члена уѣзднаго училищнаго совѣта, лично сдѣлалъ разъясненіе пользы отъ училищъ и убѣжденіе о должномъ въ этомъ дѣлѣ сочувствіи. Затѣмъ собраніе, соглашаясь съ мнѣніемъ уѣздной управы о необходимости имѣть свѣдѣнія о состояніи училищъ, заключило просить гг. членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта о доставленіи таковыхъ свѣдѣній на будущее время какъ собранію, такъ и управѣ. Что же касается предположенія управы о вознагражденіи наставниковъ 8 приходскихъ училищъ, содержимыхъ на счетъ губернскаго земскаго сбора, изъ ассигнуемой на церковно-приходскія школы изъ уѣзднаго сбора суммы 864 руб. 82¹/₄ коп., то собраніе признало это предложеніе крайне несправедливымъ, не потому впрочемъ, чтобы оно считало приходскія училища достаточно обезпеченными назначеннымъ на нихъ содержаніемъ (1.135 руб. 17³/₄ коп.) и что обезпеченіе ихъ относится до губернскаго собранія, а потому, что сумма 864 руб. 82¹/₄ коп., назначенная на 32 церковно-приходскія школы, весьма ничтожна, а слѣдовательно, было бы несправедливо изъ 10 руб. или по большей мѣрѣ 45 руб., назначенныхъ для вознагражденія учителя церковно-приходской школы, не рѣдко обучающаго дѣтей въ собственномъ домѣ съ крайнимъ стѣсненіемъ и отчасти при своихъ даже учебныхъ пособіяхъ, удѣлять нѣкоторую часть на вознагражденіе учителю приходскаго училища, особенно священнику или діакону, обучающему при казенной квартирѣ и при готовыхъ учебныхъ пособіяхъ и получающему жалованья до 100 руб. Хотя такое жалованье учителю, не занимающему другой еще должности, и уѣздное собраніе признаетъ недостаточнымъ, но это, какъ выше сказано, дѣло губернскаго земства.

Въ *Кашинскомъ* (Тверской губерніи) уѣздѣ, между прочимъ, при мѣстномъ женскомъ монастырѣ устроено на капиталъ земства женское Александровское училище, куда опредѣлено, для обученія грамотѣ, принять 19 крестьянскихъ дѣвочекъ, по выбору крестьянскихъ обществъ, и 1 отъ города. Одежда и пища у нихъ не должны удалиться отъ крестьянскаго быта. По окончаніи ученія, земство болѣе способныхъ изъ дѣтей отправляетъ на свой счетъ для обученія акушерскому искус-

ству, и затѣмъ распредѣляетъ у себя по волостямъ. Частная благотворительность не мало представляла Кашинскому земству приношеній. Въ настоящую сессію, мѣстная земледѣльница О. А. Пономарева заявила о готовности своей содѣйствовать своимъ благотвореніемъ каждой мѣрѣ земства, между прочимъ, и по народно-образовательной части.

Въ одномъ изъ засѣданій *Рыбинскаго* (Ярославской губерніи) земскаго собранія 1867 года читанъ былъ гласнымъ г. Хомутовымъ, какъ видно изъ журнала собранія, помѣщеннаго въ *Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 36), докладъ комиссіи, съ участіемъ членовъ училищнаго совѣта, по части народнаго образованія. Въ докладѣ этомъ изложено слѣдующее.

На 1868 годъ Рыбинскимъ земскимъ собраніемъ, сообразно со средствами земства, ассигнована на народное образованіе довольно значительная сумма, съ помощію которой, при дружныхъ дѣйствіяхъ земской управы и училищнаго совѣта, училищное дѣло можетъ значительно подвинуться. Но какъ бы средства, назначенныя отъ земства, ни были велики, все-таки они недостаточны для содержанія училищъ, если не будетъ содѣйствія и пособія отъ крестьянскихъ обществъ въ волостяхъ. Комиссія полагала необходимымъ отнестись отъ управы во всѣ волостныя правленія и предупредить ихъ, что съ 1868 года училища будутъ получать пособія отъ земской управы только въ такомъ случаѣ, если отъ волостей или крестьянскихъ обществъ найдены будутъ средства, обложеніемъ ли надѣловъ и паспортовъ, или другія, къ устройству помѣщенія для училища съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою, а если возможно, то и на другіе необходимыя предметы для училища. Въ такомъ случаѣ управа беретъ на себя немедленно пріискать учителя, и гдѣ нужно, помощника и доставить книги и другія учебныя принадлежности: отъ училищнаго же совѣта должны быть доставлены программы ученія.

Далѣе комиссія полагаетъ: По соглашенію училищнаго совѣта съ управою, назначать ежегодно, въ теченіе великаго поста, экзаменъ въ присутствіи члена совѣта и члена управы, для которыхъ, кромѣ присутствія на экзаменахъ, сдѣлать обязательнымъ посѣщеніе всѣхъ училищъ въ теченіе года. Содержаніе учителямъ положить, если они и законоучители, по 150 руб. въ годъ, а при особомъ законоучителѣ, учителю 120, законоучителю 40 руб. Если при училищѣ есть помѣщеніе для учителя, съ прислугою, то назначить содержаніе только въ 120 рублей. Если въ училищѣ имѣется болѣе 50 учениковъ обою пола,

то учителю дается помощникъ, съ назначеніемъ половиннаго противъ учителя содержанія. Уполномочить управу, по совѣщанію съ училищнымъ совѣтомъ, не стѣсняться вышепоказанными цифрами и въ случаѣ возможности, по средствамъ, увеличивать содержаніе, или же особо усерднымъ учителямъ давать денежное вознагражденіе, не выходя изъ смѣтнаго назначенія. Учебныя книги выписывать управѣ по совѣщанію, относительно выбора ихъ, съ училищнымъ совѣтомъ. Кромѣ раздачи книгъ по училищамъ, имѣть при управѣ складъ учебныхъ и недорогихъ литературныхъ книгъ для продажи желающимъ со скидкой извѣстнаго процента стоимости, для поощренія желающихъ покупать и для распространенія грамотности въ уѣздѣ. Съ этою же цѣлю, если средства позволяютъ, устранивать по немногу бібліотеки при училищахъ и выписывать недорогіе журналы: *Народную Бесѣду*, *Воскресный Досузь*, *Грамотный* и т. п. На экзаменахъ поощрять лучшихъ воспитанниковъ подарками книгъ, полезныхъ для юношества, по выбору управы и училищнаго совѣта. Отъ лица управы сообщить во всѣ волости о предложеніи въ средѣ самого населенія, не окажется ли желающихъ принять на себя званіе попечителей училищъ, и въ случаѣ согласія, просить попечителей имѣть наблюденіе за хозяйственною частью училища, присутствовать изрѣдка при урокахъ и экзаменахъ, сообщать свои замѣчанія управѣ и если возможно, содѣйствовать хотя небольшими, по средствамъ, денежными пособіями. О награжденіи особенно усердныхъ попечителей училищъ представлять отъ управы высшему начальству. Въ случаѣ желанія членовъ совѣта посѣщать училища, управа обязана снабжать ихъ лошадьми, на условіяхъ, сдѣланныхъ отъ управы для разѣзда членовъ управы. Поручить совѣту ходатайствовать у губернскаго совѣта о снабженіи мѣстныхъ училищъ денежными средствами, если это окажется возможнымъ, изъ суммъ, ассигнуемыхъ на этотъ предметъ отъ правительства. Вообще же управѣ въ отношеніи къ училищному совѣту сообразоваться съ наказомъ, изданнымъ отъ министерства народнаго просвѣщенія для училищныхъ совѣтовъ.

Земское собраніе согласилось съ изложеннымъ докладомъ комиссіи.

— Въ № 38-мъ *Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* напечатанъ отчетъ члена Угличскаго училищнаго совѣта, священника П. Скворцова, производившаго, по порученію совѣта, въ іюнѣ мѣсяцѣ настоящаго года, публичныя испытанія учениковъ въ семи сельскихъ народныхъ училищахъ. Результатъ этихъ испытаній во всѣхъ училищахъ былъ неодинаковъ. Два училища оказались очень порядочными, два

хорошими, одно очень хорошимъ; наконецъ, одно училище найдено въ прекрасномъ положеніи и одно въ весьма неудовлетворительномъ.

Относительно двухъ послѣднихъ священникъ Скворцовъ дѣлаеть слѣдующія замѣчанія. Въ Василѣвскомъ училищѣ явились на испытаніе 34 мальчика и 9 дѣвочекъ. Они спрошены были всѣ. Ученики знаютъ наизусть символъ вѣры, молитву Господню, заповѣди и употребительнѣйшія молитвы, а многіе хорошо могли объяснить и св. исторію. По ариѳметикѣ старшіе ученики бойко рѣшали задачи на доскѣ, а нѣкоторые могли рѣшать довольно трудныя задачи и на словахъ; считать на счетахъ умѣютъ почти всѣ. Читаютъ хорошо и чтò особенно нравилось, не торопясь, толково, отчетливо, съ удивительною вѣрностью остававливаясь на знакахъ препинанія; прочитанное могли пересказывать своими словами и писать на доскѣ. Умственное развитіе учениковъ въ этомъ отношеніи весьма замѣчательно. Пишутъ крупнымъ и мелкимъ почеркомъ скоро и красиво; при этомъ видно было даже нѣкоторое понятіе учениковъ о правописаніи. Вообще училище найдено, какъ мы сказали выше, въ прекрасномъ состояніи. Успѣхи учениковъ, говоритъ о. Скворцовъ, вполне соответствуютъ заботамъ правительства и дѣлаютъ честь преподавателямъ. Только крайняя тѣснота и убожество производятъ непріятное впечатлѣніе.

Въ Алексѣевскомъ народномъ училищѣ было 16 мальчиковъ, которые спрошены были по всѣмъ предметамъ. По закону Божію нѣкоторые ученики знаютъ употребительнѣйшія молитвы, но смысла и значенія ихъ не знаютъ; о догматахъ же христіанской вѣры, о правилахъ христіанской нравственности, о св. исторіи, о важнѣйшихъ праздникахъ, и вообще обо всемъ, чтò касается религіи, ученики не имѣютъ почти никакого понятія. По ариѳметикѣ они не могли рѣшить самыхъ простыхъ задачъ; впрочемъ считать на счетахъ нѣкоторые могутъ. Читаютъ по церковной и гражданской печати порядочно, но пересказать прочитаннаго не могутъ. Пишутъ также порядочно, но безъ малѣйшаго понятія о правописаніи. Вообще Алексѣевское училище, по умственному и нравственному развитію учениковъ, весьма неудовлетворительно и въ ряду прочихъ обзорѣнныхъ училищъ занимаетъ послѣднее мѣсто. Особенно здѣсь страдаетъ преподаваніе закона Божія. Впрочемъ, принимая въ соображеніе, что ученики долгое время оставались безъ учителя, а слѣдовательно, и безъ всякихъ занятій, и что нынѣшній наставникъ еще недавно опредѣленъ на настоящее мѣсто, священникъ Скворцовъ полагаетъ, что безусиѣшность учениковъ Алексѣевского училища нельзя ставить въ вину учителю.

Въ заключеніе своего донесенія, священникъ Скворцовъ говоритъ, что хотя въ нѣкоторыхъ училищахъ и замѣчены имъ недостатки, но все эти училища въ совокупности представляютъ явленіе весьма утѣшительное. Труды и способности преподавателей и успѣхи учениковъ вообще болѣе или менѣе соответствуютъ заботамъ правительства, вознаграждаютъ жертвы общества и подають надежды на большее преуспѣяніе въ будущемъ.

Въ той же газетѣ (№ 36) мѣстный священникъ описываетъ положеніе училища, находящагося въ с. Покровскомъ на Шекснѣ, въ Мологскомъ уѣздѣ. Въ 1866 году, Мологское земское собраніе опредѣлило отрывать училища тамъ, гдѣ общества дадутъ отъ себя готовое помѣщеніе для училища и учителя. Въ томъ же году, земская управа сдѣлала предложеніе объ открытіи въ с. Покровскомъ училища съ помощію отъ земства. На собравшемся вслѣдствіе того сельскомъ сходѣ крестьяне пашли предложеніе управы полезнымъ, но рѣшительно отказались отъ всякихъ денежныхъ сборовъ на устройство училищнаго зданія по бѣдности. Тогда помѣщица села, К. П. Грудзинская, безвозмездно предложила усадебное мѣсто для постройки зданія; тогда же все землевладѣльцы села изъявили согласіе на ежегодное отчисленіе изъ общественнаго капитала по 50 руб. на содержаніе училища, въ случаѣ устройства училищнаго зданія и открытіи самой школы. Имѣя такимъ образомъ въ виду возможность поддержки училищнаго зданія, священникъ, авторъ статьи, на котораго возложено было устройство этого дѣла, предложилъ крестьянамъ отдать подъ училище одно принадлежавшее обществу зданіе и привести изъ владѣльческихъ лѣсовъ, съ дозволенія владѣльцевъ, по бревну съ работника на подрубку и поправку зданія. Предложеніе было принято, и вскорѣ училище устроено. Годичное содержаніе училища, какъ то: наемъ сторожа, отопленіе и другіе расходы отнесены на общественный капиталъ и землевладѣльцы свое первое согласіе подтвердили, письменнымъ актомъ. Училищный совѣтъ назначилъ учительницу съ жалованьемъ отъ земства. Училище было открыто въ 1867 году. Учащихся въ зимній періодъ было отъ 32 до 40 мальчковъ и дѣвочекъ. Будущность училища зависить теперь, говоритъ авторъ, отъ разумнаго пониманія крестьянами важности этого учрежденія для подрастающаго нхъ поколѣнія; въ сожалѣнію, есть факты, доказывающіе, что это сознаніе въ крестьянахъ еще не велико.

— Въ *Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№№ 31—34) напечатана записка объ училищахъ, находящихся въ селеніяхъ госу-

дарственныхъ крестьянъ Костромскаго уѣзда. Записка эта, составленная членомъ мѣстнаго земства г. Щепетильниковымъ, представляетъ результатъ осмотра означенныхъ училищъ, произведеннаго въ концѣ учебнаго 18^{67/68} года. Записка эта, въ общемъ выводѣ, заключаетъ въ себѣ слѣдующія данныя:

Вышеозначенныя училища, числомъ 9, находятся въ селахъ Мисковѣ, Спасѣ-Вежахъ, Самети, Костеневѣ, Андреевскомъ, Буяковѣ, Сухоруковѣ, Левашевѣ и Исаковѣ. Число учащихся въ нихъ въ 18^{67/68} учебномъ году было: въ Мисковскомъ училищѣ 47 мальчиковъ и 4 дѣвочки, въ Спасѣ-Вежевскомъ 42 мальчика и 2 дѣвочки, въ Саметскомъ 25 мальчиковъ, въ Костеневскомъ 13 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ, въ Андреевскомъ 40 мальчиковъ и 13 дѣвочекъ, въ Буяковскомъ 24 мальчика и 7 дѣвочекъ, въ Сухоруковскомъ 12 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ, въ Левашевскомъ 54 мальчика и 6 дѣвочекъ и въ Исаковскомъ 23 мальчика и 6 дѣвочекъ, всего 280 мальчиковъ и 50 дѣвочекъ. Эта численность учащихся, относящаяся къ населенію волостей какъ 1:105, 1:112 и 1:183, далеко не удовлетворяла этому населенію. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ вовсе не было училищъ, хотя крестьяне и участвовали въ общественномъ сборѣ, а потому нераціональность общественнаго сбора, доказанная опытами, признана самимъ правительствомъ: съ переходомъ крестьянъ въ общія учрежденія общественный сборъ былъ прекращенъ.

Всѣ училища Костромскаго уѣзда открыты большею частію въ сороковыхъ годахъ, слѣдовательно, существуютъ 20 лѣтъ и болѣе. Хотя многія изъ нихъ открыты въ нѣкоторыхъ селеніяхъ недавно, напримѣръ, въ Исаковѣ (5-го февраля 1858 года), Мисковѣ (18-го сентября 1861 года), Костеневѣ (16-го ноября 1865 года) и проч.; но это открытіе училищъ происходило большею частію одновременно съ закрытіемъ ихъ въ другихъ пунктахъ, такъ что какъ будто-бы было передвиженіе училищъ изъ одного мѣста въ другое, что впрочемъ такъ и случалось: по представленію чиновниковъ палаты, ревизовавшихъ училища, они были переводимы изъ одного мѣста въ другое. Не мудрено, что крестьяне, въ виду такихъ передвиженій, желали только одной грамоты, требуя отъ наставника, чтобъ онъ и выучилъ ей въ одну зиму.

Многія изъ училищъ находились вдали отъ волостныхъ правленій, отъ 5-ти до 20-ти верстъ. Волостныя начальства рѣдко сами заботились о матеріальномъ благосостояніи училищъ: наставники должны были всякій разъ ходить въ правленія для заявленій о нуждахъ училищъ и не разъ напоминать объ этомъ, между тѣмъ какъ пройти

12—20 верстъ они не имѣли времени, а переѣхать нѣкоторые не имѣли и средствъ. Оттого въ училища отпускались илюгда дурные матеріалы, нерѣдко и совсѣмъ не отпускались, такъ что во многихъ училищахъ наставники изъ мѣстныхъ священниковъ покупали матеріалы на свой счетъ. Облады наставниковъ во всѣхъ училищахъ были недостаточны и далеко не вознаграждали труда (100 рублей въ годъ), такъ какъ наставники были вмѣстѣ и законоучителями и учителями. Помѣщенія училищъ почти вездѣ были удобны, классная мебель въ достаточномъ количествѣ; только въ послѣднее время она потребовала большаго или меньшаго ремонта.

Училищныя бібліотеки не удовлетворяютъ потребностямъ училищъ въ отношеніи книгъ для чтенія и учебныхъ руководствъ; пособій же наставникамъ для сообщенія полезныхъ знаній дѣтямъ пока достаточно, особенно въ нѣкоторыхъ училищахъ; но они не всегда употребляются съ пользою для дѣла, и въ иныхъ училищахъ бібліотеки существовали почти только по имени. Пособій для первоначальнаго обученія грамотѣ и счисленію по упрощеннымъ методамъ ни въ одномъ училищѣ нѣтъ; лучшихъ учебныхъ руководствъ также почти нѣтъ, такъ что въ этомъ отношеніи бібліотеки требуютъ значительныхъ пополненій. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на помѣщеніе бібліотекъ и на исправность веденія бібліотечныхъ каталоговъ.

Во всѣхъ училищахъ бывшихъ государственныхъ ерестьянъ Костромскаго уѣзда учебный годъ продолжался не болѣе 5-и мѣсяцевъ, а во многихъ 4 мѣсяца и менѣе. Съ уборкою хлѣба, полныя занятія въ училищахъ начинались только въ октябрѣ мѣсяцѣ и оканчивались въ мартѣ или апрѣлѣ; въ нѣкоторыхъ училищахъ, какъ напримѣръ, Бежевскомъ и Саметскомъ, занятія оканчивались ранѣе отъ мѣстныхъ причинъ, а именно: села эти находятся на луговой сторонѣ уѣзда и во время разлива Волги и Костромы заливаются водою; сообщеніе съ домами, построенными на сваяхъ, бываетъ на лодкахъ, какъ равно и съ окрестными селеніями; спадъ же водъ продолжается, во время большаго водоразлива, почти до іюня, такъ что до половины іюня сообщенія между селеніями затруднительны, а оттого въ мартѣ мѣсяцѣ, въ половинѣ или въ концѣ, въ послѣднихъ двухъ училищахъ совершенно прекращается ученіе. Въ такой незначительный періодъ времени учебнаго года не могъ быть значителенъ и объемъ пройденнаго; а если къ этому присоединить старинный методъ обученія, принятый во многихъ училищахъ, пробѣлы въ занятіяхъ у самихъ наставниковъ, недостатокъ учебныхъ матеріаловъ и пособій, то стано-

вится объяснимымъ, почему многія училища въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ были поставлены въ учебномъ отношеніи въ самое незавидное положеніе.

Во всѣхъ училищахъ, наставники къ числу препятствующихъ причинъ относили частое нехожденіе учениковъ въ классы и въ этомъ случаѣ обвиняли крестьянъ въ совершенномъ равнодушіи къ обученію дѣтей. Но понятно, что крестьяне, не видя пользы отъ школьнаго обученія и приложимости его къ жизни, не могли относиться къ нему сочувственно. Изъ школы нерѣдко выходилъ крестьянскій мальчикъ съ такимъ же развитіемъ, какое получили бы онъ и въ родительскомъ домѣ, потому что механическое обученіе не вело къ развитію. Въ то же время, для крестьянъ былъ дорогъ каждый день, и потому, дорожа временемъ, они желали только научить дѣтей читать и писать, хотя и тутъ, при старинномъ методѣ обученія, цѣль не достигалась. Главная причина безуспѣшности училищъ въ теченіе 20-ти лѣтъ ихъ существованія заключалась въ недостаткѣ и даже совершенномъ отсутствіи правильнаго контроля со стороны тѣхъ мѣстъ и лицъ, вѣдѣнію которыхъ училища подлежали. Справедливость этого подтверждается тѣмъ, что училища, находившіяся въ вѣдѣніи удѣла, шли болѣе рациональнымъ путемъ развитія; если нѣкоторыя изъ нихъ упали, то это случилось уже тогда, когда вліяніе удѣла кончилось, и крестьяне перешли въ общія учрежденія.

Описанное выше положеніе училищъ, находящихся въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ Костромскаго уѣзда, должно вызвать необходимыя мѣры къ ихъ поддержанію. Необходимость этихъ мѣръ вытекаетъ между прочимъ и изъ Высочайше утвержденного 11-го февраля 1867 года мнѣнія государственнаго совѣта, по которому, при передачѣ училищной части вѣдомства государственныхъ имуществъ въ вѣдѣніе подлежащихъ учреждений, на земскія учрежденія и училищные совѣты возлагается завѣдываніе училищною частію въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ и земскимъ учрежденіямъ предоставляется принять мѣры къ обезпеченію содержанія школъ и училищъ въ означенныхъ селеніяхъ съ начала 1868 года. Въ виду такого постановленія высшаго правительства, доказывающаго, что училища въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ должны быть не закрыты, а напротивъ, устроены на правильныхъ началахъ и обезпечены до необходимыхъ размѣровъ, и соображаясь съ выводами изъ фактовъ, найденныхъ при упомянутомъ выше обзорѣнн училищъ Костромскаго уѣзда, г. Щепетильниковъ выработалъ проектъ преобра-

зованіи этихъ училищъ, опредѣляющей обязанности относительно ихъ какъ земскихъ учреждений, такъ и училищныхъ совѣтовъ, на основаніи положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ.

Обязанности земскихъ и подчиненныхъ имъ учреждений должны, по проекту г. Щепетильникова, заключаться въ слѣдующемъ:

1) Земство должно обратить вниманіе на то, дѣйствительно ли училища бывшихъ государственныхъ крестьянъ находятся въ центральныхъ пунктахъ между селеніями и притомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ населеніе было бы сгруппировано, а самый пунктъ былъ изъ болѣе населенныхъ мѣстъ. Выборъ же центрального пункта долженъ быть сдѣланъ не въ отношеніи одной какой-либо волости, но въ отношеніи нѣсколькихъ волостей, такъ какъ училища эти были учреждены не на отдѣльный волостной сборъ, а на общественный, слѣдовательно, и должны существовать не для одной волости, а для извѣстной массы населенія, сгруппированнаго въ извѣстной мѣстности.

2) Земство должно озаботиться, чтобы училища были обеспечены до необходимыхъ размѣровъ; въ училищахъ долженъ быть отдѣльный законоучитель и учитель; содержаніе первому должно быть назначено отъ 50-ти до 75-ти р. въ годъ, а второму отъ 100 до 150 рублей при готовой квартирѣ, на учебныя пособія отъ 25-ти до 50-ти рублей, на награды ученикамъ 10 рублей, на учебныя матеріалы 15 рублей, на ремонтъ и заведеніе мебели 25 рублей и на наемъ квартиры для училища и учителя съ отопленіемъ и прислугою 75 рублей; итого на содержаніе училища отъ 310 до 400 рублей, смотря по мѣстнымъ условіямъ.

3) Волостныя правленія не должны имѣть никакого вліянія ни на учебную, ни на хозяйственную часть; первая должна находиться въ вѣдѣніи училищнаго совѣта, а вторая въ вѣдѣніи управы. Волостныя правленія обязаны только содѣйствовать наставникамъ, чтобы дѣти крестьянъ постоянно ходили въ училище и чтобы со стороны родителей не было противодѣйствія обученію, принятому въ училищѣ.

4) Волостныя правленія обязаны по первому заявленію наставниковъ принимать мѣры противъ тѣхъ учителей и учительницъ, которымъ не дано право учить, или которыхъ обученіе противно православію, въ особенности въ мѣстахъ раскола, гдѣ такіе учителя и учительницы не рѣдки.

5) Земство должно озаботиться о наймѣ хорошихъ квартиръ, теплыхъ зимою, просторныхъ, сухихъ и свѣтлыхъ; чтобы классная мебель была въ достаточномъ количествѣ и надлежащемъ видѣ; чтобы учебныя матеріалы, какъ то: бумага, карандаши, перья, чернила, мѣлъ, перочинные ножи и пр. доставлялись своевременно и хорошаго качества; чтобы выдача жалованья наставникамъ производилась по истеченіи мѣсяца, а за квартиру, по истеченіи трети, чрезъ волостныя правленія, куда сумма на эти предметы должна поступать за треть впередъ; чтобы сумма на учебныя пособія и награды отпускалась въ училищный совѣтъ, по его требованію, но не иначе, какъ послѣ представленія отчета въ израсходованіи равнѣ полученной на этотъ предметъ суммы.

6) Оказавшіеся по истеченіи каждаго года остатки отъ различныхъ статей

содержанія должны быть собственностію училища и составлять его экономическій капиталъ, который со временемъ могъ бы служить гарантіей училища.

7) По истеченіи года управа должна сообщать училищному совѣту свѣдѣнія о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ по каждому училищу для училищнаго отчета, представляемаго ежегодно министру народнаго просвѣщенія.

Уѣздный училищный совѣтъ долженъ, по проекту г. Щепетильникова, озаботиться :

1) Чтобы во всѣхъ училищахъ, бывшихъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, введены были учебныя пособия и руководства, изданныя въ послѣднее время и одобренныя министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ по принадлежности.

2) Чтобы установлена была обязательная программа преподаванія, согласно правиламъ новѣйшей педагогики, принятымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія вообще для всѣхъ училищъ.

3) Чтобы наставники сельскихъ училищъ были люди дѣльные, слѣдили за ходомъ педагогики и были вполне привязаны къ училищу.

4) Чтобы во всѣхъ училищахъ въ послѣдній день недѣли были объясняемы воскресныя и праздничныя евангелія. Дѣти обязаны каждый праздникъ и каждый воскресный день слушать литургію, по окончаніи которой законучитель можетъ повторить дѣтямъ объясненіе прочтеннаго евангелія въ присутствіи прихожанъ и тутъ же въ деревнѣ дѣлать объясненія богослуженія и церковныхъ предметовъ.

5) Во всѣхъ училищахъ должно быть введено церковное пѣніе; дѣти могутъ пѣть на клиросѣ въ церкви, и если можно, то устроить отдѣльный хоръ подъ руководствомъ учителя пѣнія.

6) Чтобы контроль надъ учебною частію принадлежалъ исключительно училищному совѣту, а въ отношеніи преподаванія закона Божія училищный совѣтъ имѣлъ бы всегда полныя свѣдѣнія отъ епархіальнаго начальства.

7) Чтобы обзоръ училищъ производили члены совѣта на мѣстѣ столь возможно чаще, и подробныя заключенія членовъ немедленно представлялись въ училищный совѣтъ. Обзоры училища должны быть печатаемы въ губернскихъ вѣдомостяхъ для общаго свѣдѣнія.

8) Чтобы учебный годъ начинался съ 1-го сентября и оканчивался въ половинѣ мая: послѣ половины мая должны быть производимы испытанія членами совѣта, куда могутъ быть приглашаемы и члены управы.

9) Чтобы во всѣхъ училищахъ были заведены шауровыя книги для записыванія поступленія и выбытія учащихся и велись классныя списки съ отмѣтками успѣховъ и отсутствій учащихся и занятій учителя.

10) Чтобы во всѣхъ училищахъ была книга, въ которую ревизующій членъ долженъ записать, когда онъ прибылъ и сколько нашелъ учащихся, безъ обозначенія достоинства и недостатковъ училища.

Въ заключеніе г. Щепетильниковъ свидѣтельствуетъ, что Костромская уѣздная земская управа, при настоящемъ ея личномъ составѣ, принимаетъ живое участіе къ поддержанію бывшихъ училищъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Предсѣдатель управы изъявилъ же-

ланіе объѣхать казенныя волости и при содѣйствіи мировыхъ посредниковъ убѣдить крестьянъ, не согласятся ли они на отдѣльный душевой сборъ, который бы обезпечивалъ училища съ поддержкою отъ земства. Съ своей стороны, управа оказала въ настоящемъ году пособіе многимъ наставникамъ, не получавшимъ, по причинѣ прекращенія общественнаго сбора, содержанія за свои занятія. Все это внушаетъ г. Щепетильникову надежду на лучшую въ наступившемъ учебномъ году судьбу училищъ въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ Костромскаго уѣзда.

— *Казанскія Губернскія Вѣдомости* (№ 73), сообщая о сдѣланномъ купцами Ледневымъ, Соляковымъ и Курлинымъ въ пользу обученія инородцевъ пожертвованіи 300 рублей, извѣщаютъ о проектѣ устройства въ городѣ Казани центральной чувашско-черемисской и вмѣстѣ регентской школы, съ спеціальною цѣлію приготовленія въ ней народныхъ учителей изъ среды этихъ инородцевъ. Такая школа признается несомнѣнно полезною и крайне необходимою. Казанская крещено-татарская школа Н. И. Ильминскаго, благодаря сочувствію къ ней высшаго начальства, общества, частныхъ лицъ и братства св. Гурія, въ непродолжительное время привлекла къ себѣ болѣе сотни дѣтей крещеныхъ Татаръ и дала для новыхъ крещено-татарскихъ школотпрысковъ до 20-ти народныхъ учителей и учительницъ, которые стремятся въ нее во всякое свободное время для дальнѣйшаго усовершенствованія, между тѣмъ какъ учителя чувашскихъ и черемисскихъ школъ подготовляются и руководствуются или въ квартирѣ г. Золотницкаго, когда онъ въ Казани, или на мѣстахъ при посѣщеніи имъ школъ, что весьма затруднительно и не вполне удобно, какъ для него, такъ и для учителей. Все это дало г. Золотницкому мысль заняться устройствомъ отдѣльной чувашско-черемисской школы, съ тѣмъ чтобы соединить ее съ регентскою, учреждаемою священникомъ П. Д. Миловидовымъ.

Въ той же газетѣ (№ 78) сообщаютъ объ учрежденіи приходскаго попечительства и церковно-приходской школы при Казанской Богоявленской церкви. Устройству школы содѣйствовалъ мѣстный купецъ Д. И. Вараксинъ, пожертвовавшій на этотъ предметъ принадлежащій ему каменный двухэтажный домъ со всѣми строеніями и землею. По желанію г. Вараксина, новооткрытая школа должна быть бесплатно для первоначальнаго обученія приходящихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, преимущественно изъ бѣдныхъ дѣтей прихода. Школа эта, съ Высочайшаго разрѣшенія, наименована Николаевскою, въ честь ново-

рожденнаго Великаго Князя Николая Александровича. Желающих учиться въ школѣ оказалось гораздо болѣе, чѣмъ сколько она можетъ помѣстить.

— Въ *Казанскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ* (№ 18) напечатано отношеніе председателя Лаишевскаго уѣзднаго училищнаго совѣта къ мѣстному преосвященному, въ которомъ онъ заявляетъ, что 1-го іюли сего года онъ присутствовалъ при испытаніи учениковъ сельскаго училища с. Алексѣевского. Результатъ испытанія оказался блестящимъ. Ученики старшаго разряда прекрасно и твердо отвѣчали на всѣ вопросы, дѣлаемые г. председателемъ изъ св. исторіи и катихизиса, и изъ ариѳметики рѣшали отлично-хорошо практическія задачи первыхъ четырехъ правилъ и именованныхъ чисель, и каждый изъ учениковъ представилъ образецъ своего чистописанія, которое вообще безукоризненно хорошо идетъ въ этомъ училищѣ: у каждаго мальчюка замѣтенъ твердый, бойкій и чрезвычайно правильный почеркъ, не смотря на то, что въ этомъ училищѣ нѣтъ ни одного мальчюка старше 12 лѣтъ. Ученики младшаго отдѣленія, состоящаго изъ семи- и восьмилѣтнихъ мальчюковъ, читаютъ очень порядочно, и нѣкоторые изъ нихъ по ихъ возрасту начали недурно писать по линейкамъ. При этомъ председатель училищнаго совѣта обращаетъ вниманіе на тотъ важный и утѣшительный фактъ, что нѣсколько учениковъ Алексѣевского училища принадлежатъ къ семействамъ упорныхъ и вліятельныхъ раскольниковъ. Такимъ отряднымъ результатомъ Алексѣевское сельское училище обязано трудамъ мѣстнаго священника Воронова, который за труды свои не получаетъ никакого вознагражденія.

— Въ *Нижнегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 37) сообщаютъ нѣсколько свѣдѣній о Маринскомъ женскомъ училищѣ, находящемся въ селѣ Богородскомъ, Горбатовскаго уѣзда. Училище это открыто въ 1866 году и состоитъ подъ покровительствомъ Государыни Цесаревны. Комнаты для занятій въ немъ могутъ вмѣстить до 200 ученицъ. Постоянное содержаніе училища обезпечено приговоромъ крестьянъ села Богородскаго, по которому опредѣлено на этотъ предметъ 300 р. въ годъ. Кромѣ того, въ пользу училища обязался ежегодно жертвовать по 100 руб. попечитель его крестьянинъ И. А. Марковъ. Ученицъ въ училищѣ 102, отъ 6 до 17-лѣтняго возраста. Кромѣ крестьянскихъ дѣтей, есть нѣсколько изъ духовнаго и купеческаго сословія. Училище находится въ весьма удовлетворительномъ положеніи, за что Государыня Цесаревна выразила свою благодарность попечителю училища и прислала подарки надзирательницѣ и ученицамъ.

— Влнзъ гор. Богородска (Москов. губ.), въ с. Осѣевѣ, принадлежащемъ наслѣдникамъ покойнаго графа С. С. Ланскаго, существуетъ, по словамъ корреспондента *Москвы* (№ 153), частное училище, основанное на деньги, которыя были пожертвованы нѣсколькими лицами въ знакъ сочувствія ихъ къ дѣятельности графа по дѣлу освобожденія крестьянъ. Школа помѣщается въ собственномъ домѣ, снабженномъ всѣми необходимыми принадлежностями, и имѣетъ въ настоящее время 32 ученика и 13 ученицъ, принадлежащихъ частью Осѣевскому, частью другимъ обществамъ. Учителей въ школѣ два — мѣстные священникъ и діаконъ; для прнмотра же за учениками имѣется отставной унтеръ-офицеръ, который обязанъ также наблюдать за чистотою и порядкомъ внутри и внѣ заведенія. Библиотеку школы составляютъ 369 книгъ, изъ которыхъ 57 учебныхъ, а прочія разнаго содержанія и приспособлены къ народному чтенію. На содержаніе школы получаютъ проценты съ неприкосновеннаго капитала 5.250 руб. и сверхъ того съ каждаго ученика изъ другихъ обществъ, кромѣ Осѣевскаго, взимается по 3 руб. въ годъ. Въ этомъ же году поступило отъ нѣкоторыхъ лицъ нѣсколько пожертвованій книгами и деньгами. При всемъ томъ училище нуждается въ экономическомъ отношеніи: собираемыхъ денегъ едва достаточно на покрытіе текущихъ расходовъ, то-есть, на скудную плату наставникамъ и проч. Корреспондентъ полагаетъ необходимымъ завести неприкосновенный капиталъ общества до 6.000 руб., чтобы дать училищу возможность обезпечить себя на всегда въ будущемъ и расширить свою полезную для народа дѣятельность.

Корреспондентъ *Биржевыхъ Вѣдомостей* (№ 255) пишетъ изъ с. Волинскаго, Московскаго уѣзда, что тамъ народное образованіе идетъ очень туго. Въ Волинскомъ есть училище, гдѣ преподаваніемъ, бесплатно и съ большимъ усердіемъ, занимается мѣстный священникъ; но ученики неаккуратно посѣщаютъ училище, будучи удерживаемы дома своими родителями. Въ сосѣднемъ селѣ Троицкомъ-Голенищевѣ есть также училище, содержимое на счетъ общества. Попечителемъ его состоитъ купецъ Байдаковъ, который почти не заглядываетъ въ училище, вслѣдствіе чего дѣти, вмѣсто обученія грамотѣ, употребляютъ, большею частью, на исправленіе разныхъ работъ: наколоть дровъ, принести воды и проч., между тѣмъ какъ тутъ же находящееся женское училище, подъ наблюденіемъ пожилой госпожи, идетъ довольно успѣшно.

— Въ *Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 18) напе-

чатано нѣсколько журналовъ засѣданій мѣстныхъ губернскаго и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, изъ которыхъ мы извлекаемъ слѣдующія свѣдѣнія.

По полученіи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года отъ г. министра народнаго просвѣщенія ассигнованныхъ его сіятельствомъ одновременно 1.444 руб. 40 коп. на поддержаніе училищъ въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, губернскимъ училищнымъ совѣтомъ были затребованы отъ предсѣдателей уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ объ означенныхъ училищахъ свѣдѣнія, которыя и были первоначально доставлены отъ девяти изъ нихъ. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что въ уѣздахъ Полтавскомъ, Хорольскомъ, Константиноградскомъ, Прилукскомъ, Лубенскомъ, Пирятинскомъ, Гадячскомъ, Золотоношскомъ и Роменскомъ, въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, существуетъ нынѣ 49 училищъ съ 2.713 учащимися, въ томъ числѣ 122 дѣвочки. Отъ прочихъ уѣздныхъ совѣтовъ требуемыя свѣдѣнія получены въ послѣдствіи, но въ журналахъ губернскаго училищнаго совѣта не показано количества училищъ и учащихся въ остальныхъ уѣздахъ Полтавской губерніи. Присланная отъ г. министра народнаго просвѣщенія сумма распределена въ равныхъ частяхъ, по 96 р., между всеми училищными совѣтами, за исключеніемъ Полтавскаго уѣзднаго, которому назначено 99 р. 40 к., на покупку учебныхъ пособій.

Кобелякскій уѣздный училищный совѣтъ опредѣлилъ, въ пособіе тѣмъ училищамъ, въ которыхъ учащихся болѣе 50, выдать 200 руб. изъ ассигнованной земскимъ собраніемъ суммы; гдѣ учащихся отъ 35 до 50 — по 160 руб. и гдѣ учащихся менѣе 35 — по 120 руб.; сверхъ того Кобеляескому приходскому училищу выдано 40 руб.

Роменскій уѣздный училищный совѣтъ увѣдомилъ, что на счетъ суммы, назначенной губернской земскою управой на расходы по приготовленію народныхъ учителей, совѣтъ намѣренъ содержать въ уѣздномъ училищѣ пять стипендіатовъ изъ учениковъ сельскихъ школъ, съ тѣмъ чтобъ они были освобождены отъ ношенія форменнаго платья и обученія языкамъ и алгебрѣ, и чтобъ въ часы, назначенные для тѣхъ предметовъ, занимались практически въ приходскомъ училищѣ. По поводу этого сообщенія, губернской училищный совѣтъ отнесся и въ прочіе уѣздные училищные совѣты съ запросомъ: какія мѣры ими приняты для приготовленія начальныхъ учителей на счетъ назначенной земствомъ суммы. Изъ напечатанныхъ доселѣ журналовъ училищныхъ совѣтовъ пока не видно, въ чемъ заключались эти мѣры.

Членъ Пирятинскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, протоіерей Субботинъ, доставилъ отчетъ объ осмотрѣнныхъ имъ пяти народныхъ школахъ, находящихся въ с. Харьковцахъ, Антоновкѣ, Приходьвахъ, Повстинѣ и Короваяхъ. Въ этомъ отчетѣ обращаетъ на себя вниманіе отзывъ объ Антоновской школѣ. Въ первое посѣщеніе ея протоіереемъ Субботинымъ, въ ней не было ни одного мальчика. Это произошло, по показанію наставниковъ школы, по той причинѣ, что прихожане перестали доставлять опредѣленное общественнымъ приговоромъ отопленіе для школы и никто не позаботился вставить въ окна стекла, вмѣсто разбитыхъ, отъ чего ни наставникамъ, ни дѣтямъ не было возможности заниматься. Но 14 изъ учившихся мальчиковъ были собраны, по распоряженію священника Андріевскаго, въ его квартиру, и при испытаніи, успѣхи ихъ оказались удовлетворительными. Въ другое посѣщеніе, дѣти были собраны въ крестьянской избѣ, которая нанята была священникомъ Андріевскимъ на свой счетъ. Мальчиковъ въ школѣ на этотъ разъ оказалось 28. Въ третье посѣщеніе, 24 мальчика, учащихся въ школѣ, были за вечернимъ богослуженіемъ, на которое они явились послѣ ученія, въ такомъ же порядкѣ, какой существуетъ во всѣхъ благоустроенныхъ учебныхъ заведеніяхъ; въ церкви они стояли также въ порядкѣ и семь изъ нихъ пѣли на клиросѣ. Наставникъ, священникъ Андріевскій, кромѣ того, что отъ себя нанимаетъ помѣщеніе для школы, держитъ еще на свой счетъ довольно грамотнаго солдата, для наблюденія за поведеніемъ и обученіемъ въ школѣ учащихся; самъ же не получаетъ ни отъ кого никакого вознагражденія за свои труды и издержки. Въ селѣ Короваяхъ протоіерей Субботинъ засталъ пять мальчиковъ, довольно удовлетворительно обученныхъ, между тѣмъ какъ прежде въ школѣ обучалось 24 мальчика, но они перестали посѣщать школу, по нежеланію отцовъ вносить въ пользу школы отъ каждой рабочей души по 10 коп., каковой сборъ опредѣленъ ими самими въ одномъ изъ попочетельскихъ собраній и утвержденъ общественнымъ приговоромъ.

Въ Гадячскомъ уѣздѣ былъ случай неправильнаго вмѣшательства одного изъ членовъ земской управы въ учебную часть училищъ и въ распоряженія училищнаго совѣта. Членъ этотъ, г. Яременко, сдѣлалъ выговоръ учителю Рашевскаго училища за недонесеніе управѣ о болѣзни законоучителя, священника Яновскаго, не смотря на то, что ученіе въ школѣ не прекращалось, такъ какъ во все время болѣзни законоучителя, членъ училищнаго совѣта протоіерей Андреевскій постоянно посѣщалъ училище и наблюдалъ за ученіемъ. Не удовольство-

ствовавшии этимъ, г. Яременко распорядился собрать общество для составленія приговора объ удаленіи св. Яновскаго и назначеніи на его мѣсто другаго. Гадячскій училищный совѣтъ, представляя объ этомъ губернскому совѣту, для распоряженія о прекращеніи на будущее время незаконныхъ дѣйствій г. Яременки и вышательства его въ права и обязанности училищнаго совѣта, отнесся въ то же время къ мѣстному мировому посреднику о производствѣ разслѣдованія касательно неправильно созданнаго г. Яременкомъ сбора и незаконно составленнаго обществомъ приговора. Губернскій училищный совѣтъ, исполняя представленіе уѣзднаго совѣта, сообщилъ о вышеизложенномъ Полтавскому губернатору, прося отмѣнить сдѣланныя г. Яременкомъ распоряженія и разъяснить отношенія служащихъ по выборамъ земства лицъ къ народнымъ шеоламъ.

— Въ *Таврическихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 78) напечатанъ уставъ вновь открытаго при Симферопольскомъ кафедральномъ соборѣ православнаго церковнаго братства, называющагося Александро-Невскимъ. Цѣль этого братства заключается между прочимъ въ содѣйствіи и покровительствѣ учрежденію школъ между православно-русскимъ населеніемъ Таврической епархіи, въ распространеніи полезныхъ книгъ, развитіи въ народѣ здравыхъ понятій, искорененіи суевѣрій, содѣйствіи устройству приходскихъ библіотекъ при церквахъ и ученическихъ библіотекъ при училищахъ, наконецъ, въ содѣйствіи распространенію русской грамотности между инородческимъ населеніемъ и къ заведенію школъ въ тѣхъ мѣстностяхъ для преподаванія наукъ.

— Въ *Кіевлянинѣ* (№ 92) пишутъ, что въ Симферополѣ существуетъ съ 15-го ноября 1864 года ремесленный сиротскій домъ, устроенный на пожертвованіе, сдѣланное бывшимъ Екатеринославскимъ губернаторомъ Фабромъ. Въ заведеніи этомъ воспитывается 30 мальчиковъ, изъ которыхъ большіе ходятъ въ уѣздное училище, а меньшіе въ приходское. Изъ ремеслъ учатъ въ немъ только башмачному и сапожному и собираются учить столярному и переплетному.

— Въ *Николаевскомъ Вѣстникѣ* (№ 74) напечатана статья: „Голосъ сельскаго учителя“, въ которой авторъ ея, учитель Кащеваръ, описывая школу въ мѣстечкѣ Новомъ-Бугѣ (Херсонской губ.), жалуется на равнодушіе къ грамотности мѣстныхъ жителей. Мѣстечко это довольно многолюдно: народонаселеніе его состоитъ изъ 2.536 душъ, въ числѣ которыхъ находятся коренные Малороссы, Великороссы, переселенные изъ сѣверныхъ губерній, и такъ-называемые Малороссы-Пач-

каи, и изъ этой значительной цифры населенія только 69 мальчиковъ и 13 дѣвочекъ посѣщаютъ школу, да и то одновременно. Еще недавно въ этомъ училищѣ былъ наставникомъ человекъ, предававшійся пьянству и до того невѣжда, что однажды, на вопросъ ученика: что такое громъ? — онъ объяснилъ это явленіе катаніемъ пророка Іліи по небу „за чортомъ“. Г. Кашеваръ думаетъ, что если бы школа была передана въ вѣдѣніе земства, то она улучшилась бы и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ.

— Въ *Кіевлянинѣ* (№ 115) напечатаны свѣдѣнія о состояніи дирекціи училищъ Кіевской губерніи за 18^{67/68} годъ, изъ которыхъ видно, что въ Кіевской дирекціи состоятъ слѣдующія низшія учебныя заведенія: уѣздное дворянское училище 1, уѣздныхъ 2, приходскихъ городскихъ мужскихъ 15, женскихъ 2, сельскихъ приходскихъ мужскихъ 21, женскихъ 20; казенныхъ еврейскихъ училищъ, втораго разряда, на степени уѣзднаго училища, 1; перваго разряда, на степени приходскаго училища, 8, въ разныхъ городахъ губерніи; частныхъ женскихъ пансіоновъ 2, въ городахъ Черкассахъ и Бердичевѣ. Частныхъ школъ, на степени приходскихъ училищъ, 10; училищъ, на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній, состоящихъ при лютеранскихъ церквяхъ, 2. Субботняя школа для Евреевъ въ гор. Бердичевѣ 1 и талмудтора 1. Итого, учебныхъ заведеній въ вѣдѣніи дирекціи 86. Общее число учащихся въ христіанскихъ заведеніяхъ мужскаго пола 2.340, жен. 527; въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ муж. пола 283, жен. 91; въ училищахъ при лютеранскихъ церквяхъ муж. пола 3, женскаго 35. Всего учащихся 3.592.

— По словамъ корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей* (№ 203), въ нѣкоторыхъ селахъ Кіевской губерніи введено обязательное обученіе дѣтей. Крестьяне говорили корреспонденту, что если кто изъ родителей не хочетъ отдавать сына учиться, то мальчика берутъ будто бы силою. Обязателенъ также и налогъ въ пользу школъ. Къ сожалѣнію, замѣчаетъ корреспондентъ, это дѣло обученія значительно теряетъ свою важность, потому что въ большинствѣ деревень учатъ дѣтей отставные солдаты и дьячки, да и то лишь по церковно-славянски; при этомъ берутъ за грамотку 75 к. и двѣ мѣры пшеницы, за часословъ 1 р. и три мѣры.

— Изъ отчета *Остерской уѣздной земской управы* за 18^{67/68} годъ, приложеннаго къ № 36 *Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, видно, что въ существующихъ въ уѣздѣ и содержимыхъ исключительно на счетъ уѣзднаго земства двухъ школахъ (въ м. Гоголевѣ и с. Тара-

совникахъ) состоитъ пять преподавателей, которые съ усердіемъ выполняютъ свои обязанности и заслужили довѣріе мѣстныхъ жителей. Въ продолженіе учебнаго года состояло учащихся въ Гоголевской школѣ 65 мальчиковъ, а въ Тарасовичской мальчиковъ 31 и дѣвочекъ 3. Успѣхи ихъ въ наукахъ удовлетворительны, не смотря на то, что они обучаются только осенью и зимою; весною же и лѣтомъ, какъ во время рабочею, посѣщаютъ училища неисправно.

— Мы имѣемъ довольно значительное количество свѣдѣній о состояніи начальнаго народнаго образованія въ западномъ краѣ; но въ виду обилія матеріала, отлагаемъ большую часть изъ нихъ до будущаго мѣсяца, а теперь ограничимся сообщеніемъ лишь слѣдующихъ извѣстій:

Изъ вѣдомости о числѣ училищъ и учащихся въ дирекціяхъ народныхъ училищъ Виленскаго учебнаго округа въ 1867 году, приложенной къ циркуляру по управленію Виленскимъ учебнымъ округомъ, за № 1, видно, что общее число училищъ въ округѣ 1.760; въ томъ числѣ въ губерніяхъ: Виленской 242, Ковенской 208, Гродненской 461, Минской 326, Витебской 229, Могилевской 294. Учащихся въ Виленской губерніи мальч. 7.206, дѣв. 557, всего 7.763; въ Ковенской мальч. 4.985, дѣв. 667, всего 5.652; въ Гродненской мальч. 13.169, дѣв. 2.164, всего 15.333; въ Минской мальч. 10.833, дѣв. 2.276, всего 13.109; въ Витебской мальч. 5.324, дѣв. 730, всего 6.054; въ Могилевской мальч. 6.349, дѣв. 821, всего 7.170. Итого, учащихся въ округѣ мальчиковъ 47.866, дѣвочекъ 7.215, а всего 55.081. Замѣчательно, что въ 4 приходскихъ училищахъ въ Гродненской губерніи и въ 14 сверхштатныхъ народныхъ училищахъ въ Витебской губерніи въ 1867 году ученія не было, по необезнеченности ихъ положенія.

Изъ Ковенской губерніи пишутъ въ *Московскія Вѣдомости* (№ 206), что 15-го августа, съ разрѣшенія училищнаго начальства, былъ съѣздъ наставниковъ народныхъ училищъ Ковенской губерніи, Вилькомирскаго уѣзда, въ православномъ Сурдекскомъ монастырѣ, въ присутствіи одного изъ инспекторовъ дирекціи. На съѣздѣ сперва разсматривались методическіе вопросы; потомъ разсуждали о способахъ привлеченія большаго числа учениковъ въ школы, объ исправномъ посѣщеніи классовъ учащимися и объ устройствѣ общихъ квартиръ для учениковъ, наконецъ, о средствахъ улучшенія своего матеріальнаго и личнаго положенія, то-есть, объ уравненіи жалованья наставникамъ, о полученіи его изъ казначействъ, объ образованіи пенсіонной суммы

и о личныхъ гражданскихъ правахъ. Въ заключеніе постановили ходатайствовать о разрѣшеніи на будущее время сѣздовъ, которые одни только исполнѣ могутъ уяснить задачу народныхъ школъ. О постановленіяхъ сѣзда былъ составленъ протоколъ за подписью присутствовавшихъ наставниковъ и представленъ по принадлежности. Корреспондентъ говоритъ, что мѣстныя школы не оправдываютъ еще своего прямого назначенія, составляя только первый шагъ къ тому, чѣмъ онѣ должны быть, и выражаетъ желаніе, чтобы на училищныхъ сѣздахъ, кромѣ наставниковъ и уполномоченныхъ отъ дирекціи лицъ, присутствовали всѣ лица, соприкасающіяся съ народными школами, какъ то мировые посредники и законоучители.

Изъ *Панска* (Минской губ.) пишутъ въ *Биржевая Вѣдомости* (№ 263), что въ этомъ городѣ, въ числѣ другихъ 15 городовъ, предположено устроить двухклассное женское училище, на что назначено ежегодное денежное пособіе въ 700 руб. Учредительница г-жа фонъ-Розенъ обладаетъ многолѣтнею опытностію въ дѣлѣ женскаго воспитанія. 38 лицъ письменно заявили г-жѣ фонъ-Розенъ готовность посылать своихъ дочерей въ это училище, въ которомъ, кромѣ учебныхъ предметовъ, опредѣленныхъ для такого рода заведеній, будутъ преподаваться новѣйшіе языки и женскія рукодѣлія. Теперь дѣло это, встрѣченное живѣйшимъ сочувствіемъ жителей, останавливается пока за утвержденіемъ проектируемаго училища со стороны учебнаго округа.

Изъ *Дриссы* (Витебской губ.) сообщаютъ въ *Виленскій Вѣстникъ* (№ 104), что въ этомъ городѣ есть два штатныхъ учебныхъ заведенія — уѣздное двухклассное и приходское училища. Учащихся въ томъ и другомъ по 13. Кромѣ того, при приходскомъ училищѣ существуютъ двѣ смѣны — одна для мальчиковъ изъ Евреевъ, другая для дѣвочекъ всѣхъ вѣроисповѣданій; въ первой 30 учащихся мальчиковъ, въ послѣдней 9 дѣвочекъ, православнаго исповѣданія. Малочисленность учащихся изъ Евреевъ, при преимущественномъ населеніи Дриссы этимъ племенемъ, объясняется тѣмъ, что тамошніе Евреи отдаютъ своихъ дѣтей не въ казенное заведеніе, а къ своимъ учителямъ меламедамъ, которыхъ въ концѣ 1866 года числилось 64. Недочетъ учащихся въ Дриссенскихъ казенныхъ заведеніяхъ, при недостаточной численности христіанскаго населенія въ городѣ, могъ бы всего удобнѣе восполниться сельскими жителями; но этому препятствуетъ недостатокъ недорогихъ квартиръ со столь же недорогимъ содержаніемъ. Чтобы пособить этому обстоятельству, одинъ изъ мѣстныхъ преподавателей приглашенъ начальствомъ уѣзднаго училища принимать

въ себѣ учениковъ изъ платы натурою, то-есть, мукою, крупою и другими съѣстными припасами и за небольшое денежное вознагражденіе. Преподаватель изъявилъ на это согласіе, при чемъ онъ не отказывается также релетировать съ будущими своими учениками - нахлѣбниками.

— Въ г. *Закрочимъ* (Плоцкой губ.) еврейское населеніе предположило учить своихъ дѣтей русской грамотѣ и для этого ходатайствовало у начальства разрѣшенія дозволить имъ открыть на своемъ иждивеніи русско-еврейское училище. Разрѣшеніе это послѣдовало, и какъ сообщаютъ въ *Сѣверной Почтѣ* (№ 205), училище открыто 29-го іюля. На первый разъ явилось учащихъ 45 человекъ, которые постоянно посѣщаютъ училище. Многіе изъ нихъ въ такое короткое время со дня открытія уже начинаютъ читать по русски довольно хорошо и съ правильнымъ произношеніемъ, и нѣкоторые порядочно пишутъ и очень удовлетворительно знаютъ два первыхъ правила ариметики.

— Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 256) пишутъ, что для русской школы въ Дерптѣ освящено новое, весьма удобное и просторное зданіе, въ замѣнъ прежняго, тѣснаго и неудобнаго. По штату, въ русскомъ училищѣ полагается два учителя, съ вознагражденіемъ довольно удовлетворительнымъ, при казенной квартирѣ; но въ настоящее время учитель одинъ, получающій скудное вознагражденіе. Труды этого учителя тяжки, потому что ему приходится обучать по русски такихъ дѣтей, которые едва владѣютъ русскимъ языкомъ, и при неизмѣннй учебныхъ пособій, писанныхъ на русскомъ языкѣ, прилаживать нѣмецкія учебныя пособія къ русскому языку. Въ особенности ощутительно отсутствіе руководства по отечествовѣдѣнію, которія въ томъ краѣ необходимы, такъ какъ мѣстное русское населеніе не можетъ дать своимъ дѣтямъ знанія о Россіи, которой само не знаетъ.

Въ той же статьѣ говорится, будто бы воспитанники Дерптской учительской семинаріи, по выходѣ изъ нея поступающіе народными учителями въ Прибалтійскомъ краѣ, могли бы быть весьма годными для русскихъ народныхъ школъ. Изъ нихъ лучшіе обладаютъ полною возможностью совершенно удовлетворительно преподавать по русски; въ этомъ-де отношеніи имъ недостаетъ только маленькаго навыка въ разговорѣ.

— Въ газетѣ *Rigische Stadtblätter* пишутъ, что нѣкто г. Гаррасъ оставилъ 60.000 руб. для основанія въ Ригѣ двухъ новыхъ начальныхъ училищъ и для вспоможенія училищамъ Плесводальскому

и св. Петра. Одно изъ основываемыхъ училищъ назначено для обученія мальчиковъ; для сооруженія его назначенъ капиталъ въ 20.000 руб. Другое, дѣвичье училище, уже устроено и имѣетъ капиталъ также въ 20.000 руб.

— Въ газетѣ *Кавказъ* мы нашли свѣдѣніе о состояніи грамотности въ расположенныхъ на Кавказѣ войскахъ за послѣднее время. Въ 1867 году въ этомъ отношеніи сдѣланъ нѣкоторый успѣхъ противъ прошедшаго года. Къ 1867 году процентъ грамотныхъ составлялъ 18,3; обучающихся грамотъ 23,2; неграмотныхъ 58,3. Къ 1868 году состояло, по процентному исчисленію, грамотныхъ 23,1; обучающихся грамотъ 27,3; неграмотныхъ 49,4. Его Императорское Высочество Намѣстникъ Кавказскій, объявляя объ этомъ въ приказѣ по Кавказскому военному округу, проситъ главныхъ начальниковъ войскъ и въ будущемъ не упускать изъ виду необходимости дальнѣйшаго развитія грамотности во ввѣренныхъ имъ частяхъ.

— Представляемъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній о состояніи и дѣятельности *воскресныхъ школъ*, учрежденныхъ при духовныхъ семинаріяхъ.

Изъ отчета о состояніи *Вологодской* воскресной школы за 18^{67/68} учебный годъ, помѣщеннаго въ мѣстныхъ *Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 16), видно, что незначительное въ началѣ учебнаго года число посѣщавшихъ воскресную школу начало увеличиваться съ октября мѣсяца 1867 года, такъ что вмѣсто 25, бывшихъ въ началѣ курса, въ этомъ мѣсяцѣ ихъ было 75. Причиной такого увеличенія учащихъ было сколько распространяющееся все болѣе и болѣе между жителями Вологды сознаніе въ пользѣ грамотности, столько и то, что въ школѣ былъ введенъ лучшій порядокъ въ преподаваніи и въ другихъ частяхъ. Въ январѣ сего 1868 года, разрѣшено было принимать для обученія дѣтей женскаго пола, отъ 7 до 12-лѣтняго возраста, и скоро поступило въ школу 12 дѣвочекъ. Въ послѣдствіи времени число учащихъ продолжало возрастать, такъ что въ іюнѣ мѣсяцѣ въ спискахъ школы значилось уже 144 ученика и 32 ученицы; изъ нихъ постоянныхъ посѣтителей было всегда почти отъ 60 до 70 человекъ, а въ день экзамена 29-го іюня на лицо было учениковъ 114, ученицъ 23.

Обученіе чтенію производилось по звукослагательному способу; но допускаемъ былъ и способъ буквослагательный для тѣхъ изъ учениковъ, которые поступали въ школу съ нѣкоторымъ знаніемъ буквъ и ихъ славянскихъ названій. Школа руководствовалась въ этомъ случаѣ

опытомъ, свидѣтельствующимъ, что не по силамъ дѣтямъ, не успѣвшимъ еще преодолѣть одной трудности, предлагать другую и что это только можетъ сбивать ихъ съ толку. Школа озабочивалась тѣмъ, чтобы обученіе чтенію сопровождалось полнымъ пониманіемъ читаемаго со стороны учащихся, для чего употреблялся преимущественно способъ катехизической, и чтобы чтеніе было правильно, то-есть, соответствовало правиламъ декламации, для каковой цѣли избираемы были статьи по преимуществу стихотворныя и драматическаго свойства. При обученіи письму, которое производилось по способу Картера, сообщались свѣдѣнія о правописаніи. По закону Божію употреблялись въ одно и то же время способы излагательный, изъяснительный и катехизическій. Обученіе родному языку состояло не въ теоріи (грамматикѣ), а въ практическомъ знакомствѣ съ основными формами языка, и постоянно сопровождалось примѣрами. Обученіе счисленію производилось по преимуществу по способу Грубе, при чемъ главнымъ руководствомъ служила ариметика Паульсона и собраніе ариметическихкихъ задачъ Лёве. Кромѣ того, предлагалось обученіе отечественной исторіи въ разказахъ объ особенно выдающихся событіяхъ и въ біографіяхъ замѣчательныхъ лицъ, и географіи по руководствамъ Золотова, Бекетова и по статьямъ, помѣщеннымъ въ журналѣ *Учитель*. Физическая и математическая географія, равно отношеніе земли къ солнцу, объяснялись при помощи глобуса. Наконецъ, дѣти обучались церковному пѣнію, а по временамъ и другимъ предметамъ, какъ то: алгебрѣ, геометріи, латинскому языку, естественной и всеобщей исторіи, когда школу посѣщали желавшіе изучать эти предметы.

Занятія въ школѣ сначала производились только по воскреснымъ днямъ; но съ марта настоящаго года обученіе распространено на праздничные и высокаторжественные дни, когда ученики бывають свободны отъ классовъ; даже въ кашикулярное время занятія не прекращались. Преподавателями были сначала только ученики высшаго отдѣленія; но когда мѣстнымъ преосвященнымъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы для преподаванія было назначасмо какъ можно болѣе воспитанниковъ, которые такимъ образомъ чаще могутъ имѣть случай практиковаться въ обученіи, то стали назначать и учениковъ средняго отдѣленія, тоже слушавшихъ курсъ педагогики въ продолженіе послѣдняго года. Изъ числа тѣхъ и другихъ 10 человекъ были постоянными преподавателями; они сами изъявили желаніе заниматься этимъ дѣломъ и по испытанію найдены были весьма способными къ нему. Въ пособіе къ нимъ назначалось каждый разъ по 10 другихъ

воспитанниковъ, постоянно перемѣнявшихся, такъ что всѣхъ преподавателей въ послѣднее время всегда бывало въ школѣ до 50 человѣкъ.

По испытаніи, произведенномъ 29-го іюня, лучшимъ ученикамъ и ученицамъ школы были розданы въ награду священныя изображенія и жизнеописанія св. Кирилла и Меодія, присланныя отъ г. министра народнаго просвѣщенія, а воспитанникамъ семинарій, постоянно, ревностно и съ успѣхомъ занимавшимся преподаваніемъ въ воскресной школѣ, выданы денежные награды. Члены педагогическаго собранія семинаріи единогласно при этомъ случаѣ высказали, что состояніе школы представляется имъ весьма удовлетворительнымъ, какъ по числу учениковъ и ихъ успѣхамъ, такъ и по преподаванію и умѣнью вести его.

— Въ *Духовной Вестнѣ* (№ 31) помѣщено нѣсколько свѣдѣній о воскресной школѣ, существующей съ 16-го октября 1866 года при *Новгородской* семинаріи. Въ истекшемъ учебномъ году въ ней обучалось около 30-ти мальчиковъ и дѣвочекъ. Кромѣ обыкновенныхъ предметовъ преподаванія, нѣсколькимъ, наиболѣе успѣвшимъ мальчикамъ сообщаемы были элементарныя свѣдѣнія по географіи и русской исторіи. Нѣкоторые изъ приходившихъ въ воскресную школу учениковъ обучались въ Антоніевской безплатной школѣ, находящейся въ Никольской слободѣ, недалеко отъ семинаріи, и посѣждаемой учениками въ простые дни. Такъ какъ здѣсь, при значительномъ количествѣ учениковъ, съ которыми занимался одинъ учитель, не всѣ учащіеся могли отчетливо усвоить преподаваемое имъ, то въ воскресной школѣ было обращено вниманіе на пополненіе замѣчаемыхъ пробѣловъ въ знаніи такихъ учениковъ и выяснились тѣ понятія, которыя, при предшествующемъ обученіи, были усвоены ими болѣе или менѣе механически. Въ способѣ преподаванія обращено было вниманіе не столько на то, чтобы держаться съ буквальною точностію определенной методы, сколько на то, чтобы съ участіемъ собственной самостоятельности учениковъ развивались ихъ понятія и возбуждались духовныя силы. Такъ, напримѣръ, въ большинствѣ случаевъ неудобно было преподавать ариѳметику по учебнику Золотова, составленному по методу Грубе и принятому въ руководство въ воскресной школѣ; но чтобы избѣжать механическихъ выкладокъ надъ числами, упражненія надъ числами разнообразились, при чемъ употреблялись тѣ же приемы, или подобныя тѣмъ, какіе указаны у Грубе. По закону Божію, кромѣ молитвъ, обращено было вниманіе на св. исторію. При обученіи гра-

мотѣ, приходилось по большей части имѣть дѣло съ такими учениками, которые уже начинали учиться по прежнему способу и при поступленіи въ школу знакомы были съ буквами и отчасти слогами. Такимъ ученикамъ уяснялся звукъ знакомой имъ буквы на столько, чтобъ они могли, вмѣсто не имѣющихъ смысла слоговъ, составлять изъ передвижныхъ буквъ простыя и знакомыя имъ слова и различнымъ образомъ сочетать знакомыя буквы. Занятія съ такими учениками были затруднительны: ученики обыкновенно долгое время повторяли только то, что говорилъ имъ учитель, и становились въ тупикъ при каждомъ вопросѣ, вызывающемъ самостоятельность и требующемъ небольшой догадливости. При воскресной школѣ есть библіотека, изъ которой выдаются ученикамъ, приходящимъ въ школу, книги для домашняго чтенія.

Смоленская воскресная школа, учрежденная еще въ 1865 году, не могла на самомъ дѣлѣ открыться въ теченіе цѣлаго года: во все это время, говорятъ мѣстные епархіальныя вѣдомости (№ 14), никто ни изъ дѣтей, ни изъ взрослыхъ не показывался въ нее. Чтобы положить начало школѣ и открыть воспитанникамъ возможность практически ознакомиться съ первоначальными педагогическими приемами, школа наполнена была малоуспѣшными учениками духовнаго училища, а затѣмъ, по распоряженію епархіальнаго преосвященнаго, вмѣсно было въ обязанность священникамъ объяснить прихожанамъ, какъ цѣль воскресной школы, такъ и безпрепятственный доступъ къ ней всякому желающему обучаться. Вслѣдствіе этого распоряженія, на первый разъ явилось въ школу 6 мальчиковъ изъ простаго класса, и школа была дѣйствительнымъ образомъ открыта 15-го октября 1867 года. Къ началу 1868 года число посѣщающихъ школу возрасло до 40, а вслѣдъ за тѣмъ, по желанію родителей учениковъ, прибавленъ былъ для занятій еще одинъ день — пятница. Соразмѣрно возраставшему количеству обучающихся назначалось и число преподавателей; дѣти раздѣлены на группы и каждая изъ нихъ ввѣрена особому учителю, а въ послѣдствіи оказалось нужнымъ, для лучшихъ успѣховъ, сузить и эти группы до возможныхъ предѣловъ, такъ что на каждыхъ двохъ мальчиковъ, иногда даже на одного, назначался особый преподаватель изъ учениковъ высшихъ классовъ семинаріи. Такъ какъ въ основѣ всякаго обученія лежитъ навыкъ находить сходное въ предметахъ и различать несходное, то предварительно считалось нужнымъ сдѣлать нѣсколько опытовъ въ этомъ родѣ, посредствомъ разговоровъ о предметахъ извѣстныхъ дѣтямъ; но къ этому преподаватели были еще

мало подготовлены, да и пособій для того не было: ни рисунковъ, ни моделей; ихъ и до сихъ поръ не приобрѣла школа, за недостаткомъ недорогихъ этого рода издѣлій въ продажѣ.

Отчетъ о состояніи Смоленской воскресной школы сознается, что относительно успѣховъ по преподаваемымъ въ школахъ предметамъ до сихъ поръ сдѣлано не много, хотя сдѣлано все, что можно было сдѣлать при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ до сихъ поръ находилась воскресная школа. Поступившіе въ школу безъ умѣнья читать и писать, при постоянномъ посѣщеніи уроковъ, свободно въ настоящее время читаютъ, пишутъ по двумъ линейкамъ и свободно передаютъ разказы изъ св. исторіи. Другіе кромѣ того могутъ прочитываемое ими самими понимать и передавать, также рѣшать задачи на первыя четыре дѣйствія арифметики. Къ сожалѣнію, постоянно посѣщающихъ классъ было не болѣе 15-ти дѣтей. Въ теченіе 9-ти мѣсяцевъ ихъ перебывало болѣе 70-ти, но большая часть по домашнимъ нуждамъ опускала классы; другіе, походивъ два-три мѣсяца въ школу, совсѣмъ оставляли ее, или по болѣзни, или по недостатку одежды. Завѣдывающій воскресною школой обращался къ родителямъ съ просьбою, чтобъ они въ извѣстные дни и часы послали дѣтей въ школу; родители давали обѣщаніе, но дѣло не поправлялось. Почти каждый воскресный день поступали новые мальчики, но за то изъ прежнихъ многіе не являлись. Все это задерживало успѣхи учениковъ. Среднимъ числомъ въ каждый урокъ было около 30-ти дѣтей, но между ними преподаватели часто не находили своихъ учениковъ, съ которыми имъ назначено было пройти и кончить извѣстныя занятія. Съ своей стороны, преподающіе охотно занимались своимъ дѣломъ, да и дѣти, невѣдко въ трескучіе морозы, одѣтыя въ бѣдное, ветхое платье, бѣжали въ школу, бодро принимаясь въ ней за ученіе. По распоряженію г. министра народнаго просвѣщенія, въ пользу школы было отпущено 260 руб. На нихъ приобрѣтены классныя принадлежности и необходимыя руководства, и 70 рублей роздано въ награду за усердное преподаваніе нѣкоторымъ воспитанникамъ семинаріи.

Состояніе воскресной школы, находящейся при *Саратовской* духовной семинаріи, по словамъ мѣстныхъ *Епархіальныхъ Вѣдомостей* (№ 16), значительно улучшилось въ истекшемъ учебномъ году противъ предшествовавшаго года, какъ по отношенію къ средствамъ обученія, такъ и относительно успѣховъ. Въ предшествовавшемъ учебномъ году школа содержалась на незначительныя частныя пожертвованія, и оттого были ощутительны недостатки въ учебныхъ и клас-

сныхъ принадлежностяхъ, не мало препятствовавшіе успѣхамъ обученія; но съ присылкою отъ г. министра народнаго просвѣщенія въ два срока 260 руб., положеніе это измѣнилось къ лучшему. Далѣе, обучающіе въ школѣ ученики семинаріи, въ предшествовавшемъ году, только начинали знакомиться съ лучшими педагогическими приѣмами и методами обученія, и по новости дѣла, не смотря на все усердіе, не могли вести обученіе безъ промаховъ; въ истекшемъ же учебномъ году, и особенно во второй его половинѣ, они занимались дѣломъ обученія съ большимъ тактомъ и умѣньемъ. Вообще Саратовская воскресная школа въ истекшемъ учебномъ году находилась въ весьма удовлетворительномъ состояніи, что доказывается между прочимъ значительнымъ увеличеніемъ обучавшихся въ ней сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ. Отчетъ указываетъ на слѣдующій замѣчательный фактъ: одинъ унтеръ-офицеръ, занимавшійся въ школѣ въ теченіе первыхъ семи мѣсяцевъ истекшаго учебнаго года, выдержалъ экзаменъ на офицерскій чинъ, о чемъ онъ и заявилъ въ *Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ*. Успѣхами своими школа обязана главнымъ образомъ неутомимому усердію завѣдывавшаго ею учителя педагогики, г. Михайловскаго. Учащихся мальчиковъ, дѣвочекъ и взрослыхъ было болѣе 100, и кромѣ того до 40 учениковъ духовнаго училища. По дальности разстоянія школы отъ центра города (нѣкоторые приходили версты за три, съ самаго конца города), а иногда по причинѣ неблагоприятной погоды въ осеннее, зимнее и весеннее время, обучавшіеся не всегда приходили въ школу въ показанномъ числѣ; но съ начала учебнаго года и до праздника пасхи приходившихъ учениковъ всегда было отъ 80 до 100, и нѣкогда менѣе 60; послѣ же пасхи и до конца число обучавшихся, за отлучкою на заработки, было меньше, а именно отъ 60 до 70, но опять никогда менѣе 50. Относительно преподаванія, совершавшагося по новѣйшимъ методамъ, мы отмѣтимъ здѣсь только то, что изъ имѣющейся при воскресной школѣ бібліотеки учащимся выдавались для чтенія книги на домъ, при чемъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ учитель педагогики требовалъ отчета въ прочитанномъ. Библиотека заключаетъ въ себѣ 74 названія книгъ въ 381 томѣ, глобусъ, географическія карты, всего приблизительно на сумму до 250 рублей. Послѣ испытанія, произведеннаго въ концѣ іюня сего года, лучшимъ ученикамъ школы выданы въ награду иконы св. Кирилла и Меводія и ихъ жизнеописанія, а воспитанникамъ семинаріи за труды и успѣхи розданы денежныя награды.

Въ *Самарской* епархіи, какъ мы объ этомъ сообщили въ свое

время, существуетъ не одна воскресная школа при духовной семинаріи. Такія же школы имѣются и при нѣкоторыхъ церквахъ гор. Самары. Изъ отчета о состояніи всѣхъ этихъ школъ, помѣщеннаго въ *Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 16), видно слѣдующее: 1) Въ воскресной школѣ при семинаріи, въ апрѣлѣ, маѣ и юнѣ сего года, учениковъ было самое большее число 48, самое меньшее 9 и 2; ученицъ самое большее число 56, самое меньшее 26. 2) Воскресная школа при Петропавловской церкви, подобно семинарской, посѣщается была не только мальчиками, но и дѣвочками. Самое большее число первыхъ было 20, самое меньшее 3; послѣднихъ самое большее число 20, самое меньшее 10. 3) Въ воскресной школѣ при Троицкой церкви учащихся было отъ 7 до 28. 4) Воскресную школу при Воскресенской церкви, подобно предшествовавшему времени, посѣщали больше взрослые, чѣмъ малолѣтніе. Между первыми была ученица лѣтъ 50-ти, и когда ее спросили: „Съ охотою ли она посѣщаетъ воскресную школу?“—Какъ же бы безъ охоты можно придти мнѣ сюда? отвѣчала она;—вѣдь я пришла изъ-за Троицы, съ конца города; слышала, вишь, что сюда и большіе ходятъ, да и пришла.—Посѣщали школу и другія 6 взрослыхъ женщинъ, кромѣ мужчинъ. Вообще эту школу, по предмету занятій и по возрасту посѣщающихъ, можно назвать воскресною школою для взрослыхъ. 5) Воскресная школа при Покровской церкви была посѣщается мальчиками, числомъ до 25. Между прочимъ 10 безграмотныхъ изъ нихъ учили молитвы на память со словъ преподававшаго ихъ воспитанника семинаріи. Наконецъ, 6) въ воскресной школѣ при Успенской церкви самое большее число учащихся мальчиковъ было 15, самое меньшее 4.

Кіевская воскресная школа, по словамъ мѣстныхъ *Епархіальныхъ Вѣдомостей* (№ 14), провела второй годъ своего существованія также успѣшно, какъ и первый. Въ первые же воскресные дни учебнаго года число приходящихъ простиралось до 100, а затѣмъ дошло до 152, и только наступившіе зимніе морозы сокращали это число иногда до 90; число воспитанниковъ, занимающихся въ школѣ, простиралось до 60 и болѣе. Переходившіе во второй годъ мальчики были по большей части новыя, такъ какъ старыя, болѣею частію, умѣвшіе уже кое-какъ читать до поступленія въ воскресную школу, достигли того, чего желали; тѣ же изъ нихъ, которые начали учиться въ школѣ, и теперь продолжаютъ посѣщать ее и уже умѣютъ читать и писать, знаютъ молитвы, нѣсколько разказовъ изъ священной исторіи и счисленіе. На первыхъ порахъ воспитанники семинаріи употреб-

ляли нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобъ оповѣстить объ открытіи воскресной школы, но затѣмъ уже сами ученики школы разносили по городу вѣсть о ней.

Относительно преподаванія въ школѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія особенности. Объясненіе воскреснаго евангелія дѣлается воспитанникомъ, который, по назначенію учителя гомилетики, пишетъ слово на извѣстную недѣлю: предполагается, что пишущій слово, въ теченіи опредѣленнаго срока, достаточно вдумался въ содержаніе евангельскаго чтенія, уяснилъ его себѣ и на столько выразумѣлъ, что не затруднится передать его ученикамъ школы ясно, выразительно и удобопонятно. Обученіе грамотѣ начинается съ гражданской азбуки, а не съ церковно-славянской, что, на основаніи опыта, признано болѣе удобнымъ. Обученіе письму происходитъ совмѣстно съ обученіемъ чтенію, чѣмъ вполне достигается разнообразіе и оживленность обученія, а трудность первыхъ приемовъ письма, дѣлающихъ такой способъ обученія болѣе медленнымъ, чѣмъ при раздѣльномъ обученіи, предохраняетъ молодыхъ учителей отъ неумѣстной торопливости. Во вѣншей школьной обстановкѣ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и дополненія противъ прежнихъ порядковъ, дѣлающія преподаваніе болѣе удобнымъ для молодыхъ учителей.

Библиотека Кіевской воскресной школы значительно пополнилась въ послѣднее время книгами, нужными для занятій въ школѣ и для раздачи учащимся на домъ. Приобрѣтено нѣсколько книгъ для занятій по ариметикѣ, географіи и въ особенности по закону Божію. Для домашняго чтенія учащихся куплено до 30 книжекъ, изданныхъ „Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ“, по содержанію своему относящихся къ области естествознанія, русской исторіи, повѣстей и разказовъ, землевѣдѣнія и путешествій и духовно-правственнаго содержанія. Изъ повременныхъ изданій для народнаго чтенія, кромѣ прежде выписанныхъ, приобрѣтены: изданіе Цогосскаго *Досугъ и дѣло* за 1867 годъ, а также изданія Кушнерева: журналъ *Грамотный* и *Народная газета* за тотъ же 1867 годъ. Вообще въ Кіевской воскресной школѣ есть, по словамъ автора статьи, изъ которой мы заимствовали эти свѣдѣнія, все, что составляетъ необходимую принадлежность благоустроенной школы.

НАРОДНЫЯ УЧИЛИЩА ВЪ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

(Изъ доклада Симбирскому губернскому земскому собранію, представленнаго губернскимъ гласнымъ и членомъ губернскаго училищнаго совѣта, Д. П. Ознобишинымъ).

Мы не имѣли до сихъ поръ возможности представить достаточно свѣдѣній о положеніи начальнаго народнаго образованія въ Симбирской губерніи. Свѣдѣнія эти, помѣщаемыя по временамъ въ мѣстной газетѣ и въ столичныхъ періодическихъ изданіяхъ, были слишкомъ скудны для того, чтобы можно было составить себѣ удовлетворительное понятіе какъ о числѣ училищъ и учащихся въ Симбирской губерніи, такъ и о томъ, какъ идетъ въ нихъ дѣло народнаго обученія. Въ настоящее время мы имѣемъ подъ рукою подробный докладъ по этому предмету, читанный въ засѣданіи мѣстнаго губернскаго земскаго собранія 17-го декабря 1867 года губернскимъ гласнымъ и членомъ губернскаго училищнаго совѣта Д. П. Ознобишинымъ.

Докладъ г. Ознобишина, отличающійся обстоятельностью сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, основанъ на письменныхъ документахъ, доставленныхъ мѣстною консисторіей въ Симбирскую губернскую управу, и на подлинныхъ свѣдѣніяхъ, отношеніяхъ и отчетахъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ. Кромѣ обыкновенныхъ свѣдѣній о мѣстныхъ народныхъ училищахъ и церковно-приходскихъ школахъ, докладъ г. Ознобишина касается какъ матеріальныхъ потребностей народныхъ школъ, такъ, на сколько это было возможно, и самихъ учителей, способа ихъ преподаванія, наконецъ, содѣйствія или сопротивленія, оказываемыхъ распространенію грамотности разноплеменнымъ составомъ народонаселенія Симбирской губерніи. Всѣ эти свѣдѣнія даютъ возможность составить довольно полную картину того, что совершается въ разсматриваемой мѣстности по части народнаго образованія, и мы спѣшимъ подѣлиться ими съ нашими читателями.

Народонаселеніе Симбирской губерніи состоитъ изъ 534.876 душъ мужскаго и 519.352 душъ женскаго пола, всего 1.104.228 душъ. Въ составъ этого населенія входятъ инородцы — Мордва, Чуваши и Татары, всего въ количествѣ $29\frac{1}{4}\%$; остальное населеніе, въ количествѣ $70\frac{3}{4}\%$, состоитъ изъ Русскихъ и образовалось изъ переселенцевъ и бѣглецовъ изъ разныхъ частей государства. Мѣры къ образованію этого иноплеменнаго и разнохарактернаго населенія начали приниматься съ конца прошлаго столѣтія. Въ 1786 году здѣсь было открыто главное народное училище, преобразованное въ 1809 году въ губернскую гимназію. Затѣмъ образовались другія учебныя заведенія отъ министерства народнаго просвѣщенія; но вліяніе этихъ заведеній на народную массу было весьма ограниченное. Съ учрежденіемъ конторы удѣльнаго вѣдомства и въ особенности съ раздѣленіемъ ея на четыре отдѣльныя конторы — Симбирскую, Сызранскую, Алатырскую и Самарскую въ 1836 году, образованіе крестьянскаго сословія получило болѣе прочности; устроены были ремесленныя заведенія и хозяйственныя фермы и учреждены въ разныхъ удѣльныхъ волостяхъ и селахъ школы, хорошо обеспеченныя со стороны матеріальнаго содержанія и послужившія примѣромъ къ учрежденію немногихъ училищъ въ нѣкоторыхъ дворянскихъ помѣстьяхъ, гдѣ до того грамотѣ обучались только дворовые люди и школы заводились весьма рѣдко; наконецъ, въ позднѣйшее уже время, безъ всякихъ средствъ, открылись и церковно-приходскія школы.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ г. Ознобиннымъ, народное образованіе *по уѣздамъ* представлялось въ слѣдующемъ видѣ.

Въ *Симбирскомъ* уѣздѣ имѣлось въ 1866 году 40 школъ для мальчиковъ и 27 для дѣвочекъ; въ первыхъ учащихся было 929, въ послѣднихъ 496, всего 1.425. Помѣщеніе всѣхъ этихъ школъ было большею частію неудобное: такъ, объ одномъ училищномъ домѣ мѣстный священникъ свидѣтельствуетъ, какъ объ угарномъ, темномъ и холодномъ; другой, кромѣ школы, вмѣщалъ въ себѣ пожарную трубу и служилъ жильемъ для церковныхъ караульщиковъ и сельскихъ обходчиковъ; въ одной школѣ дѣвочки мерзли отъ холода, и т. д. Изъ числа 40 мужскихъ школъ, были обеспечены содержаніемъ только 10; изъ прочихъ, 8 получали отъ 12 до 80 рублей въ годъ, въ 11-ти преподаваніе производилось безвозмездно, и 11 неизвѣстно какъ существовали. Имѣли достаточно учебныхъ пособій 13 школъ. При 4-хъ были порядочныя бібліотеки; число книгъ въ двухъ изъ нихъ доходило до 600 экземпляровъ. Въ недостаточномъ же количествѣ учеб-

ныя пособія были въ 16 школахъ. Такое незавидное положеніе большей части школъ было причиною, что крестьяне отдавали охотно дѣтей своихъ только въ 6 школъ; въ мѣстностяхъ же, гдѣ находились остальные 34 школы, они не заявляли никакого расположенія къ грамотности, и какъ свидѣтельствуемъ одинъ приходскій священникъ, смотрѣли на нее „дико“.

Въ 1867 году число школъ уменьшилось до 57; въ числѣ ихъ были 33 мужскія, 23 женскія и 1 смѣшанная. Учащихся мальчиковъ 848, дѣвочекъ 406, всего 1.254 души. Причина такого уменьшенія народныхъ школъ въ Симбирскомъ уѣздѣ не объяснена въ докладѣ г. Ознобишина; но легко догадаться, что при необеспеченномъ положеніи школъ въ матеріальномъ отношеніи и при плохомъ состояніи въ нихъ педагогическаго дѣла, онѣ не могли поддержатся. Г. Ознобишинъ полагаетъ, что помѣщеніе ихъ осталось прежнее, и потому становится яснымъ, что ученіе въ плохо отапливаемыхъ и тѣсныхъ церковныхъ караулкахъ, хотя ихъ было не болѣе восьми, не могло идти съ желаннымъ успѣхомъ. Было впрочемъ и нѣкоторое улучшеніе. Оставшіяся отъ предыдущаго года школы снабжены по возможности учебными пособіями изъ склада книгъ, имѣющагося при Симбирскомъ училищномъ совѣтѣ. Почти всѣ эти школы поддерживаются общественнымъ сборомъ съ крестьянскихъ обществъ, большею частію скуднымъ, простирающпмся отъ 14 до 20 рублей въ годъ, чѣмъ едва покрываются издержки на учебныя пособія; существованіе другихъ школъ поддерживается единовременнымъ неопредѣленнымъ сборомъ, и только въ немногихъ школахъ прежняго удѣльнаго вѣдомства жалованье учителей и законоучителей, равно какъ ремонтъ училищнаго зданія обезпечены. Но за то въ прочихъ школахъ ученіе преподается безвозмездно, а въ трехъ волостяхъ (Загудаевской, Нататкинской и Больше-Цильнинской) вовсе нѣтъ школъ.

Осмотръ школъ Симбирскаго уѣзда, произведенный нѣкоторыми членами училищнаго совѣта, подтверждаетъ неудовлетворительное ихъ положеніе. По свидѣтельству одного изъ нихъ, успѣхи учениковъ по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ курсъ первоначальныхъ училищъ, оказались слабыми. При обученіи чтенію почти исключительно обращалось вниманіе на скорое и безостановочное чтеніе и совершенно упускалось изъ виду пониманіе не только цѣлыхъ фразъ, но и отдѣльныхъ словъ. Въ ариѳметикѣ та же безтолковость преподаванія; учащіеся затруднялись простою выкладкою на счетахъ и изустнымъ рѣшеніемъ задачъ, часто очень простыхъ для людей даже неграмотныхъ.

О каллиграфіи нечего и спрашивать, потому что дѣти писали только на асидныхъ доскахъ, а не на бумагѣ. Вообще отзывы члена училищнаго совѣта о способностяхъ учителей далеко неутѣшительны. Во всемъ отсутствіе порядка: ученики пренебрегаютъ посѣщеніемъ классовъ; родители намѣренно удерживаютъ дѣтей дома; мировые посредники, волостные старшины и другія болѣе или менѣе вліятельныя личности безучастно относятся къ дѣлу народнаго образованія. Оттого польза обученія для народа съ каждымъ годомъ становится болѣе и болѣе сомнительною, а бремя содержанія училищъ ощущается сильнѣе.

Въ матеріальномъ отношеніи представляется не болѣе отрадная картина. Членъ училищнаго совѣта свидѣтельствуетъ, что во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ деньги выводятся въ расходъ на разные училищныя потребности безъ надлежащихъ росписокъ и обозначенія приобретаемыхъ принадлежностей, отчего учителя и волостные писари представляли ему самыя противорѣчивыя объясненія: такъ, напримѣръ, въ одномъ правленіи писарь сообщилъ, что куплено для училища книгъ на 18 рублей, а учитель увѣрялъ, что никакихъ книгъ къ нему не поступало. Далѣе, во многихъ училищахъ нѣтъ ни книжныхъ каталоговъ, ни описей училищнаго имущества и учебныхъ пособій, такъ что невозможно судить ни о цѣлости имущества, ни о томъ, на сколько нуждается училище въ учебныхъ пособіяхъ и книгахъ. Во многихъ училищахъ нѣтъ простыхъ стѣнныхъ часовъ, отчего учитель не имѣетъ возможности установить порядокъ и время классныхъ занятій. По отопленію и содержанію училищъ особенное нерадѣніе замѣчено въ деревняхъ Безсоновъ и Елшанкѣ: домъ Безсоновскаго училища не обгороженъ, а въ самомъ домѣ до полбры мѣсяца не было даже печи; Елшанское училище не отапливалось до января мѣсяца, а отъ городьбы и службъ, бывшихъ когда-то при домѣ, не осталось и слѣда. Наконецъ, около нѣкоторыхъ училищныхъ домовъ, въ самомъ близкомъ отъ нихъ разстояніи, начинаютъ селиться обыватели, что грозитъ школамъ неминуемымъ истребленіемъ въ случаѣ пожара, при неосторожномъ обращеніи простонародья съ огнемъ.

Другой членъ училищнаго совѣта, осматривавшій школы двухъ мировыхъ участковъ Симбирскаго уѣзда, пришелъ къ тому убѣжденію, что онѣ съ прошлаго времени нисколько не подвинулись къ лучшему, напротивъ того все болѣе и болѣе приходятъ въ упадокъ. Преподаваніе идетъ въ нихъ, за весьма немногими исключеніями, крайне безпорядочно и неуспѣшно. Недостатокъ въ книгахъ весьма ощутителенъ.

Ученики и ученицы на половину не посѣщаютъ училищъ. Помѣщеніе школъ, кромѣ четырехъ, до того жалко и неудобно, что нѣтъ возможности пробыть нѣсколькихъ минутъ, чтобы не задохнуться отъ вони и дыму или угара. Но хуже Прислонихинской женской школы трудно что-либо вообразить. Школа эта помѣщается въ какой-то лачугѣ, бывшей нѣкогда церковною караулкой, за негодностью оставленной; она съ худою печью, худымъ поломъ и до невозможности закоптѣлыми и частію разбитыми стеклами. Въ Ясашно-Ташлинской школѣ преподаватель мало способный и притомъ глухой; въ Прислонихинской—хотя, повидимому, старательный, но не имѣетъ никакихъ учебныхъ пособій; нѣтъ ни бумаги, ни карандашей, и одна аспидная доска на 20 учениковъ. Въ заключеніе своего донесенія, членъ училищнаго совѣта говоритъ, что хотя онъ не защитникъ обязательнаго обученія грамотѣ, но считаетъ необходимымъ установить какія-либо правила и мѣры для того, чтобы разъ избранные въ школу посѣщали ее исправно.

Г. Ознобишинъ, при исчисленіи школъ въ городахъ и уѣздахъ Симбирской губерніи, вездѣ сопоставляетъ ихъ съ количествомъ имѣющихся въ тѣхъ же мѣстностяхъ питейныхъ домовъ. Сопоставленіе это любопытно и приводитъ къ весьма неутѣшительнымъ заключеніямъ. Оказывается, что почти вездѣ количество этихъ мѣстъ народнаго растлѣнія втрое, вчетверо, а по мѣстамъ и несравненно болѣе, превышаетъ численность школъ. Такъ, въ Симбирскомъ уѣздѣ на 67 школъ, бывшихъ въ 208 населенныхъ мѣстностяхъ съ 131.251 душами обоого пола, приходилось 186 питейныхъ домовъ!

Въ городѣ Симбирскѣ, по части начальнаго образованія, находятся: уѣздное училище, въ которомъ 103 учащихся, въ томъ числѣ крестьянъ и разночинцевъ 29; приходское училище съ 68 учащимися, изъ коихъ 26 разночинцевъ и крестьянъ; 7 школъ грамотности, гдѣ учатся 117 мальчиковъ и 77 дѣвочекъ, дѣти мѣстныхъ мѣщанъ, чиновниковъ и купцовъ; и дѣтскій пріютъ, подъ попечительствомъ общества христіанскаго милосердія, гдѣ содержатся 50 дѣвочекъ. Вообще же училищъ духовныхъ и свѣтскихъ, мужскихъ и женскихъ, 16, и въ нихъ дѣтей обоого пола 1.074.

Въ *Алатырскомъ* уѣздѣ имѣлось въ 1866 году 18 сельскихъ школъ мужскихъ, 6 женскихъ и 26 церковно-приходскихъ, изъ которыхъ послѣднія ни отъ кого не получали пособія, кромѣ самого духовенства, занимавшагося въ нихъ безмездно. Что касается до первыхъ, то изъ нихъ обезпечены были содержаніемъ только 4, прочія же

14 оставались безъ всякихъ средствъ. Учебныя пособія были только въ 6 школахъ; изъ одной же школы, Мищуконской, по допесенію мѣстнаго священника, въ 1865 году, неизвѣстно вслѣдствіе чьего распоряженія, книги были отобранны, и она осталась безъ учебныхъ пособій. Одно училище, приходское мужское въ с. Городищѣ, состоящее въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, помѣщается въ каменномъ двухэтажномъ домѣ, пожертвованномъ тайнымъ совѣтникомъ Потемкинымъ, который доставляетъ и всѣ средства на содержаніе училища и на учебныя пособія; въ немъ учитель получаетъ 240 руб., законоучитель 72 руб. въ годъ; учащихся 60 мальчиковъ, и ощущается необходимость во второмъ учителѣ по большому числу учащихся; ученіе идетъ, по свидѣтельству доклада, отлично. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ училища хорошо устроены, крестьяне изъявляютъ полное желаніе обучать дѣтей своихъ грамотѣ; но въ дурноустроенныхъ училищахъ замѣчается совсѣмъ другое. Одинъ священникъ разказываетъ, что школа, находившаяся въ с. Напольномъ, вмѣсто ожидаемыхъ успѣховъ, приносила только вредъ. Дѣти въ ней читали и писали плохо, а выучившіяся чтенію стали искать въ священныхъ книгахъ пищу для своего суевѣрія. Они спрашивали, напримѣръ: нѣтъ ли въ псалтырѣ такихъ молитвъ, при чтеніи которыхъ можно было бы заниматься съ успѣхомъ чѣмъ угодно, и добрымъ и недобрымъ? Письменность ихъ большею частію ограничивалась переписываніемъ „Словъ Богородицы“ и разныхъ наговоровъ. Были и такіе ученики, которые, выходя изъ школы съ нѣкоторою грамотностью, оставляли вовсе земледѣльческія занятія и не приносили помощи своимъ семействамъ. Такимъ образомъ, школа, мало принося пользы, по сознанію крестьянъ, причиняла имъ одни убытки, и крестьяне, не пренебрегая грамотностію, не охотно отдають дѣтей своихъ въ школы; не охотно отдадутъ и теперь, прибавляетъ священникъ, если вновь устроиваемое училище потребуетъ отъ нихъ непосильныхъ расходовъ.

Въ 1867 году, когда училища перешли уже въ вѣдѣніе земства и училищнаго совѣта, сельскихъ мужскихъ училищъ считалось 25, женскихъ 5, церковно-приходскихъ оставалось прежнее число 26. Не всѣ эти училища были осмотрѣны членами училищнаго совѣта, и потому точной цифры учащихся опредѣлить нельзя. По показанію учителей и законоучителей, въ сельскихъ училищахъ число учащихся простиралось до 506 мальчиковъ и 48 дѣвочекъ; въ церковно-приходскихъ же школахъ число это вовсе не показано. Нилѣшнее доложеніе всѣхъ нечисленныхъ школъ различно: нѣкоторыя изъ нихъ

обезпечены матеріальными средствами, другія нѣтъ, а о нѣкоторыхъ не доставлено никакихъ свѣдѣній. Одна изъ школъ, бывшая въ с. Тургаковѣ, закрылась вслѣдствіе крайне дурнаго ея расположенія. Родители, видя, что дѣти ихъ въ зимнее время теряли только здоровье отъ сидѣнья въ холодной и угарной избѣ, при неизмѣнии вообще расположенія къ отдачѣ дѣтей въ школу, не посылали ихъ туда; да и одно напоминаніе мальчикамъ о школѣ служило для нихъ, по выраженію мѣстнаго священника, „величайшимъ страхомъ“. Для улучшенія положенія сельскихъ училищъ, какъ видно изъ доклада г. Ознобишина, пока еще ничего не сдѣлано. По словесному докладу членовъ училищнаго совѣта о суммахъ, потребныхъ на обустройство училищъ и вознагражденіе учителей, земское собраніе рѣшило отложить, по причинѣ неурожайнаго года, сужденіе объ этихъ суммахъ до будущаго собранія.

Въ городѣ Алатирѣ находятся уѣздное училище съ 71 учащимся, женское 2-го разряда, въ которомъ учащихся 32, и приходское съ 61-мъ учащимся; всего же училищъ въ уѣздѣ и въ городѣ, со включеніемъ сюда одного духовнаго, г. Ознобишина насчитывается 48 ¹⁾).

Въ *Ардатовскомъ* уѣздѣ, въ 1866 году, было 37 мужскихъ училищъ и 22 женскихъ; въ первыхъ обучалось 447 мальчиковъ, въ послѣднихъ 157 дѣвочекъ. Въ числѣ обучавшихся было много инородцевъ изъ Мордвы, обоого пола. Подобно школамъ прочихъ уѣздовъ, помѣщеніе ардатовскихъ школъ было разнообразно, но бѣольшая часть ихъ не были обезпечены содержаніемъ. При всемъ томъ въ крестьянахъ замѣтно было расположеніе отдавать дѣтей въ школы во многихъ мѣстностяхъ; только при этомъ выражалось желаніе, чтобъ ученіе было непродолжительное, изъ опасенія, чтобы дѣти не отвыкли отъ сельскихъ работъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рѣдко можно было найдти отца, который не желалъ бы видѣть сына своего грамотнымъ хотя на столько, чтобъ онъ могъ пропѣть на клиросѣ, или прочесть письмо; но за то были и такія мѣстности, гдѣ родители считали грамотность дѣломъ второстепеннымъ, и даже тѣхъ дѣтей, которыя поступали въ школу, называли „бездомовными“.

Въ 1867 году въ *Ардатовскомъ* уѣздѣ, включая сюда и городъ Ардатовъ, считалось мужскихъ училищъ 46, женскихъ 31, всего 77.

¹⁾ Сложивъ всѣ вышеприведенныя цифры, слѣдовало бы считать 60. Отчего же въ докладѣ общая цифра указана 48, не объяснено: можетъ-быть, нѣкоторыя изъ училищъ, подобно Тургаковому, закрылись въ теченіе 1867 года, но объ этомъ никакихъ указаній въ докладѣ нѣтъ.

Учащихся въ нихъ 765 мальчиковъ и 261 дѣвочка, всего 1.026. Есть одна инородческая школа, гдѣ обучаетъ русскому языку и магометанскому закону природный Татаринъ. Значительное большинство всѣхъ этихъ школъ не пользуется никакимъ пособіемъ, и преподаваніе во многихъ изъ нихъ производится безвозмездно. Ардатовскій уѣздный училищный совѣтъ, озабочиваясь болѣе правильнымъ устройствомъ мѣстныхъ школъ и имѣя въ своемъ распоряженіи ассигнованные земствомъ 1.000 руб., пригласилъ помочь этому дѣлу волостныя правленія и сельскія общества. Въ то же время онъ обратился съ просьбою и къ мпровымъ посредникамъ, чтобъ они оказали свое вліяніе на подвѣдомственныхъ имъ сельскія общества, внушая имъ доставлять небольшія суммы для пріобрѣтенія учебныхъ руководствъ и пособій и необходимое отопленіе зимою. Училищный совѣтъ ходатайствовалъ также о вознагражденіи духовенства, занимающагося обученіемъ безвозмездно. По словамъ совѣта, духовенство, не видя никакихъ наградъ и поощреній, замѣтно охлаждается къ дѣлу обученія дѣтей, отчего и училища въ нѣкоторыхъ селахъ закрылись. Впрочемъ большая часть священниковъ и учителей душою преданы своему дѣлу, и совѣтъ ходатайствуетъ предъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ о разрѣшеніи денежныхъ наградъ достойнѣйшимъ.

Въ городѣ Ардатовѣ находится уѣздное училище съ приготовительными при немъ мужскими и женскими классами. Обучаются въ нихъ: въ уѣздномъ училищѣ 71 мальчикъ; въ приготовительныхъ классахъ мальчиковъ 45, дѣвочекъ 26. Въ Ардатовскомъ уѣздѣ предполагено устройство училища на завѣщаніе на этотъ предметъ умершимъ генераль-майорамъ Дуровымъ 30.000 руб., о каковомъ завѣщаніи мы въ свое время извѣщали читателей. Предположеніе это однако не осуществилось вслѣдствіе затрудненій со стороны Симбирской гражданской палаты, — затрудненій, еще не разъясненныхъ училищному совѣту.

Въ *Буинскомъ* уѣздѣ и въ городѣ Буинскѣ состояло въ 1866 году училищъ 33 мужскихъ и 28 женскихъ, всего 61. Въ нихъ учащихся мальчиковъ 1.001, дѣвочекъ 451, всего 1.452. Въ 1867 году, въ уѣздѣ числилось 42 мужскихъ школы и 22 женскихъ; въ нихъ учащихся было 1.120 мальчиковъ и 482 дѣвочки, всего 1.602. Въ городѣ Буинскѣ находится уѣздное училище, въ которомъ было 46 учащихся, приходское мужское съ 38-ю и приходское женское съ 33-мя учащимися, всего 117 чел. Буинскій уѣздъ населенъ по преимуществу Чувашиами, а между ними мало замѣтно расположенія къ грамотности. При

всемъ томъ, судя по процентному отношенію числа учащихъ къ числу жителей, грамотность развита въ этомъ уѣздѣ больше, чѣмъ въ другихъ. Такъ, въ Бунинскомъ уѣздѣ при 116.594 жителяхъ, учащихъ насчитывается 1.753, тогда какъ въ сейчасъ описанномъ Ардатовскомъ уѣздѣ на 149.040 жителей приходится только 1.026 учащихъ. Большая часть школъ Бунинскаго уѣзда хорошо обеспечены въ матеріальномъ отношеніи; при 16-ти школахъ состоятъ порядочныя бібліотечки, въ которыхъ было отъ 150 до 743 экземпляровъ, всего же въ сложности 8.397 экземпляровъ. Были впрочемъ школы, которыя вовсе не имѣли учебныхъ пособій. Питейныхъ домовъ въ этомъ уѣздѣ было только 77, а съ городскими 99.

Въ *Корсунскомъ* уѣздѣ въ 1866 году сельскихъ школъ мужскихъ было 80 и женскихъ 38; учащихъ въ нихъ 1.444 мужскаго и 343 женскаго пола, всего 1.787. При одной изъ школъ, Аргашской, заявлена была мысль объ учрежденіи читальни или небольшой бібліотечки, подобно тому, какъ это существуетъ въ пригородѣ Маломъ Корсунѣ. Многіе священники Корсунскаго уѣзда выразили желаніе, чтобы школа была обязательною для каждаго домохозяина, у котораго дитя достигаетъ 9-лѣтняго возраста, и чтобы неисполнительные въ этомъ отношеніи подвергались штрафу; а между тѣмъ, по замѣчанію г. Ознобишина, въ нѣкоторыхъ школахъ нерѣдко былъ въ употребленіи одинъ засаленный и ветхій букварь на нѣсколькихъ человекъ и даже не было черной доски и мѣлу. Впрочемъ 25 школъ уѣзда имѣли въ достаточномъ числѣ учебныя пособія, получая ихъ большею частію изъ бывшаго удѣльнаго вѣдомства и изъ волостныхъ правленій.

Въ 1867 году, по донесенію мѣстнаго училищнаго совѣта, въ Корсунскомъ уѣздѣ находилось 114 народныхъ школъ; учащихъ въ нихъ 2.224, въ томъ числѣ 1.845 мальч. и 379 дѣвоч.; по донесеніямъ же священниковъ 118 училищъ, учащихъ 1.912 муж. и 389 жен. пола, всего 2.301. Послѣдняя цифра, по мнѣнію г. Ознобишина, вѣрна. Въ числѣ учащихъ находятся 4 магометанина.

Земство Корсунскаго уѣзда приняло участіе въ устройствѣ мѣстныхъ училищъ, отпустивъ на этотъ предметъ 1.000 руб., а училищный совѣтъ большую часть этой суммы употребилъ на выписку учебниковъ. Училищный совѣтъ, указывая на непрерывно распространяющееся въ народѣ убѣжденіе въ пользѣ грамотности, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ, что мировые посредники оказывали совѣту искреннее содѣйствіе, вслѣдствіе чего были выстроены во многихъ мѣстахъ

новыя школы, а прежнія безобразныя караулки и неудобныя тепляки получили приличное для школы устройство. Благотворное вниманіе къ школамъ оказываемо было также и мѣстными землевладѣльцами. Въ числѣ школъ, содержащихся на средства частныхъ лицъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія: 1) приготовительный классъ для дѣвочекъ въ гор. Корсунѣ, на содержаніе котораго главнымъ жертвователемъ былъ Корсунскій уѣздный предводитель дворянства Д. А. Бестужевъ, и на который идутъ также суммы изъ городскихъ доходовъ и изъ сбора съ кунеческихъ капиталовъ; и 2) сельское училище въ с. Сосновкѣ, въ которомъ на средства землевладѣльцы В. Е. Родионовой обучается 78 мальчиковъ и 13 дѣвочекъ.

Корсунскій уѣздный училищный совѣтъ, ходатайствуя о постоянномъ и опредѣленномъ вознагражденіи законоучителямъ и учителямъ народныхъ училищъ изъ суммъ земства, пришелъ къ убѣжденію въ необходимости спеціальнаго приготовленія народныхъ учителей, для замѣны многихъ изъ нынѣ занимающихъ эти должности. Совѣтъ предлагаетъ избрать такихъ кандидатовъ на учительскія должности изъ способнѣйшихъ мальчиковъ, нынѣ обучающихся въ сельскихъ училищахъ, опредѣливъ нормальное число ихъ по каждому уѣзду. Избраніе ихъ должно происходить или изъ способнѣйшихъ сиротъ, или, съ согласія родителей, изъ большихъ бѣдныхъ семействъ. Избраннымъ мальчикамъ должно назначить опредѣленное денежное содержаніе, и затѣмъ помѣстить ихъ подъ руководство лучшихъ наставниковъ школъ, въ качествѣ помощниковъ или ретенторовъ, на три года, обязавъ ихъ, по окончаніи приготовленія, прослужить въ званіи учителей опредѣленное число лѣтъ, при обезпеченномъ вознагражденіи.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ Корсунскомъ уѣздѣ народное образованіе встрѣчаетъ со всѣхъ сторонъ отрадное сочувствіе, вслѣдствіе чего оно находится здѣсь въ несравненно лучшемъ положеніи, чѣмъ въ прочихъ уѣздахъ Сибирской губерніи. Къ несчастію, и число интеллигентныхъ домовъ весьма значительно, а именно, 354, а съ городскими — 405.

Въ *Курманскомъ* уѣздѣ въ 1866 году, по донесеніямъ благочинныхъ, было 13 школъ мужскихъ со 102 учащимися и 12 женскихъ съ 65 учащимися; но въ этомъ числѣ не упомянуты 6 школъ, въ которыхъ обучалось 228 мальчиковъ и 58 дѣвочекъ. Въ 1867 году число сельскихъ школъ было 29; церковно-приходскихъ по однимъ свѣдѣніямъ 9, по другимъ 11; въ нихъ обучалось по однимъ свѣдѣніямъ 280, а по другимъ 249 мальчиковъ и 98 дѣвочекъ. Татарскихъ школъ было

15 мужскихъ и 3 женскихъ; въ нихъ учащихся 877 мальчиковъ и 82, а по другимъ свѣдѣніямъ, 62 дѣвочки. Вообще свѣдѣнія о школахъ Курмишскаго уѣзда сбивчивы и скудны. Неизвѣстно даже, посѣщались ли какъ русскія, такъ и татарскія школы кѣмъ-либо изъ членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта; не показано также, обучаются ли Татары русскому языку.

Въ *Сенгилеевскомъ* уѣздѣ въ 1866 году состояло 70 училищъ, въ томъ числѣ 49 мужскихъ и 21 женское. Въ первыхъ обучалось 1.018 мальчиковъ, въ послѣднихъ 179 дѣвочекъ, всего 1.197 душъ. Помѣщеніе большей части этихъ школъ было крайне скудное, вслѣдствіе, чего нѣкоторыя школы начали закрываться. Замѣчательно, что одна изъ школъ этого уѣзда, находившаяся въ с. Чертановѣ, закрылась за неимѣніемъ будто бы помѣщенія, тогда какъ населеніе этого села состоитъ изъ 2.000 душъ и въ немъ болѣе 250 дворовъ. Къ довершенію неудачи, нѣкоторые законоучители охладѣли къ своимъ занятіямъ, вслѣдствіе раздробленія волостныхъ школъ на сельскія, отчего уменьшилось или совсѣмъ прекратилось и ихъ жалованье.

Въ 1867 году, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ предсѣдателя Сенгилеевскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, мужскихъ училищъ въ городѣ и уѣздѣ числилось 55, женскихъ 25, и сверхъ того существовала одна школа для раскольниковыхъ дѣтей, гдѣ обучалось 5 мальчиковъ. Число учащихся въ мужскихъ школахъ 1.082, въ женскихъ 207, всего 1.289. Положеніе всѣхъ этихъ школъ весьма незавидно: не говори о помѣщеніи, которое оставалось и въ этомъ году такимъ же, каковымъ оно было въ 1866 году, въ нѣкоторыхъ училищахъ законоучителями состоятъ причетники, въ другихъ вовсе нѣтъ законоучителей. Введено ли преподаваніе русскаго языка въ двухъ магометанскихъ школахъ, гдѣ учатъ муллы, неизвѣстно. Снабжены ли школы книгами и необходимыми учебными пособиями, также неизвѣстно. Члены училищнаго совѣта оказали полное равнодушіе къ дѣламъ мѣстныхъ школъ; въ большинство изъ нихъ, а можетъ-быть, и во всѣ, никто изъ членовъ совѣта не заглядывалъ; члены отъ земства ни разу не присутствовали на совѣтѣ въ теченіе всего 1867 года. Оттого и отчетъ о школахъ Сенгилеевскаго уѣзда не могъ быть составленъ въ свое время для земскаго собранія.

Въ послѣднемъ, *Сызранскомъ* уѣздѣ школъ въ 1866 году было, по вычисленію г. Ознобишина, до 63, не считая многихъ земскихъ. Въ нихъ обучалось мальчиковъ 1.057, дѣвочекъ 217, всего 1.274. Въ 1867 году число народныхъ школъ въ городѣ Сызранѣ и уѣздѣ

его простиралось, по тѣмъ свѣдѣнiямъ, которыя доставлены были г. Ознобишину, до 52, въ томъ числѣ 36 мужскихъ, 1 женская и 15 смѣшанныхъ. Учащихся въ нихъ было мальчиковъ 1.074, въ томъ числѣ 35 магометанъ, и 198 дѣвочекъ, изъ которыхъ 1 лютеранка. Изъ всѣхъ этихъ школъ 36 пробавлялись одними букварями, или вовсе не имѣли ни книгъ, ни учебныхъ пособiй. Не только кончившихъ въ какомъ-нибудь заведенiи курсъ учителей, но даже и законоучителей не было, или они не являлись въ училища, такъ что законъ Божiй преподавали въ одной школѣ мѣщанинъ, не кончившiй курса въ Симбирской гимназiи, въ другой крестьянинъ-собственникъ, въ третьей волостной писарь, что прямо противорѣчитъ положенiю о начальныхъ народныхъ училищахъ. Сызранскiй уѣздный училищный совѣтъ, какъ видно, равнодушенъ ко всѣмъ этимъ безпорядкамъ, потому что онъ не потрудился даже сообщить о нихъ губернскому училищному совѣту. Г. Ознобишинъ приглашаетъ губернское земство обратить вниманiе по крайней мѣрѣ на матеріальное устройство школъ и на снабженiе ихъ книгами; что же касается до преподавателей, то распоряженiе о замѣщенiи должностей ихъ благонадежными людьми, по крайней мѣрѣ вшущенными и остающимися безъ мѣстъ семинаристами, лежитъ на обязанности губернскаго училищнаго совѣта, который долженъ сдѣлать немедленное о томъ распоряженiе; иначе по необходимости придется закрыть многія школы.

Общiй выводъ изъ всѣхъ представленныхъ въ докладѣ г. Ознобишина свѣдѣнiй заключается въ слѣдующемъ:

Для всего, болѣе чѣмъ миллионнаго, населенiя Симбирской губернии имѣется 490 школъ разнаго наименованiя, не считая тѣхъ, которыя подвѣдомственны министерству народнаго просвѣщенiя. Въ этихъ школахъ обучается обоюдо пола дѣтей только 10.672 душъ, что составляетъ значительно менѣе одной сотой доли народонаселенiя, тогда какъ для того же народонаселенiя имѣется 1.789 однихъ питейныхъ домовъ, не считая штофныхъ лавочекъ, винныхъ складовъ и другихъ принадлежностей акцизнаго вѣдомства, что, по справедливому замѣчанiю г. Ознобишина, представляетъ весьма печальную цифровую пропорцiю сравнительно съ меньшимъ въ четыре раза количествомъ школъ.

Положенiе мѣстныхъ школъ крайне неудовлетворительно. Въ этомъ отношенiи особенное вниманiе обращаетъ на себя Сызранскiй уѣздъ, гдѣ цѣлыя десятки школъ существовали даже безъ букварей, помѣщались въ безобразныхъ, смрадныхъ и плохо отапливаемыхъ церков-

нихъ караулахъ и нерѣдко не имѣли ни хорошихъ учителей, ни учебныхъ принадлежностей. Въ лучшемъ положеніи, сравнительно съ другими, находится уѣзды Корсунскій, Бунинскій и Ардатовскій.

Относительно денежныхъ средствъ изъ доклада явствуетъ, что сборы съ сельскихъ приходовъ и крестьянскихъ обществъ, назначенныя на обученіе грамотѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ весьма скудны, въ другихъ, хотя и достаточны, но расходуются непроизводительно и безъ всякаго контроля.

Посѣщеніе школъ воспитанниками не постоянно. Дѣти являются въ школы съ большими пропусками, чему не мало способствуютъ сами родители, недостаточно понимающіе пользу просвѣщенія и удерживающіе ихъ, подъ разными предлогами, дома. Однимъ словомъ, нѣтъ во всемъ этомъ необходимаго порядка.

Многія частныя лица, землевладѣльцы и духовенство содѣйствовали своими пожертвованіями и трудами возможному распространенію грамотности и улучшенію школъ.

Въ заключеніе своего доклада, г. Ознобишинъ предлагаетъ нѣсколько практическихъ мѣръ къ улучшенію начальнаго образованія въ Симбирской губерніи. Мѣры эти слѣдующія:

1. Вывести дѣтей изъ безобразныхъ, холодныхъ и смрадныхъ карауловъ, составляющихъ почти третью долю школьныхъ помѣщеній, для чего обратиться чрезъ губернскую управу къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ съ просьбою о безвозмездной выдачѣ лѣсныхъ матеріаловъ для устройства школъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне обращаются къ нимъ съ этою просьбой чрезъ своихъ волостныхъ старшинъ.

2. Просить губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, дабы оно отнеслось къ мировымъ посредникамъ съ предложеніемъ: а) усилить старанія къ склоненію сельскихъ обществъ составлять приговоры для уравнительнаго сбора къ возведенію и содержанію школъ и для приличнаго вознагражденія учащихъ; б) завести при сельскихъ школахъ особыя книги для записыванія поступающихъ съ крестьянъ сборовъ и отчета въ расходахъ, — каковыя книги должны быть открыты для просмотра и отмѣтокъ каждому изъ членовъ училищнаго совѣта; в) предписать волостнымъ старшинамъ — имѣть наблюденіе лично или чрезъ сельскихъ старостъ, чтобы дѣти исправно ходили въ школы и чтобы школы имѣли сторожей для наблюденія за чистотою въ школахъ и для исправнаго отоплванія, и г) дѣлать строгія внушенія на мірскомъ сходѣ тѣмъ изъ родителей, которые удерживаютъ дѣтей своихъ дома; тѣхъ же, которыхъ дѣти поступили

въ школу и посѣщаютъ ее исправно, избавить на первое время, въ примѣръ и поощреніе прочимъ, отъ очередныхъ почныхъ карауловъ.

3. Просить Симбирскую гражданскую палату объ оказаніи содѣйствія къ выполненію завѣщанія генераль-майора Дурова въ тѣхъ его частяхъ, которыя относятся къ устройству народнаго училища въ с. Покровскомъ.

4. Определить, по усмотрѣнію губернскаго земства, если денежная смѣтная раскладка уже составлена и утверждена, хотя изъ остатковъ ея, извѣстную сумму денегъ на подготовку изъ крестьянскихъ мальчиковъ школьныхъ учителей, какъ это предлагаетъ Кореунскій уѣздный училищный совѣтъ, но не для Кореунскаго, а для Сызранскаго уѣзда, гдѣ чувствуется крайній недостатокъ въ учителяхъ, и назначить особую, прибавочную къ смѣтѣ сумму изъ губернскаго сбора, для губернскаго училищнаго совѣта, на выдачу какъ денежныхъ наградъ учащимъ, такъ небольшихъ подарковъ учащимся, въ поощреніе.

Наконецъ, 5. если имѣются приобрѣтенныя губернскимъ земскимъ собраніемъ или губернской управою учебныя книги и руководства, то представить списокъ ихъ въ губернской училищный совѣтъ, и по указанію его, разослать означенныя книги въ тѣ училища, которыя въ нихъ нуждаются.

Относительно замѣны неудовлетворительныхъ преподавателей и программы, расширенной въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ членами уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ за предѣлы, назначенные положеніемъ, г. Озвобившииъ намѣренъ былъ сдѣлать особое представленіе губернскому училищному совѣту.

ОБЪ ОТКРЫТІИ КОРОЧАНСКОЙ ПРОГИМНАЗІИ.

По назначеніи и прибытіи въ Корочу къ должности инспектора и преподавателей прогимназій, открыты были засѣданія педагогическаго совѣта ея, занятія котораго состояли главнымъ образомъ въ испытаніи желавшихъ поступить въ прогимназію, — днемъ открытія которой, по соглашенію педагогическаго совѣта съ предѣдателемъ Корочанскаго земства (нынѣ почетнымъ попечителемъ прогимназій), назначено было 25-е августа, къ каковому дню прибылъ въ г. Корочу и г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа. 25-го августа, по выслушаніи въ городскомъ соборѣ божественной литургіи, въ концѣ которой законоучителемъ прогимназій Вирславскимъ произнесено было слово о вліяніи образованія на религіозно-нравственное воспитаніе чловѣка, присутствовавшіе въ церкви чиновники и преподаватели прогимназій и другіе почетнѣйшіе граждане Корочи, члены земства и судебного мирового округа отправились въ залъ прогимназій, гдѣ, послѣ объявленія г. попечителемъ округа объ открытіи прогимназій въ Корочѣ на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 29-й день января текущаго года мнѣнія государственнаго совѣта, совершено было благочиннымъ городскихъ церквей, въ сослуженіи законоучителей прогимназій и городскихъ приходскихъ училищъ, молебствіе предъ началомъ ученія. Затѣмъ псправляющимъ должность инспектора прогимназій прочитана записка о ходѣ дѣла по открытію въ Корочѣ прогимназій, и о томъ ея состояніи, въ какомъ она находилась въ день ея открытія. Актъ заключился гимномъ: Боже Царя храни.

Къ дню открытія въ прогимназію поступило 52 воспитанника: изъ нихъ въ 1-й классъ — 33, во 2-й — 8, въ 3-й — 5 и въ 4-й — 6. По открытіи прогимназій еще принято 8 чловѣкъ, такъ что къ 6-му сентября всѣхъ учениковъ считалось 60.

Согласно постановленію земскаго собранія Корочанскаго уѣзда, открыты всѣ четыре класса прогимназій.

По открытіи прогимназій ученіе во всѣхъ классахъ начато 27-го августа, по распредѣленію, составленному на основаніи устава гимназій и прогимназій.

ОБЪ ОТКРЫТІИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ ВЪ РИГѢ.

Директору Александровской гимназій въ РигѢ поручено было принять всѣ необходимыя мѣры къ открытію Ломоносовской женской гимназій,—съ цѣлю устраненія тѣмъ всякаго замедленія, которое могло бы произойти отъ того, что г. попечитель Дерптскаго учебнаго округа не имѣлъ возможности лично пребывать въ г. РигѢ, при чемъ предложено было директору доводить о всякой предпринимаемой имъ мѣрѣ до свѣдѣнія г. генераль-губернатора и не иначе приступать къ исполненію, какъ по полученіи на то одобренія и согласія генераль-адъютанта Альбединскаго.

На семь основаній объявлено въ *Рижской Газетѣ* объ открытіи Ломоносовской гимназій съ приглашеніемъ заявлять о поступающихъ туда директору Александровской гимназій, а также сдѣлано распоряженіе о составленіи, при пособіи архитектора, проекта и смѣты на постройку въ будущемъ дома для гимназій и о присканіи помѣщенія для найма подъ гимназію въ настоящее время.

Нынѣ получено донесеніе директора Александровской гимназій о томъ, что на общемъ собраніи жертвователей слѣдующія лица избраны въ члены попечительнаго совѣта женской Ломоносовской гимназій: коллежскій совѣтникъ Чешихинъ, статскій совѣтникъ Александровъ, почетный гражданинъ Сергѣй Шутовъ, купецъ Павлинъ Поповъ.

Въ непремѣнные члены со стороны города назначенъ городскимъ начальствомъ бургомистръ Гроссъ.

Прибалтійскій генераль-губернаторъ, озабочиваясь скорѣйшимъ учрежденіемъ Ломоносовской гимназій, предоставилъ директору право по собственному усмотрѣнію собирать попечительный совѣтъ, впредь до полнаго его состава.

Первое засѣданіе совѣта было 9-го сентября, и результатъ его былъ слѣдующій:

1) Предсѣдателемъ совѣта избранъ большинствомъ голосовъ директоръ Александровской гимназiи.

2) Званiе попечительницы опредѣлено предложить супругѣ его превосходительства г. Прибалтiйскаго генераль-губернатора, Александрѣ Сергѣевнѣ Альбединской.

3) Въ главныя надзирательницы избрана вдова коллежскаго ассесора Екатерина Любимовна Максимовская, проживающая въ настоящее время въ Москвѣ. Опредѣлено увѣдомить г-жу Максимовскую объ ея избранiи и просить ея о доставленiи документовъ, въ случаѣ согласiя ея принять предлагаемое званiе.

4) Въ преподаватели избраны учителя Александровской гимназiи: священникъ Щелкуновъ ¹⁾ — закона Божiя, г. Марудинъ — русскаго языка, г. Шиховъ — математики, физики и естественной исторiи, г. Милевскiй — исторiи и географiи, г. Картуи — французскаго языка и г. Маасепъ — нѣмецкаго языка.

5) Опредѣлено нанять помѣщенiе въ домѣ Казака, на Петербургскомъ Форштадтѣ, въ Новой улицѣ, и заключить контрактъ на 2½ года, съ платою по 1.000 руб. въ годъ.

6) Употребить на первоначальное обзаведенiе до 1.200 руб.

7) Заготовить заблаговременно, для отопленiя помѣщенiя гимназiи, 30 сажень дровъ.

8) Изъ числа кандидатокъ въ классныя дамы избраны: дочь статскаго совѣтника Лидiя Александрова, дочь чиновника Олимпiада Чепихина и г-жа де-Мери.

9) Плата за ученiе обязательнымъ предметамъ назначена по 30 руб. въ годъ.

10) Предположено открыть въ наступающемъ октябрѣ мѣсяцѣ три младшiе класса гимназiи: I, II и III.

11) Разсмотрѣна и одобрена смѣта расходовъ по содержанiю гимназiи въ 18^{68/69} учебномъ году.

12) Ревизiя гимназическихъ суммъ назначена 19-го сентября, въ 10 часовъ утра, въ Лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ, а вечеромъ того же числа имѣеть быть второс засѣданiе совѣта.

13) Въ дѣлопроизводители совѣта избранъ учитель Александровской гимназiи г. Шиховъ.

---

¹⁾ Священникъ Щелкуновъ нашелъ невозможнымъ соединить съ лежащими уже на немъ обязанностями еще обязанности законоучителя въ Ломососовской гимназiи, вслѣдствiе чего избранъ другой законоучитель.

14) Определено объявить въ мѣстныхъ газетахъ, что пріемныя испытанія начнутся 2-го октября сего года.

По случаю продолжительнаго отсутствія г. Прибалтійскаго генераль-губернатора, открытіе женской Ломоносовской гимназій въ Ригѣ послѣдовало не 6-го октября, какъ было предложено прежде, а 13-го октября.

Въ присутствіи гг. генераль-губернатора, директора реальной гимназій, который замѣщалъ при этомъ торжествѣ г. попечителя Дерптскаго учебнаго округа, гражданскаго губернатора, городскихъ бургомистровъ, многочисленныхъ жертвователей, ученицъ и ихъ родителей, совершенно было преосвященнымъ Веніаминомъ, епископомъ Ревельскимъ, торжественное молебствіе съ водоосвященіемъ, послѣ чего помѣщеніе гимназій окроплено было святою водою.

На другой день 14-го октября началось ученіе, послѣ общей молитвы, совершенной священникомъ Вѣликовымъ.

Смѣта расходовъ на учебный 18⁶⁸/69 годъ по содержанію Ломоносовской гимназій.

I, II и III классы.

Законъ Божій, 6 уроковъ	240 руб.
Русскій языкъ, 1 урокъ	40 "
Французскій языкъ, 2 урока	80 "
Нѣмецкій языкъ, 1 урокъ	40 "
Ариметика, 8 уроковъ	320 "
Исторія, 2 урока	80 "
Географія, 4 урока	160 "
Естественная исторія, 4 урока	160 "
Числосчисленіе и рисованіе, 8 уроковъ	200 "
	1.320 руб.
Жалованье: начальницѣ	600 руб.
3 класснымъ дамамъ	900 "
прислугѣ	240 "
Отопленіе	100 "
Помѣщеніе	1.000 "
Учебныя пособія	150 "
Библиотека	100 "
Канцелярія	60 "
Дѣлопроизводителю	120 "

ОБЪ ОТКРЫТИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ ВЪ РИГѢ. 161

Освѣщеніе	50 руб.
Мелочные расходы	100 "
	<u>3.420 руб.</u>
Первоначальное обзаведеніе	1.200 "
Всего	<u>5.940 руб.</u>

Ожидаемый доходъ въ 18^{68/69} учебномъ году.

Изъ Государственнаго казначейства	3.000 руб.
Изъ городскихъ доходовъ	1.000 "
Сборъ съ 50 ученицъ (мінімумъ) по 30 руб.	1.500 "
% съ капитала " около	500 "
Всего	<u>6.000 руб.</u>
Расходъ	5.940 "
Въ остаткѣ	<u>60 руб.</u>

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
Ф. А. ВИТЕПАЖА

(Въ Гостинномъ дворѣ, по Невскому проспекту, № 6-й).

ТОЛЬКО-ЧТО ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ:

**Латинско-русскій словарь, приспособлен-
ный въ гимназическому курсу, составилъ г. Шульцъ.**
Изданіе дополненное. Сиб. 1868. Цѣна 1 руб. 85 коп.

Гг. книгопродавцамъ и учебнымъ заведеніямъ дѣлается зна-
чительная уступка.

Оглавление

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ.....	1
I. Высочайшие повеления.....	3
II. Высочайшие приказы.....	7
III. Министерские распоряжения.....	8
IV. Приказ управляющего Министерством Народного Просвещения, товарища министра.....	21
V. Официальные извещения.....	23
ДЖОН СТЮАРТ КАК ЭКОНОМИСТ.....	1
I. Научный метод Милля в применении к политической экономии.....	3
II. Общий взгляд Милля на систему политической экономии и на главную ее задачу.....	20
III. Производство.....	30
IV. Распределение богатств.....	40
V. Мена.....	56
VI. Влияние прогресса.....	78
VII. Влияние правительства.....	84
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ДРЕВНЕЙ РОССИИ.....	101
I. Волость.....	103
II. Отношение князя и волости.....	118
III. Противоречия древнерусского государственного быта.....	129
ПЕРВЫЙ ГОД СИНОДАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	144
Описание документов и дел, хранящихся в архивах святейшего правительствующего синода (Т. 1: 1542-1721. СПб. 1868).....	144
ПИСЬМА О ЛИТЕРАТУРНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ ХОРВАТСКОГО КОРОЛЕВСТВА.....	181
II. Книги для народного чтения. Учебники. Литература ученая. Беллетристика.....	181
III. Политические партии и их представители: Кукулевич и Боготович.....	190

ПО ВОПРОСУ О МАЛОУСПЕШНЫХ УЧЕНИКАХ НАШИХ
ГИМНАЗИЙ.....199

КРИТИЧЕСКИЕ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ...221

1. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северозападной Руси. Издаваемый при управлении Виленского учебного округа Т. 1-4. Вильна. 1867 г.....221
2. *Lexicon Vindobonense. Resensuit et adnotatione critica instruxit Augustus Nauck. Accedit appendix, duas Photee homilias et alia opuscula continens. Petropoli a.1867. LIII и 404.....246*

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.....254

1. Руководство к обучению грамоте по звуковой методе, составленное бароном Корфом, членом Александровского уездного училищного совета. 1867 г.....254
2. Дар слова (Книга для чтения, письма и наглядных бесед по картинам «Времена года» с детьми 9-11 лет). Сост. Д. Семенов. Опыт дидактического руководства к преподаванию русского языка 9-11-летним детям в школе и дома по книге «Дар слова» и картинам «Времена года», его же (СПб. 1868 г.).....255
3. Чтение для детей младшего возраста. Составил Е. Клостерман, учитель русского языка и словесности в главном немецком евангелическом училище в Варшаве (Варшава 1868 г.).....256
4. Литературные гости в России. Учебное руководство, - составил и любителям русского языка в Прибалтийском крае посвятил Д.В. Мевес (Дерпт 1867 г.).....257
5. Латинская этимология, составленная Густавом Вульфом. Издание третье. М. 1866 г.....260
6. Французская грамматика с упражнениями в переводе и разговоре, или теоретико-практическое изучение французского языка. Составил В. Пржибыльский. Курс первый. СПб. 1865. Курс второй. СПб. 1867 г.....261
7. Новая метода Оллендорфа научиться языку в шесть месяцев. Французская грамматика для русских. Составил Павел Фукс. Второе издание. Франкфурт на Майне. 1867 г.....265
8. Ключ к урокам французской грамматики, составленной для русских по методе Оллендорфа Павлом Фуксом. Второе издание. Франкфурт на Майне. 1867 г.....265

9. Новая метода Оллендорфа научиться языку в шесть месяцев. Немецкая грамматика для русских. Составил Павел Фукс. Второе издание. Франкфурт на Майне. 1864 г.....	265
10. Ключ к урокам немецкой грамматики, составленной для русских по методу Оллендорфа Павлом Фуксом. Второе издание. Франкфурт на Майне. 1864 г.....	265
11. Руководство к практическому изучению немецкого языка, составленное по методу Робертсона И. Фидлером. Курс I. Издание третье. М., 1867 г.....	269
12. Самое необходимое из немецкой грамматики. Отдельно отпечатано из Руководства к практическому изучению немецкого языка. Курс I. Составлено И. Фидлером. М., 1867 г.....	269
13. Учебник немецкого языка. Составил К. Маак, учитель VII-й С.-Петербургской гимназии. Курсы I, II, III и IV-го классов. СПб., 1867 г.....	271
14. Курс арифметики для начальных народных училищ, г. Примерова. М., 1867 г.....	273
15. Рациональная арифметика. В. Кондратовича. СПб., 1867 г.....	274
16. Опыт популярного изложения планиметрии, М. Серебровского, учителя Казанского уездного училища. Казань, 1868 г.....	275
17. Начальная алгебра, составленная Е. Пржевальским. М., 1867 г.....	276
18. На досуге. Этюды по естествознанию. А. Острогорского. СПб., 1865 г.....	277
19. Карта Европейской России и Сибири на 4-х листах, составленная А. Шевелевым, полковником генерального штаба. СПб., 1868 г.....	278

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.....	1
1. Сведения о числе учившихся в наших гимназиях с 1857 по 1866 год. Харьковский учебный округ.....	1
2. Одесский учебный округ.....	8
3. Дерптский учебный округ.....	14
4. Сибирские гимназии.....	18
5. Приложения.	
5.1. Извлечения из замечаний окружных начальств и директоров гимназий. Харьковский учебный округ.....	25
5.2. Одесский учебный округ.....	46
5.3. Управление Николаевских учебных заведений.....	59

5.4. Дерптский учебный округ.....	62
5.5. Сибирь.....	66
6. Сообщение Ковенской гимназии.....	78
7. Поправка.....	81

ИЗВЕСТИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНИИ НАШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.....	83
1. Университеты.....	83
2. Гимназии.....	106
3. Начальные народные училища.....	112

НАРОДНЫЕ УЧИЛИЩА В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ....143

ОБ ОТКРЫТИИ КОРОЧАНСКОЙ ГИМНАЗИИ.....156

ОБ ОТКРЫТИИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ЖЕНСКОЙ
ГИМНАЗИИ В РИГЕ.....158

